

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет государственного управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Материалы XVIII Международной конференции (7 декабря – 10 декабря 2021 г.)

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом
МОСКВА
2022

УДК 35(063)
ББК 66я431
Г72

Г72 **Государственное управление: современные вызовы.** Материалы XVIII Международной конференции (7 декабря – 10 декабря 2021 г.) : [Сборник], [электронное издание сетевого распространения] / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Добросвет», 2022. – 354 с. – URL: <https://bookonlime.ru/node/47866>. – doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1237-2-2022-354.

ISBN 978-5-7913-1237-2

В сборник включены доклады и выступления участников международной конференции по ряду актуальных проблем государственного управления, в числе которых: подходы к трансформации государственного управления в эпоху цифровизации, характер построения публичного пространства государственного управления с целью решения актуальных проблем организации и осуществления публичной власти и управления, актуальные задачи для построения устойчивого развития государства и бизнеса в контексте современных глобальных процессов с учетом последствий пандемии. Представлены результаты обсуждения наиболее важных и актуальных проблем управления с точки зрения основных тенденций развития экономики, права, публичной политики, идеологии, гражданского общества, социальной сферы, международных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой. Разработаны рекомендации по совершенствованию теоретических основ и практических аспектов рассматриваемых явлений.

Для исследователей, преподавателей, студентов, аспирантов, управленцев-практиков, всех, интересующихся проблемами государственного управления.

УДК 35(063)
ББК 66я431

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кудина Марианна Валерьевна, д-р экон. наук, профессор,
заместитель декана по научной работе,
зав. кафедрой экономики инновационного развития факультета
государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Ишеков Константин Анатольевич, д-р юрид. наук, доцент,
руководитель научного отдела факультета
государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Ленков Илья Николаевич, канд. экон. наук, сотрудник научного отдела,
доцент кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической
деятельностью факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова;

Сергеев Степан Сергеевич, специалист центра инновационного
проектирования, сотрудник научного отдела факультета
государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Сухарева Мария Алексеевна, канд. экон. наук, сотрудник научного отдела,
ассистент кафедры экономики инновационного развития факультета
государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ	8
ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ДАТЫ НАСТУПЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО БАНКРОТСТВА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ <i>Городилов М.А., Беляев А.С.</i>	9
УПРАВЛЕНИЕ НАЛОГОВЫМИ ЛЬГОТАМИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Дубровина Д.И.</i>	16
КОНЦЕПЦИЯ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ АФФИНАЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ <i>Капашев А.К., Гвозданный В.А.</i>	24
ВЛИЯНИЕ БИРЖЕВОЙ АКТИВНОСТИ НА ДИНАМИКУ КОМПЛЕКСНОГО ИНДЕКСА ШАНХАЙСКОЙ ФОНДОВОЙ БИРЖИ <i>Конягина М.Н.</i>	29
КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ <i>Логунцова И.В.</i>	36
МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КОМПАНИЙ ДОБЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА <i>Маликова О.И., Папенов К.В., Хауг А.К.</i>	41
ВЛИЯНИЕ ИНЦИДЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА КОТИРОВКИ БУМАГ ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ <i>Меркина Е.В., Леушин Н.С.</i>	47
НЕОБХОДИМОСТЬ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ <i>Рудомётов С.С.</i>	54
СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА (ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ) <i>Хмыз О.В., Алексеева С.А.</i>	60
ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА	67
ПОДЧИНЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ УЛУЧШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Аракелян Н.Р., Аракелян А.Э.</i>	68
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ БАНКОВСКИХ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ <i>Галкин И.В.</i>	75
ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ <i>Герасимов Е.Л., Герасимова Е.М.</i>	84

Возможности использования искусственного интеллекта в целях планирования экономического развития <i>Евтянова Д.В.</i>	90
Цифровизация стратегического планирования: смена ориентиров <i>Жиряков В.А.</i>	95
Роль цифровизации в региональном развитии в посткризисный период <i>Захарова И.А.</i>	101
Цифровые инструменты в управлении персоналом <i>Коновалов М.А.</i>	107
СУПТЕХ: развитие финансового надзора в условиях цифровизации <i>Кузнецова В.В.</i>	113
Цифровизация трудовых отношений <i>Панова Е.А.</i>	119
Трансформация контроля персонала в цифровом обществе <i>Пугачев В.П.</i>	124
Цифровая миграция как форма академической мобильности в условиях пандемии COVID-19 <i>Рябинина А.М.</i>	130
Стратегическое планирование деятельности организации как фактор развития бизнеса в условиях цифровой экономики <i>Сульдина Г.А., Поминова А.И., Владимирова С.А.</i>	139
Риски цифровизации налоговой сферы <i>Чурзина И.В.</i>	145
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	151
Создание центров управления в интересах обеспечения национальной безопасности и государственного управления в Российской Федерации <i>Бойцов И.Г.</i>	152
Кризис модели европейской интеграции через призму финансового, миграционного и пандемического кризисов <i>Дубинин А.А.</i>	158
Лучшие муниципальные практики по итогам всероссийского конкурса 2020 года <i>Кошкидько В.Г.</i>	165
О возможности дифференциации и природных и техногенных эффектов при динамическом воздействии крупного гидротехнического сооружения в целях оптимизации управления эксплуатацией приплотинных территорий <i>Шумакова Е.М., Митина Н.Н., Макурин Д.Н., Макурин Д.Н., Ващенко М.О.</i>	171
Роль и место корпоративной культуры в системе стратегического управления организацией <i>Ян Чжичэн</i>	176

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ УПРАВЛЕНИЯ	181
Возможности технологий больших данных в решении социальных задач устойчивого развития <i>Гончарова И.В.</i>	182
Дифференциация деятельности системы здравоохранения регионов Сибирского федерального округа <i>Копуш Д.М.</i>	188
EDTECH (EDUCATION TECHNOLOGIES) — новый этап в развитии сферы образования <i>Нуралиева Э.К.</i>	195
Развитие сотрудничества университетов и бизнеса на региональном уровне в условиях пандемии <i>Сидорова А.А.</i>	201
Оценка эффективности корпоративного обучения. Ключевая роль цифровых технологий <i>Синицына М.Н.</i>	207
ВОПРОСЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ	214
Социально-гуманитарное сотрудничество и публичная дипломатия России в период пандемии COVID-19: вызовы, конфликты, возможности <i>Андреева Н.В.</i>	215
Конституционные основы публичной власти и университетской автономии <i>Горский-Мочалов В.Л.</i>	220
Проблемы доказательности латентных механизмов в публичном пространстве государственной политики <i>Коньков А.Е.</i>	226
ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ	232
Предупреждение рисков прекращения права пользования недрами компаниями нефтегазового сектора <i>Никитина Н.К., Степанова А.В.</i>	233
Символическая функция доказательной политики <i>Пушкарева Г.В.</i>	239
Маркетинговая революция в политике: последствия и перспективы <i>Пшизова С.Н.</i>	244
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ	250
«Опыт России» в оценках итальянского антифашиста Пьеро Гобетти <i>Наумова Е.П.</i>	251
Управление издательским делом в годы НЭПа <i>Попова В.В.</i>	259

ФОРМУЛА БАРНЕТТА: ЗА И ПРОТИВ <i>Пронкин С.В.</i>	264
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА, КАК УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ <i>Сахаров В.А.</i>	271
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СССР В ИНДИИ В 1953–1964 ГОДЫ <i>Штода А.Е.</i>	277
ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	283
ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК СИСТЕМА КООРДИНАТ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ КОМПАНИИ <i>Бобылева А.З.</i>	284
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СУБЪЕКТОМ РФ <i>Булетова Н.Е.</i>	292
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ «ЗЕЛЕННЫЕ» ЗАКУПКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ) <i>Кирюшин П.А., Емец Е.А.</i>	301
АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ДИАГНОСТИКИ УСТОЙЧИВОСТИ БИЗНЕСА <i>Климова И.О.</i>	307
ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ <i>Малькова И.В.</i>	314
ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ ЭНЕРГИИ В МИРЕ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ <i>Митина Н.Н.</i>	322
ПЕРЕХОД К МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ <i>Ряскова Е.С.</i>	329
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕРЕГОПОЛЬЗОВАНИЯ АЗОВСКОГО МОРЯ <i>Беспалова Л.А., Бердников С.В., Хаванский А.Д., Беспалова Е.В.</i>	335
НОВЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	342
ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛЬНОМ И ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВАХ У БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ <i>Вершинина М.И.</i>	343
РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ МУЛЬТИНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ <i>Павлова А.Е.</i>	348

Экономические вопросы управления

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ДАТЫ НАСТУПЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО БАНКРОТСТВА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Городилов М.А., Беляев А.С.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермь

Аннотация. В настоящее время определение даты объективного банкротства становится одним из значимых вопросов при решении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя и иных лиц, контролирующих деятельность должника. Однако утвержденная методика, позволяющая установить дату наступления неплатежеспособности должника, в настоящее время отсутствует. Предложенная авторами в настоящей статье пошаговая методика, основанная на анализе информации о должнике, сгруппированной в агрегированные блоки, и дальнейшего распределения полученной информации посредством матрицы принятия решений, в условиях ограниченной информации о должнике позволяет устанавливать дату объективного банкротства.

Ключевые слова: банкротство, разрешение неплатежеспособности, результативность института банкротства, статистика банкротств

Проблема определения даты наступления фактической неплатежеспособности (объективного банкротства) организации является одной из значимых задач при разрешении вопроса, связанного с привлечением руководителя или иных лиц, контролирующих деятельность организации, к субсидиарной ответственности. Как указано в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, моментом объективного банкротства является «момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов». В связи с этим обращается внимание на то, что стоимость активов должна быть *реальной*, что отличает ее от данных бухгалтерского учета. При этом важно не *статичное* понимание финансового состояния организации, а ее состояние *в динамике*, способность преодолевать временные трудности и наличие разработанного, реалистичного и выполнимого бизнес-плана по выходу из кризисной ситуации, составленного на перспективу. Поэтому при рассмотрении дел о банкротстве конкурсные кредиторы или иные лица пытаются выяснить фактическую дату наступления несостоятельности должника и, в зависимости от нее, определить дату наступления ответственности руководителя или иных лиц, контролирующих должника в целях привлечения их к ответственности за невыполнение требований, установленных ст. 9 Федерального закона РФ № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. (с изм. и доп.) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Однако на практике подготовка ответа на этот вопрос оказывается достаточно сложной, сложность которого заключается, как минимум, в следующем:

1) Отсутствие утвержденной единообразной методики определения даты объективного банкротства.

Основой финансово-экономического анализа лиц, находящихся в процедуре банкротства, являются:

– «Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа» (далее – Правила финансового анализа), утвержденные постановлением Правительства РФ № 367 от 25.06.2003;

– «Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» (далее – Временные правила), утвержденные постановлением Правительства № 855 от 27.12.2004.

При этом, указанные выше документы не содержат цели, связанной с определением действительной даты наступления несостоятельности должника, из чего следует, что методика определения наступления объективного банкротства не определена. С представленным выводом согласны и А.З. Бобылева, О.А. Львова, высказываясь об этом следующим образом: «Отсутствие полноценного финансово-экономического инструментария выявления объективных признаков банкротства сказывается и на судебной практике» [8, с. 22].

2) Непредставление или недостоверность информации о финансово-хозяйственной деятельности должника, со стороны арбитражных управляющих и (или) иных лиц.

В соответствии с п. 1 ст. 70 Закона о банкротстве анализ финансового состояния должника проводится в целях определения достаточности принадлежащего должнику имущества для покрытия расходов в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражным управляющим, а также в целях определения возможности или невозможности восстановления платежеспособности должника в порядке и в сроки, которые установлены настоящим Федеральным законом. Также п. 2 указанной статьи установлено, что, если в соответствии с законодательством Российской Федерации ведение бухгалтерского учета и составление финансовой (бухгалтерской) отчетности должника подлежат обязательному аудиту, анализ финансового состояния проводится на основании документов бухгалтерского учета и финансовой (бухгалтерской) отчетности должника, достоверность которых подтверждена аудитором.

Перечисленные проблемы возникли и перед авторами настоящей статьи при подготовке заключения специалистов по делу А50-30709/2015, привлеченных в соответствии со статьей 55.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), с ответом на вопрос: «Когда наступил момент объективного банкротства АО «Электротехническая Компания?». Процессуальный статус авторов статьи также стал дополнительной сложностью при подготовке ответа поставленный вопрос, т. к. в отличие от эксперта по делу, возможности которого в части формирования запросов и получения дополнительной информации достаточно широки в рамках процессуальных прав, предоставленных ему АПК РФ, возможности же специалистов, привлекаемых судом для участия по делу о банкротстве уже после дачи заключения, ограничены теми материалами, которые содержатся в материалах арбитражного дела.

В процессе проведения исследования авторами было установлено, что представленная арбитражным управляющим для анализа бухгалтерская (финансовая) отчетность АО «ЭТК» за 2015, 2016, 2017, 2018 гг. и иная финансовая информация являлась недостоверной и не могла быть использована для подготовки «Анализа хозяйственной, инвестиционной и финансовой деятельности АО «Электротехническая компания». В связи с чем, выводы, полученные арбитражным управляющим по итогам проведенного анализа, и представленные конкурсным кредиторам, также являлись недостоверными. Кроме того, отсутствие достоверных показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности за исследуемый период само по себе делало невозможным определение момента наступления объективного банкротства должника. В связи с чем, авторы при подготовке ответа на поставленный вопрос использовали совокупность информации, представленную всеми участниками арбитражного процесса и позволившую установить момент объективного банкротства, исходя из действий должностных лиц, направленных на достижение результата и ликвидацию признаков объективного банкротства (в первую очередь обеспечение превышения реальной стоимости активов над совокупным размером обязательств, сокращение (ликвидацию) просроченных обязательств, убытков).

В основу исследования был положен методический подход, предложенный А.З. Бобылевой и О.А. Львовой, заключающейся в комплексной процедуре исследования, включающей элементы технического, юридического, финансового, кадрового, налогового аудита, ориентированного на углубленное понимание факторов, провоцирующих кризис в компании и наступление объективного банкротства. При этом, названные авторы, в развитие приведенных выше методических

подходов, выделили следующие агрегированные блоки (подэтапы) для выявления признаков объективного банкротства:

- 1) рынок (внешние условия деятельности);
- 2) внутренние бизнес-процессы;
- 3) материальные, трудовые, административные ресурсы;
- 4) финансы [8, с. 22].

Анализ представленных агрегированных блоков стал *первым шагом*, который сделали авторы для ответа на вопрос о моменте наступления объективного банкротства АО «ЭТК» (далее – Общество, Должник).

Рассмотрим приведенные выше подэтапы подробнее.

1. Рынок (внешние условия деятельности)

Основным видом деятельности Должника являлась «Торговля оптовая производственным электротехническим оборудованием, машинами, аппаратурой и материалами», соответствующий коду ОКВЭД 46.69.5 согласно «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст).

Согласно материалам судебного дела, АО «Электротехническая компания» осуществляло свою деятельность с 1997 года, являлось одним из крупнейших на Урале, неоднократно становилось лучшим энергосервисным предприятием Западного Урала, награждено почетными грамотами Министерства градостроительства и развития инфраструктуры Пермского края за заслуги в области энергетики.

АО «ЭТК» с 2012 года стало участником проектов ОАО «НК «Роснефть» по реализации программы модернизации нефтеперерабатывающих заводов и осуществляло комплексные поставки оборудования для нефтепереработки. За период 2013–2015 гг. основные поступления денежных средств за выполненные работы, оказанные услуги АО «ЭТК» осуществлялись от дочерних компаний ОАО «НК «Роснефть», которые являлись заказчиками технологического оборудования для нефтеперерабатывающих заводов. В 2014 году Должник успешно прошел аккредитацию для участия в закупочных процедурах ОАО «НК Роснефть».

Основными поставщиками АО «ЭТК» являлись компании: Siemens AG, UOP N.V.

Таким образом, внешние условия деятельности Должника в период 2012–2014 можно охарактеризовать как положительные и устойчивые, подтверждением чего могут служить показатели «Выручка», «Валовая прибыль», «Прибыль от продаж» за указанный период (см. табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели деятельности Должника за 2012–2016 гг., тыс. р.

Наименование показателя	2012	2013	2014	2015*	2016*
Выручка	1 113 621	2 388 494	8 225 197	35 007	6 763
Себестоимость продаж	872 495	1 728 293	7 239 855	39 580	2 812
Валовая прибыль (убыток)	241 126	660 201	985 342	–4 573	3 951
Прибыль (убыток) от продаж	103 161	547 203	877 332	–55 823	–6 244

* По мнению специалистов, показатели за 2015 и 2016 гг. имеют признаки недостоверности.

Однако, период 2015–2016 гг. характеризуется резким сокращением деловой активности Должника, что выразилось в необъяснимом сокращении на 99,57% показателя «Выручка» при том, что согласно Письменным пояснениям представителя АО «ЭТК» от 01.11.2016, имеющимся

в материалах дела, в 2014 году Должник успешно прошел аккредитацию для участия в закупочных процедурах ОАО «НК «Роснефть», в стадии завершения реализации находилось 14 проектов по модернизации нефтеперерабатывающих заводов.

2. Внутренние бизнес-процессы

Бизнес-процессами, обеспечивающими финансово-хозяйственную деятельность АО «Электротехническая компания» в период с 2012 года по 2015 год, являлись:

- поставки технологического и электротехнического оборудования с техническим сопровождением и оказанием услуг по шеф-монтажу;
- работы по организации строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов электроэнергетики;
- работы по организации подготовки проектной документации объектов энергетики и инженерно-технических сетей.

Все работы и поставки оборудования осуществлялись через конкурсные торги, в связи с чем применяемые цены соответствовали рыночным. Рентабельность продаж в среднем составляла от 9% до 23%. Положительный показатель рентабельности продаж указывал на то обстоятельство, что бизнес-процессы, происходящие в АО «ЭТК», носили отлаженный характер, целью которых было формирование прибыли.

3. Материальные, трудовые, административные ресурсы

Согласно данным, содержащимся в бухгалтерской (финансовой) отчетности АО «ЭТК», Должник в период 2013–2014 гг. был обеспечен материальными ресурсами (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателя «Запасы» за период 2012–2015 гг.

Форма № 1	Ед. изм.	2012	2013	2014	9 мес. 2015	2015*
Запасы	тыс. р.	2 478 170	4 382 180	1 986 404	2 099 491	5 270

* По мнению специалистов, показатели за 2015 г. имеют признаки недостоверности.

Представленные в динамике данные свидетельствовали о значительном сокращении показателя «Запасы» по итогам деятельности в 2015 году. Однако, согласно данным, содержащимся в бухгалтерской (финансовой) отчетности за 9 мес. 2015 года, Должник обладал товарно-материальными запасами в размере 2 099 491 тыс. р., которые в дальнейшем были списаны руководителем организации без предоставления каких-либо объяснений и подтверждающих документов в адрес арбитражного управляющего. Подтверждением отсутствия передачи каких-либо документов, раскрывающих детали финансово-хозяйственной деятельности АО «ЭТК», от генерального директора временному управляющему является Постановление о возбуждении исполнительного производства от 04.09.2017 в отношении генерального директора и обязанности его передать внешнему управляющему документы в соответствии с определением Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-30709/2015 от 15.03.2017.

В соответствии с данными, представленными арбитражным управляющим в Анализе финансово-хозяйственной деятельности, АО «ЭТК» было обеспечено трудовыми ресурсами в период 2013–2015 гг., Информация о количестве сотрудников в рассматриваемом периоде представлена в таблице 3.

Таблица 3. Данные о показателях по труду Должника за период 2013–2015 гг.

Период	Среднесписочная численность, чел.	Фонд оплаты труда, тыс. р.	Среднемесячная оплата труда 1 работника, тыс. р.
2013	96	52 699,00	45,75

Период	Среднесписочная численность, чел.	Фонд оплаты труда, тыс. р.	Среднемесячная оплата труда 1 работника, тыс. р.
2014	64	33 746,00	43,94
2015	48	23 219,00	40,31

Таким образом, численность персонала в период 2013–2015 соответствовала масштабам деятельности АО «ЭТК», однако уже по состоянию на 01.07.2016 среднесписочная численность работников составила 12 чел., что свидетельствует об изменениях, происшедших в финансово-хозяйственной деятельности Общества за период 30.09.2015–30.06.2016, которые, по мнению специалистов, в совокупности с динамикой показателей «Выручка», «Запасы», указывают на временной интервал, в рамках которого следовало определять момент наступления объективного банкротства. При этом информации о задолженности по оплате труда перед персоналом организации по состоянию на 31.12.2015 в материалах дела отсутствовала, как не содержалось ее в реестре требований кредиторов. Из чего авторы сделали вывод об отсутствии задолженности перед персоналом организации по выплате заработной платы по состоянию на 31.12.2015.

4. Финансы

Согласно данным, содержащимся в «Анализе хозяйственной, инвестиционной и финансовой деятельности АО «Электротехническая компания», подготовленным арбитражным управляющим, ожидаемая величина поступлений по договорам, заключенными с предприятиями, входящими в группу ОАО «НК «Роснефть», по состоянию на 31.12.2015 составила 1 280 924,2 тыс. р. Приведенные выше данные в совокупности с информацией о рентабельности продаж, составляющей в среднем от 9% до 23% в период 2013–2015 гг., представленной также в Анализе арбитражным управляющим, указывали на возможность продолжения деятельности Должником после 31.12.2015.

Еще одним подтверждением возможности продолжения финансово-хозяйственной деятельности Должника и его кредитоспособности в исследуемом периоде являлось письмо директора по банкротству управления корпоративной и просроченной задолженности одного из крупных банков в адрес генерального директора АО «ЭТК» о реструктуризации задолженности Должника и выделения целевого финансирования на пополнение оборотных средств с целью реализации имеющегося пула контрактов (под залог выручки и иного имущества АО «ЭТК»).

Далее, *вторым* шагом авторы в целях определения момента наступления объективного банкротства воспользовались матрицей принятия решения, в основу которой были положены результаты анализа агрегированных блоков причин возникновения несостоятельности, соотнесенные с отчетными датами (см. табл. 4).

Результат, представленный в матрице решений, полученный на основе сопоставления финансовой и нефинансовой информации, указывает, что момент объективного банкротства АО «ЭТК» наступил не ранее 4 квартала 2015 г., и возможность его предотвращения зависела от своевременных действий органов управления Должника (генерального директора, совета директоров, акционеров), которые должны были быть реализованы в системе мер, направленных на выход из кризиса неплатежеспособности, такими как:

- аргументированного расчета на преодоление возникших проблем в разумный срок на основе намеченного плана по выходу из состояния неплатежеспособности;
- реальных усилий руководителя, направленных на достижение результата и ликвидацию признаков объективного банкротства (в первую очередь обеспечение превышения реальной стоимости активов над совокупным размером обязательств, сокращение (ликвидацию) просроченных обязательств, убытков).

Однако, материалы арбитражного дела не содержали информации о наличии такой системы мер и действий по ее реализации. Таким образом, наличие на 30.09.2015:

– аккредитации для участия в закупочных процедурах ОАО «НК «Роснефть», полученной АО «ЭТК» в 2014–2015 гг.;

– отлаженных бизнес-процессов, позволяющих формировать рентабельность продаж работ (услуг) в положительном диапазоне от 9% до 23%;

Таблица 4. Определение даты наступления объективного банкротства

Наименование показателя	Ед. изм.	2013	2014	9 мес. 2015	31.12.2015*
<i>1. Рынок (внешние условия деятельности)</i>					
Выручка	тыс. р.	2 388 494	8 225 197	35 007	35 007
Себестоимость продаж	тыс. р.	1 728 293	7 239 855	41 756	39 580
Валовая прибыль (убыток)	тыс. р.	660 201	985 342	1 502	–4 573
Прибыль (убыток) от продаж	тыс. р.	547 203	877 332	–41 756	–55 823
<i>2. Материальные, трудовые, административные ресурсы</i>					
Запасы	тыс. р.	4 382 180	1 986 404	2 099 491	5 270
Численность персонала	чел.	96	64	48	48
<i>3. Финансы</i>					
Ожидаемые поступления от группы компаний ОАО "НК "Роснефть" на 31.12.2015, тыс. р.					1 280 924
Реструктуризация задолженности Должника и предоставление целевого финансирования со стороны ОАО "Альфа-Банк" после 31.12.2015					Да
Кредитоспособность Должника	х	Да	Да	Да	Да

* По мнению специалистов, показатели за 2015 имеют признаки недостоверности.

– квалифицированного персонала, способного поддерживать имеющиеся бизнес-процессы в Обществе;

– ожидаемых поступлений в размере 1 280 924 тыс. р. от предприятий, входящих в группу АО «НК «Роснефть»;

свидетельствовало о возможности АО «ЭТК» продолжать финансово-хозяйственную деятельность и далее (в обозримом будущем).

При этом иные обстоятельства, а именно:

– недостоверность бухгалтерской (бухгалтерской) финансовой отчетности по состоянию на 31.12.2015 и далее;

– сокращение ключевого персонала после 31.12.2015;

– отсутствие исследования расчетных счетов в иностранной валюте АО «ЭТК»;

– отсутствие исследования операций по целому ряду расчетных счетов, открытых в одном из крупных банков;

– факт непередачи документов, раскрывающих детали финансово-хозяйственной деятельности АО «ЭТК», от генерального директора к арбитражному управляющему, указывали на возникновение объективного банкротства АО «ЭТК» после 30.09.2015.

Вышеизложенные обстоятельства позволили авторам установить, что момент наступления объективного банкротства АО «Электротехническая компания» (ИНН 5904006823) наступил

позднее 30.09.2015. При этом, авторы отмечают, что суд ознакомившись с Заключением специалистов, которое было приобщено к материалам арбитражного дела, и допросив специалистов в соответствии с п. 2 ст. 55.1 АПК РФ, согласился с их мнением о дате возникновения объективного банкротства, что было отражено в мотивировочной части определения по делу следующим образом: «момент объективного банкротства АО «ЭТК» наступил позднее 30.09.2015 года, при этом специалисты отмечают, что точный момент объективного банкротства в период времени после 30.09.2015 возможно определить при условии исследования всего объема документов».

Проведенное авторами исследование в условиях ограниченной информации о Должнике и установленных фактов недостоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности АО «ЭТК», путем анализа как финансовой, так и нефинансовой информации, имеющейся в материалах арбитражного дела, и далее, применив на первом шаге методический подход, предложенный А.З. Бобылевой и О.А. Львовой, а на втором шаге, воспользовавшись матрицей принятия решения, основа которой была разработана и опробована авторами при проведении судебной бухгалтерской экспертизы по делу А50-27709/2015 [6, с. 115–125], позволило определить дату наступления объективного банкротства АО «ЭТК».

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с изм. и доп.) «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа».
3. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».
4. *Баландина Е.В., Зеленицова Е.С., Астраханцев Р.Г.* Совершенствование методики финансового анализа в рамках судебной финансово-экономической экспертизы // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». Ивэкофин. 2021. № 2. С. 6–16.
5. *Беляев А.С., Городилов М.А.* Судебная экономическая экспертиза как способ выявления признаков преднамеренного банкротства // Аудиторские ведомости. 2021. № 1. С. 30–35.
6. *Беляев А.С.* Методика определения даты объективного банкротства // Современная экономика: проблемы и решения. 2021. Т. 10. С. 115–125.
7. *Беляев А.С., Городилов М.А.* Исследование индикаторов, указывающих на признаки преднамеренного банкротства в ходе бухгалтерских экспертиз // Аудиторские ведомости. 2021. № 3. С. 78–81.
8. *Бобылева А.З., Львова О.А.* Финансово-экономический инструментальный выявления признаков объективного банкротства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 22–39.
9. *Бобылева А.З.* Проведение анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства: проблемы и решения // Право и экономика. 2017. № 11. С. 26–32.
10. *Бобылева А.З.* Проект Федерального стандарта проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 2. С. 43–47.
11. *Карелина С.А.* Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 32–47.

УПРАВЛЕНИЕ НАЛОГОВЫМИ ЛЬГОТАМИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дубровина Д.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В статье рассматривается процесс управления налоговыми льготами субъектов Российской Федерации через понятие налоговых льгот, их классификацию и оценку эффективности. На основе анализа федерального и регионального законодательства и правоприменительной практики делаются выводы о пути дальнейшего совершенствования процедуры управления льготами посредством поименования предоставляемых в субъекте налоговых льгот, осуществления оценки эффективности льгот на основе классификации и данных о недополученных доходах бюджета, а также достижения поставленных при установлении льготы целей.

Ключевые слова: налоговые льготы, налоговые льготы субъектов Российской Федерации, эффективность налоговых льгот

Налоговое стимулирование весьма разнообразно и напрямую влияет на социально-экономическое развитие Российской Федерации и ее субъектов и имеет значительные объемы [1]. В ежегодных посланиях Президента РФ и Основных направлениях налоговой политики поднимается тема анализа эффективности предоставления налоговых льгот и их администрирования. Президент РФ поручил Минфину России проверить эффективность налоговых льгот [2]. Проверка показала, что требуется определенная ревизия предоставляемых налоговых льгот на предмет обоснованности установления и администрирования с целью выявления эффективных и неэффективных способов стимулирования.

Постепенно на всех уровнях власти были разработаны методики оценки эффективности налоговых льгот на основе критериев бюджетной, социальной и экономической эффективности и порядка их расчета. Для этого в формы налоговой отчетности ФНС России были внесены изменения, включающие дополнительные показатели для расчета выпадающих доходов по каждому виду представляемых налоговых льгот, а также позволяющие контролировать налогоплательщиков – получателей налоговых льгот. При этом методики проведения оценки эффективности налоговых льгот должны быть прозрачными, право должно предусматривать порядок создания, принятия, применения таких методик, а также закреплять четкие правовые последствия их применения.

1. Понятие налоговых льгот. Налоговые льготы имеют комплексный характер, выражающийся в единстве правовой, экономической и социальной составляющих. Анализ теории права показывает [3], что налоговой льготой следует признавать налоговую меру, соответствующую хотя бы одному из критериев: материальный – реализация регулирующей функции налога, формальный – закрепление в законодательстве.

До принятия Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) понятие налоговых льгот не раскрывалось. В Законе от 27.12.1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» впервые в российском законодательстве встречается термин «налоговая льгота». Законодательное закрепление термина «налоговая льгота», а точнее «льгот по налогам и сборам» (в целом, понятия тождественные), в качестве самостоятельного и факультативного элемента налогообложения произошло в ст. 56 НК РФ, согласно которой льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков

сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере.

При этом законодатель не стремится в НК РФ использовать термин «налоговая льгота», особенно по отношению к федеральным налогам. Можно выделить прямые льготы (непосредственно закрепленные именно как льготы в главах НК РФ о конкретных налогах) или косвенные (или камуфлированные) льготы. Термин применяется непосредственно к установлению определения, указанию в налоговой декларации про налоговые льготы, а также при установлении законами субъектов РФ налоговых льгот и оснований их использования по региональным налогам: транспортному налогу (абз. 3 ст. 356, 361.1 НК РФ) и налогу на имущество организаций (абз. 2 п. 2 ст. 372, 381, 381.1 НК РФ), а также по отношению к местным налогам: по земельному налогу (ст. 395, 396 НК) и налогу на имущество физических лиц (ст. 407, 408 НК РФ).

Неоднозначность федерального законодательства влияет и на субфедеральный уровень. В частности, анализ регионального законодательства показывает, что существует неоднозначное понимание того, относится ли пониженная ставка по налогу на имущество организаций к налоговым льготам. Согласно данным Минфина России [4] из 22 субъектов РФ, в которых ставка налога на имущество от кадастровой стоимости установлена ниже максимальной ставки по НК РФ, равной 2%, только 11 субъектов РФ указали ее в качестве налоговой льготы. Так, п. 1 ст. 4 Закона Калужской области от 22.06.2000 г. № 21-ОЗ «О порядке предоставления льгот по региональным налогам и сборам» содержит определение налоговых льгот, аналогичное п. 1 ст. 56 НК РФ. Непосредственно в Законе Калужской области от 10.11.2003 г. № 263-ОЗ «О налоге на имущество организаций» содержит две статьи – ст. 2 «Налоговая ставка», которая предусматривает пониженную ставку для некоторых видов имущества, и ст. 3 «Налоговые льготы» говорит непосредственно о льготах. Данная неопределенность вызвала необходимость дополнительных разъяснений – Министерство финансов Калужской области признало пониженную ставку налоговой льготой, так как данная ставка не является общей для всех категорий налогоплательщиков.

В большинстве субъектов РФ региональный законодатель отказывается от определения налоговых льгот, непосредственно перечисляя конкретные льготы в отношении отдельных налогов. Относительно закрепления в законе может сложиться две ситуации: когда у регионов есть общий закон, устанавливающий все регулирование налогов (большинство), или когда у регионов по каждому налогу принят отдельный законодательный акт.

Таких сложностей в регулировании на субфедеральном уровне можно было бы избежать, если бы федеральный законодатель отразил структуру и содержание льготного налогообложения. Отсутствие четкого определения расширяет усмотрение налоговых органов, приводит к злоупотреблениям со сторон налоговых правоотношений, в целом, ведет к неустойчивости российской правовой системы и является тенденцией современного правового регулирования в России. Для целей настоящей работы на основе анализа НК РФ и регионального законодательства перечень налоговых льгот образуют: пониженная налоговая ставка, в том числе и нулевая, освобождение от налогообложения, уменьшение суммы налога к уплате, вычет из налогооблагаемой базы.

В условиях цифровой трансформации отдельным направлением регулирования льготного налогообложения должно стать активное освещение в информационном пространстве существующих региональных налоговых льгот. Сейчас информация о них публикуется на сайте Минфина России ежегодно, а также содержится в законодательных актах субъектов РФ, которые, в свою очередь, не всегда располагаются в последней редакции на региональных сайтах. Создание единой платформы, где будут содержаться актуальные на соответствующей территории региональные налоговые льготы, с одной стороны, сделает проще инвестирование налогоплательщиков, с другой стороны, позволит регионам ориентироваться друг на друга.

2. Классификация налоговых льгот. Классификация льгот представляет собой разделение льгот на отдельные группы в зависимости от основания (признаков).

Первая классификация основывается на принципе федерализма — выделяют льготы федеральные, региональные и местные в зависимости от уровня власти, их устанавливающих и отменяющих (ст. 56 НК РФ). Данная классификация тесно связана с аналогичной классификацией налогов, когда каждому уровню власти соответствует своя налоговая политика, а значит, и свой набор налоговых льгот, но корреляция неполная (ст. 12 НК РФ). Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют региональные налоги, к которым относятся налог на имущество организаций, налог на игорный бизнес и транспортный налог (ст. 14 НК РФ). По ним субъекты РФ имеют наибольший круг полномочий. Также полномочия могут быть предоставлены по отношению к федеральным налогам (делегированные полномочия) в части, предусмотренной непосредственно НК РФ (установление пониженной налоговой ставки, зачисляемой в бюджеты субъектов РФ по налогу на прибыль (ст. 284 НК РФ)).

Вторая классификация базируется на эффекте применения налоговых льгот, то есть с точки зрения поставленных задач и выполняемых функций. Стимулирующие (экономические или инвестиционные) льготы связаны со стимулированием экономической активности лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, а также определенных отраслей производства. Социальные — обусловлены необходимостью социальной защиты (поддержки) населения и решение иных социальных задач, то есть существуют в том числе для сохранения минимального дохода. Технические льготы направлены на сокращение встречных финансовых потоков посредством уменьшения расходов плательщиков, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет бюджета в полном объеме или частично.

Данное деление имеет значение для оценки и сопоставления налоговых расходов бюджетов со стороны экономической и социальной эффективности. При этом наиболее подробная оценка эффективности осуществляется по отношению стимулирующим льготам. Поэтому имеет большое значение отнесение той или иной льготы к инвестиционной, социальной или технической. Поскольку льготы не носят индивидуальный характер и не обеспечивают адресность, региональному законодателю следует четко определять условия получения льготы, чтобы льготы попадали в соответствующие категории (например, не допускать ситуации, когда стимулирующие льготы «скрываются» под техническими), а также налогоплательщики не могли злоупотребить правом и воспользоваться льготой не по назначению в связи с пробелами в правовом регулировании.

Третья классификация связана с временным периодом предоставления льгот: срочные и бессрочные. Срочность льгот может выражаться в двух формах. Первая форма связана с установлением периода действия: ограниченный — на определенные налоговые периоды или для достижения определенных показателей, или неограниченный — до даты прекращения налоговой льготы. Вторая — основана на установлении даты прекращения: до срока, установленного законодательством, или вплоть до отмены льготы.

Новые налоговые льготы в отличие от тех, которые были введены в конце XX века, характеризуются тем, что в основном устанавливаются на конкретный период. Это имеет большое значение, так как если к концу срока действия льготы цели, поставленные при введении не достигнуты, то имеет смысл рассмотреть возможность продления действия льготы или ее досрочной отмены, если она показывает неэффективность в течение нескольких налоговых периодов. Поскольку социально-общественные отношения находятся в непрерывном развитии, следует сокращать возможность бессрочного предоставления льгот.

Отменить неэффективную или приводящую к несопоставимым объемам выпадающих доходов бюджета льготу не такой простой и быстрый процесс, он требует волеизъявления законодателя и согласие налогоплательщиков, которые могут лоббировать существование данной льготы. Механизм, при котором льгот будет останавливаться на определенный период или

при достижении определенных показателей, видится более эффективным для стимулирования инвестиционной деятельности. В случае положительного действия льготы допустимо ее пролонгация, а также возможно внесение законодательных корректировок на основе имеющегося правоприменения.

Четвертая классификация построена на пространственном действии. В зависимости от территории действия льготы различают: применяемые на всей территории или только на части, например, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, технопарки и др. Следовательно, их эффективность будет напрямую зависеть от характера территории.

Существуют и иные виды налоговых льгот, основанные на различных основаниях классификации: физическим или юридическим лицам; изъятия, скидки и освобождения, прямые и косвенные и др. Приведенные классификации имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Для совершенствования льготного налогообложения необходимо последовательно осуществить учет, систематизацию и последующий мониторинг налоговых льгот. Классификация способствует более правильной оценке эффективности налоговых льгот в зависимости от оснований.

3. Процесс оценки налоговых льгот. Оценка эффективности налоговых льгот осуществляется ежегодно на федеральном и субфедеральном уровнях. Оценка налоговых расходов субъекта РФ проводится в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, с соблюдением общих требований, предусмотренных Правительством РФ [5]. При этом региональная оценка осуществляется на основе принципов, установленных и для федерального уровня. Также создаваемая система управления налоговыми расходами нашла отражение в Бюджетном кодексе Российской Федерации (далее – БК РФ) и в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов. В связи с изменениями в федеральном регулировании субъекты РФ должны были провести актуализацию нормативных правовых актов по оценке эффективности налоговых расходов.

Оценка налоговых льгот представляет собой комплекс мероприятий, позволяющих сделать вывод о целесообразности и результативности предоставления плательщикам, льгот исходя из целевых характеристик, налоговых расходов. Рассматриваются стимулирующие, социальные и технические налоговые льготы. Методики оценки эффективности разрабатываются кураторами налоговых расходов – исполнительный орган, ответственный в соответствии с полномочиями за достижение соответствующими налоговыми расходами целей госпрограмм и/или целей социально-экономической политики региона.

Оценка проводится ежегодно по единым критериям. Сначала проводится оценка целесообразности: на основе соответствия налоговых льгот целям госпрограмм (или их структурным элементам) и/или целям социально-экономической политики и востребованности плательщиками льгот за пятилетний период. Затем осуществляют оценку результативности налоговых расходов. Критерием определяется как минимум один показатель достижения целей госпрограммы и/или целей социально-экономической политики или иной показатель, на значение которого оказывают влияние налоговые льготы. Оценке подлежит вклад льгот в изменение значения показателя. Плюс непременно принимается во внимание бюджетная эффективность, то есть вклад льгот в изменение значения показателя достижения целей госпрограммы и/или целей социально-экономической политики. Также могут использоваться дополнительные критерии по желанию куратора.

По итогам оценки эффективности куратор формулирует выводы о достижении целевых характеристик налоговых расходов, об их вкладе в достижение целей госпрограмм и/или целей социально-экономической политики региона, о наличии или об отсутствии более результативных (менее затратных для бюджета) альтернативных механизмов достижения целей (субсидии, гос-

гарантии, совершенствование нормативного регулирования и (или) порядка осуществления контрольно-надзорных функций в сфере деятельности плательщиков, имеющих право на льготы).

Оценка налоговых льгот представляет собой комплексный, строго регламентированный процесс, в который вовлекаются органы власти всех уровней в случае наличия у них необходимой информации: уполномоченные органы исполнительной власти субъектов РФ, Управления ФНС России по субъектам РФ, ФНС России, Минфин России. Для создания полноценной системы управления налоговыми расходами каждый этап проведения оценки подлежит утверждению на уровне регионов. 1) Перечень налоговых расходов (п. 1 ст. 174.3 БК РФ) – разрабатывает орган, установленный Порядком формирования перечня налоговых расходов (на федеральном уровне – Минфин России). 2) Порядок формирования перечня налоговых расходов (п. 1 ст. 174.3 БК РФ) – высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ. 3) Правила формирования информации о нормативных, целевых и фискальных характеристиках налоговых расходов – высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ. 4) Порядок оценки налоговых расходов (п. 2 ст. 174.3 БК РФ) – высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ. 5) Порядок обобщения результатов оценки эффективности налоговых расходов, осуществляемой кураторами налоговых расходов – высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ.

Анализ опыта регионов свидетельствует о том, что в основном критерии эффективности налоговых льгот связаны с расчетом показателей бюджетной (сопоставление суммы выпадающих доходов и полученных доходов от предоставления льготы), социальной (динамика социальной сферы, например, рост средней численности работников или зарплаты) и экономической (изменение финансово-экономической ситуации, выраженное при сопоставлении отчетного или планируемого периода с базовым) эффективности. Ивановская область оценивает также внешние негативные эффекты, например, нарушение принципов конкуренции, создание условия для применения льготы недобросовестными налогоплательщиками и др. В Чувашской Республике, Ульяновской, Новосибирской областях и в ряде других регионов используется показатель интегральной эффективности, то есть учитывается влияние всех факторов одновременно. Целесообразно рассмотреть возможность введения оценки экологической эффективности налоговых льгот. Таким путем будет поощряться экологически ориентированное поведение, предприятия, использующие и выпускающие экологически чистую продукцию, получают преимущества перед загрязнителями.

Критерии оценки эффективности налоговых льгот должны способствовать выявлению существующих проблем при льготировании, поэтому целесообразно проводить оценку на основе систематизации налоговых льгот – стимулирующие, социальные и технические. При этом для обеспечения эффективности, в целом, налоговые расходы должны быть востребованными, приводить к соразмерным (низким) издержкам администрирования, не нести значимых побочных отрицательных эффектов от установления. Поэтому в случае необходимости последствием проведения оценки эффективности налоговых льгот должно стать непрерывное совершенствование процедуры оценки с учетом существующих проблем.

Для стимулирующих налоговых льгот характерны следующие проблемы: низкая значимость стимулирующих инвестиционных налоговых расходов при выборе инвесторами региона осуществления инвестиций; избыточность для инвесторов, так как инвесторы, как правило, готовы осуществлять инвестиции на территории региона и без предоставляемых налоговых льгот; разный эффект на привлечение инвестиций в разные виды экономической деятельности; инвесторы и представители бизнеса могут злоупотреблять предоставляемыми ими налоговыми льготами.

В результате анализа наиболее распространенных проблем предоставления стимулирующих налоговых льгот и возможных подходов к их решению следует установить следующие критерии оценки эффективности: ограничение стоимостного объема налоговой льготы; установление

налоговых льгот в отношении видов экономической деятельности, наиболее чувствительных к налоговому стимулированию, так они должны стимулировать производство продукции, предназначенной для реализации за пределами субъекта РФ, и при этом не быть направлены на стимулирование инвестиций в добычу нераспространенных природных ресурсов; обеспечение конкурентоспособности налоговой льготы; достижение целевых показателей эффективности как условия применения налоговой льготы; срочность действия, то есть установление на определенный срок; установление налоговых льгот для приоритетных для региона видов экономической деятельности.

Для социальных налоговых льгот характерно, что они направлены на поддержку отдельных групп населения. В соответствии с целями введения таких льгот, стоит выделить следующие критерии эффективности: установление налоговых льгот в отношении лиц, имеющих заслуги перед обществом или признанных нуждающимися; ограничение объема налоговой льготы; предоставление местных налоговых льгот за счет местных бюджетов.

Для технических налоговых льгот важно учитывать, что они направлены на уменьшение расходов государственных учреждений и (или) органов государственной власти субъекта РФ. К таким критериям оценки эффективности относятся установление налоговых льгот в отношении: имущества, которое не может быть передано в собственность частных лиц; организаций, подведомственных региональным органам исполнительной власти или местного самоуправления.

В интересах полноценного процесса оценки эффективности важно обладать наиболее подробной информацией о предоставляемых налоговых льготах, в том числе в разрезе видов экономической деятельности. Основным поставщиком данных является ФНС России, которая аккумулирует информацию, предоставленную налогоплательщиками в налоговых декларациях. Однако анализ открытых данных показывает, что информация о существующих налоговых льготах содержится не в полном объеме. При этом формах статистической налоговой отчетности не содержатся исчерпывающие данные для оценки эффективности налоговых льгот в разрезе каждой льготы в отдельности. Более того, в этих формах отсутствуют данные об видах экономической деятельности. Для совершенствования системы оценки налоговых льгот требуется модернизировать формирование данных статистической налоговой отчетности и, следовательно, налоговых деклараций (в случае их предоставления налогоплательщиками) и расчетов, а также автоматизированной информационной системы «Налог». Изменение данных механизмов находится в ведении ФНС России.

Еще одним аспектом, связанным с отсутствием доступа к информации, за исключением налоговых органов, о размерах предоставленных налоговых льгот в разрезе конкретных получателей, что основано на необходимости соблюдать налоговую тайну (ст. 102 НК РФ). В конце 2020 года в НК РФ внесены изменения в порядок отнесения и запрета на разглашение сведений, составляющих налоговую тайну. С 1 января 2021 года не признаются налоговой тайной фискальные характеристики налоговых расходов, передаваемые налоговыми органами в рамках исполнения положений Постановлений в уполномоченные органы исполнительной власти. В отношении фискальных характеристик налоговых расходов субъекта РФ предоставляются сведения: об объеме льгот, предоставленных плательщикам, о численности получателей льгот, об общей численности плательщиков, сведения об объеме налогов, задекларированных ими для уплаты в бюджет субъекта РФ.

Указанная информация не является налоговой тайной исключительно в рамках исполнения положений Постановления Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796. Во всех остальных случаях распространение данных сведений не допускается (по запросам, устным просьбам и пр.). Однако вышеуказанные изменения не влекут за собой предоставления налоговыми органами информации по фискальным характеристикам налоговых расходов субъектов РФ с раскрытием информации по налогоплательщикам-пользователям налоговыми льготами, освобождениями

и иными преференциями в обязательном порядке. Целесообразно закрепить в нормативном правовом регулировании возможность получить соответствующие сведения при возникновении необходимости со стороны уполномоченных органов исполнительной власти субъектов РФ с условием присвоения особого порядка использования указанной информации. В случае нарушения такого порядка предусмотреть меру ответственности.

Федеральным законодательством установлено, что результаты оценки налоговых расходов субъектов РФ учитываются при формировании основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики субъекта РФ, а также при проведении оценки эффективности реализации региональных госпрограмм (абз. 2 ч. 2 ст. 174.3 БК РФ). В соответствии с Соглашением о предоставлении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности с Минфином России регионы обязаны ежегодно проводить оценку эффективности налоговых льгот, установленных налоговым законодательством субъекта РФ.

После оценки эффективности должно составляться заключение, которое в обязательном порядке должно предоставляться в законодательный орган субъекта РФ для принятия дальнейших управленческих решений, в том числе путем корректировки законодательства, а также направляться в федеральный орган власти, занимающийся сбором информации об эффективности налоговых льгот.

4. Управление налоговыми льготами. Для управления налоговыми льготами сначала следует поименовать в законодательстве перечень налоговых льгот. В случае, если установление налоговой льготы влияет на доходы и/или расходы консолидированного бюджета региона, субъект РФ должен иметь право изменять параметры налоговой льготы и получать все необходимые сведения для проведения анализа. Большой объем налоговых расходов, вызванный федеральным установлением налоговой льготы, должен компенсироваться за счет средств федерального бюджета.

Налоговые льготы могут иметь различные основания для классификации, которые имеют значение для дальнейшего мониторинга. Оценка эффективности налоговых льгот, предоставляемых на региональном уровне, осуществляется на основе общих требований, установленных федеральным законодателем, с учетом региональной специфики. Однако оценка льгот, предоставляемых в рамках инвестиционных механизмов, требует дополнительного вовлечения органов государственной власти субъектов РФ посредством установления дополнительных полномочий по анализу.

Условием установления и отмены льготы должно являться наличие социально-экономически значимой цели. В основных направлениях налоговой политики субъектов РФ, а также в пояснительных записках и финансово-экономических обоснованиях региональных законов необходимо закрепить требование к обязательному отражению цели установления льгот, а также количественные показатели, к которым приведет введение налоговых льгот. В результате по прошествии времени можно будет установить, на сколько цели введения данной льготы были достигнуты и какое принять управленческое решение: продлить льготу или отменить ее. При этом данное решение должно выноситься на рассмотрение изначально на первом чтении, а не на втором, чтобы исполнительные органы государственной власти субъектов могли дать соответствующую оценку. Важно также поощрять публичное обсуждение законопроектов, устанавливающих налоговые льготы, путем размещения их текстов на официальных сайтах органов исполнительной власти регионального уровня.

Для осуществления качественной инвентаризации и последующей оценки эффективности налоговых льгот следует ввести возможность доступа к информации территориальных налоговых органов органам исполнительной власти субъектов РФ по каждому налогоплательщику, а также в разрезе видов экономической деятельности на основе общероссийского классификатора видов экономической деятельности с установлением требований к порядку пользования такой информацией.

Региональная оценка эффективности налоговых льгот должна проводиться ежегодно на основе общих требований, установленных федеральным законодательством, но с возможностью установления собственных критериев оценки эффективности в зависимости от характера территорий и деятельности. Полученные результаты оценки должны быть представлены в обязательном порядке исполнительным органом власти субъекта РФ на рассмотрение законодательным органом субъекта РФ для принятия соответствующего решения.

Список литературы

1. В соответствии с «Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» в настоящее время действует более 3,5 тысяч налоговых льгот и преференций (налоговых расходов), установленных на федеральном и на региональном уровнях, общим объемом более 4,5 трлн рублей.
2. Путин поручил проверить эффективность налоговых льгот. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/03/05/824591-nalogovih-lgot> (дата обращения: 01.12.2021).
3. *Гриценко В.В.* К вопросу о правовом регулировании налоговых льгот в социальном государстве // Юридический вестник РГЭУ. Ростов-на-Дону. 2005. № 2. С. 52; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. С. 722; *Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С.Г. Пепеляев.* – М.: Альпина Паблишер, 2015. С. 117–118; *Тютин Д.В.* Налоговое право: Курс лекций // Справочная правовая система «Консультант Плюс». 2020. С. 352; *Химичева Н.И.* Финансовое право в системе российского права: проблемы и перспективы. Научные труды РАЮГ, В 2-х томах. Том 1. Москва. 2002. С. 851–856; *Янжул И.И.* Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. Золотые страницы финансового права России. Т. 3. М., 2002. С. 245 и др.
4. Информация о налоговых расходах субъектов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/?id_57=131619-informatsiya_o_nalogovykh_raskhodakh_subektov_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 01.12.2021).
5. Постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (с изм. и доп. по состоянию на 21 мая 2021 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». База данных «Законодательство».

КОНЦЕПЦИЯ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ АФФИНАЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Капашев А.К., Гвозданный В.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние аффинажной отрасли России, влияние концепции бережливого производства и инструментов Lean менеджмента на процесс модернизации предприятий отрасли и повышение их конкурентоспособности на глобальном рынке. Раскрыты роль продукции аффинажного производства в развитии промышленных технологий эпохи научно-технической революции и трансформации базовых отраслей технико-экономических укладов, особенности мировой и отечественной практики использования инструментов бережливого производства на предприятиях аффинажного производства.

Ключевые слова: аффинажная отрасль, бережливое производство, Lean

Современное аффинажное производство является важным компонентом стратегического потенциала технологически развитых стран, а выпускаемая предприятиями отрасли продукция является «стратегическим сырьем» (А.Е. Ферсман), имеет стратегически важную роль в экономическом и научно-технологическом развитии таких стран. Основной продукцией аффинажных заводов являются благородные металлы – аффинированное золото, серебро и металлы платиновой группы – рутений (Ru), родий (Rh), палладий (Pd), осмий (Os), иридий (Ir), платина (Pt). В условиях научно-технической революции металлы платиновой группы, обладающие уникальными свойствами, нашли широкое применение в таких отраслях промышленности как автомобилестроение, химическая, электрохимическая, нефтехимическая, электронная, электротехническая, ювелирная, стекольная, в прочих отраслях, медицине [1, с. 173]. Они используются в точном приборостроении, атомной и ракетной технике, в продукции военно-промышленного комплекса. Особенно широко используют каталитические свойства платиновых металлов при производстве высокооктанового моторного топлива, платформинге и гидрокрекинге (риформинге) нефти, пиролизе газообразных углеводородов, циклизации, изомеризации, полимеризации, гидрогенизации и дегидрогенизации, алкилировании производных от нефтепродуктов и т. д. Наибольшее распространение в нефтехимии получили универсальные PtRe катализаторы (с примесью Pd, Ru, Rh, Ir). С их использованием из нефти производится более 5 тысяч синтетических продуктов [2, с. 54]. Благородные (драгоценные) металлы являются надежным валютным активом государства, особенно в периоды постоянных экономических и политических кризисов, которые сопровождаются повышением спроса и ростом цен на благородные металлы. В современном глобальном мире драгоценные металлы является одним из наиболее ликвидных активов – их можно легко реализовать в любой момент времени в целях привлечения необходимой для экономики страны денежной массы и валюты.

В 1999 году по оценке Геологической службы США мировые ресурсы платиноидов составляют: в ЮАР – 69000 т, в России – 6600 т, в США – 810 т, в Канаде – 380 т и 750 т в других странах. Данные по запасам платиноидов в России отнесены указом Президента № 61 от 24 января 1998 г. к секретным материалам и надежных сведений в открытой печати по ним не имеется [2, с. 66].

Аффинаж драгоценных металлов – это процесс очистки извлеченных драгоценных металлов от примесей и сопутствующих компонентов, доведение драгоценных металлов до высокого качества [3, с. 306]. В процессе очистки используются такие процессы, как хлоринация, электро-

лиз, растворение (осаждение), жидкостная экстракция, оказывающие существенное негативное влияние на окружающую среду, качество воздуха и воды региона. Основными металлами, рафинируемыми на предприятиях, являются золото, серебро и металлы платиновой группы (МПП). Сырьем для процессов аффинажного производства являются как первичные материалы – шлиховой металл, концентраты и сплавы драгоценных металлов (сплав Доре), шламы производства меди и никеля, так и вторичные – лом ювелирных и технических изделий.

Россия занимает лидирующие позиции по производству благородных металлов, за 2020 год было произведено 340 тонн золота, РФ занимает вторую позицию после Китая [4]; 966 тонн серебра, в прошлом году Россия опустилась с четвертой на шестую позицию в рейтинге лидеров по производству серебра, это связано с плановым снижением содержанием серебра в добываемой породе на основных рудниках, что повлияло на снижение выпуска продукции на 5% [5]. По производству металлов платиновой группы Российская Федерация находится на второй позиции уступая ЮАР, на месторождениях которой сосредоточено около 90% всех мировых запасов [6].

На территории Российской Федерации функционируют девять аффинажных заводов, которые преимущественно локализованы в трех районах: в центре Европейской части РФ, на Урале, и в Сибири, где сосредоточена существенная часть добываемых драгоценных металлов [7, с. 13]:

- 1 – АО «Московский завод по обработке специальных сплавов», г. Москва
- 2 – АО «Шелковский завод вторичных драгоценных металлов», г. Шелково, Московская обл.
- 3 – АО «Приокский завод цветных металлов», г. Касимов, Рязанская обл.
- 4 – АО «Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов» (АО «ЕЗОЦМ»), г. В. Пышма, Свердловская обл.
- 5 – АО «Уралэлектромедь», г. В. Пышма, Свердловская обл.
- 6 – ЗАО «Уральские инновационные технологии», г. Екатеринбург
- 7 – АО «Кыштымский медеэлектролитный завод», г. Кыштым, Челябинская обл.
- 8 – АО «Новосибирский аффинажный завод» (АО «НАЗ»), г. Новосибирск
- 9 – АО «Красноярский завод цветных металлов им В.Н. Гулидова» (АО «Красцветмет»), г. Красноярск.

Заводы, которые находятся в первом районе, специализируются на производстве золота и серебра из вторичного сырья. Уральские заводы в основном производят попутные благородные металлы из полиметаллических руд. Предприятия, расположенные в Сибири, используют первичное и вторичное сырье, а АО «Красцветмет» является лидером по производству драгоценных металлов в России. Российская технология аффинажа благородных металлов основана на осадительных, экстракционных и сорбционных методах. Семь из девяти заводов имеют статус Good Delivery Лондонской ассоциации рынка драгоценных металлов (по золоту и серебру), это 10% от всего числа производителей, являющихся членами данной ассоциации, что еще раз подтверждает лидирующие позиции России в производстве драгоценных металлов и качестве выпускаемой продукции.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 20 января 2018 г. одной из важнейших проблем отрасли является внедрение новых или изменение текущих технологий, которые должны обеспечивать:

- сокращение количества стадий производственных процессов,
- сокращение времени технологических процессов,
- сокращение объема используемых химических реагентов.

Реализация вышеуказанных задач позволит успешно решить экологические проблемы отрасли [6]. В аффинажном производстве используются такие токсичные и опасные реагенты, как хлор, концентрированная азотная кислота, концентрированная соляная кислота, серная кислота, а также органические реагенты и органические растворители. Решить данную проблему отрасли может модернизация производственных систем аффинажных заводов, одним

из наиболее подходящих инструментов усовершенствования является концепция бережливого производства.

Российские промышленные предприятия проявляют заинтересованность в переходе на современные концепции управления, находятся в поиске путей развития и усовершенствования производственных процессов. Особое внимание уделяется повышению производительности, реинжинирингу, привлечению персонала в инновационную деятельность и ее реализацию.

Бережливое производство – управленческая концепция, направленная на оптимизацию бизнес-процессов и устранение потерь от проектирования технико-экономических и управленческих процессов производства до взаимодействия с поставщиками и клиентами. Философия бережливого производства – непрерывное улучшение управленческой и производственной деятельности предприятий, сокращение потерь, которые присутствуют на каждом рабочем месте. Lean технологии, на сегодняшний день, являются для компаний наиболее эффективным и надежным инструментом по преодолению кризисных ситуаций и повышению своей конкурентоспособности [8].

Применение философии бережливого производства позволяет производителям драгоценных металлов эффективно и рационально использовать приходящее сырье и материалы. Внедрение инструментов Lean в систему производственного менеджмента аффинажных предприятий помогает увидеть и сократить потери производства, повысить извлечение ценного компонента, а также производительность труда. Основные инструменты которые на данный момент используются и внедряются предприятиями отрасли Российской Федерации являются [9]:

- карта потока формирования ценности (создание и внедрение); карта – это графическая схема информационных и материальных процессов, позволяющая выявлять потери и «узкие места» бизнес процессов производства;

- канбан – планирование цикла производства; использование данного инструмента помогает выравнивать производственные процессы для исключения перерасхода материалов;

- 5S – системы организации рабочего пространства; основной целью использования данного инструмента является повышение производительности труда путем стандартизации рабочего места и всех операций выполняемых на предприятии;

- Total Productive Maintenance (TPM) – методика эффективного обслуживания оборудования; позволяет быстро выявлять и устранять неисправности оборудования применяемого для производства основной продукции и очистки производимых продуктов;

- кайдзен – непрерывное улучшение качества продукции и услуг; данный инструмент некоторые авторы считают основной идеей внедрения бережливого производства, применение которого позволяет вовлекать весь интеллектуальный потенциал трудового коллектива в процесс рационализаторской и инновационной деятельности.

Действия государства и производственных предприятий, направленные на совершенствование организационно – экономических методов и управление производственными системами, способствуют повышению конкурентоспособности и стабильности функционирования компаний в условиях рыночной экономики, являются актуальными в настоящее время. На данный момент в рамках Национального проекта «Производительность труда», по которому прирост производительности труда в стране к 2024 году должен составить более 20%, проводится активное внедрение концепции бережливого производства. Оператором данной программы является Автономная некоммерческая организация «Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда» (ФЦК), которая проводит обучение персонала основам бережливого производства, и сопровождает организации при внедрении и совершенствовании производственной системы. На декабрь 2021 года число участников данного проекта – 3178 организаций в 70 субъектах Российской Федерации. По статистическим данным проект позволил сократить время протекания производственных процессов на 34%, снизить объемы незавершенного про-

изводства на 36%, а также повысить выработку на 46% [10]. Из отрасли аффинажа драгоценных металлов участвуют два предприятия: АО «ЕЗОЦМ» и АО «НАЗ». Екатеринбургский завод участвует в рамках поддержки регионального центра компетенций, сотрудники данного центра полностью курируют внедрение инструментов бережливого производства на предприятии, а Новосибирский аффинажный завод участвует в этой программе повышения производительности самостоятельно.

Лидером как по производству, так и по непрерывному совершенствованию производственной системы в отрасли является – АО «Красцветмет». Предприятие производит все восемь драгоценных металлов, из которых изготавливает продукцию промышленного и ювелирного назначения. Оно также является лидером на всех рынках присутствия. В 2020 году АО «Красцветмет» было произведено 204 тонны золота, что составляет 60% от общего производства по России; 452 тонны серебра, доля на данном рынке – 47%; и 96% металлов платиновой группы – 114 тонн [11].

Предприятие «Красцветмет» занимается внедрением новой концепции производственного менеджмента, основанной на философии бережливого производства с 2016 года. За это время были сформулированы основные принципы бережливого производства Красцветмета:

- заказчик – основа прибыли коллектива предприятия. Каждый сотрудник должен принимать участие в процессе взаимодействия с заказчиками и своевременно реагировать на замечания клиента, что обеспечивает поставки бездефектной продукции;

- люди – самый ценный актив предприятия, а результаты компании – это результат работы каждого сотрудника; предприятие создает условия, чтобы каждый работник принимал активное участие в совершенствовании рабочих процессов, так как именно конкретный рабочий на своем рабочем месте видит потери и стремится их исключить;

- кайдзен – непрерывное обучение сотрудников предприятия; любой сотрудник может предложить необходимые изменения, нестандартные подходы к решению намеченных задач; такие рационализаторские предложения наиболее ценны;

- Гемба – центр внимания: реальные изменения и усовершенствования происходят на месте, где сосредоточены основные рабочие процессы.

Основные инструменты, которые внедрены и используются предприятием: система организации рабочего пространства – 5S, карты потока создания ценности, стандартизация, визуализация, быстрая переналадка оборудования – SMED, всеобщий уход за оборудованием – TPM. Также был переработан порядок подачи рационализаторских предложений в компании, сокращены этапы рассмотрения и реализации идеи, сейчас все проводится в два этапа – проверка улучшения менеджером, и оценка идеи руководителем структурного подразделения; оценка происходит по бальной системе и зависит от предполагаемого экономического эффекта, влияния на технологические процессы и организацию рабочего цикла.

За пять лет внедрения концепции бережливого производства предприятие добилось следующих результатов:

- в несколько раз увеличилось количество поданных и реализованных рационализаторских предложений;

- на данный момент на этапе реализации 6 проектов аффинажного производства в трех областях: сокращение сроков аффинажа, повышение извлечения драгоценных металлов, снижение эмиссии вредных веществ;

- новая технология осаждения золота позволила почти вдвое сократить потребление опасного реагента и снизить выход оксидов азота в данной операции в 5 раз, в связи с сокращением количества операций и количества реагентов, данная технология экологичнее на 20%;

- технологии компании включены в официальный перечень наилучших доступных технологий в области производства драгоценных металлов (ИТС НДТ 14-2020);

– цифровизация производства позволила повысить эффективность производства и ремонтов оборудования – был введен планер золотого потока, 80% плана осуществляется по планеру; цифровой двойник аффинажного производства позволяет оперативно проводить расчеты и анализировать текущую производственную ситуацию.

Это позволило АО «Красцветмет» стать лидером аффинажной отрасли Российской Федерации. Учитывая формирование нового технологического уклада в экономике современной России, потребность в металлах платиновой группы будет постоянно возрастать, как и цена на данный вид продукции. Модернизация предприятий аффинажной отрасли нашей страны на основе концепции и философии бережливого производства, как и других отраслей промышленности, становится категорическим императивом в условиях «зеленого перехода», ужесточения законодательства в сфере экологии, обострения конкуренции на глобальных рынках и новых тенденций в развитии производительных сил и международных отношений глобального мира.

Список литературы

1. *Ерёмин Н.И., Дергачев А.Н.* Экономика минерального сырья: учебник / Н.И. Ерёмин, А.Л. Дергачев. – 2-е изд. – М.: КДУ, 2008. – 504 с.
2. *Боярко Г.* Металлы платиновой группы. Применение, спрос и предложение, динамика и предложение рынка // Драгоценные металлы, драгоценные камни, 2000, № 5. С. 53–72.
3. *Зайцев С.П., Дубровин К.Э.* Производство драгоценных металлов// Энциклопедия технологий. Эволюция и сравнительный анализ ресурсной эффективности промышленных технологий. ФГАУ «НИИ «ЦЭПП» – М. ; СПб. : «Реноме», 2019. – 824 с.
4. *Верхозин С.С.* Производство золота в мире. URL: <https://zolotodb.ru/article/11330/> (дата обращения: 7.12.2021).
5. Вестник золотопромышленника. Silver Institute & Metals Focus: Рост спроса и предложения серебра '21 неизбежен. URL: <https://gold.1prime.ru/analytics/20210518/410739.html> (дата обращения: 7.12.2021).
6. Platinum Today. О металлах платиновой группы. URL: https://www.russian-platinum.ru/pgm_review/about_platinum (дата обращения: 7.12.2021).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 января 2018 г. № 35 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».
8. *Вэйдер, М.* Инструменты бережливого производства II. Карманное руководство по практике применения Lean / М. Вэйдер. – Москва : Альпина Паблишер, 2015.
9. ГОСТ Р 56407-2015 «Бережливое производство. Основные методы и инструменты». – Москва : Стандартинформ, 2015.
10. Официальный сайт «Федерального центра компетенций в сфере производительности труда. URL: <https://xn--b1aedfedwqbdnzkf0oe.xn--p1ai/> (дата обращения: 7.12.2021).
11. Годовой отчет АО «Красцветмет» за 2020 год. URL: <https://www.krastsvetmet.ru/> (дата обращения: 7.12.2021).

ВЛИЯНИЕ БИРЖЕВОЙ АКТИВНОСТИ НА ДИНАМИКУ КОМПЛЕКСНОГО ИНДЕКСА ШАНХАЙСКОЙ ФОНДОВОЙ БИРЖИ

Конягина М.Н.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург

Аннотация. Сегодня общество предъявляет высокие требования к методам государственного регулирования фондовых рынков, включая диагностику влияния регулятивных органов на развитие фондовых бирж. Поэтому целью статьи стала оценка влияния деловой активности на развитие Шанхайской фондовой биржи. Для достижения цели проведен анализ статистической информации Народного банка Китая, Национального бюро статистики Китая и Шанхайской фондовой биржи за период 2015–2020 гг., применен корреляционно-регрессионный анализ. В результате выведена модель оценки влияния изменений процентной ставки, обменного курса и биржевой активности на динамику комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи, что может стать заделом для дальнейшей разработки модели регулятивного воздействия на деятельность фондовых бирж.

Ключевые слова: Шанхайская фондовая биржа, регулирование, фондовый рынок, биржевой индекс.

1. Введение. Потребность реального сектора экономики в дополнительном инструментарии для обеспечения стабильной работы фондового рынка в условиях значимых вызовов внешней среды обусловлена негативными последствиями экзогенного кризиса – пандемией COVID-19, и связанными с ней карантинными ограничениями. В этих условиях вполне логичным выглядит усиление внимания к вопросам оценки влияния Комиссии по ценным бумагам КНР на деятельность Шанхайской фондовой биржи как к одному из наиболее ярких и противоречивых примеров активного развития фондовой биржи в условиях жесткой регулятивной политики.

Следует отметить, что особенности функционирования Шанхайской фондовой биржи и ее взаимодействие с государством являются предметом научного интереса исследователей всего мира на протяжении последних двух десятилетий [1; 2; 3]. В то же время, несмотря на значимое количество исследовательских работ, сложно назвать иного сопоставимо значимого игрока мирового фондового рынка, при характеристиках которого так же активно употребляются определения «феномен» [4; 5], свидетельствующие о значительной доле непознанного, необъясненного, требующего дальнейшего осмысления. Таким образом, мотивация данного исследования обусловлена потребностью реального сектора экономики в дополнительном инструментарии для обеспечения стабильной работы фондового рынка в условиях значимых вызовов внешней среды и недостатком исследовательских работ о развитии биржи при значительном регулятивном влиянии государства в современных условиях. Целью представленной части исследования стала оценка влияния Комиссии по ценным бумагам КНР на развитие Шанхайской фондовой биржи. Для достижения цели в ходе исследования были последовательно решены следующие задачи: выделены основные факторы влияния государства на деятельность Шанхайской фондовой биржи, подготовлена статистическая выборка для оценки основных факторов влияния, проведен корреляционно-регрессионный анализ динамики комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи и основных факторов, построена модель влияния отдельных факторов на деятельность Шанхайской фондовой биржи.

Автор признателен за сотрудничество и выражает благодарность за помощь в сборе и переводе отдельной информации с китайского языка на русский язык профессору Финансово-экономического университета Тун Вэй и профессору Университета международных исследований и торговли Мин Фанг (КНР).

2. Обоснование выбора основных факторов для анализа. Для анализа были отобраны следующие факторы:

А) Объем денежной массы. Объем денежной массы выбран в качестве критерия для проверки гипотезы относительно влияния государственной политики Китайской Народной Республики на фондовый рынок путем значительного увеличения денежной массы [6, с. 218–220]. Согласно данной гипотезе, резко увеличивая денежную массу в обращении, Народный банк Китая повышает инвестиционную активность и способствует развитию фондового рынка в целом, и Шанхайской фондовой биржи – в частности.

Б) Процентная ставка. Процентная ставка выбрана в качестве критерия для проверки гипотезы о влиянии изменения процентных ставок на фондовый рынок: при повышении процентной ставки возрастают сбережения на депозитах, при снижении процентных ставок более привлекательным становится инвестирование в акции [7, с. 53–54]. Кроме того, требовала проверки более ранняя гипотеза, свидетельствовавшая о недостаточной эффективности государственной политики Китайской Народной Республики в 2015–2016 гг., в том числе неэффективности изменения процентной ставки для поддержки и развития фондового рынка [6, с. 224].

В) Обменный курс. Требуется проверка гипотеза, согласно которой повышение курса национальной валюты привлечет приток иностранного капитала, так называемых «горячих денег», а процветание фондового рынка вызовет рост стоимости акций [7, с. 55], хотя этот же источник отмечает, что слишком высокий обменный курс затрудняет экспорт и наносит ущерб экономическому развитию, что негативно влияет на рынок ценных бумаг [7, с. 55].

Г) Биржевая активность. Биржевая активность выбрана в силу важности данного критерия для характеристики фондового рынка и значимой реакции на изменения в регулятивной политике [8, с. 398].

В основу исследования положены эконометрические методы с использованием модели временных рядов. В качестве временных границ определен период 2015–2020 гг. Выбор периода обусловлен значительными изменениями нормативно-правовой базы фондового рынка в 2015–2020 гг., при этом сокращение периода исследования до 5 лет объясняется высокой турбулентностью фондового рынка.

Для проведения оценки влияния Комиссии по ценным бумагам КНР на деятельность Шанхайской фондовой биржи были использованы следующие источники данных:

– для показателей объема денежной массы, обменного курса, биржевой активности – официальная статистика Народного банка Китая [9];

– для показателей процентной ставки – официальная статистика Национального бюро статистики Китая [10];

– для оценки деятельности Шанхайской фондовой биржи использована официальная статистика комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи (Shanghai Stock Exchange Composite Index; SSECI) [11].

3. Ограничения исследования. Основные ограничения связаны с использованием для анализа статистических наблюдений, полученных из разных источников: несопоставимая периодичность статистических наблюдений, неполная или недостаточно полная информация по ряду критериев. Например, в рамках проведенного расчета целесообразно было провести исследование относительно влияния индексов делового климата на деятельность Шанхайской фондовой биржи. Однако с 2018 г. публикация показателей делового климата Народным банком Китая была прекращена [9], что не позволило получить достаточное количество данных.

Ограничением исследования является также контролирующий институциональный характер деятельности Комиссии по ценным бумагам КНР, не позволяющий оценить влияние Комиссии вне государственного регулирования в целом. Кроме того, ограничением исследования текущего времени, повлиявшим на выбор инструментария, стало отсутствие возможности использования такого инструментария, как интервью экспертов, требующих личных встреч с поддержкой от научного сообщества КНР.

4. Метод исследования. По результатам исследования теоретических источников, основным методом анализа выбран корреляционный анализ.

Двухфакторный коэффициент корреляции рассчитан по формуле 1:

$$\text{Correl}(X, Y) = \frac{\sum (x - \underline{x})(y - \underline{y})}{\sqrt{\sum (x - \underline{x})^2 \sum (y - \underline{y})^2}} \quad (1)$$

где $\underline{x}, \underline{y}$ — являются средними значениями выборок.

Расчет коэффициента корреляции проведен программными средствами табличного процессора Microsoft Excel.

Коэффициент корреляции Пирсона рассчитан по формуле 2 средствами табличного процессора Microsoft Excel.

$$r_{xy} = \frac{\sum_{i=1}^m (x_i - \underline{x})(y_i - \underline{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^m (x_i - \underline{x})^2 \sum_{i=1}^m (y_i - \underline{y})^2}} = \frac{\text{cov}(x, y)}{\sqrt{s_x^2 s_y^2}} \quad (2)$$

Матрица многофакторного корреляционного анализа, уравнение линейной регрессии построены программными средствами при помощи Microsoft Excel. Также для интерпретации ряда полученных результатов использован метод графического представления данных.

3. Результаты. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа

Выбранный фактор	Инструмент оценки	Комплексный индекс Шанхайской фондовой биржи, Y
Объем денежной массы, X ₁	Коэффициент корреляции	-0,397
	Хи-квадрат Пирсона	0,158
Обменный курс, X ₂	Коэффициент корреляции	-0,629
	Хи-квадрат Пирсона	0,396
Процентная ставка, X ₃	Коэффициент корреляции	0,547
	Хи-квадрат Пирсона	0,3
Биржевая активность, X ₄	Коэффициент корреляции	0,73
		0,533

Как видно из результатов, представленных в табл. 1, между объемом денежной массы (X₁) и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи установлена отрицательная корреляция, следовательно, между этими данными существует обратная зависимость. Вместе с тем числовое значение коэффициента корреляции для объема денежной массы (-0,397) свидетельствует о слабой корреляции, что, учитывая одновременное действие ряда других факторов, позволяет

не принимать в расчет наличие слабой связи. Таким образом, гипотеза о значительном негативном влиянии интервенций государства на деятельность Шанхайской фондовой биржи в виде увеличения объема денежной массы не подтверждена.

Между обменным курсом (X_2) и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи также установлена отрицательная корреляция, следовательно, между этими данными существует обратная зависимость, и при снижении обменного курса значение комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи увеличивается. Числовое значение коэффициента корреляции для процентной ставки ($-0,629$) свидетельствует о достаточно высокой корреляции, что указывает на значимую связь между процентной ставкой и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи.

Между процентной ставкой (X_3) и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи установлена положительная корреляция, следовательно, между этими данными существует прямая зависимость, и при повышении процентной ставки значение комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи увеличивается. Числовое значение коэффициента корреляции для обменного курса ($0,547$) свидетельствует о средневысокой корреляции, что позволяет принять во внимание связь между процентной ставкой и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи.

Между биржевой активностью (X_4) и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи установлена позитивная корреляция, следовательно, между этими данными существует прямая зависимость, и при снижении биржевой активности значение комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи уменьшается. Числовое значение коэффициента корреляции для процентной ставки ($0,73$) свидетельствует о сильной корреляции, что указывает на устойчивую связь между биржевой активностью и комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи, и позволяет использовать данный показатель для дальнейшей разработки модели.

Корреляционная матрица многофакторного корреляционного анализа выбранных критериев представлена в табл. 2.

Таблица 2. Корреляционная матрица многофакторного анализа для выбранных критериев

	Объем денежной массы, X_1	Обменный курс, X_2	Процентная ставка, X_3	Торговая активность, X_4	SSECI
Объем денежной массы, X_1	1				
Обменный курс, X_2	0,73	1			
Процентная ставка, X_3	-0,53	-0,63	1		
Торговая активность, X_4	-0,16	-0,37	0,411236	1	
SSECI	-0,43	-0,63	0,55	0,73	1

Таким образом, в результате корреляционного анализа было выбрано три переменных, имеющих сильную (обменный курс, X_2 и торговая активность, X_4) и достаточную (процентная ставка, X_3) связь с комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи. Для этих переменных был проведен регрессионный анализ, результаты которого представлены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для критериев X_2 и X_3

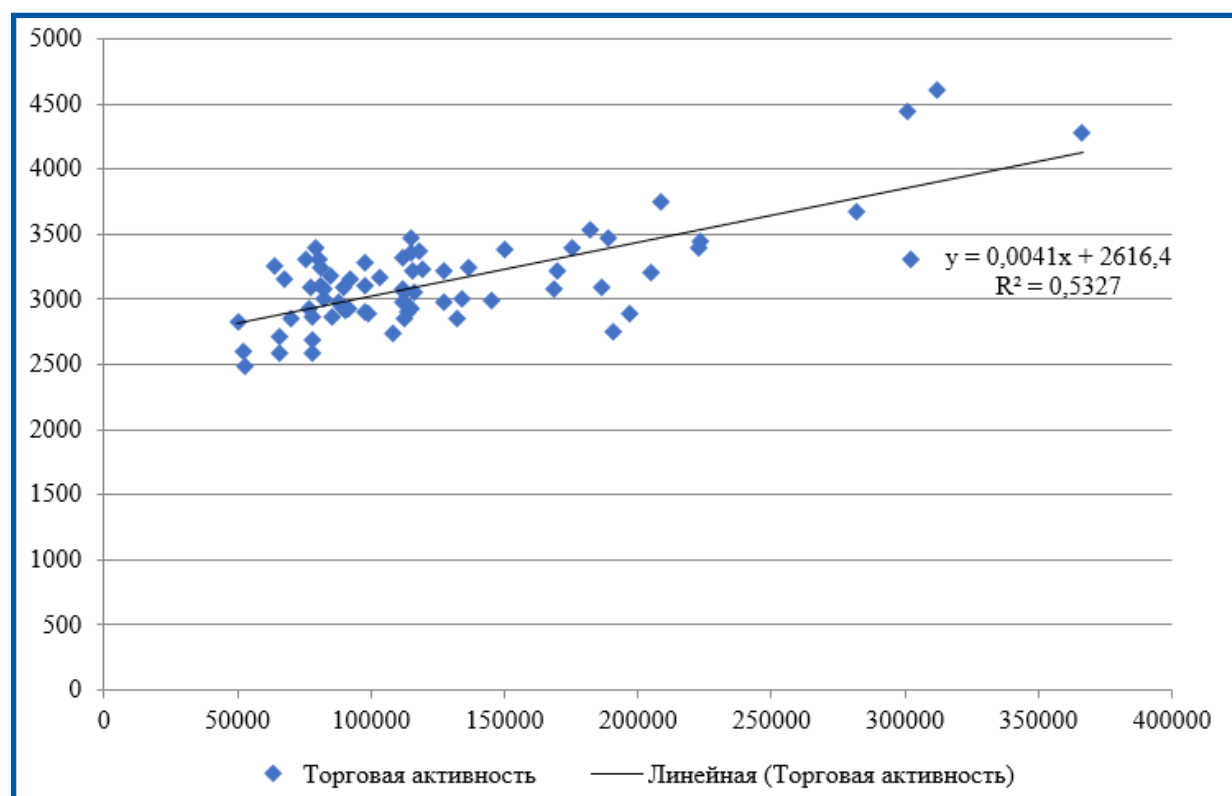
	Обменный курс, X_2	Процентная ставка, X_3	Торговая активность, X_4
Множественный R	0,6290	0,5473	0,7299
R-квадрат	0,3956	0,2996	0,5327
Нормированный R-квадрат	0,3870	0,2896	0,5260
Стандартная ошибка	293,9161	316,4112	258,4351
Наблюдения	72	72	72

Как видно из табл. 3 показатель достоверности аппроксимации для обменного курса $R^2 = 0,3956$, что по шкале Чеддока определяет связь как умеренную, следовательно, результат не может быть использован для дальнейшего прогнозирования. Результаты регрессионного анализа для переменной X_3 (процентная ставка) показывает достоверность аппроксимации $R^2 = 0,2996$, что по шкале Чеддока определяет связь как слабую. Следовательно, она не может быть использована для дальнейшего прогнозирования.

Как видно из табл. 3 и рис. 1, уравнение регрессии для переменной X_4 (торговая активность) принимает вид (формула 3):

$$y = 0,0041x + 2616,4 \quad (3)$$

Достоверности аппроксимации линейной регрессии $R^2 = 0,5327$, что по шкале Чеддока определяет связь как заметную. Следовательно, линия линейного тренда регрессионной модели переменной X_4 аппроксимирует исследуемый процесс достаточно, и может быть использована для дальнейшего прогнозирования.

Рисунок 1. Результаты регрессионного анализа для переменной X_4 (торговая активность), линейный тренд

При этом дальнейшие исследования показали, что полиномиальная модель 4-й степени описывает данную зависимость более точно (рис. 2), коэффициент аппроксимации модели $R^2 = 0,5965$, что удовлетворяет требованиям к достоверности модели при прогнозировании. Таким образом, разработанная математическая модель, может быть учтена при прогнозировании и описывается следующим уравнением (формула 4):

$$y = -1E-18x^4 + 1E-12x^3 - 3E-07x^2 + 0,0401x + 1410,1 \quad (3)$$

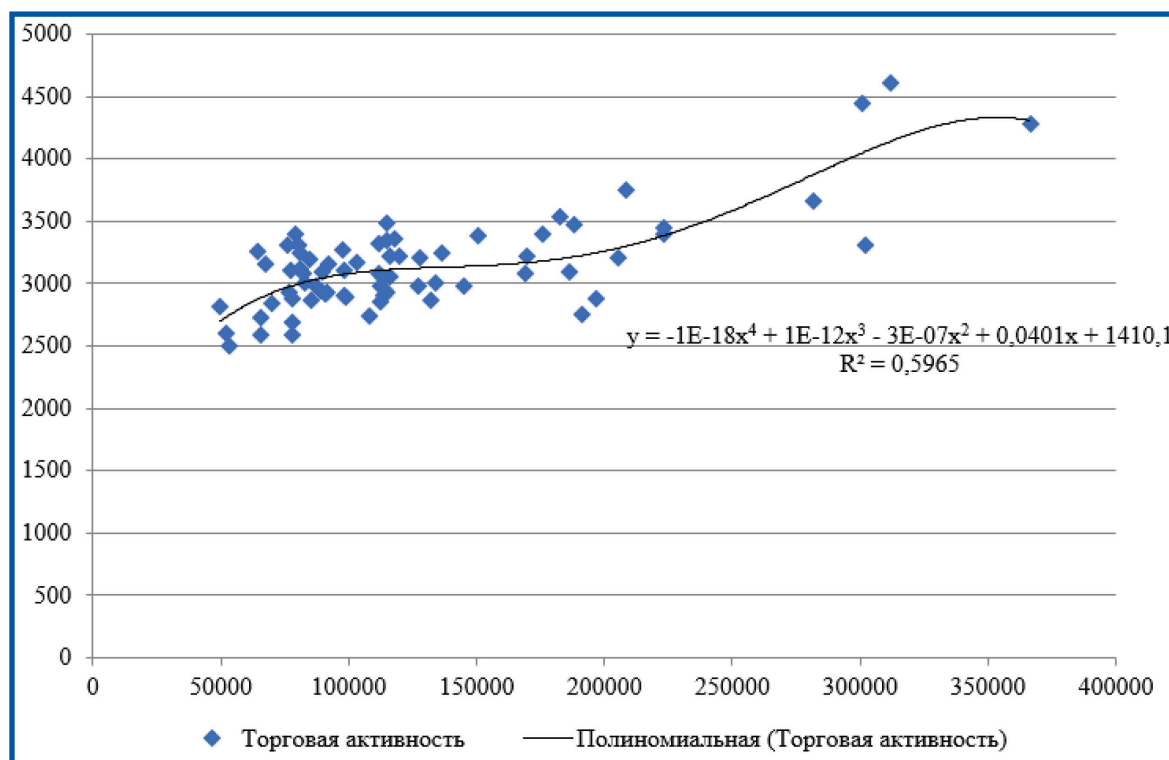

Рисунок 2. Результаты регрессионного анализа для переменной X_4 (торговая активность), полиномиальный тренд 4-й степени

Интересным выводом стало то, что в результате проведенного анализа было установлено: показатели объема денежной массы и комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи имеют слабую связь, недостаточную для обеспечения достоверности расчетов. Это противоречит гипотезе о значительном негативном влиянии на деятельность Шанхайской фондовой биржи интервенций государства в виде увеличения объема денежной массы.

По результатам проведенного исследования очевидна необходимость расширения границ исследования и дальнейшей разработки современных методов оценки влияния Комиссии по ценным бумагам КНР на деятельность Шанхайской фондовой биржи.

5. Выводы. Результатом представленного исследования стала эконометрическая оценка влияния Комиссии по ценным бумагам КНР на деятельность Шанхайской фондовой биржи в период с 2015 по 2020 годы. Представленная оценка основывается на статистических наблюдениях Народного банка Китая, Национального бюро статистики Китая и официальной статистике комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи, которые были использованы для моделирования временных рядов и последующего корреляционно-регрессионного анализа. Представленная работа является попыткой эконометрической оценки влияния Комиссии по ценным бумагам КНР на деятельность Шанхайской фондовой биржи. Модель подтвердила сильную связь биржевой активности с комплексным индексом Шанхайской фондовой биржи,

но не в той степени, которой ожидалось, из чего вытекает ценный для инвесторов и биржевых спекулянтов следующий вывод.

Одновременно модель подтвердила, что инвестиции в индексы являются более осторожным и одновременно более взвешенным решением, нежели в корпоративные ценные бумаги напрямую. Иными словами, изменение комплексного индекса Шанхайской фондовой биржи более сглажено и равномерно, чем волатильность долевых и долговых финансовых инструментов. Поэтому справедлив и следующий вывод: индекс Шанхайской фондовой биржи в ближайшее время будет перспективным инструментом для инвестиций. Даже если китайский рынок просядет, индекс получит поддержку от IPO и SPO, которые будут активнее там проводиться и уже привлекают многих эмитентов со всего мира.

Практическая ценность статьи заключена в возможности учета ее результатов в финансовой деятельности операторов фондового рынка, например, для оптимизации биржевого портфеля, а также в деятельности регулятивных органов фондового рынка — для оптимизации государственной регулятивной политики.

Список литературы

1. *Liu K.* China's visible hand: An analysis of the Chinese government's intervention in its economy during 2015–17. *Journal of Business and Economic Studies*, 23 (1), 2019. 36–54.
2. *Wang Y., Yao J.* Investor sentiment, issuance cost, and IPO underpricing: an empirical analysis of Shanghai Stock Exchange A-shares. *Applied Economics Letters*, 28 (6), 2021. 508–511.
3. *Yang, M.Y., Li, S.P., Wu, Y., Tang, J., & Ren, F.* Do government rescue policies reduce the market volatility after crash? Evidence from the Shanghai stock market. *Finance Research Letters*, 29, 2019. 117–124.
4. *Bo L.I.U., Yong Z.E.N.G.* Can price limits help when the price is falling? Evidence from transactions data on the Shanghai Stock Exchange. *China Economic Review*, 20 (1), 2009. 91–102.
5. *Girardin E., Liu Z.* Demystifying China's Stock Market: The Hidden Logic Behind the Puzzles. *In Demystifying China's Stock Market* (pp. 1–10). Palgrave Pivot, Cham. 2019.
6. *Bieliński T., Markiewicz M., Mosionek-Schweda M.* Do government interventions affect China's stock market? Case study—analysis of the asset bubble in 2015–2016. *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu*, (486), 2017. 217–227.
7. *Nana S.* Analysis of Macro-influencing Factors of Stock Price Index. *International Journal of Scientific Engineering and Science*. Vol. 4, Issue 3, 2020. PP. 51–56, 2020.
8. *Lu L.* The Rising Star in the East: Unveiling China's Star Market, the Registration-based IPO Regime and Capital Markets Law Reform. *International Company and Commercial Law Review*. Vol.31., 2020. PP. 394–412.
9. Народный банк Китая: официальный сайт. Раздел «Статистика». URL: <http://www.pbc.gov.cn/diaochatongjisi/116219/116319/index.html> (дата обращения: 15.08.2021).
10. Национальное бюро статистики Китая: официальный сайт. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 15.08.2021).
11. Шанхайская фондовая биржа: официальный сайт. URL: <http://english.sse.com.cn/> (дата обращения: 15.08.2021).

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ

Логунцова И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Организация Объединенных Наций (ООН) объявила 2021 г. годом креативной экономики, ядро которой составляют креативные или творческие индустрии. В нашей стране в этом же году была утверждена Концепция креативных индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. Лидером креативного сектора в РФ на сегодняшний день является Москва, представляя собой своеобразную ролевую модель для многих других городов и регионов страны. В статье раскрываются ключевые понятия затронутой темы, проблемы, особенности и значение развития креативных индустрий для экономики в целом на примере столичного региона.

Ключевые слова: креативные индустрии, экономический рост, Москва, городские агломерации

Постиндустриальная экономика изменила ценностные ориентиры человека. На первом плане уже не способность к выживанию, а потребность в самореализации и самовыражении. Более того, в наши дни понятие креативности как профессионального навыка приобретает все большую ценность. Актуальность данной темы обусловлена мировыми трендами в области компетенций современных работников. Многие эксперты полагают, что креативность может быть предметом обучения и развития.

Креативный – значит творческий, то есть креативные процессы – творческие подходы с привлечением инновационных методов и идей [4]. Понятие «креативность» предполагает присутствие двух факторов: объективного (имеющиеся материальные и социальные условия) и субъективного (знания, опыт, способности).

Прогнозы относительно того, что уже в недалеком будущем рутинные операции будут максимально автоматизированы практически во всех отраслях экономики позволяют предполагать, что роль интеллекта значительно возрастает, а профессиональные компетенции становятся все более творческими. Основа креативности – человеческий капитал, который, на наш взгляд, не может быть автоматизирован.

Сегодня креативная экономика – это уже не просто теоретическое понятие. В последние годы оно стало весьма практическим и реальным. Так, например, в докладе Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) за 2013 г. говорится о том, что креативная экономика представляет собой важную преобразующую силу в масштабах всего мира и является одним из самых быстрорастущих секторов мирового хозяйства с большим потенциалом получения доходов [5].

В широком смысле, креативная экономика – это различные направления предпринимательства, осуществляемые для получения прибыли через организацию творческой деятельности [6].

Понятие креативной экономики включает в себя вклад всех, кто занят в креативных или творческих индустриях, поставке и торговле продукцией и услугами этих индустрий, создании и обслуживании их инфраструктуры.

Другими словами, ядром креативной экономики выступают креативные или творческие индустрии. Ключевой ценностью этих индустрий является комплекс знаний, информации и новых идей, которые они производят. Значимая часть добавленной стоимости креативных

индустрий формируется за счет творческой деятельности и управления правами на интеллектуальную собственность.

Экономический рост в креативных индустриях обеспечивается благодаря интеллектуальному труду, в связи с чем этот сектор характеризуется значительной динамикой изменений в видах работы и постоянной адаптацией товаров и услуг под требования потребителей, что отличает их от каких-либо других секторов экономики.

Многие современные государства, и не только экономически развитые, благодаря креативным индустриям создают свой уникальный и неповторимый имидж с целью получения преимуществ в конкурентной борьбе с другими государствами.

Трактовки понятия креативных индустрий разнятся от страны к стране, представляя собой различные перечни видов деятельности, которые весьма разнообразны и отражают национальные традиции.

В «Основах государственной культурной политики РФ» предлагается следующее определение креативных индустрий – это компании, организации и объединения, производящие экономические ценности в процессе творческой деятельности, а также деятельность на капитализации культурных продуктов и их представлению на рынке [1].

К креативным индустриям относят различные виды деятельности, в числе которых: реклама, архитектура, изобразительное искусство, ремесла, дизайн, мода, кино, музыка, исполнительские искусства (театр, опера, танец, балет), издательское дело, научные исследования и разработки, программное обеспечение, игрушки и игры, телевидение и радио, видеоигры [8, с. 138].

Принято считать, что первым государством, которое стало целенаправленно развивать креативный сектор является Великобритания в 80-ые годы XX века. Государственная поддержка экономических кластеров представителей творческих профессий, в том числе художников, архитекторов, рекламистов, музыкантов, программистов и т. д. стала абсолютно новым подходом для того времени на рынке разделения труда, что в итоге вывело страну из кризиса.

Впоследствии креативные индустрии превращаются в драйвер и приоритет развития социокультурной и предпринимательской среды и в целом экономической политики для очень многих современных стран, городов и регионов. Так, например, развитию креативного сектора уделяется должное внимание в таких государствах, как США, Канада, Германия, Испания, Швеция, Япония, Индия, Китай, Австралия и др.

Политика развития креативной экономики имеет различные характеристики в зависимости от страны реализации. Р.З. Хестанов в данной связи выделяет следующие модели:

Американская модель:

- Отсутствие единой политики на федеральном уровне;
- Развитие креативных индустрий на субнациональном уровне с привлечением академического сообщества и практиков;
- Два ракурса культурной политики: обеспечение равного доступа к культуре, «акцент на культурной миссии»; развитие развлекательных индустрий на основе маркетингового подхода.

Скандинавская модель:

- Централизованный характер культурной политики;
- Стратегия развития креативных индустрий основывается на таких принципах, как: стимулирование творческой деятельности людей и ее коммерциализация; создание креативных кластеров; грантовая поддержка культуры, инвестирование в креативный бизнес и стимулирование внедрения инновационных решений в креативные индустрии; активизация местных инициатив для благоустройства территории.

Восточно-азиатская модель:

- Креативные индустрии как один из важнейших экспортных ресурсов;
- Амбивалентная политика в отношениях с Китаем [7].

Несмотря на существенные отличия в различных странах политика развития креативных индустрий обеспечивает не только наращивание объемов предложения креативных продуктов, но и развитие человеческого капитала, поддержку культуры и образования.

Что касается нашей страны, то справедливым будет утверждение о том, что креативная экономика в современной России находится в стадии становления: формируется рынок креативных индустрий, его правила игры и институциональная инфраструктура.

При этом примечательно то, что по оценке экспертов, вклад креативных индустрий в экономику страны сегодня в среднем близок к показателям других развитых государств.

Так, например, по оценке специалистов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», валовая добавленная стоимость креативных индустрий в России в 2019 г. составила 2390 млрд руб. (104,6 млрд долл. США по паритету покупательской способности), или 2,4% ВВП. (среднемировой уровень составляет 3% ВВП). В списке лидеров такие страны, как, например, Китай, США, Великобритания. По анализу валовой добавленной стоимости различных креативных индустрий России первые строчки рейтинга занимают: информационные технологии и видеоигры, реклама и мода. По количеству занятых в креативном секторе наша страна занимает второе место в мире после США. Внешняя торговля РФ креативными товарами и услугами пока характеризуется отрицательным торговым балансом [10].

В 2021 г. Агентство стратегических инициатив также предприняло попытку приближенной количественной оценки вклада креативных индустрий в экономику России. По данным агентства этот вклад составляет 4,98%. При этом 9,68% всех организаций страны приходится на креативные индустрии и 4,98% сотрудников всех организаций России можно отнести к креативным индустриям. Лидерами рейтинга субъектов РФ по вкладу креативных индустрий в экономику страны являются: Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область, Костромская область, Новосибирская область, Томская область, Московская область, Ярославская область, Республика Башкортостан, Севастополь [9].

Вместе с тем общая методология измерения креативных индустрий в мире пока не сформирована. В США, странах Европы и Азии подходы к классификации креативных индустрий отличаются в связи с различиями в составе списка креативных индустрий и методами статистики.

Серьезным вызовом для креативных индустрий стала пандемия коронавируса, начавшаяся и распространившаяся по всему миру в 2020 г. Многие креативные бизнесы оказались на грани выживания. Как следствие, подобно другим отраслям, в креативном секторе усилился тренд цифровизации.

Важной темой является государственная поддержка креативных индустрий. Она может выражаться в разных формах, например, в предоставлении субсидий и грантов, информационной, образовательной поддержке и т. д. Государственные институты могут выступать партнерами креативных мероприятий.

При этом необходимо подчеркнуть, что с одной стороны, государственная поддержка стимулирует развитие креативных проектов, с другой – креативным индустриям для своего эффективного существования необходима свобода.

В числе нормативно-правовых актов, включающих в себя положения по развитию креативных индустрий и их товаров и услуг в России, следующие: Основы государственной культурной политики, Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. и другие.

В стратегиях социально-экономического развития регионов креативные индустрии упоминаются в следующих регионах РФ: Москва, Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский автономный округ, Воронежская область, Калининградская область, Краснодарский край, Московская область,

Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Приморский край, Ростовская область, Свердловская область, Тюменская область.

Важным шагом в развитии креативного сектора в нашей стране стало принятие осенью 2021 г. Концепции креативных индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.

Согласно тексту данного документа, креативные индустрии разделены в четыре группы:

- Индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (например, музейное дело).
- Индустрии, основанные на искусстве (театр, музыка, кино, анимация и другое).
- Современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио- производство и др.)
- Прикладные индустрии (архитектура, промышленный дизайн и др.) [2].

В Концепции отмечается, что в деятельности органов государственной власти на всех уровнях приоритетным должно стать увеличение доли креативного предпринимательства во всех отраслях экономики, особенно в тех, которые являются перспективными экономическими специализациями субъектов РФ. Развитие креативных индустрий обеспечивает мультипликативный экономический эффект.

Документ указывает на ряд актуальных проблем креативного сектора, в числе которых: отсутствие единого подхода в измерении креативной экономики в разных странах; меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса, экспорта не учитывают специфику креативных индустрий; существующие программы поддержки не скоординированы между собой; налоговое законодательство также не учитывает специфику креативного предпринимательства, недостаточная защищенность и эффективность управления интеллектуальной собственностью; регионы и города не равномерно включены в процессы развития креативных индустрий и др.

В настоящее время в нашей стране идет работа над соответствующим законопроектом по креативным индустриям.

На сегодняшний день лидером в развитии креативных индустрий в России является Москва. Подавляющая часть результатов интеллектуальной деятельности, наблюдаемая статистикой, создается в столице. Предприятия креативного сектора Москвы интенсивно развиваются, способствуя формированию комфортной городской среды и предлагая новые рабочие места. Правительство города оказывает им разные виды поддержки, включая финансовую, инфраструктурную, образовательную.

В Москве сосредоточены крупные креативные кластеры. Некоторые из них представляют собой арт-центры, связанные с деятельностью в области современного искусства. Так, например, в московском центре дизайна Artplay объединились известные архитекторы, художники, дизайнеры, инженеры и другие специалисты, для которых центр стал не только местом для профессиональной деятельности, но и площадкой для проведения досуга, пространством для общения, культурным центром нового типа. Здесь проводятся выставки, фестивали, праздники, мастер-классы и т. п.

Еще одним примером креативного кластера в г. Москве является Центр современного искусства «Винзавод», находящийся в комплексе промышленных построек девятнадцатого века. Под своей крышей Центр собрал все направления современной культуры в одном месте, способствуя созданию благоприятной среды для ее развития. На базе Центра был создан Фонд поддержки современного искусства, поддерживающий такие направления, как «Новые имена» и «Образование».

Согласно исследованию «Креативная экономика Москвы в цифрах», в креативном секторе столицы сегодня действует более 58 тысяч организаций и 54 тысяч индивидуальных предпринимателей. Объем выручки компаний креативных предприятий города превысил 3 трлн рублей,

а численность занятых — 463 тысячи человек. Добавленная стоимость креативных индустрий столицы достигла 6,29% валового регионального продукта (ВРП). По вкладу в экономику города креативный сектор уже опережает такую отрасль, как например строительство (3,9% ВРП) [3, с. 21–27].

Справедливым будет утверждение о том, что Москва на сегодняшний день является ролевой моделью в области развития креативных индустрий для многих других городов и регионов нашей страны. Неравномерность в оформлении прав на результаты интеллектуальной деятельности и извлечения коммерческого эффекта имеет и свою негативную сторону. Люди из других регионов переезжают в столицу, происходит дисбаланс в экономическом развитии и угроза потери единого культурного пространства страны.

Важно заметить, что в мировой практике развитие креативных индустрий целесообразно не только чисто с экономической точки зрения, но и с точки зрения их влияния на стимулирование инноваций, улучшение городской среды и их воздействия на смежные отрасли. Эксперты выделяют экономические, культурные, акселерационные, средовые и имиджевые эффекты развития креативных индустрий.

На наш взгляд, креативный сектор должен создать условия для диверсификации экономического развития России в целом, не только ее столицы, а также ухода от его сырьевой направленности. Кроме того, при эффективном и равномерном развитии креативных индустрий открывается возможность раскрытия потенциала локальных культур многочисленных регионов нашей огромной страны.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».
2. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года».
3. *Власова В.В., Гершман М.А., Гохберг Л.М. и др.* под ред. Л.М. Гохберга Креативная экономика Москвы в цифрах. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021.
4. *Левченко И.И.* Значение «креативной экономики» в современном инновационном развитии: зарубежный опыт // Креативная экономика. № 12 (96). 2014. С. 44–54.
5. *Новикова С.П.* Креативная экономика как драйвер роста: мировой и российский опыт // Новые технологии. № 2. 2019. С. 175–184.
6. *Новичков Н.В.* О некоторых аспектах развития туризма как части креативной экономики и экономики впечатлений. № 8 (46). 2013. С. 113–121.
7. *Хестанов Р.З.* Креативные индустрии — модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 186–189.
8. *Хокинс Дж.* Креативная экономика. М.: «Классика — XXI». 2011.
9. Атлас креативных индустрий Агентства стратегических инициатив (АСИ). URL. <https://100gorodov.ru/creativeindustries> С. 106–107. (дата обращения: 11.01.2022).
10. Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы. Научный дайджест № 1 URL. https://www.hse.ru/data/2021/08/05/1425538088/Human_Capital_NCMU_Digest_1_Creative_Industries_2021.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КОМПАНИЙ ДОБЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА

Маликова О.И., Папенков К.В., Хауг А.К.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина

Аннотация. В рамках исследования раскрываются ключевые проблемы, связанные со стимулированием технологической модернизации добывающего комплекса и смежных отраслей. Обосновывается, что стремительная трансформация мирового энергетического рынка, обусловленная процессами декарбонизации мировой экономики и формированием избытка углеводородов вследствие сланцевой революции, усиливает проблему сохранения конкурентоспособности российского нефтегазового сектора. Доказывается необходимость не только применения современных технологий, но и концентрация деятельности в перспективных сегментах рынка. В рамках исследования акцентируется внимание на целесообразности развития и государственной поддержки перспективного сегмента рынка – производства малотоннажного СПГ. Обосновываются методы налогового и административного регулирования данной сферы.

Ключевые слова: государственная поддержка, технологическая модернизация, добывающий комплекс

Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Влияние новых технологий на глобальную конкуренцию на рынках сырьевых материалов», проект № 19-010-00782.

В рамках исследования ставилась задача раскрыть современные особенности технологической трансформации в отраслях добывающего комплекса, показать влияние новых технологий на условия конкуренции на мировых рынках сырьевых материалов и выделить перспективные направления государственной поддержки, позволяющие ускорить процессы внедрения новых технологий в целях повышения эффективности использования природно-ресурсного потенциала. Основная гипотеза исследования заключалась в целесообразности выделения перспективных видов деятельности, поддержка которых может обеспечить лучшие эколого-экономические результаты и устойчивость функционирования компаний добывающего сектора и энергетики.

В современных условиях происходит стремительная трансформация мирового рынка сырьевых материалов. Добывающие отрасли и отрасли первичной переработки природных ресурсов оказались чрезвычайно восприимчивыми к процессам технологической модернизации. Как показали события последнего десятилетия, наиболее заметные изменения происходят на рынках энергоресурсов, доля которых в мировой торговле сырьевыми товарами остается доминирующей. Среди отраслей ТЭК наиболее сложные и неоднозначные изменения происходят на рынке природного газа. Сланцевая революция в США, быстрое развитие технологий сжижения природного газа, открытие и введение в промышленную разработку крупных месторождений природного газа привели к возникновению на мировом газовом рынке избытка предложения. Уже к середине 2010-х годов отмечалось формирование на мировом рынке газа «рынка покупателя». С другой стороны, стремительно стала происходить декарбонизация экономик стран-лидеров. Идеи формирования низкоуглеродной экономики были выдвинуты впервые еще в начале 2000-х годов в качестве ответа на быстрый рост цен на углеводороды. Одновременно, в основе процессов декарбонизации были и технологические основания. На протяжении последних двух десятилетий стоимость выработки электроэнергии из возобновляемых источников постепенно

снижалась. В итоге совокупность причин: снижение стоимости выработки энергии, рост доходов населения и удовлетворенность первичных потребностей европейских и североамериканских потребителей и обеспокоенность проблемами сохранения окружающей природной среды вели к увеличению доли возобновляемых источников энергии в электрогенерации. Параллельно снижалась энергоёмкость практически всех секторов экономики. Таким образом, в мировом энергетическом секторе сформировался комплекс причин для существенных изменений, и основные изменения затронули именно газовый рынок.

Важно отметить, что в перспективе значительную конкуренцию газу в сфере выработки электроэнергии составят возобновляемые источники энергии. Ситуация на рынках разных стран будет заметно различаться. Так, в США, за счет эффекта сланцевой революции и удешевления газа доля этого энергоносителя в энергобалансе и выработке электроэнергии заметно выросла (рис. 1) [10]. Однако для европейских стран, являющихся основными потребителями российских энергоресурсов, типичны другие тенденции. Курс на декарбонизацию европейских экономик в перспективе повлечет за собой сокращение доли ископаемого топлива. В электроэнергетике делается ставка на расширение потребления энергии, произведенной с помощью возобновляемых источников. В будущем, за счет развития технологий производства водорода и комбинации ВИЭ и водорода как энергоносителя, доля ископаемых источников энергии и газа на этом рынке может заметно сократиться.

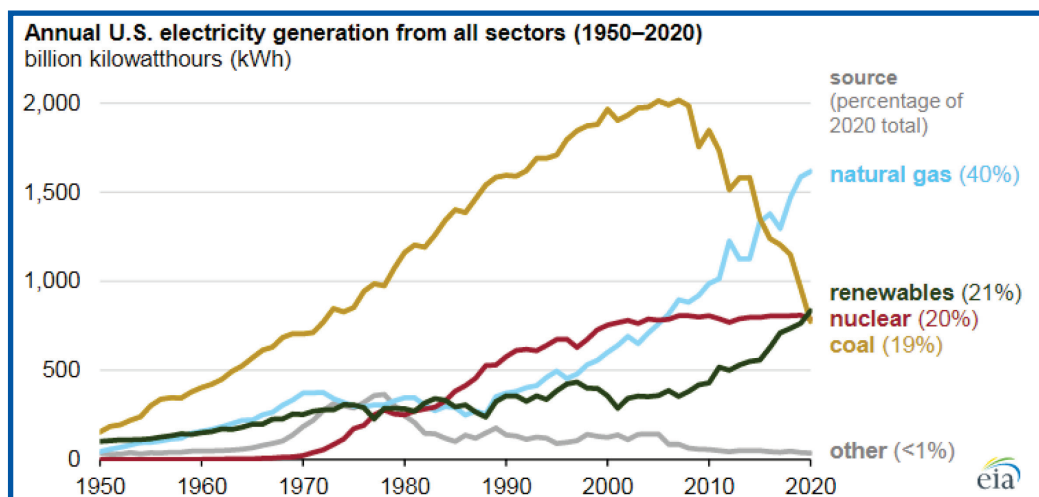

Рисунок 1. Производство электроэнергии в США на базе использования разных источников энергии в миллиардах киловатт-час (кВтч)

Источник: Управление энергетической информации США (EIA), Ежемесячный обзор энергетики.

URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=50622> (Дата обращения: 23.12.2021)

Важно также учитывать, что значительные изменения на рынке всех сырьевых ресурсов и, прежде всего на рынке углеводородов, спровоцировала эпидемия covid-19. Спрос на сырьевые материалы стал волатильным. Так, в 2020 году в некоторые месяцы на европейском рынке цены на газ опускались ниже 50 долл. за 1000 м³ (TTF – 17.05.2020 – 43,88 долл. за 1000 м³) [9]. Такие цены делали экономически непривлекательным экспорт СПГ на европейский рынок из США и не обеспечивали Газпрому покрытие затрат на поставки газа в Европу. В 2021 году, напротив, на фоне быстрого восстановления мировой экономики после пандемии спрос на все сырьевые товары увеличился, выросли цены на ресурсы. В отдельные недели цены на газ достигали отметки 1500 долл. за 1000 м³.

Нестабильность ситуации на рынках сырьевых материалов, с одной стороны, определила необходимость введения в периоды низких цен на сырье специальных мер поддержки компаний добывающего сектора, с другой стороны, обострила вопрос поиска и развития перспективных рыночных ниш.

В 2020 году, в условиях ухудшения рыночной конъюнктуры и резкого сокращения спроса на сервисные работы, в России были предложены меры по поддержке предприятий добывающего комплекса. Был реализован комплекс мер в рамках программы «Незавершенная скважина». В рамках этого направления государственная поддержка могла оказываться в период с мая 2020 по апрель 2022 года. Предполагалось формирование совместного предприятия (СПВ), привлекающего кредиты для работы нефтесервисных компаний и консолидирующего на своем балансе пробуренные, но пока не задействованные скважины. Также предполагалось использование мер налогового вычета [4, 5].

Однако комплекс мер государственной поддержки не должен и не может ограничиваться только помощью в кризисный период. С учетом высокой степени значимости предприятий добывающего комплекса для экономической ситуации в стране и одновременно быстрых изменений на рынках сырьевых материалов, связанных с фактором технического прогресса, представляется важным выделение перспективных сегментов рынка и оказание им государственной поддержки. Прежде всего, на наш взгляд, целесообразно расширение финансирования научных исследований и льготное кредитование компаний, внедряющих перспективные технологические решения.

Выделяя перспективные направления и технологии развития рынка углеводородов, прежде всего, необходимо отметить такие направления как: водородную энергетику, использование в нефтегазовом комплексе цифровых технологий, развитие рынка сжиженного природного газа (СПГ) и его малотоннажного сегмента.

Водородная энергетика позволяет решить одну из фундаментальных проблем, связанных с производством электроэнергии из возобновляемых источников – неравномерностью выработки электроэнергии солнечными и ветровыми электростанциями и невозможностью хранения выработанной электроэнергии. Ранее считалось, что максимальная доля возобновляемых источников энергии в электрогенерации может достигать 40–45% отметки. Остальная часть электроэнергии должна вырабатываться традиционными электростанциями, работающими на газе или угле. Роль балансирующих мощностей могла играть также атомная энергетика. Однако развитие технологий водородной энергетики меняет очень многое. Будущее энергетической отрасли Европы сегодня связывается с выработкой электроэнергии ветровыми и солнечными электростанциями и преобразованием излишков выработанной энергии в водород, который в отличие от электроэнергии может подлежать длительному хранению. Таким образом, появляется возможность преодолевать технологические ограничения, связанные с развитием ВИЭ. Одновременно, что важно для европейских стран, такая схема выработки электроэнергии позволяет снизить негативное воздействие на окружающую среду.

Для России технологии водородной энергетики также являются перспективными, т. к. позволяют получить дополнительную выгоду от использования запасов газа. Однако вопрос о том, как монетизировать данные запасы и какие технологии могут стать базисными, является дискуссионным. В ряде исследований выдвигается идея выработки водорода из газа на территории России и последующего его экспорта на Европейский рынок и в страны Юго-Восточной Азии [1]. Однако этот путь развития требует огромных затрат. На сегодняшний день ощущается не только нехватка современных технологий и отечественного технологического оборудования для производства водорода на основе газа, но и возможностей для транспортировки водорода. Строительство новых трубопроводов для экспорта водорода на зарубежные рынки или модернизация существующей транспортной инфраструктуры под транспортировку водородосодержащих смесей потребует колоссальных затрат, отвлечения финансовых и производственных ресурсов из других отраслей национальной экономики и, в конечном счете, может усугубить проблему сырьевой направленности экономики и зависимости от внешних рынков. В текущих условиях, на взгляд ряда авторов, более целесообразным является партнерство в сфере производства водорода с зарубежными странами, экспорт на их территорию природного газа по уже сложившимся

транзитным коридорам и производство водорода в так называемых водородных долинах, вблизи потенциальных потребителей [3].

Вместе с тем, важно отметить, что любой из описанных вариантов развития требует расширения объемов государственного финансирования научных исследований в области водородной энергетики и увеличения объемов кредитования компаний, производящих технологическое оборудование.

Еще одно перспективное направление в развитии сырьевого сектора – цифровые технологии. Цифровые технологии не меняют кардинально добычу, транспортировку или переработку природного сырья. Их внедрение позволяет заметно снизить издержки производства, повысить производительность труда и в некоторых случаях исключить человеческий труд в опасных или сложных условиях. За счет широкого использования цифровых двойников месторождений, цифровых скважин появляется возможность оптимизировать процессы буровых работ, работ по гидроразрыву пласта. В конечном счете, повысить коэффициент извлечения нефти или природного газа. В силу высокой степени заинтересованности частного сектора во внедрении данных технологий, государственная поддержка этого сектора может ограничиваться мерами по развитию компонентной базы для отечественной электроники.

Еще одним исключительно перспективным сегментом мирового рынка, связанным с новыми технологиями, является рынок сжиженного природного газа. Снижение издержек по сжижению природного газа и успехи в строительстве танкеров-газовозов позволили расширить объемы мировой торговли СПГ и увеличить объемы экспорта газа из Австралии, США, Тринидада и Тобаго и многих других стран. Развитие торговли сжиженным природным газом, в свою очередь, изменило газовый рынок: произошла глобализация хозяйственных связей, система долгосрочных биржевых контрактов стала сменяться биржевым ценообразованием.

В рамках исследования рассматривался формирующийся рынок малотоннажного сжиженного природного газа и механизмы государственной поддержки этого перспективного сегмента рынка и технологической модернизации газовой отрасли.

Развитие экспорта природного газа из Российской Федерации рассматривается следующим образом:

В прошлом экспорт природного газа осуществлялся в рамках двухсторонних договоров, заключаемых часто в виде межправительственных соглашений. Такие договора имели длительные сроки действия в двадцать и более лет и включали условия «бери или плати», гарантирующие окупаемость инвестиций в проект. Инфраструктура экспорта, состоящая главным образом из магистральных трубопроводов, создавалась под конкретные нужды потребителей и поставщиков.

В связи с либерализацией газовых рынков Европейского союза – главного потребителя российского природного газа, в ходе принятия «энергетических пакетов», изменились рамочные условия для его экспорта. Газопроводы продолжают быть важнейшим маршрутом экспорта, продолжается развитие новых экспортных газопроводов в связи с изменениями геополитической ситуации. Однако формирование новых, часто премиальных рынков природного газа в Азии и других частях мира и развитие технологий сжижения газа заставили правительство РФ и российские нефтегазовые компании обратить внимание на СПГ как способ доставки «голубого топлива» до потребителя. ПАО «Новатэк» совместно со своими иностранными партнерами и при поддержке российского государства в сжатые сроки смогло создать центр производства СПГ на берегу Обской губы – «Ямал СПГ». С его выходом на плановую мощность Россия с объемом производства около 20 млн тонн в год недавно вошла в четверку крупнейших стран-производителей СПГ в мире. Также продолжается развитие ряда других СПГ-проектов, как на Ямале так и в других частях страны. ПАО «Газпром», имея опыт производства и маркетинга СПГ через свое участие в проекте «Сахалин Энерджи», также рассматривает создание СПГ и газохими-

ческого производства в порту Усть-Луга («Балтик СПГ»). Таким образом, в настоящее время традиционный канал экспорта природного газа через магистральные газопроводы дополняется экспортом СПГ по морю с крупных заводов по сжижению.

В будущем структура экспорта природного газа из Российской Федерации, несомненно, претерпит изменения в связи с начавшейся трансформацией мирового энергетического рынка. Уже сейчас началось создание маршрутов трубопроводного экспорта в Азию («Сила Сибири») и можно ожидать появление новых маршрутов в этот мировой регион. Происходит увеличение объемов экспорта СПГ и ожидается диверсификация его производителей. Целью для производства СПГ в РФ заявлено 80–140 млн тонн к 2035 году.

По нашему мнению, экспорт природного газа дополнится еще и появлением региональных рынков малотоннажного СПГ. Россия имеет все предпосылки для того чтобы занять роль основного поставщика на ряде зарождающихся новых рынках сбыта.

Монополия на экспорт природного газа для ПАО «Газпром» была введена в 2006 году Федеральным законом 117-ФЗ «Об экспорте газа», под который попадает и СПГ. В 2013 году право на экспорт природного газа в сжиженном состоянии было дополнено рядом условий, создающих основу для осуществления проектов ПАО «Новатэк» на Ямале. Последнее дополнение к закону было подготовлено по поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина от 5 ноября 2019 г. № Пр-2276. Принятые изменения в закон расширили перечень месторождений с которых можно экспортировать СПГ. Либерализация экспорта СПГ является одним из элементов энергетической стратегии России до 2035 года, позволяющим в полной мере раскрыть потенциал СПГ производства в России.

Существуют веские экологические и экономические предпосылки для использования СПГ в качестве топлива: СПГ состоит практически полностью из метана, самой короткой из углеводородных молекул, при его сжигании образуется на 10–20% меньше CO_2 чем при использовании нефтепродуктов. При использовании СПГ на наземном или водном транспорте уже сегодня выполняются строгие природоохранные нормы выбросов. Так, выбросы соединений азота (NO_x) ниже на 70–80%, выбросы соединений серы (SO_x) ниже на 80–90%, а выбросы тонкодисперсной пыли ниже практически на 100%. Если сравнивать СПГ в коммунальном отоплении с используемым сегодня мазутом или углем его экологические преимущества проясляется еще отчетливее.

В начале 2019 года начал отгрузки среднетоннажный завод в Высоцке на Финском заливе. В Балтийском и Северном морях уже сформировался активный рынок малотоннажного СПГ. В 2022 году в регионе ожидается также запуск СПГ завода «Портовая» мощностью в 1,5 млн тонн в год. На Черном море технологии малотоннажного СПГ могут позволить эффективно решать вопросы безопасности судоходства через Босфор и тем самым обеспечить долю СПГ из РФ в развитии рынка малотоннажного СПГ в Черном и Средиземном морях. В 2019 г. были осуществлены первые поставки природного газа из России в Монголию в виде поставок СПГ по железной дороге.

Исследование показало, что существует возможность существенно увеличить количество и размер проектов производства СПГ в регионах России за счет создания условий производства и развития использования СПГ. К первому относится предоставление специальных налоговых льгот и режимов для СПГ-проектов вне зависимости от размера проекта и лоббистских возможностей его участников, а также формализация процесса получения разрешения на экспорт СПГ [2, 8].

Среди мер поддержки использования СПГ следует выделить стимулирование перехода в локальном тепло- и электроснабжении от угля и нефтепродуктов на использование СПГ и повышение предложения СПГ на внутреннем рынке. Также следует стимулировать спрос на СПГ как моторное топливо.

Отдельной задачей стоит поддержка создания парка малотоннажных газозовов и криогенных цистерн и развитие биржевой и небиржевой торговли газом для обеспечения рынков ликвидными ценовыми ориентирами в будущем.

Как вариант поддержки можно рекомендовать прямые инвестиции государства в отрасль, в т. ч. через создание государственной корпорации, не только в проекты производства СПГ, но и в инфраструктуру транспортировки и использования СПГ. Именно в мало- и среднетоннажном сегменте в России создаются собственные технологии производства, и может использоваться оборудование, произведенное в России [6, 7]. Анализируя динамику развития новых мощностей по производству СПГ, можно сделать вывод о росте числа новых компаний именно в этом перспективном сегменте рынка.

Очевидно, что в современных условиях технологические факторы оказывают значительное влияние на рынки сырьевых материалов. В силу масштабов рынка наиболее ощутимыми являются изменения на энергетических рынках. Однако это не снижает значимость изменений в сфере добычи и переработки твердых полезных ископаемых, особенно тех их видов, которые необходимы для производства высокотехнологичной продукции: редкие и редкоземельные металлы, медь, титан. Поскольку конкурентоспособность стран на рынках сырья во все большей степени связана со способностью экономически эффективно применять современные технологии, вопросы государственной поддержки сферы научных исследований и компаний, производящих новое технологическое оборудование или внедряющих новые технологии, становятся исключительно важными и в этом направлении должны проводиться дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Белов В.Б. Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией // Современная Европа, № 6, 2020. С. 65–76. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520206576>
2. Возможности и перспективы развития малотоннажного СПГ в России/ А.Ю. Климентьева, Т.А. Митрова, А.А. Собко и др., Московская школа управления СКОЛКОВО, Москва, июль 2018.
3. Конопляник А.А. Чистый водород из природного газа – новое перспективное направление сотрудничества России и ЕС. // «Газпром», сентябрь 2020, № 9. С. 2–11. – URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2020/pure-hydrogen/>
4. Отрасль под ударом. 2021-02-12. – URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/12/847/ (дата обращения: 8.12.2021).
5. Опора для нефтесервиса. – URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2020-november/5117335/> (дата обращения: 8.12.2021).
6. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Том 1. Региональная серия: Балтика. МШУ Энергетический центр Сколково / под ред. Климентьева А.Ю., Митровой Т.А., Капитонова С.А., 2019.
7. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Том 2. Региональная серия: Арктика. МШУ Энергетический центр Сколково / под ред. Климентьева А.Ю., Митровой Т.А., Капитонова С.А., 2019.
8. Российский мало- и среднетоннажный СПГ. Том 3. Региональная серия: Кузбасс, Якутия, Дальний Восток, Сахалин, Черное море», МШУ Энергетический центр Сколково / под ред. Климентьева А.Ю., Митровой Т.А., Капитонова С.А., 2019.
9. Цены на природный газ. – URL: <https://www.profinance.ru/charts/?s=TTFUSD1000&hist=true&p=VFRGVVNEMTAwMCMzIzEwIzExOTIjNDQ2IzEjMA> (дата обращения: 20.12.2021).
10. Renewables became the second-most prevalent U.S. electricity source in 2020. December 23, 2021. – URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=50622> (дата обращения: 10.12.2021).

ВЛИЯНИЕ ИНЦИДЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА КОТИРОВКИ БУМАГ ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ

Мерекина Е.В., Леушин Н.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
ПАО ГМК «Норильский никель»
Москва

Аннотация. Несмотря на развитие системы риск-менеджмента и киберстрахования, инциденты информационной безопасности по-прежнему представляют собой угрозу для бизнеса. Публичные компании рискуют вдвойне: с приходом множества неквалифицированных инвесторов на фондовый рынок в 2019–2020 гг. волатильность их котировок повысилась. Инциденты информационной безопасности могут привести к падению капитализации компании, сделать невозможным выплату дивидендов. Вырастут риски снижения кредитного рейтинга облигаций, возможны сложности при размещении их следующего выпуска. Степень влияния инцидентов может зависеть от размера коэффициента free-float у акций, развития фондового рынка, величины ущерба, отрасли компании. Разработка системы управления такими рисками является первостепенной задачей.

Ключевые слова: информационная безопасность, публичная компания, котировки бумаг

Что сформулировать выводы о влиянии инцидентов информационной безопасности компаний на котировки бумаг публичных компаний, уточним основные термины.

Публичные компании отличаются от частных тем, что их акции размещены на биржах, и инвесторы имеют доступ к покупке этих акций по рыночной цене. Инциденты информационной безопасности, судебные разбирательства, реакция недовольных клиентов и прочие события могут негативно отражаться на стоимости ценных бумаг компаний и препятствовать дальнейшему устойчивому развитию бизнеса.

В Федеральном законе номер 39 «О рынке ценных бумаг» представлены все виды ценных бумаг и иных финансовых инструментов, обращающихся на российском финансовом рынке. Бумаги, к которым есть доступ у большого числа инвесторов и которые обладают достаточной степенью ликвидности для торговли в режиме реального времени (иными словами, это эмиссионные ценные бумаги, торгуемые на фондовом рынке Московской биржи) могут быть наиболее подвержены влиянию инцидентов информационной безопасности по сравнению с остальными. Остановимся на них подробнее.

Снижение стоимости акций, а следовательно, и капитализации компании в результате инцидентов информационной безопасности может в дальнейшем привести к отказу от выплаты дивидендов. Помимо этого, важно отметить, что акции фирмы могут служить ей в качестве залога по обеспечению долга. По оценкам экспертов, стоимость привлечения кредитов и обслуживания долга после размещения акций на бирже снижается на 2–3% годовых.

Различают обыкновенные и привилегированные акции. Выпуск привилегированных акций является скорее разовым инструментом привлечения состоятельных инвесторов и несет меньше угроз для компании, чем выпуск обыкновенных акций.

Главная задача депозитарных расписок заключается в привлечении дополнительных инвестиций в компанию со стороны иностранных инвесторов. Для них это возможность приобрести долю в компаниях-нерезидентах мирового масштаба. Наравне с депозитарными расписками, на фондовом рынке Московской биржи с прошлого года торгуются и напрямую акции иностранных эмитентов.

В случае, если у компании есть и облигации, инциденты информационной безопасности могут привести к снижению их кредитного рейтинга. Это означает, что последующие выпуски облигаций для компании будут более дорогими.

В настоящее время на бирже обращаются 3 вида облигаций: корпоративные облигации (их также называют классическими), биржевые и коммерческие. Эти названия могут ввести инвестора в заблуждение. Ведь на самом деле все эти бумаги являются корпоративными и обращаются на Московской бирже, но различаются условиями их размещения.

Под еврооблигациями следует понимать облигации, выпущенные в валюте, которая для заемщика считается иностранной. Это может быть любая валюта, не обязательно евро. Выпуск облигаций в иностранной валюте может иметь множество причин: например, компании нужно рассчитываться с поставщиками в этой валюте или как-то застраховаться от рисков, связанных с динамикой курса рубля.

В таблице 1 отражена актуальная на 8.12.2021 статистика по количеству компаний-эмитентов и выпусков ценных бумаг разных видов, представленных на фондовом рынке Московской биржи.

Таблица 1. Выпуски корпоративных ценных бумаг, обращающихся на фондовом рынке Московской Биржи

Акции	Облигации
Обыкновенные – 209 Привилегированные – 53 Иностраннх эмитентов – 514	Классические – 118 компаний, 319 выпусков Биржевые – 302 компании, 1681 выпуск
Депозитарные расписки Американские – 19 Глобальные – 41 Российские – 0	Еврооблигации – 78 компаний, 368 выпусков

Источник: составлено авторами по данным [1]

Как указано в таблице, в настоящее время на фондовом рынке Московской биржи представлено 209 российских и 514 иностранных публичных компаний. Все они подвержены рискам инцидентов информационной безопасности и заинтересованы в совершенствовании системы своего риск-менеджмента с целью достижения устойчивого развития. Можно заметить, что многие компании разместили также депозитарные расписки и облигации (в том числе номинированные в иностранной валюте), чья цена может отреагировать на такие инциденты.

Несмотря на шок в экономике, 2020 год оказался удачным для российских компаний-эмитентов. Впервые в кризис Банк России не повышал, а понижал ключевую ставку. Благодаря этому российские корпоративные заемщики смогли привлечь рекордные объемы дешевых денег через облигации.

Индекс Московской биржи также вырос на в 2020 году. Он формируется из наиболее ликвидных акций крупнейших и динамично развивающихся российских компаний. Основной рост вышеперечисленных индексов обеспечен девальвацией российского рубля, так как большая часть компаний, входящих в индексы, являются экспортерами.

Но самую мощную поддержку рынку оказали инвесторы-физические лица: с начала 2020 года на российский фондовый рынок вышло больше 4 млн новых частных инвесторов, что сопоставимо с общим количеством инвесторов, зарегистрированных на российском фондовом рынке за все предыдущее время. Это существенно повлияло на волатильность индекса и отражено на рисунке 1.

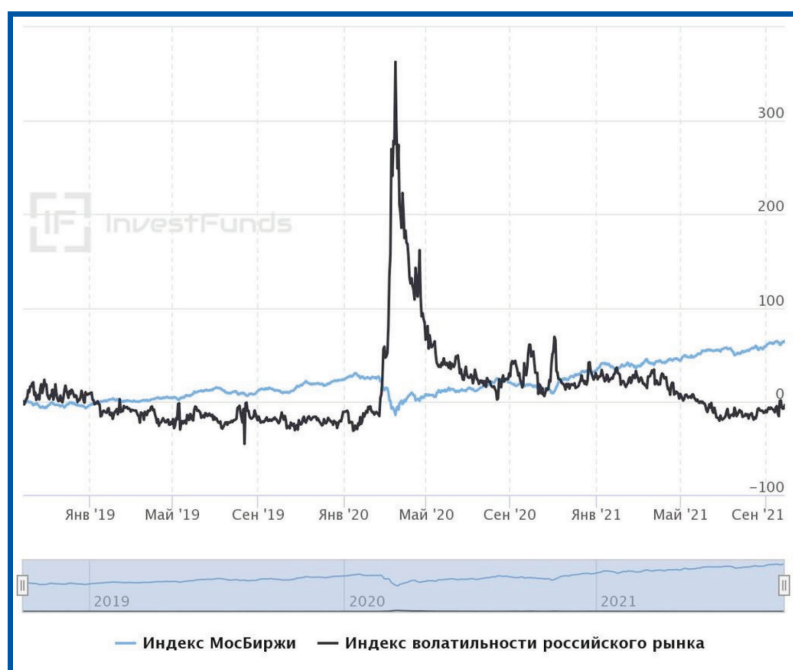

Рисунок 1. Тенденции на российском фондовом рынке в 2020–2021 гг.

Источник: [2]

На рисунке 1 виден всплеск волатильности, произошедший в начале пандемии на фоне небольшого падения индекса (после этих событий индекс вернулся к предыдущим значениям и стабильно растущему тренду).

Как показывает зарубежная практика, это обстоятельство нельзя недооценивать. Инвесторы-физические лица, как правило, не являются квалифицированными инвесторами и зачастую принимают инвестиционные решения, основанные не на рациональных ожиданиях или результатах расчетов, а под влиянием обстоятельств. Наиболее известный пример – это всем известный случай с компанией GameStop.

Оценка влияния инцидентов информационной безопасности на котировки ценных бумаг достаточно трудоемкий процесс. Первая проблема, с которой сталкивается исследователь – это редкие случаи публичной огласки подобных инцидентов компаниями, в том числе раскрытия истинных причин какого-либо негативного события. Так, например, в банковском секторе может случиться сбой при обслуживании банковских счетов клиентов, который будет представлен как «технологический сбой» и если его удастся быстро устранить, то такое событие может остаться рядовым. Однако, если принять во внимание, что причиной технологического сбоя работы банковской информационной системы мог быть инцидент информационной безопасности, и эта информация стала бы публичной, то реакция инвесторов в этой ситуации могла бы быть иной. Возможность успешной кибератаки на банковскую информационную систему показывает, что один из ключевых активов современного банка защищен недостаточно, а это в свою очередь может указывать на проблемы в управлении рисками в конкретном банке.

Второй проблемой можно назвать сложность выявления «чистого» события информационной безопасности в качестве основного фактора, который повлиял на котировки ценных бумаг в данный период времени. Так, например, при изучении какого-либо события информационной безопасности, произошедшего в публичной компании, оказывается, что в тот же период времени в компании происходили другие, не менее значимые для инвесторов события, такие как смена состава совета директоров, сделки слияния поглощения, критические изменения цены на ключевые товары компании и прочее. В таких условиях невозможно точно определить, какое из событий и в какой мере повлияло на инвесторов и в итоге – на котировки ценных бумаг.

Тем не менее, в истории можно найти несколько примеров, когда события информационной безопасности были относительно «чистыми» и их влияние можно оценить, как решающее.

Пример 1. В момент сделки по продаже американского интернет-гиганта Yahoo в компанию Verizon в 2017 году выяснилось, что в период с 2013 по 2017 год злоумышленниками было украдено 3 миллиарда учетных записей пользователей, что в итоге позволило снизить сумму сделки на 350 миллионов долларов с 4,84 млрд долларов до 4,48 млрд долларов.

Пример 2. В апреле 2011 года игроки в PlayStation 3 не смогли зайти в магазин игр PlayStation Network из-за атаки хакерской группировки Anonymous, так продолжалось до середины мая 2011 года. Также утекли данные 77 миллионов пользователей. Убытки за три недели простоя были оценены компанией Sony в 171 миллион долларов. Падение стоимости одной акции с 30,46 долларов до 26,64 долларов, что составляет около 13%, отражено на рисунке 2.

Рисунок 2. Динамика стоимости акций компании Sony в период 2013–2017 гг.

Источник: [3]

На рисунке видно, что снижение стоимости акций продлилось существенно дольше, чем период самого инцидента, что говорит о высоких рисках в результате наступления таких событий.

Пример 3. 24 июля 2019 года Facebook получил крупнейший штраф от регулятора на фоне сообщений о нарушении конфиденциальности персональных данных и многочисленных утечек, спровоцированных в том числе инцидентами информационной безопасности. Падение цены одной акции с 204 до 182 долларов, эквивалентное потере около 10% стоимости компании на тот момент и убыткам в 412 миллионов долларов, отражено на рисунке 3.

Рисунок 3. Динамика стоимости акций компании Facebook в период июнь–ноябрь 2019 года

Источник: [3]

На рисунке 3 виден стремительный спад цены непосредственно после инцидента. На протяжении следующих трех месяцев цена акций так и не вернулась к своим значениям в июле 2019 года.

Таким образом, представленные выше примеры показывают, что реакция инвесторов на события информационной безопасности может оказывать существенное влияние на котировки ценных бумаг публичных компаний. В то же время, следует отметить, что не каждое событие информационной безопасности, попавшее в публичное поле, оказывает негативное влияние на котировки.

Пример 4. Атака на инфраструктуру компании Garmin 23 июля 2021 года стала одним из крупнейших событий информационной безопасности для специалистов по информационной безопасности во всем мире. Пострадала не только компания, но и потребители сервисов и услуг компании. Так, например, умные часы и навигаторы, производимые компанией, не смогли загрузить обновления прошивок, а личные кабинеты пользователей, включавшие в себя персональные данные, биометрическую информацию, информацию о регулярных передвижениях пользователей устройств Garmin, оказались недоступны в течение четырех дней. Тем не менее, как можно видеть на рисунке 4, рынок никак не отреагировал на это событие.

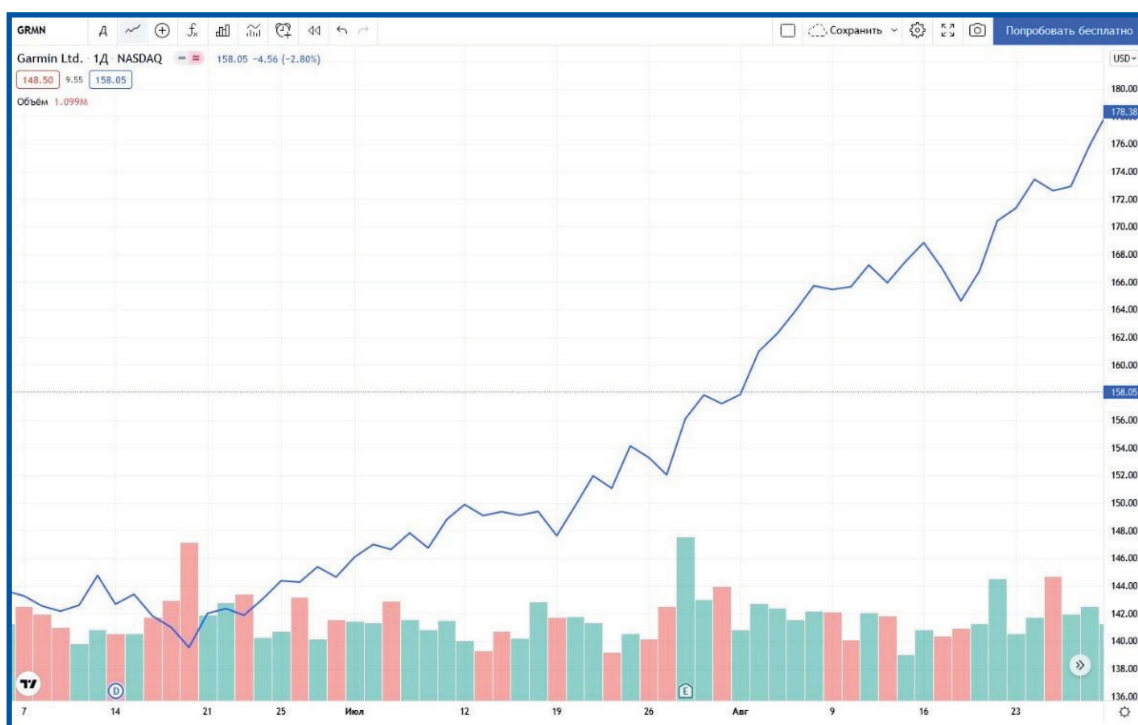

Рисунок 4. Динамика стоимости акций компании Garmin в июле-августе 2021 года

Источник: [3]

Как видно на рисунке 4, инцидент информационной безопасности не оказал никакого влияния на котировки ни в момент наступления события, ни после него. Акции Garmin повторили общий тренд для IT-компаний в 2021 году и продемонстрировали существенный рост.

Пример 5. Утечка данных 533 млн пользователей Facebook 3 апреля 2021 года не стала поводом для снижения стоимости акций компании и прошла как рядовое событие, хотя для специалистов в области информационной безопасности это событие было одним из ключевых в 2021 году. График с динамикой цены акций компании помещен на рисунок 5.

Рисунок 5. Динамика стоимости акций компании Facebook в апреле 2021 года

Источник: [3]

На рисунке 5 можно видеть, что растущий тренд прервался в момент наступления события, однако последующее падение цены было не существенным и быстро сменилось ростом, что позволяет сделать неверный вывод о несущественности данного события.

Таким образом, по данным пяти примерам может сложиться мнение, что влияние, которое оказывают инциденты информационной безопасности на котировки ценных бумаг, не поддается оценке, а сами инциденты являются ситуативными явлениями, отражающими текущее настроение инвесторов к проблемам информационной безопасности в целом. В связи с этим специалисты по информационной безопасности отмечают, что в современных методиках оценки рисков информационной безопасности в недостаточной степени учтено возможное влияние событий информационной безопасности на котировки ценных бумаг публичных компаний [4].

Тем не менее, наличие примеров падения капитализации и наблюдаемая повышение волатильность рынков в связи с дестабилизацией мировой экономики на фоне пандемии и активного внимания к трейдингу со стороны неквалифицированных инвесторов говорят о том, что данная концепция изжила себя и нуждается в доработках. Кроме того, научные исследователи приводят данные, что растущая цифровизация бизнеса увеличивает затраты компаний на информационную безопасность [5, с. 134].

Авторами было выявлено, что степень влияния инцидентов нарушения информационной безопасности может зависеть от следующих факторов. Во-первых, от размера коэффициента free-float у акций, то есть от доли акций, находящихся в свободном обращении на бирже. Чем больше этот коэффициент, тем больше может оказаться реакция инвесторов на события.

Следующим фактором является степень развития фондового рынка. Чем она больше, тем больше уровень ликвидности, а значит, и число сделок, которое может быть совершено под влиянием инцидентов.

Величина ущерба для компании от инцидентов нарушения информационной безопасности, очевидно оказывает ключевое влияние на котировки бумаг компании.

Наконец, отрасль компании также может оказаться значимым фактором. Компании государственного сектора могут реагировать на нарушение информационной безопасности более остро, чем частные.

Ключевыми способами защиты от инцидентов информационной безопасности и обеспечения устойчивого развития компании в контексте киберугроз в настоящее время являются бюджетирование (то есть вложение определенного объема средств в разработку мер повышения уровня информационной безопасности, а также на урегулирование последствий возможных инцидентов) и киберстрахование, все еще недостаточно распространенное в нашей стране [6, с. 122]. Случается, что заказчики при принятии решения о сотрудничестве с компанией требуют от партнеров наличия полиса страхования кибер-рисков, понимая, что риски инцидентов информационной безопасности представляют собой реальную угрозу [7, с. 351].

Очевидно, что цифровая трансформация экономики будет продолжаться, и вместе с ней неизбежно возникнут новые угрозы и вызовы глобальной экономической безопасности [8]. Поэтому для дальнейшего развития данной темы считаем целесообразным начать разработку методологии оценки риска влияния инцидентов информационной безопасности на котировки ценных бумаг компаний с учетом отраслевой принадлежности и «портфеля» корпорации с привлечением к этой работе профессионалов как от информационной безопасности, так и экспертов по ценным бумагам.

Список литературы

1. Московская биржа, «Фондовый рынок Группы «Московская Биржа»» [В Интернете] URL: <https://www.moex.com/s1160> (дата обращения: 8.12.2021).
2. InvestFunds, «РОССИЙСКИЙ РЫНОК АКЦИЙ» [В Интернете]. <https://investfunds.ru/indicators/russian-stock-market/> (дата обращения: 8.12.2021).
3. Investing.com, «Акции» [В Интернете]. <https://ru.investing.com/equities> (дата обращения: 8.12.2021).
4. *Мамаева Л.Н.* Характерные проблемы информационной безопасности в современной экономике // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1 (22). С. 21–24.
5. *Махалина О.М., Махалин В.Н.* Цифровизация бизнеса увеличивает затраты на информационную безопасность // Управление. – 2020. – Т. 8. – №. 1.
6. *Волкова Т.А., Сулякова О.Н.* Страхование информационных рисков (киберстрахование) // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – Т. 1. – №. 7 (33)
7. *Первоухина М.В., Слюнина А.Ю.* Кибер-страхование как способ обеспечения информационной безопасности // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2018. – Т. 2. – №. 4 (14)
8. *Манахова И.В., Кудайкулов М.К.* Глобальные вызовы и риски экономической безопасности // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века : матер. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Сушкова. 2016.

НЕОБХОДИМОСТЬ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Рудомётов С.С.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

Аннотация. Бюджетный кодекс РФ закрепляет механизм предоставления бюджетных инвестиций юридическим лицам. Предоставление бюджетных инвестиций всегда сопровождается заключением договора. Любой спор относительно исполнения такого договора разрешается с использованием гражданского законодательства, в основе которого лежат принципы свободы договора и равенства участников отношений, которые не могут в полной мере обеспечить достижение баланса интересов участников бюджетных инвестиций. На основании анализа судебной практики обосновывается необходимость внесения изменений в федеральное законодательство на уровне подзаконных актов.

Ключевые слова: алгоритмизация управленческих решений, бюджетные инвестиции, Бюджетный кодекс

Бюджетный кодекс РФ (ст. 6, 80) закрепляет механизм предоставления бюджетных инвестиций юридическим лицам, которые не являются государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями (далее — юридические лица). Данный инструмент вмешательства публичных субъектов в экономические отношения достаточно активно используется на практике.

Так, согласно Федеральному закону от 08.12.2020 N 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» в 2021 г. было запланировано почти 83 млрд руб. федеральных бюджетных средств для целей их предоставления в качестве бюджетных инвестиций. В 2022 году согласно Федеральному закону от 06.12.2021 N 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» объем бюджетных инвестиций составляет порядка 79 млрд руб.

Обозначенные суммы бюджетных инвестиций на федеральном уровне свидетельствуют о том, что государство полагает эффективным вложение бюджетных средств именно путем предоставления юридическим лицам бюджетных инвестиций в порядке статьи 80 Бюджетного кодекса РФ, а не каким-либо иным образом. Например, Бюджетный кодекс РФ также содержит такой инструмент как предоставление бюджетных кредитов, однако в рамках вышеназванных законов об утверждении федеральных бюджетов на 2021 и 2022 годы предоставление юридическим лицам федеральных бюджетных средств в таком порядке не предусмотрено.

Таким образом, активное обращение государства к вложению бюджетных средств через механизм предоставления бюджетных инвестиций предопределяет актуальность рассмотрения вопросов о том, каким именно образом с формально-юридической точки зрения реализуется вышеназванная процедура. С экономической точки зрения оценка качества формально-юридических процедур позволяет говорить о том, насколько велики транзакционные издержки участников данной процедуры, а также о наличии / отсутствии внеправовых институтов, возникающих с целью регулирования отношений, не охваченных правовыми механизмами.

В рамках настоящей статьи порядок предоставления бюджетных инвестиций юридическим лицам будет рассматриваться именно с момента начала процедуры заключения договора о предоставлении бюджетных инвестиций, то есть за рамками остается исследование вопросов о порядке принятия решений о предоставлении бюджетных инвестиций.

В самом общем виде процедура предоставления бюджетных инвестиций, регламентированная статьей 80 Бюджетного кодекса РФ, выглядит следующим образом. Между органом власти (или уполномоченным им лицом) и получателем бюджетных инвестиций заключается договор, согласно которому публичный субъект обязан перечислить юридическому лицу денежные средства, а взамен юридическое лицо передает публичному субъекту эквивалентную часть акций (долей в уставном капитале). Договор должен быть оформлен в простой письменной форме. Также в рамках данного договора прописывается еще ряд положений, которые непосредственно отражают цель предоставления бюджетных инвестиций, сроки их реализации, различного рода запреты по их использованию и т. д. Более детально общий перечень требований отражен в Постановлении Правительства РФ от 15.02.2017 N 190. Ряд актов уполномоченных органов также закрепляет примерные (типовые) формы договоров о предоставлении бюджетных инвестиций. На этом круг нормативных актов, регламентирующий порядок предоставления бюджетных инвестиций, заканчивается.

На первый взгляд представляется, что имеющаяся процедура, а также наличие широкого перечня требований к содержанию договора о предоставлении бюджетных инвестиций, и тем более наличие типовых форм таких договоров является достаточным для регулирования данной сферы общественных отношений. В то же время, обычно только мониторинг судебной практики позволяет понять, имеются ли какие-либо проблемы формально-юридического характера в анализируемой сфере и являются ли выявленные проблемы существенными и подлежащими скорейшему разрешению.

Анализ судебной практики с использованием таких ресурсов как справочно-правовая система КонсультантПлюс, Кад арбитр, sudact, позволяет обнаружить несколько сотен судебных актов, в которых содержатся ссылки на искомые положения бюджетного законодательства (ст. 80 Бюджетного кодекса РФ) в их взаимосвязи по ряду дел, сопряженных с применением норм гражданского законодательства (положения о недействительности сделок, общие положения об исполнении обязательств, неустойка, общие положения о договорах, договоры купли-продажи и строительного подряда), а также федерального законодательства об административных правонарушениях (ч 2. ст. 15.15.4 КоАП РФ).

В обобщенном виде все возникающие категории споров можно классифицировать следующим образом:

1) Споры гражданско-правового характера, связанные с разрешением вопросов о действительности заключаемых договоров / соглашений (дополнительных соглашений к ним) о предоставлении бюджетных инвестиций (полностью или в части), а также споры о взыскании штрафных санкций по договору / соглашению в виде неустоек (пени и/или штрафы).

2) Споры об оспаривании постановлений о привлечении юридических и должностных лиц к ответственности по ч. 2 ст. 15.15.4 КоАП РФ, связанные с оценкой правомерности привлечения к ответственности за нарушение условий предоставления бюджетных инвестиций.

Какие выводы данная классификация споров позволяет сделать относительно состояния нормативно-правового регулирования порядка предоставления бюджетных инвестиций?

В первую очередь, необходимо отметить, что в действующих нормативных актах отсутствует детальное регулирование порядка заключения договоров о предоставлении бюджетных инвестиций, а также не определены специальные правила относительно возможности внесения изменений в договоры на стадии их исполнения.

Данное положение выводится из следующего круга обстоятельств: ни Бюджетный кодекс РФ, ни подзаконные акты подробно не прописывают порядок заключения договоров о предоставлении бюджетных инвестиций, то есть они не выделяют отдельные стадии обмена документами между субъектами, которые участвуют в процедуре заключения именно самого договора. Далее анализ судебной практики показывает, что в судах не рассматриваются споры о допу-

стимости включения отдельных условий в договоры о предоставлении бюджетных инвестиций (например, в порядке обмена протоколами разногласий), что свидетельствует о невозможности получателей бюджетных инвестиций каким-либо образом влиять на конкретные формулировки, составляющие условия таких договоров. Однако по имеющимся категориям дел в данной сфере суды активно обращаются к гражданскому законодательству (институт неустойки [1, 2, 3] институт просрочки кредитора [4], запрет злоупотребления правом [5] и т. д.).

В итоге складывается ситуация, когда, несмотря на то, что порядок заключения договоров о предоставлении бюджетных инвестиций имеет существенные особенности, так как процедура определения потребностей в необходимости вложения бюджетных инвестиций для целей достижения публичного интереса, а также механизм принятия решений о предоставлении бюджетных инвестиций полностью регулируется публичным правом (причем не только бюджетным, но и административным, так как «львиная доля» формальных условий определяется именно на стадии подготовки правовых актов органами исполнительной власти), суды охотно применяют положения гражданского законодательства при оценке условий заключаемых договоров о предоставлении бюджетных инвестиций. Широкое апеллирование к гражданскому законодательству при разрешении подобного рода споров вполне предсказуемо: в отсутствие специальных (административных норм) у судов не имеется другой нормативной базы для разрешения возникающих споров. Однако констатация данного факта влечет за собой ряд негативных последствий.

В основе гражданского законодательства лежат принципы свободы договора и равенства участников отношений, которые в ряде случаев не применимы к регулированию договоров о предоставлении бюджетных инвестиций. Например, можно представить ситуацию, когда в ходе исполнения договора о предоставлении бюджетных инвестиций возникают объективные факторы, препятствующие исполнению получателем принятых на себя обязательств в установленные сроки. В данном случае гражданское законодательство предоставляет сторонам возможность апеллировать к такому институту как изменение условий договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). В то же время, суды весьма неохотно применяют данный институт на практике, поэтому они скорее откажут заявителю в его требованиях со ссылкой на принцип свободы договора, нежели будут глубоко вникать в суть взаимоотношений сторон [6].

На данном этапе важно обратиться ко второй категории споров, связанной с привлечением получателей бюджетных инвестиций к административной ответственности за нарушение условий их предоставления. Часть 2 статьи 15.15.4 КоАП РФ предусматривает существенный размер административного штрафа — от 2 до 12 процентов суммы полученной бюджетной инвестиции за такие нарушения.

Анализ судебной практики по данной категории дел не позволил выявить единства мнений по вопросу о том, что необходимо понимать под понятием «условия предоставления бюджетных инвестиций». Другими словами, объективная сторона данного состава административного правонарушения не отвечает требованиям формальной определенности.

В обобщенном виде используемые судами подходы при определении условий предоставления бюджетных инвестиций можно представить в следующем виде:

1) условия предоставления бюджетных инвестиций — это раздел договора о предоставлении бюджетных инвестиций с названием «условия предоставления бюджетных инвестиций» (*применяется буквальное толкование*) [7, 8, 9, 10].

2) условия предоставления бюджетных инвестиций — это условия договора о предоставлении бюджетных инвестиций в целом (*применяется телеологическое толкование со ссылкой на ст. 6 БК РФ: бюджетные инвестиции предоставляются не просто так, а для конкретных целей, следовательно, условием является достижение заявленной цели в строгом соответствии с текстом договора*) [11, 12, 13, 14, 15].

Логика же подсказывает, что под условиями предоставления необходимо понимать те требования, которые предъявляются к получателю бюджетных инвестиций на момент принятия решения о предоставлении бюджетных инвестиций (отсутствие просроченной обязанности по уплате налогов, ненахождение в процессе реорганизации / ликвидации и т. д. — подробный перечень требований указан в Постановлении Правительства РФ от 14.07.2020 N 1041), а также совершение им действий по передаче акций (долей в уставном капитале) в пользу публичного субъекта. Аналогичная высказанной позиции судебная практика складывается в отношении оценки условий предоставления субсидий в порядке статьи 78 Бюджетного кодекса РФ (что обусловлено вмешательством Верховного Суда РФ из-за многочисленности данной категории споров).

Отсутствие единства судебной практики, а также существенный размер потенциального штрафа в совокупности с широкими пределами усмотрения контролирующих органов по вопросам привлечения к административной ответственности открывают широкие перспективы для использования внеправовых инструментов взаимодействия с контролирующими органами (например, с целью «договориться» о привлечении к ответственности только должностных лиц по ч. 2 ст. 15.15.4 КоАП РФ, так как размер штрафа на одно должностное лицо не может превышать 50 тыс. руб., что в большинстве случаев совершенно не сопоставимо даже с минимальной суммой штрафа в виде 2% от суммы предоставляемых бюджетных инвестиций).

Относительно штрафов в рамках части 2 статьи 15.15.4 КоАП РФ в целом можно высказать сомнения об их правовой природе, так как в договор о предоставлении бюджетных инвестиций параллельно включаются условия об ответственности за неисполнение принятых обязательств в виде штрафов и неустоек, соответственно, складывается ситуация, когда, например, за нарушение сроков строительства получателя бюджетных инвестиций привлекают как к гражданско-правовой, так и административной ответственности. Представляется, что объективная сторона состава данного административного правонарушения не может толковаться расширительно, и должна заканчиваться исключительно оценкой вопросов о том, соответствовал ли получатель бюджетных инвестиций установленным критериям, а также передал ли он акции (долю в уставном капитале) в пользу публичного субъекта согласно условиям, закрепленным в договоре.

Обозначенные проблемы позволяют сделать однозначный вывод о том, что качество правового регулирования института предоставления бюджетных инвестиций не является надлежащим, а участие юридических лиц в процессе предоставления бюджетных инвестиций влечет за собой возникновение большего количества рисков, нежели участие в ординарной предпринимательской деятельности. При этом выводы судов о том, что при заключении договора о предоставлении бюджетных инвестиций юридическое лицо как субъект предпринимательской деятельности имеет возможность учесть все потенциальные риски, не является состоятельным, так как юридическое лицо не имеет возможности влиять на формулирование условий заключаемого договора, поэтому вынуждено либо принимать предлагаемые ему условия, либо отказываться от бюджетных средств в целом.

Стоит отметить, что сложившаяся ситуация наносит вред не только интересам юридических лиц, но и ставит под угрозу реализацию публичных интересов, так как цель вложения бюджетных инвестиций — приращение государственного имущества, а потому процедура взаимодействия юридических лиц и публичных субъектов должна быть максимально регламентированной и прозрачной, иной порядок не будет отвечать правовой природе института бюджетных инвестиций, в основе которого лежит сугубо публично-правовая природа.

Имеется возможность разрешить данные проблемы путем более детального урегулирования вышеназванных процедур, закрепив на уровне нормативного акта федерального уровня детальное описание процедуры заключения договоров о предоставлении бюджетных инвестиций, а также оснований для внесения в них изменений на стадии исполнения. При этом порядок

взаимоотношений сторон предпочтительно выстраивать по образцу взаимодействия по административным регламентам, что предполагает детальное описание всего порядка взаимодействия субъектов.

В данном акте необходимо прямо указать, что юридическое лицо вправе направить публичному субъекту протокол разногласий в отношении условий договора на стадии его заключения (разумеется, в отношении существенных условий в виде сроков и сумм разногласия направлять недопустимо), регламентировать сроки его направления, порядок ответа публичного субъекта, указать на возможность обращения в суд с целью урегулирования возникших разногласий (что не должно приводить к приостановке исполнения договора).

Процедура внесения изменений в договор также должна быть регламентирована. В частности, необходимо указать, при возникновении каких обстоятельств юридическое лицо вправе обратиться с запросом о внесении изменений в договор, какие требуется приложить документы, подтверждающие обоснованность обращения юридического лица с таким запросом, сроки ответа публичного субъекта, а также перечень его возможных полномочий (удовлетворить, отказать, заказать дополнительную экспертизу и т. д.). Учитывая, что предоставление бюджетных инвестиций имеет разделение на два глобальных сегмента: (в отношении объектов капитального строительства и в отношении иных сфер), соответствующие условия внесения изменений в договоры необходимо разделить как минимум на два отдельных раздела.

Также в данном акте для разрешения проблемы привлечения к административной ответственности получателей бюджетных инвестиций по части 2 статьи 15.15.4 КоАП РФ желательно указать, какие положения договора являются «условиями предоставления» бюджетных инвестиций, а какие — «условиями исполнения».

Таким образом, институт предоставления бюджетных инвестиций нуждается в корректировке на нормативном уровне; предлагаемые изменения позволят учесть правовую природу взаимоотношений юридических лиц и публичных субъектов, обеспечив переход их взаимодействия в надлежащее правовое поле, что приведет к установлению баланса интересов сторон, а также более качественному достижению целей предоставления бюджетных инвестиций.

Список литературы

1. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.08.2021 N 09АП-42711/2021 по делу N А40-262454/2020.
2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2019 N 09АП-32366/2019, 09АП-32370/2019 по делу N А40-286068/2018.
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2021 N 09АП-42721/2021 по делу N А40-264550/2020.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2021 N 09АП-37645/2021 по делу N А40-265424/2020.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2019 N 09АП-48113/2019 по делу N А40-201189/2018.
6. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2018 по делу N А05П-689/2017.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.03.2020 N Ф05-2377/2020 по делу N А40-155863/2019.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.08.2019 N Ф05-12139/2019 по делу N А40-299600/2018.
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.11.2018 N Ф07-12898/2018 по делу N А05-17792/2017.

10. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2017 N 11АП-10917/2017 по делу N А65-13012/2017.
11. Постановление Московского городского суда от 11.10.2019 N 4а-5392/2019.
12. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2017 N 11АП-10916/2017 по делу N А65-13015/2017.
13. Решение Московского городского суда от 16.01.2019 по делу N 7-136/2019.
14. Постановление Московского городского суда от 12.03.2018 N 4а-431/2018.
15. Постановление Московского городского суда от 09.03.2017 N 4а-7653/2016.

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА (ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ)

Хмыз О.В., Алексеева С.А.

Московский государственный институт международных отношений
Москва

Аннотация. Передовое международное сообщество еще в начале 2000-х гг. озаботилось состоянием общемирового климата и стало работать над его улучшением. Все больше государств ставит перед собой целью и стимулирует переход к возобновляемым источникам энергии, способным повысить экологичность энергопроизводства и потребления на национальном и на глобальном уровнях, но для этого необходимо обеспечение дополнительного финансирования – и для продвижения инновационных энергетических технологий и для отказа от углеродных источников. И это не единственные присущие структурной трансформации издержки. Покрыть их призваны считающиеся перспективными инструменты мирового финансового рынка – зеленые облигации и облигации устойчивого развития, прежде всего.

Ключевые слова: энергетический переход, углеродная нейтральность, европейский зеленый курс, механизм трансграничного углеродного регулирования, инвестиции, облигации устойчивого развития, зеленые облигации

Современный мировой энергетический рынок меняется под воздействием глобальных вызовов и в силу внутрирыночных процессов. Начавшиеся еще в прошлом веке структурные энергетические трансформации в новом тысячелетии продолжились, охватывая все больше стран из числа развитых и даже развивающихся. На глобальное потепление, стимулировавшее разработку альтернативных энергетических технологий, наносящих меньший вред окружающей среде, наложились пандемийные трудности.

Глобальное потепление и загрязнение, с одной стороны, чистота окружающей среды и ее комфортность для проживания, – с другой, привели к проявлению глобальной тенденции углеродной нейтральности¹, охватывающей все большее число стран мира, причем не только развитых. [4] В среднем, к 2050 г. запланировано достижение нулевых выбросов CO₂, что фактически означает глобальный энергетический переход – от ископаемых к возобновляемым источникам энергии. Так, Китай запланировал достижение «чистого нуля» к 2060 г., интенсифицировав национальную климатическую повестку [1, с. 63], а развитые страны – еще раньше (рис. 1).

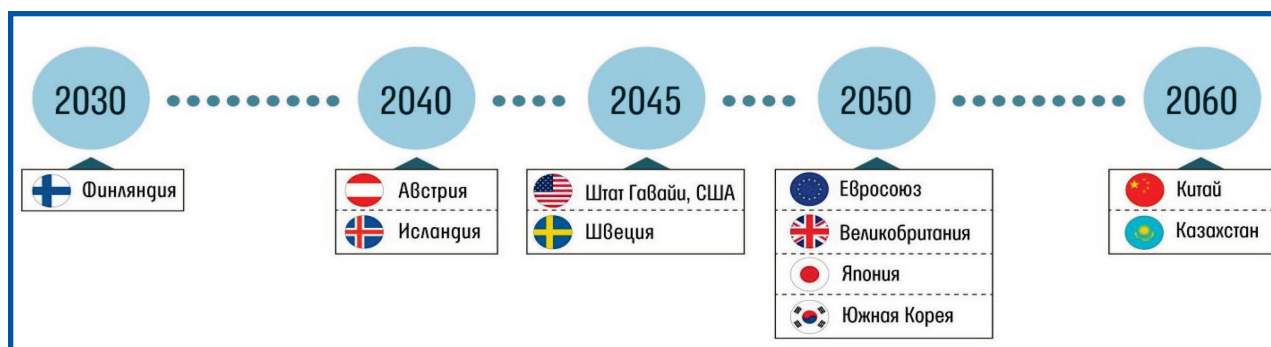

Рисунок 1. Запланированные сроки достижения углеродной нейтральности

Источник: [2]

¹ Выбросы углекислого газа поглощаются (нейтрализуются) естественным (природным) путем.

Поддерживаемые государством, частные энергетические компании также участвуют в глобальном энергетическом переходе, трансформируясь в предприятия широкого профиля, использующие синергию между нефтью, газом, возобновляемыми источниками энергии, системами улавливания и хранения углерода CCUS и водородом. Стремление снизить чистую углеродную интенсивность как минимум на 50% к 2050 г. учитывает объемы выбросов уровней 1, 2 и 3, т. е. от начального производства до конечного потребления. К 2050 г. на каждую единицу произведенной энергии в среднем будет приходиться менее половины выбросов по сравнению с сегодняшним днем. [10] Ожидается, что задачи будут выполнены в основном за счет значительного роста возобновляемых источников энергии и изменений в масштабах и составе нефтегазового портфеля. Операционная эффективность, CCUS и водород будут приоритетными, а в качестве дополнения могут использоваться признанные механизмы компенсации и естественные поглотители выбросов CO₂.

В результате продолжающегося процесса глобального энергетического перехода можно выделить три основных направления структурных трансформаций в мировой энергетике, заслуживающих особого внимания [17]:

- нефтяные ресурсы, начиная от качества сырой нефти и заканчивая технологическими инновациями нефтеперерабатывающей отрасли;
- природный газ, в т. ч. в сжиженном виде;
- возобновляемые источники энергии, прежде всего солнечная и ветряная.

Распространение пандемии COVID-19 – общечеловеческая трагедия, уже к июлю 2020 г. умерло более 4 млн чел.; мировой ВВП упал более чем на 3,5%, что стало крупнейшим падением со времен Великой депрессии. По оценкам МВФ [7, р. 21], около 100 млн чел. пополнили ряды бедных, и не только в наименее развитых странах, поэтому проявляться постпандемийные негативные тенденции могут еще долгое время. Кроме того, уже не впервые появляются новые штаммы, вызывающие новый виток кризиса. Для мирового энергетического рынка негативное влияние самой пандемии усилилось повсеместными ограничениями и привело к беспрецедентным последствиям. Первое из них – глобальное – всеобщая волатильность и отсутствие определенности, что приводит к утрате смысла многих долгосрочных контрактов с физической поставкой. Впрочем, это можно рассматривать как реальное стресс-тестирование, полученные результаты которого послужат важным уроком для мировой энергетики. И это будет вторым последствием пандемии. И в-третьих, отмечается ускорение перехода к «чистому нулю» в политических и социальных меморандумах.

Пандемия COVID-19 (и принятые в качестве мер по борьбе с ней повсеместные локдауны) уже в 2020 г. оказала существенное влияние на энергетический сектор мировой экономики. Резкое снижение потребления энергии в целом и ископаемого топлива в особенности стало крупнейшим сокращением потребления со времен Второй мировой войны и первым за последние десять лет (с кризисного 2009 г.). По оценкам [17, р. 5], мировой спрос на энергию упал в 2020 г. на 4,5%, прежде всего со стороны транспортного сектора. Спад потребления нефти составил почти ¼ общего спада. Природный газ продемонстрировал бóльшую устойчивость, преимущественно благодаря продолжающемуся стабильному спросу со стороны Китая.

Прирост производства электроэнергии отмечался и в секторе ветряной энергии, причем очень быстрыми темпами – за год почти на 50%. Наибольшие темпы продемонстрировали КНР и (со значительным отрывом) США. Стимулирование производства солнечной энергии в Китае привело к достижению этим сегментом примерно того же уровня, что и ветряной.

Несмотря на фактический хаос на мировом энергетическом рынке в 2020 г.², возобновляемые источники энергии, прежде всего, ветряная и солнечная, не прервали восходящую тенден-

² По масштабам эксперты сравнивают этот кризис с такими драматическими событиями в истории мировой энергетики как Суэцкий кризис 1956 г., нефтяное эмбарго 1973 г. и последовавшая иранская революция 1979 г.

цию (табл. 1), показав 50%-ный годовой рост. Причем он был максимальным за всю историю. Но еще больший оптимизм внушает реакция ВИЭ на пандемийный кризис.

Таблица 1. Мировое производство энергии, виды топлива, в %

год ресурс	1970	1980	1990	2000	2010	2018	2019	2020	2030	2040
нефть	47	46,1	39,9	39,4	34,2	33,2	33,1	32,7	30	27,2
газ	17	18,5	20,7	22,1	22,5	24,1	24,2	23,6	25,1	25,8
уголь	30,1	27,1	27,4	25,2	29,8	27,6	27	26,4	22,7	20,3
атомная энергия	0,4	2,4	5,6	6,2	5,2	4,2	4,3	4,7	4,6	4,3
гидроэнергия	5,5	5,8	6	6,4	6,4	6,5	6,4	6,9	7,2	7
возобновляемые источники ³	0,1	0,2	0,4	0,6	1,9	4,5	5	5,6	10,4	15,4

Источник: [7]

Резкое падение мирового спроса на нефть (почти на 10% к предыдущему году) привело в апреле 2020 г. к падению цен на фьючерсы WTI ниже нулевой отметки (до –37,63 долл.) – беспрецедентному случаю в истории ведения статистических наблюдений – и даже не из-за скорости самого ценового обвала (за один день), а ввиду предусмотрительного ускоренного изменения софтвера систем торговли на Нью-Йоркской товарной бирже NYMEX (входит в CME Group), предоставившей участникам срочного рынка такую возможность. Ранее ниже нулевой отметки цена контрактов опуститься просто не могла по техническим причинам. В то же время цена на нефть марки Brent показала рекордное снижение за последние 15 лет (в отдельные моменты была ниже 20 долл./барр.). В целях сглаживания столь значительных колебаний ОПЕК+ резко сократила добычу, а падение мировых цен привело к сокращению производства нефти и в странах, не входящих в картель. В целом, в 2020 г. мировая добыча нефти снизилась на 6,5% в среднем, по всем маркам, понизилось и само качество сырой нефти.

Глобальное энергетическое сжатие в 2020 г. [11] затронуло и мировой спрос на газ, снизившийся после десятилетнего периода роста на 1,5% к предыдущему году. Рост потребления газа (в размере 6,5%) продемонстрировал только Китай (первое место в мире по импорту), тогда как в развитых странах отмечалось понижение спроса. В Северной Америке – на 4,1%, в Европе – на 2,6%. Даже в РФ – на 3,2%. Это не могло не отразиться на мировой добыче газа, понизившейся в целом почти на 3% в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом, впервые за предшествовавшие десять лет. Особенно сильным сокращением было в РФ (6%) и США (2,5%).

При этом примечательно, что в общем объеме проданного природного газа продолжился рост доли сжиженного (за год – на 2%), несмотря на в целом неблагоприятные глобальные энергетические тенденции. В результате США увеличили экспорт СПГ почти на 60%, прежде всего в Азию – основного (с долей в 70%) потребителя, а в 2021 г. – и в Европу.

Главной особенностью прошлогоднего падения был его чрезвычайный размер. Даже с учетом сжатия экономической активности, падение в 4,5% было в два раза большим, чем прогнозировалось (2,5%). При компонентном анализе падения спроса на энергию максимальное сжатие (9,3%) зафиксировано в нефтяном сегменте, это более чем 9 млн баррелей в день – исторический максимум. Вклад нефти в падение составил примерно $\frac{3}{4}$ общего энергетического спада и также является ключевым фактором близкого к рекордному понижению энергетической углеродоемкости.

³ Исключая гидро-, включая биоэнергетические.

И расхождение с прогнозным значением⁴ было максимальным именно у нефти. Снижение добычи природного газа в целом соответствовало прогнозному, а по электроэнергии оказалось даже меньше спрогнозированного. Статистически значимые прогнозные ошибки отмечались только по спросу на нефть и общему спросу на энергетические источники (что можно объяснить влиянием нефтяной волатильности). Пандемийные локдауны повлияли на нефтяную отрасль и спрос на эту разновидность ископаемого топлива иначе, чем на экономический спад в целом из-за транспортного сектора, показатели мобильности в котором упали драматически, в особенности авиатоплива и керосина, в целом – на 40%.

Мировой спрос на энергию снизился в 2020 г. на 4,5%, а выбросы углекислого газа при производстве энергии – на 6,3% – высочайшие показатели со времен Второй мировой войны. Выбросы такого масштаба последний раз наблюдались в 2011 г. Более того, углеродоемкость энергобаланса, рассчитанная как средний выброс на единицу использованной энергии, понизилась почти на 2% – максимальный показатель за послевоенную историю. Несмотря на серьезные краткосрочные последствия глобального энергетического сжатия, с позиций долгосрочных такое сокращение способствует достижению целей Парижского соглашения [12], и при сохранении среднего темпа снижения выбросов на этом уровне в течение последующих трех десятилетий, к 2050 г. глобальные выбросы углекислого газа можно будет понизить примерно на 85%. Эта цифра расположена примерно посередине быстрого и текущего нулевого сценариев [16], или расчетного потепления 2°C и 1,5°C соответственно. Однако очевидно, что прошлогоднее (2020 г.) понижение связано с беспрецедентными убытками производителей и общим сжатием экономической активности. С этих позиций расчетную взаимосвязь стоимости снижения выбросов CO₂ в связанном падении мирового производства можно оценить в 1400 долл. за тонну, что неприемлемо дорого. Поэтому также важно выбирать такие способы снижения выбросов углекислого газа, которые не приведут к серьезным экономическим проблемам, в т. ч. глобального характера.

Однако восстановление мировой экономики после пандемии скорее всего приведет к обновлению уровня выбросов CO₂ ввиду снятия локдаунных ограничений. Следовательно, необходимо достичь устойчивого сокращения выбросов год от года без серьезных нарушений в повседневной жизни. Стимулом может послужить климатическая конференция 2021 г. (Климатическая конференция в Глазго [14] состоялась на год позже запланированного), как это произошло в 2015 г. с COP21 [15], после которой отмечалось повышение декарбонизационного желания сторон. Почти 70% мировых выбросов CO₂ сегодня охвачены нулевыми целевыми показателями. Но кардинальное решение экологической проблемы еще впереди.

Для успешности глобального энергетического перехода потребуется совместный выбор производителей и потребителей, компаний, государств и общества в целом. Поэтому достижение серьезных результатов – нулевой цели и иных амбиций – запланировано на 2050 г. Но, конечно, необходимо принимать во внимание национальную и региональную энергетическую специфику.

Так, в конце 2021 г. ситуация с поставками газа из России в Европу была довольно сложной, сертификация газопровода «Северный поток – 2» затянулась, а между тем европейские газовые хранилища пустели, на улице царил зима, а впереди ожидаемые холодными зимние месяцы. По прогнозам аналитиков [9], в скором времени Европа может остро ощутить недостаток газа, поскольку хранилища опустеют. Некоторое время назад Газпром прекратил бронирование мощностей газопровода для нужд Германии.

Общеизвестно, что государства Евросоюза в ближайшие 10–15 лет планируют завершить переход к зеленой энергии, для этого они постепенно отказываются от привычных «экологически

⁴ Рассчитанным в виде глобального спроса на энергию в зависимости от ВВП, изменений цен на нефть, количества теплых и холодных дней, поскольку именно эти факторы являются значимыми при определении воздействий на глобальные энергетические колебания в течение минувших 20 лет.

грязных» источников энергии в пользу альтернативных, возобновляемых. Но использование ветряной и солнечной энергии подходит не для всех стран прежде всего в силу их географического положения. Более того, в силу целого ряда причин такие источники энергии не могут обеспечить и гарантировать стабильность поступления энергии. В связи с переходом к зеленой энергетике в странах Европы уменьшили добычу газа, и без российского голубого топлива им не обойтись.

Конечно, на помощь Европе пришли США, направив 20 танкеров с СПГ. Еще 14 танкеров ожидали отправки в начале 2022 г., но даже взятые вместе они привезут 4 млрд м³, тогда как Европе необходимо в 8–9 раз больше. Тем не менее, американский СПГ несколько снизит цены на газ, но не станет панацеей, а временным решением, не устранив саму проблему. Европа ощущает дефицит топлива, и некоторые эксперты не исключают повышения цены на газ до 3 тыс. долл. за 1 тыс. м³ в 2022 г. прежде всего ввиду эскалации отношений между РФ и Украиной, а также возможного отсутствия свободных объемов газа у Газпрома.

Энергетический кризис в Европе неотъемлемо затрагивает и рядовых потребителей. В борьбе за зеленую энергию германская партия зеленых требует на нормативном уровне обязать сограждан устанавливать фильтры на камины и печи. Дело в том, что из 19 млн домов печное отопление используется примерно в 3 млн, многие отапливаются дровами, т. к. в Германии нет центрального отопления. По подсчетам, одна печь выбрасывает в атмосферу примерно 500 мг/Гкал парниковых газов и сажи [18]. Основными источниками тепла в стране служат газ и солярка, а также мазут, уголь, прессованные древесные опилки.

Другие страны ЕС, например, Чехия, опасаются за судьбу ядерной энергетики, причисление которой к экологически грязным ресурсам вполне возможно. Но все еще энергетическая политика является полномочием национальных правительств, а не спускается из Брюсселя. На фоне уже зафиксированного в 2020–2021 гг. роста цен на электричество и газ (и прогнозируемого на 30% и 50%, соответственно), атомная энергия может оказаться насущно необходимой.

Многие страны ЕС поддерживают атомную энергетику, например, Болгария, отклонившая «Южный поток», сегодня только транзитор и зависит от поставок из РФ (95% природного газа и 90% нефтепродуктов поступают в страну из РФ). Основной устойчивый источник энергии в Болгарии – построенная при помощи СССР атомная электростанция «Козлодуй». В свое время Росатом предлагал строительство еще одной АЭС – «Беяны», но проект был отклонен принимающей стороной.

Чехия поддержала переход на зеленую энергию и согласилась остановить отопление природным газом в 2030 г., а в 2035 г. прекратить использование автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, но в конце 2021 г. появились опасения, что это может подкосить энергетику и привести к «энергетической нищете», а значит, к снижению уровня жизни и экономического роста.

Не все однозначно и с самими электромобилями. По планам, к 2035 г. более 50% промышленных стран запретят продажи автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, что ускорит глобальный энергетический переход. [3, с. 183] Самые значительные разногласия вызывают литиевые аккумуляторы для автомобилей. С одной стороны, их использование означает отказ от двигателей внутреннего сгорания и снижение производимого ими CO₂, а с другой, – очень вредное и грязное производство самого лития. Также остается открытым вопрос утилизации таких аккумуляторов. Тем более что для их зарядки необходима энергия.

Европейская комиссия будет поддерживать инвестиции в ядерную энергию и природный газ, чтобы справиться с энергетическим кризисом 2021–2022 гг. в странах группировки, и хочет официально признать эти источники энергии экологически чистыми, тогда они не попадут под ограничения энергетического перехода.

Польша, в свою очередь, не может отказаться от угля, поскольку шахта топливно-энергетического комплекса «Туров» обеспечивает внутринациональную энергетическую потребность. Однако в феврале 2021 г. Чехия подала в суд ЕС жалобу на расширение шахты (площадь 28 км²,

глубина 225 м), негативно сказывающееся на экологии соседней страны, суд оценил наносимый ущерб в 500 тыс. евро в день, обязав выплачивать их до остановки работы шахты. Польша сочла такое решение угрозой энергетической безопасности страны, и в апреле 2021 г. было разрешено продолжать в ней добычу до 2044 г. В результате Польша рассматривает возможность строительства собственной атомной электростанции, опираясь на общественное мнение (примерно 75% граждан поддерживают проект).

Таким образом, расширение использования возобновляемых источников энергии в будущем несомненно – вне зависимости от расчетной скорости сценария глобального энергетического перехода (рис. 2), но потребует значительных вложений. По данным Bloomberg New Energy, на это необходимо около 100 трлн долл. [6] Значительную их часть планируется привлекать при помощи специализированных финансовых инструментов долгового характера. [5, с. 18]

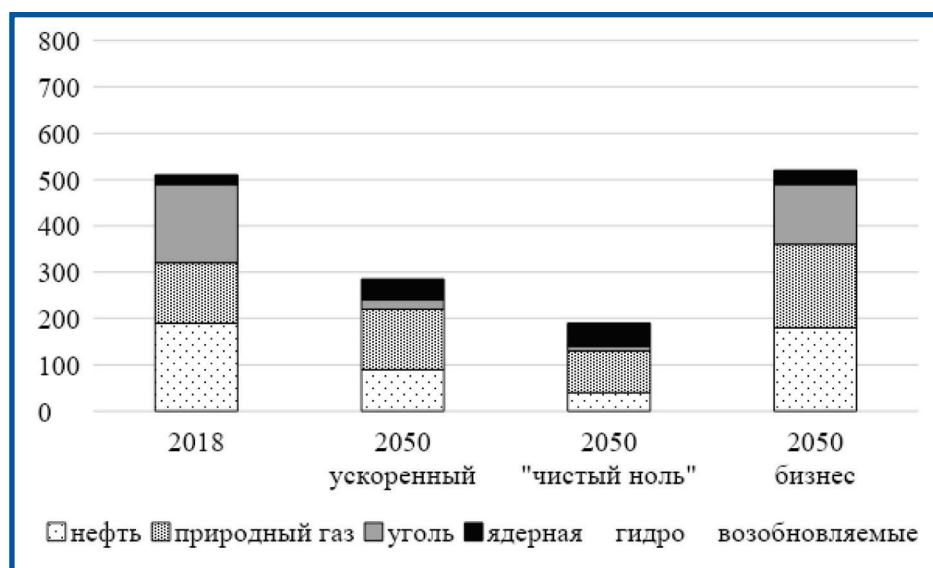

Рисунок 2. Потребление энергии, по видам, эксаджоулей

Источник: [7]

Таким образом, негативное влияние самой пандемии и действий и мер по ограничению ее влияния привели к крупнейшей рецессии наших дней, затрагивающей и развитые и развивающиеся рынки. Последствия, прежде всего экономические, вероятно, сохранятся на долгие годы. В т. ч. в виде нестабильности и разрушения связей на мировом энергетическом рынке, и, несомненно, отразятся на компаниях, стремящихся к экологичности.

Сокращение выбросов углекислого газа по энергетическим причинам, составившее более 6% в 2020 г., стало рекордным за весь послевоенный период. По расчетам МЭА [16], именно с такой ежегодной скоростью следует улучшать состояние окружающей среды в течение ближайших тридцати лет, чтобы достичь установок Парижского соглашения [13]. И это будет уже грининг.

Список литературы

1. Евразийский вектор китайской Инициативы «Пояс и Путь»: территориально-экономические и правовые аспекты / под ред. А.А. Ткаченко. – М.: КУРС, 2021. – 272 с.
2. Какие страны и когда планируют достичь углеродной нейтральности. URL: <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2020-12/kakie-strany-i-kogda-planiruyut-dostich-uglerodnoy-neytralnosti> (дата обращения: 27.12.2021).
3. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России / под ред. Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко. – М.: МГИМО, 2022. 403 с.

4. *Хмыз О.В.* Углеродная нейтральность и энергетический переход на глобальном уровне // Индустрия 5.0, цифровая экономика и интеллектуальные экосистемы : сборник трудов Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции / под ред. Д.Г. Родионова, А.В. Бабкина. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 274–278. doi: 10.18720/IEP/2021.3/77
5. *Хмыз О.В., Лукашенко И.В., Сергеева Н.В.* Инструментарий облигаций для целей финансирования устойчивого развития и постковидного восстановления в Европейском союзе // Финансовая жизнь. 2021. № 4. С. 18–20.
6. *Bennett S., Le Marois J.-B., Orgland N.* Ten years of clean energy start-ups. // Bloomberg. 2021. July, 23.
7. Energy Outlook 2021. – British Petroleum, 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook.html> (дата обращения: 21.01.2022).
8. *Ferreira F.* Inequality in the time of COVID-19 // Finance and Development. 2021. Summer. P. 20–23.
9. *Flowers S.* Big themes in 2022 for energy and natural resources // Wood Mackenzie. 2021. December, 14. – <https://www.woodmac.com/news/the-edge/big-themes-in-2022-for-energy-and-natural-resources/> (дата обращения: 21.01.2022).
10. Pathway to net zero. – En+ Group, 2021. 72 p.
11. Statistical Review of World Energy 2021. – British Petroleum, 2021. 72 p.
12. Sustainable Development Goals // United Nations. 2015. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 21.01.2022).
13. The Paris Agreement. – United Nations Climate Change. 2015. – <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement> (дата обращения: 01.01.2021).
14. UN Climate Change Conference UK 2021. – Glasgow: UN, 2021. URL: <https://ukcop26.org/> (дата обращения: 21.01.2021).
15. World Climate Summit 2015. – Paris: UN, 2015. URL: <https://cop21.org/> (дата обращения: 01.01.2021).
16. World Energy Outlook. – International Energy Agency, 2021. 386 p.
17. World Energy Review 2021. – Eni SpA. 2021. 164 p.
18. *Zitscher T., Neuling U., Habersetzer A., Kaltschmitt M.* Analysis of the German Industry to Determine the Resource Potential of CO₂ Emissions for PtX Applications in 2017 and 2050 // Resources. 2020, 9, 149; doi: 10.3390/resources9120149

Цифровая экономика

ПОДЧИНЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ УЛУЧШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аракелян Н.Р., Аракелян А.Э.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В связи с необходимостью стратегического планирования исключительно пропорционального развития экономики страны важно обратиться к национальной экономической системе (НЭС), ее целям, задачам и учесть два момента: есть большая разница между цифровизацией экономики и моделированием развития экономических систем. Управление развитием системы означает приведение ее к «здоровому функционированию». Цифровизация и моделирование по-разному помогают развитию экономических систем. Отличие в том, что лишь моделирование тесно связано с развитием интеллектуализации систем путем подчинения ее повышению благосостояния людей и связано с автоматизацией сугубо интеллектуальной части управленческого труда в НЭС.

Ключевые слова: цифровизация, национальной экономической системе (НЭС), стратегическое планирование, качество жизни

Подчинение цифровизации стратегического планирования улучшению качества жизни людей — далеко не цифровизация ради нее самой, а во исполнение обозначенной основной цели экономического развития и, что особенно важно, путем стратегического планирования экономики РФ с дальнейшей реализацией плана. Сохранение тенденций нестабильного экономического роста, а согласно последним фактам и стабильного экономического падения, востребованными становятся новые технологии управления. Однако в мировой практике таких технологий не так уж и много: одна из школ управления развивается в РФ — школа стратегического планирования экономики Ведуты Н.И. Многие наработки опубликованы и доступны для изучения широкой общественности. Для ясности вернемся к сути некоторых экономических категорий.

Среди важнейших выводов в связи с неудачами развития и модернизации экономик ведущих и развивающихся стран на начало 2022 г., в т. ч. российской экономики, не раз выдвигалась гипотеза о системных причинах, недостаточной социальной направленности модернизации как гарантии устойчивости экономики, несистемном анализе цикличности и устойчивости в экономическом развитии РФ, резких структурных сдвигах в производстве, др. [1, с. 36]. Когда в РФ, по существу, нет функции планирования экономической политики, соответственно, не работает закон о стратегическом планировании и не реализуется промышленная политика в том объеме, в котором заявлена, тогда госуправление является урезанным. Вдобавок кризис и форс-мажорные обстоятельства, связанные с пандемией, приводят к постоянным изменениям даже усеченных планов, которые были приняты в виде национальных проектов. И как результат в настоящее время отмечается возврат к многократно критикуемой в прошлом доковидной политике в денежно-кредитной сфере и в области бюджетного планирования. При этом имеются макроэкономические важнейшие параметры 90-ых гг., которые до сих пор не достигнуты. Речь об инвестициях в основной капитал, финансировании науки, параметрах научно-технического развития, развития робототехники, программного обеспечения, советской микроэлектроники, легкого и тяжелого машиностроения, текстильной промышленности, металлургии и т. д. Речь об отсутствии много- и межсекторности экономической системы.

Сегодня через политику обменного курса, аккумуляции долга развитые страны «вытягивают» ресурсы развивающихся стран. До сих пор не окончательно сформирован над-

национальный уровень управления – международные институты финансового регулирования, правительства, резервные и валютные системы. В результате в 21 веке дисбалансы в мировой экономике продолжают углубляться. Между тем ни одна страна не осуществляет адекватной макроэкономической политики, полноценно учитывающей требования мегаэкономики.

Структурный кризис – результат традиционных/новых дисбалансов между населением и распределением ресурсов, инновациями и ограниченностью ресурсов, трансфертом капитала и ростом населения, спросом и предложением, потреблением и инвестициями, в структуре и территориальном распределении производства. В условиях уже глобальной экономики проблема равновесия стала важнее, чем прежде, а сегодня, «когда ряд государств обязаны считаться с тем, что выход из кризиса возможен при согласовании антикризисных мер, их соответствии мероприятиям, проводимым в рамках отдельных экономик, еще более возрастает интерес не только к прогнозу развития, но и практике своевременного регулирования экономики с чувством меры» [2, с. 127–128]. И это не случайно. Еще в начале прошлого столетия классик А. Файоль в своих работах отмечал, что большая часть профессионального управления – предвидение и, в первую очередь, он имел в виду национальное предвидение на уровне семьи, организации и государства в лице министерств/ведомств Франции и само планирование [3, с. 42]. И сейчас перспективы экономического роста также в обеспечении взаимосвязи прогнозов, экономической политики и реализации стратегии. Отсутствие адекватного госуправления в усложнившихся в начале 21 века НЭС, при котором придается значение необходимой вариативности действий, а также стратегическим действиям, предварительно отображающего системный анализ для стратегического планирования исключительно пропорционального развития экономики страны и качества жизни людей, не позволяет достичь модернизации структуры экономики. Так, обуславливаются не только антикризисные меры, но и развитие потенциала перспективного развития. Фактором экономического роста и структурной диверсификации мирового хозяйства в последние декады стало международное разделение труда, распространение НИОКРов и технологий, фондирование нового экономического уклада в 21 веке. Все это основа развития процессов глобализации географически. Далее, выросло значение интеграционных региональных объединений – центров притяжения, обладающих конкурентоспособностью, крупных игроков мировой экономики. Носителями международного разделения труда, специализации и кооперации, агентами глобализованного мира стали ТНК, которые не имеют географических привязанностей экономического или иного характера. Да, статус ключевого элемента в формуле экономического роста все еще занимали прорывные открытия в науке и технике, однако в глобальном мире возникает полномасштабная конкуренция транснациональных технологий. ТНК стали соперниками государств, оказывая давление на малые государства, а крупнейшие цифровые экосистемы уже оказывают давление на крупнейшие государства. С др. стор., все происходящее за последние десятилетия привело к «глобальному кризису – кризису системы мирохозяйственных отношений и структуры мировой экономики, действующей «надстройки миропорядка». Далее, изменения в международных отношениях, торговле, финансовых и других связях уже давно требуют новых институтов и коррекции роли и функции старых, занимающихся выявлением, оценкой и распространением истины для обеспечения движения мировой экономики в сторону равновесия».

Идея сбалансированного развития в рамках глобального проекта не является очевидной и популярной, однако стремление к такой сбалансированности в рамках вопросов мегаэкономики означало бы, как минимум, игру с ненулевой суммой. Или, другими словами, не обязательно, чтобы развитие стран на планете всегда означало каннибализм по отношению к другим странам.

Но увы, цифровой период глобализации привел к гиперконкуренции стран и интеграционных образований за будущее и обострению международной обстановки. Об этом говорят мировые военные расходы за последние годы. Далее, новыми игроками стали стремительно

развивающиеся бизнес-экосистемы, использующие цифровые платформы и ресурсы всех своих агентов, и формирующие новые рынки и цепочки поставок и стоимости. Пандемия COVID-19 продемонстрировала неготовность рыночных систем здравоохранения и экономики в целом к противодействию микробиологическим угрозам, сохраняются угрозы повторения проблем с новым вирусом. «Суммарный экономический урон от пандемии, по оценкам ООН, уже превзошел крупнейшие кризисы прошлого столетия. Преодолеть такие масштабные последствия можно только коллективными усилиями всего мирового сообщества и, в частности, путем укрепления механизмов ГЧП» [4]. Плюс большой вызов – негативные последствия изменения климата и он обещает новые убытки. Сокращение выбросов парниковых газов в ЕС обойдется дорого. Налицо потребность в декапитализации и делиберализации. Растет опасность незнания/ложного знания/неверного использования знаний, нарушающего целостность НЭС: новые технологии – новые риски/неопределенность; стремительно меняющийся мир требует системных и релевантных знаний. Пока не удалось разработать систему регулирования развития цифровых экосистем, а процессы идут быстрее, чем мы готовимся к миру новых технологий; усложнена многоуровневая экономика – мир-система, мировой регион, страна, макрорегион, регион, отрасль, муниципальное образование, предприятие, малая группа, домохозяйство, человек и искусственный интеллект и происходит потеря прогностической способности. Научные исследования в макроэкономике, мезоэкономике, геоэкономике, наноэкономике расширяют экономическое пространство. Экономика стала самым мощным видом гибридного оружия, позволяющая сконцентрировать мощь государств в любых успешных сферах деятельности. Глубина трансграничных информационных и экономических воздействий достигла уровня персоналий. Персональные данные стали уникальным ресурсом в битве за умы/смыслы/предпочтения/доверие, определяющие доходы экосистем. Интеграционные процессы сформировали глобальные цепочки информации, коммуникаций, знаний, поставок, стоимости. Интеграция социальных и технических технологий в рамках культурного разнообразия ведет к формированию глобальных цепочек ценности.

Цифровизация и научно-практическое моделирование развития экономических систем в обеспечении их интеллектуализации и развития путем системного подчинения повышению благосостояния людей. В связи с вышеизложенным важно еще раз обратиться к НЭС, ее целям и задачам и при этом учесть два момента. Во-первых, есть большая разница между цифровизацией экономики и моделированием развития экономических систем; во-вторых, управление развитием системы означает приведение ее к «здоровому функционированию» – перманентному улучшению качества жизни людей. На наш взгляд, цифровизация и моделирование по-разному помогут развитию экономических систем, но лишь второе тесно связано с развитием их интеллектуализации.

По мере того, как плохо управляемая глобализация все больше развивалась в виде интеллектуализации монетарных процессов (совладать глобализацией и ее последствиями, обуздать чрезмерный финансовый сектор, переход от производственной экономики к экономике услуг, др. – не удалось), становилось яснее, что интеллектуализация экономических систем в целом требует естественно системного подхода, т. к. те/иные (любые) преимущественные акценты не охватывают всю систему целиком и, стало быть, она становится ущербной. В таком контексте возможность выхода из мегаэкономического кризиса есть. Но возможность не столько в самой цифровизации и даже не в подчинении цифровизации стратегического планирования улучшению качества жизни в РФ, а много шире. Она в таком научно-практическом моделировании развития экономических систем, которое обеспечит их интеллектуализацию и развитие путем именно системного подчинения повышению благосостояния людей. Такое моделирование, по нашему убеждению, тесно связано с цифровизацией не легко автоматизируемой части управленческого труда, что мы видим на практике сплошь и рядом, а с автоматизацией второй части управленческого труда – интеллектуального/умственного/творческого/эвристического. Кстати,

ведь именно последнее отличает управленческий труд от производственного, а его практическая автоматизация представляет огромную сложность по сравнению с автоматизацией и производственного труда, и первой части управленческого труда, легко поддающегося математизации. Так, напр., достаточно сложный процесс – внедрение в систему управления экономикой динамической модели межотраслевого межсекторного баланса (ДМ МОБ). Модель – тот искусственный интеллект, который дает алгоритмы для решения плохо формализованных задач и применяет выдающиеся фундаментальные результаты для решения практических задач. Есть вещи, которые фундаментальны, но с др. стор. – очень быстро дают большой практический эффект при самой маленькой доводке. Но получить их «снизу» невозможно, их можно только «сверху» – со стороны высокой науки. Теория – для всех, а вот как на самом деле система работает – извините, дорогого стоит, т. к. возникает системный анализ вместо анализа частных. И, как следствие системного анализа, формируется сугубо профессиональное системное суждение и решения. Внедрение такой модели необходимо в широком смысле обществу – людям, деловому сообществу – бизнесу, государству – власти и может быть реализовано в результате их совместных усилий без ущемления интересов каждого. Конечная форма взаимоотношений в обществе должна быть транспарентной.

Цивилизации современности доказывали уже не раз, что прозрачность и открытой внутри общества один из ключевых элементов экономического, социального и культурного роста. Даже на примере глобализации этот факт легко доказуем. Однако для достижения подобных результатов необходимо соблюдение сбалансированности интересов общества, бизнесов и государства. Инструментарием могут выступить универсальные принципы управления. Так будет осуществлен переход от хаотичного управления к научному управлению – условия интеллектуализации и развития систем путем строго системного подчинения, повышению благосостояния людей. Кстати, один из важнейших классических универсальных взаимозависимых и взаимосвязанных друг с другом принципов управления (для обеспечения эффективности управления все они на практике часто использовались намного более века) и которые, на наш взгляд, нельзя не исполнять и нарушать звучит так: «Принцип подчинения частных (личных) интересов общим: интересы семьи должны преобладать над интересами отдельных ее членов, интересы служащего (группы служащих) не должны ставиться выше интересов предприятия, интересы государства должны быть выше интересов гражданина (группы граждан)» [5, с. 11].

Итак, в целях разрешения мегаэкономических дисбалансов в НЭС и обеспечения суверенитета стран необходимо профессиональное суждение, сформированное совместными усилиями общества-бизнеса-власти в процессе внедрения модели, точно обеспечивающей равнозначные интересы всех участников процесса путем трансформации регулирования экономик по неприемлемым поведенческим шаблонам в формирование экономической, в том числе социальной, политики, т. к. экономика генетически социальна [6, с. 61]. Любая экономическая система, которая обездоливает народ – нарушает баланс интересов и, стало быть, саму систему. А ведь тенденция роста неравенства и потенциала нестабильности уже присуща даже развитым странам с возросшей рыночной властью, поэтому во всем мире пошатнулась вера в силу рынков.

По мере практического использования в управлении НЭС ДМ МОБ безусловно возрастет степень организованности системы путем преодоления неупорядоченности и снижения неопределенности в ней, т. к. на основе модели строятся стратегические решения – стратегическое планирование экономики. Эта модель – высшая форма проявления функциональной взаимодополняемости на «территориях» общества, делового сообщества и государства. Модель достраивает/настраивает и не позволит разрушить систему управления, как, к сожалению, случилось с преднамеренным/целенаправленным разрушением социальной, по сравнению с настоящей, системы управления СССР. Модель повысит до требуемого во всех странах уровень централизации управления экономикой, ее социализации и, уже востребованной, декапитализации.

Оптимальное решение проблем стратегического планирования страны.

Кризисный и постпандемийный современный глобальный мир, тяжелая мировая инфляция, рост безработицы и социальное неравенство, бедность, внутривластная напряженность и процессы, которые устремляют к хаосу и определяют место РФ в мире. Важнейшие инструменты и механизмы стратегического планирования в различных секторах экономики и в целом приобретают новый смысл. Отмечаются ряд положительных и негативных факторов торможения в использовании ИКТ в процессе принятия госуправленческих решений и кризис глобального госуправления.

Глобальная координация в форме торговли в мире, на которую возлагали надежды в течение длительного периода, чревата разрывом глобальных межстрановых экономических связей и огромной потерей драгоценного времени, ничего не дала. Необходимо переходить от чрезмерного глобализма к региональным связям (так, напр., развивается и в планах расширение ЕАЭС, др.) ближе к дому. Возрастает роль государства в социальной защите людей, а рекомендации ООН сводятся к направлению инвестиций в приоритетные отрасли, что приведет к еще большей диспропорциональности. Требования к государству по отношению к социальной справедливой системе повышаются.

Экономика всегда требует обобщения опыта развития. Инклюзивный капитализм не имеет четкого алгоритма действий. Система, основанная на долларе с изучением циклического развития – не выход. Ни одна страна в мире не предлагает выхода из ситуации и только анализ решений СССР, недовершенных до логического завершения, дают координацию в форме стратегического планирования экономики и производства для достижения желательного обществу будущего. Монополистический капитализм себя изжил. Две мировые войны завершились мировой финансовой системой. Две модели – США и СССР дали соответственно международный валютный фонд и модель роста качества жизни на основе пропорционального развития экономики. Сейчас критический момент и общество обязано правильно распорядиться своими знаниями. Так, напр., проблема ядерного оружия – это не только техническая проблема, но и человеческого сознания, воспитания. Мечта о самой большой бомбе уже завела в тупик. Ядерные арсеналы уменьшаются медленно и с этим надо жить. Чем более доступным становится оружие в мире, тем менее устойчива психика человека – своего рода реакция на технический прогресс. Сознание не успевает освоить созданную технику. Но наука пока не решила проблемы человека, много зависит от того, как перегружается организм (стрессы/конфликты и т. д.). С точки зрения ученых современного мира, разрешение такого противоречия требует огромной воспитательной и образовательной работы. Первые симптомы краха человечества уже наблюдаются в общественном сознании. Преодолеть кризис можно только наличием образования и культуры, которые будут созидать и активно внедрять важное. Человечество с отстающим образовательным и культурным потенциалом – слабое звено прогресса. А если страна развивается на игле ресурсов и чужих технологий? В любых областях у нас много негативных примеров.

Мировоззрение современных управленцев должно трансформироваться, что будет означать изменения как в системе управления, так и к пониманию проблематики. Отказаться от этого риска означает отказаться от культуры творчества. Творчество необходимо в рамках анализа трех независимых факторов: идеологии, менталитета человека/нации и науки/образования. «В совокупности эти факторы формируют систему образования и технологическое пространство, а все вместе определяют уровень национальной культуры. И уже исходя из уровня культуры и технологических возможностей определяются система ценностей, потребности и возможности их удовлетворения» [7, с. 12–19].

Зеленая и цифровая повестка в мировой экономике ведут к тоталитарному управлению и хаосу против спланированной экономики. Единственный глобальный проект, выносимый на обсуждение – проект стратегического планирования экономики на основе ДМ МОБ. Прак-

тика планирования с последовательным приближением с координацией деятельности возникли к середине 50-ых годов, но увы предпосылки развития остались нереализованными. Увы экономика страны демонстрирует не лучшие показатели развития, а время становится дороже, и проблема остается нерешенной. Внедряют информационные технологии, не имеющие никакого отношения к задаче, которую может и должен поставить экономист, более того, экономист-кибернетик, но не IT-специалист. ДМ МОБ имеет шанс открыть возможность кибернетического планирования экономики. В стране пока игнорируется необходимость перехода к автоматизированной системе управления в противовес ручному управлению, хотя М. Мишустин отметил важность внедрения динамической модели и ресурсного обеспечения экономики на основе модели и утвердил мероприятия по цифровой трансформации в сфере госуправления [8]. Однако требуется серьезное обсуждение этих проблем на уровне РАН, руководителей страны, авторов модели, их соратников/последователей. Внедрение ДМ МОБ экономического развития – оптимальное решение проблем стратегического планирования РФ.

Информационные технологии как механизм и инструмент цифровой экономики не в состоянии изменить систему рационального распределения, перераспределения, использования ресурсов и производимых потребительных стоимостей. Основа производства – ограниченный ресурс. По мере насыщения рынка он истощается, устаревает и провоцирует рынок на создание модели возникновения технологий и ресурса на основе общественно необходимых потребностей. Видимо пришло время незамедлительно ставить и решать задачу пропорционального развития – согласования потребностей и производственных возможностей. Цифровая экономика требует модель [9, с. 6] и парадигму развития стран и мира.

На сегодня уже сформировались разные интересы исследователей современной экономической науки. С одной стор., интересы сводились не только к степени использования технического инструментария, но и к тому, насколько оно обосновано с учетом особенностей предмета исследований экономистов-теоретиков, связанный с социумом. С др., круг интересов проявлялся в дискуссии: строить соответствующие отношения по модели стратегического технологического развития на основе мировой экономической теории приходилось в эпоху двойственной глобализации. То она придавала импульс развитию мировой экономики, тем самым стирались национальные границы путем расширения транснациональных потоков капиталов и формирования производств, отраслей вне национальных границ, то усиливалась изменчивость и нестабильность мировой экономики, ускорялся процесс глобального кризиса и трансформации миропорядка. По сути дискуссии о проблемах людей и модернизации экономик, об улучшении общественных и государственных институтов, о судьбе России и мира упираются в особенности экономической теории и моделирования экономик [10].

Как отмечено ранее, реальный сектор экономики стал диспропорциональным, т. к. все больше ориентирован не на выпуск необходимого обществу конечного продукта, а на перераспределение производимых доходов/собственности в пользу мировых ТНК, что делает все более неплатежеспособными участников рынка и приводит к большему технологическому и социальному неравенству. Между тем финансовый глобальный рынок опирается не только на международные организации, но и на национальные рынки. Были разработаны и обсуждались мероприятия финансового «форсажа» и выведения экономики из тупика стагнации/рецессии, кардинальные реформы и прорыв. К этому призывало руководство страны, но и неслучайно продолжает расти интерес к классическому наследию, классической политической экономике, которая воспроизведет и даст новые знания о развитии общества. Согласно им, только в экономико-математических моделях, учитывающих действие объективных экономических законов, аккумулируются и концентрируются знания, необходимые для организации цифровой экономики. Иначе важная информация будет недостоверной, ее обработка с помощью информационных технологий на базе эконометрических моделей бессмысленна, а внедрение «экономики

данных» уже превращает цифровую экономику в катализатор кризиса. Государствам (компаниям и людям) необходимо адаптироваться к реальности и понять, что прогресс невозможен без симбиоза с той экономической наукой, которая с целью изменения цивилизации применит экономико-математическую модель по преодолению диспропорциональности мировой экономики. Только знания по достижениям экономической кибернетики и мировой экономической теории предлагают модель развития, которая обеспечит необходимую концентрацию ресурсов с учетом разнообразия в специализации отдельных регионов и с учетом роли стран в мире [10].

Список литературы

1. *Аракелян Н.Р.* Антикризисные меры в условиях циклического развития // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. Государственное управление. № 5. 2013. С. 36.
2. *Аракелян Н.Р.* Трансформация государственного регулирования экономики в условиях глобализации и циклических колебаний // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. № 6. 2016. С. 127–128.
3. Управление – это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. М.: Республика, 1992.
4. Выступление заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Вершинина на специальной торжественной сессии Ассоциации «Национальная сеть Глобального договора», 21 декабря 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1791588/ (дата обращения: 18.01.2022).
5. Fayol, Henri Administration industrielle et générale. Paris. Dunod et Pinat, 1916.
6. *Аракелян Н.Р., Аракелян А.Э.* Интегральная система образования и корпоративная социальная политика // Корпоративный менеджмент и бизнес-образование: Сборник научных статей. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 53–69.
7. *Иванов В.В.* Научно-инновационный кризис и пути его преодоления // Инновации № 11 (205). 2015. С. 12–19.
8. Распоряжение от 22 октября 2021 года № 2998-р. URL: <http://government.ru/docs/43640/> (дата обращения: 18.01.2022); URL: <http://static.government.ru/media/files/d3uclO4ZFGNKmxCPBXbL40aMPALluGdQ.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).
9. *Ведута Е.Н.* Межотраслевой-межсекторный баланс: механизм стратегического планирования экономики: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2016.
10. *Аракелян А.Э.* Особенности экономических отношений в эпоху глобализации // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 74. 2019 г.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ БАНКОВСКИХ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

Галкин И.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В 2010-е гг. отечественный финансовый рынок претерпел изменения, связанные, в том числе, с возникновением цифровых экосистем на основе платформенного объединения финансовых и нефинансовых услуг. Рядом российских банков такие экосистемы уже созданы или создаются, что закономерно, поскольку вызвано потребностями в новом качестве банковской деятельности при сохранении традиционных принципов финансового посредничества. Указанная дихотомия требует как поощрения финансовых инноваций, так и обеспечения устойчивости кредитных учреждений.

Ключевые слова: цифровые экосистемы, банковские экосистемы, цифровые платформы

Начиная с последней четверти XX в., основой устойчивого развития экономики становятся получение, обработка и использование информации, которые вышли далеко за рамки собственно производственных процессов, превратившись в важнейшие компоненты социокультурной и политической жизни общества и влияя на большинство аспектов жизнедеятельности социума. Данная четвертая промышленная революция [4, 13–14], привела, в том числе, и к возникновению такого феномена как цифровая экономика (термин введен в 1995 г.), особенности функционирования которой начали диктовать новые правила жизнедеятельности всех хозяйствующих субъектов, включая финансовые. Предметом настоящей статьи и является трансформация таких важнейших участников финансового рынка как банки в условиях цифровизации экономики, а объектом — их платформенные решения, обеспечивающие формирование банковских цифровых экосистем.

В 2019 г. ЮНКТАД предложила следующий перечень основных компонентов цифровой экономики [составлено по 6, 2]:

- использование реплицированных распределенных баз данных для хранения и передачи информации (блокчейн-технологии), а также использование распределенных баз данных для хранения и обработки больших неструктурированных объемов таких данных (Big Data) с применением алгоритмов высокоуровневых психических процессов (искусственного интеллекта);
- применение технологий передачи данных, обеспечивающих взаимодействие материальных объектов без участия человека (т. н. Интернет вещей);
- автоматизация и роботизация производственных процессов, в том числе для аддитивного производства (быстрого прототипирования).

Представляется, что не все позиции предложенного перечня равноценны с точки зрения их релевантности. Так, инновационные способы хранения, обработки и передачи информации, бесспорно, могут признаваться определяющей характеристикой цифровой экономики, что едва ли может быть в полной мере отнесено к технологиям передачи данных, обеспечивающих взаимодействие материальных объектов без участия человека, возникшим еще в 1970-е гг., и, тем более, к автоматизации и роботизации производства, начавшейся во второй половине 1950-х гг.

Таким образом, инновационная работа с информацией должна признаваться ключевым компонентом цифровой экономики, существенно повлиявшим на изменение ее структуры в целом (удельного веса ее отраслей с точки зрения капитализации крупнейших субъектов

таких отраслей) именно в 2010-е гг. В пользу данного предположения свидетельствуют данные таблицы 1 [составлено по 6, 18].

Таблица 1. Отраслевая принадлежность двадцати крупнейших компаний мира

Отрасль	2009 год	2019 год	Изменение (+/-, %%)
Энергетика (нефть и газ)	36%	7%	-80,6%
Технологии, телекоммуникации и потребительские услуги			
26%			
56%			
+115,4%			
Финансовые услуги	18%	27%	+50,0%
Производство потребительских товаров	8%	6%	-25,0%
Здравоохранение и фармацевтика	8%	4%	-50,0%
Добыча сырья (кроме энергоресурсов)	4%	0%	-100,0%

Важнейшим операционным элементом цифровой экономики являются цифровые платформы, возможности которых позволяют формировать соответствующие условия хозяйствования и поддерживать устойчивые связи участников делового оборота. Каждая из таких системы, согласно интерпретации Банка России, представляет собой «совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса» [1, 45].

Наибольшего развития в 2010-е гг. достигли цифровые платформы США и Китая, что хорошо иллюстрирует таблица 2 [составлено по 6, 19].

Таблица 2. Капитализация крупнейших цифровых платформ в 2019 году¹

Наименование платформы	Локализация операционных мощностей	Капитализация (млрд долл. США)
Microsoft	США	785
Apple	США	749
Amazon	США	734
Alphabet (Google)	США	732
Alibaba, вкл. Ant Financial	КНР	505
Facebook (Meta Platforms)	США	377
Tencent	КНР	376

¹ Капитализация субъектов цифровой экономики увеличилась в 2020–21 гг. в 1,5–3 раза, что объясняется нерыночным обстоятельством — квазикарантинными мерами из-за пандемии SARS-COV19, кратно увеличившими потребности в работе с информацией

Наименование платформы	Локализация операционных мощностей	Капитализация (млрд долл. США)
Samsung	Южная Корея	207
SAP	ФРГ	122
<...>	<...>	<...>
Yandex	Россия	10
Mail.ru	Россия	5

Оценивая состояние российских цифровых экосистем, участники экспертной дискуссии (апрель 2021 г.) по вопросам, поднятым в процитированном выше докладе Банка России, отмечали, что, во-первых, такие системы – это способ «*выжить в ситуации <...> общего снижения маржи*», а, во-вторых, «*по мировым масштабам экономика у нас небольшая и темпы роста небольшие. Поэтому экосистемы здесь развиваются за счет высокой концентрации денег в руках небольшого количества организаций. Такая степень концентрации для России чрезвычайно характерна*» [12, 17, 27].

Центром инновационных цифровых решений в России является Москва, как было признано на 25-ом Всемирном конгрессе информационных технологий (ноябрь 2021 г.) [16]. В связи с этим определенным интересом представляет показанные в таблице 3 состав и количество московских цифровых экосистем в 2021 году [составлено по 13].

Таблица 3. Цифровые экосистемы Москвы (2021 год)

№	Профиль	Количество
1)	Финансы, в т. ч. банковские экосистемы (ПАО «Сбербанк», ООО Тинькофф Банк, КБ Локо-Банк (АО), ПАО Банк «ФК Открытие») краудлендинг и краудфандинг торговые площадки и электронная коммерция внедрение финансовых технологий	44 4 7 24 9
2)	Транспорт	29
3)	Информационные технологии	29
4)	Услуги	26
5)	Питание	15
6)	Недвижимость	15
7)	Здоровье	15
8)	Рекрутинг	14
9)	Медиа и развлечения	14
10)	Образование	13
11)	Туризм	10

Большинство организаций, указанных в таблице 3, цифровизацию своей деятельности осуществляют достаточно предельно просто – путем создания информационно-презентационного ресурса, снабженного интерактивным прейскурантом предлагаемого товара или торгуемой услуги с возможностью дистанционной оплаты, представляя собой, по сути, розничных продавцов товаров и услуг, ушедших в онлайн.

Из анализа материалов об организациях, перечисленных в таблице 3, следует, что отечественный подход к предпринимательским цифровым экосистемам пока основан на известном смешении понятий: цифровые платформы понимаются как предпринимательские экосистемы и наоборот, хотя, как представляется, цифровая платформа – понятие чисто технологическое, а цифровая экосистема – организационно-экономическое и технологическое. Изложенная оценка не распространяется на такие мультисервисные цифровые платформы как, скажем, Yandex или Mail.ru, а также на банки. Вместе с тем, если указанные платформы выросли на базе новейших информационно-телекоммуникационных сервисов, то банки являются более традиционными учреждениями.

Банк – основной структурный элемент экономической системы, основанной на массовом товарообмене. Аккумуляция кредитными учреждениями финансовых ресурсов и обеспечение их движения от потребителей к поставщикам товаров, а также поддержка деятельности последних, обусловлены именно реализацией посреднической функции, которая выражается в персонализации входящих денежных потоков и обезличивании исходящего денежного потока. Первая приводит к возникновению обязательств банка перед вкладчиками, вторая – к появлению обязательств поставщика товара перед данным кредитором. Вот почему вступая в долгосрочные взаимоотношения с вкладчиками и заемщиками, банк не может не формировать самоподдерживающую систему взаимоотношений – предпринимательскую экосистему.

С момента своего возникновения и вплоть до сегодняшнего дня финансовые рынки – это рынки сбора, обработки и передачи информации о кросс-стоимости денег и об их временной стоимости, о стоимости долгов и имущества, о товарах и их ценах. Неудивительно, что возможности цифровизации оказались весьма востребованными именно здесь. Возможно, первая полноценная финансовая цифровая экосистема сформировалась вокруг информационно-коммуникационной платформы Reuters Dealing, разработанной агентством Рейтер на рубеже 1980-х и 1990-е гг. Данная платформа интегрировала информационный канал, интерактивный аналитический сервис, и торговый сервис, обеспечивавший возможность проведения сделок между участниками финансового рынка.

Современный этап цифровизации банковской деятельности начался с конца 2000-х гг. Он связан с появлением мобильных полифункциональных интернет-коммуникаторов (смарт-фонов), что позволило перейти к удаленному банкингу (прежде всего, в части расчетно-кассового обслуживания).

Как и любые иные инновации, инновации в банковской сфере, использующие цифровые технологии можно разделить на три основные группы – продуктовые, процессные и организационные. На современных финансовых рынках наиболее всего заметны *процессные* инновации. К ним относятся:

- ускорение и упрощение расчетов;
- ускорение и упрощение стандартных депозитных операций;
- ускорение, упрощение и повышение эффективности стандартных кредитно-заемных операций на базе цифровой обработки, систематизации и анализа больших данных, для целей скоринга;
- ускорение, упрощение и повышение эффективности операций с традиционными инструментами финансового рынка на базе цифровой обработки, систематизации и анализа больших данных, имеющих или могущих иметь отношение к сделкам.

Наибольший интерес представляют *продуктовые* инновации, поскольку именно они могут создать принципиально новое качество финансового посредничества. Впрочем, именно в силу данного обстоятельства они вызывают осторожное отношение банковского сообщества, и повышенное внимание регуляторов. Это делает процесс их внедрения достаточно медленным. Среди них:

- выпуск и использование криптовалют в качестве платежно-расчетного средства;
- выпуск и поддержка обращения криптоактивов (т. н. токенов).

Процессные и продуктовые цифровые инновации финансовых рынков объективно влекут за собой *организационные* инновации – создание новых бизнес-моделей кредитных учреждений, предусматривающих, в том числе, внедрение цифровых платформ.

Вероятно, первая успешная попытка создать цифровую экосистему на российском финансовом рынке была предпринята ООО Тинькофф Банк, бизнес-модель которого в целом соответствовала принципиальной конфигурации, описанной в книге К. Скиннера «Цифровой банк. Как создать цифровой банк или стать им» [7]. Вместе с тем, цифровая платформа, созданная этим банком, первоначально не выходила за рамки традиционного банкинга, лишь в дальнейшем интегрируя сервисы финансового и нефинансового характера без привлечения конгломерата дочерних банковских компаний.

Несколько иной путь цифровизации финансовой деятельности избрал старейший и крупнейший российский государственный банк – Сберегательный банк Российской Федерации. Отметим, что данное кредитное учреждение имеет качественно особые позиции на рынке России: весной 2021 года его клиентская база включала свыше 90 млн физических лиц, т. е. практически все экономически активное население страны, и более 2,5 млн организаций – свыше половины экономических агентов, зарегистрированных российской юрисдикции [11].

В рамках общей организационной перестройки данного кредитного учреждения была создана цифровая экосистема, в которую на конец 2020 г. входили компании, предлагавшие услуги электронной коммерции, доставки готовой еды, такси, каршеринга, медиа и развлечений, мобильного оператора, здравоохранения и т. д.). Состав основных ее участников (без учета российских и зарубежных дочерних банков, российских финансовых компаний) по отчету ПАО «СберБанк» за 2020 г., показан в таблице 4 [составлено по 8].

Таблица 4. Нефинансовые активы экосистемы ПАО «СберБанк» (2020 г.)

Наименование компании	Профиль	Наименование компании	Профиль
«Сберлогистика»	услуги доставки	VisionLabs B.V.	IT-разработки
«КОРУС Консалтинг»	IT-разработки	Рамблер	IT-услуги
«Инстамарт сервис»	онлайн торговля	«Центр речевых технологий»	IT-разработки
«Интеркомп»	аутсорсинг	«ОККО»	Онлайн видео
«Сбер.Авто»	онлайн торговля	«Сбербанк-Телеком»	IT-услуги
«Сбербанк АСТ»	электронные торги	«Звук»	Онлайн аудио
«O2O ХОЛДИНГ»	онлайн торговля и аренда автомобилей	«2ГИС»	IT-разработки
«Союзмультфильм»	видеопродукция	«АктивБизнесКонсалт»	IT-разработки
«СберЗдоровье»	здравоохранение	«Центр недвижимости»	риэлтер

Наименование компании	Профиль	Наименование компании	Профиль
«Облачные технологии»	IT-разработки	«Сбербанк Лизинг»	лизинг
«Сбердевайсы»	IT-технологии	АО «Деловая среда»	тренинги
«Бизон»	кибербезопасность	«СберФакторинг»	факторинг
«Центр программ лояльности»	маркетинг	«Эвотор»	IT-разработки
«Работа.ру»	рекрутинг	ООО «Юмани»	процессинг

Для оценки эффективности создания экосистемы ПАО «СберБанк» по состоянию на 01.01.2021 целесообразно сопоставить ее финансовые результаты с консолидированными финансовыми результатами банка. Такое сопоставление приведено в таблице 5 [4, 11–13].

Таблица 5. Финансовые результаты ПАО «СберБанк» (2020 год)

Позиция	Показатель	Позиция	Показатель
Активы ПАО «СберБанк»	36 016,0 млрд руб.	Активы в форме инвестиций в ассоциированные компании и совместные предприятия и их доля в активах ПАО «СберБанк»	140,5 млрд руб. 0,39%
Капитал ПАО «СберБанк»	5 046,5 млрд руб.	Доля активов в форме инвестиций в ассоциированные компании и совместные предприятия в капитале ПАО «СберБанк»	2,79%
Операционные доходы ПАО «СберБанк»	1 702,1 млрд руб.	Доходы от нефинансовых частей ПАО «СберБанк» и их доля в операционных доходах	71,5 млрд руб. 4,2%
Рентабельность активов (ROA) ПАО «СберБанк»	4,73%	Условная рентабельность инвестиций ПАО «СберБанк» в ассоциированные компании и совместные предприятия	50,89%
Рентабельность капитала (ROE) ПАО «СберБанк»	33,73%		

Сопоставление данных, содержащихся в таблице 5, позволяет оценить эффективность формирования и функционирования цифровой экосистемы ПАО «СберБанк» следующим образом. С учетом количественного состава и размеров клиентской базы данного кредитного учреждения дальнейшее количественное наращивание такой базы маловероятно – ее численность близка к естественным пределам. Вместе с тем, с маркетинговых позиций (например, привлечение молодежи в качестве клиентов взамен естественного выбытия вкладчиков старшего

поколения), и удержания актуальных клиентов на расчетно-кассовом обслуживании экосистема банка играет позитивную роль, обусловленную, в том числе, укреплением позиций банка как брэнда. Так, на протяжении последних трех лет ПАО «СберБанк» является наиболее дорогим российским брэндом (730,6 млрд руб.), в полтора раза превышая по цене брэнд ПАО «Газпром» (496 млрд руб.) и более чем втрое – брэнд ПАО «НК Роснефть» (272,8 млрд руб.) [15]. Показательно, что ПАО «Сбербанк» все 2010-е гг. занимает лидирующее место и в т. н. медиарейтинге российских банков [14].

Согласно годовой отчетности банка, его экосистема имеет рентабельность, в полтора раза выше рентабельности капитала и более чем кратно превышающую общую рентабельность его активов. Вместе с тем, доля финансового результата экосистемы ПАО «СберБанк» в его совокупном финансовом результате подпадает под категорию незначительности (менее 5%), что можно объяснить ее размерами – на фоне размеров этого кредитного учреждения.

Таким образом, можно предполагать следующее.

Российские банковские цифровые экосистемы в нынешнем виде используют процессные инновации для осуществления традиционной банковской деятельности, прежде всего в сфере расчетно-кассового обслуживания и стандартных депозитно-кредитных операций и пытаются оказывать нефинансовые услуги. Создание таких систем предполагает инвестиционные затраты – т. е. доступно лишь хорошо капитализированным банкам. Цифровые экосистемы формируют в банке дополнительные бесплатные пассивы благодаря оплате нефинансовых услуг через его платежно-расчетную систему. Банковские цифровые экосистемы могут включать доходные (работающие) активы как результат инвестиций в нефинансовые сервисы.

Банковские цифровые экосистемы, являясь инструментом управления клиентской базой, также являются элементом брэнд-маркетинга.

В силу потребности в сохранении профильной идентичности создание и развитие цифровых экосистем не должно являться главной целью банковского стратегического менеджмента, однако может стать одним из компонентов стратегии развития банка.

У развития банковских цифровых экосистем есть три объективных ограничителя – объективные характеристики клиентской базы банков, инвестиционные ресурсы самих банков и особенности регулирования банковской деятельности.

Первый характеризуется тем, что согласно как прикладным исследованиям, так и теории маркетинга от 30 до 50% банковских клиентов – т. н. *скептики* или *консерваторы*, т. е. лица, не приемлющие или с трудом использующие любые формы онлайн взаимодействия с кредитным учреждением [10; 9]. Особенностью *скептиков* и *консерваторов* является их принадлежность к малообеспеченным слоям общества – т. е. к группе населения с небольшим располагаемым доходом, чьи поведенческие стереотипы теоретически наиболее подвержены стандартизации и, следовательно, доступны для цифровизации.

Выше отмечено, что создание цифровой экосистемы – затратное мероприятие, доступное не каждому кредитному учреждению.

Позиция отечественного мегарегулятора – Банк России, – в отношении цифровизации финансового рынка предусматривает развитие механизма дистанционной идентификации клиентов с использованием единой биометрической системы, цифрового профиля, системы быстрых платежей, развитие финансовых сервисов на российской блокчейн-платформе Мастерчейн (цифровые банковские гарантии, цифровая ипотека, онлайн-факторинг, др. сервисы), открытых интерфейсов цифровых систем и создание платформы цифрового рубля. Последняя будет использоваться для оплаты конкретных услуг или продуктов и не будет обслуживать безналичный денежный оборот [3, 5–6]. Таким образом, Банк России намерен стимулировать процессные цифровые финансовые инновации, видя в них средство модернизации банкинга с его сохранением в традиционных рамках.

Аналогичный подход Центральный банк Российской Федерации намерен применять и к банковским цифровым экосистемам. Окончательного решения относительно конкретного порядка их регулирования не принято, хотя общие подходы уже заявлены. Так, предполагается применение т. н. риск-чувствительного лимита для ограничения банковских вложений в нефинансовые активы, обеспечивающие и реализующие платформенные решения экосистем. Банки, развивающие экосистемы, должны будут удерживать свои инвестиции в пределах такого лимита, учитывая применение повышающего коэффициента иммобилизации при расчете обязательного норматива собственных средств [2, 12–20].

С учетом изложенного подхода можно предположить, что формирование банковских цифровых экосистем пока представляется процессом, имеющим как определенные плюсы, так и известные сложности. Являясь объективно неотъемлемым компонентом общего тренда на цифровизацию экономики, оно генерирует как риски для банковской системы, повышая конкурентные преимущества лишь тех ее участников, у которых создание цифровой экосистемы укладывается в традиционные, теоретически обоснованные и проверенные на практике алгоритмы банковской деятельности. На дальнейшее развитие отечественных банковских цифровых экосистем в ближайшие годы влияние окажут такие факторы как восприимчивость актуальной и потенциальной клиентской базы банков к цифровизации, наличие у кредитных организаций инвестиционных ресурсов и управленческое искусство регулятора.

Список литературы

1. *Центральный банк Российской Федерации* Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций Москва. Апрель 2021. – М.: 2021.
2. *Центральный банк Российской Федерации* Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы. Доклад для общественных консультаций. Июнь 2021 – М.: 2021.
3. *Центральный Банк Российской Федерации* Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и на период 2023 и 2024 годов. Ключевые тезисы – М.: 2021.
4. *ПАО «СберБанк»* Консолидированная финансовая отчетность. Публичное акционерное общество «Сбербанк России» и его дочерние организации за 2020 год с аудиторским заключением независимого аудитора. Публикуемая форма – М.: СберБанк, 2021.
5. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016.
6. *United Nations Conference on Trade and Development* Digital Economy Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries – N.Y. & Geneva: United Nations Publications, 2019.
7. *Skinner C.* Digital Bank: Strategies to Launch or Become a Digital Bank – Singapore: Marshall Cavendish Business, 2013.
8. *ПАО «СберБанк»* Сбер. Годовой отчет 2020. Электронная версия – URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/sber-ar20/ (дата обращения: 12.12.2022).
9. Голов Р.С., Мыльник А.В. Концептуальные основы управляемой маркетинговой диффузии инноваций // Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. С. 148–163.
10. *Магдеева М.* Банк для интровертов: какими будут отделения будущего – URL: <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=10955507> (дата обращения: 12.01.2022).
11. *Макарова Ю.* Бизнес-экосистема Сбербанка: что надо знать – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f6c55219a79475398b841bd> (дата обращения: 12.01.2022).

12. *Конкурег 20/21* Конкуренция на финансовом рынке. Принципы, развитие, регулирование / Резюме круглого стола № 3. Цифровые платформы и экосистемы на финансовом рынке. Конкуренция и принципы регулирования. URL: https://rosfinsovet.ru/site/public/elfinder/News/2021-04-26/2_Kruglyy_stol%233_Ekosistemy_togi.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
13. *ИТ и телеком в Москве* – URL: <https://ict.moscow> (дата обращения: 12.01.2022).
14. *Интерфакс* Медиарейтинг банков 2020 год – URL: <https://scan-interfax.ru/ratings/mediarejting-bankov-2020-god/> (дата обращения: 12.01.2022).
15. *BrandFinance* Russia 50 2021. The Annual Brand Value Ranking. Brandirectory – URL: <https://brandirectory.com/rankings/russia/> (дата обращения: 12.01.2022).
16. *The World Congress on Information Technology*, 2021. URL: <https://witsa.org/witsa-announces-2021-global-ict-excellence-award-winners> (дата обращения: 12.01.2022).

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Герасимов Е.Л., Герасимова Е.М.

Белорусский государственный экономический университет,
Белорусский государственный университет
Минск

Аннотация. Выявляются тенденции влияния цифровизации на образовательную систему и рынок труда. Рассматриваются особенности образовательной системы Беларуси, проблемы стоящие на пути ее цифровой трансформации. Анализируется динамика внедрения цифровых технологий и их последствия с точки зрения стратегического управления и организации текущей деятельности учебного заведения. Исследуется российский опыт внедрения цифровых технологий и возможности углубления интеграции образовательных систем двух стран.

Ключевые слова: цифровизация, образовательная система, образовательная система Беларуси, цифровая трансформация

Современный этап развития экономических систем, получил название экономики знаний. Объем информации, хранящейся в мире увеличивается примерно на 23% каждый год, информация передаваемая по интернету и мобильным сетям увеличивается примерно на 28%. Распространение информации посредством радио и телевидения увеличивается на 6% в год. Объем информации, накопленной человечеством настолько велик, что с трудом поддается оценке. Одно из исследований показало, что к 2007 году человечество накопило 295 триллионов мегабайт информации. Обращает на себя внимание изменение способов хранения и передачи информации. Так, основная часть информации – более 90% хранится на цифровых носителях. Мощность компьютеров растет со скоростью 58% в год [1].

Формируется новый тип экономики – цифровая. Обобщая мнения отечественных и зарубежных исследователей ее можно определить как экономику, функционирующую на основании интеллектуального ресурса, при помощи новых инфраструктурных, правовых, социальных механизмов, производящую услуги, информацию, творческий продукт.

Процессы цифровизации существенно влияют на многие отрасли социальной и экономической жизни.

Статистические данные [3,4,5,6] свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к накоплению, систематизации и управлению информацией. Ключевую роль в этом процессе играет образование. Начиная с античных времен образование формировало у человека навыки работы с накопленными знаниями. Но если во времена Платона и Аристотеля процесс образования представлял собой диалог учителя с учениками, а в Средневековье образование было религиозно-ориентированным и ограничивалось семью свободными искусстваами, то с развитием капиталистических отношений, расширением географических границ мира ситуация изменилась. Классические университеты стали более светскими, появились прообразы технологических университетов. К началу XX века сформировалась классическая модель высшего образования.

К ее основным чертам можно отнести:

- прямой контакт обучающего и обучаемого;
- получение знаний из традиционных источников (конспекты, учебники);
- жесткая, формальная структура учебного процесса.

Многим сегодня такая модель получения знаний кажется устаревшей, архаичной. Но для начального этапа получения знаний классическая модель является оптимальным подходом. Квалифицированные специалисты могут выделить ключевые, положения дисциплины, связать их в систему, сформировать основу для освоения следующих дисциплин. Кроме этого не стоит забывать о неформальном характере студенческой жизни. В наиболее престижных университетах мира существуют общества, лиги, спортивные команды, способствующие формированию социального капитала человека.

В начале XXI века обозначилась необходимость трансформаций, обусловленная преобладанием в экономике и социальных процессах нестабильности, неопределенности, сложности, неоднозначности.

Эти изменения затрагивают и экономику знаний, что проявляется в:

- крайне негативное влияние оказывает пандемия COVID 19, которая, с одной стороны, стимулировала переход ряда курсов и образовательных платформ в онлайн формат а, с другой стороны, вызвала рост доходности операторов образовательных услуг. Так, один из лидеров онлайн образования – Coursera привлек дополнительные \$130 млн инвестиций [7];
- доминировании интеллектуального ресурса;
- активизации инновационной составляющей и креативности во всех сферах экономической и социальной жизни;
- рост роли экономики впечатлений;
- необходимость регулярных конкурентных инициатив, которая означает для учебного заведения необходимость внедрения новых методов обслуживания, дифференциация и диверсификация существующих образовательных продуктов и видов деятельности, а также появление новых.

Влияние внешних фактов ведет к необходимости реформирования внутреннего рынка образовательных услуг.

Анализ актуальной литературы позволил выявить основные тенденции и направления реформирования указанного рынка.

К ним можно отнести:

- переход к корпоративным моделям обучения;
- усиление роли прогнозирования и планирования в традиционном высшем образовании;
- использование новых технологий в организации и мониторинге образовательного процесса;
- рост интереса малого и среднего бизнеса к электронному обучению;
- переход к новым концепциям, рассматривающим образование как постоянный элемент карьеры и жизни человека;
- появление новых профессий, например, таких как координатор образовательной платформы или архитектор виртуальности. По ним необходимо сформировать базовые компетенции, методическую документацию и практические модели подготовки.

Следствием указанных тенденций является снижение интереса к традиционным формам высшего образования, которое приводит к экономическим потерям вузов. Так, например, в 1990-е годы спрос на дипломы наблюдался во всем мире, благодаря чему в США за последние 40 лет стоимость обучения выросла на 260%, а кредиты на его оплату оценивались в \$30 миллиардов. В этот период почти 100% выпускников российских школ поступали в вузы. В настоящее время снижается доходность учебного заведения по многим параметрам поскольку онлайн-обучающиеся не нуждаются в инфраструктуре. Например, в Гарвардском месте в кампусе Гарвардского университета обходится в \$17 682 в год [6].

Перечисленные негативные тенденции затрагивают как белорусскую, так и российскую системы образования.

Так, число студентов в Беларуси за период с 2012 по 2019 годы сократилось с 88 тыс. чел. до 60 тыс. чел. Отмечается и сокращение выпуска студентов в тот же период. В расчете на 10000 человек он снизился с 190 до 150 чел. На рынке образовательных услуг сокращается доля вузов негосударственной формы собственности. Например, в 2000 году число таких вузов составляло 14, а в 2019 сократилось до 9. Схожая ситуация характерна и для российского образования. Отмечается снижение числа студентов с 4741,4 тыс. в 2000 году до 4068 тыс. чел. в 2019 году. Происходит сокращение числа высших учебных заведений с 607 в 2000 году до 495 в 2019 году.

В тоже время в Беларуси происходит рост интереса к последипломному образованию. В результате за период с 2012 по 2019 годы число зачисленных в магистратуру выросло с 4467 до 6345 человек. Это объясняется, в том числе и достаточно высоким качеством магистерских программ и их актуальной тематикой. Так, кафедра мировой экономики БГЭУ реализует программу магистерской подготовки по направлению «Международная экономика и коммерческая дипломатия». В она реализуется том числе и на английском языке.

Кризисные явления, связанные с пандемией, вызвали рост интереса к дистанционному образованию. В Республике Беларусь этот процесс носил характер антикризисного мероприятия. В сложной эпидемиологической обстановке 2020 и 2021 годов вузам Беларуси удалось перейти на организацию образовательного процесса с расширенным использованием дистанционного взаимодействия. Так, в 2021 году более 90% вузов использовали дистанционные образовательные технологии, в том числе в дневной форме получения образования. Белорусский опыт показывает, что для введения дистанционной формы как самостоятельной формы получения высшего образования уже сформирована необходимая технологическая и методическая база [8].

В Российской Федерации переход к онлайн обучению происходил более системно. Однако, накопленный автором опыт работы в минском филиале РЭУ им. Плеханова позволяет говорить не только о положительных сторонах, но и о некоторых недостатках обучения с применением ИКТ.

К основными из них можно отнести:

- сложности при адаптации контента к видео лекциям и электронным курсам;
- необходимость привлечения дополнительных сотрудников для организации;
- методического и технического обеспечения дистанционного процесса;
- настороженность и неприятие к применению дистанционным формам обучения у части преподавателей;
- новые требования к обучаемому.

В результате дистанционные технологии более востребованы в бизнес среде, в которой слушатели мотивированны к обучению, а компания рассматривает образование как конкурентное преимущество сотрудников. В наибольшей степени положительный эффект проявляется если подразделения компании разбросаны по регионам, особенно в большой по размерам стране.

Дальнейшая эволюция образовательного процесса связана с появлением модели смешанного обучения. Эффективней процесс усвоения знаний предполагает наличие определенных специфических условий. Важную роль в нем играют актерские способности, харизма, умение заинтересовать аудиторию и другие личные качества преподавателя. Именно поэтому в современном обучении, в особенности корпоративном, популярной становится модель в которой сочетаются достоинства традиционных и дистанционных методов обучения. Окончательного алгоритма организации смешанного обучения не существует. В определенной степени он и не нужен, поскольку для каждого конкретного заказчика может формироваться свой набор образовательных инструментов. В результате, процесс обучения будет включать традиционные и видео лекции, коучинг, моделирование реальных ситуаций в учебных фирмах и учебных офисах, где обучаемые смогут закрепить полученные навыки и попробовать себя в условиях, приближенных к реальным.

Смешанные образовательные технологии будут направлены на создание адаптивной модели обучения, при которой успехи обучаемого будут контролироваться дистанционно, а образовательный контент подстраиваться под уровень знаний и зависеть от степени освоения материала. Не последнюю роль в появлении такой модели сыграет так называемый «интернет вещей», то есть возможность обмена данными и синхронизации информации между удаленными устройствами. Сегодня данная модель носит экспериментальный перспективный характер. Возможно, что ее дальнейшее развитие может решить многие противоречия, существующие в современном образовании. [9, с. 108–109]

Трансформация образовательного процесса предполагает возникновение нового типа высшего учебного заведения – Университета четвертого поколения. Его ключевыми характеристиками станут образование, наука, инновации и креативность [11, с. 152].

Такое учебное заведение должно стать интеллектуальным лидером своего региона. Это будет сетевой, территориально распределенный, интернациональный вуз.

Основные функции университета 4.0 помимо образования будут включать исследование и разработку инноваций, экспертизу и консалтинг, проектирование и создание новых практик, а также социальную коммутацию и общественную медиацию.

Сочетание очной и дистанционной форм получения образования позволит реализовать такую модель учебного заведения, которая позволит:

- осуществлять интеграцию и сотрудничество с мировыми лидерами бизнеса для выпуска перспективной продукции;
- проводить обязательное обучение фундаментальным основам профессии;
- способствовать внедрению и развитию новых образовательных технологий, в условиях, при которых процессы обучения усложнены новой междисциплинарной информацией, а профессиональные знания о перспективных технологиях становятся важнее навыков;
- перейти к подготовке новой интерации инженерных кадров, способных решать сложные задачи, которые не может решить современная промышленность (инженер образовательного курса);
- реализовать в процессе обучения принцип мультидисциплинарности [11, с. 153].

В перспективе произойдет вовлечение инфраструктуры университетов в работу центров региональных и отраслевых экосистем. Следствием этого станет фокусировка на университетах инструментов и ресурсов умного города, а также кластерного и отраслевого развития.

Трансформации образовательного процесса могут включать следующие этапы:

- формирование образовательной среды для выявления, раскрытия и реализации индивидуального потенциала обучаемых;
- создание условий для развития творческих возможностей будущих специалистов, создающих в процессе обучения собственные инновационные образовательные продукты;
- разработку новых социальных механизмов для интеграции образования, науки и производства для подготовки динамичного специалиста.

Республика Беларусь и Российская Федерация не должны оставаться в стороне от процессов цифровизации в сфере образования. Сотрудничеству в рассматриваемой сфере способствуют следующие условия:

- схожие культурные ценности;
- отсутствие языкового барьера;
- схожие системы оценки квалификации профессорско-преподавательского состава;
- общность проблем, стоящих перед высшим образованием в условиях пандемии и цифровизации.

Наряду с положительными факторами следует отметить и ряд проблем, снижающих динамику сотрудничества.

Во-первых, это разные стартовые условия. Процесс внедрения дистанционных и цифровых технологий в сферу российского образования был более системными и продолжительным по времени. В Беларуси переход к массовому использованию ИКТ в сфере обучения явился реакцией на пандемию COVID-19.

Во-вторых, наблюдаются различия в подходах к цифровизации образования. Российские вузы используют большее количество систем дистанционного обучения, таких как «Кампус», «Прометей». В Беларуси основной платформой является Moodle. Собственной системы не создано.

В-третьих, различия в нормативно-правовой базе, регламентирующей учебный процесс и организацию деятельности высшего учебного заведения. Структура образовательных стандартов, учебных планов, рабочих программ двух стран различаются. Также понятие дистанционного образования в белорусском законодательстве четко не определено. Эта проблема будет частично решена с принятием нового Кодекса об образовании.

В-четвертых, отсутствие единой программы развития в рамках Союзного государства. Ни одна из 28 дорожных карт, формирующих направления интеграции, не содержит предложений о сотрудничестве в сфере образования.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и сформулировать следующие предложения:

- цифровизация образования в рамках Союзного государства развивается с разными скоростями;
- Российская Федерация сформировала единую комплексную программу цифровизации образования;
- основным двигателем цифровизации образования в Республике Беларусь стала пандемия COVID-19;
- в условиях расширения интеграции необходимо создание единого координационного центра, способствующего интеграции образовательных систем двух стран;
- пилотным проектом, в данной области может стать виртуальный российско-белорусский университет, факультет или совместная магистерская программа на базе ведущих вузов двух стран.

Список литературы

1. *Маркина Н.* Сколько информации накопило человечество URL: <https://www.infox.ru/news/9/science/technology/64630-skolko-informacii-nakopilo-celovecestvo> (дата обращения: 12.12.2021).
2. *Головенчик, Г.Г.* Цифровизация белорусской экономики в современных условия глобализации. Мн.: Издательский центр БГУ, 2019.
3. UNCTAD Policy Brief: Robots and Industrialization // UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/Publication-sLibrary/presspb2016d6_en.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
4. *Frey, C.B.* The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs To Computerisation? / C.B. Frey, M.A. Osborne // University of Oxford. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
5. The Future of Jobs Reports 2018 // World Economic Forum URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
6. Putting a face behind the jobs at risk of automation. March, 2018 // OECD URL: <https://community.oecd.org/servlet/JiveServlet/previewBody/132202-102-1-231244/OECD%20-%20Automation%20policy%20brief%202018.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
7. *Антон Иванов.* Почему в ближайшем будущем мы перестанем получать высшее образование. URL: https://www.gq.ru/society/education-september-issue?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 12.12.2021).

8. «Более 90% вузов Беларуси используют дистанционные образовательные технологии – Богущ». URL: <https://belta-by.turbopages.org/belta.by/s/society/view/bolee-90-vuzov-belarusi-ispolzujut-distantionnye-obrazovatelnye-tehnologii-bogush-445364-2021/> (дата обращения: 27.12.2021).
9. *Герасимов Е.Л.* Модели смешанного образования. //Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Международной научно-практической конференции. Минск, 17 мая 2018 г. – Минск: БГЭУ, 2018. – С. 108–109.
10. *Пятаков С.* Более 300 вузов и колледжей адаптировали программы под цифровую экономику. URL: <https://ria.ru/20210915/tsifrovizatsiya-1750121961.html> (дата обращения: 27.12.2021).
11. *А.К. Мамедов и др.* Цифровой город: новый социальный транзит – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2021. – 174 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦЕЛЯХ ПЛАНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Евтянова Д.В.

Независимый исследователь

Москва

Аннотация. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 года закрепила необходимость ускорения цифровизации. Интерес в качестве технологии реализации ИИ могут представлять искусственные нейронные сети (ИНС). В соответствии с основными законами кибернетики можно выделить разные типы ИНС и цели их использования. ИНС прямого распространения пригодны в целях прогнозирования, так как они дают средневзвешенный результат, а не точные вычисления, ИНС рекуррентного типа возможно использовать для «предплана» или индикативного планирования. Для стратегического планирования необходим синтез нейронных сетей и динамической модели межотраслевого-межсекторного баланса, что не противоречит текущему законодательному определению ИИ.

Ключевые слова: стратегическое планирование, искусственные нейронные сети, искусственный интеллект, государственное регулирование, макроэкономика, цифровая экономика

1. Введение. Применение достижений научно-технического процесса представляет огромный интерес для всех сфер российской экономики. В первую очередь необходимость в новых технологиях вызвана новыми угрозами со стороны международных отношений, необходимости сохранения суверенитета государства и противостояния экономическим кризисам. Постановление Президента РФ закрепило необходимость обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации, проведения научных исследований в этой области, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области. Вопрос цифровизации — это скорость технического прогресса и новые возможности для сбалансированного развития разных отраслей экономики, а также опережающего развития и конкурентного преимущества перед другими странами.

Пока ИИ обслуживает только сферу обслуживания, в сфере международной дипломатии включение использования ИИ изучено по таким направлениям, как безопасность, применение беспилотных систем, мониторинга обстановки и исполнения заключенных договоров [1]. Однако область применения ИИ в сфере экономических процессов, относящихся к производству, планированию и транспортировке мало исследована.

2. ИИ в обеспечении планирования экономического развития. В 1956 году на конференции Дартмутского университета американский ученый Дж. Маккарти дал определение термину: «Искусственный интеллект — это наука о создании интеллектуальных машин и компьютерных программ» [2]. С тех пор само определение немного меняло формулировку, но основное составляющее в виде «машин» осталось. Современные исследователи [1] часто трактуют понятие искусственного интеллекта как интегрированного продукта научных исследований, а, например, Городнова Н.В. изучает феномен ИИ, трактуя его как «способность цифрового компьютерного алгоритма выполнять конкретные поставленные задачи, которые обычно связаны с жизнедеятельностью разумных существ (человека)» [1]. Для этого необходимо глубокое машинное обучение и применение алгоритмов виртуальной реальности.

Как отмечают некоторые исследователи [3], попытки создать искусственный интеллект начались задолго до начала процесса цифровизации. Так, например, в конце XIII века миссио-

нер Раймунд Луллий изобрел логическую машину, заложив основы комбинаторики. Воссоздать человеческий разум позднее пытались с помощью вычислительной техники, а затем возникла и идея автоматизированных систем управления (АСУ) – комплекса аппаратных и программных средств, позволяющих автоматизировать процесс выбора и принятия решений. Р. Локард, О.А. Змазнева и И.Н. Вольнов отмечают, что оставаться в контролирующей позиции по отношению к искусственному интеллекту можно, соблюдая ряд принципов: необходимо подняться от уровня интеллекта, оперирующего информацией, отчужденной от своего носителя, до уровня смыслов, неотчуждаемых от своего носителя; возвыситься от уровня интеллекта, способного работать с новым как новой комбинацией на заданном наборе известных элементов, до уровня мышления, способного порождать нечто иное, отсутствующее в предшествующем человеческом опыте; покинув уровень разума, находящийся в мертвом времени, выйдя на уровень мышления, живущего в биологическом, живом времени с вплетенными в него неконтролируемыми прозрениями другой формы времени [4]. Однако, важно отметить, что в целях планирования искусственный интеллект также должен учитывать не только один промежуток «мертвого» времени, а работать в динамике, иначе это просто очередная статистическая система, не способная эффективно трансформировать объект управления.

Министерство экономического развития Российской Федерации и, в частности, Департамент стратегического развития и инноваций, отмечают [9], что современные технологии искусственного интеллекта охватывают следующие направления: компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, перспективные методы ИИ и интеллектуальные системы поддержки принятия решений. Последнее особенно важно для планирования экономического развития, однако пока официальные документы не закрепляют необходимость перехода от ручного принятия решений и управления к автоматизированному.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года Российской Федерации закрепляет понятие ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. По такому критерию к искусственному интеллекту можно отнести и обычные персональные компьютеры, и конкретные технологии, например, искусственные нейронные сети (ИНС). Последние больше всего интересуют исследователей с точки зрения возможности использования для процесса принятия решений и планирования.

От традиционных математических моделей искусственные нейронные сети отличаются способностью обучения. Во многом это напоминает мозг человека с рядом его когнитивных функций. ИНС представляют огромный потенциал для использования в целях планирования и прогнозирования. Для последнего они уже используются в разных сферах. Однако, с точки зрения планирования и управления экономикой можно отметить проблемы с трактовкой терминов, подмену понятий и путаницу в типах сетей. Чаще всего причиной этому служит понимание управления как анализ и синтез, а не алгоритм, меняющий окружающую среду и трансформирующий объект.

Использование ИНС с целью планирования экономического развития – это перспективное направление, которое позволило бы перейти от ручного управления к автоматизированному. Привлекательность этой идеи заключается в том, что для сетей можно задать необходимые ограничения и создать структуру за счет экспертных знаний. Это позволит имитировать развитие реального объекта управления и оперировать большим объемом данных, сопоставляя информацию с категориями, что просто невозможно при планировании вручную.

Возвращаясь к типологии ИНС, в которой часто возникает путаница, стоит отметить, что простые искусственные нейронные сети невозможно использовать в целях планирования. Они представляют собой статистические системы, которые не могут решать сложные вычислитель-

ные задачи и делать конкретные выводы. За счет анализа и синтеза они дают на выходе средневзвешенный результат, в зависимости от сопоставления с категориями, которые загружены в память в процессе обучения. В основе таких сетей алгоритмы с формулировкой «если..., то...». Простые ИНС отлично работают с классификацией, поиском нужного образца в пересекающихся множествах и соотношением с классом. Многослойные сети при этом способны определять характеристики свойств, нелинейные зависимости и многое другое. Например, их можно использовать в производстве, и некоторые компании уже экспериментируют, объединяя искусственный интеллект с дизайнерской работой или внедряя в отделы маркетинга. Так, к примеру, российский бренд одежды YUGE использует ИНС для анализа загруженных данных и создания новых вариантов дизайна изделий, а также персонализации под конкретного клиента. Таким образом работают и другие сети, выдавая прогноз по тенденциям, ассортиментным матрицам и т. д. Однако, процесс принятия решений и точные расчеты все равно остаются за человеком.

Многоуровневые сети с программным комплексом позволяют проводить более точные вычисления и предоставлять и получать на выходе схему шагов [5] – небольшой алгоритм. Однако, они также несовершенны именно с точки зрения экономического планирования. Модель также является статистической, а результат – это ориентир и прогноз, который можно использовать в качестве предварительного плана или направления для индикативного планирования. С точки зрения стратегического планирования экономического развития главный минус таких искусственных сетей – отсутствие обратной связи. Их нельзя использовать в динамике, возвращаясь на шаг назад, если изменились вводные данные, что в экономике как объекте управления происходит постоянно.

Ходжаева Д.Ф., Алиева М.Х., Курбанова Ш.М. [6] отмечают, что искусственный интеллект является в производстве познавательной составляющей для поиска и реализации человеческих навыков при решении возникающих проблем. Однако, исследователи сводят роль искусственного интеллекта к физическому присутствию на производстве, выделяя отдельные технологии, как, например, машинное зрение, генерацию дизайна продукта, интеллектуальное обслуживание и другие направления, которые, согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года Российской Федерации, относятся к закрепленному понятию технологий искусственного интеллекта. При этом есть еще и незримая составляющая в виде процесса планирования и принятия решений, которая упущена из рассмотрения исследователями. Ходжаева Д.Ф., Алиева М.Х., Курбанова Ш.М. также отмечают, что технологии на основе искусственного интеллекта могут ошибаться, поэтому стопроцентное управление производством невозможно, необходим контроль человека над техникой, а также защита от кибератак. Безусловно, необходима надежность, защита данных и возможность обновления входных данных с обратной связью, что простые нейронные сети обеспечить не могут.

Однако, существуют и сложные многослойные нейронные сети с рекуррентной обратной связью. Их преимущество в том, что выходные данные зависят от предыдущих вычислений, присутствует определенная «память» и параметр времени, на их основе можно составлять предплан или использовать как часть системы автоматизированного управления. Сама по себе такая сеть не способна к стратегическому планированию, но представляет огромные перспективы для изучения и доработки в соответствии с целями управления экономическими процессами.

Рассматривая ИНС любого типа в соответствии с фундаментальным законам кибернетики [7], становится очевидно, что технология работает по принципу черного ящика, тогда как для планирования экономического развития необходимо соответствие конкретным алгоритмам с прямой и обратной связью, а главное – точный математический расчет, а не средневзвешенный показатель с вероятными сценариями.

На текущем этапе развития искусственные нейронные сети представляют большой интерес для обработки больших данных (с которыми, например, не могут работать классические

инструменты индикативного планирования и статические модели), подготовки базы данных для построения межотраслевого баланса и предплана. Однако по ценности и приоритету для внедрения никак не заменяют модель межотраслевого-межсекторного баланса Н.И. Ведуты (МОСБ Н.И. Ведуты) [8]. При этом вполне возможна реализация гибридной формы.

Как отмечают Налбандян А.А., Загидулина Д.В. [10], искусственный интеллект обладает способностью найти пробелы в отраслевом планировании и оценке ущерба от них. Возможный анализ, как подчеркивают исследователи, продемонстрировал бы детальный отчет о зависимостях, которые определяют особенности ведения бизнеса и эффективность всех видов деятельности в стране. Однако, стоит заметить, что все взаимосвязи, которые необходимо учитывать уже были выделены давно К. Марксом, что легло в основу межотраслевого-межсекторного баланса и, в частности, модели МОСБ Н.И. Ведуты. При этом она подразумевает не просто поле для анализа, а реальную технологию для управления экономическим развитием. Главное – в отличие от искусственных нейронных сетей она является «живым» механизмом, учитывающим каждое изменение и возможность внесения корректировок.

Искусственный интеллект в планировании экономического развития – это будущее, которое позволит эффективно составлять баланс для пропорционального развития всех отраслей экономики, рассчитав матрицу «выпуск-затраты». Городнова Н.В. также отмечает [1], что ИИ имеет в частности и огромное значение для международной торговли. Он позволяет развивать и управлять глобальными цепочками создания стоимости, сопоставлять спрос и предложение, развивать международную торговлю и эффективно вести торговые переговоры и экономическую дипломатию, эффективно и быстро оценивая требования партнеров и конъюнктуру.

3. Заключение. В целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации, проведения научных исследований в этой области, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области было выпущено Постановление Президента РФ. Документ закрепил необходимость внедрения ИИ и утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Потенциальный интерес в качестве технологии реализации ИИ могут представлять искусственные нейронные сети. Однако, в соответствии с основными законами кибернетики можно выделить разные типы нейронных сетей и проанализированы цели их использования.

Искусственные нейронные сети прямого распространения могут быть использованы только в целях прогнозирования, так как они дают статистический средневзвешенный результат, а не точные вычисления, тогда как нейронные сети рекуррентного типа возможно использовать для «предплана» или индикативного планирования. При выборе отдельных показателей и обработки их в динамике, модель будет работать с диспропорциями и перекосами в производстве.

Для директивного и стратегического планирования сбалансированного экономического развития необходим алгоритм с прямой и обратной связью и вычислительный аппарат, который возможен только в случае синтеза нейронных сетей и динамической модели межотраслевого-межсекторного баланса, что не противоречит текущему законодательному определению ИИ. Однако, пока МОСБ Н.И. Ведуты является более эффективным методом планирования, не имеющем аналогов нигде в мире. Модель имитирует когнитивные функции человека, в результате расчетов матрицы возможно получить выполнение конкретных задач с алгоритмом действий, согласованных во времени и по исполнителям, что позволяет эффективно трансформировать объект управления.

Список литературы

1. *Городнова Н.В.* Применение искусственного интеллекта в экономической дипломатии и международной торговле // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Том 11. – № 2. – С. 565–580.
2. *Афанасьев Д.* Как искусственный интеллект меняет отношение бизнеса к покупателю // БИТ. Бизнес & Информационные технологии. – 2019. – № 5 (88). – с. 54–55.
3. *Ефимова С.А.* Развитие искусственного интеллекта // Цифровая наука. 2020. № 6.
4. *Lockard, R.P.* Artificial Intelligence: Are Humans Protected from the Systems They Created / R.P. Lockard, O.A. Zmazneva, I.N. Volnov // Vestnik of Moscow City University. Series: Philosophical Sciences. – 2021. – No 3 (39). – P. 47–55.
5. *Степанов М.Ф.* Нейронные сети для планирования решения задач теории автоматического управления // Проблемы управления. 2004. № 2.
6. *Ходжаева Д.Ф., Алиева М.Х., Курбанова Ш.М.* Роль искусственного интеллекта в производстве. // Наука, техника и образование. 2021. № 4.
7. *Евтянова Д.В.* Искусственные нейронные сети как инструмент планирования экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 84.
8. *Ведута Н.И.* Социально эффективная экономика. – М.: Издательство РЭА, 1999. 254 с.
9. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения: 09.01.2022).
10. *Налбандян А.А., Загидулина Д.В.* Искусственный интеллект как инструмент макроэкономической политики // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 3. – № 5 (113). – С. 40–46.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: СМЕНА ОРИЕНТИРОВ

Жиряков В.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Сегодня стратегическое планирование остается одним из приоритетных направлений развития государственного управления в Российской Федерации. Последние 7 лет стратегическое планирование остается одним из ключевых объектов цифровизации, на что неизменно указывают в экономическом блоке Правительства РФ. Однако следует отметить, что воплощение концепции стратегического планирования за этот период весьма расходится с принципами реального управления экономикой и национальными целями развития государства. Вместе с этим недавнее распоряжение Правительства РФ и указ Президента РФ об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ дают новый импульс к исследованию данной проблематики.

Ключевые слова: стратегическое планирование, цифровизация, национальные цели

Введение. Стратегическое планирование – важнейшая отрасль государственного управления в Российской Федерации, а также наиболее развиваемое направление в контексте реализации государственной политики. Подобная тенденция в Российской Федерации закрепились с момента принятия соответствующего федерального закона в 2014 году, который и выступает центральным элементом правовой основы стратегического планирования. Данное положение разумно рассмотреть и проанализировать по меньшей мере с двух позиций. Во-первых, по крайней мере с формальной точки зрения несколько десятков документов и законодательных актов на сегодняшний день исполнительная и законодательная ветвь власти относит к нормативной базе стратегического планирования. Во-вторых, само стратегическое планирование понимается в различных кругах по-разному, как, впрочем, и многие другие категории, составляющие актуальную проблематику. Даже сам федеральный закон понимает стратегическое планирование достаточно широко. Конкретно законодатель трактует его как целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления [1]. Чем обусловлен столь широкий предметный охват в контексте стратегического планирования? Дать однозначный ответ возможно будет затруднительно, поскольку многие неоднозначно разграничивают сферу планирования как такового. Не менее важно и то, как влияет подобный научный плюрализм толкования на последующее осмысление и понимание процессов в государственном управлении. Это вызывает некоторую обеспокоенность, так как государственное управление активно трансформируется под воздействием цифровизации, как самого активного процесса и продукта Четвертой промышленной революции.

Основная часть. Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что цифровизация сама по себе однозначно губительна и негативно влияет на развитие науки и общества. Поскольку цифровизация сама есть продукт экономического и технологического развития человечества, она должна обеспечивать мультипликативный рост науки, технологий и индивида. Тем не менее, необходимо понять, каким целям служит цифровизация в мире в целом и в России в частности. Другими словами, что мы собираемся «оцифровывать», а также что мы уже «оцифровали». Необ-

ходим стратегический взгляд на цифровизацию, как инструмент государственного управления и стратегического планирования.

В современных условиях достижения цифровой революции повсеместно внедряются в практику деятельности органов государственной власти. Деятельность контрольно-надзорных органов на сегодняшний день существенно модернизировалась за счет новых цифровых решений. Так, Аналитический центр при Правительстве РФ сообщает, что в 2022 году планирует продолжить работу в части экспертно-методологического сопровождения цифровизации контрольно-надзорной и разрешительной деятельности, в первую очередь по систематизации обязательных требований. Кроме того, в первом полугодии 2021 года были пересмотрены 206 видов разрешительной деятельности и подготовлены предложения по их оптимизации, а также подготовлено 170 стандартов по лицензиям и другим разрешениям. Однако это не дает оснований считать, что система стратегического планирования сегодня доведена до идеальной модели. Например, в конце 2020 года было объявлено, что во всех федеральных органах исполнительной власти назначены руководители по цифровой трансформации (Chief Digital Transformation Officer), аналогичные назначения осуществляются в регионах. Стартовала серия проектов по использованию искусственного интеллекта в деятельности ряда федеральных органов исполнительной власти. Перед ними поставлена задача повысить качество и эффективность оказания госуслуг, снизить издержки государственного управления. Ее реализация связана, в первую очередь, с переводом госуслуг «в цифру», это касается также осуществления контрольно-надзорной деятельности и государственных функций [7].

Аналитический центр при Правительстве приведен как один из множества примеров, но все же, являясь своего рода правопреемником Госплана, он мог исправить ошибки предшественника и поспособствовать реформированию системы управления и стратегического планирования в направлении улучшения качества жизни населения на основе внедрения цифровых решений и экономико-математических кибернетических моделей в экономику. Реально мы видим, что цифровые решения внедряются в практическую деятельность государства точно и прежде всего затрагивают сферу потребления и в значительно меньшей степени сферу процесса производства. Стоит ли говорить, что цифровизация сферы управления осуществляется крайне некомпетентно? Коротко это можно назвать цифровизацией хаоса. Это означает попытку определенных групп протолкнуть инициативу по скорейшей и бесконтрольной оцифровке экономических процессов в надежде на то, что в результате они сами собой систематизируются и окажут сбалансированное воздействие на развитие общества. Однако обилие и доступность данных при отсутствии знаний конструирования выхода из глобального кризиса никогда не позволят стихийно действующему искусственному интеллекту трансформироваться из обращенного назад и прогностического анализа в проактивный, конструирующий будущее в направлении морализации глобализации [6]. Поэтому подобные инициативы, призванные «оцифровать» хаос, лишь только усугубят проблемы бедности, неравенства, диспропорциональности развития экономик мира. В таком случае цифровизация не оптимизирует и не упрощает, а замораживает общество на несколько десятилетий вперед.

СССР уже стоял перед подобной проблемой. Ныне его ошибки повторяет западное экономическое сообщество, но более всего досадно, что и Россия по-прежнему склонна «наступить на свои же грабли». В мире по-прежнему силен тренд на автоматизацию технологических процессов, документационного обеспечения, а также контрольно-надзорной за юридическими и физическими лицами. Отечественный опыт дает нам возможность перейти к альтернативной стратегии управления, которая обеспечит пропорциональное и поступательное развитие общества в том числе с применением информационных технологий. Это и будет началом управленческой революции для выхода глобализации на траекторию роста общественного блага, реализующую моральные принципы.

Таким образом, типовой портрет цифровизации в России сегодня выглядит весьма неказисто. Прежде всего, он включает в себя сервисы электронной коммерции и логистические сервисы, объединяет сервисы доставки готовой еды, такси и каршеринг, а также сервисы видео- и аудиостриминга и другие медиасервисы. Также он включает цифровые сервисы в здравоохранении, такие как телемедицина, онлайн запись к врачу, вызов врача на дом, дистанционный мониторинг пациентов, электронная медкарта и другие.

Вместе с этим автоматизация, цифровизация и искусственный интеллект сегодня становятся неотъемлемыми атрибутами любых решений в экономике. Лозунгам цифровой революции охотно вторят и в эшелонах власти, однако не вникая, порой, в суть рассматриваемых категорий. Последние годы цифровизация выступает в том числе и инструментом стратегического планирования. Но если возвращаться к теме настоящего исследования, то разумно проследить ориентиры, которым следовала России в стратегическом планировании. Ориентир есть не что иное как цель или некая целевая установка. Ориентиры стратегического планирования – это в свою очередь общенациональные ориентиры, тесно сопряженные с национальными интересами государства.

Здесь автор считает необходимым внести ясность в понимание стратегического планирования как категории. Основной акцент исследования сделан на экономическую составляющую стратегического планирования. Таким образом для целей исследования необходимо учитывать прежде всего стратегическое планирование экономики (народного хозяйства, комплекса) как важнейшего объекта воздействия цифровых технологий. В чем состоял последние годы стратегический ориентир народно хозяйства и планирования его развития? Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос не представляется возможным, поскольку единственный тезис, который можно было бы назвать ориентиром в государственной политике – это всеобщая цифровизация или оцифровывание общественной жизни. При этом закон о стратегическом планировании ставит своей задачей определение приоритетов социально-экономической политики, целей и задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [1]. Однако он же не сформулировал каких-либо моделей управления экономикой, которые могли бы быть приняты государством за основу. Стоит обратить внимание, что значительную часть документа составляют вопросы иерархии и системы документооборота стратегического планирования, а также положения, касающиеся контроля и ответственности. С одной стороны это придает системе масштабности, с другой – говорит о чрезмерной ориентации на документационное обеспечение процесса. Несомненно, это идет в противоречие с обозначенными в стратегии принципами измеряемости целей.

Указ Президента о национальных целях развития аналогичным образом не конкретизирует рассматриваемую проблему, однако все также включает «цифровую трансформацию» в перечень национальных целей развития на период до 2030 года. Цифровая трансформация в данном контексте – это «цифровая зрелость» экономики, электронный формат социальных услуг, всеобщий доступ к сети «Интернет», а также инвестиции в информационные технологии [2].

Можно ли считать подобную характеристику цифровой модернизации экономики и управления исчерпывающей? Именно неопределенность, связанная с предметной средой цифровой и информационной модернизации, обуславливает хаотичный характер внедряемых решений. Поскольку мы не можем четко определить предметную область стратегического планирования, это приводит к тому, что можно охарактеризовать «несистемной цифровизацией». В свою очередь это является следствием проблемы отсутствия целевой модели управления в экономике. Таким образом, единственным псевдо-ориентиром в управлении на протяжении сравнительно долгого времени оставалась эта самая «несистемная цифровизация», при которой единственным

параметром, определяющим эффективность модели, выступает количество цифровых платформ, продуктов и решений в единицу времени.

Однако, недавние инициативы Президента и Правительства добавляют информации к размышлению. Конкретно внимания заслуживают недавние распоряжение и указ Президента. Указывается на внедрение балансовых расчетов в практику стратегического планирования [3]. А среди задач цифровой трансформации государственного управления фигурирует запуск процесса непрерывной обработки отчетности по всем социально-экономическим показателям с помощью сквозных технологий и дальнейшее обучение системы на основе динамической оптимизационной модели межотраслевого (межсекторного) баланса о необходимости сигнализировать в случае наступления ранее запрограммированных событий в отраслях экономики и социальной сферы [4]. Означает ли это смену ориентиров в управлении экономикой?

Что следует понимать под динамической моделью МОБ в контексте предпринятых инициатив Правительства и Президента? Поскольку существует как минимум две различающихся модели межотраслевого баланса, одна из которых хорошо известна в научном сообществе и была применена еще в СССР, в то время как другая, имея очевидные преимущества над первой, была отвергнута, в результате чего базовой целевой моделью управления народным хозяйством, а значит и стратегического планирования экономики стала кинематическая модель В.В. Леонтьева. В то же время модель динамическая моделью Н.И. Ведуты, проигнорированная советским руководством, могла бы стать той моделью, которая претворила в реальность цифровизацию и автоматизацию управления народным хозяйством еще в СССР. Тем не менее, кибернетическая модель управления и планирования не теряет своей актуальности. Напротив, именно в нынешних условиях кибернетика становится единственно возможным двигателем научно-технологического прогресса, а также наиболее прогрессивным инструментом развития экономики. В рамках этого подхода цифровизация перестает быть псевдо-ориентиром и самоцелью стратегического планирования.

Таблица 1. Сравнительная характеристика систем (моделей) в рамках системного подхода

Сравнительная характеристика моделей	
Кинематические	Динамические
Описывают математические свойства взаимодействия элементов системы, их состояние в разные моменты времени	Описывают характер и причины взаимодействия и изменения элементов системы
Аналитические модели, позволяющие давать неточные прогнозы и оценки. По сути, не позволяют делать каких-либо выводов о характере развития системы	Характеризуют систему гораздо точнее нежели кинематические, поскольку учитываются входное воздействие на систему (прямая связь) и выходное ответное действие системы на внешнюю среду (обратная связь)

Кибернетический метод дает возможность исследовать тот или иной объект с позиции системного подхода. В соответствии с этим подходом в рамках одной большой системы возможно выделить несколько более локальных систем, между которыми осуществляется взаимодействие. Характер взаимодействия элементов низших уровней с элементами высших исследует, в частности, теоретическая механика. Общеизвестно, что механика выделяет статические, кинематические и динамические системы. Статика изучает законы пребывания тела или системы в равновесии (состоянии покоя). Кинематика описывает движение и взаимодействие систем исключительно математическими средствами с применением инструментария алгебры, геометрии и математического анализа, игнорируя причины, по которым происходит движение

и взаимодействие, а характеристики, присущие движению, принимаются в качестве абсолютных. Динамика изучает взаимодействие элементов, его характер, причины, а также движение частей системы во взаимосвязи с системой в целом. Исходя из этого кибернетические системы являются динамическими. Соответственно экономика (комплекс народного хозяйства) — это яркий пример динамической системы. Поэтому исследовать и описывать эту систему, а тем более предлагать ее развитие на основе сугубо математико-статистического аппарата ошибочно в первую очередь с позиции механики как фундаментального раздела физики.

Проблема выбора стратегии управления и планирования народным хозяйством далеко не нова в отечественной практике. Сегодня она лишь продолжение дискуссии сторонников телеологической и генетической концепций плана развития экономики [5, с. 57]. В прошлом развитие советской экономики с конца 50-х годов 20 века определялось, исходя из генетического подхода. В СССР этот подход был избран фактически официально, а в современной России заявлений о каком-либо характере планирования народного хозяйства делать опасаются или не торопятся, ссылаясь на отказ от планового развития экономики. Тем не менее, если Правительство и Президент практически регулярно заостряют внимание на стратегическом планировании, не проще ли будет разъяснить экономические ориентиры планирования? Каковы методологические основы эффективности развития предприятий, отраслей и комплексов народного хозяйства в России? В чем заключаются теоретические и методологические основы мониторинга развития экономических систем народного хозяйства?

Заключение. Таким образом, достаточно очевидна модель управления и планирования, на основе которой можно внедрять в том числе и цифровые технологии. Сегодняшним ориентиром государственной политики (прежде всего, экономической) должен быть человек, во благо которого внедряются разного рода инновации. Другими словами, цифровизация ради человека, а не наоборот. Любая цифровая модель в какой бы то ни было сфере должна функционировать и быть подчинена интересам реальных людей. Новые стратегические инициативы вполне могут означать трансформацию ориентиров руководства страны на эффективное управление и стратегическое планирование экономики. Очевидно, что обозначенная Правительством и Президентом модель не может и не должна дублировать математико-статистический (эконометрический) подход, принятый в СССР, в результате которого провалились автоматизированная система плановых расчетов (АСПР) и общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации (ОГАС) как самые масштабные проекты цифровизации планирования экономики. Опыт показал, что план развития страны не может трактоваться сугубо как бухгалтерский баланс, для которого единственным ориентиром будет добиться сходимости ресурсов и обязательств «любой ценой», в том числе за счет цифровизации. То есть мы можем сделать вывод, что подобная инициатива может рассматриваться как ориентир, означающий стремление управлять экономикой с применением цифровых достижений в рамках кибернетического подхода. В таком случае это ознаменует качественно новый этап цифровизации стратегического планирования.

Список литературы

1. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 11.01.2022).
2. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 11.01.2022).
3. Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057/ (дата обращения: 11.01.2022).

4. Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402867092/> (дата обращения: 11.01.2022).
5. *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. — М.: 2021. — 360 с.
6. *Ведута Е.Н.* Цифровизация России: мировое лидерство или киберрабство. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2642190.html> (дата обращения: 11.01.2022).
7. Аналитический центр при Правительстве РФ Курс на цифровизацию контрольно-надзорной и разрешительной деятельности продолжается. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/kurs-na-cifrovizaciu-kontrolno-nadzornoj-i-razresitelnoj-deatelnosti-prodolzaetsa-27058> (дата обращения: 11.01.2022).

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Захарова И.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В результате пандемии Covid-19 в мировой экономике наступила одна из самых глубоких рецессий, которые случались за последние 100 лет. Кризис, который начался в системе здравоохранения и распространился на все отрасли экономики, отразил проблемы эффективности, прозрачности и оперативности принятия решений в государственном управлении. Своевременные цифровые трансформации, как показал опыт многих государств, сыграли одну из главных ролей в восстановлении экономики и адаптации к кризисным явлениям. Сегодня у регионов возникла потребность сформировать долгосрочные проекты по системе «Умный город» в жилищно-коммунальной сфере и сформировать многофункциональные платформы, обеспечивающие повсеместно одинаковое качество услуг. В данной статье обозначены потребности, перспективы и ограничения развития региональных проектов, подобных «Умному региону», способствующих внедрению многофункциональных платформ в регионах.

Ключевые слова: пандемия Covid-19, «умный город», «умный регион», цифровизация

По данным Минэкономразвития, рост ВВП РФ составит 4,2% в 2021 г., в базовой версии рост экономики России в 2022–2023 предполагался на уровне 3%. По данным Всемирного Банка, российские экономические показатели в конце 2021 г. превысили пиковые значения, достигнутые до начала пандемии. Основным фактором роста стало активное восстановление потребительского спроса. Однако рассчитывать на продолжение роста такими темпами не стоит, в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации осенью прошлого года, низким уровнем вакцинации населения и введением новых ограничительных мер. В региональном разрезе кризис, вызванный пандемией Covid-19, в большей степени сказался на ресурсодобывающих регионах РФ и крупных городах с развитым сектором услуг. Несмотря на значительные объемы федеральных трансфертов, рост доходов региональных бюджетов, рост их расходов привел к бюджетному дефициту в 57 регионах и долгу в большинстве регионов [1]. Пандемия COVID-19 привлекла внимание к издержкам, возникающим в результате промедления в проведении цифровых трансформаций и развитии GovTech. Цифровизация позволяет государству предоставлять услуги лучшего качества с большей эффективностью и при меньших затратах, повышать подотчетность и прозрачность государства [2, р. 848]. Во всем мире применение подходов, основанных на работе с данными, внедрение цифровых инструментов в целях оптимизации процессов продемонстрировали положительное влияние на качество государственного управления [3]. Технологии и базы данных определяют степень сотрудничества между государством и населением. Цифровая трансформация в государственном секторе осуществляется посредством трех глобальных процессов: оцифровки данных или преобразования информации из бумажного формата в цифровой; внедрения цифровых данных и инструментариев и наконец внедрения принципов «GovTech», пропагандирующих комплексную модернизацию государственного сектора, в основе которого гражданин и его потребности. В последние годы предложено множество методик, позволяющих оценить степень использования систем решений на основе современных ИКТ и определить уровень цифровизации отраслей как на уровне отдельно взятого региона, так и на национальном уровне [4]. Правительства заинтересованы в достижении высоких показателей в развитии

цифровизации. Один из способов оценки — анализ количества государственных систем, переведенных в электронный формат, позволяющий осуществлять различные операции удаленно, в электронном виде. Альтернативная оценка представляет собой агрегированную качественную классификацию — «Индекс цифровой зрелости» в категории «GovTech». Используемая Всемирным банком база данных «Системы и услуги цифрового правительства «GovTech» (DGSS) предназначена для определения уровня цифровизации в разрезе стран применительно к нескольким основным государственным системам. Индекс цифровой зрелости в категории «GovTech» — GovTech Maturity Index (GTMI) — измеряет успехи страны во внедрении решений «GovTech», определяя, в какой степени комплексный, общегосударственный подходы, а также обновления с учетом потребностей граждан, инкорпорированы в деятельность правительства по продвижению цифровых инноваций. Согласно данному индексу, РФ относится к группе В — странам, уделяющим значительное внимание решениям «GovTech». На Петербургском международном экономическом форуме в 2021 г. обсуждался вопрос о создании российского рейтинга цифрового развития регионов и обмена лучшими цифровыми практиками. Министерство цифрового развития и Министерство экономического развития планируют разработать рейтинг цифровизации регионов. Развитию проектов по цифровизации должны способствовать площадки по обмену успешными практиками. При этом, цифровые сервисы должны одинаково качественно функционировать во всех регионах, для этого в начале следующего года будет разработано типовое облачное решение с настроенными типовыми услугами, позволяющими настраивать сервисы и представлять их качественно как на едином портале, так и на региональных ресурсах.

В рамках реализации Указа Президента В.В. Путина от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» и его Указа от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» Правительством сформирована национальная программа «Цифровая экономика РФ» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. Использование потенциала цифровой экономики сегодня является неотъемлемым атрибутом конкурентоспособного региона. Учитывая высокую приоритетность ускоренных цифровых преобразований регионы РФ во втором квартале 2021 г. приняли собственные стратегии по цифровым трансформациям. Согласно стратегиям, регионы планируют охватить процессами цифровых преобразований в среднем 10 отраслей. Максимальное количество направлений цифровизации у Пермского края (18), Чувашии (17), Забайкальского края (16), по 15 отраслей запланировано Республикой Саха (Якутия), Республикой Татарстан и Курской областью. Стратегии носят типовой характер, формы которых разработало Министерство цифрового развития оказывающем содействие в части разработки программных документов. Основной задачей является достижение синергии стратегических документов федерального и регионального уровней и в конечном итоге достижения показателей национальной цели «Цифровая трансформация». Несмотря на многообещающий задел на развитие и повсеместное тиражирование успешной практики, некоторым экспертам видится менее оптимистичная картина. Директор по развитию национальных проектов компании Softline Андрей Шолохов отмечает, что в большинстве регионов недостаточно как финансовых, так и кадровых ресурсов для активной цифровой трансформации. Порядка 80–90% региональных цифровых проектов определяется федеральными программами и субсидиями. Номенклатура проектов региональных цифровых стратегий определялась уже успешно реализованными проектами Москвы. Регионам предстояло выбрать те проекты, которые они хотели бы тиражировать. В рамках реализации данного направления субъектам целесообразно опираться на цели, задачи, социально-экономические ограничения в регионах, возможности реализации проектов по моделям государственно-частного партнерства, текущую степень цифровизации, а также возможности существующих российских технологических решений и практик. Помимо

масштабной цели цифровой трансформации регионов — получения большого объема данных, на основе которых будет достигнута большая оперативность, точность и эффективность принимаемых решений, важным достижением должно стать создание субъектом надежной и современной ИТ-инфраструктуры. Одним из главных направлений является цифровизация госуслуг, в первую очередь за счет внедрения систем и технологий «умных» городов, а также интеграции и объединения цифровых баз данных различных ведомств.

Среди национальных целей обозначены цифровая трансформация, комфортная и безопасная среда для жизни. Во исполнения данных целей в регионах получили развитие системы «Умный город» и «Умный регион». Для достижения «цифровой зрелости» отраслей экономики и социальной сферы, предприятий и государственного управления в целом необходимо активное привлечение инвестиций в различные проекты, а это значит создание привлекательных условий для частных инвесторов. Реализация данной задачи наталкивается на сложности, связанные с законодательными несовершенствами. Дифференциация социально-экономического развития регионов значительно сказывается на уровне цифровизации. В октябре 2019 г. Совет по развитию цифровой экономики при Совете Федерации выступил с инициативой создания федерального проекта — «Цифровой регион», который должен был дополнить проект «Умный город», реализуемый Минстроем. Задача проекта заключалась в ускорении процессов цифровизации в регионах, внедрение цифровых технологий и платформенных решений в экономике, социальной сфере, в сферах государственного и муниципального управления. Проект предполагал тиражирование цифровых решений повсеместно в том числе в сельских населенных пунктах. Ответственными за подготовку предложений по проекту выступают Минкомсвязи, Минэкономразвития, и Минвостокразвития. Однако проект был отложен в сентябре 2021 г., а мероприятия по цифровизации регионов частично будут учтены в проекте «Цифровое государственное управление».

Проект «Умный регион». Проект «Умный город» реализуется с 2018 г. Сегодня в нем участвуют 209 городов с населением свыше 100 тысяч человек. Разразившаяся в 2020 г. пандемия ускорила цифровизацию городов. Лидером проекта «Умный город» сегодня является Москва, за ней следуют Екатеринбург и Казань. Постепенно возникла потребность в вовлечении субъектов РФ к реализации проектов, традиционно относящихся к секторам городского хозяйства, а также в укрупнении функционала и перехода от проектов по обеспечению отдельных функций городской экономики к многофункциональным платформам. На практике у «Умного региона» те же задачи, что и «Умного города», а именно повысить уровень жизни в регионах и качество управления за счет внедрения цифровых технологий и инженерных решений. Это позволит создать эффективную систему управления региональным хозяйством, развитую технологичную инфраструктуру, комфортную для жизни и безопасную среду, повысить качество управления городскими ресурсами и достичь экономической эффективности. В рамках «Умного региона» предполагается решить целый комплекс проблем социальной сферы, ЖКХ, транспортной инфраструктуры и коммуникации. В сфере образования наиболее остро стоят задачи конкурентоспособности регионов в предоставлении образовательных услуг, их доступности и наличия высококвалифицированных кадров. В области здравоохранения проблемы связаны с неравномерной доступностью медико-санитарной помощи в регионах. В области ЖКХ необходимо повысить качество предоставления услуг, сократить потери ресурсов, уменьшить неплатежи физическими и юридическими лицами. Реализация концепции «Умный регион» позволит достичь как экономических, так и социальных эффектов. Оптимизация отопительного режима и тепловых потерь позволят снизить затраты на теплоснабжение. Внедрение технологий интернета вещей в городской инфраструктуре позволит снизить затраты на освещение; цифровизация кадастра в конечном итоге приведет к увеличению собираемости налогов на недвижимость. Интеллектуальные системы видеонаблюдения вносят вклад в безопасность региона, оптими-

зация транспортных потоков за счет цифровых технологий в ближайшем будущем поменяет облик городов и регионов. Подобные решения повысят качество жизни населения. Межмуниципальные проекты позволяют решать вопросы местного значения совместно с муниципалитетами, поскольку объединяя общественные ресурсы муниципалитетов или приобретая общественные блага является более разумным способом в условиях ограниченности ресурсов. В связи с этим, проект «Умный регион» призван повысить эффективность управления ресурсным комплексом муниципальных образований. Однако на практике концентрация на региональном уровне функционала наталкивается на ряд объективных ограничений, в том числе законодательного характера, обусловленных множеством участников на стороне концедента (публичного партнера). С. Дубинчина, директор АО «ИнфраВЭБ» отмечает, что проблема заключается в распределении полномочий между субъектом и муниципальным образованием, принцип распределенности бюджета может выступать в противовес потребности формирования единых платформ для нескольких публичных образований. Кроме того, могут возникнуть проблемы из-за неурегулированности процессов проведения совместных конкурсов. Существует неопределенность в части участия муниципальных образований в качестве концедентов в концессионном соглашении. Долгосрочный характер инвестиционных проектов встречается с ограничениями, связанными с возможностью потребителя – бюджетного учреждения, в связи с предоставлением долгосрочных гарантий в части закупки услуг у частной стороны. В настоящий момент прорабатываются данные вопросы, требующие решения. Как, например, рассмотрение возможности структурирования концессионного соглашения на уровне МСУ, и осуществление бюджетного софинансирования в рамках межбюджетных трансфертов от субъектов РФ. При реализации подобного рода проектов, с правой точки зрения не урегулирован вопрос передачи вопросов с городского уровня на уровень субъекта федерации. Если рассматривать сферу ЖКХ и внедрение умных технологий, наподобие «Умного города», то здесь необходимо не нарушить интересы органов местного самоуправления. Возможно необходимо разработать долгосрочные программы по содействию муниципальным образованиям со стороны субъектов, обеспечивающих закупки услуг концессионеров или частного партнера. На сегодняшний день существует ряд проектов, которые возможно структурировать под компетенции субъекта. Субъект наделен полномочиями в части обеспечения государственных образовательных организаций субъектов РФ школьным питанием, также обеспечения контроля доступа в образовательные учреждения за счет установки единой региональной системы видеонаблюдения. В сфере туризма на уровне субъекта реализуются региональные проекты по установке единых туристических информационных киосков, комплекса мобильных приложений в сфере туризма. Однако, что касается передачи полномочий муниципальных образований субъектам федерации, данная практика не имеет широкого распространения и целесообразна при осуществлении межмуниципальных проектов. Для тиражирования региональных проектов в сфере информационных технологий необходимы доработки в законодательстве в части: участия нескольких публично-правовых образований при осуществлении государственно-частного партнерства; введения системного регулирования порядка проведения конкурсных процедур и процедуры частной концессионной инициативы для объектов ИТ с множеством участников на стороне концедента. Согласно закону о концессионных соглашениях, концедентом может быть публично-правовое образование – РФ, ее субъект, либо муниципальное образование, а также ГК «Автодор», ГК «Росатом». Закон прямо не предусматривает множественность лиц на стороне концедента или возможность участия нескольких концедентов в концессионном соглашении. Требуется выработка правил формирования многофункциональных платформ как единого объекта. Целесообразно установление возможности закупок у концессионера и частного партнера, как единственного поставщика, при соблюдении правил конкуренции, для обеспечения возврата инвестиций. Отсутствие четкого регулирования указанных моментов объективно притормаживает развитие

городской ИТ-инфраструктуры». Например, реализация в регионе многофункциональной платформы, разработанной подрядчиком именно для этого субъекта РФ, может натолкнуться на антимонопольные ограничения, на требование проводить подобные бюджетные заказы через торги. Ограничением в распространении многофункциональных решений в регионе является, что в населенных пунктах различный уровень инфраструктуры, у каждого города свои возможности и потребности, быстро и эффективно можно внедрить такие решения в моногородах. АО «ИнфраВЭБ» предложил изменения в законодательство для увеличения количества проектов ГЧП в сфере информационных технологий. Таким образом, можно говорить о переходе от проекта «Умный город» к «Умному региону», когда единый большой комплекс цифровых решений масштабируется сразу на весь субъект. Этому способствует и существующий в стране процесс распределения бюджета, в котором большую роль играет именно регион.

«Цифровое Приморье» Ярким примером цифровизации региона и создания многофункциональной платформы является межмуниципальный проект «Цифровое Приморье». Проект реализуется в рамках исполнения Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока. Цифровизация Приморского края предполагает, с одной стороны, развитие цифровых отдельных сервисов по запросам и возможностям региона, с другой, запуск долгосрочного проекта по созданию комплексной инфраструктуры. Проект реализуется в формате ГЧП между регионом, Дальневосточным фондом высоких технологий и ГК «ВессоЛинк», соглашение заключено на 12 лет. В условиях ограниченных бюджетов некоторые города и регионы Дальнего Востока несистемно внедряют различные сервисы, которые могут быть несовместимы между собой. Благодаря проекту «Цифровое Приморье» регион сразу получает цифровую инфраструктуру и систему управления, объединяющую 30 сервисов в сфере ЖКХ, транспорта, безопасности, образования и туризма. Инвестиционная привлекательность проекта заключается также в том, что помимо качественного улучшения сервисов для населения, проект предполагает создание кардинально новых туристических сервисов. ГЧП позволяет учитывать долгосрочный характер проекта, возможность его развития параллельно с развитием интегрированных в него городов, что позволяет разнести затраты во времени. В сравнении госконтракт не учитывает развитие инфраструктуры и городов. Проект способствует формированию доступного и удобного информационного пространства среды проживания с учетом потребностей граждан и общества в получении качественной и достоверной информации и сведений в различных сферах социально-экономической деятельности Приморского края, в том числе в области образования, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, безопасности, отдыха и туризма. «Цифровое Приморье» является пионером в реализации ГЧП одновременно в партнерстве муниципалитетов и региона. Благодаря данному решению в сжатые сроки возможно получить необходимую комплексную инфраструктуру в условиях ограниченных ресурсов региональных и муниципальных бюджетов. «Умные» городские системы и единая карта жителя Приморского края будут внедрены в Приморском крае и городах Владивосток, Артём, Уссурийск и Находка к весне 2022 года.

Заключение. Пандемия COVID-19 подчеркнула значение цифровых технологий и привлекла внимание к издержкам, которые влечет за собой промедление в модернизации государственного сектора. Текущий кризис может стать катализатором прогресса в сфере цифровизации и использования данных. Модернизация коснется многих сфер жизнедеятельности, сферы услуг, каналов информации, инфраструктуры, медицинского, социального обеспечения, электронных госуслуг и многих других сфер. Цифровизация стала одним из главных драйверов экономического развития страны. Однако это понятие не ограничивается только экономическими категориями, ее развитие подтолкнули наметившиеся тренды в обществе, региональном и муниципальном управлении и технологической сфере, такие как: широкое внедрение платформенных решений, позволяющих объединить разные блоки умного города и достичь синергетических эффектов на новом уровне; взрывной рост применения технологий (IoT, AI, видеоаналитика, 5G) в город-

ском управлении; необходимость обеспечения кибербезопасности в системах города и региона; смещение фокуса на профилактику вместо антикризисных мер; массовое применение систем поддержки принятия решений по городскому управлению, автоматизация типовых решений; смена модели взаимоотношений между гражданином и государством; рост запроса на индивидуализацию, прозрачность и участие в управлении со стороны жителей; увеличение потребности в многопрофильных пространствах, функционирующих как в рамках коротких циклов, так и в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. *Зубаревич Н.* Региональные экономики в 2020 г. Пандемия создала проблемы в ресурсодобывающих регионах и крупных городах // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021 № 6 (138). URL: <https://www.iep.ru/files/RePEC/gai/monreo/monreo-2021-6-1096.pdf> (дата обращения: 04.01.2022).
2. *Bearfield D.A., Bowman A.O.* Can You Find It on the Web? An Assessment of Municipal E-Government Transparency // *American Review of Public Administration*. 2017. № 33 (6): P. 847–853.
3. *Ma L., Zheng Y.* Does E-Government Performance Actually Boost Citizen Use? // *Public Management Review*. December 2017. № 20 (6). P. 1–20.
4. *Мерзлов И.Ю., Шилова Е.В., Санникова Е.А., Сединин М.А.* Комплексная методика оценки уровня цифровизации организаций // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Том 10. № 9. С. 2379–2396.

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Коновалов М.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Благодаря развитию информационных технологий, которые способствуют широкомасштабной цифровизации общества, происходит пересмотр относительно привычных способов управления персоналом. Автоматизация и цифровизация многих HR-процессов позволяет оптимизировать время работы специалиста по подбору персонала. Кроме этого, с помощью цифровых технологий есть возможность изучать процесс развития сотрудника с момента вступления в должность. Обработка большого объема информации становится возможной в считанные часы, а иногда и минуты, что, несомненно, качественно оказывает влияние на общую продуктивность работы с персоналом.

Ключевые слова: Управление персоналом, цифровые инструменты, человеческий капитал, HR-менеджмент, цифровизация

Достижения в области компьютерных технологий, а также появление новых исследований в области математики и физики, позволили по-иному взглянуть на границы технических возможностей. Повторить поведение человека, имитировать способность к диалогу, именно так начинались исследования в области искусственного интеллекта, которые на сегодняшний день достигли совершенного иного уровня сложности. Следует отметить, что в задачи специалиста в области искусственного интеллекта входит изучение свойств и функционирование живых систем на основании сходных признаков [2]. Все это необходимо для постепенного внедрения в повседневную жизнь, в производство и в другие сферы общества возможностей искусственного интеллекта. В данной статье мы рассмотрим влияние цифровых технологий на управление персоналом, в том числе – на деятельность по подбору персонала.

Несомненно, развитие постиндустриального общества, а также информационных возможностей, изменяет многие экономические и производственные отношения, также изменяется процесс управления производством и процесс управления персоналом. Фактически, управление персоналом следует рассматривать как функционирующую в рамках кадровой политики систему организационных, социально-экономических, психологических, нравственных и правовых отношений, обеспечивающих эффективную реализацию возможностей человека как в интересах самого человека, так и организации [8, с. 272]. Специалист по подбору персонала на стадии собеседования должен быть способен определить на первичном уровне достоинства и недостатки кандидата на должность. В организации, ориентированной на рост и развитие, особое внимание уделяется человеческим ресурсам. Это внимание сфокусировано на различных аспектах: психологическом, квалификационном, коммуникативном, а также на многих других, что позволяет оптимально использовать имеющиеся человеческие ресурсы.

В условиях цифровизации происходит изменение как в работе с персоналом, так и в поиске соответствующих кандидатов на должность. Одним из возможных объяснений этому может быть то, что переход управления персоналом в цифровую среду приводит к трансформации задач, базовых функций и самой структуры управления [7, с. 64]. Современные организации сталкиваются с тем, что процесс управления персоналом и найм персонала, частично, а в некоторых случаях полностью, проходит в дистанционном формате. В связи с этим возникает ряд сложностей и непредсказуемых ситуаций. К примеру, гарантирует ли собеседование, которое проводят специалисты по подбору персонала, в онлайн формате, объективность и непредвзятость

оценки кандидата на должность? Также возникают вопросы по поводу сложности освоения работы с дистанционными технологиями как специалистов по подбору персонала, так и будущих сотрудников организации. Однако, они могут быть решены посредством повышения квалификации, дополнительного обучения и профессиональной подготовки специалистов.

Как мы видим, существуют определенные вызовы современным организациям, справляясь с которыми, компания не только будет двигаться вперед и развиваться, но и опережать конкурентов. В свою очередь, цифровая трансформация отраслей резко повышает востребованность профессионалов в области данных, особенно это касается искусственного интеллекта и машинного обучения [7, с. 65]. Мы можем предположить, что для специалиста по подбору персонала, работающего в современных реалиях, важным навыком является умение работать с информационными ресурсами, поскольку традиционные методы подбора персонала, используемые на протяжении нескольких десятков лет, не отвечают потребностям компаний в современных условиях [9, с. 407].

Рекрутинг является одной из важнейших составляющих в процессе управления персоналом, поскольку от качества приобретенного и сформированного человеческого капитала компании зависит ее развитие и будущее. Мы рассмотрим несколько современных методов подбора персонала с применением цифровых технологий, которые позволяют оптимизировать процесс работы с персоналом и повысить качество подбора сотрудников.

Следует также заметить, что современный рекрутер не находится в «ожидании» появления потенциального работника на горизонте, он сам активно ищет будущих сотрудников, в том числе, с помощью цифровых инструментов. Поскольку абсолютных гарантий, что поиск сотрудника завершится успехом, не существует, мы имеем дело с проявлениями «нестабильности», неопределенности данного процесса. Итак, нам будет интересно рассмотреть следующие цифровые инструменты, используемые при подборе персонала: сетевые чат-боты, программные продукты для обработки документов и поиска кандидатов (на примере Skillaz), комплексное решение для организаций – робот Вера, online-игры, а также социальные сети.

Чат-боты в управлении персоналом. Прежде чем рассмотреть практику применения чат-ботов в управлении персоналом, необходимо разобраться в понятии этого инструмента. Фактически «бота» можно рассматривать как составную часть понятия «робот». Мы имеем дело с автономными информационными «агентами», то есть с программами, которые могут без непосредственного управления человеком, решать определенные задачи. При использовании чат-ботов в управлении персоналом, прежде всего, рассматривается класс таких «ботов» как «автоматизированные агенты». В настоящей статье нас будет интересовать категория чат-ботов, которая используется для осуществления первичных контактов и предварительных собеседований с кандидатами. Применение «ботов» позволяет генерировать аккаунты сфабрикованных пользователей (виртуальных рекрутеров), которые имитируют задачи участников социальной сети, включая рецензирование, сложение, распространение [5, с. 401].

Сложностью, с которой сталкивается специалист по подбору персонала при подготовке таких чат-ботов к работе, является составление необходимых универсальных алгоритмов для ответов на возникающие вопросы со стороны соискателей. При написании программы для чат-бота необходимо учитывать возможность ответа на нестандартные вопросы, не заданные в программе для автоматического ответа. Если программа не сможет реагировать на случайные вопросы, требующие углубленного анализа сути проблемы перед ответом, со стороны может создаваться впечатление о некомпетентности сотрудников данной компании. Примером такого рода «неудобных» вопросов, где требуется вмешательство специалиста, может являться корреляция имеющихся компетенций будущего сотрудника с его образованием и стажем работы. Это связано с тем, что во многих организациях под ценными и талантливыми понимаются сотрудники с различными качествами и достижениями, что не может отражаться в алгоритмах поиска

кандидатов на должность [5, с. 402]. Таким образом, со стороны соискателей, будет складываться не выгодное для компании представление о ее технических возможностях.

Поскольку применение HR-ботов связано с возможностями искусственного интеллекта, существует ряд ожиданий от чат-ботов. К примеру, возможность сбора данных, анализа информации, принятие решений. Предполагается, что HR-боты способны к имитации речевых функций человека, применению стандартизированных алгоритмов работы с информацией, а также на фрагментарную, частичную автоматизацию аналитических функций человека. Если рассмотреть чат-ботов самого высокого уровня на данный момент, которые основаны на самообучающихся программах, то они могут полностью заменять некоторые аналитические способности человека. Но, конечно, данного вида HR – боты пока не применяются массово, в первую очередь это связано с технической сложностью написания для них программ.

В целом, предполагается, что чат-боты позволят автоматизировать рутинную работу рекрутера, связанную с поиском кандидатов, что значительно экономит рабочее время специалиста по подбору персонала и увеличивает количество первично обработанных резюме. Также происходит оптимизация административной работы, а именно, назначение встреч, наполнение профиля кандидата, создание резерва из соискателей, кроме этого, чат-бот может находиться в контакте с соискателем круглосуточно, так или иначе отвечая на поступающие вопросы. Обобщая вышесказанное, можно привести в пример рассуждения Н. Яни, которая считает, что «чат-боты» позволяют не только разгрузить рабочее время специалиста по подбору персонала, но и направить силы на достижение стратегических задач [11]. Кроме этого, отмечает исследователь, компания, которая использует возможности цифровых технологий, становится в разы привлекательнее для современного поколения, погруженного в интернет пространство [11].

Программные продукты для автоматизации поиска кандидатов

Цифровые инструменты в управлении персоналом развиваются с каждым годом. Сравнительно недавно, появилась возможность автоматизировать поиск сотрудников с помощью цифрового инструмента «Skillaz». Под «Skillaz» понимается программное обеспечение, позволяющее отбирать, оценивать, тестировать кандидатов при приеме на работу. Данная программа предназначена как для подбора персонала на массовые, так и на точечные вакансии [13]. Подобного рода автоматизация рекрутинга позволяет создавать планы подбора персонала, сокращать сроки закрытия вакансий, а также снижать текучесть кадров.

В 2020 году сеть магазинов «Пятерочка» компании X5 Retail Group, внедрила в процесс найма сотрудников программное обеспечение «Skillaz». Данное решение позволило повысить скорость и контролируемость найма, что, в свою очередь, повышает качество коммуникации между работодателем и потенциальным работником [12]. За несколько месяцев с начала внедрения системы, по всей стране время найма сотрудников (показатель time to hire) в среднем сократилось в полтора раза, а линейные позиции теперь «закрываются» в среднем за 3–4 дня. При этом 34% кандидатов теперь трудоустраиваются в день обращения [12].

Возможности программного обеспечения «Skillaz» позволяют вести общую базу кандидатов, разделяя по выделенным критериям, для удобства определения нужного сотрудника. Своего рода роботизация оценки персонала, которая доступна при использовании программы «Skillaz», позволяет обрабатывать сотни резюме за короткий промежуток времени. Кроме этого, рутинная работа по сбору статистики и аналитики данных в процессе подбора персонала, снимается с рекрутера, что позволяет специалисту оптимизировать свой график работы.

Комплексное рекрутинговое решение для организаций – робот Вера

Как мы уже заметили, цифровые инструменты значительно повышают качество работы с персоналом. Использование возможностей искусственного интеллекта позволяет не только улучшить показатели закрытия вакансий, но и сам процесс подбора. В процессе взаимодействия организации с соискателем минимизируются стресс-факторы, которые могут возникнуть

из-за сложных эмоциональных отношений рекрутера и соискателя. Созданный специально для работы в массовом рекрутинге, робот «Вера» прекрасно справляется с задачами специалиста по подбору персонала за гораздо меньший временной промежуток, чем работал бы сам специалист [4]. «Вера», созданный на основе искусственного интеллекта сервис, выполняющий роль рекрутера.

На различных рабочих сайтах находится бесчисленное количество резюме, которые «вручную» прорабатывать, даже применяя все возможные фильтры, очень сложно. «Вера» за несколько часов может обработать сотни, а то и тысячи резюме. В программе происходит примерно следующее: под необходимые требования вакансии подбирается потенциальный кандидат, далее ему направляется письмо с приглашением посетить специально созданную роботом интернет-страницу. «Вера» приветствует кандидата и предлагает пройти собеседование, соответственно, если потенциальный сотрудник согласен, робот звонит ему и проводит первичное собеседование [1]. Как отмечает директор по развитию компании «Stafory» Алексей Костарев, когда «Вера» звонит, первое что она говорит: «Добрый день, меня зовут Вера. Я – робот» [1]. Таким образом, соискатель сразу же понимает, что с ним разговаривает робот, а не человек. Это, конечно, создает атмосферу доверительной коммуникации, то есть будущий сотрудник осознает, что компания не стремится его обмануть прямо на собеседовании, выдавая голос робота за голос реального человека.

Таким образом, робот Вера объединяет в себе возможности программных продуктов для поиска и чат-ботов. Такой симбиоз позволяет практически полностью заменить сотрудников – рекрутеров на начальных стадиях поиска и отбора кандидатов без снижения качества конечного результата.

Он-лайн игры

Сравнительно реже, по крайней мере на российском рынке, для подбора персонала используют различные «online – игры», однако данный инструмент, на наш взгляд, является весьма привлекательным при подборе персонала. Что касается такого вида деятельности как игра, то сложно найти того, кто никогда не являлся участником какой-либо игры. Практически все дети играют в различные игры, с возрастом, тяга к этому виду деятельности не теряется, меняется лишь выбор игр. Как пишут Коваленко Б.Б. и Гусарова Т.И., все человечество играет в игры далеко не одну сотню лет [3, с. 105]. Игровой процесс позволяет по-иному взглянуть на возникающие сложности в управлении персоналом, а также раскрыть личностный потенциал работников. Использование игровых инструментов позволяет увеличить вовлеченность персонала в рабочий процесс, развивая профессиональные компетенции, лидерские качества, а также командную работу [3, с. 109]. На этапе подбора персонала игровые инструменты позволяют определить компетенции будущего сотрудника, его умение решать задачи различной сложности, также просматривается возможность командной работы.

Известный коммерческий банк «Сбербанк», ныне «Сбер», предложил проводить международную студенческую олимпиаду «Banks Battle», для выявления талантливой молодежи. В игровом процессе имитируется деятельность реального коммерческого банка, что позволяет по итогам игры определять будущих перспективных работников, а, впоследствии, предложить им трудоустройство. Как считает Штонда А.С., для поколения миллениалов характерен повышенный интерес к цифровым технологиям, они выросли на компьютерных играх [10, с. 75]. Этот факт позволяет сделать вывод, что организация, которая стремится нанять работников, которые заинтересованы в цифровых технологиях и умеют с ними обращаться, должна активно использовать метод подбора персонала с применением «online – игр».

Резюмируя значимость для организации такого цифрового инструмента как «online – игра», мы можем сделать вывод, что использование игр позволяет построить доверительные отношения внутри коллектива, а также усилить работу в команде. Кроме этого деловые игры, кейсы,

позволяют «отточить» необходимые для работы навыки и умения, а также в целом раскрыть потенциал сотрудников. Что касается использования игр в процессе подбора персонала, то, несомненно, данный инструмент повысит интерес к организации, а также позволит отбирать наиболее талантливых кандидатов на должность.

Социальные сети

Еще одним из популярных цифровых инструментов, используемых при подборе персонала, являются социальные сети. Использование социальных сетей позволяет просматривать персональные страницы потенциальных работников, изучать доступные данные пользователя. Наличие подписчиков и подписок в социальных сетях, в какой-то степени, делает возможным составление представления о социальных связях кандидата. Кроме этого может должна существовать корреляция данных представленных в резюме и указанных на страницах в социальных сетях. В противном случае работодатель может усомниться в достоверности данных, представленных в резюме.

В России наиболее популярной социальной сетью является «ВКонтакте», поэтому логично предположить, что специалист по подбору персонала может найти профиль кандидата в данной социальной сети и «проверить», насколько это возможно, учитывая настройки приватности, соответствие имеющейся информации о кандидате и той информацией, что есть на странице в социальной сети. Однако, следует учитывать, информация, обозначенная кандидатом на странице в социальных сетях, зачастую не имеет ничего общего с профессиональной сферой его деятельности, она позволяет оценить степень соответствия кандидата желаемой позиции при помощи анализа его поведения и специфики общения в интернете [6, с. 61].

Социальные сети, в том числе «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», также позволяют компаниям регистрировать свои страницы и предоставлять всю необходимую информацию о специфике деятельности фирмы. Это, в свою очередь, позволит будущим сотрудникам еще до подачи резюме и собеседования узнать некоторую информацию о компании, что может повлиять на интерес к работе в данной организации. Кроме этого, социальные сети позволяют повышать узнаваемость HR-бренда компании, вызывая желание работать именно в данной организации. Регулярные публикации в социальных сетях о достижениях компании, о корпоративных мероприятиях, создают имидж организации, повышают престиж в обществе.

Итак, как мы выяснили, практика применения цифровых инструментов в управлении персоналом расширяется. Это происходит, потому что организация заметно улучшает показатели работы при использовании современных возможностей. Сокращаются временные, трудовые, а также финансовые затраты, ввиду использования цифровых технологий. Становится возможным обрабатывать весомые объемы информации за короткие промежутки рабочего времени. Кроме этого расширяются перспективы для организации, происходит рост целевой аудитории компании, поскольку повышается узнаваемость бренда, что привлекает новых специалистов. Конечно, существует и обратная сторона использования цифровых технологий в управлении персоналом. К примеру, возникает вопрос сохранения конфиденциальности данных, личного пространства работников. Некоторые рабочие места сокращаются в связи с автоматизацией работы, что приводит к появлению структурной безработицы.

Наличие положительного и отрицательного эффекта от использования цифровых инструментов в управлении персоналом, говорит об актуальности этого явления на современном этапе развития общества, а также о том, что необходима оптимизация использования цифровых возможностей в управлении персоналом.

Список литературы

1. *Бевза Д.* Робот Вера принимает на работу. Как научить искусственный интеллект заниматься подбором сотрудников. URL: <https://tass.ru/spec/staforj> (дата обращения: 13.01.2022).

2. *Дударов С.П.* История возникновения искусственного интеллекта. URL: <https://neuronus.com/history/4-istoriya-vozniknoveniya-ikustvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 08.01.2022).
3. *Коваленко Б.Б., Гусарова Т.И.* Геймификация как инструмент принятия управленческих решений // Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 1.
4. *Лебедева Татьяна Евгеньевна, Егоров Евгений Евгеньевич* HR: тенденции развития в цифровой экономике // Московский экономический журнал. 2018. № 5 (3).
5. *Минина Вера Николаевна* HR-боты в управлении человеческими ресурсами организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. № 3.
6. *Ольхова, Л.А.* Анализ профиля кандидата в социальных сетях как инструмент digital-рекрутмента / Л.А. Ольхова, Ю.А. Предкова // Наука и общество. – 2018. – № 2 (31). – С. 60–64.
7. *Романов М.С.* Методологические аспекты управления персоналом в рамках цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2.
8. *Турчинов, А.И.* Профессионализация и кадровая политика теории и практики / А.И. Турчинов. – М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 272 с.
9. *Царева, Н.А.* Рекрутмент: современные методы реализации / Н.А. Царева, Т.А. Колпакова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10. – № 3 (36). – С. 405–408.
10. *Штонда Анна Сергеевна* Геймификация как новый тренд при отборе и найме персонала // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 3 (5).
11. *Jani N.* 2018. How HR chatbots are creating the employer brand for an enterprise? URL: <https://chatbotsjournal.com/how-hr-chatbots-are-creating-the-employer-brand-for-an-enterprise-4a3ac1191335> (дата обращения: 12.01.2022).
12. «Пятерочка» автоматизирует массовый подбор персонала // Retail.ru. URL: <https://www.retail.ru/news/pyaterochka-avtomatiziruet-massovyy-podbor-personala-29-iyunya-2020-195527/> (дата обращения: 11.01.2022).
13. Skillaz.ru – <https://skillaz.ru/productinformation> (дата обращения: 12.01.2022).

СУПТЕХ: РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОГО НАДЗОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кузнецова В.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. В статье рассмотрено, как ускорившееся распространение инновационных финансовых технологий и продуктов трансформирует национальные финансовые системы, стимулирует центральные банки и финансовых регуляторов вносить изменения в механизмы и практику надзора над функционированием подведомственных институтов и рынков, исследовать возможности применения инновационных технологий для исполнения установленных в законодательстве мандатов.

Ключевые слова: суптех, финансовый надзор, цифровизация

Эволюция финансовых систем в условиях цифровизации и финтеха

Все большее применение разнообразных инновационных финансовых технологий [5, p. 15] поставили перед национальными регуляторами сложные проблемы. Такие направления финтеха, как регтех; открытый банкинг, биометрия, искусственный интеллект (ИИ), блок-чейн, роботы-консультанты, цифровое банковское обслуживание, меняют сущность национальных финансовых систем. Это проявляется в том, что границы финансовых систем становятся все более размытыми; значительно расширяются масштабы и растут объемы финансовых систем; предлагаемые потребителям продукты все чаще носят трансграничный характер. Услуги финансового посредничества начинают предлагать все большее число компаний (фирмы бигтеха), которые обычно не подпадают под периметр финансового регулирования и не располагают ресурсами, необходимыми для соблюдения регуляторных требований, установленных для лицензированных финансовых посредников. Применение инновационных технологий меняет темп и характер заключаемых финансовых сделок, а тем самым, и поведение участников финансовых рынков. К тому же, многие крупные финансовые институты в ответ на ужесточение нормативных требований формируют все более диверсифицированные экосистемы (см. рис. 1).

Рисунок 1. Основные направления расширения экосистем финансового посредничества

Особенно выраженными эти тенденции стали с началом пандемии COVID 19, ускорившей распространение второй волны финтеха, но, как полагают эксперты Deloitte, «хотя финтех материально меняет основы конкуренции в финансовых услугах, но пока еще не подорвал

ландшафт конкуренции» [7, р. 3]. По оценкам других специалистов, финансовая система становится ничем иным, «как конкретной формой применяемой информационной технологии и компьютерной науки» [14, р. 100]. Национальные финансовые системы становятся все более виртуальными, сегментированными при одновременном увеличении их взаимосвязанности. Осознанием национальными регуляторами данных тенденций эволюции финансовых систем стало признание, что традиционный подход к институциональной организации финансового надзора неэффективен.

Одновременно и национальные финансовые регуляторы постепенно переходили ко все более активному применению цифровых технологий в целях более результативного исполнения своих мандатов (см. рис. 2). На наблюдаемые тенденции развития национальных финансовых систем финансовые регуляторы реагировали по-разному: эксперты МБРР выделяли четыре подхода.

1. «Ожидать и наблюдать». Регуляторы отслеживают и ведут мониторинг тенденций развития инноваций до того, как вмешиваться тогда и когда необходимо. Но со временем, когда регуляторы накопили опыт и возможности, а лицензированные организации стали все больше использовать инновации, они переходили к внесению изменений в нормативные требования. Обычно подход «ожидать и наблюдать» применяется, когда: а) у регулятора нет понимания, выходит ли данная активность за пределы конкретного института; б) регулятору нужно предварительно создать регуляторные возможности для ответа. Данный подход может включать запрет на регуляторное вмешательство, чтобы позволить развитию инновации, а в отдельных случаях предполагает ответ в форме «ничего не делать». Подобный подход использовала Европейская комиссия по ценным бумагам и рынкам для мониторинга применения технологий распределенного реестра, в КНР – для определения адекватных регуляторных ответов на широкое распространение платформ кредитования P-2-P и мобильных платежей.

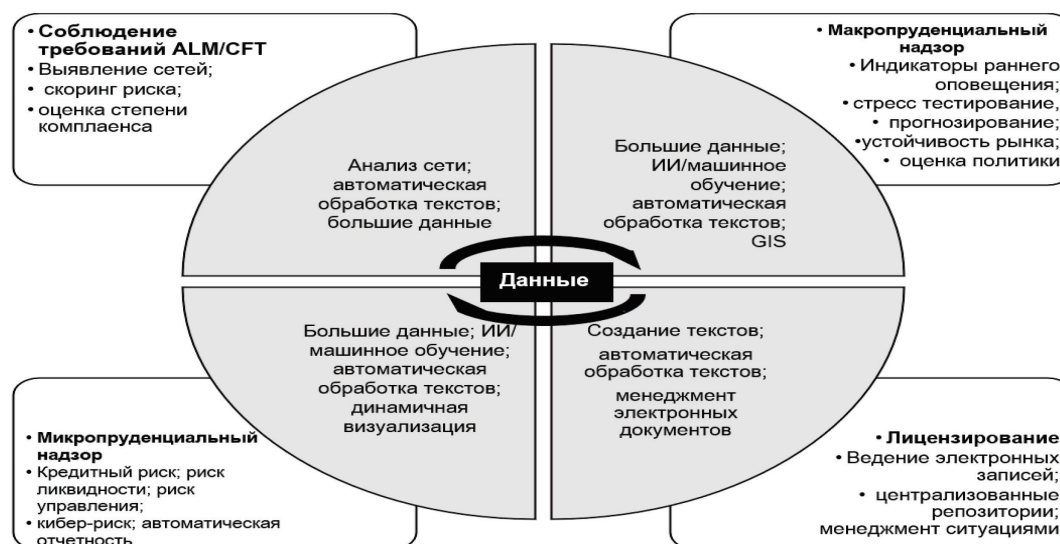

Рисунок 2. Направления деятельности регуляторов и возможное применение инновационных технологий [16, р. 15]

2. «Тестируй и учись». Такой подход означает создание клиентских правил для каждой отдельной деловой ситуации, чтобы разрешить применение инноваций в конкретных условиях при одновременном расширении периметра надзора и контроля. В ряде случаев регуляторы следуют мягкой практике без усиления надзора, в других – периодически вносят изменения в нормативное регулирование, учитывая изменения, вызываемые технологическими инновациями.

3. «Ускоритель инноваций». В этом случае регуляторы поощряют создание инновационных хабов/центров, акселераторов и регуляторных песочниц (регтех лабораторий) как разных типов

ускорителей внедрения новых финансовых технологий и решений. Для регуляторов у такого подхода есть несколько преимуществ: а) он сигнализирует о том, что регулятор открыт к сотрудничеству с участниками рынка; б) позволяет напрямую контролировать возникающие риски, включая защиту потребителей, и настраивать регулирование для их снижения; в) помогает пересматривать нормативные требования; г) знакомит с особенностями новых технологий [11, р. 7–30].

4. «Реформы и законодательство» относится к введению новых законов или лицензий в ответ на деятельность инновационных фирм или бизнес-моделей. Например, в декабре 2016 г. Управление валютного контролера США обнародовало положение о введении особой лицензии для финтех компаний [4]. К 2018 г. в Управление не поступило ни одной заявки на получение подобной лицензии, и положение было пересмотрено, вторая версия документа предполагала, что финтех компании могли претендовать на получение чартера федерального банка, если они не принимают депозиты [12]. В 2021 г. Управление валютного контролера совместно с Советом директоров ФРС и Федеральной корпорацией страхования депозитов опубликовало документ, регламентирующий проведение банками должной проверки финтех компаний-партнеров [2]. В ноябре 2021 г. Управление валютного контролера разъяснило, что банки, намеренные проводить операции с криптовалютами, должны письменно сообщить об этом регулятору, но осуществлять их смогут только после получения незапрещающего письма от надзорного органа [13].

Обзор подходов центральных банков и финансовых регуляторов, проведенный МБРР, показывает, что они выбирают либо один из четырех указанных вариантов реакции на вызовы, порождаемые цифровыми технологиями и вовлечением компаний бигтеха в финансовое посредничество, либо их сочетание.

Все большее применение инновационных финансовых технологий и продуктов подведомственными организациями способствовало расширению их использования регуляторами в целях совершенствования финансового надзора, в процессе которого выделяют несколько этапов.

1. Описательный суптех: надзорный орган собирает данные из бумажных или электронных отчетов; данные проверяются и готовятся для анализа вручную. В результате данные хранятся в фрагментированном виде, возможен только ограниченный анализ, итоговые доклады носят статичный характер.

2. Диагностический суптех. На этом этапе надзорный орган получает возможность автоматически обрабатывать и подтверждать собираемые у поднадзорных организаций данные, а тем самым получать динамичную визуализацию поступающих данных.

3. Прогнозный суптех. На следующем этапе происходит автоматизированный сбор детализированных разнообразных данных, их хранение в озерах данных, что делает возможным проведение прогнозного моделирования.

4. Превентивный суптех. Данные собираются посредством автоматической отчетности или мониторинга в режиме реального времени с использованием технологий искусственного интеллекта, т. е. становится возможным проведение нормативной аналитики и разработки превентивных планов улучшения финансовой активности.

Некоторые примеры успешных экспериментов по развитию суптеха

Банк международных расчетов внимательно отслеживает направления и достижения в развитии суптеха в странах членах (об обобщении первых опытов суптеха см.: 1; о регуляторных ответах на развитие финтеха в разных странах см.: 6). Например, система анализа рынка и разведки (MAI), разработанная Комиссией по ценным бумагам и инвестициям Австралии (ASIC), позволяет отслеживать в режиме реального времени динамику торгов на первичном и вторичном рынках капиталов, включая сделки с производными инструментами, а также выявлять аномалии, подлежащие более детальному изучению. Валютным управлением Сингапура (MAS) создана система анализа данных, позволяющая автоматически (в том числе с использованием технологии искусственного интеллекта и машинного обучения) выявлять нарушения валют-

ного регулирования и требований противодействия незаконным операциям и финансирования терроризма, исходя из данных отчетов о подозрительных транзакциях. Управление финансового надзора и Банк Англии с 2017 г. ведут работу по кодированию нормативных требований на машиночитаемый язык. Апробация применения набора кодированных регуляторных требований показала, что возможно автоматическое исполнение поднадзорными организациями требований в режиме реального времени [8, р. 5].

В июне 2021 г. Регулятор денежного рынка Гонконга подвел итоги трехлетней работы по формированию основ суптеха. Первоначально усилия были сосредоточены на развитии централизованной платформы, позволяющей собирать, анализировать и хранить структурированные и неструктурированные данные. Базовыми элементами трехлетней дорожной карты были: создание единой надзорной платформы и смарт системы управления знаниями; разработка методик передовой аналитики с применением технологии машинного обучения для анализа состояния сети финансовых посредников и их настроек; развитие смарт политики. Совместно с Народным банком Китая Регулятор денежного рынка Гонконга предполагает исследовать возможности использования роботизированной автоматизации стандартных надзорных процессов, и преобразования аудиозаписей в машиночитаемый текст в целях онлайн-надзора за поведением участников финансовых рынков. В идеале политические меры (предупреждения) регулятора могут автоматически встраиваться в программные системы банков, изменяя их внутренние системы с минимальным вмешательством человека. Для этого могут использоваться технологии блок-чейна, встроенные в смарт-контракты, заключаемые между регулятором и поднадзорными организациями [10].

Обобщая накопленный регуляторами опыт, инновационный хаб БМР инициировал проект Эллипс в целях разработки технологии, позволяющей надзорным органам автоматически получать и обмениваться структурированными и неструктурированными данными в режиме реального времени для выявления и оценки возникающих рисков и моделирования возможных превентивных мер. На первом этапе (январь – сентябрь 2021) исследовалась концепция трансграничной цифровой нормативной отчетности с использованием модели данных, напрямую транслируемых на дисплей компьютера надзорного инспектора. На втором этапе (январь – сентябрь 2022) будет изучаться применение в надзорных целях расширенной аналитики, получаемой с использованием таких технологий, как искусственный интеллект и машинное обучение, для поиска неструктурированных источников данных и выявления корреляций между текущими событиями и контрольными показателями. В рамках проекта будет разработан прототип и продемонстрирована эталонная реализация интегрированной платформы данных и аналитики для центральных банков и регулирующих органов. Платформа Эллипс будет построена с использованием модели данных с открытым исходным кодом и технологического стека, которые могут быть переданы регулирующим органам и финансовым институтам во всем мире [3]. Ожидается, что ключевым компонентом платформы Эллипс станет система сбора и обработки детализированных и стандартизованных данных в цифровом виде.

Ряд регулирующих органов изучает различные способы замены агрегированной нормативной отчетности на основе шаблонов детализированными данными и цифровой нормативной отчетностью. Концепция нормативной отчетности с использованием детализированных данных устраняет необходимость в нескольких шаблонах, позволяя надзорным органам постоянно перенаправлять данные для различных аналитических сценариев использования. Но детализированная отчетность требует общего понимания надзорным органом и подконтрольными организациями того, что это за данные. Пока лишь исследуются разные инициативы по стандартам данных, таксономии и моделям данных. Для практической реализации концепции детализированной отчетности, поступающей в режиме реального времени, требуются огромные первоначальные капиталовложения.

Перспективы развития суптеха

В настоящее время центральные банки и финансовые регуляторы развивают суптех по нескольким направлениям: автоматизация сбора отчетности и данных об активности поднадзорных организаций; управление и аналитика аккумулируемых данных; усиление надзора над функционированием финансового рынка; выявление нарушения нормативных требований и комплаенса; динамичной эволюции факторов рисков микро- и макрофинансовой стабильности. Возможные выгоды для надзорных органов внедрения суптеха суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Потенциальные преимущества и ожидаемые результаты суптеха [16, р. 9]

Потенциальные преимущества	Ожидаемые результаты
<ul style="list-style-type: none"> • улучшение непрерывности, точности и своевременности сбора информации; • усиление риск ориентированного надзора (более точное выявление и измерение факторов риска); • более эффективное использование ресурсов, включая персонал; • возможность сбора более детализированных данных 	<ul style="list-style-type: none"> – расширение периметра финансового надзора; – повышение защиты потребителей финансовых услуг и уровня доверия к финансовым посредникам; – улучшение бизнес-поведения поставщиков финансовых продуктов; – более эффективное использование бюджетных ресурсов

Одновременно развитие суптеха сдерживает ряд ограничителей (в т. ч. теоретических, кадровых, технических и финансовых) и нерешенных проблем, включая правовые и институциональные основы надзорных органов. Все в большей степени опирающиеся на цифровые технологии и движимые программным кодом финансы нуждаются в применении надзорными органами, с одной стороны, более строгих, а с другой, динамически меняющихся нормативных требований к финансовым посредникам.

Усиливающаяся размытость границ финансовой системы подрывает упор финансовых надзорных органов на обязательную отчетность и сбор данных для выявления и противодействия формирующимся системным рискам. Снижающаяся эффективность традиционных надзорных механизмов вынуждает регуляторов изыскивать более результативные способы выявления факторов риска и вмешательства в финансовую систему. Поэтому все большее число центральных банков и финансовых регуляторов, в том числе и Банк России [17], намерено активно развивать суптех, в т. ч. развивая международное сотрудничество как в рамках Инновационного хаба МБР, так и участвуя в Глобальной сети финансовых инноваций [9].

Список литературы

1. *Broeders D., Prenio J.* Innovative technology in financial supervision (suptech) – the experience of early users // FSI Insights on policy implementation, 2018, № 9, 29 p. URL: <https://www.bis.org/fsi/publ/insights9.pdf> (дата обращения: 04.01.2022).
2. *Conducting Due Diligence on Financial Technology Companies: A Guide for Community Banks.* 2021, August, 20 p.
3. *Ellipse Overview.* URL: <https://ellipse.bisih.org/> (дата обращения: 04.01.2022); *Phases of Ellipse.* URL: <https://ellipse.bisih.org/phases-of-project-ellipse> (дата обращения: 04.01.2022).
4. *Exploring Special Purpose National Bank Charters for Fintech Companies.* Office of the Comptroller of the Currency. Washington, D.C. 2016, December. 17 p. URL: <https://www.occ.gov/topics/supervision-and-examination/responsible-innovation/comments/pub-special-purpose-nat-bank-charters-fintech.pdf> (дата обращения: 04.01.2022).
5. *Financial Services. Technology 2020 and Beyond: Embracing disruption.* PwC, 2020, 48 p. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/financial-services/assets/pdf/technology2020-and-beyond.pdf> (дата обращения: 04.01.2022).

6. Fintech in Europe and Central Asia: Maximizing Benefits and Managing Risks // World Bank group Fintech Note, 2020, No. 4, 88 p.
7. Fintech: On the brink of further disruption. Deloitte, December 2020, 30 p.
8. From Spreadsheets to Suptech Technology Solutions for Market Conduct Supervision // The World Bank Discussion Note, 2018, June, 27 p.
9. GFiN – One Year On. The Global Financial Innovation Network reflects on its first year. URL: <https://www.mnb.hu/letoltes/gfin-one-year-on-final-pdf.pdf> (дата обращения: 04.01.2022). НКМА's Adoption of Supervisory Technology // Regtech Watch, 2021, June, № 7, 6 p.
10. How Regulators Respond to Fintech. Evaluating the Different Approaches – Sandboxes and Beyond // World Bank group Fintech Note, 2020, No. 5, 70 p.
11. National Charter for Fintech Lenders Revived by Second Circuit. 03.06.2021. URL: <https://news.bloomberglaw.com/banking-law/national-charter-for-fintech-lenders-revived-by-second-circuit> (дата обращения: 04.01.2022).
12. OCC Clarifies Bank Authority to Engage in Certain Cryptocurrency Activities and Authority of OCC to Charter National Trust Banks. News Release 2021-121, 2021, November 23. URL: <https://www.occ.treas.gov/news-issuances/news-releases/2021/nr-occ-2021-121.html> (дата обращения: 04.01.2022).
13. *Omarova S. T.* Technology v Technocracy: Fintech as a Regulatory Challenge // Journal of Financial Regulation, 2020, № 6, p. 75–124.
14. The Global Financial Innovation Network. URL: <https://www.thegfin.com/> (дата обращения: 04.01.2022).
15. The Next Wave of Suptech Innovation. Suptech Solutions for Market Conduct Supervision // World Bank group Technical Note, 2021, March, 44 p.
16. Основные направления развития технологий suptech и regtech на период 2021–2023 годов. Банк России. Москва, 2021, 38 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Панова Е.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Статья посвящена исследованию точек влияния цифровизации на современные трудовые отношения с позиции формирования в них новых специфических характеристик. Обозначен ряд возможностей и сложностей, порожденных цифровизацией в кадровой политике организаций; рассмотрены преимущества и ограничения имплементации цифровых продуктов в компоненты системы управления персоналом. Отдельное внимание уделено анализу трансформаций, сопровождающих формат цифровых трудовых отношений между руководителями и подчиненными. В заключении сделан вывод, что эффективность и действенность цифровой экосистемы зависит не только от ее технологической проработанности, но и умения пользователей (всех категорий персонала организации) использовать ее возможности на постоянной основе.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизация трудовых отношений, кадровая политика

Цифровизация, алгоритмизация, искусственный интеллект и другие продукты развития «высоких технологий» способствовали существенной трансформации характеристик современных трудовых отношений. Цифровизация кадровой политики посредством цифровой подписи, ведения кадровых документов в электронном виде, организация труда посредством виртуальных команд, формирование кадровой аналитики на базе специальных программ, обогащенных возможностью анализа «больших данных» и построения выводов с привлечением искусственного интеллекта — эти и другие инновации существенно убыстрили и повысили качество широкого спектра процессов в области управления персоналом, а также вывели трудовые отношения на принципиально новый уровень.

Цифровизация кадровой политики обеспечила компаниям определенные выигрыши в борьбе за трудовые ресурсы. На корпоративном уровне (особенно в бизнес-структурах) цифровые технологии стали факторами широкого спектра позитивных финансовых результатов. Вместе с тем, на уровне надкорпоративного рынка труда, цифровизация выступила мощным драйвером развития безработицы; безработицы, охватывающей в последние годы не только рабочие места, но и профессии, традиционно находившиеся в поле «умственного труда», гегемонии человекоцентричной модели трудовых отношений. Если первоначально «умная автоматика» вытесняла с поля занятости преимущественно рабочие профессии, связанные с выполнением алгоритмизированных функций, то в современной реальности искусственный интеллект стал конкурентом для лиц, занимающих высококвалифицированные позиции, в том числе, и предусматривающие реализацию интеллектуальных и даже управленческих задач. Экспертные исследования доказывают, что рабочие места которых обладают высоким риском быть автоматизированы (т. е. риск составляет 70% и более), нивелируя, тем самым, право занять их «живыми» сотрудниками, к середине XXI века может достичь показателя порядка 50% от их общего числа [1].

Стабильная занятость, гарантия трудоустройства по полученной специальности, относительная статичность спектра трудовых функций и константность связанных с ними необходимых компетенций работника — эти и подобные им явления уходят в прошлое под напором цифровой среды. Новый формат трудовых отношений в «цифровой экономике» характеризуется выраженным проектным характером взаимодействия, краткосрочностью трудовых договоров, комплексностью систем вознаграждения персонала, повышенной конкуренцией за рабочие места, нацеленностью работодателей на ожидание от работника результата в формате «здесь и сейчас». Усилению турбулентности в сфере трудовых отношений способствует не только стиль поведения высокоцифро-

визированных организаций-нанимателей, но и новые ожидания трудовых ресурсов, значительная часть которых выросла уже в условиях цифровой социальной реальности. Существенная часть нынешних молодых специалистов склонна рассматривать работу, в целом, и трудовые отношения, в частности, как явление и процесс вариативного характера, обладающее выраженной гибкостью в модификации и скорее подстраиваемые под внерабочую часть жизни, нежели задающие ей тон.

В современном мире ранее существовавшая относительно равномерная представленность рабочих мест в разнообразных областях трудовой деятельности постепенно смещается в сторону все более выраженного полярного характера распределения – за «живым» работником остаются либо функции, связанные с принятием итогового решения, созданием творческого или нового продукта и т. п., либо определенный набор действий физического труда, замена которого цифровым аналогом невыгодна организациям по финансовым или иным условиям. Сотрудников первой группы часто ассоциируют с понятием «talents» в той трактовке, которая приобретает все большее распространение в современной модели управления персоналом организации – т. е. его интерпретации как группы работников с определенными особенными, важными для компании, профессионально-личностными характеристиками. Под воздействием цифровизации на рынках труда усиливается практика поляризации зарплатных доходов – низкие зарплаты у неквалифицированных работников и сверхвысокие зарплаты у работников с высоким уровнем квалификации («talents»).

Цифровизация как триггер роста эффективности деятельности организации связан не только с переходом на высокотехнологичные продукты. Продуктам необходимы грамотные пользователи – т. е., в нашем случае, персонал компании, поскольку «самые блестящие инновации не имеют значения, если мы недостаточно квалифицированы, чтобы их использовать, и даже самые впечатляющие человеческие умы станут менее полезными, если они не будут сотрудничать с технологиями» [2]. Переход к концепции «управление талантами 4.0» (название сформировалось по аналогии с названием «Четвертая промышленная революция») основан на базе синтеза возможностей технологического и человеческого капитала предприятия. В этом смысле цифровизация трудовых отношений является одновременно предпосылкой и следствием модификации трудовых отношений.

Затрагивая аспект корпоративных трудовых отношений работодателей с «talents», отметим, что цифровизация сформировала перед современными организациями как ряд новых возможностей, так и ряд сложностей. Возможности располагаются в сфере снижения объема «бумажной» кадровой работы, повышения оперативности и широты охвата процедур диагностики «talents», управления их развитием, мотивацией, профессионально-карьерным ростом. Наряду с достоинствами, цифровизация кадровых процессов отличается рядом значимых недостатков – например, как для любой цифровой системы для нее свойственен достаточно формальный подход к реализации поставленных перед ней задач. Формальный в данном случае означает действие по изначально заданной схеме, алгоритму, порядку, без возможности самостоятельного изменения, подстройки под ситуацию.

Искусственный интеллект или специальный алгоритм способен сформировать выборку «talents» из общего числа сотрудников по ряду заданных критериев – как правило, количественных и предварительно идентифицированных. Между тем, любой работник является сложным социально-психологическим образованием, в котором уровень профессиональной компетентности и профессиональных способностей модифицируется в положительную или отрицательную сторону в зависимости от его личных настроения, желаний, целей, текущих приоритетов и других личностно-субъективных факторов.

Особенности XXI века задали мощные стимулы того, чтобы цифровизация стала активно охватывать все большее количество сфер и процессов корпоративной кадровой политики. В качестве примера можно привести область подбора персонала, где сегодня сформировались

ситуация, при которой спектр вакансий, на которые отбор кандидатов производится «вручную», практически сведен к минимуму — специальные цифровые продукты способны найти резюме, проверить параметры кандидата по широкому ряду баз данных, организовать его прохождение отборочных испытаний (собеседования, тестирования и др.), а также самостоятельно, без непосредственного участия рекрутера, эффективно решить ряд иных задач.

Трудовые отношения в нынешнем «цифровом» формате становятся более понятными кандидату, приобретают оперативность, а также «прозрачность» с юридической точки зрения. Чат-боты, онлайн консультации по различным вопросам из области трудового права позволяют работникам в случае спорных ситуаций обеспечивать с работодателями равный диалог. Рост подобной юридической осведомленности и грамотности сотрудников формирует необходимость работодателя более тщательно и внимательно подходить к вопросу выстраивания и реализации системы трудовых отношений.

Посредством цифровых ресурсов компании выстраивают карьерные планы персонала, связывая их с программами профессионального развития, укладывают в одну линейку показатели эффективности работника и инструменты стимулирования, вырабатывают краткосрочные и долгосрочные системы управления кадровым резервом и преемственность. Цифровизация позволила перевести правила реализации кадровой политики из формата устных неформальных договоренности или «бумажных» договоренности в систему данных, доступных в равной степени как работодателю, так и работнику практически в режиме 24/7.

Позитивность влияния цифровизации на процессуальный аспект трудовых отношений практически не вызывает сомнения. Процессы и процедуры реализации кадровой политики в цифровом поле приобретают выраженную «прозрачность», увеличивается их скорость, повышается доступность данных всем заинтересованным лицам. С позиции качества корпоративного управления цифровая система кадрового менеджмента позволяет компаниям быстрее и эффективнее накапливать и использовать кадровый капитал предприятия.

В современном мире тема цифровизации различных аспектов трудовых отношений вышла за рамки отдельных организаций, охватив также действия государства по управлению трудовыми ресурсами. Создание специальных сайтов, аккумулирующих в себе на общенациональном уровне базы данных потенциальных работников, облегчение процесса поиска вакантных мест для трудоустройства в масштабе всей страны, создание основы для системы мониторинга условий оплаты труда и других характеристик социально-трудовых отношений — эти и другие подобные процессы выступают маркерами стратегической нацеленности государства на формирование цифровой модели менеджмента кадровым потенциалом страны.

Цифровизация влечет за собой не только перевод в ИТ плоскость ряда процессов и процедур управления персоналом, она одновременно выступает толчком к формированию нового формата отношений между руководителями и подчиненными. Для подобного формата характерны определенные черты, одной из наиболее ярких среди прочих, на наш взгляд, является трансформация природы власти и авторитета руководителя. В условиях ежедневного личного (условно-офисного) контакта авторитет руководителя во многом основан на выраженной властной основе его социально-иерархического статуса. Цифровизация процесса управления сотрудниками, необходимость постановки задач подчиненным через специальные ИТ продукты или электронные системы коммуникации ослабляют силу власти руководителя, снижая в глазах подчиненных сотрудников эмоциональную остроту впечатления от его социально-должностного положения. Выговор, полученный лицом к лицу, или выговор, полученный в режиме видеоконференции, обладают разным уровнем влияния на работников.

Размытость властного авторитета руководителя обостряется под воздействием особенностей дистанционной занятости, удаленных рабочих мест, активизации выстраивания текущего рабочего взаимодействия на базе он-лайн сервисов (мессенджеров, электронной почты, видео-

конференций и т. п.). В цифровом мире управления происходит существенное сжатие иерархической пирамиды организационного менеджмента. Как результат — руководитель из априори привилегированного управленца становится участником процесса, обладающего лишь рядом прав влияния. Власть руководителя по-прежнему проистекает во многом из формальной корпоративной основы (занимаемой должности в организации), но, одновременно, ключевым фактором эффективного управления удаленными работниками становится профессиональный, управленческий авторитет менеджера. С нашей точки зрения, цифровизация трудовых отношений привела к тому, что властная модель отношений руководителя и подчиненных постепенно все более активно сменяется лидерской моделью менеджмента. В свою очередь, подобная модель последовательно формирует новые требования к набору компетенций успешного руководителя — особенно в части кадровой деятельности.

Цифровизация способствовала активизации смещения процесса руководства с подхода визуального контроля текущей деятельности работника на оценку его итоговых результатов. Подобная модель управления является не всегда комфортной или приемлемой для руководителей — особенно для тех из них, кто тяготеет к авторитарной модели менеджмента с концентрацией на контроле каждого действия подчиненных. Довольно проблематично оспорить тезис о том, что в ряде сфер профессиональной деятельности качество исполнительской дисциплины сотрудника во многом обеспечивает качество его итоговой трудовой деятельности. Вместе с тем, рост интеллектуальной составляющей в деятельности современного работника, расширение его зоны самостоятельного принятия решений — эти и другие факторы ослабляют в современных условиях актуальность и действенность авторитарного стиля руководства.

Цифровизация создала для современных работников ряд возможностей, которые практически не существовали или весьма ограничено существовали для них в условиях XX века. В частности, это опция при удаленном формате работы не только крайне гибко формировать свой рабочий график, но и создавать дополнительные резервные блоки рабочего и вне рабочего времени. Данные резервные блоки происходят как из сокращения ряда затрат (время на дорогу до работы и обратно, общение с коллегами на нерабочие темы, падение производительности труда в силу физического или эмоционального состояния и т. п.), так и из возможности перераспределения рабочих задач в лишь относительной взаимосвязи с формальным графиком рабочего дня.

Корпоративный мир, основанный на фундаменте «цифры», привел к усилению территориальной разрозненности дислокаций руководителя и подчиненного, создав из вчерашнего выраженного исполнителя своеобразного самоменеджера в рамках своей профессиональной функции, наделив его возможностью самостоятельного принятия решений по достаточно широкому спектру вопросов и переместив фокус ответственности на конечные результаты. В условиях усиления цифровой среды система контроля руководителем деятельности подчиненными стала носить все более рамочный характер, нивелируя во многом внимание к несущественным с точки зрения результатов нюансам текущей деятельности персонала.

Наряду с указанными выше эффектами, новая модель цифровых трудовых отношений стала стимулом трансформации практически всех блоков кадровой политики. Одним из ярких примеров здесь выступает система управления карьерным ростом. Если в классической «офисной» модели трудовых отношений деятельность работников, их положительные достижения и негативные результаты традиционно были «видны» с позиции «здесь и сейчас», а неформальные моменты карьерного развития (протекционизм, лоббирование своих и т. п.) имели выраженный характер влияния на итоговую картину, то цифровизация сделала картину более объективной и независимой — выбор кандидатов для карьерного роста с позиций субъективно-политического подхода стал носить более выраженный формально-реалистичный характер. Заложенные в цифровых системах количественные показатели оценки работника — результатов его деятельности, профессионально-личностных характеристик, потенциала развития и т. п. — позволили

современным организациям более интенсивно производить карьерные перемещения с акцентом на опору на объективные данные.

В практике ведущих организаций система управления персоналом использует цифровые возможности не только для оптимизации тактики кадровой политики, но и усиления ее стратегической составляющей – среди прочего, на базе предиктивной аналитики. Имплементация предиктивной аналитики в трудовые отношения является устойчивым трендом современной практики менеджмента. Подобная аналитика представляет собой структурированную совокупность количественных и качественных данных, на базе которых искусственный интеллект (или его предшественники – роботы, алгоритмы и т. п.) выстраивает обоснованную и детализированную программу обучения, развития, профессионального роста персонала, помогают руководителям и специалистам службы персонала управлять эффективностью сотрудников, их компетенциями и навыками [3].

Запрос организаций на цифровизацию трудовых отношений и кадровой политики вызвал соответствующие предложения по решениям со стороны ИТ-компаний и консалтинговых структур. Рынок цифровых продуктов для управления персоналом развивается колоссальными темпами. Ведущие компании, много лет уже интегрированные в «борьбу за таланты» понимают, что цифровизация сегодня – это уже не способ оптимизации деятельности, а ключевое условие не стать проигравшим в конкурентной борьбе за человеческий капитал. Но даже понимая всю значимость цифровизации трудовых отношений, существенное число организаций все еще придерживаются точечного подхода в имплементации в кадровой политике ИТ возможностей. По данным исследования Государственного Университета Управления [4] типичной для отечественных компаний является ситуация, когда «отбор, развитие и оценка персонала происходит отдельно друг от друга, а единая систему автоматизации работы с персоналом реализована только в 35% проанализированных организаций». Мы придерживаемся позиции, что только создание качественной цифровой инфраструктуры является недостаточным для перехода на эффективно работающую модель цифровой кадровой политики. Необходимо обучать руководителей и подчиненных взаимодействовать посредством правил и возможностей цифровой среды, обеспечивать синтез требования использования и комфортности применения цифровых продуктов для решения кадровых вопросов, придерживаться единых стандартов реализации кадровых процедур для всех категорий работников. Цифровая экосистема станет только тогда основной трудовых отношений и кадровой политики организации, когда ей будут постоянно пользоваться для решения управленческих кадровых задач.

Список литературы

1. *Gibbs M.* How is new technology changing job design? // IZA World of Labor. 2017. С. 344. doi: 10.15185/izawol.344; Исследование McKinsey Цифровая Россия: новая реальность / под рук.: Аптекман А., Калабин В., Клинецов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И.М., 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (дата обращения: 10.01.2022); *Земцов С.П.* Потенциальная роботизация и экономика незнания в регионах России. URL: https://www.iep.ru/files/news/zemtsov_10.04.18.pdf (дата обращения: 16.12.2021).
2. *Frankiewicz B., Chamorro-Premuzic T.* Digital Transformation Is About Talent, Not Technology Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/2020/05/digital-transformation-is-about-talent-not-technology> (дата обращения: 28.12.2021).
3. *Панова Е.А., Опарина Н.Н., Бондарева Л.В.* Управление талантами: задачи и вызовы «цифрового» завтра // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. № 3. 2021. С. 49–55.
4. *Свиридонов П.* HR-тренды: скоро ли ждать цифровой трансформации найма. URL: <https://mcs.mail.ru/blog/hr-trendy-skoro-li-zhdai-cifrovoy-transformacii-najma> (дата обращения: 13.01.2022).

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТРОЛЯ ПЕРСОНАЛА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Пугачев В.П.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. В статье уточняется понятие контроля персонала, раскрывается его приоритетная значимость в управленческой деятельности. Анализируются изменения, происходящие в сфере социального контроля вообще и контроля персонала в частности в России и мире в целом под воздействием цифровой революции, ослабления левых сил и ряда других факторов. Выделяются важнейшие макросистемные, на уровне всего общества и микросистемные, организационные детерминанты трансформации контроля персонала. На основе анализа их динамики делается вывод о появлении тренда установления тотального цифрового контроля над работниками, а также его распространения на их личную жизнь и сознание. Обосновываются меры по ограничению авторитарных и тоталитарных трендов в области контроля персонала.

Ключевые слова: контроль персонала, цифровое общество, социальный контроль, цифровой контроль

Современный мир, его формы организации и управления быстро меняются под влиянием цифровой революции, достижений поведенческих и других наук, пандемии, ослабления влияния левых сил, рабочего и профсоюзного движения и некоторых других факторов. Все это прямо влияет на состояние социального управления и контроля, в том числе контроля персонала в коммерческих компаниях, государственных и общественных организациях.

Адекватное новым требованиям и возможностям изменение институтов и методов управления и в том числе контроля необходимо. Применительно к контролю нахождение и использование его оптимальных форм имеет для общества и граждан двойное значение. Во-первых, оно обеспечивает эффективность управления любой организацией, от которой прямо зависит ее успех и благополучие работников, и, во-вторых, оно является самоценностью, поскольку прямо влияет на уровень свободы граждан и общества, возможность представления и защиты ими своих интересов (контроль снизу), использования прав и свобод. Гипертрофированное развитие социального контроля чревато установлением тотального контроля над личностью, в том числе ее сознанием, формированием в обществе новой формы тоталитаризма, «цифрового тоталитаризма» [1], «цифрового рабства» [2].

Отдельные прикладные аспекты контроля, особенно связанные с возможностями использования достижений цифровой революции и поведенческих наук в контроле за работниками и гражданами в целом, разрабатываются достаточно интенсивно и в ускоренном темпе применяются на практике, в первую очередь в форме многочисленных комплексов электронного слежения за сотрудниками. Однако проблема **концептуального осмысления этой проблематики, разработки оптимальных форм контроля в условиях цифровой трансформации общества**, несмотря на ее столь высокую значимость, не нашла должного освещения в научной литературе и прикладных исследованиях. Решению этой актуальной задачи — в меру возможностей отдельной статьи — и посвящена настоящая работа.

Разнообразие разновидностей и форм контроля, его аспектов и подходов к его анализу, а также органическая связь с другими функциями управления и, прежде всего, учетом, регулированием и оценкой, обуславливают во многом неоднозначную трактовку контроля в быденном языке и в научной литературе, что требует некоторого уточнения самого этого термина.

В данной работе термин «контроль» применяется преимущественно в узком значении: как деятельность по проверке соответствия реального состояния управляемого объекта или процесса поставленным целям, заданным параметрам. В широком значении этого слова контроль трактуется как основанная на полученной информации и корректирующих действиях способность удерживать организацию (любой объект, процесс, ситуацию, систему) в заданных параметрах, угодных управляющим (в этом значении говорят, например, о способности руководства контролировать положение в организации, ситуацию и т. п.). Значение понятия «контроль» в широком понимании приближается к значению категории «управление». Однако последняя категория предполагает большую интенсивность воздействия субъекта на объект — не только способность владеть ситуацией, сохранять поведение людей в заданных параметрах, но и систематическое целенаправленное воздействие на них и изменение их деятельности (поведения).

В соответствии с узкой трактовкой термина «контроль» **контроль персонала представляет собой проверку соответствия деятельности и поведения сотрудников управленческим решениям, нормам и требованиям организации.** Контроль персонала составляет основу организационного контроля, включающего также технический контроль, например, проверку состояния техники и оборудования, ресурсного обеспечения и т. п.

Понять качественную определенность контроля персонала, его нынешнее состояние и тенденции трансформаций можно лишь анализируя его в системе управленческой деятельности, целям которой он, наряду с другими функциями управления, служит.

Экстраполируя выводы теории социальной детерминации на сферу управления можно констатировать, что текущее состояние и изменение форм и методов контроля персонала определяется **научно-техническими** (уровень развития науки и техники, технологий) и **социальными** (тип социально-экономического и политического устройства и управления, соотношение интересов важнейших общественных групп, политика государства, власти и др.) детерминантами. Эти детерминанты действуют на макроуровне (все общество как социальная система) и микроуровне (организация как подсистема общества).

Результирующей, интегратором воздействия научно-технических и социальных детерминант на контроль персонала является констелляция объективных (не всегда осознаваемых) и субъективных, осознаваемых интересов управляющих и управляемых, острота противоречий в этих интересах. Соотношение же этих интересов, в свою очередь, прямо зависит от уровня неравенства в компенсации труда, от политики управляющих и ожиданий управляемых, от потребностей, ценностей, притязаний и ожиданий работников.

Острота противоречий в интересах управляющих и управляемых прямо влияет на необходимость, масштабы и характер контроля персонала, использование его конструктивных (рациональных, необходимых для эффективного управления организацией) и деструктивных, нарушающих права и свободы личности, форм и методов.

Научно-техническая детерминация трансформации форм и методов контроля персонала проявляется в изменении его возможностей. Развертывающаяся в мире цифровая революция, открытия в области искусственного интеллекта и поведенческих наук создают немислимые ранее возможности для контроля не только поведения людей, но и их сознания, мышления, массового программирования психики и тотального манипулирования [3, с. 47–108]. Уже в наши дни становится реальной возможностью тотально контролировать поведение, а во все большей степени и сознание работников.

К примеру, широко рекламируемые у нас достаточно простые программы StaffCop и Битрикс24 позволяют контролировать:

- учет рабочего времени;
- контроль присутствия на рабочем месте, местонахождения;
- контроль эффективности труда;

- мониторинг бизнес-процессов;
- мониторинг работы пользователей (кто чем занят).

Более сложные программы, позволяющие распознавать, контролировать и формировать сознание людей, широко используются, прежде всего, в маркетинге, рекламе [4] и электоральных технологиях, наиболее эффективные из них обычно держатся в секрете.

Тотальный электронный контроль все шире проникает во все сферы жизни человека, в том числе в трудовые отношения. Так, по данным ряда исследований, проведенных в последние 5 лет, до 80% компаний в большей или меньшей степени осуществляют слежку за своими сотрудниками. 40–60% из них мониторят служебные компьютеры сотрудников, 30% ограничиваются видеокамерами и системами контроля доступа, до 30% применяют для мониторинга широкий комплекс технических средств [5].

Масштабы, цели и содержание форм и методов цифрового и иного контроля в организациях и в стране в целом непосредственно зависят от социальных факторов. Социальные детерминанты организационного контроля включают две группы факторов: **макрофакторы**, характеризующие влияние на организацию внешней среды, всей социальной системы и **микрофакторы**, действующие внутри организации.

Важнейшими инструментами влияния общества, социальной системы на типы доминирующих в организациях форм контроля, их качественную определенность и динамику является **государство**, или **правительство**, трактуемое в широком значении и включающее органы законодательной, исполнительной и других властей. Обладая суверенитетом, верховной властью, оно выступает высшим органом управления обществом как социальной системой. Представляя и защищая интересы доминирующих в обществе классов и других социальных групп и обладая верховной властью, оно узаконивает и регулирует формы собственности, определяет правовой механизм управления различными организациями, нормы трудового права, права и свободы личности, обеспечивает их соблюдение. Правительство не только создает определенные организационно-правовые рамки, в которых осуществляется управление, но и через свою экономическую, социальную и иную политику влияет на констелляцию интересов управляющих и управляемых, их соотношение, от которого непосредственно зависит необходимость контроля, его масштабы и формы, их эффективность.

Характеризуя эту, внешнюю детерминанту контроля персонала применительно к современной России (и многим другим странам, где ослабло влияние рабочего движения, левых партий и профсоюзов), можно констатировать нарастание влияния крупного и, прежде всего, транснационального капитала на политику и управление, ограничение производственной демократии, автономии и свободы работника как личности. Усилению этого тренда способствуют также во многом необходимые меры по введению контроля со стороны властей за гражданами, предпринятые в рамках борьбы с пандемией COVID-19, особенно использование локдаунов, которые многие независимые ученые рассматривают как эффективный способ глобального контроля, позволяющий отслеживать почти любые контакты граждан в цифровом масштабе и наказывать нарушителей [6].

К числу макродетерминант усиления социального вообще и организационного контроля в частности следует отнести также попытки многих государств и, прежде всего, США, контролировать личную жизнь граждан с помощью институтов первичной социализации, образования и воспитания детей с самого раннего возраста, регламентации и контроля частной жизни, самых интимных сфер человеческих отношений с помощью ювенальной юстиции, разного рода законов о домашнем насилии, сексуальном домогательстве и других средств. Так, например, применение закона о политкорректности под благовидными предложениями распространяет контроль власти на сферу мышления и речи людей, с помощью внушаемых гражданам дозволенных и недозволенных речевых конструкций приучает их контролировать свои мысли, язык и поведение, говорить и действовать лишь в рамках дозволенного.

Авторитарные и тоталитарные социальные и политические тренды влияют на состояние и трансформацию контроля персонала в современном, цифровом обществе не только непосредственно — через государственные нормативные акты и политику, но и опосредованно — через общественное сознание и культуру и, прежде всего, через составляющие их содержательную основу ценности людей, детерминирующие их поведение. Исследования, динамики ценностей граждан различных стран мира, проведенные в последние годы в рамках Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS), особенно результаты так называемой седьмой волны Всемирного исследования ценностей, однозначно свидетельствуют о заметном ослаблении в иерархии ценностей граждан многих, в том числе экономически развитых государств, значимости ценностей, связанных с обеспечением личностной автономии и свободы, об относительно большей приемлемости ими различного рода ограничений и контроля [6]. Такое изменение ценностей является благоприятной предпосылкой для дальнейшего усиления контроля за персоналом и в том числе применения его антигуманных форм и методов.

В целом же проведенный выше анализ научно-технических и социальных детерминант контроля персонала в современном, цифровом обществе свидетельствует о расширении его областей и усилении интенсивности, росте возможностей его использования в целях ограничения автономии и личной свободы работника, о намечающейся тенденции его постепенного превращения в инструмент непрерывного (сплошного) слежения за сотрудниками, их поведением и сознанием.

Такое усиление контроля вызвано двумя главными причинами, во-первых, объективной в своей основе тенденцией нарастания рационализма в обществе по мере его прогресса, его управляемости, проявляющейся в новых сферах, формах и методах управления и контроля персонала, во-вторых, попытками властвующих элит, крупного, монополистического и, прежде всего, транснационального капитала «взять исторический реванш» — укрепить свое господство и увеличить прибыли используя исторически благоприятные возможности, связанные с ослаблением левых сил, а также новейшими достижениями цифровой революции.

В этих условиях для гуманно и демократически ориентированных ученых, политиков, да и подавляющего большинства других граждан актуализируется **вопрос о разработке критериев оценки трансформаций сфер, форм и методов контроля персонала с двух позиций: 1) с точки зрения обеспечения эффективности контроля и управления в целом и 2) гуманистической или же ценностно нейтральной (поскольку контроль сам по себе не доставляет удовольствия контролируемым, не является для них ценностью) направленности.**

К числу таких критериев можно отнести следующие императивы:

- важнейшим направлением эффективного и гуманного использования контроля персонала в цифровом обществе должно быть обеспечение по возможности максимального совпадения основных интересов организации (собственников) и отдельных работников. Оно позволяет минимизировать применение контроля персонала, особенно его наиболее одиозных форм (слежка за сотрудниками, их личной жизнью и т. п.), сокращать соответствующие управленческие затраты, легитимирует контроль в сознании работников и рационализирует его, способствует сплочению коллектива, развитию самоконтроля, отношений доверия и ответственности;
- изменение областей, форм и методов контроля персонала не должно нарушать основополагающие права и свободы личности, принципы гуманизма и демократии, которые являются самоценностью для граждан и общества в целом;
- контроль персонала должен ограничиваться технологическим процессом и не распространяться на личную жизнь работников и их сознание;
- необходимы надежные институциональные и иные гарантии против деструктивного (для работников) использования различных форм организационного контроля. Такой гарантией (и гарантом) могут служить, например, институты социального партнерства, включаю-

щие представителей советов трудовых коллективов (производственных советов), профсоюзов, работодателей и государства.

Конечно, при оценке различных форм и методов контроля не следует забывать об **обеспечении его управленческой эффективности**. Важнейшими параметрами, определяющими управленческую целесообразность и эффективность новых (и уже существующих) методов контроля персонала являются:

- стратегические цели управления в целом и управления персоналом в частности, реализации которых должен служить контроль сотрудников. Так, например, если такой целью выступает формирование «бирюзовых организаций», основанной на высокой вовлеченности сотрудников, самоуправлении и самоконтроле, то введение системы электронной слежки за работниками будет иметь крайне негативные последствия для их мотивации и эффективности деятельности организации в целом;

- характер задач, решаемых работниками, их срочность, важность, технологические возможности и ресурсная затратность контроля. К примеру, введение текущего или процедурного контроля за сотрудниками, занятыми инновационной деятельностью, технически часто невозможно и вполне вероятно снизит их приверженность организации и результативность;

- управленческая компетентность контролирующих, наличие у них необходимых средств и ресурсов. Очевидно, что недостаточная компетентность контролеров, ненадежность используемых у них программ электронного контроля и т. п. будут иметь для организации самые плачевные последствия;

- лояльность и компетентность сотрудников, их мотивированность, приверженность организации, готовность самостоятельно выполнять свои должностные обязанности и проявлять инициативу. Если работники достаточно мотивированы, то текущий контроль за ними, особенно за их поведением, является излишним и даже вредным, и, напротив, за работниками с низкой трудовой мотивацией и компетентностью необходим усиленный контроль;

- учет конкретной ситуации, в которой находится организация (предприятие), стадии ее развития, ее делового контекста: прошлого, настоящего и возможного будущего, отношений с стейкхолдерами и т. д.

Рамки одной статьи позволяют осветить лишь в самой общей форме основные критерии оценки целесообразности изменения форм и методов контроля персонала, их оптимизации. Однако, несомненно, что современное общество, как работники, так и работодатели, прямо заинтересованы в дальнейшей теоретической разработке этой проблематики и, особенно, в практическом применении научно обоснованных критериев в управленческой деятельности.

Список литературы

1. Четверикова О. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный Мир, 2019.
2. Печать антихриста и рабство. Патриарх Кирилл о цифровизации. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nr6w7TXyZGg> (дата обращения: 25.10.2021).
3. Пугачев В.П. Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления. М.: ЛЕНАНД, 2022 (будущее России. № 34).
4. Линдстром, Мартин. Вынос мозга! Как маркетологи манипулируют нами и убеждают покупать их товары. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012; Тейлор Э. Программирование разума: от манипуляции и промывания мозгов к расширению возможностей и внутренней свободе / Пер. с англ. М.: Изд-во Гиппо, 2010.

5. Слежка за сотрудниками в офисе. ТОП-7 самых бессовестных методов. URL: <https://zen.yandex.ru/media/ideanomics/slejka-za-sotrudnikami-v-ofise-top7-samyh-bessovestnyh-metodov-5c73a40019e41a00b37a6601> (дата обращения: 02.01.2022).
6. ЗАПАДня. Ковид-19 это способ глобального контроля? Локдаун. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%9A.%D0%A8%D0%B2%D0%B0%D0%B1%20%C2%AB%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B4-19%3A%20%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%BE%D0%B5%20%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%C2%BB.&path=wizard&parent-reqid=1612616988172397-1175850245534404790900149-production-app-host-vla-web-yp-146&wiz_type=vital&filmId=7471661855592742883 (дата обращения: 06.08.2021).
7. Хаернфер, С., Инглхарт, Р., Морено, А., Вельцель, С., Кизилова, К., Диц-Медрано Дж., Лагос М., Норрис П., Понарин Э., Пуранен Б. и др. (ред.). 2020 год. Обзор Мировых Ценностей: Седьмой Раунд – Объединенный Файл Данных По Странам. Мадрид, Испания и Вена, Австрия: Институт систем JD и Секретариат WWSA. doi.org/10.14281/18241.13. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 05.12.2021).

ЦИФРОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФОРМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Рябинина А.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного исследования актуальной проблемы трансформации академической мобильности в условиях пандемии Covid-19 и цифровой модернизации системы высшего образования на глобальном образовательном рынке. В работе показано, что доминирующей формой академической мобильности становится цифровая миграция, которая определена как способ получения высшего профессионального образования на цифровых платформах, с использованием многообразия цифровых on-lain сервисов. Проанализированы основные преимущества и неизбежные недостатки дистанционного обучения, в значительной степени изменившего планы и возможности обучения за границей. Показано, что в условиях высокого уровня конкуренции на глобальном образовательном рынке отечественные вузы должны максимально использовать формы трансграничной цифровой миграции, своевременно реагируя на изменения ее векторов. Разработаны рекомендации для повышения эффективности управления академической мобильностью, способных обеспечить конкурентоспособность отечественной системы образования на мировом рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: цифровая миграция, интернационализация образования, цифровизация образования, академическая мобильность, виртуальная мобильность, Covid-19, рынок образовательных услуг

ВВЕДЕНИЕ.

Пандемия Covid-19 радикальным образом изменяет деятельность традиционных социальных институтов, каналы коммуникации, способом модернизации образовательного пространства становятся цифровые технологии. Важнейшей характеристикой нового образования становится академическая мобильность в цифровом формате, обеспечивающая научное и образовательное сотрудничество, культурное взаимодействие различных стран.

В условиях глобализации конкурентоспособность национального высшего образования зависит от уровня интеграции отечественных университетов в международное образовательное пространство с помощью цифровых сервисов. Эффективной технологией продвижения отечественных вузов на международный рынок образовательных услуг становится цифровая миграция как форма академической мобильности и способ интернационализации отечественного высшего образования в дистанционном и смешанном форматах.

1. Трансформация форм академической миграции.

Существенным признаком состояния современного общества является миграция населения, смена территориальной локации людьми с целью получения образования или работы в другой стране. Причины миграции в данном случае не имеют решающего значения. Факторами принятия миграционного решения могут как притягивающие, так и выталкивающие обстоятельства, личные и социально-политические мотивы, что позволяет выделить в миграционном процессе международный (межгосударственный) и внутригосударственный типы [1, с. 123].

В современных условиях наблюдается значительная трансформация миграционных процессов, обусловленная стремительным распространением цифровых сервисов и масштабами

пандемии Covid-19, инициирующими новое миграционное пространство и векторы передвижения. Временная и территориальная нестабильность, обусловленная волатильностью рынка труда и образования, порождают особый тип мигрантов, «цифровых кочевников», которые не связаны необходимостью присутствия на определенном рабочем месте. Именно они оказывают огромное влияние на современный глобальный рынок труда и образования [2, с. 92].

Особое влияние эти процессы оказали на академическую мобильность, на формы ее реализации, на формирование «цифровой миграции», расширяющей возможности получения образования или в повышении уровня профессиональной квалификации.

Цифровая миграция способна удовлетворить потребности в получении образования или в повышении уровня профессиональной квалификации и в освоении новых компетенций на основе цифровых технологий, искусственного интеллекта, виртуальной реальности. Основным механизмом цифровой образовательной миграции становится виртуальная академическая мобильность, которая рассматривается как ключевая составляющая процесса интернационализации современной системы высшего образования.

Международная академическая мобильность реализуется посредством участия студентов, преподавателей и ученых в учебной/научной деятельности в зарубежных организациях и во внеурочных программах этих организаций.

Основные формы академической мобильности:

1. Международная исходящая;
2. Международная входящая;
3. Внутристрановая;
4. Внутриуниверситетская (внутривузовская);
5. Виртуальная.

В 2020 г. более 5,6 млн студентов высших учебных заведений обучались за рубежом (рис. 1).

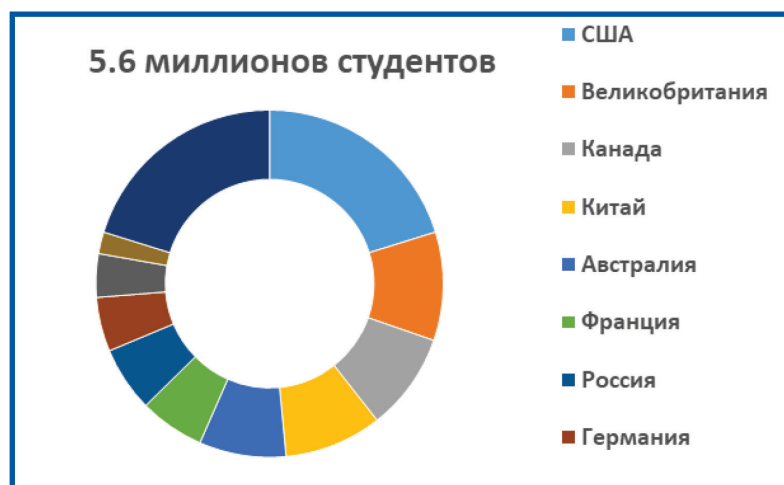

Рисунок 1. Основные векторы студенческой академической миграции 2020 г.

Источники: Project Atlas, 2020; UNESCO, 2020¹

Лидерами среди стран, обучающих иностранных студентов, являются: США, Великобритания, Канада, Китай и другие страны. Россия занимает 7 место по приему иностранных обучающихся в высших учебных заведениях.

Академическая мобильность становится значимым инструментом формирования международной системы образования, развития творческого и социального потенциала личности и общества, методологией определения образовательных траекторий и трудоустройства, плат-

¹ Источник: Project Atlas infographics 2020 // Global Mobility Trends – <https://iie.widen.net/s/rfw2c7rrbd/project-atlas-infographics-2020> (дата обращения: 29.10.2021).

формой диалога различных культур, способом продвижения позитивного образа образовательных дестинаций страны².

В условиях пандемии Covid-19 академическая мобильность осуществляется в основном с применением дистанционных образовательных технологий в онлайн и гибридном форматах. Виртуальная мобильность становится основным способом цифровой миграции в сфере высшего образования.

2. Интернационализация и цифровизация высшего образования в условиях пандемии Covid-19.

Масштаб и интенсивность влияния пандемии на системы высшего образования различаются по странам и регионам, и в значительной степени обусловлены экономическими, геополитическими и социокультурными факторами. Общий вектор этих изменений заставил вузы адаптироваться к событиям и в сжатые сроки наладить соответствующее финансирование для повышения уровня цифровизации, для поиска и создания соответствующих инструментов, обеспечивающих переход к онлайн обучению на платформах Microsoft Teams, Zoom, Moodle, LMS (Learning Management System). На этих платформах выстроена система управления обучением, которая позволяет обучать дистанционно и независимо друг от друга одновременно множество людей. Использование платформ LMS в современном высшем образовании становится устойчивым трендом и активно развивающимся направлением цифровизации университетов [3, с. 71].

Поскольку в условиях пандемии значительно сократились возможности реальной академической миграции (рис. 2), возросли масштабы распространения виртуальной академической мобильности на базе цифровых технологий, интернационализации высшего образования и формирующихся цифровых социальных институтов: э-образование (e-learning) и э-наука (e-science) [4, с. 11].

Рисунок 2. Состояние международной академической миграции в период пандемии (По данным опроса Международной ассоциации университетов)³

² Образовательная дестинация – географическое место (страна, регион, территориальный комплекс), привлекающее иностранных студентов в силу наличия благоприятных условий для удовлетворения их основных потребностей в получении высшего образования. К ним относятся ценные образовательные продукты, удобная инфраструктура, комфортная правовая, культурная и информационная среда, эффективный менеджмент и логистика.

³ UNESCO (2020) COVID-19 and Higher education: today and tomorrow – <http://www.iesalc.unesco.org/en/wp-content/uploads/2020/04/COVID-19-EN-090420-2.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).

Характеристики современного международного рынка образования:

1. Сокращение финансирования в связи с кризисной ситуацией;
2. Ускорение процессов развития дистанционного образования и широкое внедрение онлайн-платформ;
3. Сокращение потоков входящей академической мобильности в страны, традиционно принимавших иностранных студентов из любых стран (Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия, Австралия);
4. Миграционные потоки перенаправляются в страны, которые предлагают качественное высшее образование, но находятся более близко по географическому расположению и доступны по стоимости образовательных услуг, а также при наличии инструментов финансовой поддержки (гранты, стипендии, образовательные кредиты);
5. Организация онлайн-коммуникации со студентами;
6. Повышения качества онлайн-образования.

При этом, необходимо отметить, что интерес к топовым университетам со стороны студентов растет. По данным CNBC⁴, число заявок на поступление в Гарвардский университет в прошлом году увеличилось на 57%. Аналогичная ситуация сложилась и в Йельском университете, в котором этот показатель возрос на 38%. Характерно, что многие студенты после зачисления берут годичный перерыв до начала обучения, чтобы переждать последствия пандемии и начать учебу очно⁵.

Тем не менее, возможности современных методов обучения и цифровых технологий получения знаний позволяют сделать прогноз о темпах и масштабах изменения академической мобильности. Предполагается, что численность учащихся высших учебных заведений увеличится с 97 млн чел. в 2000 г. до более чем 262 млн чел. к 2025 г., в среднем ежегодный рост составит 1,4%⁶. Внедрение новых образовательных технологий позволяет удовлетворить увеличение спроса на высшее образование. Цифровизация формирует мировое образовательное пространство, модернизирует процесс интернационализации и, в конечном счете, обеспечивает научно-техническое и социально-экономическое развитие стран. Тем не менее, по данным экспертных исследований, обучающиеся предпочитают очные виды образования даже в сложившихся условиях.

По результатам исследования Connect, International Student Crossroads (IDP)⁷, многие иностранные студенты намерены возобновить очные занятия, сменив место получения высшего образования. Более половины респондентов (56%) заявили, что они поменяют пункт назначения, а 32% из них заявили, что «весьма вероятно» сделают это.

Новое исследование, проведенное IDP Connect, показывает, что три четверти иностранных студентов планируют начать обучение в выбранном ими университете в сентябре, как и планировалось, при этом 40% заявили, что принимают смешанную модель проведения курсов на 2020/21 г.⁸

⁴ CNBC — <https://www.cnn.com/world/?region=world> (дата обращения: 05.12.2021).

⁵ Как пандемия меняет обучение в топовых вузах мира. — <https://trends.rbc.ru/trends/education/604919c59a794762695a4bd7> (дата обращения: 04.12.2021).

⁶ The shape of things to come: higher education global trends and emerging opportunities to 2020. British Council, 2012. 76 p. — https://www.ufs.ac.za/docs/librariesprovider26/default-document-library/higher-education-global-trends-and-emerging-opportunities-to-2020.pdf?sfvrsn=4883d121_0 (дата обращения: 15.05.2021).

⁷ Выбор и мотивация иностранных студентов все больше зависят от доступности очного обучения — <https://www.idp-connect.com/en-us/newspage/us/crossroads3-international-students-covid19-survey> (дата обращения: 05.06.2021).

⁸ International Student Crossroads II — <https://resources.idp-connect.com/international-student-crossroads-2-july-2020> (дата обращения: 05.12.2021).

Примерно 300 000 иностранных студентов прервали учебу в России из-за ограничений, связанных с пандемией. Многие (около 100 тыс.) покинули Россию весной 2020 г. и не смогли вернуться. Удаленное обучение стало единственным вариантом обучения с 2020 г. до 2021 г., однако студенты, обучающиеся по медицинским и инженерным программам, предпочли взять академический отпуск, онлайн-обучение им не предлагалось⁹.

3. Преимущества и недостатки дистанционного обучения. На основе материалов Всероссийской отраслевой научно-практической конференции Северо-Западного института управления РАНХиГС «Интернационализация высшего образования как фактор глобального академического лидерства», прошедшей в ноябре 2021 г. выявлены преимущества и недостатки дистанционного обучения (рис. 3) на основе социологического исследования вузов России, г. Москвы, региональных вузов и вузов топ-20 рейтинга RAEX (Эксперт РА).

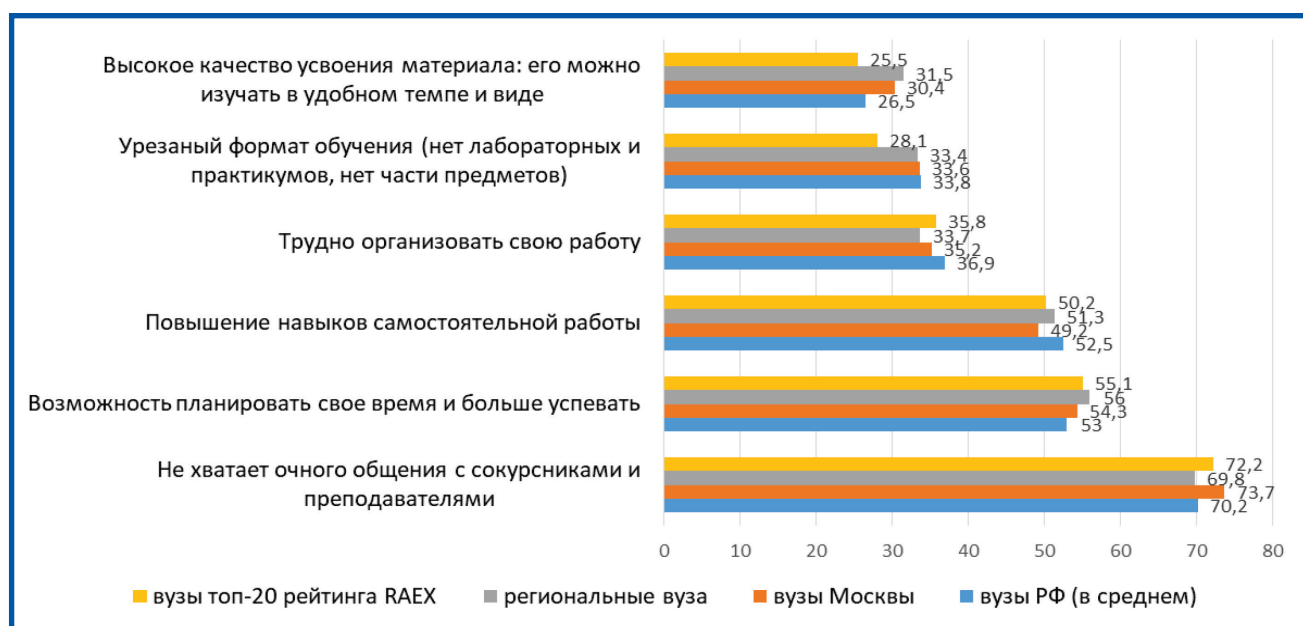

Рисунок 3. Преимущества и недостатки дистанционного обучения, % (допускалось несколько ответов)

Нехватка очного общения с сокурсниками и преподавателями была отмечена основным недостатком дистанционного обучения в вузах России, а трудности в организации своей работы обозначены в качестве негативного фактора дистанционного обучения. Среди преимуществ данного формата образования были выделены: возможность планировать свое время и больше успевать, а также повышение навыков самостоятельной работы. Однако при доминировании онлайн-обучения существенно ограничиваются возможности воспитывающей и развивающей функций обучения [5, с. 104].

По данным глобального опроса предварительно зачисленных иностранных студентов из 191 страны, проведенного «EC International Student Survey 2021», большинство из них удовлетворены онлайн-обучением в качестве временной замены¹⁰ (табл. 1).

⁹ Russia reopens to international students // ICEF Monitor – <https://monitor.icef.com/2021/02/russia-reopens-to-international-students/> (дата обращения: 05.10.2021).

¹⁰ Supporting recovery and driving growth in global higher education. EU International Student Survey 2021 // QS Quacquarelli Symonds – https://info.qs.com/rs/335-VIN-535/images/QS_International_Student_Survey_2021_EU_universities_edition.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

Таблица 1. Предпочтения иностранных студентов¹¹

Вариант А			Вариант Б
Войти в карантинную среду в выбранной стране обучения	68%	32%	Остаться в родной стране и продолжить учебу онлайн
Карантин в студенческих общежитиях и кампусах	67%	33%	Карантин в гостинице
Учеба в стране, которая уже открыта для очного обучения иностранных студентов	58%	42%	Отложить начало учебы до открытия границ предпочтительной страны

Большинство иностранных студентов по-прежнему предпочитают очные занятия виртуальным, будущие иностранные студенты считают, что большинство необходимых для трудоустройства компетенций, значимых для работодателей (работа в команде, коммуникативные практики, креативность), приобретаются при обучении в очной форме академической миграции¹².

Пандемия стала своеобразным экзаменом для мировой системы образования, существенным образом повлияла на политику стран в сфере образования¹³. Чтобы сохранить конкурентоспособность отечественного образования, необходима существенная реорганизация технологии управления образованием с учетом интернационализации и цифровизации как ее базовых, структурообразующих принципов. Стратегии виртуальной мобильности должны выстраиваться на основе уже созданных и разрабатываемых платформ виртуальной мобильности (например, <http://coil.suny.edu/> (Collaborative Online Learning) и др.)¹⁴.

Цифровая миграция на основе виртуального обучения является долгосрочным мировым трендом, открывает ряд возможностей для международного сотрудничества, но и порождает последствия, которые необходимо учитывать в создании программ реализации политики управления системой отечественного высшего образования.

Последствия цифровизации высшего образования:

1. Экономические. Страны-импортеры иностранных студентов недополучают доход от оплаты за обучение, а также доходы от их проживания в стране.
2. Потеря потенциальной страны обучения. Обучающиеся не остаются в стране обучения для работы, лишены возможности продвигать ее научно-технологические достижения в других странах.
3. Перераспределение географических приоритетов международной академической мобильности. Появление конкурирующих с английским языком международного общения. (Академическая миграция из стран Азии и Африки направлена не в Европу и США, а в Китай).
4. Ограничение действенных инструментов политики «мягкой силы». Ранее значительный эффект от академической миграции достигался погружением иностранного студента в культур-

¹¹ Supporting recovery and driving growth in global higher education. EU International Student Survey 2021 // QS Quacquarelli Symonds – https://info.qs.com/rs/335-VIN-535/images/QS_International_Student_Survey_2021_EU_universities_edition.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

¹² 4 recommendations from the EU International Student Survey 2021 // ICEF Monitor – <https://www.qs.com/4-recommendations-from-the-eu-international-student-survey-2021/> (дата обращения: 05.06.2021).

¹³ Материалы доклада «Влияние пандемии Covid-19 на сектор высшего образования и магистратуру: международный, национальный и институциональный ответ» // Аналитический материал. 2020. С. 5. – <https://ntf.ru/sites/default/files/Vliyaniye%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

¹⁴ UNESCO (2020) COVID-19 and Higher education: today and tomorrow – <http://www.iesalc.unesco.org/en/wp-content/uploads/2020/04/COVID-19-EN-090420-2.pdf> (дата обращения: 03.09.2021).

ную среду страны пребывания и перспективой остаться в стране после завершения обучения, либо сохранить с ней научные и коммерческие связи. Тем самым формировалась технология понимания будущей национальной элитой обоснованности действий политических противников, партнеров или союзников.

5. Угроза несанкционированного использования научно-технической информации, необходимость сохранения национального интеллектуального капитала.

6. Сокращение (или отказ) некоторыми фондами поддержки краткосрочной академической мобильности, обоснованное ущербом окружающей среде, который наносят авиаперелеты.

Однако в тоже время развитие цифровые технологии делают зарубежное образование более доступным для разных социальных слоев населения, поскольку не требуется дополнительных затрат на перемещение и жизнь за рубежом.

Вектор международных отношений смещается в сферу образования, производства интеллектуального капитала, важнейшего фактора конкурентности страны.

Интернационализация как инновационная технология управления в сфере образования включается в политику государства, ориентированную на решение национальных, политических, социальных и экономических проблем¹⁵. Цифровизация образовательного пространства заставляет не только совершенствовать материально-техническую базу для выхода российских преподавателей на новый уровень создания и преподавания учебных курсов, соответствующих требованиям электронной эпохи, но и активно включиться в современную образовательную среду, созданную современными информационно-коммуникационными технологиями. Тем самым создаются условия преодоления ограниченности национальных систем образования, обеспечения непрерывности виртуального образования и перемещение кадров. Однако применение виртуальных технологий невозможно без тщательной разработки программного обеспечения, учебных планов и пособий, инструкций по работе в программе, без специальной подготовки преподавателей и учащихся. Новые образовательные стратегии интернационализации и цифровые технологии приведут к сокращению периода обучения студентов и изменению содержания образования в соответствии с меняющимися потребностями общества. Изменение способа производства интеллектуального капитала порождает новые виды неравенства в сфере образования. Способом преодоления возникающих барьеров в получении массового высшего образования является создание сетевых университетов, развитие транснационального образования, предоставление образовательных услуг на международном уровне нетрадиционными провайдерами.

4. Трансграничная модель высшего образования. На современном этапе интернационализации высшего образования значительно расширен диапазон академической мобильности, ее содержание, формы, функции и способы реализации. Модифицируется сфера кооперации на базе сотрудничества региональных и зарубежных университетов в совместных научно-исследовательских проектах, в создании общих образовательных программ, через участие в исследовательских сетях и ассоциациях. Тем самым обеспечивается открытое дистанционное обучение без границ на основе международного разделения труда и реальная кооперация в науке, что позволяет эффективно использовать интеллектуальные ресурсы различных стран в программах транснационального или трансграничного образования. Таким образом, обеспечивается предоставление образовательных услуг, при получении которых обучаемые не присутствуют в стране нахождения вуза, присваивающего квалификацию.

Предполагается, что количество слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций и других форм онлайн транснационального обучения должно вырасти с 1,1 млн чел. до 3,5 млн к 2025 г. [6, с. 173].

¹⁵ Концепция научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации до 2015 года <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/do-dokumenty/r9g.htm> (дата обращения: 15.05.2021).

Транснациональное образование реализуется через механизмы обучения, различающиеся технологиями доставки знаний.

Технологии транснационального образования:

- Онлайн-овые – знания, предоставляемые через интернет, спутники, специальные сети;
- Дистанционные – знания, предоставляемые через любые возможные средства связи;
- Традиционные – знания, предоставляемые классическим способом, посредством общения с преподавателем по очной, очно-заочной и заочной формам обучения.

Предоставление образовательных услуг иностранным гражданам по программам транснационального образования, в том числе с помощью дистанционных образовательных технологий, становится современным фактором интернационализации, обеспеченным цифровыми технологиями, конкурирующими с традиционными формами академической миграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования выявлены основные тенденции влияния на интернационализацию образования, научные исследования, законодательство, организацию обучения и финансирование в условиях пандемии Covid-19, учет которых необходим, чтобы сохранить конкурентоспособность отечественного образования. Для этого необходима существенная реорганизация технологии управления образованием с учетом интернационализации и цифровизации как ее базовых, структурообразующих принципов.

Основными задачами стратегии управления цифровой миграцией на современном рынке образования становятся:

- Активизация виртуальной академической мобильности студентов, аспирантов, преподавателей, ученых, административного персонала;
- Сочетание форм онлайн и офлайн обучения на всех уровнях высшего образования для отечественных и иностранных обучающихся;
- Применение комбинированных форм дистанционного обучения и традиционного формата для усиления социально-педагогического, организационного, психологического и управленческого потенциалов системы высшего образования;
- Усиление сотрудничества университетов, расширение ареала сотрудничества администрации университетов с государственными органами управления системой высшего образования, разработчиками образовательных платформ, представителями международных организаций;
- Выстраивание стратегии цифровой миграции на основе уже созданных и разрабатываемых платформ виртуальной мобильности;
- Разработка и пересмотр форм реализации совместных образовательных программ магистратуры с выдачей двойных или совместных дипломов, в том числе в гибридных форматах;
- Активизация использования виртуальных исследовательских сетей для размещения результатов исследований и баз данных для совместного использования;
- Усиление поиска новых форм привлечения иностранных студентов;
- Разработка тактических решений для оказания психологической помощи студентам, оказавшимся в образовательной онлайн-среде;
- Изменение законодательства об образовании с учетом перехода вузов на онлайн-образование, проведение вступительных экзаменов и государственной аттестации в формате онлайн, реорганизация работы и оплаты труда преподавателей;
- Создание доступной материально-технической базы программного обеспечения учебных курсов, планов, пособий, а также инструкций к ним, повышение цифровой культуры общества;
- Преодоление возникающих последствий цифровизации высшего образования созданием трансграничных университетов, развития трансграничного образования. Осуществление совместной образовательной деятельности в сетевых университетах;

- Организация коммуникации в социальных сетях с обучающимися студентами, абитуриентами своей страны и с иностранными абитуриентами;
- Разработка технологий цифрового маркетинга образовательных услуг.

Список литературы

1. *Митин Д.Н.* Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия. Политология. 2010. № 3. С. 123–134.
2. *Черевичко Т.В.* Миграция труда в контексте цифровой экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 4 (78). С. 90–92.
3. *Баранов И.В., Кислова А.Р., Радаев И.В., Тарасов С.А., Юрченков В.И.* Обучение в новой нормальности: вызовы и ответы. Аналитический отчет. М.: Корпоративный университет Сбербанка, 2020. С. 71.
4. *Кудина М.В., Логунова Л.Б., Петрунин Ю.Ю.* Национальное образование в эпоху глобальной цифровой революции // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 3–22.
5. *Гафуров И.Р., Ибрагимов Г.И., Калимуллин А.М., Алишев Т.Б.* Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 101–112.
6. *Дедкова Е.Г., Гудков А.А., Коростелкина И.А., Быкова Е.В.* Экспорт образования: ведущие страны и вузы // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 167–174.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сульдина Г.А., Поминова А.И., Владимирова С.А.

Университет Правительства Москвы
Москва

Аннотация. Активное развитие цифровой экономики, переживаемый экономический кризис вследствие пандемии вызывают необходимость укрепления стратегических и проектных основ в формировании экономической политики на различных уровнях хозяйствования. Для организации, существующей в условиях высокой неопределенности, роль стратегического планирования становится особенно важной, так как является основой для принятия управленческих решений. В связи с этим в статье рассмотрены система документов стратегического планирования, необходимость реализации непрерывного цикла стратегического планирования в организации.

Ключевые слова: цифровая экономика, стратегическое планирование, непрерывный цикл стратегического планирования

Стратегическое планирование прошло несколько этапов своего существования и развития за время перехода к рыночным формам хозяйствования в России. Было время полного игнорирования планирования деятельности организации и время обязательного применения. Появление и развитие новой формы экономики – цифровой, заставляет взглянуть по-новому на процесс стратегического планирования организации, а сложившаяся ситуация, в связи с пандемией, показала, что предсказать будущее практически невозможно. Поэтому стратегическое планирование приобретает все большую актуальность, особенно в сложившихся условиях неопределенности и быстроизменяющейся среды.

Анализ деятельности многих компаний за последний год подтверждает, что в условиях кризиса, вызванного пандемией, процесс стратегического планирования становится важным бизнес-процессом.

Интенсивное развитие цифровых технологий заставляет организации переносить бизнес-процессы в цифровую среду, снижая транзакционные издержки и повышая объемы экономической деятельности. Изменяются бизнес-модели организации, что влечет за собой изменение набора применяемых инструментов стратегического планирования. К числу новых бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях, относятся:

- цифровые платформы и экосистемы, которые обеспечивают максимально быстрый доступ потребителей к продуктам с минимальными затратами;
- современные формы финансирования;
- монетизация персональных данных, прежде всего в целях электронного маркетинга;
- ресурсно-сервисные модели [2].

Конечно в разных отраслях разная скорость освоения цифровых технологий и применения новых бизнес-моделей. По результатам исследования цифровой трансформации отраслей, проведенного НИУ ВШЭ, доступ к широкополосному интернету имеют более 70% организаций. При этом минимальная доля организаций с широкополосным доступом – в сельском хозяйстве (74,3%), максимальная – в финансовом секторе и здравоохранении (93,8 и 92,4% соответственно).

Рисунок 1. Цифровизация организаций предпринимательского сектора [2]

Эксперты в области цифрового консультирования (KMDA) называют лидерами цифровых преобразований ИТ-сектор и финансовый сектор, страхование, рекламный бизнес, ритейл и консалтинг, аутсайдерами являются – агропромышленный комплекс, производство и реализация автомобилей, электронная промышленность [7].

Малый и средний бизнес более гибки к изменениям внешней среды и, следовательно, к применению цифровых решений во всех типах бизнес-процессов. Но с другой стороны, малый и средний бизнес имеют больше ресурсных ограничений при внедрении цифровых технологий нежели крупные компании.

Процесс стратегического планирования осуществляется на основе своей традиционной методологии и алгоритма, которые зависят от типа и размеров организации, от ее опыта, от внешней среды организации. В стратегическом планировании выделяется три «методологических группы»:

- теория и методология философии, экономики и социологии (общая теория познания, диалектика, теория функционирования рыночной экономики);
- общенаучная методология (анализ, синтез, дедукция, индукция, наблюдение, моделирование);
- специфическая методология, присущая стратегическому планированию (система принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, направленной на разработку и принятие стратегических решений в области стратегического планирования)» [6].

Так как стратегическое планирование является многоэтапным процессом, то на каждом этапе кроме общей методологии применяются присущие данному этапу методы планирования. Количество и состав этапов стратегического планирования зависят от применяемого алгоритма, которых достаточно много. Однако, для большинства схем планирования характерны следующие этапы:

- формирование миссии организации;
- выработка долгосрочных целей организации;
- анализ внешнего и внутреннего окружения организации;

- разработка и оценка альтернатив;
- выбор стратегии и ее реализация;
- оценка процесса реализации стратегии.

В условиях неопределенности важен правильный выбор метода планирования, так как он будет определять каким образом будет осуществляться сбор и анализ данных о деятельности организации. «Методы планирования – совокупность приемов, способов сбора и обработки информации, которая используется при разработке и обосновании планов организации» [6].

В дополнение к традиционным методам планирования часто разрабатываются модели планирования, которые позволяют в некоторой степени упростить процесс стратегического анализа, сформировать и реализовать стратегию организации. В теории и практике стратегического планирования применяются разнообразные модели, которые позволяют анализировать и прогнозировать различные аспекты деятельности организации: матрица BCG, модель Маккинси 7S, SWOT-анализ, PEST-анализ, система сбалансированных показателей, GAP-анализ.

Современный этап развития характеризуется изменениями, которые изменяют представление о стратегическом планировании в организации. Развитие цифровых технологий размывает границы между отраслями, сложнее становится определить в рамках какой отрасли действует организация. Это связано с тем, что организация в цифровой экономике рассматривается как элемент единой цифровой экосистемы, в состав которой входят различные отрасли, например, ПАО СберБанк, ООО «Яндекс». Поэтому добавленная стоимость создается не только в самой организации, но и за ее границами, что затрудняет выявление факторов, влияющих на стратегическое планирование организации.

Все новые внедрения будут осуществляться человеком, а, следовательно, методология стратегического планирования не изменится, поменяется набор применяемых технологий и инструментов в этой сфере, что потребует определенных навыков и умений от менеджера.

В стратегическом планировании важным этапом является анализ внешних и внутренних факторов. Если анализ проведен неверно, то реализация стратегии может быть unsuccessful.

Для анализа большого массива разнообразной по природе, сущности и источнику происхождения информации, необходимо интегрировать в этот процесс цифровые решения.

Анализ различных специальных источников позволил определить перспективные направления применения цифровых технологий в стратегическом планировании, представленных в таблице 1 [7].

Таблица 1. Возможности применения цифровых решений в стратегическом планировании

Цифровая технология	Возможности применения при прогнозировании
Интернет вещей	С помощью датчиков и хранилища накопление информации о работе оборудования, поиск скрытых корреляций и паттернов рабочих процессов, улучшение качества и выработки продукции. Это помогает определить наиболее перспективные направления бизнеса.
BigData	Постоянное накопление информации о различных направлениях деятельности компании из различных источников и ее анализ.
Искусственный интеллект	Оперативно обрабатывать большие объемы информации, сопрягать сложносоотносимые объекты, учитывать большое количество разнообразных факторов.
Визуально-интуитивное извлечение полезной информации	Возможно визуальное представление результатов анализа большого объема данных и анализ их динамики [7].

Цифровая технология	Возможности применения при прогнозировании
Когнитивные технологии	Обработка больших объемов данных, возможность выявить сложные связи и взаимозависимости, провести анализ проблемных ситуаций, которые могут возникнуть, выработать варианты решений, вызывающих затруднения ситуаций, «предписательный анализ, прогнозирующий поведение субъектов» [7].
Криптография	Обеспечение высокого уровня защиты информации при интеграции данных, обеспечение юридической значимости данных. Это позволит активнее использовать цифровые соглашения в практической деятельности [7].

Успешное применение цифровых решений в стратегическом планировании можно наблюдать в ПАО СберБанк. С помощью ML модели (машинное обучение), а именно модели класса blackBox, основанной на деревьях решений, стало возможным получить прогнозные данные выручки текущего года по всем активным идентификационным номерам налогоплательщика (ИНН) более чем на полгода раньше официально публикуемых данных, что позволило планировать работу с компаниями. ML модели способны распознать даже самые глубокие взаимосвязи в наборах данных, и это позволяет добиться очень высокой точности предсказаний [1].

Применение когнитивных технологий для создания базы знаний в своей сфере деятельности можно наблюдать в австралийской компании Woodside. Это позволило организации ускорить цикл обучения персонала, что отразилось на его эффективности в лучшую сторону, а также позволило применять опыт уже реализованных проектов. Российским примером применения когнитивных цифровых решений является ВИНТИ РАН. В организации с помощью новых технологий обрабатывают большие объемы структурированной и неструктурированной информации с различными целями, например, чтобы выявить взаимосвязь между различными показателями. Особенно это актуально при выборе методики оценки различных экономических явлений.

Как видно, применение цифровых технологий в стратегическом планировании, в основном, связано с использованием большого количества данных, учете большого разнообразия внешних факторов, влияющих на деятельность организации.

Поэтому, представляет интерес для изучения сложившаяся система стратегического планирования в Российской Федерации, так как отдельная компания разрабатывает свои стратегические планы опираясь на существующие стратегии развития на федеральном и отраслевом, региональном, муниципальном уровнях.

«В России должна быть сбалансированная, единая и целостная система стратегического планирования, чтобы создавать современные, выверенные, нацеленные на результат планы и программы, которые будут настраивать все органы власти, гражданское общество, деловые круги работать в единой логике и вместе добиваться достижения приоритетных целей» [4] заявил на заседании Совета безопасности В.В. Путин.

В России основой для организации работы по стратегическому планированию является ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятый в 2014 году. Целью данного документа является определить содержание документов стратегического планирования, порядок их разработки и планирования для повышения эффективности всей существующей системы документов стратегического планирования [5].

В соответствии с ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» на федеральном уровне разрабатываются следующие документы стратегического планирования:

- Документы стратегического планирования для определения направлений и целей развития (ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию РФ, стратегия национальной

безопасности Российской Федерации, стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, стратегия научно-технологического развития Российской Федерации).

- Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу (отраслевые документы стратегического планирования РФ, стратегия пространственного развития РФ, стратегии социально-экономического развития макрорегионов).

- Документы стратегического планирования в целях прогноза (прогноз научно-технологического развития РФ, стратегический прогноз РФ, прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период).

- Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования (основные направления деятельности Правительства РФ, государственные программы РФ, государственная программа вооружения, схемы территориального планирования РФ, планы деятельности федеральных органов исполнительной власти).

На различных территориальных уровнях государственного управления согласно данному закону, разрабатывается порядка 10 видов документов стратегического планирования на различных уровнях. «В едином государственном реестре документов стратегического планирования по состоянию на август 2019 года было зарегистрировано на региональном уровне – 2567 документов, на муниципальном более 60 тысяч, из которых более 2200 стратегий социально-экономических образований, более 50 тысяч муниципальных программ» [5]. Достаточно большое количество документов регионального и муниципального уровня сложно связать друг с другом и с базовыми документами стратегического планирования.

Нарушение одного из принципов стратегического планирования – системности прослеживается в отсутствии ресурсного согласования разрабатываемых документов стратегического планирования на отраслевом и региональном уровнях, отсутствии взаимосвязанных целевых индикаторов документов стратегического планирования [5]. Это вызывает сложности и в стратегическом планировании отдельных компаний, так как внешние ориентиры достаточно размыты.

При доработке методологической основы стратегического планирования на всех уровнях хозяйствования цифровые решения помогут решить вопросы взаимосвязки целей, целевых показателей, документов планирования, участников процесса стратегического планирования на всех его этапах.

В поддержку внедрения цифровых решений в процесс стратегического планирования с 2019 года информационное обеспечение стратегического планирования осуществляется на базе цифровой платформы в рамках проекта «Цифровое стратегическое планирование». Данный проект реализуется в рамках национального проекта «Цифровая экономика» и федерального проекта «Цифровое государственное управление».

Министерством экономического развития РФ при разработке и реализации проекта «Формирование цифровой платформы для взаимодействия в сфере стратегического управления в целях согласованности действий участников стратегического планирования на всех уровнях государственного управления в достижении стратегических приоритетов» выделена следующая проблематика стратегического планирования РФ [8]:

Низкая эффективность существующей системы документов стратегического планирования в бумажном формате.

- Нет опыта работы с большими данными.
- «Документ ради документа».
- «Мониторинг ради мониторинга».

- «Отсутствие согласованности».
- Для решения вышеуказанных проблем цифровая платформа наделена следующим функционалом:
 - «Возможность динамической визуализации для оценки и сравнительного анализа экономической связанности элементов и моделей».
 - «Разработка документов стратегического планирования с помощью специального конструктора документов, бенчмаркинга, «коробочных решений».
 - «Проведение стратегического аудита, формирование цифровой отчетности по запросам пользователей, включая мониторинг и контроль».
 - Выявление диспропорций при разработке вариантов принятия решений.
 - Система управления рисками экономической безопасности на федеральном уровне.
 - Краудсорсинговая площадка и возможность осуществления коммуникаций по вопросам стратегического планирования и управления на специальном сервисе.
 - ИТ-сервисы для бизнеса в области кастомизированного агрегирования и трансформации данных, формирования предиктивной аналитики и прогнозов.
 - Стратегическая Википедия – база знаний в сфере стратегического управления с системой дистанционного управления.

Успешная реализация заявленного функционала предполагает наличие определенных компетенций у персонала. К сожалению, уровень цифровой грамотности работников недостаточно высок. Эксперты Markets and Markets прогнозируют, что 77% работников должны будут в скором времени освоить новые цифровые навыки и компетенции либо переквалифицироваться [3].

Таким образом, внедрение цифровых технологий в систему стратегического планирования позволит решить вопросы сбора и анализа большого массива данных для построения стратегических планов, связать участников системы стратегического планирования и документы.

Список литературы

1. *Ализа А.* Сбербанк с помощью ИИ предскажет выручку любой компании в России. URL: <https://habr.com/ru/news/t/460293/> (дата обращения: 30.11.2021).
2. Доклад НИУ ВШЭ. Цифровая трансформация отраслей: цифровая трансформация и приоритеты. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).
3. *Клейменова Л.* 20 фактов о цифровой трансформации: статистика, прогнозы, опросы. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ece23569a79479c90f3377b> (дата обращения: 01.12.2021).
4. *Латухина К.* В России изменят систему стратегического планирования. URL: <https://rg.ru/2021/09/27/v-rossii-izmeniat-sistemu-strategicheskogo-planirovaniia.html> (дата обращения: 25.11.2021).
5. *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование в России: Проблемы и пути решения. URL: <https://maginnov.ru/assets/files/volumes/2020.02/strategicheskoe-planirovanie-v-rossii-problemy-i-puti-resheniya.pdf> (дата обращения: 22.11.2021).
6. *Лящук А.В., Тихонова М.В.* Стратегическое планирование на предприятии в рамках цифровой экономики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-na-predpriyatii-v-ramkakh-tsifrovoy-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 29.11.2021).
7. *Маленков, Ю.А.* Возможности применения цифровых технологий в стратегическом планировании и прогнозировании устойчивого развития организаций. URL: <https://moluch.ru/archive/356/79653/> (дата обращения: 28.11.2021).
8. Цифровое стратегическое планирование. Проект «Формирование цифровой платформы для взаимодействия в сфере стратегического управления в целях согласованности действий участников стратегического планирования на всех уровнях государственного управления в достижении стратегических приоритетов». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/338344de157a46036ccb4487629f9eb8/Prez_cifrovoe_stratplanirovanie.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ СФЕРЫ

Чурзина И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Цифровизация коснулась практически всех сфер жизнедеятельности человека, во многом их изменив. Процессы цифровизации успешно осуществляются и в налоговой сфере. Преимущества внедрения цифровых технологий в налоговой сфере очевидны, прежде всего они выражаются в существенном снижении издержек по исчислению налогов и перечислению их в бюджет, а также издержек налогового администрирования. Однако ясно, что цифровая экономика меняет понятие безопасности и порождает новые угрозы. Предотвращение и нейтрализации угроз и рисков цифровой экономики стали остро актуальными. Цель доклада – определить и проанализировать риски и угрозы цифровизации в налоговой сфере.

Ключевые слова: риск, цифровизация, налоговое администрирование, цифровое мошенничество, безопасность данных, уклонение от налогов, институализация цифровых технологий

Риск существует при любой предпринимательской деятельности, в том числе и в налоговой сфере. Несмотря на наличие достаточно большого числа работ, посвященных рассмотрению различных рисков в экономической сфере, однозначной и общепринятой трактовки этого понятия нет. Можно согласиться с определением риска как события неожиданного, чаще неблагоприятного, которое может произойти, а может и не произойти. В случае совершения такого события возможны три экономических результата: отрицательный (проигрыши, ущерб, убыток), нулевой, положительный (выигрыш, выгода, прибыль) [1, с. 7].

Вероятность формирования как положительных, так и отрицательных рисков в условиях многофакторного воздействия в цифровой экономике возрастает. Попытки нейтрализации отрицательных рисков, следует отметить, не всегда реализуемые, возникают вместе с их возникновением.

Положительный эффект рисков цифровизации налоговой сферы может реализоваться для налогоплательщиков и для налоговых органов в снижении затрат на уплату (сбор) налогов, упрощении налоговой отчетности и ускорении документооборота, сокращение ошибок, обусловленных человеческим фактором, снижении затрат на налоговые проверки.

Отрицательный результат может быть одинаковым как для налогоплательщиков, так и для государства в лице уполномоченных органов, так и различным. Общим риском является изменения налогового законодательства, несовершенство нормативно-правовой базы, несоответствие ее изменившимся условиям, а также нарушение безопасности доступа к данным. Для налоговых органов риском является также перемещение предпринимательской деятельности, а, следовательно, большого количества операций в ненаблюдаемую и малодоступную для контроля сферу.

Особенно злоупотребляет этим маркетплейсы. Например, УФНС провела выездную налоговую проверку у популярного интернет-магазина «Ozon» (ООО «Интернет Решения»). По итогам проверки инспекторы доначислили компании 98,5 млн рублей НДС и пени в размере 39,5 млн рублей. Налоговики обвинили интернет-магазин в том, что он создал фиктивный документооборот с неблагонадежными контрагентами и заявил незаконные вычеты по НДС¹. В данном случае отрицательными последствиями рисков являются цифровое мошенничество, злоупотребление технологиями и возможностями, обусловленными цифровизацией.

¹ https://finance.rambler.ru/other/43704561/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Серьезной возможностью уклонения от налогов, что имеет результатом уменьшение налоговых поступлений в бюджет, располагает рынок криптовалют. Бесспорным риском для налоговых органов является развитие рынка криптовалют и расширение неконтролируемых банковской системой финансовых потоков и сложности идентификации предпринимателей, оперирующих цифровым контентом и действующих в Интернет-пространстве. В мире уже создано не менее 3000 видов криптовалют, глобальная капитализация которых составляет 203,12 трлн руб.

В нашей стране действует Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция),² в соответствии с которым, согласно статье 14 ФЗ, криптовалютой в России запрещено пользоваться как платежным средством. Однако криптовалюта признается имуществом, поэтому сделки с криптовалютой нужно декларировать. Всем физлицам, российским, иностранным компаниям с 1 января 2021 надо предоставлять в налоговые органы отчет о полученном праве распоряжения криптовалютой, в т. ч. через третьих лиц, проведенных действиях, ее остатках. Подача декларации носит обязательный характер при сделках в криптовалюте, сумма которых превысит 600000 рублей в год. Срок подачи первой декларации – до 30 апреля 2022³. Однако, следует отметить, что эта область цифровых технологий недостаточно институционализирована. Разрыв между скоростью появления и внедрения цифровых технологий и их законодательным регулированием может быть отнесен к институциональным ловушкам, устойчивым, но неэффективным нормам и правилам. Способ нейтрализации такого рода институциональных ловушек – разработка четко прописанных нормативных документов, регулирующих рынок криптовалют. На сегодняшний день эта проблема решена недостаточно. Недостатки законодательства, отсутствие контроля в этом секторе электронных денег дают возможность использовать высокие технологии для злоупотребления властными полномочиями и получения административной ренты в виде взятки криптовалютой.

«Юрист и владелец сети кофеен, гендиректор компании Urvista Алексей Петропольский подтвердил эту тенденцию и объяснил, что у криптовалют есть преимущество перед, например, наличными. Именно этим, считает эксперт, объясняется популярность биткойна в Китае, где развернута мощная антикоррупционная кампания: «В Поднебесной сосредоточено огромное количество американской валюты, но вывести доллары из страны крайне тяжело. Законодательство в этой сфере в Китае крайне сурово, и наказанием за такие преступления может быть даже смертная казнь. А благодаря криптовалютам можно такую схему проверить: ты находишь держателя биткойнов, даешь ему кэш, а он, в свою очередь, конфиденциально закидывает на твой счет виртуальные деньги. После чего ты летишь как простой гражданин в любую страну Европы, находишь там посредника и обналичиваешь биткойны. В итоге о твоих деньгах не знает никто»⁴.

Тем не менее, одним из серьезных преимуществ цифровой экономики является совершенствование налогового контроля, который становится не только более эффективным, но и гораздо менее затратным.

Инструментом совершенствования налогового контроля в условиях цифровизации, обеспечивающим прозрачность ведения бизнеса, являются онлайн-кассы, введение которых осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 22.05.2003 N 54-ФЗ (ред. от 23.11.2020) «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации»⁵.

² https://finance.rambler.ru/other/43704561/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

⁴ <https://www.kommersant.ru/?from=logo>

⁵ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42359/

В соответствии с этим Законом использование контрольно-кассовой техники (ККТ) обязательно для всех организаций и индивидуальных предпринимателей при осуществлении ими расчетов, за исключением случаев, установленных настоящим Федеральным законом Федеральным законом № 54-ФЗ (п. 1 ст. 1.2). Юрлицами и ИП при осуществлении деятельности определенных видов (п. 2 ст. 2 закона № 54-ФЗ):

– Юрлицами и ИП при осуществлении деятельности в условиях, затрудняющих применение ККТ (п. 3 ст. 2 закона № 54-ФЗ).

– ИП, занятыми оказанием услуг, выполнением работ или продажей товаров собственного производства, не имеющими наемных работников – до 01.07.2021 (закон от 06.06.2019 № 129-ФЗ).

С помощью ККТ в налоговые органы поступает фискальная информация в режиме реального времени, чеки формируются не только в бумажной, но и электронной форме, контролируется и повышается уровень легальности использования наличных денег.

К рискам, связанным с введением ККТ, можно отнести возможность сокрытия дохода, а следовательно, уклонение от уплаты налога, обусловленная отменой ведения кассовой отчетности.

Несмотря на серьезные штрафы (от 75% до 100% суммы покупок, но не менее 30 тысяч рублей) за нарушение закона об онлайн-кассах, бизнес в торговле и сфере обслуживания уклоняется от использования онлайн-касс, стремясь, уклоняясь от налогов, снизить свое налоговое бремя. В парикмахерских рассылают записавшимся клиентам сообщения с просьбой расплатиться наличными и никаких чеков по завершению оказания услуги не выдают, в магазинах просят наличные и не выдают чеки, ссылаясь на сломавшиеся кассовые аппараты. Очевидно, контрольные закупки и прочие виды текущего контроля требуют дополнительных затрат, но обнаружение нарушений в применении ККТ служит поводом для более пристального внимания к налогоплательщику и при выявлении каких-либо проблем в его работе может привести к досрочной выездной проверке. Однозначный интерес налоговиков вызовут неполнота и несвоевременность оприходования выручки, а также выявление несоответствий документальных и фактических остатков денег в кассе.

Использование цифровых платформ сделало возможным введение нового льготного налогового режима для самозанятых, что способствовало выводу незаконно действующих предпринимателей из тени и заметный рост числа налогоплательщиков

Налог на самозанятых был введен с 1 января 2019 года в качестве пилотного проекта в 4 российских регионах.⁶ Данный режим полностью базируется на цифровой платформе, поскольку абсолютно все действия как налогоплательщика, так и налоговых органов осуществляются в мобильном приложении «Мой налог»: в нем рассчитываются в автоматическом режиме доходы, формируются счета и чеки, рассчитывается налог, получают уведомление о его уплате, учитывается налоговый вычет, предоставляется информация о начислении налога, к приложению по желанию «привязывается» банковский счет. Количество зарегистрированных самозанятых в России по данным ФНС⁷ превысило 2,7 млн человек. Такую информацию, полученную от пресс-службы Федеральной налоговой службы, приводит РИА Новости.⁸

Для налоговых органов начался новый этап взаимоотношения с налогоплательщиками: налоговые органы взяли функцию расчета налогов на себя.

С 1 января 2021 налоговые инспекции года рассчитывают транспортный и земельный налоги для предпринимателей⁹, планируется, что в дальнейшем налоговые инспекции смогут рассчитывать все налоги: УСН, налог на прибыль, НДС.

⁶ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/

⁷ https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/

⁸ <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10951589>

⁹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322492/

С 1 июля 2022 года по 31 декабря 2027 года будет действовать пилотный режим АУСН (Автоматизированная упрощенная система налогообложения) в тех регионах, где испытывался режим для самозанятых (Москва, Московская область, Калужская область, Татарстан). С 1 июля 2022 года этот режим могут применять только вновь зарегистрированные налогоплательщики, через полгода уже все остальные. Не могут использовать автоматизированную упрощенную систему налогообложения те организации, которые не вправе пользоваться УСН (страховщики, инвестиционные фонды, банки, ломбарды, нотариусы, профессиональные игроки рынка ценных бумаг и пр.). Если новый налоговый режим получит одобрение, то к 2024 году предполагается его распространение на федеральном уровне. Тем не менее, упрощенная система налогообложения отменяться не будет, переход на автоматизированную упрощенную систему будет добровольным. Ни с каким другим льготным налоговым режимом например, (патентной системой) новый режим не может сочетаться. Этот режим предполагает отсутствие отчетности и ведения книг доходов и расходов, освобождение от уплаты налога на прибыль, налога на имущество организаций, НДС. Налог ежемесячно будут рассчитывать налоговые инспекции по данным из банков, онлайн-касс и личного кабинета налогоплательщика. Режим рассчитан на применение на микропредприятиях с лимитом средней численности 5 человек, ограничением доходов 60 млн рублей в год и объемом основных средств не более 150 млн рублей, при этом у предприятия не должно быть обособленных подразделений и филиалов, исключен также найм нерезидентов в качестве сотрудников. Ставка дохода при выборе налогоплательщиком в качестве налоговой базы доходов — 8%, если в качестве налоговой базы выбираются «доходы минус расходы», налоговая ставка — 20%. Ставка минимального дохода при выборе в качестве налоговой базы «доходы минус расходы» — 3%. Ставки налога выше, так как налогоплательщики освобождаются от уплаты страховых взносов и за наемных работников (при их наличии) и за работодателя. Выплата заработной платы осуществляется только в безналичной форме, на карточки через банки, которым вменено в обязанность удерживать НДФЛ. Этот режим возможен в условиях абсолютной прозрачности бизнеса и доступности использования цифровых технологий.

Организации, использующие АУСН освобождены от уплаты взносов в Пенсионный фонд и ФОМС, платят фиксированные взносы на травматизм в размере 2040 рублей в год независимо от количества работников. Фактически режим автоматизированной упрощенной системы налогообложения представляет собой синтез УСН и налогового режима для самозанятых. Но, если в режиме для самозанятых для налогоплательщика отсутствует формирование страхового стажа и пенсионных баллов, то в АУСН пенсионные баллы и страховой стаж будут начисляться Пенсионным Фондом по базовым тарифам, ориентируясь на зарплату, о которой отчитался работодатель.

Режим АУСН сокращает как затраты налогоплательщика на ведение отчетности, так и затраты налоговых органов, делая ненужными выездные налоговые проверки. Развивающаяся цифровизация делает это возможным, а именно: ЭДО (электронный документооборот), прозрачность движения товаров от производителя, через всех посредников к потребителю, интеграция банков с компаниями в режиме онлайн, абсолютная прозрачность деятельности компаний сделали возможным превращение налоговых инспекций из органов контроля в сервисные компании.

Первым налогом, который подвергся цифровому контролю, стал НДС, применение с 2013 года в АСК-НДС позволило сразу резко снизить число сомнительных и фиктивных операций с НДС. С 2015 года инструментом борьбы с уклонением от уплаты НДС стала АСК НДС-2. При помощи этой системы автоматически сопоставляются счета-фактур у обеих сторон сделки, при их несовпадении налоговики требуют пояснения, если пояснения неудовлетворительны, проводится налоговая проверка.

Следует отметить, что необходимость налоговых проверок резко сократилась с введением налогового мониторинга, который стал самой эффективной и оперативной формой налогового контроля для крупных налогоплательщиков.

Налоговым мониторингом могут воспользоваться в соответствии с п. 3 ст. 105.26 НК РФ в редакции Закона № 470-ФЗ¹⁰ организации, у которых по итогам года, предшествующего году представления заявления о проведении налогового мониторинга, будут выполнены следующие условия в совокупности:

- общая сумма НДС, акцизов, НДС, налога на прибыль, НДС и страховых взносов составляет не менее 100 млн руб. (прежде – 300 млн руб.);
- доходы по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности составили не менее 1 млрд руб. (прежде – не менее 3 млрд руб.);
- балансовая стоимость активов (на 31 декабря) составляла не менее 1 млрд руб. (прежде – не менее 3 млрд руб.).

В 2020 году в налоговом мониторинге участвовало 95 компаний, большинство из которых компании с госучастием.

Крупнейшие налогоплательщики не только открывают доступ к своим информационным ресурсам, но и имеют возможность вступить в диалог с налоговиками, получая от них разъяснения в режиме реального времени по применению налогового законодательства в неоднозначных ситуациях.

Преимущества цифровизации особенно ярко проявляются в создании и функционировании на сайте Федеральной налоговой службы личных кабинетов налогоплательщиков (физических лиц, юридических лиц и ИП). Использование личного кабинета предполагает режим обратной связи, то есть, через личный кабинет можно получить информацию от налоговой службы о недомках и переплате, отправлять запросы и заявления и пересылать документы в налоговые органы.

В условиях кризиса, когда осложнилось любое взаимодействие, особенно остро встал вопрос о необходимости использования цифровых технологий и перевода общения в виртуальную плоскость. Можно предположить, что серьезные преимущества информационных технологий смогут нейтрализовать риски, решить проблемы и преодолеть трудности, возникающие в налоговой сфере в условиях цифровизации экономики.

Список литературы

1. *Тэмпан Л.Н.* Риски в экономике. М.: ЮНИТИ, 2002.
2. Федеральный закон от 15.04.2019 N 63-ФЗ 31.07.2020 N 259-ФЗ.
3. ФНС наказала компанию «Ozon» на 138 миллионов рублей за несуществующие сделки. URL: <https://finance.rambler.ru/other/43704561-fns-nakazala-kompaniyu-ozon-na-138-millionov-rubley-za-nesuschestvuyushchie-sdelki/> (дата обращения: 22.01.2022).
4. ФНС наказала компанию «Ozon» на 138 миллионов рублей за несуществующие сделки. URL: <https://profinvestment.com/types-of-cryptocurrency/> (дата обращения: 22.01.2022).
5. Топ-100 Криптовалюты по рыночной капитализации. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/?page=5> (дата обращения: 22.01.2022).
6. Что происходит после ввода войск России на Украину. День 65-й. URL: <https://www.kommersant.ru/?from=logo> (дата обращения: 22.01.2022).
7. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ.
8. Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» от 22.05.2003 N 54-ФЗ.

¹⁰ с п. 3 ст. 105.26 НК РФ в редакции Закона № 470-ФЗ

9. Закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» от 22.05.2003 N 54-ФЗ
10. Коллектив авторов. НОМ. Управление рисками. Курс лекций. URL: <http://www.fa.ru/org/dpo/vsgu/Documents/uslugi/Kurs%20лекций%20по%20рискам.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).
11. *Исламутдинов, В.Ф.* (2020). Институциональные изменения в контексте цифровой экономики // *Journal of Institutional Studies*, 12 (3), 142–156. doi: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.142-156
12. Статистика о представленных физическими лицами в налоговые органы уведомлениях об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения: 22.01.2022).

Проблемы управления: теория и практика

СОЗДАНИЕ ЦЕНТРОВ УПРАВЛЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бойцов И.Г.

Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
Химки

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы создания в Российской Федерации ситуационных центров различного назначения. Показан эволюционный переход от отраслевых ситуационных центров к современным центрам управления, функционирующим с использованием новейших инфокоммуникационных технологий. Представлены этапы создания системы распределенных ситуационных центров (СРСЦ), региональных центров управления и центров управления регионом, а также проблемные вопросы их дальнейшей интеграции, решение которых позволит с высокой эффективностью использовать ситуационные центры для управления государством и обеспечения национальной безопасности (НБ).

Ключевые слова: СРСЦ, региональный центр управления, центр управления регионом, межведомственное информационное взаимодействие, инфокоммуникационные технологии

Создание ситуационных центров в различных отраслях и сферах деятельности происходит как в мире, так и у нас в стране уже не первое десятилетие. Сегодня такие центры создаются и функционируют в органах власти всех уровней и организациях.

Современные ситуационные центры оснащены компьютерными системами и подключены к информационно-телекоммуникационным сетям, имеют масштабные средства отображения самой разнообразной информации, а также оснащаются информационно-аналитическими программно-аппаратными комплексами.

Первые ситуационные центры разрабатывались и создавались еще в период существования СССР. Уже с конца 1950-х годов в СССР велись серьезные разработки в области автоматизации управления в экономической сфере на основе Единой государственной сети вычислительных центров. Усилиями заместителя начальника Вычислительного центра Минобороны СССР полковника А.И. Китова, а в последующем и директора Института кибернетики академика АН СССР В.М. Глушкова эти идеи и практические наработки трансформировались в проект системы автоматизированного управления экономикой СССР (ОГАС). В силу целого ряда причин этот проект реализован не был.

С учетом полученного опыта уже в РФ были созданы ситуационные центры главы государства, его администрации и полномочных представителей, Правительства РФ, всех органов госвласти и наиболее значимых организаций.

Одним из основных, отличающихся по масштабу выполняемых задач и реализовавших все самые современные на тот момент технологии, стал Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России (рис. 1).

Естественным ходом развития событий в этой области стало объединение ситуационных центров в системы в различных областях и сферах деятельности. В первую очередь начала формироваться система распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия (СРСЦ).

Рисунок 1. Смена на дежурстве в НЦУКС

Методичная работа по формированию СРСЦ была начата на основе Распоряжения Президента РФ от 14 апреля 2009 г. № 228-рп, в соответствии с которым была создана межведомственная рабочая группа. В задачи группы входила разработка информационной и технологической инфраструктуры для информационного обеспечения Президента РФ. Необходимо было в течение месяца разработать порядок взаимодействия различных центров в рамках создаваемой СРСЦ.

Первыми итогами работы межведомственной рабочей группы стали разработанные НПА:

- Указ Президента РФ от 25 июля 2013 г. № 648 «О формировании СРСЦ»;
- Поручение Президента РФ от 3 октября 2013 г. № ПР-2308 «О концепции создания СРСЦ»;
- План первоочередных мероприятий, направленных на формирование и обеспечение функционирования СРСЦ, утвержденный Президентом РФ от 5 октября 2014 г. № Пр-2363;
- План работ по модернизации действующих и созданию новых СЦ, определенный поручением Председателя Правительства РФ от 24 августа 2015 г. № ДМ-П7-5840.

Задачи, решаемые СРСЦ, в целом направлены на обеспечение НБ, в том числе на защиту национальных интересов от внешних и внутренних угроз, на обеспечение реализации прав и свобод граждан, достойного качества и уровня жизни, гражданского мира, согласия в стране, а также на охрану суверенитета РФ, ее независимости и целостности [1].

Для реализации Стратегии НБ РФ в 2015 году информационной основой была определена ФИС стратегического планирования, включающая в себя кроме непосредственно СРСЦ информационные ресурсы различных органов власти.

Интеграция СЦ в общую систему и усилия по организации их взаимодействия на основе единых принципов (регламента) взаимодействия должны были существенно повысить качество информационной и аналитической поддержки при принятии решений в социальной, экономической, общественной, политической сферах, в том числе в условиях военного положения и в военное время, при возникновении кризисов и ЧС, а также существенно повысить эффективность долгосрочного планирования.

Организация работы по созданию СРСЦ, с учетом ее межотраслевого характера, была возложена на МВК по координации деятельности ФОИВ по созданию СРСЦ. К этой работе были

привлечены ведущие специалисты и ученые страны. Главным конструктором СРСЦ стал ФИЦ ИУ РАН академик РАН, д.т.н. И.А. Соколов.

Создание центров управления в отраслях (сферах деятельности) потребовало разработки методологических основ работы с информацией. Стали появляться требования к ее содержанию, формам представления, организации информационных потоков, а также организации внутри-отраслевого и межведомственного информационного взаимодействия.

Решением МВК в 2015 году были утверждены «Методические рекомендации по созданию и вводу в эксплуатацию СРСЦ».

В ходе создания СЦ пришлось учитывать требования по работе с закрытой информацией. В этих целях ФСО России обеспечивает функционирование и развитие СРСЦ и иных ситуационных центров, находящихся в ведении ФСО России, при этом ведомство оказывает необходимую методическую и иную помощь. ФСО России также обеспечивает информационное взаимодействие СРСЦ [2].

Опыт создания и функционирования НЦУКС МЧС России был реализован при создании Национального центра управления обороной РФ (НЦУО) (рис. 2).

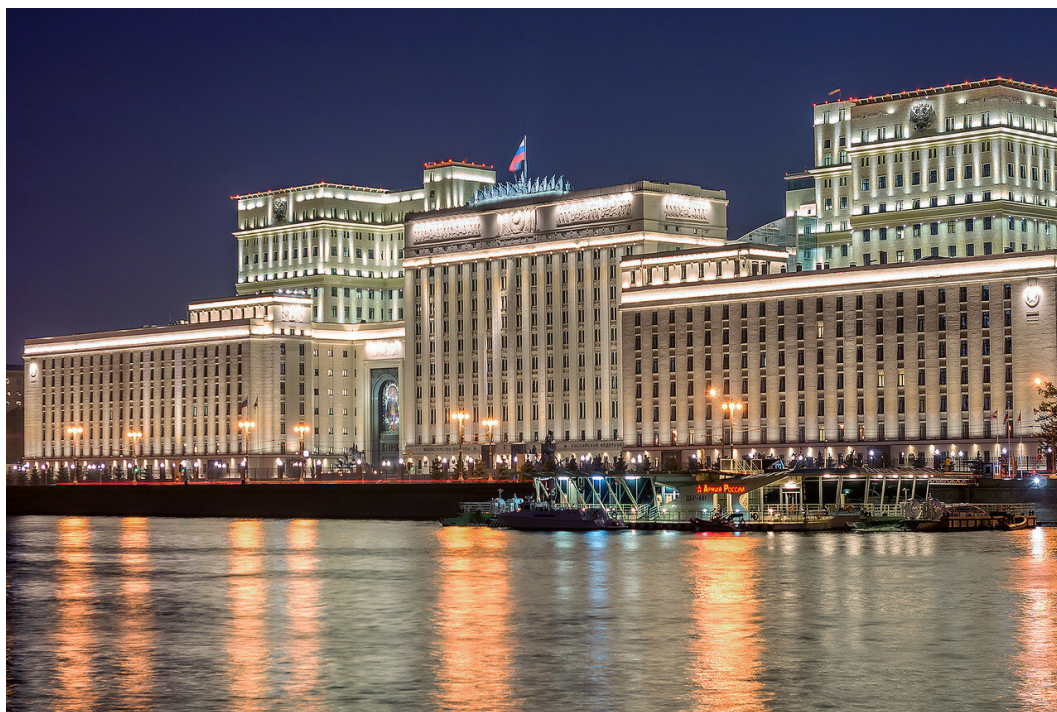

Рисунок 2. Вид на НЦУО со стороны Москвы-реки

Этот новый центр был предназначен, в первую очередь, для обеспечения управления частями и подразделениями всех видов и родов ВС РФ, для сбора, обработки и анализа информации по мировой военной и политической обстановке, ситуации на стратегических направлениях, внутренней общественной и политической обстановке в стране как в мирное, так и в военное время [4].

В короткие сроки в НЦУО была организована работа по сбору, анализу и представлению информации руководству военного ведомства по нескольким десяткам функциональных направлений. Дежурная смена осуществляет информационно-аналитическую работу в круглосуточном режиме, что позволяет существенно сократить время принятия решений должностными лицами органов военного управления различного уровня.

Президент РФ как Верховный Главнокомандующий ВС РФ имеет возможность руководить тренировкой сил стратегического сдерживания или другими мероприятиями непосредственно из Зала принятия решений ВГК ВС РФ (рис. 3).

Рисунок 3. Зал принятия решений ВГК ВС РФ в НЦУО

Для хранения больших массивов данных в Минобороны России формируется система центров обработки данных, а передача информации, в том числе в режиме видеоконференцсвязи, осуществляется по защищенным каналам связи. Современные цифровые технологии позволяют осуществлять в сжатые сроки и в больших объемах передачу, сбор, обработку, хранение и использование таких данных.

Активный обмен информацией НЦУО ведет не только с подчиненными региональными и территориальными центрами управления. Информационное взаимодействие с ситуационными центрами других ФОИВ, госкорпораций и организаций осуществляется на основе Указа Президента РФ от 1 сентября 2014 г. № 601 «О порядке сбора информации по вопросам обороны РФ и обмена этой информацией». В рамках данного Указа заключены двусторонние соглашения об информационном взаимодействии МО РФ с ФОИВ, их территориальными органами и органами государственной власти субъектов РФ.

Опыт эффективной деятельности НЦУО позволил начать проработку вопроса о создании в субъектах РФ помимо ситуационных центров, сформированных в рамках СРСЦ, новых региональных центров управления субъектов РФ (РЦУ), которые предназначены для содействия выполнению задач, возложенных на субъект РФ, а также координации деятельности органов государственной власти субъекта РФ, ОМСУ и территориальных органов ФОИВ в период мобилизации, в период действия военного положения и в военное время.

Эксперимент по функционированию РЦУ в Республике Татарстан, Архангельской, Воронежской и Тверской областях подтвердил необходимость и актуальность их создания. В 2019 году ГУСПом совместно с Минобороны России была разработана и утверждена соответствующая дорожная карта, а также создан межведомственный совет с участием ФСО России и шести субъектов Российской Федерации.

Создание РЦУ было апробировано на различной организационной и технической основе, в том числе на базе аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Санкт-Петербурге, ЦУКС МЧС России Республики Дагестан, Ситуационного центра губернатора Московской области.

В ходе создания ситуационных центров стало очевидным, что два концептуальных подхода по созданию СРСЦ и РЦУ не должны иметь взаимных противоречий, а наоборот, должны дополнять друг друга. Возможности ситуационных центров должны быть объединены для решения общей задачи управления регионом как в мирное, так и в военное время.

Пилотный проект по созданию РЦУ нового типа реализуется в настоящее время в Тульской области. Соответствующая инициатива Губернатора Тульской области была поддержана Президентом Российской Федерации в 2019 году. В тот же период между Министерством обороны Российской Федерации и Тульской областью было заключено соглашение об информационном взаимодействии. В 2021 году создано Государственное учреждение Тульской области «Ситуационный центр Губернатора Тульской области» и начато строительство здания Ситуационного центра за счет средств национальной программы «Цифровая экономика» Российской Федерации.

Возможность реализации указанных подходов рассматривается и в других субъектах Российской Федерации. Московская область является одним из лидеров по внедрению в практику управления регионом современных информационных (цифровых) технологий. В соответствии с Дорожной картой, утвержденной Межведомственным советом по созданию РЦУ в субъектах Российской Федерации, были проработаны и активно решаются вопросы создания РЦУ Московской области.

Кроме указанных ситуационных центров в соответствии с Поручением Президента РФ от 30 января 2020 г. № Пр-354 и постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1844 в субъектах РФ созданы и уже функционируют центры управления регионов (ЦУР).

ЦУР выполняют координационные функции по сбору и обработке обращений граждан и организаций (юридических лиц), поступающих в органы власти через системы обратной связи, а также тех, которые размещены публично в соцсетях, мессенджерах и т. п. [3]. Акцент в работе ЦУР делается на активное взаимодействие с гражданами и организациями, оперативное реагирование по направлениям деятельности ЦУР. Собранная информация может быть использована для в целом планирования развития (стратегического, территориального) субъектов РФ. Деятельность каждого ЦУР регламентируется нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. При этом вопрос об интеграции ЦУР с СРСЦ и РЦУ остается актуальным. Учитывая целевое назначение ЦУР, он может рассматриваться как один из функциональных модулей (блоков) объединенного РЦУ главы региона.

В настоящее время очевидной стала потребность в интеграции ситуационных центров регионального уровня и создании условий для их эффективного взаимодействия с ситуационными центрами федерального уровня. Это повлечет за собой необходимость решения целого ряда проблем, связанных с информационно-техническим сопряжением уже применяющихся в различных сферах деятельности информационных систем. Потребуется выработка единых подходов к работе с разнородной информацией, разработка необходимого программно-математического обеспечения на основе конкретных математических моделей и алгоритмов. К числу таких моделей общегосударственного уровня можно отнести разработанную в соответствии с принципами экономической кибернетики в рамках Научной школы стратегического планирования Н.И. Ведуты динамическую модель межотраслевого-межсекторного баланса.

Многообразие создаваемых в стране ситуационных центров определяется, в первую очередь, их целевым назначением. Анализ практики внедрения ситуационных центров показывает, что для решения масштабных, комплексных задач по оперативному управлению отраслями экономики и регионами требуется объединение возможностей и ресурсов существующих и создаваемых ситуационных центров. Решение этих задач на основе качественного программно-математического обеспечения позволит трансформировать ситуационные центры в полноформатные центры управления и существенно повысить эффективность государственного управления.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации».
3. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1844 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах РФ центров управления регионов».
4. Национальный центр управления обороной Российской Федерации. URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=11206%40morfOrgEduc (дата обращения: 12.01.2022).
5. URL: <https://www.smolnews.ru/news/546983> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Мозг армии: Национальному центру управления обороной исполнилось пять лет. URL: <https://m.tvzvezda.ru/photo-gallery/201912251139-ulyFq.html/gallery> (дата обращения: 12.01.2022).
7. Осмотр ЦУР и совещание рабочей группы по подготовке к Госсовету по направлению «Коммуникация, связь, цифровая экономика». URL: <https://vorobiev.pf/media/124-osmotr-tsur-i-soveschanie-rabochej-gruppy-po-podgotovke-k-gossovetu-po-napravlenijukommunikatsija-svjaz-tsifrovaja-ekonomika> (дата обращения: 12.01.2022).

КРИЗИС МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИНАНСОВОГО, МИГРАЦИОННОГО И ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСОВ

Дубинин А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва

Аннотация. В работе проводится анализ трех кризисов – финансового, миграционного и пандемического, оказавших существенное влияние на политику Европейского союза. На основе фактических материалов, используемых в докладе, отслеживается повторяемость проблем в интеграционных механизмах ЕС, трансформация позиций стран и взглядов, что свидетельствует о системном кризисе европейской интеграционной модели.

Ключевые слова: кризис, финансовый кризис, миграционный кризис, пандемия

1. Введение. За последние 12 лет Евросоюз пережил три серьезных кризиса: финансовый, миграционный и пандемический. Несмотря на их разную природу, проанализировав значимые события, предпринятые меры и позиции стран, можно определить основные черты и трудности кризиса Европейской интеграционной модели. До начала 2000-х можно было провести условное деление между «старыми» и «новыми» членами ЕС. Данное разделение происходило из сформировавшейся устойчивой системы: старые члены играли важную роль в выработке принятия решений, постановки целей и управлении Европейского союза, в частности, устанавливая правила для интеграции и присоединению к ЕС; «новые» члены ЕС следовали установленным правилам. Кризис 2008 года показал, что разделение стран больше не работает. Произошла трансформация сил и появились новые группировки: страны «Юга», «бережливые» страны и страны Центральной и Восточной Европы. Проанализировав также и дальнейшие кризисы, можно отметить, что внутри ЕС произошли существенные изменения в расстановке сил: повысилась «мобильность» стран внутри группировок, усилились сепаратизм и борьба за национальные интересы вопреки принципам «европейской солидарности», ослабла роль «франко-германского тандема». Рост политизации, как одного из важнейших факторов, определяющих спрос на межправительственные сообщения, также влияет на противопоставление национальной и европейской идентичностей, укрепляя антиевропейский курс в некоторых странах. Таким образом, ставится понятно, что данная модель интеграции Европейского союза нежизнеспособна. Возникает вопрос: в отсутствии четких ориентиров, смены парадигмы взглядов стран и устоявшихся традиций, возникнет ли иная модель ЕС, и в чем она будет заключаться?

2. Финансовый кризис 2008 г. Кризис 2008 г. стал первым серьезным испытанием для Европейского союза. Данный кризис показал, что успешный период в развитии европейской интеграции, длившийся с середины 1980-х годов, закончился в 2004 г. Рост числа участников оказал двойственное влияние на ЕС, усложнив процесс принятия решений, а также увеличив качественную неоднородность объединения. Прежнее формирование ЭВС и стремление, как к низкой инфляции, так и к высокой норме сбережений, оказалось затруднительным для наименее развитых стран. Слабые страны еврозоны, имевшие трудности с точки зрения бюджетной политики (прежде всего, дефицит бюджета, госдолг), оказались не готовы преодолеть проблемы модели национальной экономики и внутри ЕС увеличилось разделение между центром и периферией [2, с. 113].

2.1. Предпринятые действия по выходу из кризиса. В начале осени 2008 г. Европейский центральный банк (ЕЦБ) внес изменения в денежно-кредитную политику, нарастив объемы

ликвидности, предоставляемой банковскому сообществу. Месяц спустя произошла смена практики предоставления кредитов в пользу утверждения всех заявок и по фиксированной ставке. Кроме того, были понижены требования к залоговым активам [1]. Однако рынок межбанковских переводов был все равно остановлен, поскольку банки, имевшие свободные средства, предпочитали не кредитовать партнеров, а размещать на счетах центральных банков (ЦБ). Дальнейшее понижение ставки по депозитам внутри экосистемы со стороны ЕЦБ также оказалась мало эффективной. Были и опасения повышения инфляции (за январь–октябрь 2008 г. она была в диапазоне между 3,2 и 4%), но в ноябре 2008 г. темп прироста резко замедлился, а уже через год возникли риски дефляции [2, с. 110]. (В декабре 2010 г. был создан Европейский совет по системным рискам (European Systemic Risk Board, ESRB) для предупреждения и снижения системных рисков с целью укрепления финансовой стабильности ЕС.)

В 2011–2012 гг. ЕЦБ провел масштабные интервенции на общую сумму в 2 трлн евро, что в купе с финансовой поддержкой наиболее пострадавших стран позволило затормозить распространение кризисных явлений и, таким образом, решить часть экономических проблем долгосрочного характера.

В декабре 2011 г. обновленная версия Пакта стабильности и роста была приведена в действие для формирования интегрированной системы бюджетных рамок, что позволило более эффективно следить за бюджетной дисциплиной. В марте 2012 г. практически все страны ЕС (за исключением Чехии и Великобритании) приняли решение о создании бюджетного союза, в октябре 2012 г. Европейская комиссия одобрила инициативу десяти стран ЕС ввести налог на финансовые операции. Некоторые специалисты сравнивают его с «налогом Тобина», когда каждая из сторон сделки оплачивает налог, но в своей стране. Были предположения, что таким методом сумма налоговых сборов сможет достичь 50–60 млрд евро, а также налог поспособствует ограничению спекуляций с капиталом [2, с. 111–112].

2.2. Позиции стран. На протяжении практически всего кризиса были разногласия между отдельными странами касательно мер, направленных на его преодоления. Это способствовало подрыву единства и выявлению накопившихся проблем Европейского союза. Вкратце рассмотрим ход событий.

3 октября 2008 г. президент Франции Н. Саркози выступил с предложением провести Европейский саммит для обсуждения путей выхода из всемирного банковского кризиса [7]. Примерно в это же время стали возникать первые разногласия, когда Франция стала высказываться об учреждении европейского фонда спасения экономики ЕС, Нидерланды предлагали формирование общеевропейского резервного фонда помощи пострадавшим банкам, а Германия была решительно настроена против любого общеевропейского плана. 28 ноября 2008 г. Еврокомиссия представила план стимулирования экономики ЕС, предполагавший вливания в размере 200 млрд евро. Это вызвало обострения между Великобританией и Германией, однако в феврале 2009 г. был найден компромисс между странами в необходимости усиления контроля за финансовыми рынками и инвестиционными фондами. В то же время стали появляться сложности, связанные с протекционистской политикой Франции, Испании и Италии в автомобильной промышленности [8, с. 70], что противоречило интересам Германии и странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Тогда в марте 2009 г. на саммите в Брюсселе, основной повесткой которого стало обсуждение формирования дальнейшего плана выхода из кризиса, было принято решение о стремлении соблюдать принципы единого рынка. 25 марта 2010 г. в рамках плана помощи Греции, принятого по итогам предыдущего саммита, страна получила кредит (треть от МВФ и две трети – от 15 стран еврозоны). При этом стали появляться предложения от ряда стран (например, от Германии) об исключении из зоны евро слабых государств, таких как Греция. В январе 2011 г. в ходе обсуждения нового механизма по выходу из кризиса был затронут вопрос об увеличении объемов Европейского фонда, что также выразилось в отсутствии единства

взглядов. В дальнейшем неоднократно поднимался вопрос о создании общих долговых ценных бумаг. Так, в сентябре 2011 г. в Европарламенте глава Еврокомиссии заявил о рассмотрении вариантов эмиссии евробондов в ближайшее время, что вызвало отрицательную реакцию со стороны канцлера Германии. А. Меркель отметила, что проблемные страны ЕС должны провести структурные реформы, в противном случае такой выпуск приведет к долгам, а не к стабильности. Необходимость структурных реформ заключалась в повышении собираемости налогов и, соответственно, в повышении доходной части бюджета; сокращении неэффективных госрасходов и снижении теневой экономики. Также велись разговоры об увеличении стабилизационного фонда и общего бюджета ЕС для расширения финансового рычага, но было затруднительно прийти к компромиссу. В октябре 2011 г. прошел решающий саммит в Брюсселе: если изначально были противоречия и внутренний раскол между отдельными странами, то по итогу встречи 26 октября ключевая часть наиболее наболевших вопросов была решена [8, с. 70–75].

2.3. Итоги кризиса. В ходе кризиса обострились проблемы между наиболее устойчивыми странами (например, Германия) против южных стран (особенно Греция). Первые относительно легко преодолели рецессию, в то время как вторые были вынуждены искать поддержки со стороны партнеров. Кроме того, возникали трения и между развитыми странами по вопросам восстановления. Наиболее сильно это проявилось между Францией, Германией и Великобританией. В итоге выяснилось отсутствие стратегической цели интеграции ЕС, которая могла бы объединить элиты и народ стран-членов. Хотя валютный союз был создан, его функционирование столкнулось со значительными проблемами. В частности, ввиду преобладания национальных интересов.

3. Миграционный кризис 2015 г. Главной проблемой миграционного кризиса 2015 г. стало распределение беженцев с учетом возможностей стран. Для решения данной проблемы было определено минимальное число мигрантов (с учетом количественных показателей и особенностей стран), которое каждое государство должно принять. Отдельно стоит отметить, что порядка 4/5 от общего количества прошений о предоставлении убежища пришлось лишь несколько стран – Германию, Францию, Италию, Швецию, Бельгию и Великобританию. (Как правило, большая часть которых имеет лучшие экономические показатели и общую инфраструктуру.) Правовой основой распределения беженцев стала Дублинская конвенция, регулирующая отношения между государствами ЕС при предоставлении статуса беженца. Согласно ее положениям, разбираться с мигрантами, не обладающими правами на въезд, должна та страна, в которую они обратились с просьбой об убежище. Хотя по мнению ряда стран Дублинская конвенция безнадежно устарела, что говорит о необходимости введения мигрантских квот [6]. Так, если ранее страны справлялись с миграционной нагрузкой, то в 2015 г. в связи с рекордными показателями они оказались совершенно не готовы.

Однако ряд стран ЕС выступил против введения мигрантских квот, приводя в качестве поддержки следующие аргументы:

- Только правительства государств-членов ЕС могут определять количество и «качество» мигрантской силы;
- Нелегальная миграция априори незаконна, в т. ч. изменение статуса нелегалов на законный подрывает систему охраны внешних границ ЕС;
- Риски роста напряженности в странах ввиду дополнительного бремени на социальные системы (например, на систему здравоохранения) и возможной террористической угрозы [6].

3.1. Причины миграционного кризиса. Рассмотрим основные причины миграционного кризиса [4, с. 12–14]:

1. Война в Сирии: начавшиеся антиправительственные выступления в марте 2011 г. привели к массовым беспорядкам в различных сирийских городах, а уже к лету того же года переросли в полномасштабный вооруженный конфликт. (Множественные дипломатические попытки не увенчались успехом.)

2. Относительно свободный и простой способ попасть в европейские страны. До недавнего времени главным маршрутом для большинства мигрантов и беженцев была морская перевозка из Ливии в Италию. Однако затем потоки мигрантов устремились в Грецию.

3. Согласно А. Гутеррешу (ныне Генеральный секретарь ООН, в прошлом верховный комиссар ООН по делам беженцев), «резкий рост количества сирийских беженцев, приезжающих в Европу, спровоцирован тремя факторами – двумя продолжающимися тенденциями и одним недавним детонатором». На его взгляд, это следующие факторы: снижение веры сирийцев в возможность политического урегулирования конфликта; истощение ресурсов тех, кто уже покинул свое место жительства и живет в изгнании; сокращений гуманитарной помощи в регионе [6].

4. Накопление в Европе «критической массы» выходцев из Северной и Экваториальной Африки, отдельное стремление многих иммигрантов попасть в конкретные страны, где уже расположены их родственники (преимущественно в наиболее развитых странах). Также стоит отметить, что часть миграционных потоков была вызвана не боевыми действиями, а угрозой прихода «Исламского государства» [12].

3.2. Основные события миграционного кризиса. Событием, вызвавшим наибольшие споры между странами, стало предложение об обязательном распределении квот, предложенное Европейской комиссией в рамках «чрезвычайного механизма». В данном вопросе страны разделились на две группы: «за» и «против». Особой агитацией за привлечение беженцев отличилась Германия, во главе с А. Меркель, требовавшей большей солидарности от европейцев. (Данная позиция даже критиковалась внутри страны.) Похоже позиции придерживался ряд других стран, таких как Греция и Италия (наиболее пострадавшие). Против выступали страны Восточной Европы, а также Великобритания, Ирландия и Дания. Причина заключалась как в рисках ухудшения ситуации в собственных странах, так и в опасениях, что нынешние «чрезвычайные» квоты в будущем могут быть закреплены в новом механизме постоянного распределения [4, с. 15].

Как и в случае финансового кризиса со стороны ряда стран прозвучали обвинения в адрес Греции. Так, с критикой обрушился глава МИД Венгрии, обвиняя Грецию в отсутствии должного контроля на границе [10], а Вена выступила с предложением исключить Грецию из Шенгенской зоны, аргументируя схожим образом. Более того, 16 января 2016 г. Австрия временно покинула Шенгенскую зону, а ряд стран ЕС, включая Германию, Австрию, Бельгию, Швецию и Данию, намеревались продлить пограничный контроль в Шенгенской зоне до 2017 г. в случае признания Еврокомиссии внешних границ Греции недостаточно охраняемыми [4, с. 17].

Интересным выглядит кейс противостояния Вишеградской группы (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) с остальными странами в вопросе принятия в сентябре 2015 г. программы распределения беженцев [3]. Несмотря на яростное сопротивление стран Вишеградской группы, на встрече в Брюсселе 22 сентября 2015 г. все же удалось принять окончательное решение о распределении 120 тыс. человек, ищущих убежище. Хотя в дальнейшем государства-члены провалили сроки расселения, забрав из Греции и Италии чуть более 200 человек из 160 тыс. к концу года, Европейская Комиссия была бессильна ускорить процесс, так как не имеет на то полномочий.

Наконец, сделка ЕС с Турцией. Еврокомиссия одобрила создание в Турции специального фонда в размере 3 млрд евро. (Предполагалось, что ЕК выделит 500 млн евро, а 2,5 млрд евро придется на сами страны ЕС.) Кроме того, Германия обещала еще 14 млн евро для решения миграционного вопроса [4, с. 16–17].

3.3. Последствия и выводы. Любой кризис порождает негативные последствия, и миграционный не стал исключением. Данный кризис обострил отношения между странами ЕС в области миграционной политики и даже поставил существование Шенгенской зоны под угрозу. Вот, как по этому поводу выразился бывший председатель Европейского совета Дональд Туск: «Европейскому союзу следует лучше претворять в жизнь принципы своей миграционной

политики,..., иначе под угрозой судьба Шенгенского соглашения» [5]. Вновь прозвучали призывы об исключении отдельных стран и возведении внутренних границ со стороны некоторых стран внутри зоны евро. Кроме того, произошло преобладание национальных интересов над общеевропейскими, особенно проявившееся в случае обсуждения введения миграционных квот. Так, внутривнутриполитическое напряжение и рост антииммигрантских настроений в странах Вишеградской группы можно объяснить их упорство именно по вопросу квот. Немаловажной проблемой оказался и «шантаж» Турции, требовавшей больше средств на сдерживание потоков беженцев. При этом некоторые эксперты заявляли, что таким образом ЕС пытается переложить ответственность на Турцию, а последняя получит слишком много власти.

4. COVID-19 в Европе. Пандемия стала следующим серьезным вызовом для модели европейской интеграции. В начале пандемии действовал принцип «каждый сам за себя», затем пришло осознание губительности изоляционной политики и попытки вернуться к сотрудничеству, ожесточенные споры между группами стран. Рассмотрим хронологию событий и подведем промежуточные итоги кризиса Covid-19.

4.1. Хронология событий. В январе 2020 г. были зафиксированы первые случаи коронавирусной инфекции в пяти странах Европейского союза, а в марте 2020 г. ВОЗ официально признал пандемию. Начало коронакризиса ознаменовалось попытками стран самостоятельно решить проблемы:

– 11 марта 2020 г. Австрия ввела контроль на границе с Италией (вскоре ее примеру последовали некоторые другие страны);

– В начале марта Франция запретила экспорт средств индивидуальной защиты и медицинского оборудования (похожие меры в дальнейшем также предприняли Бельгия, Германия, Польша и другие);

– Отказ соседей помогать Италии (и Испании).

К середине марта после нескольких недель отсутствия попыток остановить инфекцию, Европейская комиссия перешла к первым выплатам помощи членам-государств. Примерно в это же время приходит осознание губительности изоляционной политики, и происходит корректировка курса – Франция и Германия отменяют запрет на экспорт медицинского оборудования, а немецкие больницы начинают принимать зарубежных пациентов. В апреле 2020 г. председатель Еврокомиссии принесла публичные извинения Италии от государств-членов ЕС за «изоляцию» в марте [13, с. 43–44].

В марте-июне 2020 г. страны-члены ЕС совместно с Брюсселем сформировали пакет срочных мер спасения европейской экономики с общим объемом до 1,97 трлн евро. Наиболее интересной являлась инициатива Next Generation EU (NGEU), в которой предполагалось привлечь 750 млрд евро путем размещения коллективных ценных бумаг ЕС. Цель заключалась в выделении возможности членам ЕС с низким кредитным рейтингом получить доступ к финансовым ресурсам. Изначально государства с устойчивой экономикой («бережливые» страны – Германия, Австрия, Швеция и Нидерланды) предлагали вести поддержку через Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ), созданный в 2012 г. [13, с. 44] При этом, как и при финансовом кризисе 2008 г., были требования предоставления кредитов странам лишь при условии проведения экономических реформ и переходу к жесткой экономии, что особенно не нравилось южным странам, боявшимся повторить опыт Греции [9, с. 63]. В таком случае альтернативой в глазах «южан» стал проект выпуска общих долговых облигаций («евробондов» или «коронабондов»). Данная идея была предложена и при выходе из финансового кризиса 2008 г., но, как и прежде получила отрицательную реакцию от наиболее устойчивых стран.

Финальное решение было принято на июльском саммите в Брюсселе (17 июля 2020 г.), где возникли ожесточенные споры между странами «Юга» и «бережливыми», а франко-германский тандем выступал в роли посредника и помогал искать компромисс. Был принят план

Еврокомиссии, включающий промежуточное решение между ЕСМ и «евробондами», и таким образом создан прецедент — учреждение общих выплат Европейского союза, что может рассматриваться, как шаг к бюджетной автономии последнего [11, с. 77]. «Бережливые» страны добились важных уступок со стороны франко-германского тандема. Так, их взносы в бюджет Евросоюза на 2021–2027 гг. сократятся в общей сложности на сумму в 4 млрд евро [14]. В то же время сумма займов для стран-реципиентов возрастет.

4.2. Промежуточные итоги кризиса COVID-19 через призму модели европейской интеграции.

В начале пандемии было понятно, что страны не готовы кооперироваться для решения общих проблем. И хотя в дальнейшем были предприняты совместные попытки преодоления кризиса и даже достигнут компромисс в Брюсселе, противоречия между рядом стран остались прежние.

Важную роль в достижении компромисса сыграл франко-немецкий тандем, сумевший убедить «южан» и «северян» принять план Еврокомиссии. Тем не менее, итоги саммита показали, что в настоящее время одного лишь веса Франции и Германии не хватает для принятий нужных им решений в ЕС. В частности, это вынудило их пойти на уступку «бережливым» странам. Однако, несмотря на признание, что выработка жизнеспособного проекта в условиях меняющейся действительности возможна лишь при условии нахождения компромисса с остальными странами-членами Европейского союза, Франция и Германия остаются главной силой ЕС.

5. Заключение. Проанализировав три главных кризиса за последние 15 лет, можно заметить, что сохраняется похожий сценарий и характер развития события. При выходе из кризиса в каждом из случаев возникали трения между странами с устойчивой экономикой и менее развитыми странами. Также трения объясняются разными моделями экономики. Если ранее Европейский союз ровнялся на немецкую модель, то в настоящее время его неоднородность выросла, наименее развитые страны не имеют возможности проводить денежно-кредитную политику, что может крайне негативно сказываться на национальной экономике в периоды рецессий. Кризис интеграционной модели — это прежде всего кризис экономической модели ЕС, появившийся в 2008 г. и неизбежно проявившийся во время миграционного и пандемического кризисов. При создании ЕВС Германия была неким «образцом» или идеалом, однако «образца» достичь не получилось.

Кроме того, изменился процесс принятия решений. Ранее основное ядро составляли страны-основатели ЕС в лице Германии, Франции и Италии, которые определяли политику Европейского союза и были «законодателями мод». В настоящее же время процесс принятия решений усложнился и приходится учитывать мнения все большего количества стран. Более того, повысилась внутригрупповая мобильность среди стран при принятии тех или иных решений. Например, в последнем кризисе Германия сменила позицию в вопросе о помощи наиболее пострадавшим странам, в то время как во время финансового кризиса 2008 г. придерживалась позиции «бережливых» стран. Таким образом, можно сказать, что в настоящее время в ЕС нет стимулов дальнейшего развития модели европейской интеграции.

Список литературы

1. *Буторина О.В.* Антикризисная стратегия Европейского Союза: ближние и дальние рубежи. // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. — 2009. — № 3. — С. 115–120.
2. *Буторина О.В.* Причины и последствия кризиса в зоне евро. // *Вопросы экономики*. — 2012. — № 12. — С. 98–115.
3. *Вимон П.* Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Vimon_2017_web_Rus.pdf (дата обращения: 30.12.2021).

4. *Гасанов Р.М.* Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2016. – № 7. – С. 11–22.
5. Дональд Туск назвал миграционный кризис угрозой Шенгену // Интерфакс. – 12.11.2015. URL: <http://www.interfax.ru/world/478965> (дата обращения: 30.12.2021).
6. *Краснов Ю.К.* Миграционный кризис в Европейском союзе. // Миграционное право. – 2016. – № 1. – С. 14–17.
7. Лидеры ЕС обсудят всемирный банковский кризис. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7649000/7649774.stm (дата обращения: 30.12.2021).
8. *Лицарева Е.Ю.* Позиции стран ЕС в отношении выхода из экономического кризиса 2008 г. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 69–76.
9. *Маслова Е.А.* Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения. Международная аналитика, 2020, № 11, С. 58–70.
10. Проблема беженцев: ООН бьет тревогу // ТАСС. URL: <http://tass.ru/spec/refugee> (дата обращения: 30.12.2021).
11. *Тимофеев П.П., Хорольская М.В.* Пандемия COVID-19 как вызов франко-германскому лидерству в ЕС. // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 8. – С. 72–80. – doi: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80
12. *Цапенко И.П.* Управление миграцией: опыт развитых стран. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 4 (88). – С. 111–120.
13. *Чупина Д.А.* Коронакризис в ЕС: нокаут или трамплин для интеграции? // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 42–49. – doi: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-42-49
14. UE: les détails d'un accord "historique" qui satisfait presque tout le monde. // Le Temps, 20.07.2020. URL: <https://www.letemps.ch/monde/ue-details-dun-accord-historique-satisfait-presque-monde> (дата обращения: 30.12.2021).

ЛУЧШИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА 2020 ГОДА

Кошкидько В.Г.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. В статье рассматриваются итоги Всероссийского конкурса 2020 года «Лучшая муниципальная практика». Показана динамика роста участников конкурса, что свидетельствует о стремлении муниципалитетов делиться успешными практиками с другими муниципальными образованиями. На основе материалов сборников лучших муниципальных практик проводится обзор практик победителей конкурса по всем номинациям.

Ключевые слова: Всероссийского конкурса 2020 года «Лучшая муниципальная практика», муниципальное образование, обзор практик победителей конкурса по всем номинациям

Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика» проводится ежегодно, начиная с 2017 г. Он состоит из регионального и федерального этапов и имеет две категории участников: I – городские округа и городские поселения; II – сельские поселения.

Конкурс проводится по четырем номинациям:

1. Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах;
2. Муниципальная экономическая политика и управление муниципальными финансами;
3. Градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие жилищно-коммунального хозяйства;
4. Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне [1].

Информация о результатах конкурса публикуется ежегодно в сборниках «Лучшие муниципальные практики», которые издают ответственные за проведение конкурса по номинациям – Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство экономического развития, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства и Федеральное агентство по делам национальностей.

Результаты отбора практик на федеральный этап Всероссийского конкурса показывают, рост количества муниципальных практик, которые имеют высокую практическую значимость и реальную возможность для дальнейшего распространения в большинстве муниципальных образований.

По номинации «Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению местного самоуправления» в 2018 г. были приняты к рассмотрению на федеральном уровне 142 заявки. В 2019 г. – 205 заявок, а в 2020 г. – 239 заявок из 63 субъектов Российской Федерации – из них 112 от городских округов и городских поселений и 127 от сельских поселений.

В 2020 г. в этой номинации большинство участников представили результаты деятельности территориального общественного самоуправления (ТОС) в различных направлениях деятельности связанных с улучшением среды проживания населения.

Победителями среди городских округов и городских поселений стали [2]:

1 место – городское поселение – город Мамадыш Республики Татарстан. Деятельность 8 ТОС города по созданию благоприятной среды проживания признана лучшей в Республике Татарстан.

2 место – Лабинское городское поселение Краснодарского края. В деятельности органов ТОС (46 квартальных и 211 домовых комитетов) по формированию планов работ по благоустройству, озеленению территории, формированию комфортной среды проживания принимают участие все жители поселения.

3 место – город Обнинск Калужской области. В городе действуют 16 ТОС. В них активно работают около 90% населения по направлениям: благоустройство территории; организация и проведение культурных и спортивных мероприятий, помощь инвалидам, престарелым, малообеспеченным и многодетным семьям, охрана памятников.

Среди сельских поселений лучшими признаны [2]:

1 место – Керчикское сельское поселение Октябрьского района Ростовской области. На 1,5 тыс. жителей в нем организовано 3 ТОС, деятельность которых направлена на реализацию местных инициатив в сферах благоустройства территории, сохранения культуры и организации досуга населения. За 3 года реализовано 28 проектов.

2 место – Комсомольское сельское поселение Кировского района Республики Северная Осетия-Алания. Связующим звеном между властью и населением, являются 2 ТОС и входящие в них 5 уличных советов, которые объединяют 1368 жителей. Взаимодействие администрации с ТОС осуществляется по многим направлениям: благоустройство поселения, организация культурно-массовых мероприятий, информационно-разъяснительная работа, вопросы жилищно-коммунального хозяйства.

3 место – Ивано-Кувалатский сельсовет Залаирского района Республики Башкортостан. В поселении создано 7 ТОС, которые принимают участие в ремонте дорог, озеленении улиц, взаимодействуют с региональным оператором по вопросам сбора и утилизации твердых бытовых отходов.

В номинации «Муниципальная экономическая политика и управление муниципальными финансами» в 2018 г. на федеральном этапе конкурса рассматривались 132 конкурсные заявки из 55 субъектов Российской Федерации (91 – по первой категории и 41 – по второй). В 2020 г. конкурсная комиссия рассмотрела 156 заявок из 57 регионов – от городских округов и городских поселений 103 и от сельских поселений 53 заявки.

Практики в области муниципальной экономической политики, представленные на конкурс, ориентированы на совершенствование управления экономикой муниципальных образований, расширение инвестиционной деятельности, использование механизмов взаимодействия с хозяйствующими субъектами и представителями малого и среднего бизнеса.

В сфере управления муниципальными финансами наибольшее внимание в предложенных практиках уделено таким вопросам, как: рост доходной базы муниципальных бюджетов, увеличение налогового потенциала за счет инвентаризации и постановки на кадастровый учет земельных участков и объектов недвижимости, совершенствования информационной базы муниципальных сайтов по бюджетному и налоговому законодательству.

В первой категории участников конкурса по данной номинации призовые места распределились следующим образом [3]:

1 место – городской округ Когалым Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, где успешно был реализован проект по оптимизации работы управленческих структур города, в рамках которого прошли переподготовку руководители подразделений администрации и муниципальных учреждений по направлениям управление экономикой, инвестиционная деятельность, развитие предпринимательства. По результатам обучения было решено обучить всех сотрудников.

Практика занявшего 2 место города Салехарда Ямало-Ненецкого автономного округа была ориентирована на привлечение инвесторов. В городе был разработан и принят инвестиционный паспорт, выделены несколько инвестиционных площадок для строительства социальных объектов, сформирован реестр инвестиционных проектов.

Для совершенствования финансовой сферы активно используется специальный сайт, где обсуждаются с участием населения важные бюджетные вопросы.

3 место – городской округ Липецк. В городе активно привлекаются к благоустройству среды проживания жителей частные предприятия из различных отраслей действующие на его территории. Построено и реконструировано несколько значительных объектов спортивного и социально-культурного профиля. Представителям малого и среднего бизнеса оказывается информационная и финансовая поддержка.

Во второй категории самые высокие оценки конкурсной комиссии получили [3]:

1 место – Тоцкий сельсовет Тоцкого района Оренбургской области за активную деятельность по налаживанию долгосрочного сотрудничества с представителями предпринимательских структур для привлечения инвестиций на территорию сельского поселения. В рамках этого направления была подготовлена инвестиционная площадка с разрешенным использованием для размещения рынка.

2 место Яснополянский сельсовет Кузнецкого района Пензенской области. На территории сельского поселения с целью реализации инвестиционных проектов было организовано районное муниципальное предприятие, которое в режиме одного окна дает возможность быстро решать многие организационные и административные проблемы.

Администрацией сельского поселения Поддубровский сельсовет Усманского района Липецкой области, который занял 3 место, была разработана очень интересная и перспективная с точки зрения тиражирования система взаимодействия крупного производителя сельхозпродукции и малообеспеченных жителей на основе соцконтракта. Жители регистрируются как самозанятые, подают заявку на субсидию (250 тыс. руб.), которая необходима для приобретения инвентаря, удобрений и др.) и тем самым получают гарантию для сбыта выращенной продукции.

Динамика роста поданных заявок наблюдается в номинации «Градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие жилищно-коммунального хозяйства». В 2017 г. на федеральный этап конкурса были поданы 174 заявки из 51 субъекта Российской Федерации, в том числе по первой категории – 112 заявок, по второй категории – 62. В 2019 г. на федеральный этап конкурса поступило 185 заявок от 56 субъектов Российской Федерации. А в 2020 г. в рамках номинации «Градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие жилищно-коммунального хозяйства» Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства было предложено новое направление – «Умный город», которое предусматривает оценить модернизацию городского хозяйства посредством введения цифровых технологий и информационных решений. На федеральный этап конкурса поступило 66 заявок из 28 субъектов.

Победителями в данном направлении среди городских округов и городских поселений стали [4]:

1 место – городской округ Железноводск Ставропольского края. Этот город – курорт реализует стандарт «Умного города». Здесь создан единый ситуационный центр главы города для оперативного принятия управленческих решений, контроля и мониторинга объектов городского хозяйства, где анализируются все данные по городу. Запущены различные сервисы для туристов, мобильное приложение «Туристический гид» и интерактивные панели для получения информации. Через мобильное приложение жители могут направлять электронные сообщения о городских проблемах в администрацию. Проходит цифровизация городской инфраструктуры.

2 место – городской округ Саров Нижегородской области. Сервис «Умный Саров» ориентирован на жителей города. Внедрено более 40 модулей системы. Сервис концентрируется на внутренних проблемах местного самоуправления. Через сервис можно выбрать виды муниципальных услуг, заявить о проблеме и привязать ее к конкретному адресу. Информация от жителей направляется в ситуационный центр диспетчеру и мэру.

3 место – городской округ Гусев Калининградской области. В городе создан цифровой муниципалитет, который является единым информационным пространством для работы с населением, коммунальными службами, получения аналитической информации по важнейшим ключевым параметрам жизни муниципалитета. Разработана и внедрена система, позволяющая в необходимом объеме обеспечить диспетчерское сопровождение аварийного обслуживания многоквартирных домов. В дальнейшем город собирается внедрять мобильные приложения для жителей и работников ЖКХ.

Среди сельских поселений победителями признаны [4]:

1 место – Кременкульское сельское поселение Сосновского района Челябинской области. В поселении была проведена модернизация система освещения. Благодаря модернизации системы освещения сэкономлено существенное количество электроэнергии. В перспективе система позволит муниципалитету экономить до 84% на оплате освещения населенных пунктов.

2 место – Муниципальное образование Центральное Веневского района Тульской области, в котором была внедрена система видеонаблюдения «Безопасный город» – комплекс программно-аппаратных средств и организационных мер, целью которых является обеспечение видеоохраны и технической безопасности объектов наблюдения.

3 место – Верхнерусский сельсовет Шпаковского района Ставропольского края. На территории поселения проведена полная модернизация наружного освещения с заменой осветительного оборудования с внедрением современных эффективных технологий, в том числе регулирования яркости освещения и автоматического отключения в зависимости от времени суток. В результате реализации практики расходы на оплату электроэнергии снизились на 72%.

В номинации «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне» в 2018 г. было представлено 98 заявок от 40 субъектов Российской Федерации. По I категории (города – городские поселения) – 60 заявок. По II категории (сельские поселения) – 38.

В 2019 г. поступило 168 заявок из 58 регионов. В 2020 г. 280 муниципальных образований из 70 субъектов РФ представили заявки по этой номинации. Это на 65% больше, чем в 2019 г. По I категории приняли участие в конкурсе 160 участников, в том числе 106 городских округов и 54 городских поселения, по II категории – 120 сельских поселений.

Среди городских округов и городских поселений в конкурсе победили [5]:

1 место – город Новодвинск Архангельской области. В городе проводится системная работа городской администрации, общественных объединений и экспертного сообщества по сохранению традиций Русского Севера. Результатом совместной работы является проект «Новодвинск как колыбель поморской vareжки». Основная идея проекта заключается в сохранении и развитии народного художественного ремесла – орнаментального вязания поморских vareжек, которое является своеобразным памятником народа. Итогом проекта послужило в 2019 г. уникального Музея поморской vareжки, который активно посещают жители и гости города.

2 место – Троицкий городской округ Челябинской области. Здесь накоплен богатый опыт отношений между народами. Город стал духовным центром для православных и мусульман. С 2012 г. Троицк стал местом проведения ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России», посвященные памяти З. Расулева. Это мероприятие собирает мусульман Урала, Казахстана, Кыргызстана,

Узбекистана, Дагестана. Ежегодно всероссийский форум собирает несколько сотен участников, среди которых представители 18 стран мира и 12 регионов России.

3 место – городской округ Тула. Город обладает большим опытом проведения различных мероприятий, на которых представлена многообразная творческая жизнь народов, проживающих в Тульской области. В День народного единства проводится фестиваль «Страна в миниатюре», который является итоговым мероприятием дней национальных культур проводившихся на протяжении года в регионе. Во время дня города проводится фестиваль «Национальный квартал» – праздник национальных диаспор города и области.

Лучшие сельские практики [5]:

1 место – Новосельцевское сельское поселение Парабельского района Томской области, коренным населением которого являются селькупы. Здесь ежегодно проводится межрегиональный фестиваль коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) «Этюды Севера». На нем выступают ведущие творческие коллективы регионов, где проживают КМНС, национальная ярмарка творчества и ремесел северных народов, знакомство с национальной кухней. В 2016 г. был открыт Музей селькупской культуры.

2 место – Паракинское сельское поселение Большеберезниковского района Республики Мордовия. В поселении создан музейно-культурный центр «Дом традиций», который включает в себя территорию села с его значимыми местами и живой памятник архитектуры – жилой сельский дом. В выставочно-экспозиционной части представлены предметы домашней утвари, изделия ремесел, копии архивных документов, фотографии.

3 место – Северское сельское поселение Северского района Краснодарского края.

Ежегодно в этом поселении проходят около 600 различных тематических мероприятий, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи. К значимым событиям для молодежи проводятся специальные акции, встречи молодежи с ветеранами Великой Отечественной войны, ветеранами локальных войн, ветеранами Вооруженных сил России и т. д.

Из вышеизложенного можно сделать вывод: активное участие муниципальных образований во Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика» свидетельствует в первую очередь о стремлении муниципалитетов делиться своими уникальными наработками и успешными практиками с другими муниципальными образованиями, а также об активной работе федеральных, региональных и муниципальных органов власти и всероссийских муниципальных объединений по стимулированию муниципальных образований к участию в конкурсе. Кроме того, необходимо отметить, что успешная реализация практик является результатом продуктивного взаимодействия региональных и муниципальных органов власти с населением.

Список литературы

1. Положение «О Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика». Постановление Правительства Российской Федерации от 18.08.2016 № 815// URL: <https://base.garant.ru/71471116/>; Постановление Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2017 г. № 1424 // URL: <https://base.garant.ru/71819610/> (дата обращения: 15.11.2021).
2. Сборник Лучших муниципальных практик по итогам 2020 года. Номинация «Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах». // URL.: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/sbornik-202010112020compressed.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Минэкономразвития России. Сборник лучших муниципальных практик 2020 года. Муниципальная экономическая политика и управление муниципальными финансами. // URL.:

<https://www.economy.gov.ru/material/file/3c14d86eb836d65291279d1871530f26/sbornik2020.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

4. РФ. Итоги Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика. Номинация «Умный город» // URL.: https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/58c/Sbornik_LMP_2020_v2_compressed.pdf (дата обращения: 15.11.2021).
5. Сборник лучших муниципальных практик по итогам 2020 года. Номинация «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне» // URL.: https://лучшие-практики.рф/uploads/luchshie_munpraktika_svod_Word.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

О ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ПРИРОДНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ПРИ ДИНАМИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ КРУПНОГО ГИДРОТЕХНИЧЕСКОГО СООРУЖЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ПРИПЛОТИННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Шумакова Е.М., Митина Н.Н., Макурин Д.Н., Макурин Д.Н., Ващенко М.О.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ИВП РАН

АО «Дороги и мосты»

Москва

Аннотация. Обсуждается актуальная тема безопасности хозяйственного использования приплотинных территорий крупных гидротехнических сооружений. Основные результаты получены на основе экспериментальных исследований вблизи одной из крупнейшей крупнейших гидроэлектростанций на р. Волга – Жигулевской. Показывается необходимость разработки нормативно-правовой базы для устойчивого хозяйственного использования данных территорий. Проведена дифференциация действия различных факторов, экспериментально показано действие нового техногенного фактора – ориентации зданий относительно плотины, который требует учета в регламентах застройки подобных территорий.

Ключевые слова: эксплуатация приплотинных территорий, безопасности хозяйственного использования приплотинных территорий, гидротехнические сооружения

Работа выполнена в рамках государственного задания по теме «Разработка научных и технологических основ интегрирования управления водными ресурсами и охраны водных объектов на территории Российской Федерации» (№ 0147-2019-0004) номер государственной регистрации АААА-А19-119040990079-3 на 20190-2021 гг.

Безопасность эксплуатации приплотинных территорий – развивающееся направление, в связи с интенсивным освоением прилегающих к плотине территорий и соответствующим повышением рисков при их эксплуатации. Комплексный подход к проектированию гидросооружений намного глубже подхода к освоению, застройке, эксплуатации прилегающих к плотине территорий, безопасность которых рассматривается в основном с позиций затопления. Один из наиболее масштабных рисков – геодинамический, прорабатывается на стадии проектирования, в первую очередь, в целях обеспечения безопасности ГТС, а геодинамическое воздействие самих ГТС на окружающие территории (техногенные вибрации при работе, наведенная сейсмичность) проявляются все чаще в процессе эксплуатации плотин, что оказывается неожиданностью. Существующие регламенты контроля геодинамической безопасности плотин, несмотря на новые постоянно растущие требования в России и в мире в целом, все равно недостаточны. Реализуемые пообъектно фрагментарные мероприятия в отсутствии действующих регламентов затратны и малоэффективны, иногда могут надолго отложить разработку и принятие правильных решений [1, с. 34–36]. Примерами может служить район плотины Койна в Индии, построенной в считавшемся несейсмичном районе на древней платформе; здесь жизнь после создания водохранилища происходит в условиях постоянной сейсмической активности, имеющей ежегодные усиления в периоды сработки [2, с. 301]. Создание здесь научного полигона и большое количество прекрасного экспериментального материала имеет большое научное значение, но малый практический выход для данного региона, так как не понятно, что же можно сделать. В районе

Ангарских водохранилищ [3, с. 587] и в районе Жигулевской ГЭС показано, что с большой степенью вероятности сезонные колебания уровня воды в водохранилище вызывают изменения геофизической среды, выражающееся в росте числа местных землетрясений при отсутствии сейсмического контроля в условиях прохождения упругих волн в геологической среде. В то же время не существует регламентов обязательного сейсмического контроля районов платформенных гидросооружений.

Существует и ряд других проблем, более изученных в плане учета при проектировании и строительстве, такие, как подъем уровня грунтовых вод и формирование новых береговых склонов при заполнении водохранилищ, которые для каждого гидроузла проявляются специфическим образом, то есть, требуется постоянный мониторинг.

Проблема динамического воздействия работающего гидротехнического сооружения на окружающие территории пока обозначена для района Загорской ГАЭС, района Жигулевской ГЭС и ряда крупных ГЭС Китая [4, с. 27; 5]. Их изучение в каждом случае идет своим путем, без существенного обмена информацией: на первом объекте это ведомственные мероприятия по обеспечению сохранности сооружений гидроузла, для Жигулевской ГЭС это установление основных пространственно-временных закономерностей процесса, в Китае – динамичная разработка конкретных защитных мероприятий.

Единая по сути система «гидротехническое сооружение – окружающая среда» в радиусе 12–15 км по фрагментам контролируется отдельными ведомствами, не взаимодействующими друг с другом, а зачастую конфликтующими. При этом, ни одно из ведомств не обладает не только законодательной базой, но и постановкой данной проблемы, не говоря уже о ее решении. Нет такого корреспондента, ни в России, ни в Китае, который бы взглянул на ситуацию в целом. Не определено, кто именно должен выступать инициатором выделения приплотинной территории как отдельного объекта управления с особым статусом. Строительство жилых массивов и проживание населения в некомфортных условиях сейсмического и вибрационного воздействия, подтопления, периодического затопления осложняет работу гидроэнергетиков, возникают вопросы к организациям, проводящим взрывные работы, к структурам МПР и др.

В целях эффективной разработки и реализации защитных мероприятий в 2021 г. Институтом водных проблем РАН в рамках Государственного задания проделаны работы по дифференциации вклада природных и техногенных составляющих в процесс деградации приплотинной территории Жигулевской ГЭС, включая разрушение зданий и сооружений в результате вибрационного динамического воздействия. Работы включали разработку методических подходов к дифференциации вклада отдельных факторов и разделения их на природные и техногенные; выявление факторов риска: тектонических нарушений, инженерно-геологических особенностей, динамики разрушения строительных конструкций зданий, особенностей планировки местности – взаимного расположения зданий относительно берега, плотины, береговых склонов; оценку их потенциального и реального вклада в процессы вблизи гидроузла, причем, отдельно для грунтов и зданий.

Установлено, что подтопление, характерное для приплотинных территорий и могущее служить фактором создания локальных резонансных сред и усиления динамических воздействий, для данного гидросооружения в глобальном плане не актуально, уровень грунтовых вод по данным георадиолокации, проведенной одним из авторов в условиях отсутствия регулярных гидрогеологических наблюдений, не поднимается выше 6–7 м от дневной поверхности. Выявлено, что динамика разрушений строительных объектов с течением времени носит нелинейный характер, создает неоднородную пространственную картину. Невозможно процесс разрушения зданий однозначно связать с его конструктивными особенностями – техногенным фактором.

Несмотря на то, что в ходе мониторинга отмечено, что интенсивность вибраций в целом выше в зданиях, расположенных ближе к урезу воды, пообъектно это правило нарушается,

а близость к урезу воды означает одновременно и близость к плотине, и близость к разлому, к которому приурочено русло затопленной водохранилищем р. Воложки (рукава р. Волги). Таким образом, фактор близости к урезу воды на современном этапе невозможно дифференцировать экспериментально и оценить его индивидуальное действие.

В геологических масштабах тектонические разрывные нарушения способствуют распространению упругих колебаний на значительные расстояния. Однако масштабы изучаемой приплотинной территории радиусом приблизительно 5 км малы в геологическом плане. Ранее авторами было экспериментально показано, что зона наиболее интенсивных вибраций грунтов имеет рупорообразную форму, которая может формироваться в результате направленного излучения упругих волн плотиной по типу антенны. И в пределах этой зоны вдоль длинной оси предположительно расположен один из разломов, который теоретически может участвовать в процессе формирования очагов усиления вибраций грунтов. Актуальность решения вопроса дифференциации действия данных факторов в том, что один из них поддается корректировке, другой носит глобальный природный характер. В связи с этим, была разработана методика осреднения по репрезентативным частотным диапазонам с выделением основных максимумов вибраций; обработаны экспериментальные данные, построены для отдельных частотных диапазонов карты ослабления вибраций грунтов по мере удаления от плотины, выделены неоднородности вибрационного поля. Локализация неоднородностей сопоставлялась с локализацией разломов, оценивалось его влияние с учетом общепринятых закономерностей распространения энергии по тектоническим нарушениям и характера затухания по мере удаления от источника сейсмических волн вдоль оси разлома и поперек от разлома. На основе экспериментальных данных показано, что глобальные закономерности распространения упругих волн от плотины по территории на ближайшей территории более соответствуют направленному излучению энергии плотиной, а вне зоны наиболее интенсивного вибрационного воздействия вибрации плотины слышны на отдельных участках территории там, где предположительно трассируются разрывные нарушения. Таким образом, в зоне наиболее интенсивных вибраций большую роль играет техногенный фактор — особенности излучения упругих волн плотиной ГЭС.

Уклон местности, фактор природный, может приводить к гравитационной неустойчивости среды, формированию локальных очагов усиления интенсивности вибраций грунтов. Но с учетом новых данных о тектоническом строении местности перепады высот соответствуют локализации тектонических нарушений системы Жигулевского разлома, вертикальные движения в которых и привели к формированию разноуровневых террас и переходных склонов. Территориально зоны влияния данных факторов — наличия тектонического разрывного нарушения и наличия уклона местности — совпадают, их невозможно дифференцировать, однако они должны и могут быть учтены вместе при освоении территории.

Оценка влияния ориентации зданий на местности на интенсивность их вибраций показала, что ни один из предполагаемых природных факторов — ориентация относительно господствующего уклона, относительно уреза воды — не играет главную роль. Действительно, ориентация длинной оси зданий вдоль или поперек господствующего уклона местности регламентируется действующими строительными нормами, начиная с определенных значений уклона, и в условиях вибрационного воздействия пороговые значения могут быть меньше. Данные мониторинга подтверждают эту закономерность — практически все жилые здания выше плотины, имеющие существенные разрушения строительных конструкций и значительную динамику разрушений, ориентированы поперек направления берегового склона, а значит, имеет место недоучет инженерно-геологических условий при строительстве. Однако на примере здания сложной пространственной конфигурации, различные фрагменты которого различно ориентированы, установлено, что интенсивность вибраций на уровне верхнего этажа приблизительно в три раза выше не во фрагменте здания, ориентированном поперек господствующего уклона,

а во фрагменте, ориентированном вдоль длинной оси плотины. Более сильные вибрации, они же резонансные колебания на собственных частотах, возникают при совпадении ориентации длинной оси здания с длинной осью плотины. Данное явление на основе экспериментальных данных показано впервые, теоретически не изучено. В физике твердого тела, в технических науках имеет понятие о соосности и его роли в развитии резонансных явлений, но применительно к сложным объектам – плотине, зданиям авторам не удалось найти справочных, научных, нормативных материалов. В случае верности предположения имеет место совершенно новая научно-практическая задача.

Таким образом, из выявленных за весь период исследования факторов среды: природных и техногенных факторов, которые потенциально при взаимодействии с вибрациями ГЭС могут усиливать негативный результат их воздействия, выражающийся в усилении колебаний зданий, разрушении их строительных конструкций, часть не проявляются в районе Жигулевской ГЭС, например, подтопление территории в результате заполнения водохранилища; часть проявляется более сильно на уровне грунта и гораздо меньшее значение имеет при оценке вклада в разрушение зданий. Действие иных факторов практически полностью перекрывается влиянием гидросооружения, что делает их учет на данной территории неактуальным. Но особый интерес представляет экспериментальное выявление новой закономерности, ранее нигде не показанной – усиление вибрации зданий, соосных плотине, что задает новые ориентиры при застройке приплотинных территорий.

Выводы

1. Решение проблемы регламентации эксплуатации приплотинных территорий осложняется тем, что постоянно выясняются все новые факты, часто не имеющие теоретического обоснования.

2. Установлено, что вблизи Жигулевской ГЭС глобальное потепление, которое выражается в ускоренном росте зимних температур воздуха по сравнению с соседними территориями является непрямым показателем активизации геодинамических процессов в системе разломов, к которым приурочено русло р. Волги. Этот фактор никак не учитывается при хозяйственной эксплуатации территории. Обеспечение безопасности гидросооружения в подобных условиях требует организации полноценного сейсмического контроля прилегающей территории. Организация подобного контроля законодательно не закреплена, вопрос требует отдельного обоснования и проработки.

3. Показано, что сейсмический фон территории вблизи Жигулевской ГЭС изменяется в зависимости от уровня наполнения водохранилища. Существует один общепризнанный в мире пример влияния уровня водохранилища на сейсмический фон территории – плотина Койна в Индии. В районе Жигулевской ГЭС это на уровне гипотезы, которую нельзя игнорировать. На практике ежегодное изменение сейсмической ситуации в результате нормальных эксплуатационных процессов означает, что сейсмический контроль нельзя сворачивать через несколько лет после наполнения водохранилища, а надо проводить в течение всего срока эксплуатации гидроузла.

4. Установлено, что негативные геоэкологические факторы различным образом действуют на грунты территории и на здания, что разделяет задачу изучения и регламентирования на две отдельные частично связанные задачи.

5. Развитие резонансных собственных колебания зданий в зоне вибрационного воздействия работающего гидросооружения в первую очередь определяется не действием известных факторов – гравитационной неустойчивости среды, подтопления с созданием локальных резонансных сред, а взаимной ориентацией здания и тела плотины, применительно к сложным объектам – зданиям. Описания подобного явления нет ни в научной, ни в нормативной литературе.

6. Несмотря на достаточную информационную основу и обоснование необходимости регламентации, следует одновременно продолжать научные исследования, совершенствование и создание методической основы решения проблемы.

7. Выявленные и вновь выявляемые факторы деградации этих территорий в процессе эксплуатации разнообразны, а их действие в районах конкретных гидросооружений может носить избирательный характер. Дифференциация действия факторов показывает, что имеются и природные, и техногенные, и смешанные факторы.

8. Необходимым условием безаварийной эксплуатации приплотинных территорий является мониторинг геологической среды, самого гидротехнического сооружения, зданий приплотинных территорий. Особое значение имеет распространение опыта работ в районе Жигулевской ГЭС на другие гидроузлы.

Список литературы

1. *Митина Н.Н., Шумакова Е.М., Ващенко М.О.* Приплотинные территории крупных гидротехнических сооружений как объект государственного управления. Бизнес. Образование. Право. ПРАВО. 2021. № 4 (57). С. 30–39.
2. *Gupta H.K.* A review of recent studies of triggered earthquakes by artificial water reservoirs with special emphasis on earthquakes in Koyna, India // *Earth-Sci. Rev.* 2002. Vol. 58. Pp. 279–310.
3. *Ташлыкова Т.А., Викулин А.В., Рященко Т.Г.* Наведенная сейсмичность от создания водохранилищ (RIS) как ответная реакция геологической среды на техногенное воздействие // *Тектонофизика и актуальные вопросы наук о Земле: материалы докл. Четвертой тектонофизической конференции в ИФЗ РАН.* 2016. С. 586–589.
4. *Ma B., Ge J., Liang S., Lian J.* Study of characteristics of vibration in the foundation and ground induced by flood discharge and optimization of flood discharge scheme of high arch dam // *Tianjin Daxue Xuebao.* 2020. Т. 53. # 1. С. 27–34.
5. *Zhang Y., Zhang G., Liu Y., Li S., Lian J., Song M.* Ground vibration characteristics induced by flood discharge of a high dam: experimental investigation. *Journal of Renewable and Sustainable Energy* 13. 014502 (2021). <https://doi.org/10.1063/5.0019214> (дата обращения: 10.12.2021).

РОЛЬ И МЕСТО КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Ян Чжичэн

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В статье определяются роль и место корпоративной культуры в системе стратегического управления организацией. Эффективное действие описанного механизма возможно при некоторых условиях: подготовки квалифицированных сотрудников для программы создания корпоративной культуры; ознакомление персонала с миссией организации и направлениями ее деятельности; инновационных внедрений, инвестирования материальных средств в развитие корпоративной культуры; приведение в соответствие структуры управления направлениями формирования корпоративной культуры. Все это будет способствовать адаптации персонала к новым требованиям рыночной среды и повышению их моральной и внутренней готовности к данному процессу.

Ключевые слова: корпоративная культура, стратегическое управление

В XXI столетии любая компания, как малого, так и крупного бизнеса обеспокоена тем, чтобы сформировать свою уникальную положительную культуру. Говоря о культуре, применительно к бизнес-среде, сразу же прежде всего в сознании всплывают такие категории, как ценности, отношения. Известно, что в случае с нездоровой культурой сотрудники склонны действовать как отдельные лица, они лишь формально выполняют свои профессиональные обязанности для того, чтобы получить заработную плату, социальное пособие или другие привилегии, обеспечиваемые работодателем. При здоровой культуре, сформированной в компании, каждый сотрудник является неотъемлемым ценным звеном одного большого механизма, коллектив работает максимально слаженно, с удовольствием выполняет свои трудовые функции и работает на благо свое и благо компании. Не для кого не секрет, что здоровая культура компании способствует повышению эффективности бизнеса, как такового [5, с. 259].

Так о какой же именно культуре ведется речь и что именно она из себя представляет? Какова ее внутренняя сущность и смысл? Речь идет о корпоративной культуре, под которой традиционно понимают принятые в компании убеждения, нормы поведения, ценности, разделяемые большинством сотрудников. Так или иначе корпоративная культура, сформированная в компании, влияет как на ее внутренние и внешние бизнес-процессы, так и на все аспекты деятельности.

Обращаясь к истокам, следует отметить, что сама по себе концепция корпоративной культуры, как сознательно культивируемой реальности зародилась в 1960-х годах под влиянием пространства и активизации движения, борющегося за социальную ответственность. По мере того, как крупнейшие корпорации осознавали себя составляющей социального действия, корпоративная культура начала приобретать все большее и большее значение и удельный вес во внимании руководителей компаний. Так, постепенно корпоративная культура год за годом превращалась в важнейший аспект бизнеса, который имел такую же важность, как и показатели активов, доходов, прибыли компании [2, с. 26].

Если говорить о том, какую функцию призвана выполнять корпоративная культура, то следует сказать что, ее главными назначениями будут являться: 1) достижение согласия и компромисса в процессе формирования экономической стратегии; 2) согласование интересов и взглядов всех группа персонала отдельного предприятия; 3) разрешение настоящих задач

и вопросов в социально-экономической сфере. Помимо этого, корпоративная культура по своей природе также призвана выработать определенную линию поведения, как предприятия, так и ее сотрудников во внешней среде [7, с. 57].

Уверенность каждого работника в том, что компания, в которой он работает является лучшей и исключительной по всем направлениям — есть ключевой и самый главный показатель развитой корпоративной культуры. Мы можем говорить о наличии корпоративного духа, как фундаментальной составляющей корпоративной культуры компании только тогда, когда происходит объединение совершенно непохожих по содержанию и характеру людей для достижения одной общей цели, и, вместе с тем, каждый из них отождествляет себя с организацией.

Нельзя не заметить тот факт, что понятие «корпоративной культуры» довольно часто отождествляется с понятием «организационной культуры». Однако, мнения российских и зарубежных исследователей на этот счет оказываются достаточно противоречивыми и неоднозначными.

Так, В.Л. Михельсон-Ткач и Е.Н. Складар говорят о том, что данные понятия следует четко разграничивать. Они аргументируют свою точку зрения тем, что формирование корпоративной культуры осуществляется специально. В ней объединяются все ценности компании, в то время как организационная культура образуется чисто спонтанно за счет взаимодействия ценностей самих работников [6, с. 43].

Другой ученый-исследователь — Т.Ю. Базаров, консультант по управлению, отмечает, что корпоративная культура — это прежде всего ценностно-нормативное пространство, в рамках которого существует компания в ее взаимодействии с другими организационными структурами. При этом организационная культура с его точки зрения является интегральной характеристикой организации [6, с. 43].

Мы также считаем, что понятия «корпоративной» и «организационной» культур следует четко разграничивать. Ведь уже сам факт наличия двух разных определений уже говорит о том, что феноменология данных понятий отличается и не может быть тождественной. Для того, чтобы еще более четко понять, что же именно представляет из себя корпоративная культура, мы предлагаем рассмотреть ее основные признаки, которые могут быть систематизированы главным образом на объективистские и субъективистские.

С точки зрения объективистов корпоративная (организационная) культура имеет объективно выраженный характер, отличается формализованным проявлением. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, предлагают понимать под ней соответствующие символы, церемонии, мифы, смысловые системы, символические средства, символы, ритуалы и мифы, существующие внутри той или иной компании. В рамках данного направления исследователи основное внимание уделяют формам корпоративной культуры, объективно существующим в действительности, которые могут быть проанализированы качественно и количественно.

Представители субъективистского направления придерживаются той точки зрения, что корпоративная (организационная) культура имеет неформализованные формы проявления и выражается совокупностью ценностей, убеждений, ожиданий, норм, установок, идеологических и философских представлений, верований, аттитюдов и т. д. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения отличаются склонностью к глубинному психосоциальному анализу данного явления организационной действительности [6, с. 45].

В свою очередь, мы можем сказать о том, что большинство существующих в современной науке определений понятия «корпоративная культура» следует приравнивать к совокупности «субъективистских трактовок». Таким образом, формализованные, внешние проявления корпоративной (организационной) культуры являются производными от психосоциальных. Это обстоятельство имеет особую актуальность, особенно в рамках анализа практически всех проявлений организационной действительности.

Таким образом, мы рассмотрели понятие сущности и значения корпоративной культуры в современной компании. Было выяснено, что в современной научной литературе существует большое количество подходов, которые по-разному подходят к определению сущности исследуемого понятия. В рамках настоящего исследования под корпоративной культурой мы будем понимать совокупность целей, принципов, норм, правил деятельности, разделяемых большинством сотрудников, передающихся из поколения в поколение, оказывающих непосредственное влияние на характер реализации ключевых целей ее деятельности. Как показал проведенный анализ, на сегодняшний день построение эффективной и гармоничной корпоративной культуры имеет стратегическое значение для любой развивающейся компании, которая стремится преуспеть в своем деле.

Стабильное развитие предприятия в течение длительного отрезка времени становится возможным только при условии определения четких целей такого развития и путей их достижения, что является содержанием стратегического управления организацией. Под стратегическим управлением подразумевается управление предприятием или компанией, которое опирается на человеческий потенциал. Оно нацеливает производственную деятельность на запросы потребителей, реализует гибкое урегулирование и заблаговременные изменения в организации, которые, в свою очередь, отвечают на вызов окружения и позволяют добиться конкурентных преимуществ. Именно это позволяет предприятию выживать и достигать своих целей в долгосрочном будущем.

Как и любое другое управление, стратегическое управление выполняет функции мотивации, планирования, организации координации и контроля.

Планирование в рамках стратегического управления осуществляется путем стратегического планирования, формулирования стратегии организации. Выполнение остальных функций — это непосредственно реализация выбранной стратегии. Используя значительные достижения теории и практики в этой сфере, стратегическое планирование на отечественных организациях является достаточно развитым. В то же время, реализация стратегии организации может сталкиваться с проблемами, истоки которых наравне с другими заключаются в неспособности руководства должным образом привлечь потенциал организации, особенно человеческий потенциал, к процессу реализации его стратегии. То есть речь идет о несоответствии между корпоративной культурой и стратегией организации.

Образование инновационной корпоративной культуры является непростым и продолжительным процессом. Определение миссии предприятия и развития базовых ценностей должны быть первоочередными этапами. Далее, исходя из этого, формируются стандарты поведения людей, работающих на предприятии, конкретные нормы и традиции.

Такой процесс можно подразделить на следующие этапы: 1) рассмотрение состояния существующей корпоративной культуры; 2) сохранение и поддержание жизнеспособных частей базовой корпоративной культуры; 3) распознавание нежизнеспособных элементов корпоративной культуры и отказ от них; обновление (т. е. замена) частей корпоративной культуры, от которых произошел отказ; 4) внедрение новых элементов, которые соответствуют современности и объединяют работающих людей своими ценностями.

В нашем мире есть множество различных путей и способов развития корпоративной культуры. Мы отметили три основных: 1) ценности, взгляды и представления учредителей организации; 2) коллективный опыт, приобретенный во время основания и развития организации; 3) новые ценности, взгляды и представления, их внедрили новые члены предприятия.

Руководство предприятия выполняет важную роль в формировании сильной корпоративной культуры и ее постоянном развитии. Они закладывают основы будущей корпоративной культуры на стадии основания бизнеса. Далее, с помощью различных механизмов выражают культурные ценности и представления членам организации.

Мы выделили первичные и вторичные механизмы передачи корпоративной культуры.

Первичные механизмы: 1) выделение объектов внимания, оценки и контроля руководства; 2) критерии распределения вознаграждений и поощрений; 3) намеренное создание образцов для подражания; 4) стратегии решения кризисов и критических ситуаций; 5) критерии отбора при приеме на работу, продвижении по карьерной лестнице и увольнении.

Вторичные механизмы передачи культуры организации тесно связаны с первичными и действуют в зависимости от них. Они не настолько влиятельны, также, меньше поддаются контролю средствами трансляции культурных факторов. При этом, вторичные механизмы способны значительно поддерживать первичные.

Вторичные механизмы: 1) структура предприятия; 2) истории, рассказы о самых важных событиях для персонала; 3) дизайн интерьера, внутренних помещений и зданий; 4) официальные документы, заявления декларирующие кредо организации, ее философию, идеологию и т. д. [3, с. 145].

Эффективное действие описанного механизма возможно при некоторых условиях: подготовки квалифицированных сотрудников для программы создания корпоративной культуры; ознакомление персонала с миссией организации и направлениями ее деятельности; инновационных внедрений, инвестирования материальных средств в развитие корпоративной культуры; приведение в соответствие структуры управления направлениями формирования корпоративной культуры. Все это будет способствовать адаптации персонала к новым требованиям рыночной среды и повышению их моральной и внутренней готовности к данному процессу. Залогом стабильности механизма инновационного развития корпоративной культуры, социально-трудовых отношений и эффективного развития предприятия в целом, является продуманная, ориентированная на долгосрочную перспективу стратегия по развитию корпоративных ценностей, в рамках которой цель бизнеса тесно соглашается с жизненными интересами сотрудников, клиентов и общества в целом. Поэтому концепция такой социальной ориентации развития должна быть заложена в философии, миссии и генеральной стратегии любого предприятия.

В течение всего периода реализации стратегии развития предприятия должен осуществляться мониторинг степени поддержки стратегии корпоративной культурой, для чего должна быть разработана система индикаторов их соответствия. Выбор системы показателей, характеризующих соответствие корпоративной культуры стратегии предприятия, является еще одним проблемным участком. По нашему мнению, оценка сугубо корпоративной культуры в таком случае не даст полной картины. Должна быть разработана методика ее оценки во взаимосвязи со стратегией, в таком случае результаты оценки могут быть использованы при принятии решений в стратегическом управлении [8, с. 184].

Вследствие приведения корпоративной культуры в соответствие с выбранной стратегией предприятия эффективность его деятельности повысится за продуктивную работу персонала, продуктивнее использование всех видов ресурсов, что позволит получить долгосрочные конкурентные преимущества. Для работников предприятия сформирована корпоративная культура позволит повысить качество их трудовой жизни, а через повышение эффективности деятельности предприятия в целом и оптимизацию мотивационного механизма и повысить уровень оплаты их труда.

Формирование корпоративной культуры — важная составляющая развития современной организации. Охватывая все более глубинные ценности, установки и представления сотрудников, корпоративная культура является мощным средством воздействия, с одной стороны, на раскрытие человеческого потенциала организации, а с другой — реализации ее устойчивых конкурентных преимуществ на рынке. Повышение и улучшение эффективности деятельности предприятия определяется не только использованием инновационной техники и технологий, материальной заинтересованностью исполнителей, но и преданностью делу сотрудников, их

ответственностью, уровнем благоприятной социальной атмосферы, схожими интересами, целями и ценностями [1, с. 133].

Если рассматривать процесс разработки и воплощения стратегии корпоративной культуры как отдельный проект, то в нем можно выделить три этапа: 1) диагностика существующей корпоративной культуры; 2) создание образца новой корпоративной культуры; 3) исправление имеющейся (введение новой) корпоративной культуры.

Попытки изменения корпоративной культуры вызывают активное или пассивное сопротивление сотрудников.

Сопротивление изменениям корпоративной культуры сопровождается разной интенсивностью. Это может проявляться в пассивной форме, скрытого неприятия перемен, которое появляется в виде снижения производительности или намерения сменить работу. Также, в активной форме открытого противодействия переменам (в виде забастовки, очевидного уклонения от внесения изменений). Причина сопротивления может быть в личных и структурных барьерах [4, с. 22].

Формирование мощной корпоративной культуры, ориентированной на реализацию стратегии предприятия является главной задачей современных компаний. Процесс ее создания является многоэтапным и последовательным. Он предусматривает диагностику состояния настоящей корпоративной культуры, разработку и внедрение новой корпоративной культуры, и анализ ее эффективности. Результатами данного процесса является система измерений корпоративной культуры: благонамеренное отношение сотрудников к предприятию; система мотивации эффективной деятельности персонала; работающая система внутренних и внешних коммуникационных органов компании; развитая система внутренних связей с общественностью и эффективное лидерство; благоприятная социально-психологическая атмосфера в коллективе. Стратегическое направление корпоративной культуры, всеобщее признание миссии организации и активное участие в ее достижении являются факторами единства всех этих частей.

Список литературы

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989.
2. *Воеводкин Н.Ю., Воротова Е.О.* Влияние корпоративной культуры на эффективность деятельности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. № 3. 2018. С. 25–28.
3. *Коломина А.В., Перфильева Е.М.* Влияние корпоративной культуры на повышение эффективности деятельности предприятия (организации) // Молодой ученый. № 50. 2018. С. 144–146.
4. *Крымчанинова М.В.* Образ организации как фактор воздействия на корпоративную культуру: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. М., 2004.
5. *Литовка А.М.* Влияние корпоративной культуры на управление организационным поведением персонала // Инновационная наука. № 11. 2015. С. 257–259.
6. *Макеев В.А.* Корпоративная культура как фактор эффективной деятельности организации. М.: УРСС, 2011.
7. *Макеев В.А.* Корпоративная культура как фактор эффективного управления организацией // Армия и общество. № 2. 2009. С. 52–57.
8. *Полищук Е.В.* Влияние корпоративной культуры на повышение эффективности деятельности предприятия // Молодой ученый. № 3. 2012. С. 183–185.

Социальные вызовы управления

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Гончарова И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Понятие устойчивого развития появилось в 70-х годах XX столетия. В настоящее время устойчивое развитие определяется как пересечение экологической, экономической и социальной плоскостей. Цели устойчивого развития были сформулированы ООН, которые Российская Федерация поддерживает и реализует в соответствии с национальными интересами. Социальная сущность устойчивого развития заключается в решении насущных проблем человечества с проекцией долгосрочного их воздействия на следующие поколения. Использование BigData для получения информации о социальных проблемах граждан из открытых источников и унифицированных открытых данных способствуют решению проблемы в настоящий момент и могут быть рассчитаны на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: устойчивое развитие, BigData, социальные проблемы, цели устойчивого развития

Понятие «устойчивость» определяется по-разному [1], а сама концепция устойчивого развития зародилась в 70 годах XX века на фоне экологических проблем, связанных с истощением мировых природных ресурсов, а также глобальными прорывами в науке и технике. В настоящее время определение устойчивости трактуется гораздо шире и базируется на трех аспектах: экономическом, экологическом и социальном в их тесной взаимосвязи под лозунгом «не навреди будущим поколениям» [2][3].

Социальная сущность устойчивого развития определяется целями ООН и лежит в плоскости решения настоящих социальных проблем человечества с проекцией более долгосрочного их воздействия на следующие поколения. К основным социальным задачам можно отнести построение общества, лишённого неравенства, бедности, голода, с городами с развитой инфраструктурой и качественным образованием, т. е. государства должны стремиться к социальному балансу и социальному равноправию [4].

Российская Федерация поддерживает 17 целей устойчивого развития ООН, которые были изложены в подготовленном правительством РФ докладе о человеческом развитии в Российской Федерации [5]. В этом докладе цели устойчивого развития ООН были трансформированы под национальную идею РФ, были намечены шаги для реализации поставленных целей, а также проанализирован прогресс их достижения. В первом Добровольном национальном обзоре достижения РФ Целей устойчивого развития обозначено «текущее положение России на пути к достижению Целей устойчивого развития, зафиксированных в Повестке дня в области устойчивого развития на период 2030 года» [6].

Меры, направленные государством на решение социальных проблем граждан, не всегда оперативны и не соответствуют запрашиваемой помощи.

Использование технологий больших данных для получения своевременной и достоверной информации о возможных социальных проблемах отдельных граждан и целых регионов из открытых источников и унифицированных открытых данных способствуют решению проблемы в настоящий момент и, возможно, могут быть рассчитаны на долгосрочную перспективу.

Среди основных направлений, по которым использование технологий больших данных оправдано, можно выделить крайние масштабные социальные негативные проявления, напри-

мер, выявление и прогнозирование бедных регионов, регионов с нехваткой продовольствия, надвигающиеся эпидемии.

К негативным социальным проявлениям можно отнести и стремительно развивающуюся проблему чрезмерного неустойчивого потребления в развитых странах.

Социальные последствия сверхпотребления возникают, когда уровень потребления становится недоступным или неприемлемым из-за его экологических или экономических последствий и отрицательно влияет на личное и коллективное благополучие. Как отмечают Quelch и Jocz, «чрезмерное потребление может привести к финансовым или физическим бедствиям для людей, чрезмерному использованию или повреждению природных ресурсов и окружающей среды» [7, стр. 49–50]. В таких условиях предполагаемая польза от основного эффекта затмевается непреднамеренным вредом от побочных эффектов. С этой точки зрения чрезмерное потребление является одновременно и непродуктивным, и неустойчивым, и технологии больших данных могут быть использованы бизнесом соответствующим образом для решения этой уже социальной проблемы.

Чрезмерное потребление и его последствия в настоящее время наиболее отчетливо видны в США и Европе, экономически более развитых регионах мира. Например, Гарднер и Ассадурян [8] отмечают, что на Северную Америку и Западную Европу, где проживает 12% населения мира, приходится 60% расходов на частное потребление, а согласно Ассадуряну [9], на США в 2006 г. приходилось 32% расходов на глобальное потребление только с 5% населения мира. В последние десятилетия образ жизни с высоким потреблением сопровождал рост благосостояния в Китае и Индии, и возникающие в результате этого проблемы устойчивости уже ощутимы там [10],[11],[12]. События в Китае и Индии представляют собой глобальную тенденцию.

Возможности технологий больших данных позволяют провести анализ поведения людей в защиту окружающей среды и их субъективным индивидуальным и коллективным благополучием. Таким образом, можно проследить связь экологической и социальной сущностей устойчивого развития. Например, можно проанализировать частоту и расстояние поездок на автомобиле, потребление более устойчиво произведенной пищи, количество потребляемой энергии в домашних условиях. Анализ полученных данных поможет выработать гибкие решения для снижения выбросов углерода. Учитывая потенциальное влияние таких изменений поведения на повседневную жизнь людей, технологии больших данных помогут найти ответ на ключевой вопрос, связано ли и каким образом про-экологическое поведение людей с субъективным благополучием, и можем ли мы продвигать про-экологическое поведение таким образом, чтобы защищать и поощрять субъективное благополучие человека.

С другой стороны, BigData с успехом могут применяться для анализа социальных проблем отдельных категорий граждан и гражданина, не имеющих выраженного негативного характера, а решение проблемы может носить как быстрый эффект, так и иметь пролонгированное действие с переносом на другие регионы или поколения. Говоря о негативных социальных проблемах, необходимо сделать акцент и на положительных примерах социальной действительности, которые также могут быть оценены с помощью технологий больших данных и взяты на вооружение государством при реализации различных проектов.

Так, например, использование BigData должно способствовать интеграции людей с ограниченными возможностями в гражданское общество. Изучение повседневных потребностей и трудностей, с которыми сталкиваются инвалиды, необходимая помощь в бытовой и финансовых сферах, необходимость в улучшении жилищных вопросов, образование и проведение досуга — перечень этих вопросов безусловно не является полным. Помимо этого, большие данные помогут выяснить, какие услуги инвалидам вовсе не требуются. Круг оказания помощи может быть как точечным, так и направлен на целую категорию граждан, а развитие информационно-коммуникационных технологий и участие людей с ограниченными возможностями

в виртуальных социальных сетях позволит достаточно точно выстроить траектории поддержки данной категории граждан.

Технологии больших данных могут быть успешно использованы и в решении социальных задач, связанных с продолжающейся пандемией коронавируса, которые также можно отнести к глобальной проблеме устойчивого развития. Усталость людей, массовые протесты в различных европейских странах на фоне ввода локдаунов, перенос профессиональных, образовательных и культурных центров в виртуальное пространство обязывают общественные, политические и государственные силы искать новые подходы и социальные технологии взаимодействия граждан.

На фоне пандемии увеличилось количество агрессии на различных сайтах и на страницах социальных сетей. Стремительное развитие современного коммуникативного пространства и появление актуальных форм взаимодействия с аудиторией не только способствует процессу социализации и становлению открытого общества, но также оказывает воздействие на индивидуальное поведение человека и его адаптацию в социальной среде. Медиапространство и эффекты, которое оно оказывает на человека как новая форма коммуникации является предметом исследований многих авторов. Так, одним из наиболее интересных явлений современных медиа исследований, является такой феномен как медиаглобализация, которая в значительной степени позволяет ускорить процесс обмена информацией между коммуникаторами. Вместе с положительными эффектами медиаглобализация становится рычагом распространения девиантного и агрессивного поведения в виртуальной среде. Среди наиболее актуальных форм девиантного поведения в медиапространстве можно выделить распространение фейковых новостей, компьютерные вирусы и другие процессы, которые ставят под угрозу доступность к проверенной информации. В отличие от традиционных институтов влияние виртуального пространства и социальных сетей является стихийным, спонтанным, а воздействие на личность приобретает неконтролируемый характер [13].

Нельзя оставлять в стороне тот факт, что социализация индивида в социальных сетях основывается на построении определенного личностного имиджа, который является результатом социального творчества индивида [14].

В исследовании отношения аудитории к агрессивному поведению лидеров общественного мнения (2021 год) на примере видеоролика известного блогера, в котором он избивает девушку, принимали участие 51 человек, обработка данных проводилась с помощью мобильного приложения, созданного на основе метода сопряженной идеомоторики Celebrium-X, представляющему синтез качественных и количественных методов, а также технологий больших данных. По результатам исследования можно говорить о негативном отношении респондентов к агрессивным формам взаимодействия в Интернете [15].

Мониторинг данных пациентов, методов лечения и организации медицинского сопровождения с помощью технологий BigData успешно позволит решать вопросы социальной медицины по критериям эффективной и своевременной медико-социальной помощи, удовлетворенности пациентов, вопросы финансирования медико-социальной помощи, эффективному использованию ресурсов.

Технологии больших данных успешно могут быть использованы и для решения социальной задачи устойчивого развития – доступности и качества образования. В связи с условиями, которые ставит перед нами пандемия, учебные заведения переходят на дистанционный формат обучения, который уже не воспринимается как временное неудобство. Очевидно, что с окончанием пандемии дистанционные формы обучения будут закреплены в качестве традиционной обучающей формы, которые необходимо развивать с методической и дидактической сторон с учетом информационной безопасности. Получение новых знаний невозможно без использования современных информационных технологий, так же, как и обучение дисциплине невозможно без привлечения информационно-коммуникационных ресурсов.

К преимуществам дистанционных форм обучения относят гибкий график, отсутствие территориальной привязки, к недостаткам, в первую очередь, нет методически выверенной технологии построения учебной деятельности на основе дистанционного обучения, возникают вопросы информационной безопасности всех участников процесса и др. [16].

Важно, чтобы при переходе в онлайн-формат основные дидактические принципы оставались неизменными: научность, доступность, целенаправленность, систематичность и последовательность, наглядность, связь обучения [17].

При анализе интереса пользователей Рунета к дистанционной форме обучения, проведенном в 2018 году, до пандемии и вынужденного перехода в дистант уже тогда был прослежен рост интереса пользователей Рунета к дистанционной форме обучения с определенными сезонными спадами. На том временном этапе был отмечен интерес граждан к получению высшего образования с формальным присвоением квалификации и выдачей диплома государственного образца. Однако, только 8 учебных заведений из 100 лучших вузов страны предоставляли на тот момент возможность получения степени бакалавра дистанционно, причем подавляющее большинство вузов работало на коммерческой основе [18].

Применение технологий больших данных для обработки информации из различных источников необходимо проводить в соответствии с законодательством. В настоящее время существуют две серьезные проблемы: это правомерность сбора персональных данных и утечка собранных данных. Многие пользователи выкладывают свои данные в открытых источниках, однако, Федеральный Закон «О персональных данных» все равно обязывает получать согласие на обработку персональных данных: «обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных» [19]. Для научных целей, проведения социологического или исследования в маркетинге возможна только обработка полностью обезличенных данных, т. е. таких данных, которые не смогут установить личность человека при сопоставлении с другими данными. Помимо указанного, необходимо соблюдение авторских прав и соблюдение прав на базы данных.

Реализация идеи использования технологий больших данных для решения социальных проблем может быть достигнута в сочетании знаний социологии и IT-технологий, в тандеме специалистов-социологов и IT-технологов при проведении социологических исследований, либо в применении междисциплинарного подхода в обучении студентов соответствующих профилей [20, 21].

Специалист в области больших данных должен обладать целым набором знаний и навыков, которые позволят ему решать следующие задачи: уметь собирать большое количество неструктурированных данных и преобразовывать их в структурированные, удобные для дальнейшего использования; уметь программировать на таких языках как Python, SQL и R; быть в центре новейших аналитических методологий, таких как глубокое и машинное обучение; уметь анализировать данные с выявлением закономерностей и тенденций для достижения целей социологического исследования; решать задачи с помощью данных и статистики.

В настоящее время разработано достаточное количество аналитических ресурсов, инструментов и многофункциональных платформ, основанных на технологиях больших данных и машинного обучения. Например, широко используемая дата сайентистами экосистема Hadoop – платформа с открытым исходным кодом для обработки неструктурированных данных при помощи простых моделей программирования [22].

Аналитические инструменты помогают достигнуть результатов в задуманном исследовании. Однако социологу-исследователю важно понять, какой инструмент нужен именно для данного исследования. От выбранной платформы может зависеть построение всей методологии, поэтому важно тщательно подойти к ее выбору. Факторы, которые необходимо учитывать при выборе:

Количество пользователей. Необходимо знать количество исследователей, которые будут работать на данной платформе. И будет ли эта платформа использоваться в дальнейшем или в других исследованиях.

Объем обрабатываемых данных: перед началом исследования необходимо иметь представление о количестве собираемых и обрабатываемых данных. Инструмент должен быть масштабируемым при росте объема данных.

Бюджет исследования. Стоимость аналитического инструмента должна соответствовать заложенному на него бюджету.

Простота использования. Социологи-исследователи зачастую не являются профессиональными программистами и не обладают достаточно высокими ИТ навыками. Инструмент должен быть с интуитивно понятным пользовательским интерфейсом, чтобы пользователи могли легко понять, как его использовать.

Послепродажная поддержка. Для решения задач, связанных с обучением, могут возникнуть проблемы, требующие обращения в службу поддержки разработчика. Это может включать в себя такие ресурсы, как видео и учебные пособия.

Для социологов-исследователей полезными окажутся и многофункциональные аналитические ресурсы, не требующие специальных навыков программирования с достаточно простым и интуитивным интерфейсом, способные решать различный круг задач в зависимости от исследования. В качестве примера можно привести многофункциональный аналитический ресурс Медиалогия, построенный на технологиях больших данных, и который достаточно успешно может быть использован при проведении автоматического контент-анализа в социологическом исследовании [23].

Таким образом, необходимо отметить, что на пути реализации социальных задач устойчивого развития, построения новых социальных технологий технологии больших данных являются важным инструментом, который должен применяться с в соответствии с нормами законодательного права.

Список литературы

1. *Hoffman, A.J., & Bazerman, M.H.* Changing practice on sustainability: Understanding and overcoming the organizational and psychological barriers to action// Organizations and the sustainability mosaic: Crafting long-term ecological and societal solutions. In: S. Sharma, M. Starik, & B. Husted (Eds.), North-ampton: Edward Elger.; 2007.
2. *Jackson, T.* Readings in sustainable consumption: Introduction// In: T. Jackson (Ed.), The Earthscan reader in sustainable consumption; 2006. London: Earthscan. pp. 1–23.
3. *Данилов-Данильян В.И.* Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ)// Экономика и математические методы. М.: Центральный экономико-математический институт РАН, Институт проблем рынка РАН. Том 39. № 2. 2003. С. 123–135.
4. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 15.01.2022).
5. Цели устойчивого развития ООН и Россия. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/11068.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).
6. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
7. *Quelch, J.A., & Jocz, K.E.* Greater good: How good marketing makes for a better world. Boston: Harvard Business Press, 2007.

8. *Gardner, G.T., & Assadourian, E.* Rethinking the good life. In: Worldwatch institute state of the world 2004/ New York: W.W. Norton & Company, 2004, pp. 164–179.
9. *Assadourian, E.* The rise and fall of consumer cultures. In: State of the world 2010: Transforming cultures. Worldwatch Institute Report. New York: W.W. Norton and Co. 2010, pp. 3–20.
10. *Atsmon, Y., Ding, J., Dixit, V., St. Maurice, I., Suessmuth-Dyckerhoff, C.* The coming of age: China's new class of wealthy consumers. McKinsey and Co., 2009.
11. *Hubacek, K., Guan, D., & Barua, A.* Changing lifestyles and consumption patterns in developing countries: A scenario analysis for China and India. Futures, 2007.
12. McKinsey Global Institute. The 'bird of gold': The rise of India's consumer market. McKinsey & Co., 2007.
13. *Pronchev G.B., Proncheva N.G., Goncharova I.V.* Modern management of media environment: negative effects for the society of today // Journal of Environmental Treatment Techniques. – 2019. – Vol. 7, no. 4. – P. 836–840.
14. *Салистая Г.С.* Социализация российских подростков в информационном обществе // Моисеевские чтения: культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации, доклады и материалы Всероссийской научной конференции. – 2018. – С. 289–292.
15. *Goncharova I.V., Pronchev G.B., Rodionova M.E., Krichever E.I.* Runet users' attitude to the outrageous content in virtual social environments // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. – 2022. – Vol. 11, no. 1. – P. 258–268.
16. *Pronchev G.B., Goncharova I.V., Pronchev K.B., Krichever E.I.* Russians' attitude to distance learning: a runet survey // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. – 2019. – Vol. 18, no. 11. – P. 370–384.
17. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б.* Регламент основных принципов дистанционного обучения в условиях пандемии Covid-19 в сборнике COVID-19 как фактор отражения социального неравенства. Международная научная конференция. Сборник материалов / Под общей редакцией Н.Г. Осиповой, издательство ООО «МАКС Пресс» (Москва)-2020, тезисы, с. 61–63.
18. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В., Прончев К.Г., Кричевер Е.И.* Интерес к дистанционной форме обучения в России // Теория и практика образования в современном мире: материалы X Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2018 г.) / Под ред. Г.Б. Прончев. – Чита: Чита, 2018. – С. 10–13. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/277/14002> ISBN 978-5-905483-36-3.
19. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 15.01.2022).
20. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Кричевер Е.И.* Педагогическая траектория изучения технологий управления большими массивами данных // Современные тенденции развития системы образования: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 27 марта 2018 г.). – ИД Среда Чебоксары, 2018. – С. 31–33. ISBN 978-5-9500853-9-0.
21. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В.* Инновации в области математико-информационной подготовки студентов-социологов в контексте глобализационных процессов // Образование и право. – 2017. – № 8. – С. 241–253.
22. Apache Hadoop. URL: <https://www.ibm.com/ru-ru/analytics/hadoop> (дата обращения: 15.01.2022).
23. Медиалогия. Мониторинг СМИ и соцсетей. Инструмент для оценки эффективности коммуникаций. URL: <https://www.mlg.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Копуш Д.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Ключевой целью социально-экономического развития Российской Федерации (далее – РФ) является повышение уровня и качества жизни населения. Базовым индикатором благосостояния населения является доступ и качество деятельности основных элементов социальной сферы, в том числе и здравоохранения. На данный момент ключевым механизмом государственного управления в сфере здравоохранения являются национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография», государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [1]. Однако одной из ключевых проблем развития данной сферы является существенная дифференциация деятельности системы здравоохранения по регионам. Объектом исследования являются регионы Сибирского федерального округа. Предмет статьи – эффективность деятельности системы здравоохранения регионов Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, национальные проекты, национальные проекты «Здравоохранение», национальные проекты «Демография», государственная программа «Развитие здравоохранения»

В рамках данной работы акцент направлен на анализ регионов Сибирского федерального округа по эффективности системы здравоохранения. Вопрос уровня качества деятельности системы здравоохранения, ее перспектив является одной из ключевых повесток региональной политики Российской Федерации. Несмотря на ранее проведенные мероприятия по модернизации системы здравоохранения России, на данный момент отмечается существенная дифференциация регионов по уровню и качеству ее развития. Также, значительный урон отрасли здравоохранения России нанесла пандемия COVID-19, которая обнажила множество проблем, связанных с недостаточными мощностями и объемами коечного фонда в экстренных ситуациях, нехваткой врачей и среднего медицинского персонала, снижением доходов медицинских организаций, износом материально-технической базы медицинских учреждений. Для преодоления существующих проблем регионального управления в сфере здравоохранения необходимо проведение комплексных мер по ее восстановлению и дальнейшему наращиванию эффективности.

Согласно результатам исследования «Комплексная оценка деятельности системы здравоохранения в России: опыт построения индекса» отечественных ученых, регионами-лидерами по качеству деятельности системы здравоохранения являются Ямало-Ненецкий и Ненецкий, Ханты-Мансийский АО и Москва, которые также являются регионами-лидерами по уровню социально-экономического развития [2]. Анализ публикаций по тематике регионального управления в сфере здравоохранения подводит к выводу о том, что не существует единых правил построения индексов эффективности системы здравоохранения, что является одной из проблем оценки качества системы здравоохранения. К примеру, Всемирная организация здравоохранения при проведении оценки эффективности системы здравоохранения в Европейском регионе ВОЗ использует 1485 показателя по 14 сферам: предоставление услуг, кадровые ресурсы здравоохранения, информация, медицинские товары, вакцины и технологии, финансирование, управление/стратегическое планирование, доступ к услугам, охват услугами, качество, безопасность, улучшение показателей здоровья, отзывчивость, социальная защита и защита от финансовых рисков, повышение эффективности [3].

Российские исследователи проводят оценку системы здравоохранения, используя классификацию показателей исследования по группам. К примеру, Кислицына О.А, Чубарова Т.В. в своем исследовании проводят оценку системы здравоохранения России на основе индикаторов, отражающих доступность, качество и результативность системы здравоохранения [4]. Перхова В.И., в свою очередь, предлагает использовать следующие группы показателей оценки эффективности здравоохранения: доступность оказываемой бесплатной медицинской помощи, обеспеченность здравоохранения ресурсами, техническая эффективность использования ресурсов [5]. Несомненно, что предложенные авторами показатели отражают практически все аспекты управления эффективностью здравоохранения.

Исходя из исследований зарубежных и отечественных ученых, автор выделяет четыре группы показателя системы здравоохранения: смертность населения и ожидаемая продолжительность жизни населения, заболеваемость населения, кадровые ресурсы и обеспеченность медицинских организаций. Хотелось бы отметить, что список возможных показателей не должен ограничиваться лишь указанными и могут включать иные, к примеру, уровень цифровизации системы здравоохранения, информационную обеспеченность и др.

Ожидаемая продолжительность жизни является одним из главных демографических показателей, которая отражает качество системы здравоохранения и ее влияние на население, и может зависеть от уровня благосостояния населения и гендерных особенностей. Наиболее низкое значение ожидаемой продолжительности жизни зафиксировано в Республике Тыва (66,2), самое высокое в Томской области (71,1). Среднее значение ожидаемой продолжительности жизни субъектов Сибирского федерального округа составляет 69,4 года, что ниже общероссийского показателя (72,2 года). Разрыв по показателю ожидаемой продолжительности жизни между лидирующими субъектами (Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Москва) и средним значением по СФО составляет почти 10 лет [6]. Однако стоит отметить, что снижение продолжительности жизни является характерной проблемой для России в целом в связи с неблагоприятным проявлением пандемии вируса COVID-19. Так, в ожидаемая продолжительность жизни населения стран Северной Европы составляет 82 года [7] и выше среднероссийского показателя практически на 10 лет.

Таблица 1. Показатели деятельности системы здравоохранения в регионах СФО

Наименование субъекта	Ожидаемая продолжительность жизни	Смертность трудоспособного населения на 100 тыс. чел	Больничные организации на 10 тыс. чел.	Больничные койки на 10 тыс. чел.
Республика Алтай	69,15	407	0,814	0,0137
Республика Тыва	66,25	307	0,877	0,0093
Республика Хакасия	70,06	583	0,545	0,0133
Алтайский край	70,19	560	0,544	0,0109
Красноярский край	69,82	611	0,437	0,0122
Иркутская область	68,25	599	0,366	0,0106
Кемеровская область	68,51	672	0,368	0,0109
Новосибирская область	70,32	502	0,377	0,0104

Наименование субъекта	Ожидаемая продолжительность жизни	Смертность трудоспособного населения на 100 тыс. чел	Больничные организации на 10 тыс. чел.	Больничные койки на 10 тыс. чел.
Омская область	70,32	491	0,430	0,0122
Томская область	71,17	431	0,448	0,0110

Источник: составлено автором на основе [11]

Показатель смертности трудоспособного населения на 100 тыс. человек также относится к ключевым демографическим показателям региона и влияет на численную и половозрастную структуру населения. При этом, как отмечает Нарбут В.В., для России характерен гендерный разрыв в смертности населения. Так, показатель смертности среди мужчин трудоспособного населения в 3–4 раза выше, чем среди женщин. В частности, это вызвано внешними причинами, болезнями системы кровообращения и болезнями органов дыхания [8].

Результаты нашего исследования показывают, что максимальное значение смертности трудоспособного населения зафиксировано в Кемеровской области (672) и Красноярского края (611), что является существенной проблемой для демографии данных регионов, сокращая количество трудоспособного населения и снижая качество человеческого капитала, тем самым предполагая экономический ущерб социально-экономическому положению субъектов. При этом данные субъекты считаются лидерами Сибирского федерального округа по экономическому развитию, но мы понимаем, что подобная тенденция, наносящая урон социальной сфере регионов, может отрицательно сказаться на их дальнейших темпах экономического развития. Наименьшее число смертности трудоспособного населения среди регионов СФО зафиксировано в Республике Тыва (307), хотя для данного субъекта характерна самая низкая продолжительность жизни. Снижение смертности в данных регионах возможно лишь при проведении сбалансированной и комплексной социально-экономической политики.

Следующие индикаторы – число больничных организаций и коечным фондом на 10 тыс. чел, отражают обеспеченность населения медицинскими организациями, включая амбулаторно-поликлинические и стационарные больницы, а также доступность и качество предоставления медицинских услуг населению. Наибольшая обеспеченность больничными организациями зафиксирована в Республике Тыва (0,87) и Республике Алтай (0,81), наименьшая – в Кемеровской (0,36) и Иркутской областях (0,36).

Количество больничных коек на 10 тыс. чел. показывает способность системы здравоохранения региона обеспечить необходимый уровень госпитализации населения в случае необходимости при обращении за медицинской помощью. В рамках данного показателя лидирующие позиции занимают Республика Хакасия (0,0133) и Республика Алтай (0,0137), самую низкую – Республика Тыва (0,0093). Вопрос обеспеченности и потребности больничными организациями для населения должен решаться региональными властями на основе механизмов и инструментов стратегического планирования в сфере здравоохранения с учетом особенностей развития субъекта.

Вопрос кадрового обеспечения медицинских организаций является одним из наиболее актуальных в сфере здравоохранения. Общероссийские тренды показывают нехватку медицинских работников всех уровней. Действительно, отмечается увеличение текучести кадров в медицинских организациях ввиду роста численности частных учреждений, которые могут предложить более высокий уровень заработной платы сотрудникам, снижение производительности медицинского персонала, низкий уровень организации труда. Нехватка медицинских кадров негативно отражается на качестве медицинской помощи, диагностирования и консультирования, лечения.

Таблица 2. Кадровое обеспечение здравоохранения в регионах СФО

Наименование субъекта	Число врачей на 10 тыс. чел	Число ср. мед. персонала на 10 тыс. чел
Республика Алтай	46,5	149,3
Республика Тыва	53,5	147,6
Республика Хакасия	40,1	104,5
Алтайский край	42,4	105,2
Красноярский край	50,6	116
Иркутская область	50,4	102
Кемеровская область	44,5	107,2
Новосибирская область	53,2	101,2
Омская область	51,2	117,3
Томская область	58	100

Источник: составлено автором на основе [11]

Стоит отметить, что на сегодняшний день вопрос кадрового обеспечения сферы здравоохранения активно исследуется отечественными учеными в их работах, предлагаются варианты модернизации систему управления человеческим потенциалом и внедрения инноваций в HR-менеджменте медицинских организаций. К примеру, Некорысн Д.А., Кузнецов И.Г. и др. в своем исследовании выделяют следующие бизнес-задачи HR-менеджмента в здравоохранении: «управление изменениями, развитие лидерства, кадровые проблемы, управление эффективностью и оценка, награда и признание» [9]. Бурдастова Ю.В. предполагает, что для решения проблемы развития кадрового потенциала в здравоохранении необходимо внедрение системы наставничества в медицинских организациях с последующим применением мер материального и нематериального стимулирования наставничества [10]. Однако, по нашему мнению, необходимо также уделить особо внимание решению вопроса обременения медицинских кадров не свойственным им дополнительных функций и задач, которые существенно влияют на производительность врачей и медицинского персонала.

В разрезе Сибирского федерального округа наибольшее число врачей всех специальностей отмечается в Томской области (58), Республике Тыва (53,5) и Новосибирской области (53,2), наименьшее – в Республике Хакасия (40,1). Количество среднего медицинского персонала в регионах Сибирского федерального округа в два раза больше. Так, на 10 тыс. чел в Республике Алтай и Республике Тыва приходится 149 и 147 сотрудников. Наименьшее число среднего медицинского персонала среди регионов СФО зафиксировано в Томской (100) и Новосибирской областях (101,2).

Далее хотелось бы раскрыть содержание заболеваемости по основным группам болезней. Так, общей проблемой для Сибирского федерального округа является проблема с большим количеством болезней органов дыхания. Более того, она характерна и для всей России. Подобное опасное положение можно рассмотреть на примере Новосибирской области. Так, доля больных органами дыхания в Новосибирской области составила около 1 миллиона, при этом общее количество населения составляет 2 млн 900 человек, что говорит о том, что практически треть населения Новосибирской области столкнулась с болезнями органов дыхания.

Таблица 3. Содержание заболеваемости по основным группам болезней в регионах СФО

	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни крови, кровеносных органов	Болезни эндокринной с-мы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения
Республика Алтай	8479	2907	1824	3413	7267	92912	8251
Республика Тыва	50400	20000	15300	64100	121100	311800	61200
Алтайский край	42408	38860	10107	50501	100656	1058055	98803
Красноярский край	88300	44700	10600	38700	107701	846800	111400
Иркутская область	2999	1440	480	1617	4303	54273	3855
Кемеровская область	31600	14100	4500	17100	443003	42300	121000
Новосибирская область	63245	29869	8037	32629	79530	1129559	76574
Омская область	47400	15800	8200	28500	73800	665100	74000
Томская область	43539	20859	6939	36750	43417	459142	52736

Источник: составлено автором на основе [11]

К сожалению, на территории Сибирского федерального округа достаточно высоким является также число болезней системы кровообращения. Также, достаточно часто отмечаются инфекционные и паразитарные болезни. Интересно отметить, что наименьшее число больных по всем группам болезней было зафиксировано в Иркутской области.

Представленные выше тезисы подтверждают, что регионы Сибирского федерального округа сталкиваются с проблемами различного рода. При этом отмечается индивидуальный характер развития сферы здравоохранения в каждом субъекте. Мы полагаем, что одной из возможностей развития системы здравоохранения регионов является развитие государственно-частного партнерства. Исходя из данных, представленных на сайте Национального центра ГЧП, стоит отметить, что половина субъектов Сибирского федерального округа активно привлекает партнеров по реализации ГЧП в сфере здравоохранения. Так, на данный реализуется 20 проектов ГЧП в различных субъектах СФО [12]. В Новосибирской области реализуется 11 проектов, в Республике Тыва – 4, Республике Хакасия – 3, в Красноярском крае – 1, в Иркутской области – 1.

Хотелось бы отметить успешную практику Новосибирской области по развитию государственно-частного партнерства. На территории Новосибирской области, которая признана лучшим регионом по уровню развития ГЧП, реализуются проекты не только в сфере здравоохранения, но и санаторно-курортного дела. Так, в Новосибирской области реализуется проект по созданию туристско-рекреационного кластера в Чановском районе Новосибирской области (2222 млн руб), созданию Медицинского промышленного парка (685 млн руб), строительству, финансированию и техническому обслуживанию объектов для оказания первичной медико-санитарной помощи (8900 млн руб), а также возведению Центра молекулярной визуализации (688 млн руб).

Распространение данного опыта и развитие межрегионального взаимодействия позволит регионам СФО существенно повысить уровень развития и доступности сферы здравоохранения. Более того, это замечательная возможность для регионов с дотационным бюджетом доступно повышать уровень и качество жизни населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для регионов Сибирского федерального округа характерна дифференциация деятельности системы здравоохранения. При этом мы видим, что по некоторым группам показателей успешными являются регионы с достаточно низким уровнем социально-экономического развития, что опровергает тезис о корреляции эффективности региональной системы здравоохранения и уровнем развития региона. Однако, несмотря на действующие тенденции развития сфера здравоохранения, мы видим, что показатели Сибирского федерального округа на сегодняшний день значительно отстают от общероссийских.

Список литературы

1. Министерство Здравоохранения Российской Федерации. Официальный сайт. Электронный ресурс. [Режим доступа]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie> (дата обращения: 18.12.2021).
2. *Кислицына О.А., Чубарова Т.В.* Комплексная оценка деятельности системы здравоохранения в России: опыт построения индекса: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 69 с.
3. *Fekri O, Macarayan ER, Klazinga N.* Оценка эффективности систем здравоохранения в Европейском регионе ВОЗ: какие сферы и показатели используют государства-члены при проведении измерений? Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2018 г. (Сводный доклад № 55 Сети фактических данных по вопросам здоровья (СФДЗ)).
4. *Кислицына О.А., Чубарова Т.В.* Оценка системы здравоохранения в России: опыт построения регионального рейтинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3.
5. *Перхов Владимир Иванович* Показатели для оценки программ в области общественного здравоохранения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 3.
6. Страны, города, статистика населения. Официальный сайт. Раздел: Продолжительность жизни по регионам России (ожидаемая). Электронный ресурс. [Режим доступа]. URL: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf
7. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. Официальный сайт. Раздел: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Электронный ресурс. [Режим доступа]. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_43-1010-life-expectancy-at-birth-years/
8. *Нарбут Виктория Викторовна* Смертность населения России в трудоспособном возрасте: гендерные и территориальные различия // Высшее образование сегодня. 2016. № 2.

9. *Некорыснов Данила Александрович, Кузнецова Ирина Гарриевна, Чечина Оксана Сергеевна, Вагин Сергей Геннадьевич* ИННОВАЦИИ В HR МЕНЕДЖМЕНТЕ В ОТРАСЛИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 1 (50).
10. *Бурдастова Ю.В.* ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № S2.
11. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Раздел: Здравоохранение. Электронный ресурс. [Режим доступа]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 01.01.2022).
12. Национальный центр ГЧП. Официальный сайт. Раздел: Здравоохранение. Электронный ресурс. [Режим доступа]. URL: <https://pppcenter.ru> (дата обращения: 01.01.2022).

EDTECH (EDUCATION TECHNOLOGIES) – НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Нуралиева Э.К.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. работа посвящена вопросам доступности образования в современном мире благодаря цифровым технологиям. Также рассматривается возможность использования новых подходов в образовательном процессе, которые позволяют Edtech (education technologies) – компаниям привлекать все большее количество учеников на свои образовательные платформы. В работе также описываются положительные и отрицательные стороны, значимость онлайн-обучения в последние годы и перспективы его развития в последующее время.

Ключевые слова: Edtech, образование, доступность образования, новые подходы в образовании, образовательные платформы, онлайн-обучение

В начале десятых годов двадцать первого века коммуникация между людьми постепенно массово обрела электронный характер. Это стало двигателем к открытию новых возможностей осуществления взаимодействий в образовательном контексте через интернет-пространство. Подобные формы коммуникаций в настоящее время достигли успешного распространения. Современные цифровые трансформации в области образования проводят существенные реформы не только в сфере образовательных процессов, но и предпринимательской деятельности. В настоящее время, в особенности в посткоронавирусный период, сфера образования становится одной из самых привлекательных направлений для инвестирования. Само слово edtech происходит от английского educational technologies (образовательные технологии). Определения edtech у разных авторов расходятся, но если говорить в общем виде, то это применение в сфере образования всех видов информационно-коммуникационных технологий с целью создания, распространения и использования знаний, позволяющих объединять две стороны (обучающую и обучаемую). В качестве синонимов понятия «Edtech» очень часто используют: «онлайн-образование», «онлайн-обучение», «e-learning», «электронное образование» и т. д.

В качестве некоторых базовых особенностей онлайн-образования в настоящее время можно выделить следующие:

- персонализация обучения (обучение, ориентированное на индивидуальные особенности каждого ученика);
- свободный выбор места и времени обучения;
- сохранение материала на электронных носителях;
- совмещение с работой и другими видами деятельности;
- возможность непрерывного образования (в любом возрасте человек может пройти онлайн-обучение по интересующему его направлению) и др.

Некоторые исследователи подразделяют область онлайн-образования на несколько видов:

Традиционное образование с использованием цифровых платформ для коммуникации. Данный вид характеризуется схожими с обычными формами обучения «в классе» признаками (наличие лекций, семинаров, домашних заданий, беседы в коллективе, выполнение групповых заданий и т. д.);

Самостоятельное обучение. Этот вид представлен, как возможность использования интернет-пространства в качестве хранителя учебной информации, которую ученики, могут исполь-

зовать для обучения (готовые материалы уже есть на сайте курсов, ученики только изучают их самостоятельно);

Комбинированное автоматизированное обучение. Третий вид предполагает замену обычного учителя компьютером (он проверяет тестовые задания, контролирует прохождение тем и выполнение заданий в срок и т. д.).

При изучении сферы edtech важно обратить внимание на его структуру, без которой она не имела бы возможности функционировать на необходимом уровне. В качестве основных элементов выделяются:

- непосредственно курсы и онлайн-школы;
- система управления обучением – learning management system (lms);
- экосистема поддержки нового образования;
- механизмы анализа больших массивов данных («Big Data»).

Остановимся отдельно на каждом элементе. Онлайн школы включают в себя совокупность содержательных материалов, обратную связь от преподавателей, системы оценивания полученных знаний и т. д.

Система управления обучением осуществляет реализацию таких функций, как разработка индивидуального образовательного плана для каждого ученика, создание и функционирование личного кабинета обучающихся, чтобы каждый мог отслеживать расписание, наличие заданий, движение своего прогресса и т. д.; хранение и доработка имеющихся материалов. сохранение уроков. Также в функционал системы управления относится разработка мобильных приложений с содержанием курса и возможностью обучения через подручные цифровые носители; содержательное и визуальное оформление онлайн-урока с возможностью видеть и материал, и преподавателя, и коллег. Lms также обеспечивает деление обучающихся в различные группы по уровню знаний или другим критериям (например, возрастным, по сферам интересов и т. д.); разрабатывает систему оценивания уровня полученных знаний. Одной из важных внешних функций системы управления, ориентированной на привлечение клиентов, является создание такой «картинки» уроков и, в целом, образовательного курса, которая позволит привлекать все большее количество новых клиентов. Если рассуждать о важной особенности lms, то в какой-то степени современная система управления обучением позволяет уйти от институционализации образования и сделать систему обучения более индивидуализированной.

Следующим важным элементом структуры edtech является экосистема поддержки нового образования, которая включает в себя совокупность взаимодействующих элементов, обеспечивающих существование этой образовательной среды. Сюда, в первую очередь, включается, сам обучающийся, преподаватели, администраторы, а также совокупность инновационных технологий, обеспечивающих условия существования онлайн-обучения (социальные сети, использование видеоконференций, вебинаров, система анализа данных и т. д.). Важно отметить, что в постиндустриальном обществе новые цифровые элементы экосистемы позволяют персонафицировать образовательный процесс.

Еще одним элементом является механизм анализа больших массивов данных (Big Data), который позволяет максимально эффективно реализовывать и совершенствовать учебный процесс для ее участников. Благодаря big data, в которой рассматриваются различные способы анализа и систематического извлечения больших объемов данных, система обучения имеет возможность стать более удобной для потребителей. На основе существующих данных можно выявлять закономерности усвоения материала, проведения учебной деятельности, итоговых аттестаций, особенностей получения обратной связи и т. д. Возможность анализа больших массивов данных позволяет, в частности крупным edtech-предприятиям, совершенствовать деятельность, гибко реагировать на быстро возникающие в современном мире новшества и тем самым улучшать свой продукт.

Далее рассмотрим популярную в настоящее время форму дистанционного обучения – МООК (массовый открытый онлайн-курс) или МООС (massive open online course). Повышенный интерес к нему в последнее время вызван высокой ценовой политикой традиционного образования в ведущих университетах по всему миру. МООС отличается от обычных видеоуроков тем, что, благодаря использованию интерактивных способов, поддерживается обратная связь между студентами и преподавателями. Отличительным признаком МООС также является возможность получения дополнительных материалов, информации. Кроме того, существует механизм проверки усвоенных знаний через прохождение тестирований, выполнение заданий с проверкой от кураторов и т. д. Массовые курсы также характеризуются простотой подачи материала, наличием четкого расписания и дедлайнов, глобальностью деятельности (они распространяют свое действие во многих странах одновременно), привлечением преподавателей ведущих высших учебных заведений, бесплатным доступом или символической платой, получением сертификата по окончании учебного процесса.

Одним из самых популярных проектов открытого массового онлайн-курса является Coursera, который был основан в 2012 году профессорами Стэнфордского университета Эндрю Ыном и Дафной Коллер. На нашем рынке данный проект в настоящее время набирает все большую популярность. Так, количество курсов от российских компаний и университетов на английском и русском языках насчитывает около двухсот. Услугами Coursera пользуются такие высшие учебные заведения, как ВШЭ, МФТИ, МГИМО, СПбГУ, НГУ, ТГУ. Особенность проекта заключается в том, что ВУЗы занимаются созданием материала по научным дисциплинам, а различные корпорации активно используют платформу для повышения знаний своих сотрудников. Тем самым, складывается интегрированная совокупность организаций, учреждений и других субъектов, которые обеспечивают функционирование Coursera. Выделяют следующие принципы, на которых базируются создатели сайта: пользователь регистрируется под одним аккаунтом; все виды самостоятельных работ выполняются без внешней помощи, что позволяет обеспечить эффективность получения знаний; ответы на задания или ответы сотрудников должны находиться только в личном доступе у тех, кого они непосредственно касаются; также слушатель курса не может нечестными путями улучшать свои результаты. Все вышеназванные принципы позволяют обеспечить максимальную полезность и результативность от прохождения курсов, чтобы учебная деятельность сводилась не просто к получению сертификата, а к приобретению знаний. Кроме того, выделяется ряд важных положений: это возможность регистрации в любое время в течение всего курса; активность слушателей происходит в основном за пределами курса (в социальных сетях, других интернет-платформах и т. д.); информация после того, как курс завершен, не удаляется, а, наоборот, в дальнейшем дополняется; формы отношений между преподавателями и слушателями имеют горизонтальный характер (преподаватель воспринимается в большей степени как коллега, который просто помогает приобретать знания).

В России в последнее время, особенно в период начиная с пандемии по настоящее время, все большую известность набирают различные онлайн-школы. Во всевозможных рейтингах по популярности и качеству продукта высокие позиции занимают следующие знакомые многим edtech-компании: Skyeng, Like Центр, Skillbox, Skysmart, Skyeng, Geekbrains, Яндекс.Практикум, NoviaKid, Учи ру, корпорация «Синергия», Фоксфорд и т. д.

Таблица 1. Рейтинг edtech-компаний России

№	Компания	Год основания	Деятельность	Выручка (2020 г 3 кв)	Выручка (2021 г 3 кв)	Рост
1	Like Центр	2015	Бизнес-образование	432,6 млн	2,194 млрд	407,17%

№	Компания	Год основания	Деятельность	Выручка (2020 г 3 кв)	Выручка (2021 г 3 кв)	Рост
2	Skillbox	2016	Цифровые профессии	1 млрд	2 млрд	100,00%
3	Skysmart	2019	Подготовка к ЕГЭ и ОГЭ/ Школьные предметы	600 млн	1,8 млрд	200,00%
4	Skyeng	2012	Иностранные языки	620 млн	1,4 млрд	125,81%
5	Geekbrains	2010	Цифровые профессии	600 млн	800 млн	33,33%
6	Яндекс. Практикум	2019	Иностранные языки/ Цифровые профессии	450 млн	700 млн	55,56%
7	NoviaKid	2017	Иностранные языки	200 млн	650 млн	225,00%
8	Учи ру	2012	Подготовка к ЕГЭ и ОГЭ/ Школьные предметы	480 млн	650 млн	35,42%
9	Корпорация «Синергия»	1995	Цифровые профессии	86 млн	619 млн	619,77%
10	Фоксфорд	2009	Подготовка к ЕГЭ и ОГЭ	386 млн	618 млн	60,10%

Выше представлен рейтинг российских компаний в сфере онлайн-образования по росту выручки в течение одного года за временной отрезок: 3 квартал 2020 года – 3 квартал 2021. Здесь важно обратить внимание на то, как стремительно возросла выручка компаний всего за один год. Что могло стать причиной? Важно отметить, что период, который представлен в таблице, не относится к разгару самоизоляции, скорее, наоборот, в это время большинство учебных заведений уже работало в штатном режиме. Однако цифры в таблице, говорят о том, что, в то время, когда все начали в вынужденном порядке обучаться дома (начало 2020 года), многие постепенно приспособились к такому формату приобретения знаний. Он для них стал намного удобнее, чем традиционный режим учебы «в классе». Тем самым, общество в настоящее время перешло на онлайн-режим получения знаний, в связи с чем сейчас для edtech-бизнеса приходится время расцвета.

Рассмотрим основные положительные стороны онлайн образования:

Edtech позволяет экономить время, ресурсы (на аренду помещения, например), соответственно, стоимость обучения в сравнении с традиционными курсами для потребителей снижается;

Появляется возможность выбора времени и места прохождения обучения (ученики самостоятельно выбирают темп обучения и содержание курсов, подходящих именно каждому из них;

также обучающиеся могут в любое время наверстать упущенные занятия, так как все находится в открытом для них доступе);

Обучающиеся могут посвящать время не только учебе, но также параллельно совмещать с работой (то есть получать опыт, что позволяет им после окончания обучения быть трудоустроенными и не тратить время на поиски рабочего места);

Персональность обучения (кураторы могут построить обучение таким образом, чтобы каждый ученик получил максимальную пользу от занятий). При традиционном обучении становится практически невозможным с высокой точностью отследить уровень каждого и исходя из этого выстраивать план обучения. В электронном обучении это представляется возможным, потому что все результаты обучения учеников хранятся в базах данных, что позволяет с легкостью отследить уровень, с которым студент пришел на курсы и какие цели были им достигнуты уже после его завершения;

Edtech удобен для большинства пользователей сейчас, так как многие люди постоянно нуждаются в непрерывном образовании в связи со стремительным прогрессом в технологиях и, как следствие, изменениями функциональных обязанностей на работе. Edtech позволяет с минимальной потерей времени пополнить необходимый запас знаний.

Несмотря на большое количество положительных черт, онлайн-образование также становится некоторым препятствием для получения знаний в привычном для нас понимании. Выделим некоторые из них:

Отсутствие качественной реализации онлайн-обучения в виду неразвитости некоторых регионов, районов (например, из-за слабого интернета или вовсе его отсутствия, компьютеров, не поддерживающих программы, с которыми работают курсы и т. д.)

Низкий уровень мотивации. Отсутствие некой институционализации, которая присутствует при осуществлении традиционного обучения. Она проявляется в регламентированности учебных процессов, наличии четко определенного времени, места, где осуществляется образовательная деятельность. Когда нет строго определенного распорядка, это приводит к снижению организованности деятельности учеников, после чего теряется мотивация к продолжению учебной деятельности. Не все люди могут самостоятельно упорядочить свое время, поэтому им бывает необходима строгость в обучении. При раскладе, который есть в онлайн-обучении, где есть гибкий график учебы, ученикам сложно приступить к занятиям и качественно и полноценно получать знания.

Потеря коммуникативных навыков (важный навык живого общения, который является необходимым soft-skill при приеме на работу, не приобретается или даже утрачиваются в силу привычки дистанционного общения).

Низкая результативность образования в связи с тем, что не всегда существует качественное отслеживание за честным и самостоятельным выполнением итоговых тестов. Как следствие мы видим большое число людей с сертификатами об обучении, но отсутствием знаний.

Рынок, несмотря на существующие недостатки на данный момент, все равно продолжит расти, так как процветает такая тенденция современного образования, как непрерывность. Успешность онлайн-занятий также будет продолжать увеличиваться также за счет того, что базовое традиционное образование недостаточно удовлетворяет запросам современной экономики в связи с появлением новых профессий. А современные образовательные технологии, наоборот, быстро будут подстраиваться под текущие тренды. Рассмотрим некоторые возможные перспективы развития рынка онлайн – образования, которые уже начинают постепенно зарождаться.

Обучение станет еще более удобным, частично перебравшись в мобильные телефоны (mobile learning). Такой способ технического упрощения образовательного процесса может также привлечь все большее число слушателей, которые ранее не могли обучаться, так как не имели возможности заниматься через компьютеры или ноутбуки;

Сотрудничество образовательных компаний с конкретными фирмами, готовыми взять на работу учеников, успешно прошедших курсы (то есть после окончания обучения у выпускников будет возможность прохождения стажировки в компаниях с возможным дальнейшим трудоустройством). Или же сотрудничество будет происходить в обратном порядке: фирма сама будет выдавать гранты на прохождение образовательных курсов в тех или иных edtech-компаниях;

Практикоориентированное образование (соглашение образовательных организаций с компаниями для прохождения учениками, успешно изучивших материал, практику);

Интерактивное обучение с включением игровой формы в учебный процесс.

Подводя итоги, хочется отметить еще раз значимость области edtech, так как бесспорно в настоящее время это новшество, которое поделило мир получения знаний на две части, вторая из которых на данном этапе жизни явно становится приоритетной. Современный мир вынуждает людей постоянно находиться «в работе», из-за чего чтобы получить новые знания зачастую не хватает времени. Поэтому подобные «подручные» формы получения знаний являются важным изобретением, которое точно выведет мир, сферу образования и бизнеса совершенно на новый уровень.

Список литературы

1. *Конанчук Д.С.* Edtech: новая технологическая платформа в образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 5 (87).
2. *Лиджиева З.И., Спиридонова П.А.* Развитие дистанционного образования в России // Проблемы педагогики. 2020. № 4 (49).
3. *Обухов А.С., Томилина М.В.* Сегментация рынка edtech при растущем спросе на цифровые технологии в образовании // Проблемы современного образования. 2021. № 4.
4. *Олейников Б.В., Подлесный С.А.* О концепции «Экосистема обучения» и направлениях развития информатизации образования // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4.
5. *Хусяинов Т.М.* Основные характеристики массовых открытых онлайн-курсов (МООС) как образовательной технологии // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 2.
6. Edtechs Рейтинг крупнейших компаний на рынке онлайн-образования. URL: <https://edtechs.ru/> (дата обращения: 01.12.21).

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА УНИВЕРСИТЕТОВ И БИЗНЕСА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Сидорова А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития сотрудничества университетов и бизнеса на региональном уровне в условиях пандемии коронавируса COVID-19. Подчеркивается высокая значимость развития взаимодействия вузов и предприятий для экономики региона. Предлагается использование адаптивной модели сотрудничества университетов и бизнеса, состоящей из четырех основных этапов: анализ целей совместной деятельности, ключевых стейкхолдеров, законодательных ограничений и «лучших практик». Адаптивная модель позволяет увязать собственные приоритеты и возможности вуза с целями третьих сторон, определить перспективы совместной деятельности, создать пошаговый алгоритм взаимодействия с бизнесом, а также оценить возможные риски реализации конкретных проектов.

Ключевые слова: COVID-19, адаптивная модель сотрудничества университетов и бизнеса, сотрудничество университетов и бизнеса, региональный уровень

Пандемия коронавируса COVID-19, начавшаяся в 2020 году, оказала существенное влияние на все сферы жизни общества, включая, безусловно, и высшее образование. Перед университетами была поставлена задача не только выполнить в полном объеме взятые на себя ранее обязательства (по обучению студентов, обеспечению занятости сотрудников, реализации НИОКР и проч.), но также активно включиться в деятельность по нейтрализации негативных последствий пандемии: экономических, социальных, технологических. И несмотря на удовлетворительные обобщенные показатели деятельности вузов по стране в целом, на региональном уровне вынужденные трансформации в системе образования усугубили те проблемы, которые стояли перед образовательными организациями еще до введения ограничений.

Важной особенностью системы российского высшего образования в региональном разрезе является неравномерное распределение вузов: в Москве и Санкт-Петербурге находится 23% всех государственных вузов в стране (113 вузов) [1, с. 192]. Как следствие – у выпускников школ меньше возможностей получить высшее образование в своем регионе, что вызывает отток студентов в другие регионы, более развитые с экономической точки зрения и с лучшими перспективами дальнейшего трудоустройства. Однако многие эксперты полагают, что часть выпускников школ может быть не готова к переезду в большие мегаполисы вследствие эпидемиологической угрозы, а также падения реальных доходов населения [2, с. 64]. Таким образом, региональные вузы смогут получить дополнительный приток талантливых абитуриентов, что, с одной стороны, представляет благоприятную возможность для укрепления своих позиций и развития, но, с другой, – предъявляет более высокие требования к деятельности вуза.

Помимо этого, проблема несоответствия полученных в вузе знаний и навыков требованиям рынка труда (более двух третей работодателей считают, что выпускники нуждаются в дополнительном обучении после окончания вуза [1, с. 383]) усугубляется в условиях пандемии. Традиционно это связывают с отсутствием «сильного представительства региональной или отраслевой общественности в системе внутреннего управления» вуза [1, с. 236]. Однако существенный негативный эффект оказал также переход на дистанционный формат обучения, когда производственную практику многие студенты проходили «онлайн», что негативно сказалось на их подготовке к реальной трудовой деятельности.

Ряд исследователей полагает, что опыт онлайн-деятельности, полученный университетами в условиях пандемии, даст региональным вузам шанс привлечь тех абитуриентов, которые из-за территориальной удаленности не могли учиться очно [3, с. 25]. Однако и отечественная, и зарубежная практика реализации дистанционных программ обучения говорит о более высокой стоимости онлайн-обучения для вузов по сравнению с традиционным очным форматом [4, с. 143–144]. Например, в НИУ ВШЭ за время пандемии «стоимость реализации образовательных программ увеличилась на 20%» [4, с. 156]. Это связано с тем, что создание и реализация качественного онлайн-курса требует дополнительных издержек на подготовку преподавателей к проведению онлайн-занятий, существенной модификации формы подачи материала и промежуточного контроля, а также расходов на привлечение технических специалистов и содержание информационной инфраструктуры. Более того, ряд ректоров университетов заявляли о вероятном снижении совокупного бюджета вуза в 2020 и 2021 годах более чем на 10%, причем «сильнее всего сократятся бюджеты небольших вузов, имеющих малые объемы государственного задания, а также вузов, которым не достало ресурсов и компетенций на полноценную адаптацию к новым условиям» [2, с. 64]. Таким образом, для региональных вузов, напротив, существует вероятность потери части потенциальных абитуриентов, которые могут сделать выбор в пользу онлайн-обучения в ведущих вузах страны.

Проблема финансирования деятельности вузов также обострилась вследствие развития пандемии. Исследователи отмечают, что «государство все больше и больше переходит от логики финансирования «раздать всем ресурсы равномерно» к стратегии приоритетной поддержки лучших и наиболее перспективных образовательных организаций, готовых брать на себя явные обязательства» [1, с. 551], а эффективность образовательной организации высшего образования в текущем периоде напрямую влияет на объем бюджетного финансирования в плановом периоде [5, с. 8]. Такая позиция государства соответствует общему тренду распределения государственного финансирования по уровням образования, начавшемуся с развалом СССР, в соответствии с которым приоритетными являются общее и дошкольное образование. Расчеты комплексного индикатора приоритетности высшего образования¹ это подтверждают. Если в СССР уровень комплексного индикатора был выше 1,5, то в XXI веке его значение для России остается на уровне меньше единицы [6]. Такое снижение финансирования вузов можно объяснить общемировым трендом перехода от бюджетных источников финансирования к внебюджетным. Тем не менее, следует отметить тот факт, что в большинстве стран с развитым рынком образовательных услуг значение комплексного индикатора больше единицы (США, Великобритания, Франция) [6], что говорит о высокой доли государственного финансирования данной ступени образования.

Таким образом, в России государство «ожидает от вузов более активной деятельности на рынке прикладных исследований и разработок (с привлечением внешних ресурсов)» [1, с. 551]. Однако всего 17% организаций, осуществлявших инновационную деятельность в 2020 году, участвовали в совместных проектах по выполнению исследований и разработок [7, с. 84]. Это говорит о том, что на практике немногим фирмам удается построить долгосрочные взаимовыгодные отношения сотрудничества с университетами и научными организациями. И в контексте ухудшения социально-экономических условий, вызванного пандемией коронавируса COVID-19, особую актуальность приобретают инструменты и модели развития кооперации вузов и предприятий.

¹ Комплексный индикатор приоритетности высшего образования представляет собой соотношение доли государственных расходов на высшее образование в общих расходах на образование к доле студентов ВПО в общей численности обучающихся. Если индикатор приоритетности высшего образования больше 1, это говорит о важности сферы высшего образования для страны, если индикатор равен или меньше 1 – о низкой приоритетности высшего образования [6].

Настоящая статья посвящена описанию адаптивной модели сотрудничества вузов и предприятий, позволяющей университетам создавать пошаговый алгоритм взаимодействия с бизнесом. Данная модель представляется особенно актуальной для региональных вузов, планирующих расширение сотрудничества с коммерческими и некоммерческими организациями своего региона.

Методология и подходы. Теоретическими рамками исследования выступают модели Тройной спирали Генри Ицковица [8] и предпринимательского университета Бертона Кларка [9], а также концепция экосистемы сотрудничества университета и бизнеса (УБС), созданная группой исследователей во главе с В. Галан-Мьюрос и Т. Девеем [10], [11] и послужившая теоретической основой проекта по анализу состояния взаимодействия университетов и бизнеса в Европе, реализованного под эгидой Европейской комиссии в 2016–2017 годах. Отличительной чертой данного подхода является детальное описание вариантов развития возможных видов кооперации вузов и коммерческих компаний в рамках четырех направлений – образование, исследование, коммерциализация (валоризация) и управление (совместное использование ресурсов).

Однако в реальной управленческой практике зачастую наблюдается нехватка ключевых ресурсов (временных, человеческих, финансовых, информационных) для построения комплексной детальной модели будущего взаимодействия. Также встает вопрос о доступности аналитического инструментария и готовности сотрудников университета его применять. Социально-экономическая нестабильность, вызванная пандемией, обостряет эти проблемы.

В этой связи представляется полезным создание адаптивной модели УБС, которая позволила бы облегчить для университета сам процесс построения эффективных отношений сотрудничества с бизнесом (в его аналитической части), заострив внимание на ключевых вопросах, требующих серьезного внимания, однако в то же время позволяющей вузу самостоятельно выбирать глубину проработки и детализации, не снижая при этом эффективности использования данной модели в целом [12].

Результаты исследования и научная значимость. Адаптивная модель УБС предполагает проведение анализа потенциала сотрудничества университетов и бизнеса в рамках четырех блоков: цели, стейкхолдеры, законодательство и лучшие практики [12].

Анализ целей совместной деятельности университета и бизнеса предполагает: а) определение приоритетной сферы взаимодействия (образование, НИОКР, валоризация, управление); б) формулирование максимально широких SMART-целей с приоритизацией внутренних потребностей университета (цели должны быть конкретными (Specific), измеримыми (Measurable), достижимыми (Attainable), уместными (Relevant) и определенными во времени (Time-bound)).

На данном этапе стоит ориентироваться на внутренние потребности университета, чтобы заранее не ограничивать свои пожелания и не смещать акценты в пользу наиболее очевидных (но не всегда оптимальных) решений. Сформулированные на данном этапе цели будут скорректированы по результатам анализа, выполненного в рамках последующих трех блоков: сопряжены с ожиданиями ключевых стейкхолдеров, уточнены исходя из требований законодательства, а также доступного для ознакомления опыта реализации подобных проектов в прошлом.

Важной составляющей данного этапа является также первичная увязка кризисных планов с партнерскими организациями и приоритетами развития высшего образования на региональном уровне.²

Анализ стейкхолдеров университета. В рамках данного этапа первичной задачей является классификация существующих стейкхолдеров вуза, позволяющая определить их первичную позицию по отношению к университету и целям его деятельности. Для этого предлагается взять

² Высокое значение взаимоувязки и разработки совместных целей и планов деятельности вузов, предприятий и региона в условиях пандемии отмечается в работах многих исследователей. Подробнее см. [13], [2].

за основу типологию Р.К. Митчелла, выделяющего «безусловных» стейкхолдеров (обладают наиболее сильным влиянием на университет, так как отвечают атрибутам власти, легитимности и безотлагательности требований), «ожидающих» стейкхолдеров (отвечают двум атрибутам из трех, чаще всего – легитимности и безотлагательности) и «латентных» стейкхолдеров (отвечают одному атрибуту).

В настоящее время на региональном уровне к категории «безусловных» стейкхолдеров относятся органы государственной власти, администрация вуза и некоторые из крупных партнеров университета, с которыми вуз реализует совместные проекты. Среди «ожидающих» можно выделить сотрудников вуза, потребителей (студенты, организации-заказчики услуг), негосударственных регуляторов (профсоюз, ассоциации вузов), финансовых посредников (банки и страховые компании), а также тех партнеров вуза, с которыми вуз осуществляет совместную деятельность, но которые не обладают достаточной силой для контроля над принятием решений. К «латентным» стейкхолдерам относятся поставщики (школы, другие вузы, поставщики питания и оборудования), конкуренты (государственные и частные образовательные организации), доноры (частные лица и организации), общественность (жители района, где расположен вуз, социальные службы, общественные организации). Следует отметить, что к «латентным» стейкхолдерам можно отнести большую часть потенциальных работодателей, которые находятся в юридически оформленных отношениях с университетом (по вопросам практики или участия в итоговой аттестации), однако обладают ограниченными ресурсами для оказания существенного влияния на решения университета.

На данном этапе важной задачей выступает уточнение позиций ключевых стейкхолдеров по отношению к существенным аспектам деятельности вуза и целям его деятельности. Для этого предлагается использовать распространенные в сфере стратегического управления инструменты и техники идентификации и анализа заинтересованных сторон: решетку «Сила vs. Интерес», диаграмму влияния стейкхолдеров, матрицу планирования участия, решетки «Поддержка vs. Противодействие» и «Привлекательность предложения vs. Возможности имплементации», а также техники ролевых игр. Важно, что указанные инструменты и техники подходят не только для коммерческих компаний, но равно и для управления отношениями с заинтересованными сторонами университета, и не нуждаются в дополнительной адаптации [14].

Анализ норм **законодательства**, регулирующих данную сферу. Специалисты-практики в области коллаборации университетов и бизнеса отмечают высокое значение грамотного юридического сопровождения сотрудничества университетов с другими организациями. В большинстве случаев это касается защиты интеллектуальной собственности, которой уделяется недостаточное внимание в практической деятельности вузов не только в нашей стране, но и в мире. Эффективное управление интеллектуальной собственностью позволяет быть уверенным в использовании результатов НИОКР на благо общества, ограничить использование или предоставить открытый доступ к результатам исследований, генерировать дополнительный доход, а также укрепить конкурентную позицию конкретного исследователя и увеличить его шансы на получение грантов в будущем (в случае, если интеллектуальная собственность оформлена на имя исследователя), либо улучшить позиции университета в национальных или международных рейтингах [12].

В рамках данного этапа полезным представляется создание центров трансфера технологий и повышение доступности юридических консультаций для сотрудников вузов.

Анализ **успешного опыта реализации** подобных проектов. В рамках данного этапа предлагается применение моделей совместного и созидательного бенчмаркинга, а также инструментария доказательной образовательной политики [15], позволяющего оценить вероятность успеха адаптации «лучшей практики» в новых условиях или масштабирования результатов пилотного проекта.

Алгоритм реализации доказательной образовательной политики состоит из четырех этапов:

1) анализ процесса реализации и результатов эталонного проекта, успешный опыт которого предполагается адаптировать в новых условиях;

2) горизонтальный поиск (анализ поддерживающих факторов – тех условий, которые должны обязательно присутствовать для успешной реализации проекта);

3) вертикальный поиск, предполагающий обоснование тождественности каузальных ролей: роли, которую сыграл конкретный алгоритм действий в прошлом, и той роли, которую он будет играть в настоящем;

4) верификация результатов, позволяющая уточнить поддерживающие факторы и общий алгоритм реализации проекта с целью выявить неверно поставленные задачи и излишние мероприятия еще до начала осуществления проекта. Для этого используются четыре стратегии: «Предсмертная», «Мыслить перспективно», «Мыслить ретроспективно», «Это работает. Благодаря чему?» [16].

В качестве заключительного шага в рамках адаптивной модели УБС предлагается осуществление корректировки целей, поставленных университетом на первом этапе, с учетом интересов ключевых стейкхолдеров, юридических рамок реализации проекта, а также анализа «лучших практик» [12], в том числе – обширного зарубежного опыта [17].

Таким образом, одним из приоритетных направлений деятельности региональных университетов в условиях пандемии коронавируса COVID-19 является налаживание и укрепление связей с организациями-партнерами: бизнесом, некоммерческим сектором, государственной властью. Адаптивная модель УБС позволяет увязать собственные приоритеты и возможности вуза с целями третьих сторон, определить перспективы совместной деятельности, а также оценить возможные риски реализации конкретных проектов. Благодаря своей лаконичности, реализация адаптивной модели не требует серьезных финансовых вложений от университета (что особенно важно в условиях текущего сокращения доходов), однако позволяет вывести на качественно новый уровень взаимоотношения вуза с третьими сторонами, что, в свою очередь, играет важную роль в социально-экономическом развитии региона в целом.

Список литературы

1. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
2. Кокшаров В.А., Сандлер Д.Г., Кузнецов П.Д., Клягин А.В., Лешуков О.В. Пандемия как вызов развитию сети вузов в России: дифференциация или кооперация? // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 1. С. 52–73. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-52-73>
3. Валинурова А.Н. Возможности и угрозы нового информационного общества для регионального вуза // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 2. С. 22–28. doi: 10.46726/NOOS.2021.2.22-28
4. Ларионова В.А., Семенова Т.В., Мурзаханова Е.М., Дайнеко Л.В. Экономические аспекты вынужденного перехода на дистанционное обучение, или Какую цену заплатили вузы за дистант // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 1. С. 138–157.
5. Ковтун Л.Р. Трансформация финансового механизма университета в условиях реализации принципа эффективности / Л.Р. Ковтун, Е.О. Михалёва. – doi: 10.17150/2411-6262.2020.11(2).11 // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11, № 2. С. 1–10.
6. Сидорова А.А. Стратегия развития высшего образования: комплексный индикатор // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 33. С. 1–12.
7. Наука. Технологии. Инновации: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2022.

8. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.
9. *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011.
10. *Davey T., Meerman A., Galán-Muros V., Orazbayeva B., Baaken T.* The State of University Business Cooperation in Europe. Final Report. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2018.
11. *Galán-Muros V., Davey T.* The UBC Ecosystem: Putting Together a comprehensive Framework for University-Business Cooperation // *Journal of Technology Transfer*. 2017. No. 44. P. 1311–1346.
12. *Сидорова А.А.* Модели сотрудничества университетов и бизнеса в цифровую эпоху: преимущества и ограничения // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 268–283. doi: 10.24411/2070-1381-2019-10043
13. *Акопянц А.М., Бабитова Л.А.* Интернационализация сектора высшей школы в эпоху пандемии // *Сервис Plus*. 2021, № 15 (2), с. 137–143. doi: 10.24412/2413-693X-2021-2-137-143
14. *Сидорова А.А.* Управление отношениями со стейкхолдерами университета в условиях развития экономики знаний // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы 16-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2019. С. 47–53.
15. *Cartwright N., Hardie J.* Evidence-Based Policy: A Practical Guide to Doing It Better. Oxford: Oxford University Press, 2012.
16. *Сидорова А.А.* Доказательная образовательная политика: методологические основы // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 57. С. 322–339. doi: 10.24411/2070-1381-2016-00041
17. *Сидорова А.А.* Зарубежный опыт стратегического сотрудничества университетов и бизнеса в экономике знаний // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 88–99. doi: 10.24411/2073-6487-2019-10006

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ. КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Синицына М.Н.

Корпоративный университет НЛМК

Москва

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических подходов и моделей оценки эффективности обучения в России и мире, а также практическому опыту внедрения оценки эффективности в Корпоративном университете НЛМК. Целью статьи является систематизация знаний о существующих моделях и подходах к оценке эффективности обучения, описанию опыта применения модели Киркпатрика-Филлипса, а также роли цифровых технологий в процессе внедрения оценки эффективности. Практический опыт внедрения оценки эффективности обучения в Корпоративном университете НЛМК может служить основой для дальнейшего научного анализа.

Ключевые слова: корпоративный университет, цифровые технологии, эффективность корпоративного обучения

Введение. Стремительное развитие организаций всего мира и высокая конкуренция между собой заставляет задумываться над поиском новых путей развития и альтернативных конкурентных преимуществ.

Среди управляемых факторов, на которые организации могут объективно повлиять в первую очередь – человеческий капитал, его качество и составляющие элементы (компетенции, мотивация, знания, смыслы и т. д.).

Прежде чем переходить к основной теме статьи необходимо понять роль корпоративного обучения и оценки эффективности обучения для развития не только организаций, но и человеческого капитала в целом.

Так, по данным IBM Institute for Business Value и Oxford Economics, которые в 2017 году опросили 5600 руководителей по всему миру (48 стран, 18 отраслей промышленности), видно следующее. Многие бизнес-лидеры осознают, что под влиянием технологий непрерывные изменения должны произойти в их компаниях (поменяется структура, процессы), чтобы сохранить лидерство и развить свои конкурентные преимущества. Так, 60% руководителей пытаются сохранить навыки сотрудников актуальными и соответствующими условиям цифровой трансформации. Также имеется глобальный запрос на развитие базовых прикладных навыков (отметили 61% компаний), запрос на развитие технических навыков, так называемых STEM (Science, Technology, Engineering, and Math) – 61%, навыки эффективного общения, готовность быть гибким и адаптивным – 51% [1]. Итак, быстрое развитие технологий, экономическая глобализация – это те факторы, которые ускоряют развитие человеческих навыков, причем запрос на развитие soft навыков выравнивается с потребностью в технических и прикладных навыках.

На сегодняшний день подразделения, занимающиеся обучением, проходят эволюционный путь от простого проведения тренингов до статуса стратегического партнера бизнеса, существенно увеличилось разнообразие инструментов и методов обучения. Для того, чтобы оценить роль корпоративного обучения приведем некоторые данные.

Согласно исследованию Training Magazine, в котором приняли участие американские коммерческие и образовательные организации:

Средние расходы (в долларах США) на обучение в крупных и небольших компаниях сократились с 22 млн долларов в 2020 году до 17,5 млн долларов в 2021 (в крупных компаниях:

10 000 и более сотрудников), с 506 819 до 341 505 долларов (в небольших компаниях: 100–999 сотрудников), однако, в компаниях среднего размера (1000–9999 сотрудников) расходы увеличились в среднем на 490 тыс. долларов в 2021 году.

В 2021 году на одного сотрудника в среднем организации потратили 1071 доллар, в 2020 году этот показатель составлял 1111 долларов.

В среднем сотрудники потратили на обучение 55,4 часов в 2020 году и 64 часа в 2020 году.

Основными продуктами организаций станут цифровые продукты, которые компании планируют приобрести в 2022 году: инструменты разработки продуктов и услуг, системы онлайн-обучения и системы управления обучением. Около 35% компаний готовы инвестировать в эти продукты. Программное обеспечение для презентаций (25%), игры и симуляторы (21%), технологии виртуальной реальности (10%), системы взаимодействия с клиентами (10%). Бизнес-навыки планируют приобретать – 8%.

Среди статей расходов, которые удалось сократить почти вдвое по сравнению с 2020 годом – поездки, обслуживание учебных помещений, разработка собственных программ и оборудование [2].

Очевидный перевес планируемых инвестиций в цифровые продукты и услуги позволит компаниям высвободить человеческий капитал от рутинных операций, управлять образовательным опытом сотрудников, а также внедрить обучение в непрерывный рабочий процесс. Сам 2022 год можно смело назвать годом цифровой трансформации корпоративного обучения не только для американского рынка обучения, но и для российского, который ставит во главу угла развитие цифровых платформ и продуктов.

Феномен пандемии оказал влияние на экономию бюджета обучения по некоторым статьям расходов. Как показали данные выше, для одной компании может быть оптимальным сокращение бюджета на обучение, но увеличение часов обучения и больший охват сотрудников (преимущество для небольших организаций), увеличение бюджета и часов обучения характерно для средних компаний, сокращение бюджета и часов обучения характерно для крупных компаний.

Интересен не только бюджет, но и в целом как человеческие и финансовые инвестиции влияют на прибыль компании, вовлеченность и удовлетворенность сотрудников полученным обучением и дальнейшим применением этого обучения.

Если речь идет о небольшом вкладе в сотрудников – до 10 тыс. на человека, то это не считается «дорогой инвестицией», но когда речь заходит о дорогостоящих, продолжительных программах, то на помощь приходит процесс оценки эффективности обучения, разговор с бизнесом на основе данных и фактических показателей до и после разработки продуктов. Корпоративное обучение не проводится ради обучения, у него всегда должна быть весомая цель и осязаемый бизнес-результат.

Оценка эффективности в XXI занимает одно из ведущих ролей в функции корпоративного обучения. Приведем ряд данных, которые подтверждают этот факт.

По данным официального документа KnowledgeAdvisors (новое название – Explorance), в 2014 году в среднестатистической организации 45% результатов обучения в итоге не применяется на практике [3].

По данным исследования Роба Бринкерхоффа (2004 год), чуть более 15% респондентов применили усвоенный материал в дальнейшей работе, менее 20% ни разу не попытались применить его, а остальные 65% пытались применить полученные знания, но в течение 30 дней или еще раньше возвращались к привычным методам [4].

Если говорить о картине в целом, то 60% компаний мира говорят о неспособности измерить влияние обучения. Однако только 9% говорят, что не видят в этом смысла. Определение бизнес-показателей, на которые влияет обучение – это сложная задача. Одним компаниям не хватает

навыков и технологий для сбора и анализа данных, другим времени или встраивания оценки эффективности в стратегию обучения. Менее 4% компаний говорят, что все их учебные программы / проекты основаны на наборе конкретных, определенных показателей [4]. Отсутствие показателей для измерения эффективности обучения – огромная проблема. Процесс измерения обучения необходимо начинать до момента запуска обучения, но не многие организации основывают свои учебные программы на определенных показателях.

Колоссальные инвестиции в обучение требуют обоснования и доказательной базы, опирающейся на факты. Следует отметить, что процесс оценки эффективности научно обоснован и опирается на ряд теоретических моделей.

Рассмотрим самые применяемые модели оценки эффективности и опыт их применения.

Модель человеческого капитала – модель основана на измерении производительности компании через определение пробелов в знаниях и навыках сотрудников и отдачи от их восполнения через систему обучения. Параметрами оценки при ее использовании являются проблемы в реализации бизнес-процессов (в денежном эквиваленте), оценка знаний и навыков, необходимых сотруднику для устранения проблем в бизнес-процессах, а также проблемы в реализации бизнес-процессов, связанные с работой сотрудников [5].

Модель «Таксономия Блума» (Bloom's Taxonomy), 1956 год – модель состоит из трех частей – перекрывающихся сфер, которые часто называют «Знания» (когнитивная сфера), «Установки» (эмоциональная сфера), «Навыки» (психомоторная сфера). Алгоритм планирования и оценки эффективности по модели «Таксономия Блума» состоит из:

- Определения потребности обучения;
- Постановки целей обучения;
- Определения методов обучения;
- Проведения обучения;
- Оценки эффективности обучения по ключевым словам-триггерам из каждой сферы [6].

Сильная сторона модели – включение всех психосоциальных, психофизических процессов, которые могут быть задействованы при обучении. Сферы, предложенные Блумом, нашли отражение в самой популярной модели оценки эффективности – Модели Киркпатрика.

Модель Киркпатрика, 1954 год – модель состоит из четырех уровней, важность этих уровней для разных заинтересованных сторон (стейкхолдеров) различна:

Уровень 1 (реакция): степень, в которой участники находят программу обучения благоприятной, привлекательной и соответствующей их работе

Уровень 2 (знание): степень, в которой участники приобретают предполагаемые знания, навыки, отношение, уверенность и приверженность, основанные на их участии в учебной программе.

Уровень 3 (поведение): степень, в которой участники применяют то, что они узнали во время учебной программы, когда они возвращаются на работу.

Уровень 4 (результаты): степень, в которой результаты целевой программы достигаются и вносят вклад в результат организации самого высокого уровня. [7].

Если Дональд Киркпатрик не планировал связать уровни оценки с финансовыми показателями, то Джек Филлипс предложил показатель *ROI (Return on Investments)* и ввел новый 5 уровень оценки, а также дополнил уровни, предложенные Д. Киркпатриком.

ROI (Return on Investments) – показатель, предложенный для измерения отдачи от инвестиций в обучение как отношение денежного выражения всех выгод, связанных с обучением, к денежной оценке всех затрат (инвестиций) в обучение. Формула расчета: $ROI = \text{Net Program Benefits} / \text{Program Costs} \times 100$ [8].

Обзор моделей представлен неполным, это не исключает значимости других моделей оценки эффективности. Можно сделать вывод о том, что модели так или иначе пересекаются

в объектах оценки – эмоциональная сфера, изменение поведения и развитие компетенций, также во внимание взяты бизнес-процессы и задачи сотрудников.

Ряд моделей оценки эффективности получили практическое развитие в XXI веке. Многие из них претерпели авторские изменения и были дополнены и расширены. Модель Киркпатрика в 2016 году стала самой популярной моделью оценки эффективности по мнению более 100 компаний, следом идет модель Дж. Филлипса (см. Рисунок 1. Наиболее популярные модели оценки эффективности, 2016 год). [9]. Популярность моделей можно объяснить следующим образом. Корпоративное обучение должно не просто идти в ногу с бизнес-стратегией компании, но и опережать на несколько шагов видение основных заказчиков обучения. Логическая структура моделей и важные для бизнес-заказчиков 3 и 4 уровни оценки помогают организациям отразить непосредственный вклад в обучение (доля субъективной оценки есть, но важен сам фокус сотрудников корпоративного обучения не столько на разработке продукта, а на бизнес-результате и существенной пользе для сотрудников).

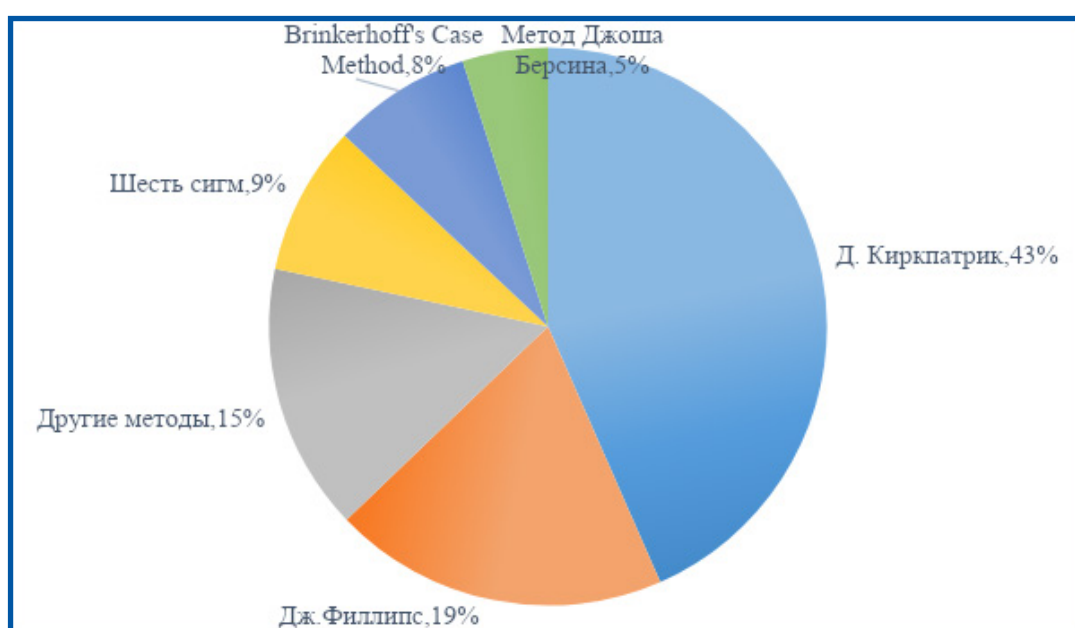

Рисунок 1. Наиболее популярные модели оценки эффективности, 2016 год

На данный момент мировые компании сделали прорыв в оценке эффективности обучения, такие компании как Explorance, KraftHeinz, Cisco, PWC, EY, Telstra, Basf, корпоративные университеты Сбера, НЛМК.

Амбиции Корпоративного университета НЛМК (далее – КУ НЛМК) по внедрению оценки эффективности. Основные этапы и шаги по внедрению. Прежде всего необходимо обозначить цель оценки эффективности – отслеживание эффективности образовательных решений, вклад КУ в достижение стратегических целей компании для последующего анализа результатов и принятия решений о дальнейших действиях. КУ НЛМК первым на российском рынке создал подразделение по оценке эффективности обучения.

Первым этапом стала разработка методологии по оценке эффективности обучения и разработка методических рекомендаций. Был изучен международный и отечественный опыт по внедрению оценки эффективности обучения. Проведены ряд референс-визиты в международные и российские компании и встречи с лидерами и идеологами процесса оценки эффективности, такими как – Ken Fillips, Roy Pollock и др.

Были выделены следующие объекты оценки эффективности: образовательные решения и процессы КУ (см. Рисунок 2. Система оценки эффективности КУ НЛМК: объекты оценки).

Рисунок 2. Система оценки эффективности КУ НМЛК: объекты оценки

Второй этап – внедрение модели оценки эффективности.

Утвержденная система оценки эффективности образовательных решений (на основе V-модели Киркпатрика-Филлипса) опиралась на описанные выше модели, но была адаптирована под цели и задачи компании и имеет свои особенности, например, неразрывная связь всех уровней оценки между собой. Рассмотрим особенности построения уровней оценки:

Уровень 1 – реакция (фокус оценки: удовлетворенность участников обучением, работой тренера, актуальностью образовательных решений (ОР) для участников и готовность использовать полученные знания и навыки). Реализуется для 100% ОР с помощью анкет обратной связи. Анализ анкет проводится на ежемесячной основе. По результатам вносятся корректировки в образовательные решения, корректируется и совершенствуется работа тренеров.

С целью единства всех уровней уже на первом уровне «Реакция» в анкете обратной связи задается вопрос: «На какие бизнес-задачи влияет пройденное обучение?». Это позволяет выдвинуть гипотезы о влиянии обучения на бизнес-результаты. Например, обучение по образовательному решению «Цифровизация НМЛК» по мнению участников обучения влияет на автоматизацию процессов, реализацию проектов, работу в команде, улучшение в сфере продаж, разработку цифровых продуктов. Данные гипотезы проверяются на уровне 4 «Результаты».

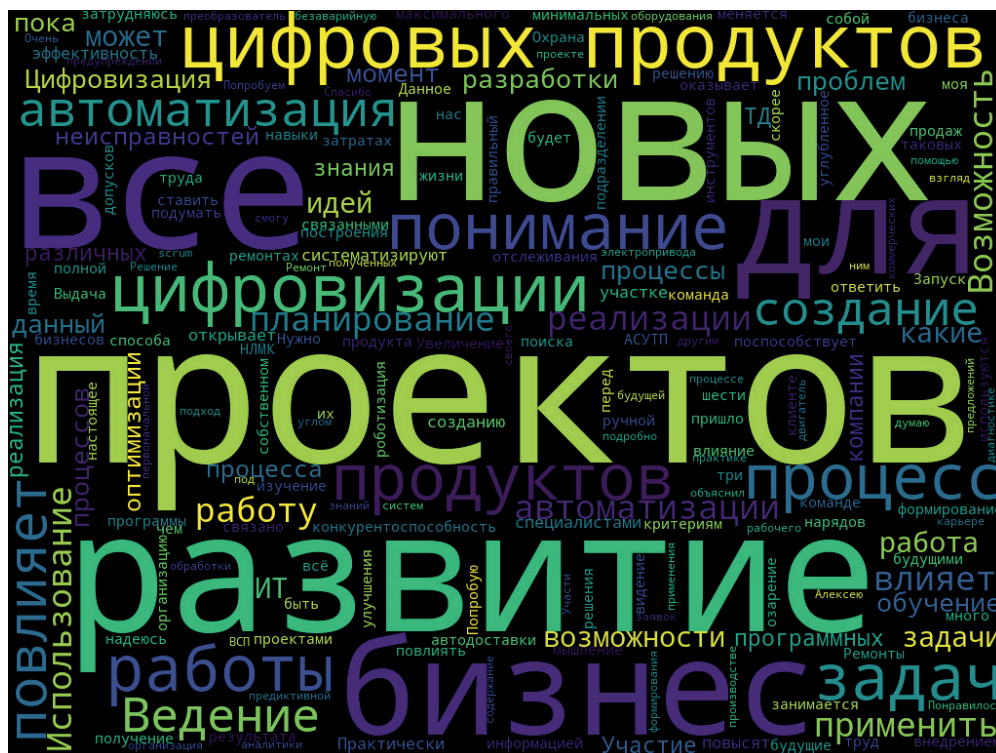

Рисунок 3. Ответ на вопрос «На какие бизнес-задачи влияет пройденное обучение?»

Уровень 2 – понимание (фокус оценки: дельта в знаниях). Измеряется с помощью тестов знаний до и после обучения, внедрены для 100% ОР смешанного формата и для 50% ОР электронного формата. Подсчет дельты происходит по результатам каждого обучения, анализ проводится на ежемесячной основе. Вопросы тестов знаний имеют связь с компетенциями и индикаторами на развитие которых направлено ОР. При анализе тестов знаний выявляются наименее проработанные темы ОР и корректируется работа тренера в части раскрытия «западающих» тем, разработчик корректирует контент – дополняет его примерами, дополнительными материалами, раскрывающими тему, т. к. вопросы в тесте проверяют не только знания, но и понимание по критически важным темам, часть вопросов посвящена поведению, которое ожидается от сотрудников после обучения.

Уровень 3 – поведение (фокус оценки: дельта изменения в поведенческих индикаторах и компетенциях). Изменение уровня поведения проводится с помощью опросов и интервью с сотрудниками, которые прошли обучение, и их руководителями. На данный момент дельта в уровне компетенций считается в комплексных программах (Школа мастеров, Level Up). В процессе – запуск подсчета дельты по всем ОР.

Уровень 4 – результаты (фокус оценки: прибыль, качество, время, эффективность, удовлетворенность заказчиков/сотрудников и т. п.). По итогам 2020 года был проведен анализ выполнения стратегических целей компании по функциональным направлениям, анализ EBITDA. В результате были определены «западающие» компетенции и на основании их выбраны темы для ОР на разработку в 2021 году. Здесь немаловажную роль играет подразделение контроллинга и HR. Для того, чтобы отследить и выявить изменения в производственных, бизнес-показателях и др. показателях необходимо на этапе согласования программ на разработку определить показатели эффективности программы для изменения/обновления.

Третий этап – автоматизация модели оценки эффективности.

На рисунке 4 представлены платформы, на которых уже частично автоматизирована модель оценки эффективности.

	Уровень 1	Уровень 2	Уровень 3	Уровень 4	Процессы КУ	Аналитика
Объекты оценки КУ	<ul style="list-style-type: none"> Удовлетворенность участников ОР Готовность использовать полученные знания и навыки Удовлетворенность работой тренера 	<ul style="list-style-type: none"> Дельта в знаниях, степень усвоения знаний Понимание, как интегрировать новые навыки и знания в рабочую деятельность 	<ul style="list-style-type: none"> Уровень изменения в поведенческих индикаторах и компетенциях 	<ul style="list-style-type: none"> Бизнес-результат (прибыль, качество, время, эффективность, удовлетворенность заказчиков/сотрудников и т.д.) Соответствие ожиданиям бизнес-заказчика 	<ul style="list-style-type: none"> Стратегия Предложение Рынок Ресурсы Влияние 	Визуализация аналитических отчетов (дашборды)
Платформа	StartExam		Платформа HR	Платформа контроллинга	SAP SuccessFactors	Tableau

Рисунок 4. Платформы для оценки эффективности КУ

За время существования КУ накопил большое количество данных, которые на данный момент систематизированы в дашборд (с целевой аудиторией ТОП-20 менеджеров компании) на базе Tableau. В планах Корпоративного университета в 2022 году внедрение цифровых продуктов и систем занимает ведущее место: полный переход на автоматизацию при сборе, обработке данных и внедрении предиктивной аналитики, а также внедрение дашбордов. Кроме того, помимо цифровизации, один из векторов направления – накопление доказательной базы влияния обучения на уровнях 3 и 4, а также выстраивание научно доказанной эффективности с помощью использования методов математической статистики.

В XXI веке в эпоху цифровых, глобальных изменений, а также масштабных инвестиций в человеческий капитал инструмент оценки эффективности обучения является критическим фактором в стратегии обучения и развития компании. Цифровые инструменты являются неотъемлемым элементом при внедрении оценки эффективности.

Список литературы.

1. IBM's Your Learning and Watson – Together a game changer in learning, 2017. URL: <https://pubs.royle.com/publication/?m=20617&i=727569&p=20> (дата обращения: 13.01.2021).
2. Training industry report, 2021. URL: <https://pubs.royle.com/publication/?m=20617&i=727569&p=1&ver=-html5> (дата обращения: 13.01.2021).
3. 2014 Top Insights for the World's Leading Executives. URL: https://www.shl.ru/uploads/file/SHL_-_Report_-_Top_Insights_2014_Eng.pdf (дата обращения: 13.01.2021).
4. Richard Pachter, How Do We Measure the Behavior Change and Business Impact of Learning? 2021. URL: <https://www.brandonhall.com/blogs/how-do-we-measure-the-behavior-change-and-business-impact-of-learning/> (дата обращения: 13.01.2021).
5. EduTech, № 2, 2016 / Оценка эффективности обучения: что ожидают стейкхолдеры и как эти ожидания совместить? URL: https://iem.tsu.ru/sites/default/files/news_files/edutech_no2_2016.pdf (дата обращения: 13.01.2021).
6. Денисова А.В. Применение модели «Таксономия Блума» в оценке эффективности обучения // Управление персоналом, № 12 2005. С. 28–30.
7. The Kirkpatrick Model. URL: <https://www.kirkpatrickpartners.com/the-kirkpatrick-model/> (дата обращения: 13.01.2021).
8. Эффективность обучения, словарь терминов. URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/glossary/900/> (дата обращения: 13.01.2021).
9. SEB. Learning Analytics: Measurement Innovations to Support Employee Development, 2016. URL: <https://www.skillsoft.com/book/learning-analytics-measurement-innovations-to-support-employee-development-b9fce320-f409-11e6-adc4-0242c0a80902> (дата обращения: 13.01.2021).

Вопросы публичной политики

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ВЫЗОВЫ, КОНФЛИКТЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

Андреева Н.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Широкое распространение новой коронавирусной инфекции в мире затронула сферу гуманитарного сотрудничества многих стран, в том числе и Россию. В этот момент механизмы публичной дипломатии оказались на время скованы несмотря на то, что ее повестка оставалась актуальной. Работа посвящена конфликтам и трудностям, с которыми столкнулась российская публичная дипломатия в период пандемии COVID-19. Новые вызовы показали слабые и уязвимые места политических систем, а также выявили новые возможности для проведения международного сотрудничества для разрешения проблемы.

Ключевые слова: публичная дипломатия, гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», COVID-19, пандемия

Ударивший в 2020 году по всему миру глобальная эпидемия коронавируса на неизвестный срок серьезно внесла изменения в жизнь общества. Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на политическую систему во всем мире, затронув также сферу публичной дипломатии. Выявив недостатки многих государств, она поставила под угрозу порядок существующего мироустройства, сдвинув приоритеты многих стран в сторону здравоохранения и безопасности. Последствия социальной изоляции, экономического кризиса и антикризисных действий оказали дополнительную нагрузку государствам к современным социально-гуманитарным вызовам и рискам. Несомненно, пандемия стала проверкой мирового единства и возможности сосуществовать мирно в многокультурном пространстве.

Заместитель Генерального секретаря по гуманитарным вопросам и Координатор чрезвычайной помощи Мартин Гриффитс заявил, что в 2022 году в гуманитарной помощи будут нуждаться 274 млн человек, что на 17 процентов больше, чем в 2021 году. В аналогичном обзоре на 2021 год указывалось, что в защите будут нуждаться 250 млн человек во всем мире, это на 40% выше, чем в 2020 году. Отмечается, что такой высокий рост связан с быстрым распространением пандемии [12].

В разгар COVID-19 многие страны действительно остро нуждались в оказании гуманитарной и социальной помощи, так как государственная система не справлялась с оказанным давлением. К тому же, поддержка в этом направлении потребовалась и в благополучных странах-донорах из-за чрезмерной нагрузки на здравоохранение, а также последствий введенного локдауна и проблем занятости населения, что не могло не вызвать недовольства и беспорядков в обществе. Государства должны быстро реагировать на первоначальные неотложные потребности в области медицины, а также моментально предотвращать распространение вируса и обеспечивать снабжение.

Пандемия COVID-19 заметно пересмотрела социально-политический ландшафт: закрытие границ и сдерживание мобильности общества как вне, так и за территории страны. Учитывая прочность интеграционных объединений и умения государств найти правильные ответы на современные вызовы, осуществлять публичную дипломатию в прежнем формате было невозможно. Многие проекты и кампании были отменены на неопределенный срок, какие-то перенесены в онлайн. Безусловно, образовательный и культурный обмен требует полного погружения в среду

того или иного государства, что оказалось невозможным в период распространения пандемии. Коронавирусная инфекция также стала причиной примечательного слияния усилий государства и частного сектора в области здравоохранения, а также новых проявлений мягкой силы. Вместе с тем политические лидеры стали использовать новые и непривычные для себя механизмы продвижения своего имиджа за рубежом.

Только пока одни пытались предотвратить распространения вируса и спасти миллионы жизней, другие использовали новые реалии в достижении своих политических целей. В связи с этим можно подчеркнуть следующие подходы, которые более активно применялись различными государствами в создании положительного имиджа: создание вакцины и ее активное продвижение, и предоставляемая гуманитарная поддержка другим странам.

В этот период некоторые моментально стали винить в распространении вируса исключительно Китай, не разобравшись во всей последовательности образования вируса, тем самым сняв с себя ответственность. Позже обвинения также были направлены на политику Москвы. Некоторые западные журналисты и политические элиты обвинили Россию за оказание гуманитарной и медицинской помощи за рубежом. Якобы, все адресованные действия направлены на достижение внешнеполитических целей: повысить привлекательность образа на международной арене и сформировать имидж «спасителя» мира от эпидемии. Как назвали некоторые эксперты, что в международных отношениях появился новый термин – «вакцинная дипломатия» («vaccine diplomacy») или «коронавирусная дипломатия» («coronavirus diplomacy»), и Россия активно участвует в ней [2].

Действительно с начала пандемии Россия одна из немногих, которая оказывала гуманитарную, медицинскую и инфраструктурную помощь другим зарубежным странам. Согласно исследованию Центра перспективных управленческих решений и проекта «Гуманитарный монитор» по состоянию на 2 августа 2020 года Россия оказала помощь в борьбе с коронавирусом не менее чем 46 странам в основном по двусторонним каналам, выделив на финансирование в совокупности 52,5 млн долларов [3, с. 4]. Интерес к помощи появился не только в малоразвитых странах, но и благополучных, так как возросла нагрузка на их систему здравоохранения, а введенный карантин вызвал новые проблемы в экономике и социальной жизни. В этих условиях страны не могли справиться самостоятельно с современными вызовами в полной мере.

По подсчетам центра гуманитарную помощь получили ближайшие соседи России: участники СНГ за исключением Украины, а также Абхазия. Из европейских стран – Италия, Сербия, Босния и Герцеговина. В западном полушарии – США и Венесуэла. В Азии Россия помогала Китаю, Северной Корее и Монголии, на Ближнем Востоке – Ирану, Сирии и Ливану, а в Африке – Алжиру, Гвинею, Демократической Республике Конго и Джибути. На этом список не заканчивается.

Форма поддержки, оказанной со стороны Российской Федерации, имела разносторонний характер. В основном в нуждающиеся страны были отправлены тест-системы для диагностирования коронавируса, разработанные Государственным научным центром вирусологии и биотехнологии «Вектор» Роспотребнадзора, средства индивидуальной защиты (медицинские маски, защитные костюмы, перчатки, очки и пр.), искусственные вентиляции легких, бесконтактные термометры, оборудование для медицинских комплексов и др. Помимо этого был направлен медицинский персонал для помощи в борьбе с COVID-19.

В общей сложности, преимущественными адресатами гуманитарной помощи от России оказались страны ближнего зарубежья, однако помощь итальянским и американским коллегам вызвала наиболее резонансный ответ в создании положительного имиджа в зарубежном обществе и формировании определенных мнений. Согласно данным исследования Центром Пью на конец 2020 года, количество опрошенных в Италии и США с позитивной позиции о России и ее президенте выросло на 5% и 1% с предыдущего года [8].

Безусловно оказанные действия помогли получить репутационные бонусы на международной арене и повысить имидж страны. Однако не стоит упускать из внимания, что оказанная помощь странам СНГ может толковаться в рамках исторического долга ближайшим странам-соседям и экономических интересов. Введение карантина вынуждало правительства принимать меры по защите национальной экономики, обеспечению занятости населения и дополнительным социальным выплатам. Одновременно, издержки государств на здравоохранение и вакцинацию граждан оценивается высоко, что может оказать негативное воздействие в будущем на экономику страны.

Осуществляемую политику в области международной помощи можно интерпретировать по-разному, однако каждый ее инструмент служит для достижения соответствующих целей. Конечно, не стоит забывать того, что Россия также получала помощь от зарубежных партнеров: Италии, Китая, США и других. Например, Америка предоставила несколько партий аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Оказанную помощь не раз комментировали представители российской политической элиты. Так, Владимир Путин на совещании по вопросу о санитарно-эпидемиологической обстановке в РФ подчеркнул: «это не просто игра в одни ворота, это не дорога с односторонним движением. Мы покупаем в Италии датчики давления, без которых невозможно производить в России аппараты искусственной вентиляции легких. И это сотрудничество растет» [6]. Также Минобороны России отметила, что направленный военный персонал в Италию в ходе гуманитарной операции помог получить важный и полезный опыт.

Тем не менее, некоторые стали интерпретировать оказанную помощь не как попытку солидарности, а наоборот. Несмотря на тесное сотрудничество и оказание двусторонней помощи в рамках противодействия распространения коронавирусной инфекции, Россию стали обвинять в укреплении своего влияния за рубежом. Якобы политика Москвы под прикрытием гуманитарных мотивов, реализует собственные дипломатические задачи. Итальянская газета *La Stampa* в своей статье пишет: «Путин увидел в коронавирусе возможность закрепиться на итальянской политической сцене и итальянский премьер не постеснялся своей поддержки в этом нелегком кризисе, приняв все это для закрепления замечательных личных отношений с политической стороной Москвы» [9]. Премьер-министр Джузеппе Конте, как пишет газета, согласился принять российскую помощь для «укрепления прекрасных личных отношений» с Москвой. Фейковые новости также активно распространялись в социальных сетях. Ежедневная газета *la repubblica* заявила, что Россия проводит большую кампанию, где просит граждан Италии публиковать посты в социальных сетях с благодарностью Москве за оказанную помощь и предлагали каждому вознаграждения в размере 200 евро [7].

Похожие публикации встречались не только в итальянских медиа. Журналист *The Washington Post* Робин Диксон в своей статье писала об оказанной поддержке, якобы «пользу от этой помощи на самом деле извлечет не Америка, а Кремль, у которого появляется шанс для ведения пропаганды в условиях пандемии» [10]. Стоит отметить, что США получили гуманитарную поддержку, игнорируя введенные против Москвы санкции. Часть отправленной медтехники была произведена компанией, находящийся под американскими санкциями. К ним относятся аппараты искусственной вентиляции легких «Авента М», который выпускает концерн «Радиоэлектронные технологии» (КРЭТ), относящийся к «Ростеху».

В то время Европейский союз не пошел на такие уступки, официальный представитель Еврокомиссии Питер Стано обратился к депутатам Европарламента с требованием «не допустить отмены санкций против России под предлогом борьбы с пандемией коронавируса» [5]. Позже Европейский союз все-таки решил выделить поддержку в размере 13 млн евро России, из общей суммы в 38,5 млрд евро [10]. Эти средства были направлены для решения неотложных вопросов в сфере здравоохранения и обеспечения гуманитарных потребностей, а также на экономическое восстановление и меры социальной защиты странам-партнерам по всему миру.

Существуют разные мнения, почему ЕС направил поддержку Москве. Одни это интерпретируют, как проигрыш в «гонке» за вакцину, тем самым удерживая международный престиж и показывая равнодушие к проблеме. Другие к искренним желанием помочь партнерам справиться с последствиями от пандемии COVID-19.

Таким образом, новый вирус открыл истинное настроение политических лидеров, продемонстрировав национальный эгоцентризм. Перед общей мировой проблемой страны отказались поддерживать друг друга и оказались наедине с мировым врагом. Более того некоторые члены Евросоюза отказались принимать в больницы итальянских больных, когда страна вышла на критический уровень. Чехия в этот момент на таможне изъяла средства индивидуальной защиты, предназначенной Италии.

Можно сказать, что современные вызовы стали проверкой для общества на умение объединяться и действовать едино. Победить эпидемию можно и нужно только совместными усилиями, продемонстрировав солидарность и уважение к партнерам. К сожалению, нашлись те, кто использовал современные реалии в целях конкуренции и шантажа. В своем обращении к Совету Безопасности 24 сентября 2020 года генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш заявил, что пандемия была «тестом на способность к международному сотрудничеству, который мы в сущности провалили» [11].

Быстро распространяющийся вирус невозможно удержать в пределах национальных границ. Его противостояние требует от лидеров стран единых усилий в обмене информацией о выявленных случаях, распространении новых штаммов и разрабатываемых методов лечения. Сегодня мы наблюдаем, как государства пытаются бороться с проблемой самостоятельно. В таких условиях рождается конкуренция между государствами, создаются геополитические напряжения: члены ЕС действуют в одиночку, не оказывая поддержку странам, находящимся в критическом состоянии. В частности, такие условия создают недоверия к таким институтам как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организацию Объединенных Наций (ООН), так как не смогли оказать должную поддержку в борьбе с пандемией. Для того чтобы мир, преодолел распространения COVID-19 и подобными эпидемиям в будущем, странам необходимо вести открытый и ориентированный на результат диалог.

Если говорить про Россию, то безусловно пандемия COVID-19 показала существующие проблемы в области публичной дипломатии и защиты своих интересов, в то же время политика Кремля смогла укрепить потенциал «мягкой силы» и закрепить свои позиции на постсоветском пространстве. Мы одни из немногих, кто действительно оказал необходимую гуманитарную помощь ближайшим соседям, а также Италии и США. Успех на международной арене закрепил «Спутник-V», который на сегодняшний день обладает статусом первой зарегистрированной вакциной против коронавирусной инфекции во всем мире. Отечественный препарат показал свою эффективность свыше 90% вместе с американскими вакцинами «Пфайзер» и «Модерна» [1].

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что мы не должны останавливать работу в этом направлении, а наоборот смелее обращаться к механизмам публичной дипломатии и не забывать про солидарность и международный долг, как это было свойственно нашей стране на протяжении многих лет. Пандемия указала на уязвимые моменты и показала недочеты международного сотрудничества. Оказалось, что вывести из равновесия легко не только ослабленные страны, но и крупные державы.

Как и прежде, каждое государство имеет собственные цели, где политические элиты преследуют свои интересы, одни из них пытаются оказать свое влияние и дестабилизировать обстановку в мире. Несмотря на все трудности, многие сделали важный вывод, что бороться индивидуально сейчас практически невозможно, нужно оказывать помощь как себе, так и другим. Это поможет не только преодолеть распространения эпидемии COVID-19, но и повысит имидж каждого на международной арене в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. *Воронин Н.* Гонка вакцин от коронавируса. Мы их сравнили, и вот что получилось. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54963792> (дата обращения: 20.12.2021).
2. Годовой отчет и план на 2022 год офиса ООН по координации гуманитарных вопросов. URL: <https://gho.unocha.org> (дата обращения: 20.12.2021).
3. *Дружинин А.* Путин рассказал о закупках деталей для аппаратов ИВЛ у Италии. URL: <https://ria.ru/20200420/1570307363.html?in=t> (дата обращения: 17.12.2021).
4. *Жозеп Боррель.* ЕС и Россия должны отказаться от негативной риторики и начать честный диалог. URL: <https://www.interfax.ru/interview/749405> (дата обращения: 17.12.2021).
5. *Латышев А., Медведева А.* «Коренной перелом еще не произошел»: в ЕС не собираются отменять санкции против РФ в условиях глобальной пандемии. URL: <https://russian.rt.com/world/article/735159-es-sankcii-pandemiya> (дата обращения: 17.12.2021).
6. *Шакиров О.И., Петросян М. К, Соловьев Д.Б.* Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогала Россия во время пандемии COVID-19? – М.: ЦПУР, 2020. С. 4.
7. *Fabio Tonacci.* «200 euro se ringrazi la Russia per gli aiuti»: quello strano arruolamento su WhatsApp. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2020/04/12/news/russia_propaganda_a_pagamento-253794264/ (дата обращения: 17.12.2021).
8. *Huang C.* Views of Russia and Putin remain negative across 14 nations. 2020. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/12/16/views-of-russia-and-putin-remain-negative-across-14-nations/> (дата обращения: 17.12.2021).
9. *Jacopo Iacoboni.,* Coronavirus, la telefonata Conte-Putin agita il governo: “Più che aiuti arrivano militari russi in Italia” – Coronavirus, la telefonata Conte-Putin agita il governo: “Più che aiuti arrivano militari russi in Italia”. URL: <https://www.lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/03/25/news/coronavirus-la-telefonata-conte-putin-agita-il-governo-piu-che-aiuti-arrivano-militari-russi-in-italia-1.38633327/> (дата обращения: 17.12.2021).
10. *Robyn Dixon.* Trump called Russia’s coronavirus aid to U.S. «very nice». URL: <https://www.washingtonpost.com/world/europe/russia-coronavirus-aid-us-putin/2020/04/01/39d52cb2-74> (дата обращения: 17.12.2021).
11. Security Council. Secretary-General Highlights ‘Essential’ Failure of International Cooperation, in Address to Security Council Meeting on Post-Coronavirus Global Governance. URL: <https://www.un.org/press/en/2020/sc14312.doc.htm> (дата обращения: 20.12.2021).
12. *Walker S.* Coronavirus diplomacy: how Russia, China and EU vie to win over Serbia. 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/13/coronavirus-diplomacy-how-russia-china-and-eu-vie-to-win-over-serbia> (дата обращения: 16.12.2021).

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ

Горский-Мочалов В.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург

Аннотация. Статья раскрывает тему публичной власти в контексте университетской автономии. Рассмотрены конституционные основы университетской автономии в практике Конституционного Суда Российской Федерации, текстах европейских конституций и практике европейских органов конституционной юстиции. Подробно изучена практика Конституционного Суда Чехии, который выделяет государственную и негосударственную публичную власть и рассматривает университетскую автономию как одну из форм последней. Делается вывод об отсутствии существенных противоречий этого подхода отечественной доктрине и о возможности его развития в российской конституционной практике.

Ключевые слова: публичная власть, университетская автономия, конституциональные основы публичной власти

Статья подготовлена при поддержке ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований» в рамках реализации научного проекта № 20-311-90081 «Конституционные пределы правового регулирования образования»

1. Принцип университетской автономии в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Университетская автономия в России (в формулировке «автономия образовательных организаций») закреплена на уровне федерального законодательства и определена нормами Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». На более высоком уровне – конституционном – принцип университетской автономии не сформулирован, однако Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) признаёт, что этот принцип «является основополагающим для деятельности вузов и входит в число тех правовых принципов, на которых основывается государственная политика в области образования, определяются взаимоотношения государства и высших учебных заведений» (Постановление КС РФ от 27.12.1999 № 19-П). Противоречие между признанием принципа как «основополагающего» и отсутствием каких-либо формулировок о нем в тексте Конституции приводит к неясной практике КС РФ: конституционно-правовое толкование университетской автономии расширяется, но формально-юридическое обоснование принципа со ссылкой на конкретные нормы Конституции не разработано [1].

2. Принцип университетской автономии в европейских конституциях. Почти в половине стран Европы конституции содержат нормы, так или иначе прямо признающие университетскую автономию. Кроме того, анализ конституционной практики европейских стран показывает, что даже в случае отсутствия в конституционном тексте указания на принцип университетской автономии органы конституционной юстиции находят его обоснование в иных нормах конституции – как правило в принципе академической свободы (свободы научных исследований), которая иногда рассматривается как частный случай свободы выражения мнений. Таким образом, независимо от прямого закрепления университетской автономии в конституционном тексте, она признается в качестве субъективного конституционного права (свободы) [2].

Вместе с тем, конституционно-правовое содержание университетской автономии было бы ошибочно рассматривать как ограниченное областью фундаментальных прав и свобод.

Напротив, конституционные основы автономии вузов выходят за пределы собственно конституционных прав и свобод и могут быть обнаружены в области самих основ публичной власти.

Некоторые европейские конституции закрепляют университетскую автономию не в главе, посвященной правам и свободам, а среди положений, описывающих систему публичной власти. Так, статья 63a26 Конституции Швейцарии, закрепляющая автономию университетов, расположена в главе 2 «Власть» и представлена следующим образом: «Конфедерация и кантоны совместно отвечают за координацию и гарантию качества швейцарского высшего образования. При выполнении этой обязанности они должны учитывать автономию университетов и различных органов, отвечающих от их имени, и обеспечивать равное отношение к учреждениям с одинаковыми функциями» [3]. Таким образом автономия университетов является требованием к деятельности публичной власти, но не закреплена как субъективное право учебных заведений.

Статья 123 Конституции Финляндии, устанавливающая самоуправление университетов, содержится в главе 11, которая посвящена системе государственного управления и самоуправления в целом. Статья устанавливает, что университеты являются самоуправляемыми в соответствии с более детальным законодательным регулированием, при этом указание на наличие субъективного права университетов отсутствует [4].

Как было отмечено выше, такая форма закрепления университетской автономии в конституции не обязательно означает непризнание автономии как конституционного права (свободы), так как даже в отсутствие какого-либо указания на принцип автономии университетов в тексте конституции органы конституционной юстиции с большим успехом выводят его из других положений. Однако примеры Швейцарии и Финляндии демонстрируют, что автономия университетов значима не только как конституционное право, но и может иметь самостоятельное значение в системе публичной власти.

3. Опыт Конституционного Суда Чехии. Развитие публично-властного подхода к обоснованию университетской автономии можно заметить в практике Конституционного Суда Чехии (далее – КС Чехии).

В тексте Конституции Чешской Республики нет буквального указания на принцип автономии высших учебных заведений. При этом часть 2 статьи 15 Хартии основных прав и свобод (1992) закрепляет гарантию свободы научного исследования (Хартия является частью Конституции Чешской Республики) [5].

В практике КС Чехии принцип университетской автономии стал упоминаться уже вскоре после образования современной Чехии, что тесно связано с самой историей этого образования.

В решении от 3.12.1996 № Pl.ÚS-st. 3/96 КС Чехии отмечал: «Закон о высшем образовании, который в подлинном смысле был одним из законов, связанных с ноябрем 1989 года, устранил недемократическое централизованное управление университетами со стороны государства, ввел их широкую автономию и закрепил академические права и свободы» [6]. Тем самым, связывая университетскую автономию с событиями Бархатной революции и историей возникновения независимой демократической Чехии, Суд обозначил принцип университетской автономии как одну из основ демократического режима.

Вместе с тем, КС Чехии одновременно с признанием такого значения университетской автономии указывал на ясные пределы такой автономии. В решении от 3.4.1996 № Pl.ÚS 32/95, рассматривая нормы процессуального законодательства, препятствующие обжалованию в суд решения университета об отказе в приеме на обучение в университет, КС Чехии отметил, что наличие автономии не позволяет университетам навязывать абитуриентам условия, нарушающие их основные права человека, в том числе дискриминируют по национальному, этническому,

религиозному или иному признаку [7]. Эта позиция отражена и в последующих решениях КС Чехии (например, в решении от 8.08.2017 № III.ÚS 1986/17 [8]).

Закрепляя в своей практике конституционный принцип университетской автономии, КС Чехии не ограничился ссылкой на его значение для демократии и исторический контекст, о чем свидетельствует его решение от 13.5.2014 № II.ÚS 3764/12. КС Чехии рассматривал дело, в котором Академический Сенат Технико-экономического института в Ческе-Будеёвице самостоятельно назначил исполняющего обязанности ректора, при том что по закону ректор назначается Президентом. Причиной такого положения стало то, что прошлый ректор оставил свою должность, тогда как новый еще не был назначен; законодательство же содержало пробел в вопросе о том, кто в такой ситуации уполномочен выступать от имени образовательного учреждения. В этой части КС Чехии оценил действия Академического Сената как реализацию принципа академического самоуправления.

Далее КС Чехии указал на конкретную конституционную норму, которая служит основанием университетской автономии, – на часть 2 статьи 15 Хартии основных прав и свобод (1992), которая гарантирует свободу научного исследования. Как отметил КС Чехии, институциональная составляющая свободы научных исследований включает в себя автономию высших учебных заведений (самоуправление высшего образования), которая в свою очередь включает их независимость от органов государственной власти, в частности, в вопросах организационной структуры и самоуправления. Там же, КС Чехии именуется принцип университетской автономии «конституционным принципом академического самоуправления» (*ústavní princip akademické samosprávy*): «В этой ситуации Конституционному Суду представляется логичным, что вопрос об отсутствии законодательно регулируемой компетенции лица, на которое возложена функция ректора, должен быть решен путем ссылки на (конституционный) принцип академического самоуправления, поскольку для выполнения своей миссии университет должен иметь уставной орган, который мог бы действовать в интересах ректора» [9].

Таким образом, университетская автономия (академическое самоуправление) определяется как очевидное следствие свободы научных исследований.

Однако более значимое, на наш взгляд, описание основ университетской автономии КС Чехии дал в решении от 28.2.2017 № IV.ÚS 3638/15, которое напрямую не касалось вопроса автономии вузов. В этом деле Суд внимательно рассмотрел вопрос о том, подлежат ли применению нормы об ответственности за ущерб, причиненный при осуществлении государственной власти, к случаям ущерба, причиненного профессиональным объединением адвокатов. Для этой цели тщательно рассмотрен вопрос о соотношении государственной власти и публичной власти, в рамках которого была упомянута и университетская автономия.

В частности, опираясь на доктринальные положения, Суд представил концепцию, в соответствии с которой публичная власть включает в себя государственную и «иную публичную власть». «Иная публичная власть» – это власть, которая реализуется негосударственными образованиями и их органами. Самоуправление, то есть управление собственными делами, может быть территориальным, профессиональным и иным (например, образовательное и академическое). Предметом самоуправления является управление публичными делами на местном (территориальном) уровне (муниципалитеты, регионы), или в связи с осуществлением определенной «свободной» профессии (профессиональные палаты), или в качестве осуществления академической свободы (государственные университеты). Самоуправление отличается от косвенного государственного управления именно тем, что осуществляется (разумеется, на основе закона и других правовых норм) самостоятельно; соответствующий субъект не находится – в рамках, предусмотренных законом, – в подчиненных отношениях с какой-либо вышестоящей административной властью. Вмешиваться в его самоуправленческую деятельность или контролировать ее возможно только на основании закона и лишь в ограниченном объеме.

Суд описывает такую децентрализацию власти как «организационный принцип публичной власти, предполагающий делегирование компетенции и власти, характеризующееся высокой степенью автономии».

Эти суждения вынесены Судом в рамках толкования части 3 ст. 36 Хартии основных прав и свобод, а именно содержащихся в ней понятий «государственный орган» (*státní orgán*) и «орган государственного управления» (*orgán veřejné správy*) [10].

С точки зрения такого толкования, принцип автономии вузов наравне с другими формами самоуправления в публично значимых сферах основывается на конституционно-правовой природе публичной власти. Представленная концепция выводит конституционные основы университетской автономии (как и иной организационной автономии) за пределы собственно конституционных прав и свобод, подводит под автономию в качестве фундамента основы самого по себе демократического строя. Остается заметить, что такой подход соответствует идеям, отраженным еще в решении КС Чехии от 3.12.1996 № Pl.ÚS-st. 3/96, упомянутом выше.

Таким образом, практика КС Чехии обнаруживает университетскую автономию и как конституционное право, и как следствие самой природы публичной власти в демократическом государстве.

4. Принцип децентрализации публичной власти. Рассмотрение автономии вузов, их независимости от государственной власти как признака того, что и сами они, вузы, обладают публичной властью, может показаться непривычным для отечественной юриспруденции. Однако в действительности такой подход соответствует логике правового демократического государства, а идея децентрализации власти как признака демократии весьма популярна в российской доктрине.

С.С. Алексеев в 1992 году в статье «Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки» описывал главные звенья, с помощью которых формируется демократическая организация государственной власти, не допускающая тоталитаризма: «разделение властей, федерализм, формирование муниципальной власти, ограниченной от государственной». [11, стр. 47]

Он настаивал на децентрализации власти во всех направлениях — как по горизонтали, так и по вертикали. Сильное демократическое государство, по убеждению С.С. Алексеева, характеризуется тем, что «власть в таком, современном государстве «вписана» во всю сложную систему политико-властных, организационных, правовых отношений и обставлена отработанными демократическими институтами и механизмами, относящимися к разделению властей, федерализму, власти и муниципальному самоуправлению». [11, стр. 30–31]

С.А. Авакьян в статье «Конституционный строй России как воплощение современной концепции конституционализма» обращает внимание, что власть не должна ограничиваться властью государственных органов, что «такой важный элемент конституционализма, как демократия, должен находить проявление как в государственных, так и в общественных институтах». [12, стр. 9].

В работе А.А. Троицкой «Пределы публичной власти: конституционно-правовое осмысление» выделяются четыре основных конституционных принципа, выступающих пределами публичной власти: верховенство права, народовластие, разделение властей, федерализм. [13, стр. 47]

Таким образом, идея ограничения государственной публичной власти иными обладающими властью институтами, разделение власти в различных направлениях, децентрализация власти — эти концепции в целом признаны отечественной доктриной.

При этом набор таких институтов публичной власти, противопоставленных централизованной государственной власти, обычно ограничивается стандартным набором: разделение власти на законодательную, судебную и исполнительную, федерализм, местное самоуправление и т. п.

Между тем, численность институтов, ограничивающих публичную власть, сильно шире и, вероятно, стремится к бесконечности. Это следует из самой сущности демократического

республиканского государства, которое учреждается народом, и наделяется определенным, ограниченным объемом власти. Пределы государственной власти могут варьироваться время от времени, однако так или иначе они обусловлены самим описанием государства (конституционным и законодательным), а не внешними институтами, будь то права и свободы граждан, местное самоуправление, академическая свобода и университетская автономия и т. д.

Этот подход можно было бы считать более характерным для американского конституционализма. Так, Александр Гамильтон в «Записках Федералиста» (Федералист № 84), возражая против необходимости принятия билля о правах, рассматривает народ как изначально обладающий всеми правами и свободами и потому не нуждающийся в «особых оговорках» с перечислением тех или иных конкретных прав [14, стр. 554]. С этой точки зрения объем государственной власти окружен бесчисленным множеством свобод, принадлежащих народу, гражданам и их объединениям, и проявляющихся в различных формах. Однако в действительности было бы некорректно считать такой подход свойственным лишь американскому конституционализму, поскольку, как указано выше, он вытекает из самого понятия демократического республиканского государства.

Представляется, что выделение отдельных негосударственных институтов публичной власти носит скорее функциональный характер — для целей особого подчеркивания пределов государственной власти бывает, судя по всему, недостаточно указать на ограниченную природу самой государственной власти, требуется подкрепить пределы внешней силой, и в этом случае описываются те или иные противостоящие государственной власти автономные институты. С другой стороны, обозначение конкретных институтов, обладающих публичной властью и ограничивающих централизованную государственную власть, является лишь наиболее очевидным способом установления пределов государства. Классические концепции ограничения государственной власти — разделение властей, федерализм, местное самоуправление — по сути представляют собой разные формы децентрализации власти, ее размножения, деления. Это, быть может, не единственный, но наиболее привычный для европейской правовой культуры способ установить пределы государства. «Разделяй и властвуй» — этот прием сдерживания подвластных субъектов, популярный у разного рода властителей, был взят на вооружение и народом, который по отношению к государству оказался в роли властителя.

В этом смысле университетская автономия, как и любая другая автономия, имеет двойственную природу: негативную и позитивную. С негативной стороны, свобода самоуправления образовательного учреждения существует в силу хотя бы того, что находится за рамками присущего государству объема власти, за пределы которого государство не может выйти в силу своего конституционного, демократического, республиканского генезиса. С другой стороны, в силу правовой традиции, исторического контекста или других причин, автономия нуждается в особой артикуляции, в позитивном выражении как института, за которым признается своя публичная власть и способность противостоять натиску государственной власти (очевидно, в случаях, когда естественные пределы государства оказываются размыты или подвергнуты сомнению).

Таким образом, рассмотренный подход к конституционным основам публичной власти и университетской автономии не имеет существенных противоречий с отечественной доктриной. В том или ином виде он также может быть использован в практике Конституционного Суда РФ для устранения неопределенности в части конституционных основ университетской автономии.

Список литературы

1. *Горский-Мочалов В.Л.* Принцип автономии высших учебных заведений в конституциях стран Европы // *Право и государство: теория и практика.* № 7. 2021. С. 75–78.
2. *Горский-Мочалов В.Л.* Принцип университетской автономии в практике органов конституционной юстиции европейских стран // *Юридическая наука.* № 7. 2021. С. 105–112.

3. Federal Constitution of the Swiss Confederation (adopted 18.04.1999). URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en> (дата обращения: 15.01.2022).
4. Constitution of Finland (adopted 11.06.1999). URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731> (дата обращения: 15.01.2022).
5. Listina základních práv a svobod (ze dne 16.12.1992). URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/listina.html> (дата обращения: 15.01.2022).
6. Stanovisko pléna Ústavního soudu ČR ze dne 3.12.1996 № Pl.ÚS-st. 3/96. URL: https://nalus.usoud.cz:443/Search/GetText.aspx?sz=St-3-96_1 (дата обращения: 15.01.2022).
7. Nález Ústavního soudu ČR ze dne 3.4.1996 № Pl.ÚS 32/95. URL: https://nalus.usoud.cz:443/Search/GetText.aspx?sz=Pl-32-95_1 (дата обращения: 15.01.2022).
8. Usnesení Ústavního soudu ČR ze dne 8.08.2017 № III.ÚS 1986/17. URL: https://nalus.usoud.cz:443/Search/GetText.aspx?sz=3-1986-17_1
9. Nález Ústavního soudu ČR ze dne 13.5.2014 № II.ÚS 3764/12 URL: https://nalus.usoud.cz/Search/GetText.aspx?sz=2-3764-12_2 (дата обращения: 15.01.2022).
10. Nález Ústavního soudu ČR ze dne 28.2.2017 № IV.ÚS 3638/15. URL: https://nalus.usoud.cz:443/Search/GetText.aspx?sz=4-3638-15_1 (дата обращения: 15.01.2022).
11. *Алексеев С.С.* Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки // Вестник Гуманитарного университета. № 2. 2020. С. 23–59.
12. *Авакьян С.А.* Конституционный строй России как воплощение современной концепции конституционализма // Юридический вестник ДГУ. № 4. 2013. С. 8–10.
13. *Троицкая А.А.* Пределы публичной власти: конституционно-правовое осмысление // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. № 5. 2009. С. 43–61.
14. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1993.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬНОСТИ ЛАТЕНТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Коньков А.Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Латентность в политических отношениях весьма вариативна по своим проявлениям. С одной стороны, она предстает в качестве результата наличия определенных ограничителей (барьеров) для распространения информации, которые могут возводиться сознательно, либо быть следствием стечения обстоятельств соответствующей коммуникации, и в этом можно наблюдать продолжение индивидуальных особенностей социального поведения. С другой стороны, латентность может возникать и как самостоятельный результат государственной, корпоративной, разного рода групповой политики, как продукт деятельности некоего коллективного субъекта при реализации им своих функций. В этом случае операционализация латентной сферы определяется более осязаемыми параметрами.

Ключевые слова: латентные механизмы в публичном пространстве, публичное пространство, государственная политика

Концептуализация латентной сферы государственной политики обусловлена целым рядом эпистемологических затруднений, которые связаны, с одной стороны, с когнитивной нестабильностью предмета и дефицитом методологии верифицируемости, а с другой — высокими рисками субъектности статусно-ролевых моделей, накладывающих на личностные характеристики как субъекта познания, так и самого политического актора, реализующего латентные установки, разнообразные модальности коммуникационных ожиданий. Непубличность каких-то явлений может определяться как принадлежностью к латентной сфере, так и отсутствием значимого интереса к ним в сфере публичной.

В научной литературе подходы к латентному дискурсу в политике носят спорадический характер и, как правило, увязаны с рассмотрением каких-либо смежных проблем: вопросов государственной и общественной безопасности, политической коммуникативистики, партий и конкуренции на политическом рынке, использования компромата и управления репутацией. Можно говорить о разной трактовке латентности в политической науке и — более широко — в обществоведении в целом. Вместе с тем, несмотря на то, что общие подходы к описанию латентной сферы формулировались, однако системного всеобъемлющего представления пока выработано не было.

Социолог Роберт Мертон, ссылаясь, в свою очередь, на философа Ф. Бэкона, психолога З. Фрейда, антрополога Б. Малиновского, концептуализировал латентные функции социальных структур, противопоставляя их, как известно, явным функциям [1], смысл которых весьма близок тем, которые мы будем именовать публичными — видимые, осязаемые, свободно воспринимаемые. При этом сам Мертон увязывает латентные функции с произвольно проявляющимися закономерностями, т. е. понимает их не столько как скрывающиеся, сколько как скрытые в силу незапланированности, внезапности, неосознанности — неприметные и малозаметные. Такая трактовка латентности вряд ли может устроить исследователя мира политики, где «производство намеренных действий» [2] является ключевой стратегией основных акторов.

Латентные явления в политике все-таки представляются более специфическим феноменом, нежели чем латентные (неявные) функции социальной системы. Первые представляют

собой элемент управленческого воздействия со стороны актора, ориентированный на сознательное ограничение, скрывание соответствующих объектов от публичной сферы, сохранение их не только вне явного, но и вне поддающегося каким-либо формам познания пространства человеческого восприятия.

Среди трех форм политической власти, выделявшихся итальянским политологом Н. Боббио, две – полускрытое и скрытое правление – характеризуют как раз различные неявные формы деятельности властных институтов. Полускрытым он считал такое влияние, которое оказывают структуры неофициальные или официальные, но не имеющие на это прямых полномочий (например, лоббирование). Скрытое же правление, которое он называл «криптоправлением» [3], связывалось с деятельностью военизированных (вооруженных) групп, которые могут приобретать и криминальные формы, в контексте принятия государственных решений вне публичных демократических институтов.

Отдельные авторы описывают коммуникационно-сетевой характер латентной сферы, указывая на «особые, полутеневые конструкции власти и управления, возникающие в результате сочетания сетей с иерархическими и рыночными структурами» [4, с. 82], а также теневые структуры, где «главными игроками являются уже иные персоны, в частности, “авторитеты”, а вместо структурных ячеек элитарных коалиций выступают ОПГ и преступные картели, чьи деловые коммуникации складываются на основании особых групповых норм, обуславливающих действия “по понятиям”» [4, с. 87]. При этом акцент в рамках сетевого подхода делается не столько на самих механизмах сетевого взаимодействия, сколько на их элементах и «ячейках» (игроки, структуры, персоны) – «акторно-сетевой композиции» такого взаимодействия [5, с. 81].

Некоторые исследователи соотносят теневую политику и обладающую большей операционализацией теневую экономику, концептуализируя первую – политику – именно через активность экономических субъектов, развивающих свои ресурсные способности оказания влияния на власть [6]. При этом вновь сама деятельность этих субъектов – их активность по развитию соответствующих способностей, формирующая ту самую теневую политику, также остается в тени.

Многими авторами отмечается внешнеполитическое измерение латентной сферы – в частности, увязывается мягкая сила государства и латентное управление: «Осуществлять латентное воздействие на гуманитарные процессы, протекающие в рамках данного макрорегиона или даже планетарном масштабе» [7, с. 28]. Имеет место и обращение к «теории управляемого хаоса» для выявления характеристик латентного управления и использования возможностей внешней среды [8]. По сути своей, такого рода подходы весьма актуальны в условиях современной перестройки мирового порядка, когда в условиях обострения конкуренции глобальных игроков так или иначе трансформируется международный «ландшафт», ненадолго приоткрывая лакуны и «пещеры» скрытых механизмов влияния в мире. Все более осязаемыми становятся понятия несостоявшихся государств и внешнего управления отдельными странами, технологий смены режимов и воспроизводства истеблишмента в условиях сменяемости власти.

Многообразие форм, элементов и сетей, наполняющих пространство латентной сферы, отличается не только прямой недоступностью для внешнего, ориентированного на беспристрастное аккумулирующее познание исследовательского взгляда, но и онтологическим дефицитом какого-либо рода универсальных начал или элементов. Участники разнообразных сетевых коалиций навряд ли ориентированы на приоритетное обеспечение соответствия каким-либо привнесенным стандартам кроме субъективных установок и убеждений, фундирующих целесообразность их действий, которые, в свою очередь, конструируют ситуативно-обусловленное решение социальных задач вне публичного поля. В таком приближении латентная сфера может тяготеть, скорее, к неинституциональным формам политического существования, проявляясь в качестве продолжения сознания лидеров и наиболее влиятельных представителей политиче-

ского класса, выстраивающих коммуникацию и взаимодействие со своими агентами в соответствии с субъективным видением и собственной системой ценностей и символов.

Очевидно, что и функциональные связи формируемых таким образом структур, как правило, относительно краткосрочны в силу изменчивости статусно-ролевых моделей, в рамках которых осуществляется взаимодействие, и когнитивные свойства таких сетей весьма ограничены в результате их непубличного характера. Вместе с тем, ставшие и продолжающие становиться известными практики непубличной политико-управленческой деятельности позволяют с разной степени допущениями индуцировать общие черты латентных механизмов, находящихся в орбите активности современного государства.

Наиболее результативными познавательными возможностями для распознавания и индуктивного раскрытия скрытых элементов политического процесса обладает современная сетевая методология, позволяющая рассматривать социальные явления не столько через их видимую (и чаще даже совсем не через видимую) проекцию на жизнь рядовых граждан, сколько через реальные, никак не институционализируемые и не предаваемые публичности связи и отношения политических, отраслевых, групповых акторов. Образующиеся таким образом сети не просто окружают видимую (явную, публичную) ткань социального взаимодействия, но и все более поглощают ее, поскольку служат основой причинно-следственных связей между формулируемыми и утверждаемыми целями, принимаемыми решениями, запускаемыми и реализуемыми (в том числе «спускаемыми на тормозах») проектами, имеющими значение инкрементальными и масштабными управленческими усилиями.

Вместе с тем, нельзя не отметить и то, что сетевой подход, будучи ориентированным на дифференциацию вовлеченных акторов и их отношений между собой, чаще оставляет за скобками инструментальную составляющую такого взаимодействия — те механизмы, которые задействуются участниками непубличных связей для решения своих, возможно, и корыстных задач, но, в конечном счете, преобразующих реальность и производящих осязаемые (нелатентные!) результаты, сказывающиеся на всех участниках социума. Априорная нормативность сетевых методов (все, кто не являются субъектами сети, рассматриваются по сути как их безвольный объект) предопределяет редко беспристрастный взгляд на формы активности латентных игроков как действующих вне положенного общего интереса, а потому реализующих, как минимум, контрпродуктивные (если не сказать чуждые, паразитирующие) стратегии.

Иными словами, выявление и идентификация закрытых сетевых контуров формирует представление о самом факте наличия некоего латентного периметра отношений между вовлеченными субъектами. Статус этих субъектов позволяет оценить значимость и степень влияния соответствующих латентных явлений: чем более сетевые акторы приближены к центрам распределения ресурсов, тем выше вероятность их скрытного воздействия на принимаемые вокруг решения.

Вероятностный фактор здесь играет первостепенную роль. Во-первых, потому что именно отсутствие публичного доступа к непосредственному воздействию соответствующего актора на процесс делает рассматриваемое явление латентным (и наоборот, верифицируемое знание об этом подменяет подлинную скрытность секретом Полишинеля). Во-вторых, поскольку ключевой проблемой раскрытия латентных сетей остается сложность доказывания их существования, которое все же в большей степени базируется на умозрительных конструкциях внешних наблюдателей, перекладывающих, по сути, бремя оправдания на самих сетевых игроков, — поскольку сложность доказывания сохраняется, все модели в данном контексте носят именно вероятностный, стохастический характер.

Косвенным облегчением исследовательской задачи можно признать то, что, как показывает практика, общество склонно с условной готовностью принимать внутренне непротиворечивые нарративы, если они в той или иной степени обличают правящее меньшинство, иллюстрируют неследование элитой предписанным ей общественно полезным идеалам. Поэтому и получается,

что бремя доказывания формируемого у внешнего наблюдателя видения латентных сетей перекладывается на тех, кто называется им их (сетей) участниками, — доказывания от противного: что сети нет или что в ней не состоит. И даже если доказать каким-то образом получится, к исходному «чистому» состоянию единожды «обвиненному» вряд ли удастся вернуться — настолько сильны соответствующие социальные установки. При этом зачастую возможна обратная ситуация: даже в случае несоответствия описываемой сети реальному положению дел, вовлеченные участники уже сами по себе становятся бенефициарами сформированного псевдолатентного дискурса в силу подспудного повышения их позиций в общественном сознании на фоне потенциального незримого влияния на власть.

Сам процесс принятия решений традиционно тяготеет к прохождению за закрытыми дверями, среди ограниченного круга лиц. Однако развитие механизмов открытости и публичности, последовательное внедрение все новых процедур демократизации и делиберации в регулировании различных социальных явлений сформировал обширный запрос не только, например, на разгосударствление экономики или деbüroкратизацию различных сфер общества, но и на сокращение информационной асимметрии. Происходит всестороннее оспаривание монополии государства (да и любых источников авторитета) на информацию, контроль над которой обеспечивает не только его служебную деятельность, но и в известной мере воспроизводит его политико-административную субъектность — то, что К. Дойч называл дейтократией [9].

Безусловно, развитие сетевой природы современных политических отношений, их отход от вертикально-интегрированных, жестко-иерархических моделей способствуют расширению публичного дискурса, усилению обширной и разнообразной как по содержанию, так и по форме массовой коммуникационной составляющей, вовлечению множественных и динамично совершенствующихся делиберативных механизмов. Однако не может недооцениваться и развитие практик непосредственно латентных, скрытых сетей, которые исторически являются не только долгосрочными форматами непубличной коммуникации, но и эффективными инструментами оказания и поддержания влияния в крупных социальных общностях. Нил Фергюсон, в частности, в своей книге «Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook», во-первых, подчеркивает органичность сетей в самых разнообразных иерархических моделях, а во-вторых, отмечает на исторических примерах как раз долгосрочную устойчивость тех сетевых связей, которые в большей степени проявляли склонность к непубличности и закрытости от внешних участников [10].

Вариативность типов и форм латентности, с одной стороны, насыщает саму сферу скрытого взаимодействия акторов, формируя все новые обособленные лакуны с самобытной спецификой в различных уголках социальной материи, но с другой — размывает границы между публичным и непубличным, расширяя плюрално воспринимаемое пространство полускрытых явлений и событий, определяющих общие для всех тенденции. Наблюдать, где заканчивается латентное и начинается публичное (и наоборот) становится все сложнее.

Таким образом, под латентными явлениями в политике имеет смысл понимать многообразные формы общественно значимых отношений, возникающих между различными акторами и сознательно воспроизводимых ими за пределами коммуникационного дискурса, к которому имеется свободный доступ публики, т. е. потенциально любого члена социума. Иными словами, сущностно политические отношения изначально латентны, поскольку они задумываются, разрабатываются, начинают выстраиваться акторами без вовлечения широких масс. Однако в дальнейшем происходит своего рода разгерметизация политико-коммуникационного контура: актерский проект последовательно апробируется в различных звеньях процесса принятия решений, внедряясь в сетевую архитектуру властных и политико-управленческих практик. Такого рода инкрементальное внедрение отражает процедуру опубликования — перехода из латентной в публичную сферу.

Степень опубликования политического проекта определяется целым рядом факторов — как субъективных (целями и задачами, технологиями (механизмами) встраивания в публичную повестку), так и объективных (включенностью стейкхолдеров в сетевые структуры, ресурсоемкостью, наличием интереса у самой публики). При этом интенсивность сетевых связей, формируемых вокруг актора и его инициатив(ы), как правило, является важнейшей предпосылкой не только для укрепления латентной природы соответствующих отношений, но и для диалектического преобразования их количественной пестроты в публичное качество: расширение числа значимых интересантов притягивает фокус внимания со стороны общественных масс.

Латентность, иными словами, пронизывает политику — она суть политического: обладать дефицитным знанием и использовать его для максимизации имеющегося интереса. Через призму латентных явлений, многочисленность которых являет питательную основу для формирования договоренностей, встраивания коалиций, масштабирования сетевых связей и проч., можно, следовательно, рассматривать любые аспекты политических отношений: рекрутирование элит и лидеров, представительство групповых интересов, политическую социализацию и электоральные процессы, политический процесс и использование разнообразных политических технологий.

Для актуального политологического знания более операбельным представляется все же расширенное понимание латентной сферы и ее рассмотрение через призму не столько полностью закрытых, а потому достоверно не известных сетей («вещь в себе»), сколько полускрытых и спорадически визуализируемых неограниченным кругом лиц явлений, продуцируемых из закрытых коммуникационных контуров, но напрямую не детерминированных производящими их акторами. На смену «черным ящикам», которые представляют собой закрытые подсистемы реализации специально определенных функций приходят ящики серые [11], открыто визуализируемые и демонстрирующие процессуальную функциональность, однако не несущие в себе публичного смысла: публика не воспринимает ни целеполагание, ни целедостижение, ни характер отношений, ни объективный результат соответствующих политических явлений.

Иными словами, латентная сфера в широкой трактовке — это многообразие тех форм активности политических акторов в социуме, за которые они не несут публичной ответственности и не обязаны держать ответ перед гражданским обществом. Сюда могут относиться и действия внутри закрытых коммуникационных контуров, куда рядовые члены общества доступа не имеют, и действия в публичном поле, которые находятся вне зоны гражданского контроля. Последние могут становиться предметом рассмотрения и исследования в качестве проявлений латентных структур и механизмов, формируя базу для выявления закономерностей функционирования и развития соответствующей сферы отношений.

Список литературы

1. *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. Glencoe, IL: Free Press, 1957.
2. *Russet B.* Power: A New Social Analysis. London: Routledge, 2004.
3. *Bobbio N.* The Future of Democracy. Cambridge: Polity, 1980.
4. *Соловьев А.И.* Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти // Полис. Политические исследования. № 5. 211. С. 82.
5. *Соловьев А.И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Аспект Пресс, 2021.
6. *Барсукова С.Ю.* Сращивание теневой экономики и теневой политики // Мир России: Социология, этнология. № 3. 2006. С. 158–179.
7. *Леонова О.Г.* Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. № 4. 2013. С. 27–40.

8. *Савченко А.В.* «Теория хаоса» Стивена Манна и корпоративное управление // Управление. № 1. 2017. С. 72–79.
9. *Deutsch K.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. NY: Free Press, 1966.
10. *Ferguson N.* The Square and the Tower: Networks and Power, from the Freemasons to Facebook. NY: Penguin Books, 2018.
11. *Антонова Г.М.* Эволюция терминов «черный ящик» и «серый ящик» // Вестник Московского финансово-юридического университета. №. 1. 2012. С. 16–19.

Правовые и политические аспекты управления

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РИСКОВ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДРАМИ КОМПАНИЯМИ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА

Никитина Н.К., Степанова А.В.

ООО «Управляющая компания «УК Интергео»,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Основания для прекращения права пользования недрами, в том числе досрочного, определены в ст. 20 Закона РФ «О недрах». В статье представлена классификация рисков, на примере отдельных компаний-недропользователей проанализированы существующие внутренние системы контроля за выполнением условий лицензий, предложены рекомендации по выявлению и предупреждению рисков досрочного прекращения права пользования недрами.

Ключевые слова: прекращение права пользования недрами, Закона РФ «О недрах», риски прекращения права пользования недрами, лицензии

1. Основания для прекращения права пользования недрами. Согласно редакции Закона РФ «О недрах» [1], вступающей в силу с 01.01.2022 право пользования недрами может быть досрочно прекращено в следующих случаях:

- 1) возникновения непосредственной угрозы жизни или здоровью людей в результате осуществления пользования недрами;
- 2) нарушения пользователем недр условий лицензии на пользование недрами, однократное несоблюдение которых в соответствии с такой лицензией является основанием для досрочного прекращения права пользования недрами;
- 3) систематического (два и более раза в течение четырех лет) нарушения условий пользования участком недр по лицензии на пользование недрами;
- 4) если пользователь недр в течение установленного лицензией на пользование недрами срока не приступил к осуществлению пользования недрами;
- 5) ликвидации пользователя недр;
- 6) нарушения пользователем недр требований по рациональному использованию и охране недр, установленных частью первой статьи 23 настоящего Закона;
- 7) непредставления и (или) нарушения порядка представления пользователем недр геологической информации о недрах в соответствии со статьей 27 настоящего Закона в федеральный фонд геологической информации и его территориальные фонды, а также в фонды геологической информации субъектов Российской Федерации (в отношении участка недр местного значения);
- 8) подачи пользователем недр заявления о досрочном прекращении права пользования недрами;
- 9) возникновения обстоятельств, предусмотренных законодательством Российской Федерации о концессионных соглашениях, законодательством Российской Федерации о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве;
- 10) Принятия Правительством Российской Федерации решения в соответствии с ч. 5 ст. 2.1 Закона РФ «О недрах» (если в процессе геологического изучения недр, осуществляемого, в том числе по совмещенной лицензии, пользователем недр, являющимся юридическим лицом с участием иностранных инвесторов или иностранным инвестором, открыто месторождение полезных ископаемых, по своим характеристикам отвечающее требованиям, установленным для участков недр федерального значения).

В случае досрочного прекращения лицензии у недропользователя по одному из упомянутых оснований могут наступить следующие неблагоприятные последствия:

1. Невозможность реализации проекта на конкретном участке недр в целом;
2. Невозможность получения проектного финансирования, а если оно уже будет привлечено – нарушение условий (дефолт), являющееся основанием для досрочного погашения кредита;
3. Расходы на консервацию и ликвидацию предприятия (ч. 5 ст. 21 Закона РФ «О недрах»);
4. Необходимость возврата полученной субсидии, если таковая была получена;
5. Необходимость урегулирования взаимоотношений с контрагентами по неисполненным контрактам, заключенным в рамках проекта.

2. Риски прекращения права пользования недрами. Под риском авторы статьи понимают – вероятностное событие, наступление которого может отрицательно (или положительно – в данной статье не рассматривается) отразится на деятельности компании. Для предупреждения рисков прекращения права пользования недрами необходимо выявить группы рисков, произвести анализ рисков, определить мероприятия по предотвращению наступления данного вероятностного события и расставить приоритеты для дальнейшей оценки возможности наступления и неблагоприятного воздействия.

Нами выделены шесть основных групп рисков прекращения права пользования недрами, с которыми может столкнуться каждая компания нефтегазового сектора (Таблица 1):

Таблица 1. Риски прекращения права пользования недрами

№ пп	Группы рисков	Риск	Меры по предотвращению
1.	Законодательные	Нарушение условий лицензий и требований Закона РФ «О недрах», Земельного, Лесного, Водного кодексов РФ, ФЗ «Об охране окружающей среды», ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», ФЗ «Об отходах производства и потребления»	1. Ежеквартальный анализ выполнения условий лицензии и соблюдения требований законодательства о недрах, об охране окружающей среды, природноресурсного законодательства и др; 2. Выявление возможных в ближайшие 6 мес. нарушений условий лицензии и превентивное устранение вероятности их возникновения; 3. Своевременное устранение нарушений, выявленных при проверках контрольными органами и указанных в выданных предписаниях
2.	Геологические	Отрицательный результат геологического изучения (не выявлены объекты для постановки оценочных и разведочных работ)	1. Анализ геологических предпосылок и признаков обнаружения полезного ископаемого при принятии решения о получении лицензии; 2. Оперативный анализ получаемых результатов в процессе геологического изучения и разведки месторождения; 3. В случае необходимости оперативное изменение методики поисков и разведки, видов и объемов геологоразведочных работ (ГРР) путем внесения изменений в проекты ГРР; 4. Строгое соблюдение сроков, видов и объемов ГРР, указанных в утвержденных проектных документах

№ пп	Группы рисков	Риск	Меры по предотвращению
		Неподтверждение качественных и количественных характеристик запасов при добыче, вследствие этого нарушение календарного плана добычных работ согласованного ЦКР технического проекта	1 Контроль соблюдения календарного плана добычи 2. Пересчет запасов при систематических значительных отклонениях и внесение соответствующих изменений в технический проект
		Непредставление геологической информации в фонды	Контроль сроков завершения ГРП, составления отчетов о результатах, сроков представления отчетов в фонды
3.	Экономические	Разработка (эксплуатация) выявленных по результатам оценочных и разведочных работ объектов экономически нецелесообразна	Поиски новых объектов в пределах лицензии или получение лицензии на геологическое изучение на рядом расположенных площадях для возможной групповой отработки
		Нарушение сроков уплаты налогов и платежей за пользование недрами, природными ресурсами, экологических платежей	1. Наличие графиков уплаты по видам налогов и платежей 2. Контроль исполнения
4.	Экологические	Нарушение требований законодательства об охране окружающей среды (загрязнение территорий, угроза жизни и здоровью людей, проживающих на территории работ)	1. Своевременное получение необходимых экологических экспертиз на проектные документы; 2. Своевременное получение комплексных экологических разрешений (КЭР); 3. Разработка и утверждение планов ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов; 4. Наличие у недропользователя «Политики в области охраны окружающей среды» и «Политики в области устойчивого развития»; 5. Строгое соблюдение требований законодательства об охране окружающей среды
5.	Природно-ресурсные	Невозможность оформить пользование земельным (лесным) участком, поверхностными водами	Получение сведений до принятия решения о получении лицензии: 1. О собственниках, владельцах, арендаторах земельных участков; 2. Наличие земель из состава земель Минобороны; 3. Наличие на участке недр или в непосредственной близости защитных, ценных, городских, резервных лесов, водоохраных зон; оценка возможности их перевода в земли промышленности
6.	Кадровые	Нехватка рабочих и ИТР	1. Создание привлекательных условий труда 2. Подготовка кадров в принадлежащих компании колледжах и по договорам с университетами
		Нарушение требований Закона РФ «Об основах охраны труда в РФ»	Наличие у недропользователя и строгое соблюдение «Политики в области охраны труда»

В своей деятельности недропользователь может сталкиваться с различными отраслевыми рисками, оказывающими влияние на выполнение условий пользования недрами и требований законодательства о недрах, о пользовании природными ресурсами, об охране окружающей среды и др. Нередко эти риски носят объективный характер, их возникновение находится вне зоны влияния самих недропользователей (например, неподтверждение запасов при добыче), и тогда действия компании зависят от ситуации в каждом конкретном случае. Поэтому необходимо производить оценку отраслевых рисков, составлять план действия по минимизации их влияния и в кратчайшие сроки приступать к его выполнению, если негативное событие свершилось. К подобным рискам можно отнести: снижение цен на нефть, зависимость мелких и средних компаний от монопольных поставщиков услуг, ограничения на объем добычи, возможный рост налоговой нагрузки, рост тарифов на транспортировку нефти, изменение законодательства в части ужесточения требований по лицензированию пользования недрами, устаревание инфраструктуры нефтяного сектора и интенсивное развитие альтернативных источников энергии.

3. Анализ систем контроля за выполнением условий лицензий на примере отдельных компаний-недропользователей. Главными инструментами предупреждения рисков прекращения права пользования недрами являются:

Мероприятия по контролю за выполнением условий лицензий и требований законодательства, **осуществляемые государственными органами** (внешний контроль), документально подтверждающие отсутствие или наличие нарушений; последнее служит основанием для инициирования процедуры прекращения права пользования недрами;

Мероприятия по контролю за выполнением условий лицензий и требований законодательства, осуществляемые **самими компаниями-недропользователями** (внутренний контроль).

Минимизировать риск прекращения права пользования недрами в случае внешнего контроля возможно при регулярном ознакомлении с планами проверок в предстоящем году, публикуемых на сайте Прокуратуры РФ (субъекта РФ), анализе возможных нарушений и сосредоточении усилий компании на их превентивном устранении. В случае, если контрольными органами все-таки при проверке будут установлены нарушения требований законодательства и условий лицензий и выдано предписание, то недропользователю необходимо разработать план мероприятий по устранению выявленных нарушений и приступить к его реализации. После полного устранения выявленных нарушений обязательно следует направить в контрольный орган, выдавший предписание, информационное письмо о его исполнении.

В случае несогласия с выводами проверки об установлении нарушений требования законодательства и условий лицензии у недропользователя есть право подать жалобу в вышестоящий орган или оспорить в суде. Обращение в суд – это крайняя мера, и она может нести для компании дополнительные риски из-за невысоких шансов положительного решения и существенных ограничений в поисках инвестиций.

Как показывает практика, для внутреннего контроля недропользователи используют три основные формы:

Ежеквартальный анализ выполнения условий лицензий на основе специально разработанных табличных или отчетных форм. Главный недостаток – невозможность выявлять и предупреждать нарушение требований законодательства и сроков и видов дополнительных, но необходимых работ, связанных с выполнением основных условий лицензий;

Построение и анализ календарно-сетевых графиков, включающих как условия пользования недрами, так и все дополнительных виды работ (задачи и подзадачи), связанные с их выполнением. Такой график позволяет осуществлять практически ежедневный контроль и не допускать не только нарушения условий лицензий, но и избегать нарушения требований законодательства;

Создание в компании электронного регистра (реестра) ключевых задач, включающего следующие блоки: основные задачи (условия лицензий), подзадачи (все дополнительные работы, свя-

занные с выполнением основных условий пользования недрами, сроки получения необходимых разрешительных документов, связанных с использованием недрами и природными ресурсами), дополнительные задачи (планы, предстоящих проверок, перечни нарушений по проведенным проверкам и сроки их устранения, планы мероприятий по устранению выявленных нарушений).

Рассмотрим, как организовано предупреждение рисков прекращения права пользования недрами на примере двух компаний, объединенных одним учредителем, но находящихся в разных административных округах (Тюменской и Новосибирской области) (Далее – «Две компании») из 10 действующих лицензий (6 нефтяных и 4 водных) на 5 участках недр, расположенных на территории Западной Сибири, обязательства выполнены по всем 10 лицензиям.

При детальном анализе практики компаний по предупреждению рисков прекращения права пользования недрами следует отметить, что законодательная группа рисков находится под пристальным контролем руководства «Двух компаний» и происходит в несколько этапов:

Первый этап – подготовка на следующий год информации об ожидаемом выполнении условий пользования недрами и соблюдения требований законодательства о недрах (в т. ч. проектных показателей) начинается до 1 ноября текущего года. После проверки данных происходит разработка мероприятий по устранению возможных нарушений. Крайне важно подготовить информацию по нарушениям, которые на конец следующего года не будут устранены и дать оценку возможных негативных событий, которые отразятся на деятельности компании. Второй этап – выполнение мероприятий по устранению возможных нарушений. Для возможности корректировки данных и наблюдения за графиком выполнения мероприятий по устранению возможных нарушений необходимо ежеквартально заполнять отчет по рискам выполнения лицензионных обязательств и проектных показателей. Своевременный анализ позволяет выполнить все существенные условия пользования недрами, своевременно актуализировать проектные технологические документы на разработку месторождений углеводородного сырья, предотвратить возникновения случаев, в результате которых прекращается право пользования недрами.

В настоящее время на одном из лицензионных участков Новосибирской области выполнена работа по геологическому изучению недр. Результатом работы по изучению недр является проект геологического изучения недр, включая поиски и оценку месторождений (залегей) углеводородного сырья в пределах лицензионного участка. В следующем году планируется выполнить дополнение к проекту поисково-оценочных работ. Компания имеет прямое отношение к геологическим рискам, поскольку не ясен результат геологического изучения и главным фактором для принятия верного решения и недопущения критических негативных событий для компании является оперативный анализ получаемых результатов в процессе геологического изучения и разведки месторождения. Анализ результатов ГРП по остальным лицензиям не выявил невыполнения.

С экономической группой рисков столкнулись руководители компании в Новосибирской области в связи с не подтверждением эффективных нефтенасыщенных толщин в пробуренных скважинах.

При рассмотрении экологических групп риска следует сказать, что компания соблюдает требования законодательства об охране окружающей среды (загрязнение территорий, угроза жизни и здоровью людей, проживающих на территории работ). Вопросы охраны окружающей среды находятся под постоянным пристальным контролем руководителей компании. На сайте компаний есть раздел, посвященный устойчивому развитию, охране окружающей среды, промышленной безопасности.

Природноресурсная группа рисков менее актуальна поскольку в ближайшее время не планируется получение новых лицензий.

Кадровая группа рисков находится на постоянном контроле. Две компании продолжают реализовывать полный комплекс мер по противодействию распространению COVID-19, на нефтегазовом промысле показатель вакцинированных сотрудников достиг отметки в 100%.

Анализ данных показал, что доля выполненных лицензионных соглашений Двух компаний схожа. В Тюменской и Новосибирской области по итогу 2020 года наблюдалось отклонение от проектных показателей по добыче и действующему фонду добывающих и нагнетательных скважин что связано с ограничением добычи, что в свою очередь относится к отраслевым рискам и не подвластно самим компаниям. В данном случае руководители компании пришли к решению о актуализации необходимой проектной документации на выполнение работ, связанных с использованием недрами.

4. Рекомендации по выявлению и предупреждению рисков досрочного прекращения права пользования недрами. Предупреждение рисков досрочного прекращения права пользования недрами должно представлять собой непрерывный процесс, а результаты работы управления рисками должны учитываться при принятии управленческих решений. Нефтегазовым компаниям следует заранее наладить процессы стандартизации и регламентирования ключевых процедур в области управления рисками при использовании недрами. Для контроля за выполнением требований законодательства и условий пользования недрами рекомендуется разработать электронный регистр ключевых задач, включающий основные задачи (условия лицензий), подзадачи (все дополнительные работы, связанные с выполнением основных условий пользования недрами, сроки получения необходимых разрешительных документов, связанных с использованием недрами и природными ресурсами), дополнительные задачи (планы, предстоящих проверок, перечни нарушений по проведенным проверкам и сроки их устранения, планы мероприятий по устранению выявленных нарушений) и позволяющий выявлять риски и угрозы в ежедневном режиме.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.02.1992 N 2395-1 (последняя редакция) «О недрах» // СПС КонсультантПлюс.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Пушкарева Г.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. Внедрение в практику государственного управления принципов доказательной политики предполагает установление тесного сотрудничества лиц, ответственных за разработку государственной политики, с научно-экспертным сообществом, способным профессионально и качественно исследовать управленческую ситуацию. Это сотрудничество выполняет не только инструментальную, способствующую применению оптимальных способов выработки государственной политики, функцию, но также и функцию символическую, когда сам факт сотрудничества обретает самостоятельное значение, повышающее доверие общественности к принимаемому решению и облегчающее процесс его легитимизации. В статье анализируется реальный вклад символической функции доказательной политики в легитимацию государственных решений.

Ключевые слова: доказательная политика, символическая функция доказательной политики, легитимация государственных решений

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЗИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194

Одним из важнейших принципов эффективности государственного управления является научная обоснованность принимаемых государственных решений. В последние годы этот принцип обрел новые концептуальные рамки в виде так называемого доказательного подхода или «доказательной политики» («evidence-based policy»). [1] Суть этого подхода заключается в обосновании необходимости сбора и анализа большого массива данных по управленческой проблеме, в разработке на основе полученных доказательств прогнозных моделей имплементации государственных решений и формулировании оптимальных путей достижения управленческих целей.

Внедрение доказательного метода в практику государственного управления должно способствовать повышению результативности принимаемых решений, поскольку еще на этапе их разработки оцениваются возможности их реализации, просчитываются риски, составляются оптимальные сценарии, прогнозируется вероятность их осуществления. Нужный эффект доказательная политика демонстрирует там, где есть реальная заинтересованность лиц, принимающих решения, в доказательном методе, где к процессу разработки общественно значимых решений привлекается научно-экспертное сообщество, способное качественно и беспристрастно провести сбор и анализ необходимых данных.

В нашей стране государство активно сотрудничает с академическими институтами (Институт социологии, Институт государства и права, Институт мировой экономики и международных отношений и др.), научно-образовательными учреждениями (МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа экономики, РАНХиГС и др.), негосударственными исследовательскими центрами (Фонд развития гражданского общества, Институт общественного проектирования, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара и др.), а также создает собственные аналитические структуры (Российский институт стратегических исследований, Аналитический центр при Правительстве РФ, Центр стратегических разработок, Российский совет по международным делам и др.). Такое сотрудничество является непременным условием внедрения в практику отечественного государственного управления методов и принципов доказательной политики.

Взаимодействие государства с научно-экспертным сообществом осуществляется в двух основных видах. Первый отличается наличием постоянной площадки общения с определенным кругом ученых-экспертов. Это могут быть рабочие экспертные группы при органах государственной власти или при созданных ими вспомогательных структурах (советах, комиссиях). Эффективность такого взаимодействия зависит от интеллектуального потенциала приглашенных экспертов, а также желания лиц, принимающих решения, прислушиваться к доводам ученых. Второй вид взаимодействия носит эпизодический характер и, как правило, проявляется по мере возникновения у органов государственного управления потребности в квалифицированной оценке управленческой ситуации. Основной формой такого взаимодействия становятся запросы в научно-исследовательские структуры на оказание аналитических услуг в решении конкретной задачи.

В ходе сотрудничества государства и научно-экспертного сообщества реализуется главная функция доказательной политики – выработка научно обоснованных государственных решений на основе привлечения большого массива данных, их научного анализа и интерпретации, а также оценки последствий регулирующего воздействия. Значение этой функции трудно переоценить, поскольку использование научно обоснованных доказательств снижает риски субъективного привнесения в процессы выработки государственных решений личных предпочтений, политических симпатий, нейтрализует идеологическую ангажированность лиц, принимающих решения. Однако у любого социального явления со временем обнаруживаются не только явные, но и латентные функции, которые Р. Мертон определял как до конца не осознаваемые, но оказывающие серьезное воздействие на людей. [2] Применительно к доказательной политике речь идет о ее символической функции. [3]

Доказательная политика как инструмент государственного управления может при определенных условиях обретать некий сакральный смысл, оказывая тем самым влияние на отношение населения к государственной политике. Сакрализация государственных решений на различных этапах исторического развития осуществлялась разными способами (провидение высших сил, мудрость правителей, воля народа), но только с развитием научного знания и верой в его объективность стало возможным освящать принимаемые решения авторитетом науки и научно-экспертного сообщества. Доказательная политика в таких условиях становится символом компетентного, правильного, жизненно необходимого решения. Обретая символическую функцию, доказательная политика становится не только инструментом разработки государственных решений, но и способом их легитимации.

Символическая функция доказательной политики обращена в публичное пространство. Ее назначение – оказание воздействия на массовое восприятие процесса принятия государственных решений путем акцентуации внимания публики на тех значениях, которые в общественном сознании неразрывно связаны с представлениями об объективно неизбежном, научно обоснованном и, следовательно, целесообразном. Чем выше авторитет научного знания в обществе, тем чаще государство для легитимизации своих решений прибегает к такому механизму как создание образов органов государственного управления, активно сотрудничающих с научно-экспертным сообществом, опирающихся при выработке государственной политики на научные исследования и объективные доказательства. В научной литературе даже высказываются суждения о том, что символическая функция доказательной политики превращается, если не в основную, то весьма значимую для государства, позволяющую ему продавливать нужные решения. [4]

Вместе с тем реальный вклад символической функции доказательной политики в легитимацию государственных решений не стоит преувеличивать. Возьмем политику российских властей по борьбе с коронавирусом. Государство активно демонстрировало, что эта политика выработывалась при активном участии научно-экспертного сообщества. В итоге мы видим, что только 40% респондентов в июле 2021 г. оценили действия властей в этой сфере как достаточ-

ные и необходимые, [5] остальные оказались под влиянием скептиков, не готовых верить ни официальной науке, ни опирающимся на выводы ученых государственным должностным лицам.

Что мешает превращению сотрудничества властей с научно-экспертным сообществом, основанном на принципах доказательной политики, в символ правильной, объективной, целесообразной государственной политики? Прежде всего сложившийся в массовом сознании образ высокопоставленного чиновника. В этом образе доминируют черты корыстного, ориентированного на собственные интересы человека. По данным социологических опросов, 56% россиян считают, что люди, находящиеся сейчас у власти, озабочены только своим материальным и карьерным благополучием. [6] Такой образ вынуждает с подозрением относиться к лицам, принимающим государственные решения, видеть в их действиях некий скрытый подтекст, не позволяющий с доверием относиться к декларируемым целям. Он разрушительно действует на любые виды информации о деятельности государственных должностных лиц. Если власти заявляют о том, что то или иное решение принималось при активном участии в его разработки научно-экспертного сообщества, то в этом заявлении под воздействием сложившегося образа все равно видится не стремление найти оптимальное решение возникшей общественно значимой проблемы, а желание найти удобное оправдание, откровенный популизм, манипуляция общественным мнением.

Для реализации символической функции доказательной политики необходим также авторитет научного сообщества, т. е. в массовом сознании должна сложиться убежденность, что ученые обладают должным профессионализмом в познании мира, используемая ими методология заслуживает доверия, а выработанные с их помощью государственные стратегии и программы обоснованы, поскольку учитывают объективные закономерности и тенденции развития. Как только закрадывается сомнение в способности ученых дать объективную картину того или иного явления, ссылки лиц, принимающих решения, на мнение научного сообщества перестают вызывать необходимый эффект.

В свою очередь авторитет науки и научного сообщества формируется под влиянием факторов, оказывающих неоднозначное воздействие на массовое сознание. Образ ученого в массовом сознании не настолько ярок, чтобы превратиться в однозначный символ объективности и точности. Это связано, во-первых, с распространенными в обществе суевериями и предубеждениями, когда обычному человеку легче поверить в мифологическую конструкцию, адаптированную под его восприятие, чем самостоятельно оценивать ценность суждений ученого. И, во-вторых, с особенностями развития самого научного знания, с присущим ему многообразием методологических подходов и теоретических школ. Полемика и дискуссия для научного сообщества является необходимым условием выработки валидных теоретических конструктов. Но когда такая полемика выплескивается в публичное пространство, то у непрофессионала складывается ощущение, что отсутствие у научного сообщества консенсусного мнения по волнующим обычных граждан вопросам является свидетельством слабости науки, ее неспособности объяснить суть социальных и политических процессов и, следовательно, предложить конкретные пути решения возникающих проблем. Многоголосица научных мнений препятствует формированию в массовом сознании образа ученого, обладающего сокровенным знанием и знающим способы решения сложных социальных проблем.

Специфика социальных наук состоит также и в том, что они не позволяют ученому полностью дистанцироваться от своих ценностных предпочтений, которые будут со всей неизбежностью проявляться в его суждениях о положении дел в стране, в его отношении к проводимой властями государственной политике, в его оценках компетентностного потенциала правящей элиты, характера политико-административных связей и т. д. В идеологически неоднородном обществе при восприятии научного сообщества неизбежно будет срабатывать стереотип деления ученых на своих, близких по духу и политическим взглядам, и других, отличающихся

по своим ценностным предпочтениям и оценкам. Первые будут вызывать доверие, вторые — настороженность. В итоге факт сотрудничества государства с одной и той же частью научно-экспертного сообщества будет причудливо преломляться в массовом сознании, формируя у кого-то образ власти, стремящейся принимать взвешенные и научно-обоснованные решения, а у кого-то образ власти, подбирающей себе удобных экспертов.

Наличие указанных выше проблем в реализации символической функции доказательной политики не означает снижения ее значимости в легитимации государственных решений. В современную эпоху потенциалы таких символов эффективного государственного управления как добродетель и компетентность правителя или воля народа оказываются недостаточными для легитимации государственных решений. Слишком часто граждане разочаровывались в своих правителях, а возможность реально влиять на государственные решения постоянно ставилась ими под сомнение. Государству необходимы адекватные современной эпохе, эпохе научно-технологического прогресса, основания легитимации, нужны соответствующие духу времени символы эффективного государственного управления. И символизация сотрудничества государства и научного сообщества в решении общественно значимых проблем становится в этой ситуации неизбежным ответом на требования нового времени.

Символическое конструирование осуществляется как в результате сознательно организуемой коммуникации с целью внесения в массовое сознание определенных смыслов, так и под влиянием стихийных информационных потоков. Сотрудничество государства и научно-экспертного сообщества не может превратиться в символ эффективности государственных решений без целенаправленного воздействия на массовое сознание. В противном случае граждане могут оказаться под влиянием суждений, подрывающих их доверие к науке, научным доказательствам и вызывающих сомнение в способности лиц, принимающих государственные решения, адекватно, на основе научного анализа оценивать управленческие ситуации.

Любой символ представляет собой фрейм, т. е. когнитивную конструкцию, в которой означаемое (знак, слово, событие, персона) связывается с представлениями, формирующими predisposition к определенному способу восприятия обозначаемого им контекста. Иными словами, в символе как фрейме есть эмоционально-когнитивная составляющая, побуждающая к воспроизводству устойчивых паттернов, моделей поведения и восприятия. Сотрудничество государства и научно-экспертного сообщества может обрести как позитивные, так и негативные коннотации под влиянием политического дискурса. Задача целенаправленного символического конструирования заключается в том, чтобы в массовом сознании сформировать устойчивый фрейм, в котором любая форма участия ученых в разработке государственной политики будет связываться с представлениями о правильном, эффективном государственном управлении.

Для формирования такого фрейма необходимо, прежде всего, чтобы научное знание заняло достойное место в системе социальных ценностей массового сознания, чтобы оно воспринималось гражданами как важное и полезное, позволяющее решать общественно значимые проблемы и находить выход из трудных ситуаций, а носители научного знания, ученые, пользовались в обществе заслуженным авторитетом. Несмотря на то, что детям со школы прививают интерес и уважение к научному знанию современное общество не избавилось от суеверий и предубеждений, и мнение очередного шарлатана для него может оказать важнее научно обоснованного довода. В этой связи неотъемлемой частью символического конструирования становится пропаганда науки, научного знания, а также формирование образа компетентного и профессионального научного сообщества.

Вторым не менее важным направлением символического конструирования является формирование убежденности в том, что эффективный государственный руководитель — тот, кто опирается при принятии общественно значимых решений на научные доказательства. В массовом сознании должен сложиться образ государственного должностного лица как человека,

заинтересованного в объективном решении управленческой проблемы, способного подняться над своими личными интересами и открытого к взаимодействию с научным сообществом ради поиска оптимальных путей развития общества. Любые сомнения по поводу такого образа будут подрывать устойчивость конструируемого символа, лишая его опоры в массовом сознании.

Проблема состоит в том, что современное информационное пространство наполнено суждениями, формирующими противоречивое отношение как к самим государственным решениям, так и способам их легитимации. Оппоненты политического режима активно распространяют информацию, сеющую сомнения в компетентности лиц, принимающих государственные решения, и подрывающую к ним доверие, даже откровенно их дискредитирующую. Среди сторонников политического режима есть те, кто считает более приемлемыми для легитимации государственных решений иные символические конструкции, в основе которых должны лежать архетипы российской политической культуры, вера в добродетель правителя и надежда на его мудрость.

Таким образом, символическая функция доказательной политики не реализуется в публичном пространстве автоматически. Чтобы факт сотрудничества государства и научно-экспертного сообщества воспринимался в обществе как символ эффективности государственных решений, необходимы серьезные пропагандистские усилия, направленные на формирование в массовом сознании позитивных коннотаций, создающих своеобразный ореол вокруг любых форм взаимодействия лиц, принимающих государственные решения, с учеными-экспертами. В нашей стране эти усилия являются явно недостаточными, поэтому реальный вклад символической функции доказательной политики в легитимацию государственных решений вряд ли можно оценивать как значительный. В массовом сознании легитимация государственных решений осуществляется скорее за счет патерналистских символов, прежде всего за счет образа государственного руководителя, способного понимать свой народ и принимать мудрые решения, чем за счет образа власти, способной к конструктивному взаимодействию с научно-экспертным сообществом.

Список литературы

1. *Волошинская А.А., Комаров В.М.* Доказательная государственная политики: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 4. С. 90–102.
2. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 1994. С. 379–447.
3. *Сунгуров А.Ю.* Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130–142.
4. *Lucas D.S.* Evidence-Based Policy as Public Entrepreneurship // Public Management Review. 2018. Vol. 20. Is. 11. P. 1602–1622.
5. Левада-Центр. Коронавирус. 06.08.2021. <https://www.levada.ru/2021/08/06/koronavirus-3/> (дата обращения: 30.11.2021). (АНО “Левада-Центр” внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)
6. Левада-Центр. Люди у власти. 09.11.2021. <https://www.levada.ru/2021/11/09/lyudi-u-vlasti/> (дата обращения: 30.11.2021). (АНО “Левада-Центр” внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)

МАРКЕТИНГОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОЛИТИКЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пшизова С.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. На протяжении нескольких десятилетий исследователи писали о вхождении в политику маркетинговых технологий, которые переносились из бизнеса. Публиковались работы, посвященные анализу предпосылок и причин маркетинга политической сферы. В настоящий момент можно видеть уже последствия, к которым привела эта трансформация, имевшая, по мнению автора, фундаментальный характер. В статье рассматриваются важнейшие последствия и перспективы перехода к маркетинговой парадигме политического процесса.

Ключевые слова: маркетинговая революция в политике, маркетинговые технологии, маркетинг политической сферы

Последние десятилетия XX века характеризовались появлением большого массива литературы о политическом маркетинге [См., например: 1, 2, 3, 4]. Из многочисленных публикаций ученых-политологов стало очевидно, что в политику вошло новое явление, которое не просто представляет собой позаимствованный из бизнеса эффективный инструмент достижения политических целей, но и ставит серьезные вопросы перед политической теорией. Распространение новых практик было воспринято многими исследователями как вызов существующим демократиям, а между сторонниками и противниками активного внедрения маркетингового подхода в политику разгорелись дискуссии о том, стоит ли считать его влияние радикальным и опасным, или же следует видеть в нем лишь одну из политических технологий [5].

Сегодня можно сказать, что маркетинговая революция, о которой писали ученые на протяжении предыдущих примерно 30 лет, свершилась. Политический маркетинг стал очевидным, повсеместным и существенным фактом политической жизни современных обществ. Его используют политики, партии, движения, неправительственные организации, а также правительства и даже целые государства [6]. Маркетинговые технологии применяются при разработке политических стратегий, ведении политических кампаний, создании брендов и имиджей политических акторов: партий, лидеров и различных организаций. Коммуникации, основанные на маркетинговых исследованиях, помогают самым разным политическим силам достичь своих целей, начиная от победы на выборах и заканчивая принятием политических и государственных решений. Одним словом – маркетинговый подход оказывает фундаментальное влияние на функционирование всей политической сферы. Вполне естественно, что значительное внимание ныне уделяют ему не только ученые и практикующие политики, но и журналисты, и широкая общественность.

Между тем, революционный характер произошедших изменений далеко не сразу был осознан общественным мнением. До недавнего времени в публичном дискурсе западных стран было не очень принято обсуждать эти технологии. С одной стороны, многим казалось, что маркетинг – это сугубо периферийное явление, не имеющее принципиального влияния на работу политических институтов. С другой, – использование маркетинга в политике носило как бы не вполне легитимный характер, поскольку в господствовавшей демократической парадигме, сформировавшейся в предыдущий период, для него попросту не было места.

Тем более не было желания обсуждать значение маркетинга в политике в пост коммунистических странах, в том числе в России, где в первые десятилетия после крушения Советского

Союза доминировала идея подражания западным образцам, и политики стремились выстроить новые политические системы по образу и подобию демократий XX века. Понятно, что в эту картину мира политический маркетинг тоже совершенно не вписывался.

На Западе перелом произошел в 2016 году после того, как достоянием общественности стало использование маркетинговых технологий на основе Больших данных во время президентских выборов [См., например: 7, 8]. Хотя к тому времени накопился уже изрядный объем информации о проблемах применения маркетинга в политике. Например, во время президентских выборов 2008 года на место неожиданно выбывшего из гонки кандидата на пост вице-президента политтехнологи избирательной кампании Джона Маккейна нашли, как им казалось, удачную замену – губернатора Аляски Сару Пэйлин. Многодетная мать с опытом участия в публичной политике умела хорошо выступать на митингах и общаться с избирателями. В начале гонки она смогла привлечь голоса избирателей, которые прежде не поддерживали Маккейна. Рейтинги кандидата выросли, а избирательный фонд заметно пополнился. Консультанты и технологи, отвечавшие за ведение кампании, были довольны своим выбором [9].

Ситуация изменилась, когда в ходе подробных интервью Сары Пейлин журналистам выяснилось, что она не знает самых простых и необходимых для политика такого уровня вещей, вроде статуса и принципов работы ФРС, разницы в политике США по отношению к Ирану и Афганистану, путает Северную и Южную Корею и т. д. Менеджеры кампании с ужасом осознали, что с их помощью вторым (а возможно, и первым!) руководителем страны может стать человек, совершенно не готовый к выполнению этих функций. Очевидное фундаментальное противоречие между технологической эффективностью маркетингового подхода к политике и требованиями ответственного государственного управления стало предметом публичного обсуждения¹. Интересно, что впоследствии ключевой менеджер кампании Маккейна Стив Шмит вместе с другими известными политическими консультантами и технологами организовал движение против переизбрания Дональда Трампа (The Lincoln Project). Похоже, что специалисты по политическому маркетингу увидели в победе Дональда Трампа в 2016 году воплощение угрозы, которая не реализовалась в 2008 и которую они считали кошмаром.

В то же самое время обе избирательные кампании Барака Обамы (2008 и 2012 годов), признанные выдающимися с точки зрения работы политтехнологов, также были основаны на маркетинговом подходе. Используемые в ходе этих выборов для разработки стратегий таргетинга и позиционирования маркетинговые исследования на базе Больших данных были подробнейшим образом описаны и проанализированы. Было показано, как в течение нескольких месяцев запускались десятки тысяч компьютерных симуляций, основанных на массивных опросных выборках, собираемых чуть ли не в ежедневном режиме. Работа носила исключительно персонализированный характер, нацеленный практически на каждого сторонника Обамы. Руководители штаба победившего кандидата в президенты США Дэвид Аксельрод и Джим Мессина стали настоящими звездами и вошли в историю американской политики как создатели так называемой “модели Обамы” – беспрецедентной по масштабу и сложности политтехнологической инфраструктуры. Эта модель, доказавшая свою эффективность, затем была экспортирована в другие страны (Великобританию, Испанию и др.) и попала в учебники политического маркетинга и менеджмента [11].

В нашей стране и по сей день не принято обсуждать роль маркетинговых технологий в современных демократиях². Очевидно, что им не придается существенного значения. Тем более

¹ В 2010 году двумя политическими журналистами был опубликован документальный роман о кампании 2008 года с подробными интервью участников [10]. Отреагировал и чуткий к общественным запросам Голливуд. По мотивам книги был снят фильм с Джулианой Мур в роли Сары Пэйлин, получивший широкий отклик и собравший несколько кинематографических призов.

² Речь в данном случае не идет о прикладных публикациях политтехнологов.

не соответствует представлениям большинства специалистов по отечественной политике идея о том, что наша страна не движется вдогонку за почтенными иностранными образцами, а опережает их по части внедрения маркетингового подхода в политический процесс.

Однако сегодня, кажется, все более-менее трезвомыслящие аналитики, не выполняющие какие-то далекие от академических, сугубо политические или прагматические задачи, согласны с тем, что Россия (впрочем, как и многие другие страны, именующие себя демократическими) движется в направлении, отличном от предполагавшегося ранее в рамках транзитологической концепции. Представляется, что в основе изменения траектории развития политических институтов современных демократий лежит именно “маркетинговая революция”, т. е. внедрение в политику маркетингового подхода и изменение под влиянием этого факта всей системы политических отношений. Предпосылки для преобразований формировались постепенно в ходе маркетингизации политической сферы жизнедеятельности общества. О причинах этих процессов, которые коренятся в социально-экономических и идеологических трансформациях, а также в эволюции технологий массовых коммуникации, написано и сказано уже немало. В настоящий момент можно уже наблюдать и анализировать некоторые последствия. Тем более что, хотя за последние десятилетия вышло немало исследований по политическому маркетингу, как раз осмысления последствий пока не произошло.

Первыми появились работы, в которых отмечалось перенесение маркетинговых приемов из бизнеса в политику. Потом возник довольно мощный поток публикаций прикладного характера, в которых описывались сами технологии и опыт их применения в политических кампаниях. Вскоре стало понятно, что маркетинг — это не просто новая технология. Его применение, с одной стороны, является результатом радикального изменения мотивации политического поведения, а с другой, — в свою очередь, меняет взаимоотношения между всеми политическими акторами. Это понимание разделило наблюдателей на две группы. Одну составили те, кто увидел в маркетинге новый этап в эволюции массовых демократий, который ставит перед ними новые серьезные вопросы, но не меняет сущности политических режимов, а скорее ведет к улучшению качества обслуживания граждан, делает демократические институты более отзывчивыми к запросам избирателей. Апологеты этой позиции говорят о возникновении модели “сервисной демократии” [12]. Другие исследователи посчитали вхождение маркетинга в политику угрозой, потенциально способной изменить самую суть демократических режимов, порождая в них фундаментальные противоречия и проблемы, в том числе этические. Так или иначе, бесспорно, что последствия маркетинговой революции, происходившей на протяжении нескольких последних десятилетий, серьезно изменили политическую жизнь современных обществ и нуждаются в осмыслении.

Стоит напомнить, что главное отличие маркетингового подхода от предшествующего состоит в использовании «исследования рынка» для определения политического предложения. В ходе эволюционного развития политических практик “рынок” в лице электората, выполняющего роль покупателей, стал все больше и больше участвовать в формировании политического продукта, т. е. предлагаемой гражданам политики в самых разных ее формах. При этом маркетинговые технологии становились все более и более изощренными, а грань между политикой и рынком все менее заметной. В результате сегодня исследования рынка являются определяющими при принятии решений о том, какую политику будут предлагать избирателям лидеры или партии. Именно “исследования рынка” помогают понять, чего хотят люди, от которых политики добиваются голосов, и таким образом завоевать или сохранить их поддержку, т. е. в конечном счете, власть. В контексте маркетингового подхода к политике электоральный успех становится для политических акторов безусловным приоритетом, доминируя над всеми прочими установками.

Это отнюдь не означает, что теперь проводимая государственная политика больше соответствует общественному мнению. Культивирование маркетингового подхода и использование

маркетинговых технологий позволяют как вырабатывать решения, соответствующие общественному мнению, так и наоборот — подгонять общественное мнение под решения, уже принятые элитами, например, в интересах каких-то влиятельных групп. Каким образом, используется маркетинг в политике, зависит от особенностей политического рынка в той или иной стране. Однако в целом, очевидно, что возможности манипулирования массовыми общественными настроениями с помощью маркетинговых технологий заметно расширились. А вместе с ними расширились и возможности для коррупции.

Среди не менее очевидных последствий доминирования маркетингового подхода можно также отметить смещение многих политических акторов к центру политического спектра, обусловленное стремлением угодить медианному избирателю. Когда же в результате этих прагматических стремлений граждане перестали видеть разницу между различными силами, традиционно представленными на политической сцене, пришло время новых популистов. Отвращение людей от конвенциональной политики стимулировало рост антиэлитных настроений, падение численности старых партий и рождение новых популистских движений [13]. Описывая этот процесс, Питер Мэйер предупреждал: поскольку теперь в политических партиях «мнения фокус-групп часто значат больше, чем мнения делегатов конференций», значение партийных организаций обесценивается. Результатом стала перекройка всего партийного ландшафта западных демократий: многие почтенные партийные структуры, существовавшие многие десятилетия, просто исчезли, а на их место пришли совершенно новые субъекты отличные от них как по форме, так и по содержанию [14, с. 35].

Среди важнейших изменений, вызванных вхождением маркетинга в политику, особое внимание следует обратить на так называемый феномен “перманентной избирательной кампании” (permanent campaigning). Дело в том, что довольно быстро маркетинговое мышление вышло за рамки выборов и распространилось на все аспекты политики. Социологические опросы и исследования фокус-групп используются сегодня не только для отслеживания обратной связи с избирателями, но и для определения направлений государственной политики. Теперь нередко именно рейтинги диктуют решения властей. Правительства выделяют значительные ресурсы на маркетинговые исследования электората, маркетинг государственной политики, брендинг органов власти и т. д. Конечно, правители всегда пытались отслеживать реакцию подвластных. Однако широкое распространение и доступность измерений общественного мнения сделали ныне уровень популярности правительства наглядным как никогда прежде, общественное мнение стало очень легко выявить. Мониторинг популярности многих действующих администраций происходит практически в ежедневном режиме. Одновременно, как уже было отмечено, с помощью тех же маркетинговых технологий общественным мнением стало гораздо легче манипулировать.

Однако, даже если исходить из самых лучших побуждений управляющих, можно ли считать идеалом ситуацию, когда все решения правительства соответствуют требованиям общественного мнения? Между тем техники и технологии, доказавшие свою эффективность в избирательных кампаниях, повсеместно переносятся в процесс государственного управления. А ведь природа политического противостояния и государственного управления принципиально различны. Ориентация на постоянный успех и популярность, непримиримая критика оппонентов и другие подходы, характерные для электоральной борьбы, совсем небезопасны при переносе их в процесс выработки и осуществления государственной политики. Существование органов власти в состоянии «перманентной избирательной кампании» чревато либо проведением безответственного популистского курса (что мы и наблюдаем сегодня часто во многих странах), либо углублением дистанции между реальной политикой и ее репрезентацией обществу, либо же различными сочетаниями того и другого. Нередко теперь государственные решения принимаются (или не принимаются) уже с учетом их будущей репрезентации. Рекламное продвижение

политики стало интегрированной частью государственной активности. Господствует убеждение, что не следует прекращать кампанию с окончанием выборов, необходимо все время обращаться к избирателю, иметь его в виду. В то время как прежде считалось, что в промежутках между выборами политики должны принимать ответственные управленческие решения, даже если они могут оказаться непопулярными. Теперь оба этапа выработки политики (выборы и управление между ними) слились в едином понятии политического делового цикла (political business cycle). Считается, что коммуникации с электоратом имеют не менее важное значение для деятельности правительства, чем, например, фискальная политика. “Перманентная кампания” стала рутинной работой современных администраций.

В связи с этим неизмеримо выросла роль соответствующих специалистов – консультантов и технологов. Можно сказать, что одновременно со снижением влияния партийных структур и активистов в процессе выработки политических решений, усилилось значение специалистов по управлению общественным мнением. Постепенно они обосновались в административных структурах государственной власти на постоянной основе и стали играть существенную роль.

Между тем культивирование “перманентной избирательной кампании”, в сущности, ставит под вопрос фундаментальную характеристику современного государства: политическую нейтральность государственного аппарата. Возникает риск использования избранными политиками и организациями контроля над ресурсами государства в своих политических интересах. Такого рода казусы наблюдаются во многих странах и вызывают беспокойство исследователей и общественности. Особенно подвержены этой опасности политические режимы с низким уровнем политической конкуренции.

Тем более важно оценить значение подобных рисков в контексте дальнейшего развития маркетинга политической сферы. Ведь перенос маркетинговых концепций и технологий из бизнеса в политику продолжается. Например, сегодня политики начинают использовать технологии построения долгосрочных отношений с избирателями, подобно тому, как коммерческие кампании выстраивают свои отношения с клиентами, формируя лояльность потребителей к своим товарам и услугам. Определяющими для развития этого направления стали два фактора: новый этап эволюции коммуникационных технологий и изменение характеристик массового потребителя политической продукции.

Современный избиратель (он же массовый потребитель политического продукта) становится, не только более прагматичным, менее идеологизированным, но и более “подкованным” в сфере массовой коммуникации. Ныне политики имеют дело с медийно грамотной аудиторией. Причем нынешний обычный гражданин, в отличие от своего предшественника, уже не только допускает использование маркетинга в политике, но и считает, что он является нормальной, неотъемлемой частью политической практики. В этих условиях совершенно естественным выглядит использование в политике новых стратегий, которые появляются в бизнесе: маркетинг взаимоотношений, стратегии формирования лояльности к бренду, концепция «пожизненного избирателя» (подобно пожизненному покупателю, лояльному фирме). Важнейшим направлением становится развитие технологий интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМС), построенных на глубинном анализе потребителя и интеграции всех технологий в единый поток.

В тоже время беспокойство по поводу вызовов, которые несет в себе переход к маркетинговой парадигме в политике, побуждает исследователей искать пути согласования новых технологий и практик с традиционными демократическими ценностями. Поскольку маркетинг стал вездесущим и остановить его распространение не возможно, стоит подумать над тем, как его использовать во благо не только элитам, но и всему обществу, например для формирования доверительных отношений между рядовыми гражданами и политиками. Такие отношения могли бы поддерживать политиков во время кризисов или неудач, позволяя им принимать ответственные лидерские решения, проводить реформы и осуществлять непопулярные, но необходимые меры.

Таким образом, культивируя определенные маркетинговые технологии, можно решать проблемы, вызванные маркетинговой трансформацией политики, в частности появлением “перманентной избирательной кампании”. Тем более, что избиратели хотят быть вовлеченными в процесс, хотят участвовать в принятии решений, а не выступать только как потребители политического продукта. Ответом на этот запрос рынка может быть переход от транзакционного маркетинга (вот продукт, который я вам предлагаю) к трансформационному (работайте со мной, чтобы создать изменения). Такой подход рассматривает граждан (внутренних стейкхолдеров) как неотъемлемую часть успешного политического маркетинга, который предполагает и создание пространства для лидерства, необходимое для принятия ответственных компетентных решений.

Список литературы

1. *Scammell M.* Political marketing: lessons for political science // *Political Studies*, 47 (4). 1999. P. 718–739.
2. *Newman B.I. (ed.)* Handbook of Political Marketing. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1999.
3. *Lees-Marshment J.* The marriage of politics and marketing // *Political Studies*, 49 (4). 2001. P. 692–713.
4. *O’Shaughnessy N., Henneberg S. (eds)* (2002) *The Idea of Political Marketing*. London: Praeger, 2002.
5. *Scammell, Margaret.* (2014). *Consumer Democracy: The Marketing of Politics*. New York: Cambridge University Press, 2014.
6. *Wood S.* Rebranding the Nation: Germany’s Image Politics // *International Politics*, 54 (2). 2017. P. 161–181.
7. *Todd C., Dann C.* How Big Data Broke American Politics. NBC News Digital, 14 March 2017. URL: www.nbcnews.com/politics/elections/how-big-data-broke-american-politics-n732901 (дата обращения: 11.01.2022).
8. *Gillies J. (ed.)* Political Marketing in the 2016 U.S. Presidential Election. New York: Palgrave Macmillan, 2018.
9. *Busby R.* Selling Sarah Palin: political marketing and the “Wal-Mart Mom” // *Lees-Marshment J. (ed.)* *Routledge Handbook of Political Marketing*. New York: Routledge, 2012. P. 218–229.
10. *Heilemann J., Halperin M.* Game Change. Obama and the Clintons, McCain and Palin, and the Race of a Lifetime. N.Y.: HarperCollins, 2010.
11. *Messina J.* Obama Campaign Manager Jim Messina Talks Big Data at the Milken Institute’s 2013 Global Conference. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mZmcyHpG31A> (дата обращения: 11.01.2022).
12. *Lees-Marshment J., Conley B., Elder E. et al.* Political Marketing: Principles and Applications. London and New York: Routledge, 2019.
13. *Winder G., Tenscher J.* Populism as political marketing technique // *Lees-Marshment J. (ed.)* *Routledge Handbook of Political Marketing*. London and New York: Routledge, 2012. P. 230–42.
14. *Mair P.* Polity-skepticism and party failings // *The challenge to European democracy*. – Wassenaar: NIAS, 2007. P. 18–43.

Исторические вопросы управления

«ОПЫТ РОССИИ» В ОЦЕНКАХ ИТАЛЬЯНСКОГО АНТИФАШИСТА ПЬЕРО ГОБЕТТИ

Наумова Е.П.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. Автором предпринята попытка исследовать исторический опыт революционных событий 1917 г. в России и последующих за ними изменений политической системы и социально-экономических отношений через призму взглядов итальянского антифашиста *Пьеро Гобетти*, оставившего яркий след в истории итальянской культуры. Будучи далеким от либерализма в традиционном для Италии понимании, восходящем к Рисорджименто, Гобетти рассматривал Октября 1917 г. через понятие «либеральной революции», усматривая в нем некий парадокс исторического «опыта России».

Ключевые слова: Пьеро Гобетти, антифашизм, либеральная революция

Пьеро Гобетти (1901–1926) — либеральный демократ, публицист, литератор, театральный критик [21, 16], антифашист, сторонник активных действий в борьбе с режимом Муссолини, кумир Партии действия (Il Partito d'Azione) — оставил яркий след в истории итальянской культуры и антифашистского движения [5, 8, 11, 34, 37]. Его идеи оказали большое влияние не только на либеральных демократов, но и на либеральных социалистов, преимущественно туринских джеллистов — членов антифашистской организации «Справедливость и свобода» (Giustizia e Libertà) [7, 8], созданной Карло Росселли в 1929 г. в Париже и сформировавшей подпольные ячейки во многих городах Италии.

Интерес Пьеро Гобетти к России, ее историческому «опыту» был обусловлен несколькими причинами. *Во-первых*, любовью к русской литературе, языку, а также туринской социально-политической интеллектуальной и рабочей средой, под влиянием которой происходило становление юноши, развитие его литературного таланта. В домашней библиотеке Гобетти было много книг русских писателей. Большую роль в приобщении Гобетти к русской культуре сыграл журнал «Slavia» (1926–1934), основанный Альфредо Поллердо. Журнал способствовал распространению русской литературы не только в Турине, но и по всей стране [9, 39]. На его страницах в переводе на итальянский язык были изданы работы Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.С. Пушкина и других писателей. Турин иногда зазывали «итальянским Петроградом» и центром русской культуры. Для более глубокого понимания литературы Гобетти начал изучать русский язык, который преподавала Ракеле Гуттманн Полледро — жена Альфредо. Определенным стимулом для изучения русского языка для Пьеро Гобетти и его жены Ады [35], стала дружба с одесситом Леоном Гинзбургом — писателем, журналистом, переводчиком, преподавателем, антифашистом, постоянно проживавшим в Италии с 1914 г. *Во-вторых*, обращение к России было связано с революционными событиями Февраля и Октября 1917 г. в России. Гобетти был полон желания понять народ, обладавший богатыми историческими и культурными традициями, ворвавшийся на мировую сцену и совершивший глубокие изменения в политической, социально-экономической и культурной жизни страны. Гобетти пытался показать уникальность русской революции, которую, в отличие от него, многие левые в Европе определяли как социалистическую [4]. Наблюдения Гобетти «относились к событиям первых послереволюционных лет, когда разбуженная революцией энергия масс еще не была обуздана и подавлена. Это и позволяло Гобетти рассматривать русскую революцию как либеральную в специфическом для него смысле, т. е. выражающую мощный освободительный порыв народа» [2].

Круг проблем, над которыми работал Гобетти, вопросы, вызывавшие наибольший интерес у молодого человека, зафиксированы в работе «Идейный издатель» [14]. В ней автор говорит о чтении трудов философов и мыслителей (Аристотеля, Н. Макиавелли, В. Парето, Дж. Джен- тиле, Б. Кроче), сочинений по истории философии, работ экономистов-либералов, а также об «изучении марксизма» и «большевизма». Автор поместил в данное издание и собственные дневниковые записи, страницы биографии. Изучением так называемого «опыта России» Гобетти занимался с 1918 по 1924 гг., когда Италия переживала поистине драматические события: тяготы Первой мировой войны (тяжелое положение итальянской армии на фронте после поражения в конце 1917 г. в битве при Капоретто); выступление рабочих в период «красного двухлетия» и создание фабрично-заводских советов в 1919–1920 гг.; возникновение в 1919 г. фашистского движения и поход на Рим в октябре 1922 г.; восхождение Муссолини на олимп власти; «кризис Маттеотти» [20] в 1924 г. и становление фашистской диктатуры [25]. Просветительскую, издательскую, литературную деятельность Гобетти [10, 33] начал в ноябре 1918 г., основав вместе с друзьями журнал «Energie nove» (Новая энергия). В 1920 г. он писал: «Здесь, в Турине, есть некоторые идеи, прелюдии культурного пробуждения, которых не было давно» [13]. Защитив дипломную работу по политической философии В. Альфьери [15], Гобетти сблизился с известными политическими деятелями, антифашистами, мыслителями: А. Грамши, Г. Сальвемини и др. В феврале 1922 г. вместе с группой левых либералов и радикальных демократов он основал журнал «Rivoluzione Liberale» [31] (Либеральная революция), имевший не только культурно-просветительское, но и политическое значение. Целью журнала стала просветительская работа в среде прогрессивной части рабочего класса, которая, как он полагал, позволит в конечном итоге сформировать новый политический класс, новую элиту, осознающую социальные потребности людей и способную осуществлять руководство государственными и общественными институтами. В 1923 г. вышло в свет сочинение «Либеральная революция» [8]. В работе революция трактуется как освободительная, связанная с демократическим процессом. Литературная деятельность Гобетти была временно прервана в связи с арестом в 1923 г.

Участвуя в антифашистской борьбе, Гобетти пытался выяснить причины возникновения фашизма и способы борьбы с ним. В этой связи тема революции приобретала для него особое значение. Гобетти обратился к истории Италии середины XIX в. (периода Рисорджименто) и России начала XX в. (революции 1917 г.), между которыми было больше различий, нежели общего. Исторические параллели представляли для него интерес с точки зрения выхода на авансцену рабочего класса. Пьеро Гобетти привлекла проблема появления нового политического класса, новой элиты, теоретическое обоснование которой он черпал из трудов В. Парето и Г. Моска и др. мыслителей – создателей «теории элит». В работе «Рисорджименто без героя» [8, 23], вышедшей в 1926 г. и открывшей серию публикаций, где должен был воплотиться замысел автора по созданию «новой концепции Рисорджименто», включавшей теорию «либеральной революции», Гобетти пришел к выводу, что в Италии после Камилло Бенси ди Кавура (1810–1861) – графа, государственного деятеля Пьемонта и Италии эпохи 40–60-ых гг. XIX в. (сыгравшего исключительную роль в объединении страны под властью сардинского монарха), наступил «кризис руководящего класса» [23]. В широком спектре проблем, над которыми работал Гобетти, концепция «либеральной революции» и «либерального государства» приобрела особое значение. Смысл этих понятий Гобетти связывал с освободительным и демократическим процессом. Он был убежден, что революция эпохи Рисорджименто в Италии осталась незавершенной, а фашизм обнажил и обострил недостатки либерального строя. Предстоящая революция, либеральная по своему характеру, по мнению Гобетти, должна решить оставшиеся от Рисорджименто проблемы [23], освободить Италию от режима Муссолини. С точки зрения Гобетти, «либеральная» революция понимается исключительно как освободительная.

Гобетти представил итальянской общественности анализ истоков фашизма, определив данное явление как «автобиографию нации» [32]. Происхождение фашизма он связывал не с политической определенными классов, а со всем комплексом проблем, связанных с незавершенностью Рисорджименто [23], с болезненными явлениями итальянского общества, унаследованными страной от прошедших исторических эпох и получивших наибольшую остроту в период правления Муссолини.

Гобетти возглавлял антифашистскую интеллигенцию Турина. Для него были неприемлемы любые формы диктатуры, будь то диктатура фашистского правительства Муссолини или диктатура пролетариата. Он выступал за идейный плюрализм и против любых идеологических догм. Гобетти утверждал, что «современные демократии не допускают централизации и злоупотребления властью» [8]. С этих позиций он оценивал и революцию, воспринимая ее как явление, связанное с движением к свободе, «либеральное» по своей сути. Важную роль в предстоящей революции Гобетти отводил народным массам. Он высоко ценил выступление рабочих в период «красного двухлетия» (1919–1920) и создание на предприятиях фабрично-заводских советов – структур, созданных «снизу» благодаря инициативе масс. С образованием советов Гобетти связывал начало институционального демократического преобразования общества. Взгляды Гобетти по данному вопросу отчасти совпадали с идеями Антонио Грамши [38], с которым он был связан узами дружбы и совместной работой в журнале «L' Ordine Nuovo» [29, 30] (Новый строй). Гобетти был убежден, что самоуправление рабочих на промышленных предприятиях является важным шагом на пути к демократии.

Стихийная инициатива масс, согласно представлениям Гобетти, направляется и координируется «элитой», т. е. передовой частью общества, политически образованной и «способной создать новое государство» [40]. Обращение Гобетти в ряде статей к туринским рабочим во многом объясняется его убеждением, что часть промышленного пролетариата совместно с передовой интеллигенцией станет «кардинально руководящим политическим классом» [40]. Работу «Либеральная революция» он считал «теорией правящего класса» [8], который возникнет в процессе демократизации Италии. «Его мысль, – отмечал Б.Р. Лопухов, – была проникнута верой в либерализм как доктрину свободы, в борьбе за которую он отводил важное место рабочему классу и интеллигенции» [3]. Разрабатывая концепцию демократического развития общества, Гобетти подчеркивал роль «самосознания граждан». Он настаивал на расширении «местного самоуправления», создании «представительной формы правления» [24]. На «революционном либерализме», сформировавшемся у Гобетти под влиянием Грамши, происходило становление многих туринских ационистов – членов Партии действия (1942–1945), созданной в глубоком подполье в Италии на базе либерально-демократических и либерально-социалистических течений, в том числе и организации «Справедливость и свобода».

Революция 1917 г. в России воспринималась Гобетти как «плод энергии масс». Он возражал тем итальянским политикам и общественным деятелям, которые судили о русской революции только на основе последовавших за ней негативных фактов: тяжелые, разрушительные последствия революции, суровые природные условия и др. Гобетти писал: «Наши летописцы против большевиков приводят ряд фактов, которые при новом режиме связаны с условиями жизни, голодом, холодом и др., при этом они не замечают что эти факты русским народом принимаются, следовательно, этот народ обладает сильным творческим духом, народ действует вопреки данным фактам, и невозможно понять народ в отрыве от его духа....» [24].

Чтобы разобраться в сущности Октябрьской революции, «отзвуки» которой распространились по всей Европе, Гобетти задался целью – проанализировать «опыт России». Статья «История русской Революции» [8], опубликованная в мае 1922 г., стала одной из первых его работ, посвященных России. Гобетти крайне положительно оценивал деятельность В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, к которому относился с наибольшей симпатией, называя его «героем» рево-

люции. Лейтмотив характеристик вполне вписывался в концепцию либеральной революции Гобетти, а также многих других публикаций, вышедших в то время в Италии. Вместе с тем молодой теоретик «либеральной революции» предпочел сконцентрировать внимание не на пропаганде «опыта России», а на изучении «революции» как явления, критически воспринимая данный исторический факт.

В работе «Парадокс русского духа» [22], опубликованной частями в «Energia Nove», «La Rivoluzione Liberale» и др. и вышедшей отдельным изданием в 1926 г. уже после смерти автора, Гобетти попытался дать историческую оценку революции. Причины и сущность «русской революции» он рассматривал через призму духовной, идейной жизни российского общества. Гобетти был одержим стремлением понять так называемую «загадочную душу» русского народа, который в начале XX в. руководствуясь учением, пришедшем в Россию с западной Европы, совершил революцию. Гобетти поставил вопрос о «парадоксе русской революции» [1, 8]. Он пытался доказать, что «русский опыт», идейно апеллировавший к марксизму, в практическом плане был далек от его воплощения.

В главе «Борьба идей» Гобетти попытался рассмотреть предшествовавший революции период, имевший, по мнению автора, «решающее значение» для понимания «диалектического критерия» ее оценки [22], исторические проблемы, «факторы», «элементы», определившие «русское национальное сознание до революции» [22]. Размышления Гобетти о России не выходили за рамки либеральной мысли западноевропейских концепций, в том числе и «норманнской теории». Гобетти пытался через русскую литературу и публицистику разобраться в сложных проблемах истории Российского государства, не учитывая многие обстоятельства жизни общества, его культуры, религии и т. д. Кроме того, сам подход к проблеме был связан с личной системой координат молодого человека, вступившего на путь политической борьбы с режимом Муссолини. Так, начиная свое исследование, Гобетти писал: «Расположенная между Европой и Азией, стремившаяся преодолеть азиатский примитивизм, неспособная достичь европейской культуры, Россия до XIX в. не нашла собственного места в духовной жизни человечества. Низкая самооценка национальной деятельности присутствует у русских мыслителей прошлого века (*т. е. XIX в. — Е.П. Наумова*). Но сентиментальное отношение не смогло перейти к конструктивной концепции. Народ, не участвовавший в политической жизни, находится вне государства и культуры, игнорирует свои силы и не в состоянии осознать (на практике) свою волю и судьбу. Государство, воплощающее теократию, является наследником Византии и отрицает новизну» [22]. Гобетти писал: «Вековая болезнь русской жизни — ее духовная незрелость — с доисторических времен выражается в мистицизме и теократии. Русский мистицизм имеет основное значение» [22] для формирования сознания. Гобетти полагал, что «интеллектуальный класс» России «оторван» от «потребностей страны». Он пришел к мысли о необходимости критического осмысления общественно-политической и социальной жизни России, без которого сложно понять причины и последствия революции, оценить ее итоги. Следует отметить, что из-за недостатка исторических источников, литературы и актуальной информации, наблюдения и выводы Гобетти были часто ошибочны, суждения — поспешны и односторонни, но достаточно оригинальны, что являлось свидетельством острого ума и неординарности личности.

По мнению Гобетти, в средние века западное общество приобрело некое представление о важности свободы. Наследие католической церкви не позволяло обществу «впасть в анархию», но и не ограничивало «значение» индивидуума. Гобетти превозносил западную культуру и историю. Однако, он плохо представлял Россию, даже природа страны в его описании выглядела как холодная и безжизненная равнина. Он полагал, что русская культура, сочетавшая в себе «религиозный мистицизм» и «рабскую психологию», сформировалась под влиянием тяжелых условий жизни. «Этот мистицизм, — писал он, — питаемый индифферентизмом, исключает любую автономную практическую организацию; поэтому государство должно было возникнуть

в России не в результате достижения духовных ценностей и культуры, а благодаря внешнему фактору» [22]. Гобетти казалось, что русский человек «может принять рабство, вынести любое внешнее принуждение», в силу исторических обстоятельств должен был делать выбор между «небом и земной жестокостью», между «водкой» и «аскетическим одиночеством» [22]. Суждения Гобетти о России часто имели образные выражения и излагались в контексте возвеличивания опыта развития западноевропейской политической культуры. Он был убежден, что в России до революции народ не был «вовлечен» в политическую жизнь страны. Отсюда Гобетти делал вывод, что именно революция явилась водоразделом в «русском национальном сознании» [22].

Вместе с тем отдельные суждения Гобетти представляются исторически обоснованными. Согласно его мнению, перемены в сознании народа и в общественно-политической жизни Октября 1917 г. были подготовлены предшествующим периодом истории, когда происходило формирование «революционного духа», осуществлялась подготовка «социального класса» в лице интеллигенции. Гобетти пояснял, что было бы невозможно понять значение российской политической борьбы, если бы она не была связана с определенной «идейной и практической подготовкой», с «движением мысли и пропагандой, которая привела Россию к революции 1905 г., а уже потом к революции 1917 г.». Если в результате Февральской революции в России пришли в движение трансформационные процессы в среде российской элиты, то Октябрь стал тем историческим явлением, которое за сравнительно короткий период создало новые социально-политические группы. Октябрь кардинально изменил социальный, классовый состав политической элиты страны. Именно под этим углом зрения рассматривал революцию Гобетти. На русскую революцию он смотрел глазами либерала. Гобетти скептически относился к возможности повторения событий русской революции в Италии. Он был убежден, что разница в политических и социально-экономических условиях, отсутствие революционных левых сил не позволят Италии повторить опыт «русской революции» [24].

Положительными результатами Октября 1917 г. — «большевистской революции» — Гобетти считал ликвидацию царского режима, формирование политического сознания у населения. Он был убежден, что революция способствует рождению энергии масс, формированию гражданской инициативы общества [6]. Кроме того, положительно по содержанию, но критически по методу проведения, оценивались законы и декреты советской власти, в частности, «отмена права частной собственности на землю, леса, природные недра», «уравнительное распределение земли», «введение рабочего контроля на предприятиях», «передача банков в собственность государству», привлечение к обязательному труду трудоспособное население, «создании Красной Армии из рабочих и крестьян» и др. [24] Вместе с тем Гобетти считал, что реформы в России были проведены преждевременно. Он был убежден, что насильственные методы проведения так называемых реформ советского правительства придали им исключительно политический характер в ущерб ее экономическому и моральному (духовному) содержанию. Он утверждал, что русские революционеры, «заставив» политику «работать» отдельно от экономики, лишили революцию марксизма, а теорию Маркса — сущности. Гобетти был убежден, что «марксистский эксперимент» в России провалится, поскольку «основы старой либеральной экономики оказались более стойкими» [36] по отношению к «мероприятиям по огосударствлению», которые проводились в России. «Большевизм — тому доказательство», «эксперимент социализации провалился, пока мы в это верили», поскольку существуют «противоположенные ему интересы и менталитет людей» [36]. Неудача «эксперимента», по его мнению, объясняется не столько «непродуктивностью» принятой в стране системы, сколько самим «порядком коллективистской экономики», который ведет к «усиливающейся ликвидации активности и индивидуальной инициативы» [36]. В «хозяйственном законодательстве» Гобетти видит один из «недостатков нового русского режима» [36].

Не разделяя идеи «марксистского социализма» и «либерального социализма» К. Росселли, он положительно относился к частичной «социализации» и резко критически отзывался о тоталь-

ной национализации, коллективной собственности. Говоря о России, Гобетти подчеркивал, что переход к коллективной собственности в стране, истощенной войной и дезорганизацией хозяйственной жизни, не дал желаемых результатов; наоборот, усилились социальные конфликты в обществе. Он полагал, что поддержка населением революции во многом объяснялась конкретными условиями: «ненавистью» к царю, который был ответственным за вступление России в мировой конфликт и тяготами самой войны. Главными политическими деятелями в России Гобетти считал Ленина и Троцкого. Они восхищали его своей энергией [19]. Так в письме к жене от 17 сентября 1919 г. Гобетти писал: «Сегодня политика должна быть реалистичной как форма воспитания. Симпатия, которую я питаю к Троцкому и Ленину, состоит в том, что им определенным образом удалось реализовать эту ценность, и это много» [35]. Так, в журнале «Energia nove» в статье «Обзор политических вопросов» [36] Гобетти анализировал «опыт России», «коллективный эксперимент», «политику большевиков», деятельность В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, а также Ф.Ф. Керенского и других государственных деятелей России. В статье «Руководящий класс», посвященной смерти В.И. Ленина и опубликованной в феврале 1924 г. в журнале «Rivoluzione Liberale», Гобетти пытался анализировать конфликт, который происходил в правящем классе России. Отвечая на замечания итальянской официальной прессы, он подчеркивал, что «в России есть правящий класс, в превосходство которого верят большевики, а также в его способность управлять» [27]. Гобетти писал, что в России руководящий класс был создан в ходе революции; и если Троцкий был «тактиком политического наступления», то Ленин «был пророком».

Революция оценивалась Гобетти положительно еще и в той связи, что, «в последние годы у российского народ стало формироваться политическое сознание» [12]. С его точки зрения, революция в России была либеральной. В действительности, он был далек от либерализма в классическом, традиционном для Италии понимании. Либеральным он считал все то, что способствовало освобождению, торжеству свободы, появлению энергии масс. Гобетти полагал, что «парадокс русской революции» состоял в том, что при официально провозглашенных социалистических целях на самом деле революция была либеральной. В этом он усматривал некий парадокс исторического «опыта России». Молодому теоретику либеральной революции не удалось раскрыть «загадочную русскую душу», понять историю России, все многообразие исторических фактов, обусловивших революцию. Вместе с тем неординарность самой личности, оригинальность его взглядов, глубокий интерес к истории и русской культуре придают суждениям Гобетти о революционных событиях в России, современником которых он был, особое значение. К сожалению, взгляды Гобетти на русскую революцию долгое время оставались вне поля зрения российских исследователей. Судьба Пьеро Гобетти сложилась трагично. Он был зверски избит фашистами в 1925 г. В том же году он эмигрировал во Францию, где в феврале 1926 г. умер от последствий побоев, похоронен на кладбище Пер-Лашез. После его смерти, несмотря на относительно немногочисленные произведения, Гобетти стал символом либерального антифашизма, вдохновляя членов Партии действия и многих других интеллектуалов Италии на борьбу с фашизмом и нацизмом в период вооруженного Движения Сопротивления.

Список литературы

1. *Баньоли П.* Россия: либеральный парадокс //Россия и Италия. Выпуск 3. XX век. М.: Наука, 1998. С. 138–146.
2. *Григорьева И.В.* Послесловие к статье Баньоли П. Россия: либеральный парадокс //Россия и Италия. Выпуск 3. XX век. М.: Наука, 1998.
3. *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977.
4. *Наумова Е.П.* Отзвуки русской революции в Италии (по воспоминаниям антифашистов) // Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества.

- Материалы XVI Международной конференции (31 мая – 02 июня 2018). Университетская серия. Т. I. М.: Электронный сборник, 2019. С. 619–633.
5. *Наумова Е.П.* Партия действия в Италии: особенности организационного становления и внутрипартийной дискуссии об идеологии и программе партии (весна 1942 – лето 1944) // Государственное управление. Электронный вестник. № 59. М.: 2016. С. 20–62.
 6. *Bagnoli P.* Il metodo della libertà. Piero Gobetti tra eresia e rivoluzione. Reggio Emilia: Diabasis 2003.
 7. *Bagnoli P.* Piero Gobetti. Cultura e politica in un liberale del Novecento, Firenze: Passigli, 1984.
 8. *Bagnoli P.* Rosselli, Gobetti e la rivoluzione democratica: uomini e idee tra liberalismo e socialismo. Firenze: La nuova Italia, 1996. P. 113–137;
 9. *Bobbio N.* Trent'anni di storia della cultura a Torino (1920–1950). Torino: Cassa di risparmio di Torino, 1977. P. 36–47.
 10. *Cabella A.* Elogio della libertà. Biografia di Piero Gobetti. Torino: Il Punto, 1998.
 11. *Cabella A.* Il pensiero politico di Pietro Gobetti // Studi meridionali. L'azionismo come partito. Organizzazione ed ideali. A cura di C. Gily Reda, pref. di A. Maccanico. Avellino: Quaderni del Centro Dorso. № 2, 1998. P. 15–25.
 12. *Gobetti P.* Criteri di metodo per la storia Rivoluzione russa // Rivista di Milano. 20 febbraio 1921, in Gobetti P. Scritti storici, letterari e filosofici. A cura di P. Spriano. Torino: Einaudi 1969. P. 42.
 13. *Gobetti P.* Intermezzo // Energie Nove. Serie II – № 12. Tirino, 12 febbraio 1920.
 14. *Gobetti P.* L'editore ideale. A cura di *F. Antonicell.* Milano: Scheiwiller 1966.
 15. *Gobetti P.* La filosofia politica di Vittorio Alfieri. Roma: Edizioni di storia e letteratura. 2012.
 16. *Gobetti P.* La frusta teatrale. Milano: Studio editoriale Corbaccio, 1923.
 17. *Gobetti P.* La rivoluzione liberale. Saggio sulla lotta politica in Italia. Bologna: Cappelli, 1924.
 18. *Gobetti P.* La Rivoluzione liberale. Torino: Einaudi, 1974.
 19. *Gobetti P.* La Russia dei soviet // Volontà. 15 febbraio 1921.
 20. *Gobetti P.* Matteotti. Torino: P. Gobetti Editore, 1924.
 21. *Gobetti P.* Opera critica. Parte seconda. Teatro-Letteratura-Storia. Torino: Edizioni del Baretto, 1926;
 22. *Gobetti P.* Paradosso dello spirito russo. Torino: Edizioni del Baretto, 1926.
 23. *Gobetti P.* Risorgimento senza eroi. Studi sul pensiero piemontese nel Risorgimento. Torino: Edizioni del Baretto, 1926;
 24. *Gobetti P.* Scritti politici. A cura di P. Spriano. Torino: Einaudi, 1960.
 25. *Gobetti P.* Scritti storici, letterari e filosofici. A cura di P. Spriano. Torino: Einaudi 1969.
 26. *Gobetti P.* Storia della Rivoluzione russa // La Rivoluzione Liberale. Anno I. № 11, 4 maggio 1922. P. 41–43.
 27. *Gobetti P.* Una classe dirigente. // La Rivoluzione Liberale. Anno III. № 7, 12 febbraio 1924. P. 24.
 28. *Gobetti P.* Uomini e idee // La Rivoluzione Liberale. Anno IV. № 26, 28 giugno 1925.
 29. *Gramsci A.* L'Ordine Nuovo 1919–1920. Torino: Einaudi, 1954;
 30. *Gramsci A.* Socialismo e fascismo // L'Ordine Nuovo 1921–1922. Torino: Einaudi, 1966.
 31. *Graziano Angela Maria.* Piero Gobetti. L'intellettuale del dissenso negli anni della rivoluzione liberale (1922–1925) // Studi meridionali. L'azionismo come partito. Organizzazione ed ideali. A cura di *Gily Reda*, pref. di A. Maccanico. Avellino: Quaderni del Centro Dorso. № 2, 1998. P. 35–44.
 32. Le riviste di Piero Gobetti. A cura di *L. Basso* e *L. Anderlini.* Milano: Feltrinelli, 1961.

33. *Morra di Lavriano U.* Vita di Piero Gobetti. Torino: UTET, 1984.
34. *Novelli C.* Il Partito d'Azione e gli italiani. Moralità, politica e cittadinanza nella storia repubblicana. Milano: La Nuova Italia, 2000.
35. *Piero e Ada Gobetti.* Nella sua breve esistenza. Lettere 1918–1926. A cura di *Perona E.A.* Torino: Einaudi, 1991.
36. Rassegna di questioni politiche //Energia nove. Serie II. № 6, 25 luglio 1919. P. 132–139.
37. *Sarubbi A.* L' insegnamento di Piero Gobetti e azionismo come di pensiero //Studi meridionali. L'azionismo come partito. Organizzazione ed ideali. A cura di C. Gily Reda, pref. di A. Maccanico. Avellino: Quaderni del Centro Dorso. № 22, 1998. P. 27–34.
38. *Spriano P.* Gramsci e Gobetti. Torino: Einaudi, 1977.
39. *Turi G.* Casa Einaudi. Libri uomini idee oltre il fascismo, Bologna: Il Mulino, 1990. P. 21.
40. *Valiani L.* Le matrici politiche del Partito d'Azione //Il partito d'Azione dalle origini all'inizio della Resistenza armata. Atti del convegno. Bologna 23–25 marzo 1984. Roma: Archivio Trimestrale, 1985, p. 30.

УПРАВЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ДЕЛОМ В ГОДЫ НЭПА

Попова В.В.

Московский государственный университет геодезии и картографии,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва

Аннотация. Управление издательским делом было связано с государственным и партийным регулированием, в частности вопросов цензуры. В годы нэпа происходит постепенное усиление внимания к вопросам цензуры, предпринимаются попытки по структурированию организации цензуры. Это было связано с допущением частно-издательской деятельности, борьбой с мелко-буржуазной идеологией, ликвидацией многопартийности и нашло в выражение в создании единого цензурного органа – Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита). Однако его подведомственность, фигура первого руководителя Главлита, сфера деятельности и методы воздействия свидетельствовали о том, что цензурная политика была еще гибкой.

Ключевые слова: издательское дело, НЭП, Главлит, цензура

Государственное управление — организованное воздействие государства на развитие процессов и отношений в обществе властно-правовыми методами. Исходя из широкой его трактовки, осуществляют государственное управление все органы государственной власти [1, с. 208], а применительно к советскому периоду — еще и органы партийного руководства. Не стала исключением и сфера издательской деятельности. Одним из важных и, пожалуй, самым сложным направлением в деятельности государства в сфере печати была и есть определяемая государством цензурная политика.

Период нэпа обусловил усиление внимания к издательской деятельности в силу того, что в целях расширения объемов выпуска произведений печати и в той тематической части, которая ключевой для советского государства не являлась, к издательской деятельности были допущены издательства частные и кооперативные. Госиздат, как главное издательство страны, не мог уже покрывать амбициозные потребности в выпуске прежде всего литературных произведений. Вместе с тем за Госиздатом оставалось монопольное право на издание учебных пособий. С весны 1922 года специальным органом после разрешения которого печатались учебники стал Государственный ученый совет Наркомпроса. Вскоре, в июне того же года, было образован Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств. Время его учреждения не случайно приходится на начало нэпа. Находилось оно так же в ведении Наркомпроса, но в отличие от Госученого совета его создание и деятельность не афишировались (следует отметить и загадочную утрату фонда Госиздата за период с 1922 по 1938 год, информация о его деятельности восполнялась региональными фондами, в которых содержалась отдельная информация о деятельности отделений Главлита на местах).

На заре советского государства национализация типографий, контроль за распределением бумаги и готовых изданий уже сами по себе являлись сдерживающими факторами для широкого доступа неудобной государству печати. При таких обстоятельствах политическая цензура была не столь актуальна. При этом важное значение имела здесь и идеологическая составляющая. Дело в том, что закономерным продолжением провозглашения в 1917 году свободы печати, участия в революции и первых преобразованиях в государстве по меньшей мере левых эсеров, должно было создать видимость доступности печатного слова хотя бы на первых порах. Одним из доказательств этого является то обстоятельство, что ликвидация партии эсеров по времени совпадает с разработкой законодательства о всеобщем цензурном органе — Главлите. После

процесса над эсерами 1 июня 1922 года, они были высланы за пределы территории Советской Республики [2, с. 133]. Примечательно, что этим же числом датируется докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) об антисоветских группировках среди интеллигенции, положившая начало процессу известному как «философский пароход». Эта мера стала первой крупной акцией в отношении инакомыслия в советском государстве.

Не последнюю роль в определении будущей стратегии ведущего цензурного органа сыграло назначение на должность его руководителя. Одним из главных претендентов являлся действующий заведующий Госиздатом Н.Л. Мещеряков. Однако личные неприязненные отношения с А. Луначарским, первым наркомом просвещения, осложняли ситуацию. Разделяли их и разные позиции: А. Луначарский придерживался либеральных позиций, ратовал за свободу слова; Н.Л. Мещеряков был сторонником жесткой цензурной политики, отвечавшей ленинским требованиям. К тому же уверенность в своей правоте, очевидно, придавала ему не только родство взглядов с В.И. Лениным, но и личная дружба [3, с. 87]. Мещеряков готовился стать во главе цензурного ведомства. Формально это так и произошло. Однако после назначения он сразу же был отправлен в длительный отпуск, к моменту выхода из которого место заведующего оказалось занято. На посту начальника Главлита стал его заместитель, бывший правительственный комиссар литературно-издательского отдела Наркомпроса П.И. Лебедев-Полянский. Так противоборство между завгосиздатом и наркомпросом закончилось победой последнего.

П.И. Лебедев-Полянский по своей натуре был, прежде всего, созидатель. Он выступал в защиту авторского права, ратовал за просвещение трудящихся, выступал за сотрудничество с частными издательствами, поддерживающими советскую власть. Тот факт, что на посту заведующего Главлитом он был с 1922 по 1930 г. позволило удержать цензурную деятельность от ненужного администрирования. Смена подходов к цензурной политике повлекла за собой смену руководства. На этот раз во главе цензурного ведомства оказался человек иного плана. Б. Волин был прежде всего рьяным чиновником-исполнителем. Такая кандидатура соответствовала курсу ЦК партии по усилению цензуры.

Идеологическим обоснованием цензуры, пришедшей на смену провозглашенной свободе печати, советское государство объявило необходимость борьбы с буржуазной идеологией, которая получила развитие в условиях новой экономической политики. Так, в Циркулярном письме областным отделам Главлита и политредакторам о задачах политической цензуры указывается, что, «наличие значительных групп эмиграции усиливается благодаря новой экономполитике, материальные ресурсы у наших противников внутри республики создали благоприятную для них атмосферу в выступлении против нас в печати» [4, с. 262].

Одной из эмигрантских групп стало общественно-политическое движение под названием сменовеховство. Под сменой вех идеологи этого движения во главе с известным публицистом, кадетом, профессором Н.В. Устряловым понимали способствование процессу перерождения советского государства в парламентскую буржуазную республику. Такие выводы о «перерождении» были сделаны ими в связи с переходом к нэпу, в котором они видели отступление большевиками от своих позиций в пользу буржуазии. Сменовеховцы призывали интеллигенцию к служению новой мелкобуржуазной России, каковой, по их мнению, являлось советское государство в период нэпа. Свои политические идеи сменовеховцы изложили на страницах сборника с одноименным названием — «Смена вех». Он вышел в свет в Праге в 1921 г. и вызвал широкий резонанс как в кругах белоэмигрантов, так и на страницах отечественной периодики. (в газетах «Правда», «Известия» и других центральных и местных изданиях) [5, С. 282]. Таким образом, появление этого эмигрантского движения благоприятствовало развитию мелкобуржуазных взглядов и в советской России, что вызывало беспокойство советского государства и стало одним из оснований для пересмотра цензурных подходов, в частности, объединения цензуры.

В отношении объединения цензуры и ее подведомственности существовало по меньшей мере две идеи. Одна из них исходила от Политбюро ЦК, другая – от Наркомпроса. Весной 1922 г. компартия поставила вопрос о военно-политической цензуре. 22 марта 1922 года состоялось заседание Политбюро, на котором докладчиком по этому вопросу выступал заместитель председателя ВЧК-ГПУ И.С. Уншлихт. Текст постановления Политбюро был взят за основу будущего Положения о Главлите. Обратимся к его формулировкам: «а) признать необходимым объединение всех видов цензуры в одном центре (при Наркомпросе), с выделением и оставлением под руководством ГПУ наблюдения за типографиями, б) во главе всей цензуры должно стоять одно лицо, назначенное Наркомпросом, с помощниками от Военного ведомства и ГПУ [...] г) принять предложение Мещерякова и Коллегии Агитпропотдела ЦК об освобождении от цензуры Госиздата, партийно-советской печати, Главполитпросвета, ЦК РКП и Коминтерна» [6, с. 247]. В пункте в) определялся состав Комиссии по разработке положения о цензуре. В нее входили А. Луначарский, И. Уншлихт и «представитель военного ведомства». Возглавлял Комиссию сам заместитель председателя Совнаркома А.И. Рыков.

Неделей раньше вопрос об объединении цензуры рассматривался в Наркомпросе. Его идея заключалась в создании единого Комитета по делам печати при Наркомвнуделе. В него должны были войти представители Наркомпроса «с правом обжалования в высшие инстанции отдельных постановлений, которые показались бы для НКП неправильными с культурной точки зрения» [7]. При реализации Наркомпросом этого права исполнение решения Комитета по делам печати приостанавливалось. Назначение цензоров предполагалось производить по соглашению с ГУСом – органом Наркомпроса. Таким образом, вопрос об объединении цензуры поднимался и на государственном уровне. Политбюро ЦК иначе представляло подведомственность объединенного цензурного органа. Отнесение Главлита к ведению Наркомпроса, а не Наркомвнудела определяло специфику этого органа, его неразрывную связь с политико-просветительными и образовательными задачами, что очевидно и создавало возможность прикрываться этими задачами.

6 июня 1922 года было образовано Главное управление по делам литературы и издательства (Главлита), ставшее специализированным органом, регулирующим цензурную политику государства. Главлит получил полномочия по запрету произведений печати в случае обнаружения в них агитации против советской власти; разглашения военной тайны; любых ложных сведений «возбуждающих общественное мнение»; порнографии. С целью предотвращения распространения указанной информации Главлит осуществлял предварительный просмотр произведений как до поступления их в печать, так и перед распространением. По результатам этого он выдавал разрешение или устанавливал запрет.

От любых видов цензуры со стороны Главлита, кроме военной, освобождалась вся печать компартии, Коммунистического интернационала, Главполитпросвета, Известий ВЦИК, Госиздата, Академии наук. Таким образом, основное внимание цензоров уделялось печати частных, кооперативных, ведомственных издательств и общественных организаций. Однако, по сведениям некоторых исследователей, в первые годы под запретом оказалось от 0,3 до 1% контролируемых материалов [8, с. 183]. В их число вошли как работы, отнесенные к военной тайне, а также не прошедшие по политическим и идеологическим основаниям. Поступательное усиление цензурной политики развивается с середины 1920-х годов, что было связано как с увеличением численности частных и кооперативных издательств и изданий, так и с расширением компетенции органов цензуры, а также возросшей ролью партии в осуществлении цензурной политики.

Руководящие органы правящей партии всегда придавали большое значение вопросам цензуры. Обращает на себя внимание Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о мерах воздействия на книжный рынок (1925 г.). Оно представляет собой по сути дела инструкцию для работников Главлита. В положении об образовании Главлита от 6 июня 1922 г. излагаются общие принципы,

на основании которых издания подлежали запрету. Однако для практической работы цензоров нужны были не абстрактные понятия, а конкретные инструкции. Характерно, что восполнить этот досадный пробел взялся не Наркомпрос, в чьем ведении находился Главлит, а общественная организация. В соответствии с указанным Постановлением Главлиту предписывалось использовать в цензуре не только политический и экономический подход, но и педагогический [9, с. 48]. Это означало запрет на печать бульварной литературы (исключение составляли издания, способствующие советскому влиянию на мещанские массы), идеалистической литературы по философии и социологии, нематериалистической литературы по естествознанию. Издания для детей и юношества допускались только в том случае, когда они были направлены исключительно на коммунистическое воспитание. Условно все литературные произведения относились к двум группам: однозначно подлежащие запрету (буржуазные, меньшевистско-эсеровские работы) и те, с авторами которых следовало попытаться провести воспитательную работу, результатом которой очевидно в идеале станет самоцензура. Однако, если автора все же переубедить не удавалось, то произведение печаталось в сопровождении критической статьи «под педагогическим углом зрения».

Однако установление партийных критериев не решило проблему требуемого качества цензуры. Об этом свидетельствуют систематические нарекания в адрес Главлита со стороны специальной комиссии Политбюро [10, с. 40–41]. П.И. Лебедев-Полянский в докладной записке в Оргбюро ЦК ВКП(б) оправдывал недостатки в работе цензуры нехваткой образованных, состоящих членами партии, кадров. К концу нэпа от директив и критики Главлита партийное руководство переходит к непосредственному участию в деле цензуры. В частности, после 18 января 1929 года из компетенции Главлита изъяли выдачу разрешений на выпуск журналов — Оргбюро ЦК сделало это своей прерогативой (или Секретариата ЦК партии). Разрешения на все центральные периодические издания, кроме газет, давались по-прежнему Главлитом, но по согласованию с АППО ЦК ВКП(б) [11, с. 62–63].

Таким образом, управление издательской деятельностью происходило как со стороны государственных органов, так и партийных. При этом доля участия последних с течением времени все более усиливается, приобретая разнообразные формы. Органы партии принимали активное участие в определении курса цензурной политики в целом, а также в методическом руководстве, практической деятельности, пересекавшейся с функциями Главлита. Правоприменительная практика в годы нэпа не всегда носила карательный характер, прибегали и к порицанию, воспитанию и перевоспитанию по отношению к нарушителям. О том, что государство остерегалось жесткого цензурного подхода свидетельствует и кадровая политика, связанная с назначением на должность руководителя либерально настроенного Лебедева-Полянского, а не авторитарного Мещерякова. Об этом же свидетельствует и факт подведомственности Главлита Наркомпросу, а не НКВД, хотя такой вариант и рассматривался. Введение центрального цензурного органа свидетельствовало не только о реакции на изменение экономической политики, но и о переходе к однопартийности. Поворот в цензуре стал показательным для мелкобуржуазно настроенных эмигрантов, посчитавшим нэп уступкой не только экономической, но и идеологической (примером тому может служить сменовеховство).

Список литературы

1. Юридическая энциклопедия. Отв. ред. Топорнин Б.Н. М.: Юристъ, 2001.
2. См.: *Калиева М.Ш.* Формирование партийно-государственной идеологии в Советской России (1921–1925): Дисс. ... к.и.н. М., 1999.
3. *Динерштейн Е.* Положившие первый камень. Госиздат и его руководители. М., 1972.
4. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.

5. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв.: Учебное пособие. М., 2001.
6. *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы: Монография. Нижний Новгород, 2000.
7. ГА РФ. Ф. 395. Оп. 1. Хр. 265. Л. 184 (Постановление НКП от 15 марта 1922).
8. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991.
9. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.
10. «Счастье литературы». Государство и писатели 1925–1938: Документы. М., 1997.
11. Там же.

ФОРМУЛА БАРНЕТТА: ЗА И ПРОТИВ

Пронкин С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. В последние десятилетия Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии переживает процесс деволуции – предоставления особых прав историческим регионам королевства – Северной Ирландии, Уэльсу, Шотландии. Деволуция имеет административные, юридические, политические, финансовые и другие аспекты. Статья посвящена одному из ее финансовых аспектов – «формуле Барнетта», на основе которой правительство централизованно финансирует переданные регионам полномочия. Рассматриваются ее происхождение, современное состояние, пути реформирования.

Ключевые слова: Соединенное Королевство Великобритании, Северной Ирландии, формула Банетта, деволуция

Формула названа в честь своего автора Д. Барнетта (Barnett) – одного из руководителей (главный секретарь казначейства) Министерства финансов лейбористского правительства Г. Вильсона – Д. Каллагена. Она не была закреплена законодательно, стала частью неписанной британской конституции, т. н. конституционным соглашением.

На ее основе стало строиться не все централизованное финансирование исторических регионов, но его значительная часть – обеспечение те полномочий, которые были переданы им. Функции же, которые в регионах продолжает осуществлять правительство королевства, финансируются отдельно через осуществляющие их министерства. Кроме того, постепенно расширяются права регионов на получение собственных доходов, что ведет к общему уменьшению зависимости их от правительственных грантов.

Исторически «формуле Барнетта» предшествовала возникшая в 1888 г. «формула Гошена» (Goschen) – министра финансов (канцлера казначейства) в консервативном правительстве лорда Солсбери. До этого времени в вопросах правительственного финансирования регионов (еще не автономных) отсутствовала ясность. Ее и попытался внести Г. Гошен. Он предложил централизованно финансировать публичные расходы Англии и Уэльса, которые тогда рассматривались как единый регион, с одной стороны, Шотландии и Ирландии – с другой, в пропорции 80: 11: 9. В то время, согласно переписи населения 1891 г., их население составляло (в млн человек) 29,0, 4,0 и 4,7 соответственно. Это означало финансовые преимущества Англии и Уэльса и дискриминацию Ирландии. На первой территории проживало 76,9% населения королевства, которым предоставлялось 80% денежных средств. Вторая территория (Шотландия) на 10,6% населения получала 11% средств. Ирландия же на 12,5% населения получала 9% средств. Но при этом нужно принимать в расчет, что Ирландия была экономически наиболее слабой частью Соединенного Королевства, поэтому ее взносы в государственный бюджет резко уступали региону Англия и Уэльс. Так был поставлен актуальный до настоящего времени вопрос об общих основаниях практики финансирования регионов. Что взять за основу ее расчета – численность населения, вклад региона в государственный бюджет или его социально-экономические «потребности» (needs). В частности, обладавшие большими лоббистскими возможностями представители Шотландии добивались дополнительных льгот, ссылаясь на такие особенности региона как плохой климат, гористый ландшафт, наличие большого числа небольших и удаленных поселений, низкий, по сравнению с Англией, уровень жизни, т. е. на объективно большие финансовые «потребности». Со временем «формула Гошена» корректировалась. Прежде всего это было свя-

зано с отпадением от королевства большей части Ирландии. Также доля населения Шотландии в общей численности его населения постепенно подала.

В конце 50-х гг. XX в. от «формулы Гошена» фактически отказались. Размеры финансирования регионов определялись по результатам переговоров между отвечающими за них министрами и руководителями Министерства финансов (казначейства). Ежегодно между ними начинался тягостный для всех участников переговоров торг, который несколько облегчался тем, что шел не между представителями центра и регионов, а внутри одного кабинета. При этом учитывались и политические обстоятельства — гражданский конфликт в Северной Ирландии, усиление националистических настроений в Шотландии и Уэльсе.

В результате возникла новая система расчетов — «формула Барнетта». Ее введение преследовало несколько целей: внести математическую ясность в финансирование регионов, заменив этим непрозрачный переговорный процесс, деполитизировать его, ограничить финансовые притязания регионов на фоне серьезных экономических трудностей того времени. Формула не касалась всего объема правительственного финансирования, но его важной части — блок-овых грантов (block grant), направленных на обеспечение переданных регионам полномочий. Их собственные налоговые права первоначально были очень невелики.

В Соединенном Королевстве существуют два основных вида государственных расходов: лимитированные расходы департаментов (DEL) и ежегодно управляемые расходы (AME). DEL — прогнозируемые расходы, зафиксированные в бюджете на срок до четырех лет, которые не должны меняться (кроме случаев неожиданно изменившихся обстоятельств, примером чего стала эпидемия коронавируса). Их общий размер и распределение между департаментами рассматривается предварительно в бюджетных ревю (Spending Reviews). AME, как это видно из названия, определяются более гибко, в зависимости от конкретных ситуаций, которые постоянно меняются, поэтому их трудно прогнозировать на длительный срок. Это преимущественно расходы на различные программы социальной поддержки населения. Блочные гранты, которые устанавливаются «формулой Барнетта», касаются преимущественно трат категории DEL. Затраты категории AME финансируются отдельно. Предназначенные для этого правительственные гранты являются предметом переговоров правительства и администраций регионов.

В марте 2016 г. член парламента П. Уишард (Wishart), представляющий Шотландскую народную партию, сделал официальное заявление о недостаточном, по его мнению, информировании парламентариев относительно финансирования региональных администраций. По его мнению, проблема рассматривается по линии правительство — региональные администрации, парламент же, формально утверждающий бюджет, мало вовлечен в данный процесс [6]. Комитет по процедуре палаты общин указал на участие в этом процессе соответствующих парламентских комитетов. Но он признал, что мотивы изменений в финансировании регионов разъясняются правительством недостаточно. Откликаясь на данный запрос, Министерство финансов стало публиковать по этому вопросу дополнительную информацию [9].

«Формула Барнетта» была предложена в преддверии референдумов о деволюции Шотландии и Уэльса, идея которой в итоге тогда не получил поддержку населения. Тем не менее она стала действовать в Северной Ирландии и Шотландии в 1979 г., в Уэльсе — в 1980 г. Финансирование велось через отвечающих за регионы министров, которые в пределах отпущенных средств сами определяли приоритеты расходов.

Формула определяет не конкретный объем финансирования исторических регионов, на которые делится Соединенное Королевство, но их пропорции. Используются следующие параметры:

1. Подушевое финансирование данной программы в Англии как отдельном регионе королевства. Оно считается базовым.

2. Объем переданных региону полномочий, который оценивается по шкале от 0% до 100%. Каждый регион в этом отношении уникален, имеет свой набор полномочий. В настоящее время в процентном отношении размер переданных им полномочий оценивается так:

Таблица 1. Объем переданных регионам полномочий [11, р. 46]

	Шотландия	Уэльс	С. Ирландия
Бизнес, энергетика, промышленная стратегия	6,8%	6,5%	7,1%
Налог на коммерческую недвижимость	100,0%	100,0%	100,0%
Аппарат правительства (Cabinet Office)	0,0%	0,0%	0,0%
Министерство выравнивания, жилищного строительства и сообществ (DLUHC). Сообщества.	100,0%	99,6%	100,0%
DLUHC. Местное управление	100,0%	100,0%	100,0%
Цифровизация, культура, СМИ, спорт	68,0%	67,7%	69,9%
Окружающая среда, продовольствие, сельское хозяйство	96,9%	96,9%	96,9%
Образование	100,0%	100,0%	100,0%
Транспорт	91,7%	36,6%	95,4%
Здравоохранение и социальное обеспечение	99,5%	99,5%	99,5%
Занятость и пенсии	20,1%	0,0%	97,9%
Налоговая и таможенная служба	4,0%	4,0%	3,4%
Министерство финансов	0,0%	0,0%	0,0%
Министерство внутренних дел	74,1%	1,7%	74,1%
Юридические представители короны (Law Officers)	98,3%	0,0%	90,1%
Юстиция	100,0%	1,3%	99,9%

Как видим, больше полномочий передано С. Ирландии и Шотландии, меньше – Уэльсу.

3. Численность населения региона. В настоящее время доля населения автономных регионов Соединенного Королевства (в сравнении с населением Англии как отдельного региона), определяется так:

Таблица 2. Численности населения регионов [11, р. 43]

	1996	2010	2021
Шотландия	10,45%	10,03%	9,67%
Уэльс	5,95%	5,79%	5,60%
С. Ирландия	3,39%	3,45%	3,35%

Подушное увеличение (или уменьшение) в Англии расходов на те программы, которые переданы регионам, должно вести к соответствующим изменениям в финансировании С. Ирландии, Уэльса и Шотландии. Например, если население условного региона составляет 10% от англий-

ского, а объем переданных ему полномочий – 100%, то в случае увеличения расходов на данную программу в Англии на £1 млрд регион получает дополнительное финансирование на £100 млн ($£1 \text{ млрд} \times 0,1 \times 1 = £100 \text{ млн}$). Изменения в финансировании правительственными департаментами публичных учреждений в Англии пересчитываются по «формуле Барнетта», затем суммируются в виде «блоковых грантов», которые передаются регионам через уполномоченных на это министров. «Блоковый грант» определяет общий размер финансирования региона, в его рамках финансовые приоритеты определяют местные администрации.

В 2018–19 гг. в результате данных расчетов подушное финансирование в регионах публичных программ является следующим (указан также % финансирования от среднего по королевству).

Таблица 3. Подушное финансирование населения регионов [2, р. 2]

В среднем по УК	Англия	Шотландия	Уэльс	С. Ирландия
£9,584	£9,296 (97,0%)	£11,247 (117,3%)	£10,656 (111,2%)	£11,590 (120,9%)

Как мы видим, автономные регионы финансируются заметно лучше Англии. Причем здесь мы сталкиваемся с известным эффектом средних цифр. Обеспечение отдельных английских регионов может быть заметно хуже, чем приведенный усредненный показатель. Так, в английских регионах Юго-Восток и Восточный Мидлендс подушное финансирование составляет £8,601 [2, р. 3]. Даже в богатом Лондоне существуют заметные социальные проблемы. Автор одной из газетных публикаций в качестве примера ссылается на жизнь в лондонском муниципальной районе (боро) Барнет, который именуется практически одинаково с автором рассматриваемой формулы [5].

Сам Барнетт полагал, что его формула – временная мера, рассчитанная на несколько ближайших лет. Но она оказалась неожиданно долговечной, используется по настоящее время. Главное ее достоинство – простота и математическая ясность. Тем не менее она вызывает растущую критику, которая идет с разных сторон.

Критики указывают на несправедливость данной формулы для Англии как отдельного региона. Вытекающие из нее преимущества позволяют другим автономным регионам финансировать социальные программы, недоступные Англии. Считается, что это делается за счет субсидий со стороны Англии. Несправедливой ее признал и сам автор – ставший пожизненным лордом Барнетт [7]. По его мнению, она вела к «национальной растерянности» (embarrassment) [4]. Он даже заявил о желании отказаться от чести сохранения в названии формулы своей фамилии.

К дискуссионным сторонам «формулы Барнетта» относят следующие: [12, р. 6].

- Она базируется не на действительных потребностях региона, а на исторически сложившихся стандартах потребления и численности населения.
- Не всегда ясно, какие траты нужно отнести к действию формулы. Примером этого было, например, финансирование Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г.
- Региональные администрации имеют небольшое влияние на размеры гранта, т. к. он основывается на решениях правительства относительно Англии.
- Она может вызвать конфликт по поводу политических приоритетов, если правительство королевства и администрации регионов формируют разные партии (в последние годы это стало правилом).
- Недостаточные финансовые права регионов сковывают их возможность зарабатывать самим, подрывают экономическую эффективность их деятельности.
- Привилегированное положение Шотландии.
- Математическая ясность формулы. Она может быть не только достоинством, но и недостатком. Политическая практика иногда заставляет корректировать ее. Т.к. формула не явля-

ется законом, правительство может «обходить» (bypass) ее. Примером такого «обхода» является соглашение о сотрудничестве между правящими консерваторами и родственной им Демократической юнионистской партией из С. Ирландии. «Обе стороны согласны с необходимостью признания уникальных обстоятельств истории Северной Ирландии и того влияния, которое это оказало на экономику и людей из всех частей местного сообщества. Обе стороны согласны с необходимостью дополнительной поддержки Северной Ирландии ...», — читаем мы здесь [1].

— Выгодным для автономных регионов является и способ учета численности населения, которая является важным компонентом формулы. Этот показатель обновляется с запозданием. Например, до 1992 г. использовались данные 1976 г. В 1979 г., когда стала действовать формула, соотношение населения Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии было следующим (в млн человек): 46,7 – 5,2 – 2,8 – 1,5. В 2020 г. оно стало таким (в млн человек): 56,6 – 5,5 – 3,2 – 1,9. В 2019 г. прирост численности населения регионов Соединенного Королевства был следующим: Шотландия – 3,2%. Северная Ирландия – 4,6%, Уэльс – 2,9%, Англии – 6,2%. Как видим, численность населения Англии растет быстрее, чем у других регионов. Между тем при исчислении формулы берутся несколько устаревшие цифры, невыгодные Англии.

Проблема, которая находится в центре дискуссии о реформе формулы, — учет при расчете централизованной финансовой поддержки регионов их «потребностей», которые объективно различаются. Как отмечалось, вопрос был поставлен еще в период существования «формулы Гошена». В современной политической практике он, в частности, был поставлен «комиссией Холтема» (Holtham), которая в 2008–2010 гг. исследовала финансовые проблемы деволюции Уэльса. По ее мнению, потребности региона должны определяться тремя факторами:

– Демография: наличие молодежи школьного возраста и, напротив, пенсионеров, присутствие определенных этнических меньшинств.

– Социальные проблемы: наличие социально неблагополучных категорий населения (малоимущие, безработные, больные).

– Стоимостью предоставляемых услуг. Она, как правило, выше в удаленных, малонаселенных пунктах. С другой стороны, она выше и в Лондоне [13, р. 18].

Комиссия посчитала необходимым установить низший порог финансирования Уэльса, потребности которого она оценивала в 114% – 117% от английских [13, р. 22]. Таким образом она предложила дополнить «формулу Барнетта» еще одним коэффициентом – региональными потребностями. Правительство согласилось с тем, что в долгосрочной перспективе подушевое финансирование переданных Уэльсу полномочий должно составлять 115% от английского. Кстати, комиссия Холтема посчитала, что Шотландия нуждается в финансировании, превышающем средний уровень королевства на 5%, а не на 20%, как было в реальности (применительно к Шотландии проблему в 2009 г. исследовала комиссия Калмана (Calman) [10].

На проблеме «потребностей» подробно остановился специально занятый «формулой Барнетта» комитет палаты лордов, раскрывший связанные с этим демографические, социальные и стоимостные аспекты [8].

Считается, что наибольшую выгоду от применения формула получает Шотландия.

Важной причиной этого являются политические факторы. Шотландия – важнейшая, после Англии, составная часть Соединенного Королевства, где сильны сепаратистские настроения, где местные националисты составляют парламентское большинство и формируют региональное правительство. В 2014 г. это привело к проведению референдума о ее независимости, который закончился поражением сепаратистов (44,7% против 55,3%). Чтобы способствовать данному решению коалиционное правительство Камерона-Клегга обещало Шотландии новые права. Поэтому голосование за сохранение региона в составе королевства означало, как остроумно заметил один журналист, голосование за независимость “lite” [4].

Но защитники шотландских привилегий оправдывают их такими объективными факторами, как:

– Нефть, которая добывается на шельфе Шотландии. Они считают, что доходы от нее, поступающие в бюджет королевства, компенсируют финансовые привилегии региона.

– Ее большие «потребности» из-за плохого климата, гористого ландшафта, наличия большого числа небольших, удаленных поселений [3].

Несмотря на критику формулы, ведущие политические партии королевства, включая региональные, отвергают ее решительное изменение. Вносимые перемены связаны с постепенным расширением финансовых прав регионов. Передача им налогов ведет к уменьшению их централизованного финансирования через правительственные гранты. В этом случае используется механизм известный как корректировка блочного гранта (Block grant adjustmen, BGA). Учитываются и новые полномочия региона, и его расширенная финансовая самостоятельность. Общий финансово-политический смысл процедуры – правительство, с одной стороны, и региональные администрации – с другой, не должны пострадать в результате реформы.

Группа исследователей проблемы видит следующие возможные модели взаимоотношений правительства и региональных администраций [12, р. 6]:

– Сохранение «формулы Барнетта», реформированной на основе «потребностей». Недостатком этого пути является его пониженная экономическая эффективность, сковывание предпринимательской активности местных администрации.

– Финансовая автономия регионов в отношении переданных им полномочий. Это повысит экономическую эффективность и прозрачность действий региональных администраций, но обострит проблему регионального неравенства в обеспечении публичных служб.

– Гибридный путь, который кажется авторам наиболее адекватным. Это сочетание большей финансовой независимости регионов с сохранением правительственных грантов, направленных на выравнивание, с учетом «потребностей», их финансовых возможностей. Это повысит финансовую эффективность и ответственность региональных администраций при сохранении солидарности различных частей королевства.

Правительство идет именно по этому пути. Фискальные права регионов постепенно расширяются, что ведет к уменьшению размеров правительственных грантов, зависимости от них. Но последние сохраняются, как и «формула Барнетта».

Список литературы

1. Confidence and Supply Agreement between the Conservative and Unionist Party and the Democratic Unionist Party. URL: <https://www.gov.uk/agreeme> (дата обращения: 13.01.2022).
2. Country and regional analysis. November 2019. Main text. National Statistics, 2019.
3. Everything you never wanted to know about the Barnett formula. Ed Conway's website. URL: <https://www.Edmundconway.com> (дата обращения: 13.01.2022).
4. *Kavanagh D.* Lord Barnett obituary // The Guardian. 29.10.2014. 3 nov.
5. *Little John R.* Forget Barnett. What we need is a Barnett formula // Daily Mail. 23.09.2014.
6. House of Commons. Procedure Committee. Authorising Government expenditure: steps to more effective scrutiny. Fifth Report of Session 2016–17. HC. 2017.
7. House of Lords. Deb 06 01 2004. Hansard, vol. 657, cc. 81–3.
8. House of Lords. Select Committee on the Barnett Formula... URL: <https://www.publications.parliament.uk/pa/ldselect/...139we18.htm> (дата обращения: 13.01.2022).
9. HM Treasury. Block Grant Transparency: July 2020 publication. Crown copyright 2020.

10. Serving Scotland Better: Scotland and the United Kingdom in the 21st Century. Final Report. June 2009. URL: <https://www.commissiononscottishdevolution.org.uk> (дата обращения: 13.01.2022).
11. Statement of funding policy: Funding the Scottish Government, Welsh Government and Northern Ireland Executive. October 2021. Crown copyright 2021.
12. *MacLean I., Lodge G., Schmuecker K.* Fair Shares? Barnett and the politics of public expenditure. Newcastle. 2008.
13. Final report. Fairness and accountability: a new funding settlement for Wales. Full text. July 2010. Crown copyright. 2010.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА, КАК УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Сахаров В.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Рассмотрены вопросы перспектив и исторического опыта использования государственного капитализма, как управления социально-экономическими процессами в социалистической революции в России. История постановки этой проблемы К. Марксом и Ф. Энгельсом, их оценки возможности и способов использования госкапитализма в процессе социалистического преобразования общества. Планы В.И. Ленина использования госкапитализма в качестве мирного метода свертывания и уничтожения капиталистического и мелкобуржуазного укладов экономики и обеспечения господства и торжества социалистического сектора. Обозначена эволюция этих планов до и после «большой» гражданской войны – в условиях новой экономической политики, а также в условиях первого и второго вариантов нэпа.

Ключевые слова: социалистическая революция, государственный капитализм, управление социально-экономическими процессами

1. В управлении государством есть разные сферы и уровни. В данном случае рассмотрим высший уровень управления в социально-экономической сфере на примере использования государственного капитализма в ходе социалистических преобразований в Советской России. В историографии не всегда обращается должное внимание на место госкапитализма в планах В.И. Ленина развития революции и принципиальные отличия между госкапитализмом в буржуазном обществе, и обществе, осуществляющем социалистическую революцию.

Первые проявления воздействия формирующегося государственного капитализма на жизнь общества было подготовлено стихийным процессом развития буржуазных отношений во второй половине XIX в. Формирование его политических и экономических механизмов осуществлялось вполне сознательно совместными усилиями руководства буржуазных государств и представителей крупнейших кланов капитала, преследовавших свои цели. Госкапиталистические методы управления позволяли упрочить социально-политические позиции господствующих слоев общества как внутри своих стран, так и своих стран в мире.

В это же время начался процесс осмысления влияния формирующегося государственного капитализма на перспективы развития буржуазного общества, а также возможностей его использования в интересах проведения будущей коммунистической (социалистической) революции, ведущей к уничтожению капитализма.

2. Теоретическое обоснование возможностей использования госкапитализма в интересах социалистической революции было проведено К. Марксом и Ф. Энгельсом, усматривавшим в факте наличия у буржуазного государства собственности на средства производства важную предпосылку для осуществления пролетарским государством своей программы социалистического преобразования общества.

В «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» (март 1850 г.) они писали, что германские пролетарии «должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику», и «добиваться

в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти», они «не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе общин, о самоуправлении и т. д.». Вести борьбу за сохранение и приумножение государственной собственности при капитализме они должны во имя интересов будущей социалистической революции. В области производства сельхозпродуктов они должны были требовать превращения конфискованных сельскохозяйственных предприятий, находившихся в собственности феодалов, «в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия». Эти действия их приведут к тому, что «в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности принцип общей собственности немедленно же станет на твердую почву» [1, Т. 7. С. 265–266].

Позднее, эти мысли и предложения Ф. Энгельс развил в своей работе «Анти-Дюринг». Он утверждал, что государственный капитализм подготавливает последние условия для осуществления социалистической революции. «Современное государство, — писал он — какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист», в процессе развития которого «капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки», на которой «происходит переворот» [1, Т. 20. С. 290].

Он считал, что сама—по себе «государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения», если и когда «общественная природа современных производительных сил будет признана на деле», а «способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером производства». Это, по его мнению, может произойти только в том случае, если «общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» [1, Т. 20. С. 289–290].

При этом ответственность за этот социально—экономический и политический переворот он относил на счет самого буржуазного способа производства: «заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные общественные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота», в ходе которого *«пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность»* [1, Т. 20. С. 289–290]. Это превращение, писал он в работе «К жилищному вопросу», может быть произведено как конфискацией, так и выкупом у прежнего хозяина—организатора и руководителя предприятия, рассчитавшись с ним сразу или в течении некоторого времени [1, Т. 18. С. 278–279].

В работе «Гражданская война во Франции» К. Маркс высказал свое мнение относительно организации пролетариатом производственного процесса в новых условиях: всеобщее избирательное право будет использоваться «народом, организованным в коммуны», а коммуны нужны «для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров», также «как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю» [1, Т. 17. С. 344].

3. Первый опыт в деле организации перехода общества от капитализма к социализму был накоплен Советской властью в ходе Великой Октябрьской социалистической революции в России. В.И. Ленин, зная об оценках и предложениях К. Маркса и Ф. Энгельса относительно использования государственного капитализма в интересах развития социалистической революции, положил их в основу своего плана социалистического преобразования России.

В сентябре 1917 г. в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», он писал: «Государственно—монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой

(ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» [2, Т. 34. С. 191–193].

Поскольку уровень развития государственного капитализма в России, по сравнению с другими, более развитыми странами, был еще низок, то **В.И. Ленин предлагал не просто использовать социально-экономические результаты действия госкапитализма, а еще и развивать госкапитализм в новых для него условиях социалистической революции и в интересах ее развития. В этом состоял его главный тактический замысел в области внутренней политики**, который на наш взгляд не получал должной оценки в историографии Великой Октябрьской социалистической революции.

Эту мысль В.И. Ленин формулировал предельно ясно в статье «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности»: «история... пошла так своеобразно, что *родила* к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма»: в экономической и хозяйственной сферах – государственный капитализм в Германии, а в России, в политической области – советскую власть» [2, Т. 36. С. 300–301]. В Германии социально-экономические отношения для социалистической революции уже созрели, однако она «медлит “разродится”», а в России все наоборот – уже установлена диктатура пролетариата, революция началась, а госкапитализм развит еще слабо.

В.И. Ленин не считал этот факт аргументом против признания закономерности начавшейся в России социалистической революции. Более того, он в принципе отрицал возможность существования подобного «соответствия». Он писал, что такого соответствия «не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества, что только путем ряда попыток, – из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием, – создается цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран» [2, Т. 36. С. 306].

4. Тот факт, что Россия находится *«позади»* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально–производственному “введению” социализма», начавшаяся революция диктует необходимость осуществления «своеобразного “выкупа”, который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать налаживанию крупного и крупнейшего “государственного” производства» [2, Т. 36. С. 306].

В.И. Ленин считал, что все недостатки социально-экономического развития России, создающие преграды на пути социалистической революции, могут быть устранены использованием Советской властью возможностей госкапитализма в интересах ускорения их устранения. В России, писал он, «преобладает сейчас мелкобуржуазный капитализм, от которого *и к государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов»* [2, Т. 36. С. 301]. И поэтому, считал он, что «государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике». И «если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм» [2, Т. 36. С. 295].

Такова была главная тактическая установка Ленина в борьбе на социально–экономическом фронте за победу социалистической революции. В этих условиях задачу советской власти он видел в том, чтобы учиться государственному капитализму у немцев, *«всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание»* [2, Т. 36. С. 301].

Движению в этом направлении в деле обеспечения развития русской революции В.И. Ленин придавал важнейшее значение еще и потому, что, по его мнению, госкапитализм, во-первых, позволял обеспечить бесперебойную работу промышленности, транспорта, а также возможность

войти в дела их управления и научиться ему, а затем и «перехватить» у крупного капитала их предприятия *на ходу*, не разрушая производства и превращая госкапиталистические предприятия в социалистические [2, Т. 36. С. 307–312]. Во-вторых, госкапитализм позволял поставить под государственный контроль стихию мелкобуржуазного производства в сельском хозяйстве и, в итоге, обеспечить доминирование государственного социалистического уклада в экономике [2, Т. 36. С. 295, 296–299].

Таким образом, В.И. Ленин рассматривал госкапитализм в условиях советской власти и развития социалистической революции, как особый экономический уклад, а также как метод и способ проведения социалистических преобразований.

5. Вместе с тем, никакого политического «романтизма» в отношении использования госкапитализма В.И. Ленин не допускал. Он разделял капиталистов на тех, которые идут или смогут пойти на признание контроля со стороны государства, и на вхождение в систему госкапитализма, и на тех, которые всеми силами будут сопротивляться этому. Соответственно, к ним должны быть применены различные способы ликвидации их прав на свои предприятия: у первых они могли быть выкуплены, в отношении вторых необходимо применение «приемов беспощадной расправы» (2, Т. 36. С. 305–306) с конфискацией и национализацией их предприятий.

Сравнивая условия мирного развития социалистической революции, о которых писал К. Маркс и те, которые сложились в России к весне 1918 г., В.И. Ленин считал не исключенным, а возможным мирный вариант ее развития, которое все равно будет носить характер «мучительного и тяжелого перехода» [2, Т. 36. С. 303–305].

Использование советской властью госкапитализма позволяло достаточно широко использовать знания и опыт организации производственного процесса, которыми обладали бывшие хозяева предприятий [2, Т. 36. С. 305, 306]. В госкапиталистических предприятиях им поручалось только выполнение определенных «исполнительных функций, на время работы, условия которой определены именно Советской властью и ею же отменяются или пересматриваются. Их работа должна была проходить под контролем «рабочих комиссаров или рабочих комитетов, следящих за каждым шагом руководителя, учащих на его руководительством опыте, имеющих возможность не только обжаловать распоряжения руководителя, но сместить его через органы Советской власти». И, наконец, возможность руководить им «дается Советской властью не как капиталистам, а как специалистам—техникам или организаторам за высшую оплату труда». Коммунисты понимали, что в деле организации производства им надо учиться, а учиться они могут только «у организаторов треста». В отраслях тяжелой промышленности, где процесс производства был сложнее, эта учеба шла «медленнее», в отраслях легкой промышленности — быстрее. [2, Т. 36. С. 309–311].

Поскольку в своей деятельности эти предприятия были связаны с национализированными банками и формирующимися местными и государственными органами советской власти, то Ленин не усматривал какой-либо серьезной угрозы для развития социалистической революции от сотрудничества советской власти с крупным капиталом.

В городах, на промышленных предприятиях система этих органов как-то работала. Иное дело в деревнях, в селах, среди подавляющей части массы населения — крестьянства. Здесь эти органы не имели возможности контролировать и направлять развитие социально-экономических процессов. Поэтому основную трудность в деле социалистического преобразования общества В.И. Ленин усматривал не в спланированных выступлениях сторонников крупного капитала против Советской власти, а в мелкобуржуазной среде, в стихийно возникавших в ней антисоциалистических настроениях и в доминирующем в экономике мелкобуржуазным укладе.

Основная масса крестьянства, смирившись с обстоятельствами, принимала условия ведения своих хозяйств в условиях капитализма, надеясь превратить их в более крупное и зажиточное, а затем и в кулацкое. И ремесленники стремились расширить свое хозяйство, используя

привычные для них капиталистические методы. Социалистические формы и методы работы их не только не привлекали, но и отпугивали перспективой лишения собственного хозяйства и «дела» вследствие разрушения капиталистического рынка и замены товарно-денежных (рыночных) отношений продуктообменом. Методы госкапитализма, приемлемые для мелкой буржуазии, могли сыграть решающую роль для их примирения с социализмом, что подтвердилось позднее, в условиях нэпа.

Госкапитализм был, по мнению Ленина, не только формой временного использования капиталистических предприятий в интересах формирования социалистического сектора экономики, а, значит, и развития социалистической революции [2, Т. 43. С. 222–223], но и своеобразной (мирной) *формой классово-борьбы* политически крепнущего социализма против капитализма, *осуществляемой экономическими методами* и призванной ослабить частнокапиталистический и мелкобуржуазный уклады экономики и их влияние на общество, что вело к ослаблению способности сил контрреволюции противодействовать развитию социалистической революции.

6. Предложения В.И. Ленина и меры, предпринятые им для использования возможностей госкапитализма, хорошо известны. Еще в «Апрельских тезисах» он предлагал национализировать банки, на которые был «завязан» весь частный сектор, а также установить рабочий контроль над производством и распределением продуктов в промышленности.

Вскоре после установления Советской власти начала создаваться система, позволяющая поставить частнокапиталистические предприятия под контроль государства и перевести их в разряд госкапиталистических. Были приняты меры для создания системы рабочего контроля рабочих над производством и распределением на предприятиях, национализированы банки, железнодорожный и водный транспорт, стали национализироваться отдельные предприятия, начался процесс принудительного синдицирования промышленных предприятий, позволявший поставить под контроль работу массы частных предприятий. Был подтвержден режим «хлебной монополии» и т. д.

Становление госкапитализма происходило в условиях острого противодействия ему со стороны частного капитала, а также мелкобуржуазного крестьянства [2, Т. 36. С. 296–299].

7. Начавшаяся «большая» гражданская война 1921 г., вынудили Советскую власть свернуть реализацию намеченного В.И. Лениным плана социалистического преобразования советского общества. После ее окончания Ленин, обосновывая необходимость перехода к новой экономической политике, снова поставил, вопрос об использовании госкапитализма [2, Т. 43. С. 222–223], который в новых условиях своим острием был направлен против мелкобуржуазного уклада.

Говоря о формах госкапиталистических предприятий, В.И. Ленин указывал, во-первых, на концессии, как самую очевидную форму госкапитализма. Во-вторых, на кооперацию мелких товаропроизводителей (кооперированный капитализм под контролем диктатуры пролетариата). В-третьих, на использование частника как посредника при купле–продаже *государственных товаров и товаров для государства*. В-четвертых, на предоставление в аренду частному и кооперативному капитализму предприятий (т. е. «непманам»), зданий и земли [2, Т. 43. С. 223–228].

Принципы, применяемые к концессиям, он предлагал применять к другим, указанным им, видам госкапиталистических предприятий.

8. После окончания сельскохозяйственных работ 1921 г., в условиях недостатка в стране зерна и начавшегося голода, перекупщики зерна, скупая его у крестьян, везли в регионы, где его можно продать дороже. Встал вопрос о реакции государства на этот процесс: либо воспрепятствовать такой торговле крестьянства, что означало бы крах попытки установления политического и экономического союза с ним, либо смириться с этой практикой и сделать еще один шаг навстречу его интересам, как торговцам.

В.И. Ленин признал, что *«товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу...»* частный рынок оказался сильнее нас, и *вместо товарообмена* получилась

обыкновенная *купля-продажа, торговля*» (курсив и жирный шрифт мой. – В.С.) [2, Т. 44. С. 207–208]. В этих условиях он предложил принять новую базу для нэпа: **отступить от государственного капитализма к государственному регулированию купли-продажи и денежного обращения.** [Т. 44. С. 207–208, 212]. Этим он определил новую точку опоры, находящуюся уже в системе капиталистических, а не госкапиталистических отношений, что, по его мнению, позволяло обеспечить восстановление крупной промышленности, хотя и «путем более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным» [2, Т. 44. С. 213].

Отступив, ради создания прочного экономического и политического союза рабочих и крестьян от госкапитализма (утверждение системы товарообмена) к государственному регулированию капитализма (торговля товарами), Ленин выразил уверенность, что это отступление создаст условия для победоносного движения вперед.

9. В новом варианте нэпа госкапитализму тоже нашлось свое место (концессии, предприятия, сданные в аренду «нэпманам», «торгашеская» кооперация, государственная монополия на внешнюю торговлю (вывоз, полученного от крестьян зерна и т. д.). Он активно использовался, подготавливая условия для социалистического преобразования и крестьянства, и сельского хозяйства и позволяя советской власти решать ряд важных для нее социальных проблем, связанных с обеспечением граждан необходимыми товарами (продовольствие, текстиль и т. д.), а также накоплением финансовых средств для индустриализации страны. Все это позволило советскому государству обеспечить развитие социалистического сектора экономики, его доминирование и, через десять лет, обеспечить ему полную победу.

Список литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1961.
2. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1974.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СССР В ИНДИИ В 1953–1964 ГОДЫ

Штода А.Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. В статье рассматривается деятельность торгового представительства СССР в Индии в период с 1953 по 1964 гг. Торговое представительство является одним из важнейших элементов развития двустороннего экономического сотрудничества. Открытие советского Торгового представительства в Дели было согласовано через пять лет после установления дипломатических отношений между странами. СССР стремился согласовать открытие торговых представительств со всеми странами, с которыми имел экономические отношения. Торговые представительства должны были не только заниматься внешнеполитической деятельностью, но и собирать всю необходимую информацию об экономической стратегии страны, в которых они осуществляли деятельность, а также формировать стабильные отношения с местными ведомствами и предприятиями.

Ключевые слова: торговое представительство СССР в Индии, экономическая стратеги страны

Советско-индийские отношения зародились еще до обретения Индией независимости. В ноябре 1946 года СССР заявил, что готов установить дипломатические отношения с Индией. Джавахарлал Неру официально подтвердил, что Индия стремится установить дипломатические отношения с Советским Союзом. Безусловно, британские власти стремились предотвратить это.

Переговоры об установлении дипломатических отношений проводились в Китае, в них принял участие генеральный агент Индии в Китае К.П.Ш. Менон и посол СССР в Китае А.А. Петров. После переговоров Временное правительство Индии заявило о решении обменяться с СССР дипломатическими миссиями. Первый посол Индии прибыл в Советский Союз за несколько дней до провозглашения независимости, 5 августа 1947 года, а первый посол СССР вступил в должность в октябре 1947 года.

В декабре 1953 года между СССР и Индией было подписано первое торговое соглашение. Вскоре было согласовано решение об открытии Торгового представительства в Нью-Дели. Правительство СССР незамедлительно назначило торговых представителей Советского Союза в Индии. Ими стали сотрудники Посольства СССР в республике Индии. В соответствии с дипломатическими обычаями эти должностные лица должны были именоваться Торговыми Советниками, Торговым Представителем, Первыми секретарями (торговыми). Также были назначены и заместители Торгового Представителя [6, с. 41].

В соответствии с торговым соглашением, подписанным 2 декабря 1953 года, Советский Союз и Индия должны были создавать максимально благоприятные условия для развития и укрепления торговых отношений. Страны выразили намерение ввести облегчения в отношении товаров, ввозимых и вывозимых, а также создавать наиболее благоприятные условия при входе и выводе торговых судов в портах другой страны.

В СССР монополия на реализацию внешней политики принадлежала государству. С 1946 года ответственным за проведение внешней торговли ведомством стало Министерство внешней торговли, до преобразования носивший название Наркомат внешней торговли РСФСР, а ранее – Совет внешней торговли при Наркомате торговли и промышленности РСФСР [2].

Первое торговое представительство СССР было открыто в 1920 году в Великобритании. Затем постепенно стали открываться советские торгпредства в развитых, а затем и в развивающихся странах.

Официальный документ, регламентирующий деятельность торговых представительств Советского Союза за рубежом, был принят 13 сентября 1933 года. В Положении о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей были изложены не только основные задачи, которые ставились перед торгпредствами, но и были обозначены их компетенции [4]. Также в документе была прописана структура торгпредства.

Торговые представительства должны были реализовывать задачи СССР, связанные с внешней торговлей. Поскольку в исследуемый период существовала государственная монополия на проведение внешней политики, советские торговые представительства должны были еще и контролировать деятельность советских организаций, которые имели право самостоятельно проводить внешнеторговые операции.

Открытие советского Торгового представительства в Республике Индия было официально согласовано 2 декабря 1953 года в результате успешных переговоров М.А. Меньшикова и Х.В.Р. Айенгара и подписания первого советско-индийского торгового соглашения. Представители СССР заявили, что советское правительство готово оказать техническую помощь, необходимую в установке и эксплуатации оборудования, которое будет поставляться [6., с. 45].

Стороны договорились не ограничивать права советских внешнеторговых организаций и индийских физических и юридических лиц заключать между собой с соблюдением действующих в обеих странах правил о ввозе и вывозе и валютном контроле коммерческие сделки на импорт и экспорт товаров, не включенных в списки. Но в остальных случаях экспорт и импорт товаров должен осуществляться в соответствии со списками А и Б [6, с. 13].

В силу того, что характер такой помощи и сотрудничества будет в каждом отдельном случае различным, они будут определяться в случае необходимости по договоренности между советскими торговыми организациями и индийскими физическими и юридическими лицами с согласия Правительства Индии.

В ходе переговоров по заключению торгового соглашения был рассмотрен ряд вопросов о помощи и сотрудничестве между двумя странами в технически научных и культурных делах.

М.А. Меньшиков на тот момент занимал должность Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Индии. Он имел экономическое образование и на протяжении двух лет занимал пост Министра внешней торговли.

Михаил Алексеевич активно взаимодействовал с секретарем правительства Индии Х.В.Р. Айенгаром, что положительно сказывалось на развитии экономического сотрудничества Советского Союза и Индии.

Все торговые представители СССР в Индии незамедлительно были наделены дипломатическими привилегиями и иммунитетами. Именно благодаря М.А. Меньшикову сотрудники Торгпредства СССР получили разрешение на выезд за пределы Дели.

На тот момент Торговое представительство являлось неотъемлемой частью Посольства СССР в Республике Индия. Почти сразу было принято решение о необходимости открытия отделений советского Торгпредства СССР в Бомбее и Калькутте.

Перед советским Торговым представительством в Республике Индия стояли следующие задачи: представлять советские экономические интересы и создавать благоприятные условия для развития экономических связей между двумя странами; следить за деятельностью организаций и граждан, имеющих право участвовать во внешнеторговом обороте Советского Союза; выдавать разрешения на ввоз товаров в СССР; изучать экономическую стратегию и исследовать экономические условия с точки зрения внешнеполитических интересов СССР; заключать торговые договоры и сделки.

Торговое представительство Советского Союза в Индии возглавлял торговый представитель СССР, за назначение которого отвечало Министерство внешней торговли. Таким же образом назначались и заместители торгового представителя.

Деятельность Торгового представительства СССР в Индии была активной в 1950-е годы. Вскоре после его открытия были подписаны соглашения, заложившие основу экономического взаимодействия между двумя странами [1].

В 1955 году было подписано еще важное соглашение между Индией и СССР. В соответствии с этим соглашением в Индии должно было начаться строительство металлургического завода в Бхилаи.

Позже были подписаны соглашения о строительстве заводов тяжелого машиностроения, шахтного оборудования, оптического стекла, а также угольных шахт в бассейне Корба. Было достигнуто соглашение об организации с советской помощью первого государственного сельскохозяйственного предприятия в Суратгархе и о строительстве ГРЭС в Нейвели.

Несмотря на то, что Торговое представительство имело право самостоятельно анализировать ситуацию в стране пребывания и принимать многие внешнеполитические решения, аналитические доклады, написанные в Советском Союзе, помогали принимать более точные и взвешенные решения.

Например, в 1956 году Торгпредство СССР в Индии получило аналитический доклад Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли СССР, подготовленный А.А. Куценко [7]. Автор ставил перед собой задачу ознакомить советскую внешнеторговую организацию с потребностями Индии в важнейших видах оборудования и степенью покрытия этих потребностей за счет собственного производства и импорта, а также важнейшими поставщиками, формами и методами, применяемыми иностранными экспортерами для сбыта своего оборудования на индийские рынки.

Работа охватывает текстильные и энергосиловые оборудования, металлорежущие станки и железнодорожный подвижной состав. Эти виды оборудования составляют 60% всего индийского импорта оборудования в стоимостном выражении.

В целом удельный вес Индии в импорте оборудования капиталистических стран невелик. В 1953–1954 гг. Индия ввезла оборудования и транспортных средств на 1095 млн рупий (219 млн долларов). Экспорт оборудования капиталистических стран в 5 достиг 13260 млн долларов. На долю Индии пришлось всего 2,7% импорта оборудования капиталистических стран [7, с. 5].

Индия в те годы, по мнению советских аналитиков, характеризовалась как экономически слаборазвитая страна. На долю промышленности приходится 17,3% национального дохода. По производству важнейших видов промышленной продукции на душу населения Индия стоит далеко позади развитых капиталистических и некоторых слаборазвитых стран.

В Индии наблюдалась диспропорция между отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности и между отраслями легкой и тяжелой промышленности. В индийской обрабатывающей промышленности наиболее развиты отрасли легкой промышленности на долю которых приходится 70% основного капитала, 83% занятые и 83% стоимости готовкой продукции 30% приходится на долю тяжелой промышленности, 17% занятых рабочих и 17% стоимости готовой продукции. Менее развитой отраслью считалось машиностроение [7, с. 12].

В 1950-е годы в Индии реализовывались пятилетние программы. Основной упор делался на развитие сельского хозяйства, транспорта и связи.

Перед Торгпредством СССР стояла непростая задача, поскольку индийский рынок в те годы был ареной остроконкурентной борьбы монополий Англии, США, Западной Германии и Японии.

Текстильная промышленность была самой крупной отраслью индийской промышленности. Основным направлением являлась хлопчатобумажная промышленность. Помимо фабрично-

заводской существовала и кустарная. Текстильные промышленности принадлежали в основном индийскому капиталу, в 1951 году в руках индийских промышленников было 84% всех хлопчатобумажных фабрик, в которые было вложено 79% капитала этой отрасли [7, с. 44].

Джутовая промышленность в основном принадлежала иностранному капиталу. Она являлась самой крупной статьей внешней торговли Индии. 80% компаний и 89% капитала находятся под контролем иностранного капитала. В основном это были английские монополии.

С 1949 по 1954 гг. наблюдалось значительное увеличение производительной мощности по всем видам ткацкого оборудования.

Тщательный анализ электроэнергетической системы Индии во многом способствовал успешному заключению экономических соглашений между СССР и Индией.

Показателем того, что отношения Индии и СССР развивались и укреплялись, можно считать визит Джавахарлала Неру в Советский Союз в июне 1955 года. Стоит отметить, что Н.С. Хрущев оказал теплый прием премьер-министру Индии [3].

В ноябре-декабре 1955 года Н.С. Хрущев посетил Индию с ответным визитом. Он отметил вклад Индии в стабилизацию международных отношений и подчеркнул важность развития сотрудничества между странами. Развитие отношений с Индией, по его словам, было чрезвычайно важным направлением советской концепции внешней политики. Дружеские визиты глав государств положительно сказались на дальнейшем укреплении экономических и политических связей между СССР и Индией.

К тому моменту СССР уже имел достаточно сведений об экономической структуре Индии и о стратегии экономического развития. Развитие электроэнергетической системы Индии шло в направлении привязки станций к имеющимся энергоисточникам. В Южной части Индии упор делался на строительство ГЭС, в районе Бомбея, а также в Пенджабе и Уттар Прадеш тоже преобладали ГЭС, в угольных районах Бихара и Бенгалии в основном строились ТЭС, как и в центральном районе, включая Хайдарабад Ориссе и Надья Прадеш.

В планах развития экономики на 1956/57–1960/61 гг. предусматривалось значительное увеличение капиталовложений в промышленность. Индия нуждалась в импорте оборудования.

Учитывая крупные размеры предполагаемого строительства, почти полное отсутствие тяжелого машиностроения, недостаток в Индии собственных технических кадров для реализации плана, страна нуждалась в комплексности поставок отдельных видов оборудования, а также в оказании ей технической помощи при проектировании, строительстве, монтаже и пуске промышленных предприятий и подготовке технических кадров из местного населения.

В 1955 и 1957 гг. Советский Союз и Индия подписали Соглашение о строительстве металлургического завода на территории Республики Индия. В соответствии с этим Соглашением СССР обещал предоставить Индии кредит.

В 1955 году в Совместном коммюнике была зафиксирована договоренность о расширении торговли и экономического сотрудничества. Через год было подписано Соглашение о регулярном судоходстве между портами СССР и Индии. В 1959 году СССР предоставил очередной кредит Индии. Данный кредит был выделен на реализацию третьего пятилетнего плана развития экономики Республики Индия. В 1960 году было подписано соглашение о предоставлении Индии кредита для расширения и сооружения промышленных объектов и на геологоразведочные работы. Также в 1960 году было заключено соглашение об экономической и технической помощи в расширении нефтеперерабатывающих заводов Индии. Первое соглашение о поставках военной техники Советским Союзом в Индию было заключено в 1960 году.

В январе 1962 года советская и индийская стороны активно обсуждали изменение некоторых статей Торгового соглашения между СССР и Индией от 16 ноября 1958 года.

Ввиду расширения деятельности Банка для внешней торговли СССР, связанного с международными расчетами, возникла необходимость в том, чтобы функции, которые в соответствии

со статьями торгового соглашения между Правительством СССР и Правительством Индии, выполнялись Государственным Банком СССР, в дальнейшем бы Банком для внешней торговли СССР.

По приглашению Правительства Индии Н.С. Патоличев, Министр внешней торговли СССР, прибыл в Индию 21 октября 1960 года. Он был принят Президентом Индии и Премьер-Министром. Для него были организованы беседы с Министром стали, шахт и топлива, с Министром шахт и топлива, с Федерацией индийских торговых палат и с деловыми кругами относительно расширения торговли между Индией и СССР. Также он посетил Калькутту и Бомбей.

Николай Семенович и Бахадур Шастри, Министр торговли и промышленности, рассмотрели ход выполнения Советско-индийского Торгового Соглашения от 16 ноября 1958 года в свете программы развития Индии в период действия Трехлетнего Плана. Был отмечен значительный успех в торговле. Широко обсуждалось дальнейшее развитие рынка для индийских товаров в СССР.

Особое внимание уделялось вопросу о расширении деловых контактов между советскими внешнеторговыми и индийскими государственными организациями.

Благодаря усилиям сотрудников Торгпредства СССР в Индии было согласовано предоставление ввозимым товарам максимального облегчения, допускаемого соответствующими законами правилами и предписаниями. Товары могли пользоваться неограниченным режимом, наиболее благоприятствующим в отношении таможенных пошлин и сборов любого рода при импорте и экспорте. В выдаче импортных и экспортных лицензий режим был создан режим зоны конвертируемой валюты или с которой расчеты в национальной валюте.

Экспорт товаров из Советского Союза в Индию и из Индии в СССР осуществлялся в соответствии со списками, которые представители Торгпредства согласовывали с индийскими коллегами на каждый календарный год до начала года [3].

Важность своевременного заключения торговых соглашений отмечал Павел Николаевич Кумыкин, занимавший с 1951 по 1953 гг. должность Министра внешней торговли СССР, а с 1953 по 1969 гг. – заместителя Министра внешней торговли СССР. В докладе, опубликованном в 1957 году, он предлагал меры по улучшению и усилению экономического сотрудничества с рядом стран, в частности, с Индией, по линии Министерства внешней торговли. Особое внимание уделялось деятельности Торгового представительства СССР в Индии [5, с. 1].

К.Б. Лалл, глава Индийской Торговой Делегации, в переписке с И.Ф. Семичастновым, Первым Заместителем Министра внешней торговли, подчеркивал важность деятельности советского Торгового представительства и его вклад в развитие двусторонних экономических отношений.

В исследуемый период была заложена основа двусторонних торговых отношений СССР и Индии, страны стремились создать наиболее благоприятные условия для развития экономических связей во многом благодаря эффективной работе Торгового представительства. Помощь Советского Союза была чрезвычайно важна для Индии, особенно в первые годы после обретения независимости. Впоследствии тесные экономические связи стран сохранились, СССР помогал реализовывать крупные инфраструктурные проекты, поставлял необходимую продукцию, в том числе промышленную, а также активно закупал индийские товары. Безусловно, наличие таких тесных экономических связей благоприятно сказывалось на развитии политических связей. Национальные интересы двух государств во многом совпадали, позиции СССР и Индии по глобальным вопросам были схожи. Также совпадали и их подходы к решению региональных проблем. К началу 1960-х гг. торговый оборот между СССР и Индией вырос по сравнению с 1953 г. почти в 30 раз. Для Индии постоянно росла значимость торговли с Советским Союзом. В 1960-е годы Советский Союз стал вторым крупнейшим торговым партнером Индии и крупнейшим импортером товаров из Индии.

Список литература

1. *Галищева Н.В.* Внешняя торговля Индии в 1950 2000-х гг. // Вестник МГИМО. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-indii-v-1950-2000-h-gg> (дата обращения: 31.10.2021).
2. *Дорохина О.* История внешнеторговых представительств России // Коммерсантъ – Власть. – 2013. – № 19.
3. *Лунев С.И.* Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. М., 2017. 2 (53). С. 24–51.
4. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей (утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13.09.1933).
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 47 Д. 149.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 13 Д. 6724.7.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 13 Д. Ед.Хран. 7430.

Вопросы устойчивого развития

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК СИСТЕМА КООРДИНАТ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ КОМПАНИИ

Бобылева А.З.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. В статье обосновывается, что при переходе к работе на принципах устойчивого развития бизнес не просто приспосабливается и реагирует на глобальные задачи, которые ставит мировое сообщество и правительства стран, а является влиятельным и активным действующим лицом, обладающим многими возможностями, получающим экономическую и социальную выгоду от устойчивого развития. Автор раскрывает само понятие устойчивого развития бизнеса, этапы и направления перехода бизнеса к устойчивому развитию, роль каждого актора – международных организаций, отдельных государств, частных лиц, приводит примеры удачных практик интеграции глобальных целей устойчивого развития в деятельность компаний и увеличения ценности бизнеса на этой основе.

Ключевые слова: устойчивое развитие бизнеса, интеграция глобальных целей устойчивого развития, увеличение ценности бизнеса

Введение

Последние два столетия развитие экономики было нацелено на увеличение производства, спроса, финансовых результатов как частных компаний, так и в целом государств. На макроуровне критерием успешности был, прежде всего, экономический рост, связанный с увеличением ВВП, компании оценивались по таким показателям, как выручка, прибыль, размер активов, а устойчивость понималась как финансовая устойчивость.

Господствовавшая в этот период экономическая модель дала впечатляющие результаты: в мире произошли огромные социальные улучшения и технический прогресс. Только за последние 30 лет наблюдался значительный рост мирового ВВП – почти в 5 раз [5], что повысило уровень жизни сотен миллионов человек. Однако такой рост во многом был достигнут благодаря глобальному истощению природного капитала, сопровождался социальными издержками – дифференциацией доходов, гендерным неравенством, неравномерностью развития регионов. Важнейшей причиной такого положения являлась ориентация рыночной экономики на получение быстрых результатов при недоучете долгосрочных ущербов и выгод.

Некоторой попыткой исправления ситуации послужило введение ряда показателей, нацеливающих компании на долгосрочную перспективу: рыночную добавленную стоимость (MVA), экономическую добавленную стоимость (EVA), индекс добавленного богатства (WAI). Однако эти показатели позволяют оценить лишь рост благосостояния собственников бизнеса и не учитывают побочных эффектов на окружающий мир – как позитивных, так и негативных.

Невозможность продолжения роста на базе традиционной техногенной модели, поиск новых моделей экономики привели к формированию концепции устойчивого развития – нового мировоззрения, которое в наиболее законченном виде было сформулировано комиссией Г.Х. Брундтланд: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [6, с. 59]. Концепция устойчивого развития стала новой парадигмой развития человечества в XXI веке. Она получила свое развитие в сформулированных ООН 17-ти Целях устойчивого развития (ЦУР) [11]. Данные глобальные цели в совокупности при-

званы «перезагрузить» мировые экономические системы, сделав деловую активность не только финансово устойчивой, но и социально справедливой и экологически стабильной.

Как следует из вышесказанного, данные цели были сформулированы на глобальном уровне. Задача микроуровня, непосредственно компаний — определенным образом интегрировать данные цели в свою стратегию, ориентировать деятельность на их выполнение: устойчивое развитие не может быть достигнуто только за счет принимаемых на макроуровне мер, оно реализуется всеми хозяйствующими субъектами при целенаправленном государственном регулировании.

Новая бизнес-модель, ориентированная на создание ценности и сегодня, и в будущем, потребует от компаний изменения правил игры, ориентации на долгосрочные решения. При этом изменение экономического поведения нельзя рассматривать как вынужденное, «навязанное» глобальными целями и вызванное ресурсными ограничениями: социальная и экологическая устойчивость уже сейчас понимаются компаниями-лидерами как составляющие увеличения акционерной стоимости так же, как доля рынка, динамика прибыли, проч. Данный подход подтверждает тот факт, что более 15 тыс. компаний из 163 стран подписали Глобальный договор ООН [14], который воспринимается мировым сообществом как руководство по устойчивому развитию бизнеса.

Тем не менее, несмотря на внимание к концепции устойчивого развития компаний-лидеров, ученых, политиков, широкий переход бизнеса к работе на принципах устойчивого развития остается во многом декларативным. Это и обусловило спектр проблем, рассматриваемых в данной статье: определение самого понятия устойчивого развития бизнеса; уточнение составляющих механизма управления устойчивостью; выявление роли государства, компаний, индивидуумов в устойчивости развития бизнеса.

Устойчивое развитие бизнеса — что под этим понимается?

Перефразируя сформулированное комиссией Г.Х. Брундтланд определение устойчивого развития на макроуровне и имеющиеся на сегодня подходы для компаний [4,8], понятие устойчивого развития бизнеса можно сформулировать как принятие бизнес-стратегий, реализация проектов и ведение операционной деятельности, которые отвечают финансово-экономическим потребностям организации и всех ее стейкхолдеров сегодня, одновременно развивая человеческий капитал, не нанося вред и увеличивая природные ресурсы, которые потребуются в будущем. Другими словами, можно сказать, что устойчивое развитие компании обеспечивает благосостояние стейкхолдеров и социальную справедливость, при этом снижает риски для окружающей среды в настоящем и будущем.

Следует отметить, что многие компании до сих пор сводят устойчивое развитие компаний к корпоративной социальной ответственности (КСО, corporate social responsibility, (CSR)), получившей распространение еще в 60-е годы прошлого века. Несмотря на некоторые различия в определениях, основные задачи КСО сводятся к укреплению репутации за счет выделения доли прибыли на общественные и экологические проекты. Однако устойчивость — это более широкое понятие, чем КСО. Компании, переходящие на работу на принципах устойчивого развития, открывают новые возможности для бизнеса за счет инноваций, повышения эффективности, привлечения новых клиентов и инвесторов. Устойчивое развитие само по себе является хорошим бизнесом. Оно создает возможности для поставщиков зеленых товаров и услуг, разработчиков экологически безопасных материалов и процессов, фирм, которые инвестируют в экологическую эффективность, и тех, кто занимается социальным инвестированием. Эти предприятия, как правило, имеют конкурентное преимущество.

Наиболее полно устойчивое развитие бизнеса в современном мире характеризует понятие экологического, социального и корпоративного управления (Environmental, Social, Governance, ESG). ESG можно рассматривать как систему мер, которую принимает компания для выполнения экономических и социальных задач, поставленных стейкхолдерами, а также защите

окружающей среды. В то же время ESG — это и совокупность характеристик бизнеса, которые при переходе к устойчивому развитию становятся определяющими для установления горизонтальных и вертикальных партнерских связей, получения внешнего финансирования от банков, государственной поддержки.

Как осуществить переход бизнеса к устойчивому развитию

Переход на устойчивое развитие предполагает системное изменение деятельности компании по следующим направлениям: 1) защита окружающей среды (обращение с отходами, снижение потребления электроэнергии, тепла, воды, выбросов CO₂); 2) развитие человеческого капитала (обучение, охрана труда и здоровья, соблюдение правил трудовых отношений, прав человека, обеспечение равных прав и возможностей); 3) воздействие на общество (реализация инфраструктурных проектов, поддержка образования, местных сообществ, благотворительность); 4) адаптация к изменениям климата, угрозам природных катастроф, изменениям потребительского поведения, регуляторным требованиям. Данные изменения требуют глубокой трансформации и в корпоративном управлении: стратегии, риск-менеджменте, кодексе этики и поведения, а также механизмах мониторинга и контроля, что в целом должно обеспечить получение финансово-экономических результатов, удовлетворяющих стейкхолдеров.

Управление компанией в соответствии с принципами устойчивого развития предполагает следующие этапы.

1. *Проведение анализа текущего положения дел для определения «отправной точки» перехода к устойчивому развитию.* При этом должна быть собрана информация о внешней среде (новое и предполагаемое законодательство, отраслевые практики и стандарты; стратегии конкурентов, возможные новые вызовы); внутренних бизнес-процессах (операционная, социальная, экологическая составляющие, вероятные угрозы), материальных ресурсах (уровень экологичности), трудовых ресурсах (развитие персонала), финансовых ресурсах (доступность для новых проектов). Изучение ключевых параметров, вероятных угроз и возможностей для устойчивого развития позволяет компаниям выработать цели и задачи на разные временные перспективы, увидеть, где, возможно, потребуется более тщательное управление рисками.

2. *Определение целей устойчивого развития для компании и критериев их достижения.* У компаний даже внутри одной отрасли могут быть разные приоритеты и, соответственно, цели, что объясняется различиями в их текущих ESG характеристиках, региональными, ресурсными различиями. Однако компании, уже сделавшие первые шаги к устойчивому развитию, обычно формулируют цели и выстраивают корпоративную стратегию в терминах ЦУР. Так, например, стратегическая цель ПАО «Лукойл» «Промышленная и экологическая безопасность, надежность и эффективность процессов, связана с решением 6-й, 8-й, 12–15-й ЦУР, стратегическая цель «Конкурентоспособность» — с решением 7-й, 9-й, 13-й ЦУР, «Социальная ответственность, достойный вклад в развитие общества» — с решением 4-й, 5-й, 8-й 17-й ЦУР [9, с. 11–12]. Это способствует увеличению прозрачности, проведению межфирменных сравнений, сопоставимости для улучшения диалога с властными структурами, партнерами, финансовым сектором и, в конечном счете, ведет к повышению конкурентоспособности и росту стоимости.

3. *Разработка программы реализации перехода компании к устойчивому развитию.* Несмотря на наличие трех, казалось бы, отдельных составляющих устойчивого развития, разработка программы устойчивого развития компании предполагает неразрывную взаимосвязь, взаимовлияние, переплетение всех компонентов и, следовательно, системное управление. Учет высокой взаимозависимости проектов, определение места каждого проекта в программе, его влияния на другие проекты, приоритизация проектов в наибольшей степени достижимы на основе сетевого подхода и выстраивания соответствующей организационно-стратегической сетевой модели управления [13]. Пример применения такого подхода в трансформационной модели представлен в работах [1,2]. Использование сетевого подхода и учет взаимовлияния проектов может способ-

ствовать и снижению негативных последствий, которые могут сопровождать устойчивое развитие. Например, цифровые технологии, использующие большие объемы данных, требуют значительного количества энергии, автоматизация может привести к ликвидации многих рабочих мест и источников средств к существованию, поскольку это повышает производительность. Построение трансформационной модели позволяет учесть эти вызовы еще на стадии разработки программы.

4. *Выполнение программ устойчивого развития компаний.* Сетевой характер программ требует выстраивания соответствующей системы управления реализацией стратегии, создания системы взаимодействия по всем аспектам устойчивого развития, формирования организационной структуры, охватывающей все уровни управления — от Совета директоров до дочерних организаций. Реализация проектов должна сопровождаться маркетингом, ориентирующим потребителей на соответствующие продукты, связями с общественностью и государственными структурами, позволяющими разъяснить стратегию компании, расширить круг сторонников устойчивого развития. Контроль за решением задач устойчивого развития должен осуществляться на стратегическом и оперативном уровнях.

5. *Развитие новой корпоративной культуры.* Корпоративная культура может стать мощным стратегическим инструментом, ориентирующим все подразделения компании и отдельных лиц на общие цели устойчивого развития, мобилизующим инициативу сотрудников и облегчающую координацию их усилий для реализации общих целей. Переход на устойчивое развитие требует выработки новых моделей поведения, следованию новому комплексу ценностей, разделяемому большинством членов организации. Новая корпоративная культура должна стать нематериальным активом компании, участвующим в создании новой ценности компании наряду с другими ее активами.

6. *Совершенствование процессов мониторинга и подготовка отчетов.* Реализация программ устойчивого развития в бизнес-среде требует постоянного мониторинга отклонений, оценки уровня выполнения программ по сравнению: а) с прошлым периодом, б) с поставленными на текущий период задачами, в) с другими компаниями отрасли, а также определения вклада конкретной компании в достижение ЦУР на уровне отрасли, региона, государства. Из этого следует, что информация по компаниям будет наиболее полезна, если ее представлять в стандартизированной, сравнимой форме. Однако на практике отчеты компаний не унифицированы, различаются не только между компаниями, но и у одной компании по годам. Это связано с тем, что компании при составлении отчетности могут руководствоваться разными стандартами, требованиями, нормативами, принципами и кодексами, в частности: стандартами Глобальной инициативы по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI); стандартами, разработанными в ходе инициативы «Диалог по корпоративной отчетности» (Corporate Reporting Dialogue, CRD14), схемами для конкретных стран, таких как Связанная отчетность Великобритании (UK's Connected Reporting); принципами, сформулированными в Глобальном договоре ООН; Руководящими принципами ОЭСР для мультинациональных предприятий (UN Global Compact to the OECD's Guidelines for Multinational Enterprise). Существуют также: стандарты качества, такие как ISO 26000 по социальной отчетности; стандарты, касающиеся конкретных проблем, например, раскрытия информации о выбросах углерода (Carbon Disclosure Project); отражения в отчетности существенных фактов — Учет устойчивого развития Совета по стандартам Sustainability Accounting Standards Board's; а также специализирующиеся на системном отражении результатов устойчивого развития — подход Совета по комплексной отчетности (International Integrated Reporting Council's approach).

Хотя некоторые из этих документов являются взаимодополняющими, такое множество рекомендуемых подходов и схем неминуемо приводит к отсутствию унификации, невозможности детального сравнения результатов устойчивого развития компаний, затрудняет создание индексов и рейтингов, не позволяет в полной мере использовать высокие показатели для укрепления

доверия между клиентами, сотрудниками, общественностью. Даже нефинансовая отчетность ПАО «ЛУКОЙЛ», отмеченная многими наградами и имеющая высокие позиции в рейтингах [9], каждый год имеет разную структуру, в результате она мало сопоставима и по годам, и с другими компаниями схожих видов деятельности.

Кроме того, из-за отсутствия единого подхода к отражению результатов устойчивого развития компании пользуются возможностью фрагментарного представления информации, применения кейсового метода, создания иллюзии успешности. Данный вывод подтверждает мнение многих топ-менеджеров компаний: «82% генеральных директоров недовольны тем, что не могут сравнить отчетность по устойчивому развитию между коллегами. [4, р. 70].

В целом, несмотря на нефинансовую направленность отчетности по устойчивому развитию, акцент на социальную и экологическую составляющую деятельности компании, она должна отражать добавленную ценность: нельзя забывать, что комплексная реализация программы устойчивого развития в средне- и долгосрочной перспективе должна давать положительный синергетический финансовый эффект – иначе не будет роста стоимости бизнеса, акционеры компании будут открыто или в завуалированной форме противостоять трансформации к устойчивому развитию.

Финансирование перехода к устойчивому развитию: новые возможности

Как и в реальном секторе, в функционировавшей до недавнего времени финансовой системе укоренились правила и ценности, ориентированные на краткосрочную перспективу: выдача кредитов на короткие сроки, инвестирование в масштабируемые, уже проверенные низкорисковые проекты. Можно сказать, что финансовая система была нацелена на извлечение ценности, а не создание фундаментальной ценности. Поэтому часто многие инвестиционные возможности в устойчивое развитие по-прежнему считаются труднодоступными по целому ряду причин, в том числе: они с большей вероятностью связаны с инновациями и(или) неапробированными технологиями; у них более длительные сроки окупаемости; доходность инвестиций мало предсказуема, они могут требовать высоких капитальных затрат на начальном этапе.

Однако в последние годы произошли изменения. Толчок им дала Европейская комиссия, которая в 2018 г. представила план действий по устойчивому финансированию и дала рекомендации переориентировать потоки капитала на устойчивые инвестиции в целях обеспечения устойчивого роста [7]. Эти и другие действия как правительств отдельных стран, так и международных организаций привели к росту зеленых, социальных и устойчивых облигаций, все более широком использовании критериев ESG при решении вопросов о финансировании.

Одним из пионеров в области устойчивого финансирования является Deutsche Bank. Он взял на себя обязательство удвоить зеленое финансирование до 200 млрд евро к 2025 году, что является одной из самых амбициозных целей среди банков. Он планирует выпустить зеленые облигации с целью привлечения средств для инвестиций в возобновляемые источники энергии. Кроме того, банк пересматривает свою нефтегазовую политику и планирует в ближайшее время обозначить четкие рамки для финансирования и инвестиций в этой области. В рамках обновления своей политики финансирования добывающих отраслей Deutsche Bank предполагает свернуть к 2025 году бизнес с компаниями, связанными с добычей угля. Политика банка будет охватывать и компании, получающие более половины своих доходов от добычи угля. Важным решением Deutsche Bank является прекращение финансирования новых проектов в Арктике [10].

Опыт Deutsche Bank и ряда других финансовых институтов говорит о новых возможностях получения финансовых ресурсов при переходе к устойчивому развитию.

Совместные действия всех участников перехода к устойчивому развитию

Устойчивое развитие может быть достигнуто только за счет согласованных действий между народными организациями, правительств отдельных стран, бизнес-единиц и индивидуумов, при этом каждая сторона выполняет определенные роли.

Международные организации разрабатывают цели устойчивого развития, задают общий вектор реализации стратегии устойчивости на основе трех ключевых компонентов: экономического роста, социального развития и охраны окружающей среды, разрабатывают международные стандарты представления отчетности по устойчивому развитию.

Правительства государств адаптируют глобальные ЦУР для своей страны, разрабатывают программы охраны окружающей среды исходя из своих конкретных климатических условий, наличия природных ресурсов и способов их использования, программ построения социально ориентированного государства, обеспечения высокого качества жизни. Управляющее воздействие государства проявляется в создании нормативно-правовой базы, поддерживающей повестку дня устойчивого развития: стимулирование «зеленых» инноваций, прямое или косвенное (через поддержку банков) финансирование проектов устойчивого развития, снижение экономического и гендерного неравенства, соблюдение прав человека, разрабатывает меры поддержки перехода бизнеса к работе на принципах устойчивого развития. Роль государства проявляется и в контрольных функциях, разработке и применении системы штрафов, санкций за нарушения экологических и социальных норм и стандартов.

Рассматривая значение бизнеса в развитии глобальной устойчивости, можно выделить области, где он может осуществлять системные изменения: инновации и технологии, финансы и инвестиции, потребление и поведение индивидов. [3, р. 97]. При этом инновации должны пониматься в широком смысле: внедрение новых идей для создания ценности посредством экологически чистых и социально востребованных продуктов, экологичности процессов их производства, соблюдении социальной справедливости, а также в финансах. «Устойчивые» технологии могут являться результатом инноваций, но также и средством, с помощью которого инновации могут быть ускорены [3, р. 98]. Бизнес должен использовать финансовые возможности, работая совместно с банками, развернувшимися в сторону устойчивого развития [9], а также с государством для реализации крупных проектов, входящих в государственные программы. При этом мультинациональные компании имеют уникальную возможность лидировать, нести в регионы передовой опыт, ускорять в них устойчивое развитие. Бизнес может сыграть свою роль и в том, чтобы люди могли быть проводниками позитивных изменений – не только как потребители, но и как граждане, работники и инвесторы.

При этом еще раз следует подчеркнуть: переход к устойчивому развитию невозможен без экономической выгоды такого курса для бизнеса. Только декларируемыми глобальными этическими нормами, правовыми регуляторами и административными мерами экономику не заставить быть «зеленой». Экологичность продуктов и производства должны стать частью стратегического мышления, быть экономически выгодными.

Высока роль и индивидуумов в процессе перехода к устойчивому развитию. Как потребители, отдельные лица оказывают влияние на процесс с помощью того, где они предпочитают жить, что они едят, что они покупают, как они утилизируют отходы и на чем передвигаются. Как работники, люди принимают множество решений в своих повседневных ролях и могут влиять на своих работодателей и коллег, чтобы они вносили изменения в масштабах всей организации. Если у частных лиц есть капитал, они могут выбрать вложения в проекты, снижающие воздействие на окружающую среду и дающие более высокие социальные выгоды либо противостоять этому.

Таким образом, можно сделать вывод, что в переходе к устойчивому развитию важную роль играет изменение поведения – как делового, так и на уровне частных лиц.

Заключение

Рассматривая цели устойчивого развития как систему координат для создания ценности компании, следует понимать, что устойчивое развитие – это не конечная цель, а динамичный процесс и принципиальной его чертой является необходимость ориентации на длительные временные горизонты.

В будущем мир также будет сталкиваться с вызовами: сохранится конкуренция за ресурсы, останутся экологические проблемы, не изживет себя социальная несправедливость, будут возникать пандемии. Однако при переходе на принципы устойчивого развития мир будет лучше подготовлен для ответа на вызовы: больше инноваций будет реализовано, больше капитала будет направлено на решение проблем, изменится мышление — как у представителей бизнес-среды, так и у частных лиц.

Компании являются активными участниками процесса устойчивого развития. Бизнес не должен воспринимать международную и национальную политику в области устойчивого развития как несвязанные с повседневной жизнью декларации и даже как рамки (правовые основы) устойчивого развития — он должен вносить свой вклад посредством изменения миссии и стратегии развития компаний, что получит свое отражение в зеленых и социальных инновациях, изменении этических норм бизнеса. Для перехода к работе на принципах устойчивого развития очень важно, чтобы бизнес видел себя влиятельным и активным действующим лицом, обладающим как полномочиями, так и заинтересованностью в будущих результатах, а не «пассажиром», чья роль заключается просто в том, чтобы приспосабливаться к событиям.

В то же время риски для предприятий, предпочитающих старую, техногенную, модель развития, растут. Это может проявиться как в постепенной потере конкурентоспособности по сравнению с «зелеными» компаниями отрасли, так и в невозможности продолжать деятельность из-за запретительных действий правительств стран или групп стран.

Список литературы

1. *Anshin V., Bobyleva A.* The Digital Transformation Program Management in Medium-Sized Businesses: A Network Approach. //Serbian Journal of Management. 2021, No. 16 (1). P. 147–159.
2. *Бобылева А.З., Аньшин В.М.* Построение трансформационных программ перехода бизнеса к работе на принципах устойчивого развития // Государственное управление. Электронный Вестник. 2021, т. 88, с. 7–22.
3. Business and Sustainable Development Commission. URL: <http://www.systemiq.earth> (дата обращения: 12.12.2021).
4. Business Strategy for Sustainable Development: Leadership and Accountability for the 90s. The International Institute for Sustainable Development in conjunction with Deloitte & Touche and the World Business Council for Sustainable Development, 1992.
5. ВВП стран в 2020 году. Всемирный банк. URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (дата обращения: 16.12.2021).
6. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». С. 59 // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 23.12.2021).
7. Европейская комиссия одобрила план действий по финансированию устойчивого развития. URL: https://eurasianeconomic.org/news_ecco/2018/05/28/document3869.phtml (дата обращения: 06.01.2022).
8. Навстречу пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011. URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 18.12.2021).
9. Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» 2020, URL: <https://csr2020.lukoil.ru/corporate-governance/sustainability-management> (дата обращения: 10.01.2022).
10. Практика ответственного финансирования в российском банковском секторе. Обзор 2020 // WWF, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Национальное рейтинговое Агентство. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/b36/Green_finance.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

11. Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 23.12.2021).
12. The Better Business, Better World report. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2399BetterBusinessBetterWorld.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
13. *Thiry M.* Program Management. Gower, USA: Gower Publishing, 2015.
14. United Nations Global Compact. URL: <https://www.unglobalcompact.org/> (дата обращения: 12.12.2021).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СУБЪЕКТОМ РФ

Булетова Н.Е.

Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева
Москва

Аннотация. Рост влияния целей устойчивого развития на содержание государственной политики и возможностей на региональном уровне можно видеть на примере ESG-факторов в инвестиционной политике и устойчивом развитии территорий. Внедрение современных требований к принятию инвестиционных решений, финансированию устойчивого развития в государственную политику управления развитием территории требует баланса ценностных приоритетов всех участников – населения, бизнеса и представителей государства, обеспечивающих достижение актуальных целей и стратегических ориентиров. Совершенствование стратегии социально-экономического развития РФ, учет ESG-факторов ответственного инвестирования, устойчивое цифровое развитие являются общими тенденциями, влияющими на принятие управленческих решений, требует учета особенностей экономического развития разных регионов страны, что подтверждается результатами структурного и ABC-анализа, проведенного в исследовании.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, государственная политика, ESG-принципы, ESG-факторы

На уровне региональных социально-экономических систем в современных условиях осуществления своих полномочий государственными структурами, деятельности организаций и реализации жизненных ценностей населением данных территорий на первое место выходят вопросы достижения целей устойчивого развития и ответственного инвестирования, тренды цифровизации экономических и социальных сфер деятельности, высокой эффективности бюджетных расходов и достижимости целей стратегического планирования. Соответственно, определение ценностных ориентиров включает в себя:

– определение текущих и требующих развития ценностных ориентиров населения, что позволяет обеспечивать корреляцию этих жизненных приоритетов общества с приоритетами государственной политики на региональном уровне (пример проведенного исследования Центра стратегических разработок в 2020 году по изучению ценностных ориентиров россиян [7];

– определение доступного уровня рентабельности, кредитоспособности и деловой активности предприятий региональной экономики с учетом состояния сложившейся конкурентоспособности на региональном рынке и влияния макроэкономической политики и ее мер на результаты хозяйственной деятельности;

– приоритеты развития государства, находящиеся в зависимости от международных тенденций в ответственном инвестировании на фоне необходимости обеспечивать эффективную экономическую политику, в том числе по внешнеторговым операциям с «остальным миром». Например, по данным отчета Банка России, к 2050 году можно будет использовать лишь 20% запасов ископаемого топлива от общего объема, чтобы не нарушить условия Парижского соглашения по удержанию 2 °С, что требует приведения внутреннего законодательства, условий ведения хозяйственной деятельности крупных отечественных экспортеров невозполняемых энергетических ресурсов к условиям и требованиям зарубежных партнеров – основных потребителей. Другой пример – от введения углеродного налога в ЕС потери российской экономики оцениваются экспертами в 1,8–8,2 млрд евро в год.

В контексте этих тенденций важным инструментом достижения стратегических целей эффективного социально-экономического России и ее регионов является активное внедрение в вертикали от федерального до муниципального уровней системы национальных проектов, обеспечивающих планомерное развитие инфраструктуры региональных экономик, внедрение актуальных технологий повышения производительности труда и т. д. Одновременно на региональном и местном уровнях исполнительной власти развиваются приоритетные проекты, обеспечивающие поддержку со стороны властных структур важных инвестиционных проектов по капиталовложениям в важные для данных территорий производства и виды экономической деятельности. На этом фоне еще большую актуальность приобретают основы ответственного инвестирования (UN PRI) и активное использование ESG-факторов в инвестиционной деятельности.

Отслеживание приоритетов и изменений ценностных ориентиров основных участников социально-экономических отношений в рамках реализуемого государством устойчивого развития российской экономики позволяет не только достигать максимальной корреляции приоритетов развития государства и ценностей, определяющих траекторию и условия принятия решений в обществе и бизнес-структурах, но и обеспечивать высокую эффективность реализуемых в РФ национальных проектов и приоритетных региональных и муниципальных проектов.

При наполнении содержанием и измерением понятия устойчивое развитие важно отталкиваться от традиционного набора национальных показателей достижения целей устойчивого развития (ЦУР), детализируя его состав для субъектов РФ (проведенный анализ позволил выявить только 40% показателей достижения ЦУР регионального уровня из включенной в российскую систему учета совокупности из 160 национальных показателей), и оценивая влияние на достижимость заявленных ЦУР увеличивающегося экологического следа цифровизации (рост энергоемкости, объема отходов электроники, выбросов парниковых газов от информационных технологий) и пандемии (трансформация рынка труда в сторону дистанционного формата, прирост использования Интернета и нагрузки на сеть с одновременным ростом кибер-угроз).

Таблица 1. Распределение национальных и региональных показателей достижения ЦУР в РФ по данным 2021 года

ЦУР России	Количество показателей		Соотношение между региональными и национальными показателями
	Национальные показатели	Региональные показатели	
Цель № 1 «Ликвидация нищеты»	3	2	66,7%
Цель № 2 «Ликвидация голода»	4	1	25,0%
Цель № 3 «Хорошее здоровье и благополучие»	36	22	61,1%
Цель № 4 «Качественное образование»	7	7	100,0%
Цель № 5 «Гендерное равенство»	5	3	60,0%
Цель № 6 «Чистая вода и санитария»	6	4	66,7%
Цель № 7 «Недорогостоящая и чистая энергия»	5	2	40,0%
Цель № 8 «Достойная работа и экономический рост»	18	8	44,4%

ЦУР России	Количество показателей		Соотношение между региональными и национальными показателями
	Национальные показатели	Региональные показатели	
Цель № 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура»	28	12	42,9%
Цель № 10 «Уменьшение неравенства»	6	1	16,7%
Цель № 11 «Устойчивые города и населенные пункты»	14	6	42,9%
Цель № 12 «Ответственное потребление и производство»	8	3	37,5%
Цель № 13 «Борьба с изменением климата»	2	0	0,0%
Цель № 14 «Сохранение морских экосистем»	3	0	0,0%
Цель № 15 «Сохранение экосистем суши»	5	3	60,0%
Цель № 16 «Мир, правосудие и эффективные институты»	5	1	20,0%
Цель № 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития»	5	2	40,0%
Всего:	160	64	40,0%

Источник: составлено автором по данным Росстата «Перечень национальных показателей ЦУР»

Важно среди основных тенденций пост-пандемийного периода также отметить заметные структурные сдвиги в экономическом развитии разных регионов страны, в том числе в резком приросте объемов цифровой экономики, долевой экономики, когда преимущества электронной коммерции позволили не только адаптироваться многим предпринимателям, но и получить новые возможности для развития и внедрения востребованных инноваций по производству и реализации товаров, работ, услуг.

Еще одна важная тенденция, которая носит устойчивый характер в развитии российских регионов – сложившиеся диспропорции, связанные с разной обеспеченностью ресурсами, особенностями местоположения, стратегическими возможностями и инвестиционной привлекательностью с учетом особенностей экономической ситуации на национальном и международном уровнях. По итогам проведенного ABC-анализа представим результаты распределения субъектов РФ по данным 2019 года:

– по размеру региональной экономики в группу А включены 8 регионов, доля ВРП которых находится в пределах до 2,0% от общей суммы ВРП субъектов РФ; при этом необходимо обратить внимание, что среди этих 8 регионов также заметна существенная разница – от 21,04% доли ВРП г. Москвы, 10,3% Тюменской области и до 2,7% доли ВРП Свердловской области (рис. 1), большинство регионов отнесены в группе С, то есть их совокупный вклад в экономику страны составил 24,5%, тогда как 8 субъектов РФ обеспечивают формирование 52,3% совокупного ВРП;

– на рис. 2 представлен результат распределения субъектов РФ по доле инвестиций в капитальные вложения, что также позволяет увидеть приоритетные по инвестиционной привлекательности территории, на примере группы А мы также относим сюда г. Москву (14,8%) и Московскую область (5,4%), Тюменскую область (11,0%) и еще 7 регионов РФ, включая Республику Саха

(Якутия) с долей инвестиций 2,0% от общей суммы инвестиций в экономике страны; распределение регионов на 3 группы по количеству регионов примерно совпадает с распределением по доле ВРП, что свидетельствует об устойчивом неравенстве в уровня экономического развития разных территорий страны;

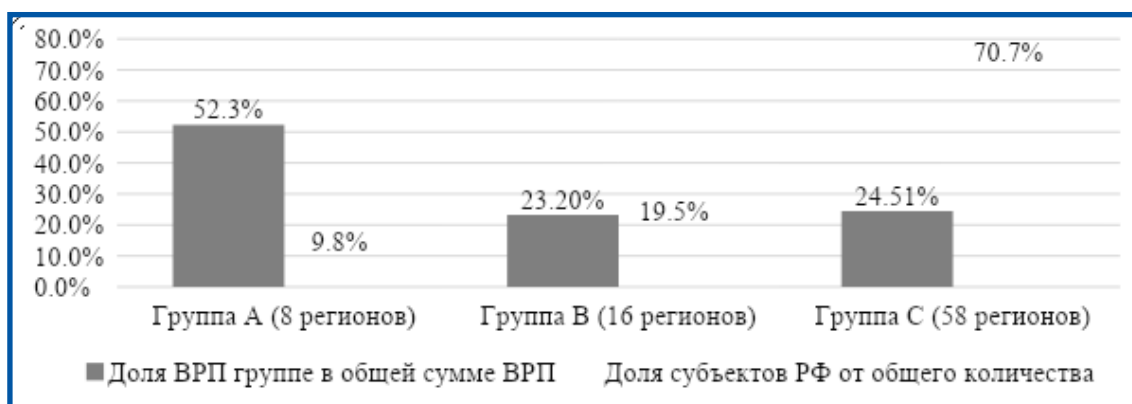

Рисунок 1. Результат распределения субъектов РФ по величине ВРП в рамках ABC-анализа

Источник: составлено автором по данным Росстата «Регионы России: социально-экономические показатели – 2020» [5]

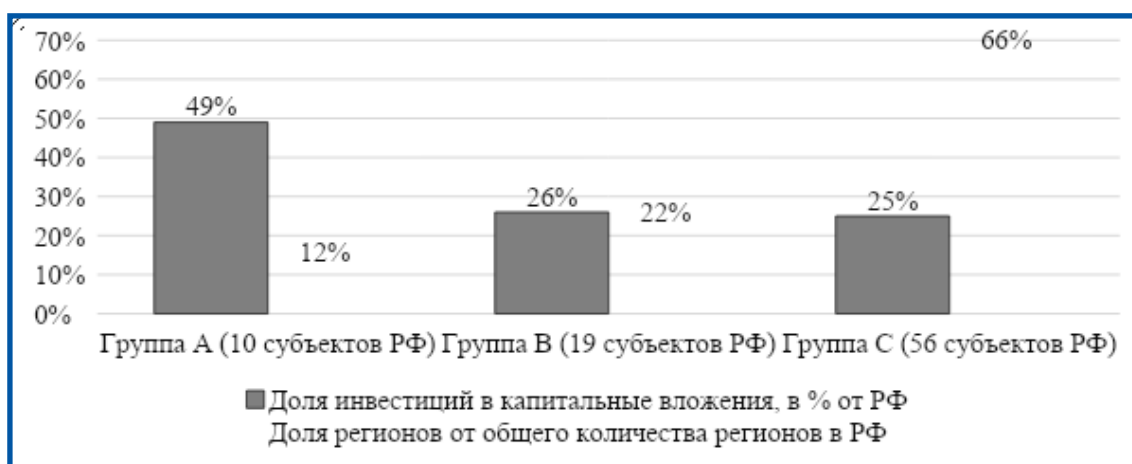

Рисунок 2. Результат распределения субъектов РФ по доле инвестиций в капитальные вложения в рамках ABC-анализа

Источник: составлено автором по данным Росстата «Регионы России: социально-экономические показатели – 2020» [5]

– распределение занятых в экономике представлено на рис. 3, также в группе А представлены г. Москва (12,5%), Московская область (4,8%) и Санкт-Петербург (4,5%) и еще 10 субъектов РФ, вклад которых в занятых к национальной экономике находится в пределах 2%, а также в этой группе представлено 10 из 15 регионов, включающих в свой состав города-«миллионники», что, в том числе, объясняет их лидирующие позиции по формированию занятого населения страны;

– результат распределения субъектов РФ на 3 группы по доле инновационных товаров, работ, услуг, созданных в региональной экономике, в общей сумме по РФ, представлен на рис. 4, в группу А попали кроме г. Москвы (11,6%) и г. Санкт-Петербурга (9,7%) также Республика Татарстан (12,0%) и еще 10 субъектов РФ, в том числе Московская область, Тюменская область, Свердловская область и другие с долей инновационных товаров, работ, услуг до 2,0%; следует отметить наличие регионов с нулевым показателем инноваций, что еще больше подтверждает наличие системных различий в уровне экономического развития этих территорий;

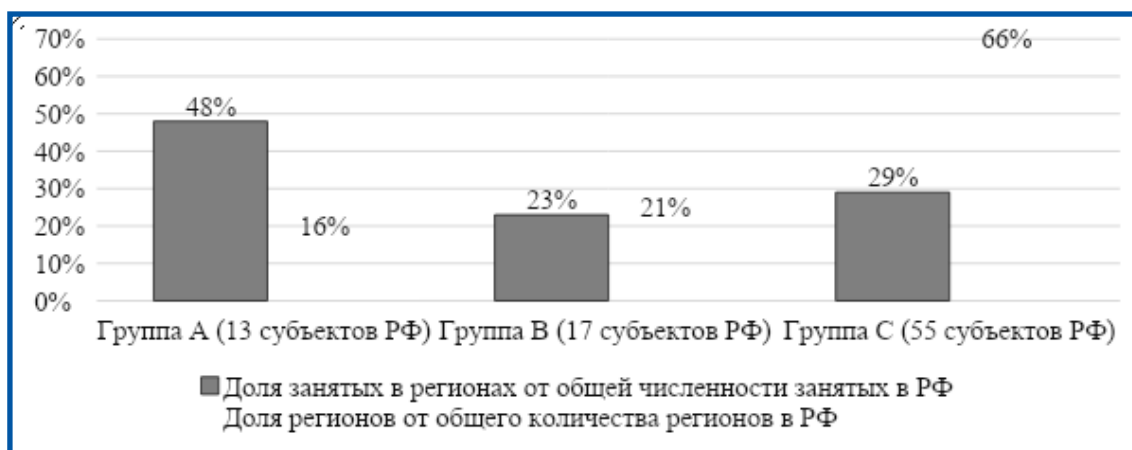

Рисунок 3. Результат распределения субъектов РФ по доле занятых в регионах в рамках ABC-анализа

Источник: составлено автором по данным Росстата «Регионы России: социально-экономические показатели – 2020» [5]

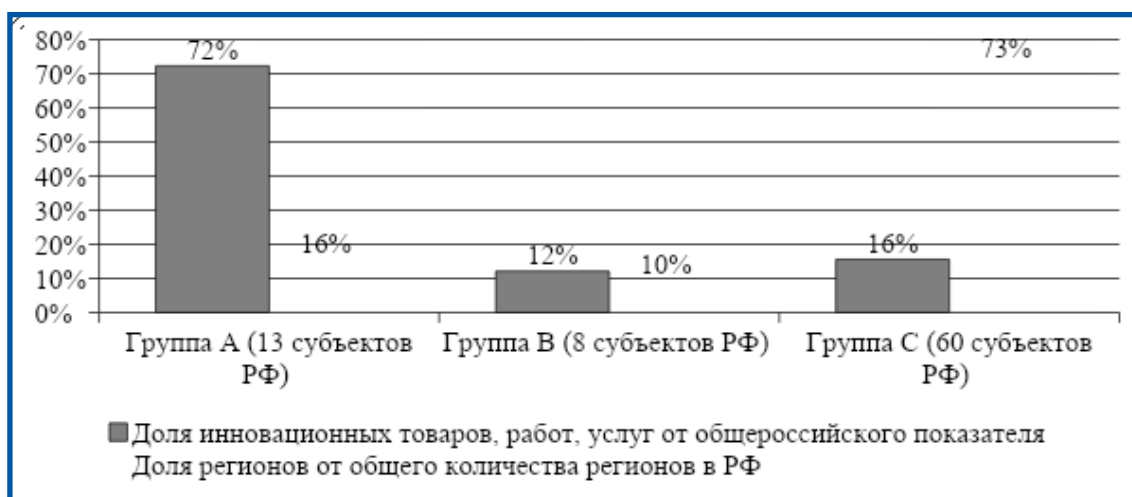

Рисунок 4. Результат распределения субъектов РФ по доле инновационных товаров, работ, услуг в рамках ABC-анализа

Источник: составлено автором по данным Росстата «Регионы России: социально-экономические показатели – 2020» [5]

В результате структурного анализа региональных экономик по субъектам РФ, включающим в свой состав города-«миллионники» по итогам 2019 года, были получены следующие результаты и выводы:

— основываясь на авторском подходе, детально представленном и апробированном в работах [1], [2] и [8], к агрегированию отраслевой структуры валовой добавленной стоимости по субъектам РФ была рассчитаны значения таких укрупненных частей региональной экономики, как аграрный сектор, индустриальный сектор, сектор услуг и сектор материального производства:

D_A – аграрный сектор экономики (Раздел А ОКВЭД);

D_I – индустриальный сектор экономики (Разделы В, С, D и E ОКВЭД);

D_S – сектор услуг (сумма Разделов G-T ОКВЭД);

D_G – сектор материального производства (как разница между 100% и D_G).

Данный подход соответствует трехсекторной модели экономики, представленной в работах А. Фишера, К. Кларка, Ж. Фурастье в первой половине 20 века (пример работы [9]). В трудах российских ученых тема структурного анализа обсуждается активно с учетом значимости государственной структурной экономической политики для развития региональных экономик.

Примеры трудов Красильникова О. [3], Сухарева О. [6] свидетельствуют о востребованности авторских подходов для определения результатов и необходимых трендов структурных изменений в экономическом развитии территорий;

– следующим шагом был расчет двух коэффициентов координации – соотношения этих частей между собой по формулам:

$$k_a = D_I / D_A (> 1);$$

$$k_b = D_S / D_G (> 1).$$

Полученные результаты расчетов представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты расчета показателей координации секторов экономики за 2019 год

	k_a	k_b
Сервисный тип региональной экономики		
г. Санкт-Петербург (СЗФО)	172,00	3,90
г. Москва (ЦФО)	188,00	3,37
Сервисно-индустриальный тип региональной экономики		
Новосибирская область (Новосибирск, СФО)	5,00	2,75
Воронежская область (Воронеж, ЦФО)	1,48	1,56
Нижегородская область (Нижний Новгород, ПФО)	11,64	1,51
Ростовская область (Ростов, ЮФО)	2,23	1,44
Свердловская область (Екатеринбург, УФО)	16,25	1,20
Омская область (Омск, СФО)	4,51	1,06
Волгоградская область (Волгоград, ЮФО)	2,85	1,02
Республика Башкортостан (Уфа, ПФО)	7,15	1,01
Челябинская область (Челябинск, УФО)	7,82	1,01
Индустриальный тип региональной экономики		
Самарская область (Самара, ПФО)	11,59	0,96
Республика Татарстан (Казань, ПФО)	8,24	0,72
Пермский край (Пермь, ПФО)	32,06	0,66
Красноярский край (Красноярск, СФО)	26,00	0,47

Источник: рассчитано автором по данным Росстата «Отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов РФ в 2019 году» [4]

По данным таблицы 2 можно представить их внутреннюю типологию по разному уровню экономического развития:

– в первую группу включены города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, уровень и качество жизни в которых, инвестиционная привлекательность и сосредоточение наукоемких инновационных производств и точек роста значительно превосходят все другие территории страны; для них характерно отсутствие аграрного сектора экономики и высокий показатель превышения доли сервисного сектора экономики над сектором материального про-

изводства, тем не менее, современным трендом развития таких мегаполисов является городское сельское хозяйство, что отразится и в изменении ОКВЭД, и в распределении занятого населения и инвестиционных ресурсов;

– во вторую группу субъектов РФ попали те регионы, у которых значения k_α и k_β не опускаются меньше 1, но и не представляют значений, в разы превышающие 1, по данным таблицы 2 таких регионов получилось 9;

– в третью группу попали регионы, у которых хотя бы один из двух коэффициентов был бы меньше 1, в данном случае у 4 субъектов РФ значение k_β было меньше 1, что свидетельствует о более интенсивной развитии промышленного производства по сравнению с видами экономической деятельности, относящимся к сектору услуг.

Важно отметить, что среди данных регионов не оказалось ни одного со значениями k_α меньше 1, что означало бы аграрный характер их экономического развития.

На рис. 5 наглядно представлено распределение анализируемых субъектов РФ по итогам структурного анализа. Именно для этих территорий, в первую очередь, доступны и актуальны в реализации такие тренды устойчивого цифрового развития, как:

– для развития таких ценностей, как устойчивое развития, экологичность жизнедеятельности и экономической деятельности – городской сельское хозяйство (садоводство на крышах, вертикальное озеленение стен, цифровые двойники и т. п.);

– для развития таких ценностей, как ответственное потребление и безопасность – развитие отраслей экономики совместного потребления («Sharing economy») и продвижение цифровых технологий, в том числе «Умного города» в рамках реализуемых национальных проектов;

– самым значимым для устойчивого цифрового развития является ценностный ориентир «инновационность», который обеспечивается за счет роста спроса на НИОКР, в том числе со стороны государства и государственных инвестиций в экономику знаний, а также поддержки внедрения цифровых технологий в экономические и социальные процессы с максимальной доступностью для потребителей.

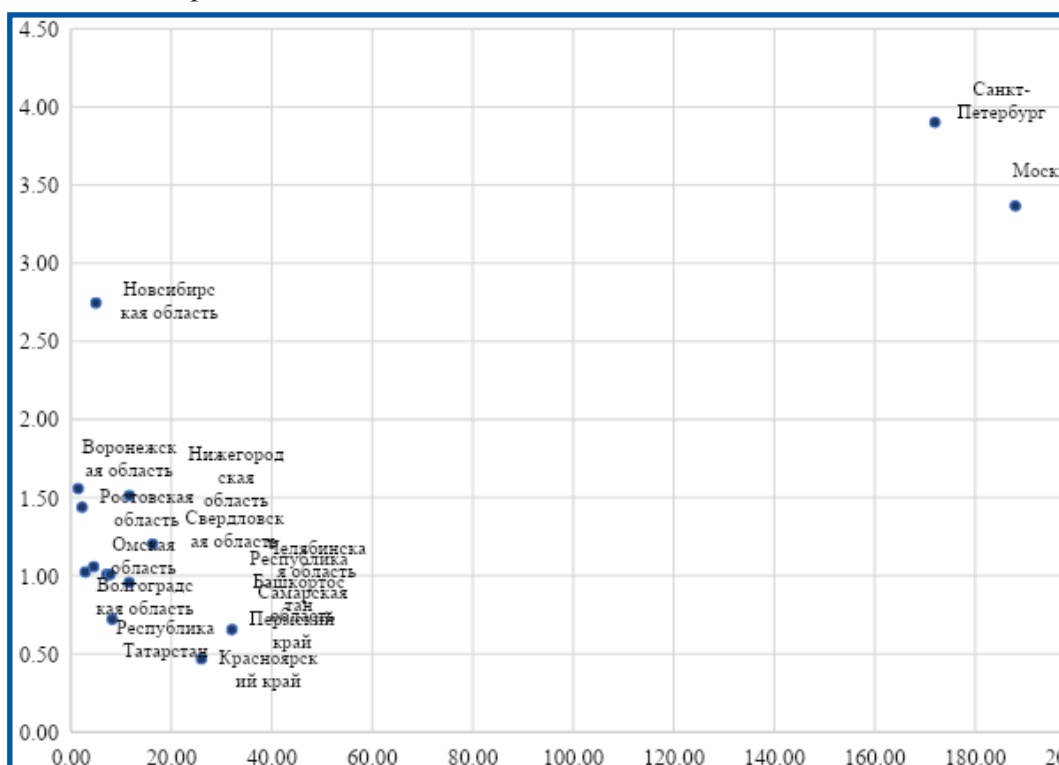

Рисунок 5. Распределение субъектов РФ, включающих в свой состав города-«миллионники» по итогам структурного анализа региональной экономики

Источник: составлено автором по данным таблицы 2

В результате исследования в наиболее востребованным и общим приоритетам государственного стратегического управления на региональном уровне (с учетом ценностных ориентиров населения и бизнес-структур, требующих развития) были отнесены:

1. Экономическая, информационная, экологическая безопасность – через инструменты государственного управления – региональные, муниципальные проекты, приоритетные проекты, региональные и муниципальные программы, государственно-частное и муниципально-частное партнерство. У каждого региона есть свой реестр приоритетных проектов социально-экономического развития, в которых важно обеспечивать высокий уровень корреляции стратегических целей и ценностных ориентиров общества, нуждающихся в формировании, обеспечении, развитии.

2. Обеспечение цифрового равенства (цифровая грамотность, доступ к сети Интернет). По данным Росстата в 2019 году удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в их общем числе – 76,9%.

3. Социально-экономическое развитие территорий с учетом структурных особенностей региональной экономики и инвестиционной привлекательности. На примере результатов Национального рейтинга состояния инвестиционного климата к лидерам 2019 года были отнесены либо города федерального значения, либо регионы традиционно привлекательные добычей полезных ископаемых (Ямало-Ненецкий АО, Тюменская область).

4. Нарращивание темпов прироста экономики знаний (НИОКР, образование, здравоохранение, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии). По данным Росстата доля «экономики знаний» в ВВП РФ в 2019 году составляла 14%, тогда как у Китая данный показатель составлял 22%, у США – 40%.

Принятие Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 г. № 3052-р) обеспечивает корреляцию стратегического управления развитием российских территорий с тенденциями международного и национального климатического регулирования, и позволяет формировать в региональной экономике инвестиционные активы, базирующиеся на принципах экологической, социальной и управленческой ответственности («зеленые» облигации, «зеленые» проекты, развитие чистых технологий в энергетике, технологии утилизации отходов производства и потребления), что обеспечит конкурентоспособность российских производителей на внутреннем и внешнем рынках.

Список литературы

1. Булетова Н.Е. Особенности структурного и рангового анализа результатов устойчивого развития субъектов РФ // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 65–73.
2. Иншаков О.В., Шаркевич И.В., Шевандрин А.В. Анализ структурных изменений и перспектив развития региональных экономических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2006. № 10. С. 56–67.
3. Красильников О.Ю. Асимметричность структурного развития экономики регионов России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 384–390. doi: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-4-384-390> (дата обращения: 01.12.2021).
4. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости регионов РФ в 2019 году. Режим доступа: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/...Struktura19.xlsx (дата обращения: 01.12.2021).
5. Сборник Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 01.12.2021).
6. Сухарев О.С. Теория структурной динамики экономики: монография. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.

7. Ценностные ориентиры россиян и их соответствие приоритетам развития государства. Аналитический доклад Центра стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/f21/f211e47c0399a0c33c05a8c09002c4f3.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).
8. *Buletova N.E., Stepanova E.V., Sergany M.* Structural Analysis of Egyptian Economy: Trends in Service and Digitalization. AEBMR-Advances in Economics Business and Management Research. Vol. 83, p. 16–21. 2019.
9. *Clark, C.* The conditions of economic progress. London, Macmillan & Co LTD, New York St. Martin's Press. 1957. doi: 10.2307/3497513

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ «ЗЕЛЕННЫЕ» ЗАКУПКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ)

Кирюшин П.А., Емец Е.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. В рамках исследования анализируются государственные «зеленые» закупки (ГЗЗ) как инструмент экологической политики на национальном и региональном уровнях. Рассматривается международный опыт применения ГЗЗ, а также отечественная практика в этой области, определяется перечень возможных ограничений развития ГЗЗ в России. Проводится SWOT-анализ использования ГЗЗ в Камчатском крае, предлагается дорожная карта внедрения данного инструмента в регионе.

Ключевые слова: государственные «зеленые» закупки, SWOT-анализ, Камчатский край

Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Влияние новых технологий на глобальную конкуренцию на рынках сырьевых материалов», проект № 19-010-00782.

1. Государственные «зеленые» закупки. Переход к новым экономическим моделям устойчивого развития, таким как зеленая, циклическая, низкоуглеродная или регенеративная экономика — становится все более актуальным для стран и регионов. И Россия здесь не является исключением. Развитие международного и национального экологического регулирования, повышение запроса в обществе на здоровую окружающую среду, усиление природно-техногенных катаклизмов, распространение «зеленых» технологий — эти и другие факторы стимулируют экологизацию развития в нашей стране, в том числе и на региональном уровне [1, с. 4 (125)].

Значительным потенциалом в сфере экологического развития обладает инструмент государственных «зеленых» закупок (ГЗЗ). В самом общем виде ГЗЗ можно определить как разновидность государственных закупок, при реализации которых помимо стоимостных критериев происходит также использование критериев экологических [2, с. 7].

Внедрение инструмента ГЗЗ может быть связано с рядом возможностей для экологического развития нашей страны и регионов. Во-первых, финансирование государственных закупок имеет колоссальные размеры (совокупный объем госзакупок в 2020 году составил более 29 трлн рублей или 27% всего российского ВВП [3, с. 7]). Если хотя бы часть из этого финансирования будет направлена на приобретение более экологичных товаров или услуг, то это сможет дать существенный эколого-экономический эффект. Во-вторых, сам процесс государственных закупок можно и нужно рассматривать не просто как покупку товаров или услуг, но как инструмент реализации государственной политики. В этом свете государственные экологические задачи, стоящие как на федеральном, так и на региональном уровнях, могут выполняться посредством использования государственных закупок. В-третьих, госзакупки дают определенный сигнал для рынка — служат ориентиром для поставщиков товаров и услуг: какие товары производить и услуги поставлять. Это, соответственно, может способствовать развитию рынков более экологичных товаров и услуг.

Среди других возможных выгод от использования ГЗЗ отмечается повышение качества жизни населения, уменьшение затрат на покупку и эксплуатацию товаров (за счет того, что

экологичность часто сочетается с ресурсоэффективностью), развитие новых видов «зеленого» бизнеса, уменьшение стоимости экологичных товаров и услуг, улучшение их конкурентоспособности и т. д. [2, с. 8–12].

Рассматривая международный опыт, нужно отметить, что практически все страны-члены ОЭСР разработали стратегии и политики в сфере ГЗЗ, а 69% всех членов ОЭСР внедрило такие закупки и ведет их мониторинг [4]. Можно привести следующие примеры эффективности использования ГЗЗ на международном уровне [2, с. 8–12].

Благодаря закупкам более энергоэффективного и, соответственно, более экологичного освещения, метрополитену Лондона удалось на четверть уменьшить затраты в этой сфере.

В Вене за счет внедрения программы «зеленых» государственных закупок экономия на покупку отдельных химических средств составила около 40%.

При использовании ГЗЗ в некоторых регионах Италии был отмечен рост числа компаний, внедривших системы экологического менеджмента.

В Барселоне при закупках услуг по уборке улиц за 5 лет действия контракта был выявлен вклад этой деятельности в распространение информации о сортировке отходов.

Нужно отметить, что помимо «зеленых» государственных закупок, существуют также другие разновидности госзакупок, близкие по значимости. Например, циркулярные (или циклические) госзакупки (ЦГЗ), направленные на реализацию концепции циклической экономики – экономики замкнутого цикла. Данная концепция предполагает повышение ресурсоэффективности и уменьшение образования отходов на всем жизненном цикле товара или услуги, а также вовлечение отходов во вторичный оборот [5, с. 3 (84)]. В этом смысле ЦГЗ может являться частным случаем «зеленых» госзакупок, т. к. ГЗЗ в отличие от ЦГЗ предполагают уменьшение негативного воздействия на окружающую среду не только за счет повышения ресурсоэффективности. Более широкой по отношению к ГЗЗ является концепция устойчивых государственных закупок (УГЗ). Для УГЗ важным является достижение критериев не только экологической устойчивости (таких как требования к применяемым материалам, к переработке и захоронению отходов, к ограничению выбросов и т. п.), но и экономической устойчивости (требование экономии средств, учет стоимости жизненного цикла продукции, развитие инноваций и т. п.), а также социальной устойчивости (обеспечение занятости, забота о здоровье, поддержка местного производства и т. п.) [6, с. 6 (154)].

2. Государственные «зеленые» закупки в России. В России известные примеры прикладного внедрения ГЗЗ единичны. Так, примером попытки внедрения экологических требований к закупаемой продукции на уровне российского региона является Постановление Правительства г. Москвы № 332-ПП «Об экологических требованиях к качеству и техническим характеристикам продукции, закупаемой по государственному заказу города Москвы, и направлениях совершенствования систем экологической сертификации и аудита». Отдельные попытки внедрения инструментов ГЗЗ были сделаны также Комитетом по природопользованию, охране окружающей среды и экологической безопасности Правительства Санкт-Петербурга. При проведении конкурсных процедур по выполнению работ на объектах культурного наследия Комитет устанавливал критерий «соответствия экологическим нормам» при закупке моющих и чистящих средств. Также при закупке мебели в закупочной документации Комитета была практика установления требований об отсутствии опасных химических веществ в составе продукции, а при закупке материалов для печати эколого-просветительских работ – требование использования бумаги на 100% изготовленной из переработанного сырья [7, с 20].

Однако подобные разовые практики использования отдельных инструментов ГЗЗ не позволяют делать какие-либо выводы о возможной эффективности программ ГЗЗ в субъектах России. Более того, существуют примеры, которые показывают неоднозначную эффективность инструмента ГЗЗ в российских реалиях. В декабре 2017 года Мосгортранс объявил о конкурсе

на покупку 300 электробусов на сумму 32 миллиарда рублей: финансовая эффективность подобной закупки неоднократно критиковалась среди специалистов городской среды и транспорта [8].

В целом, на наш взгляд, можно выделить ряд трудностей внедрения ГЗЗ в России.

Недостаток методик оценки эколого-экономического эффекта внедрения ГЗЗ.

Сложность определения соотношения экологических и неэкологических государственных закупок в общем объеме.

Недостаток методик по комплексному внедрению ГЗЗ на уровне субъектов России.

Проблема выбора первоочередных категорий товаров и услуг для внедрения экологических критериев в государственные закупки.

Отсутствие единой организационной структуры осуществления и управления государственными «зелеными» закупками.

Низкая степень внедрения ГЗЗ в субъектах России может быть связана, в частности, с тем, что региональные органы исполнительной власти, в ведении которых находятся государственные закупки, не имеют специалистов экологических направлений, а также не обязаны в рамках своих полномочий выполнять задачи охраны окружающей среды. Функции экологической политики часто ограничиваются сферой компетенций одного профильного органа власти субъекта РФ (например, Министерства, Департамента или Комитет природных ресурсов и экологии субъекта). В то время как экологические аспекты выходят за рамки конкретного ведомства в субъектах России и должны быть учтены в широких сферах ведения государства и отраслях экономики. При разработке плана внедрения ГЗЗ требуется межведомственное взаимодействие, что уже существенно усложняет реализацию инициативы на уровне субъектов России.

3. Анализ перспектив реализации государственных «зеленых» закупок в Камчатском крае.

Выбор Камчатского края для анализа проблематики внедрения ГЗЗ на уровне отдельного субъекта России обусловлен, во-первых, стратегическим приоритетом перехода Камчатского края на путь зеленой экономики, во-вторых, начатыми действиями по внедрению инструмента ГЗЗ со стороны региональных органов государственной власти. ГЗЗ позволят ориентировать закупки на нужды устойчивого развития и охраны окружающей среды в рамках реализации зеленой повестки Камчатского края. При этом, вводя требования по эффективности и экологической безопасности закупаемых на общественные нужды товаров, Камчатский край должен не только обеспечить себя более качественной продукцией, но и сподвигнуть других поставщиков и производителей в регионе совершенствоваться в более энергоэффективном и экологичном направлении.

На сегодня Камчатский край обладает возможностью стать первым субъектом России, комплексно внедрившим ГЗЗ и оценившим эффект от системного внедрения. В таблице ниже представлен SWOT-анализ: сильные и слабые стороны, а также возможности и ограничения Камчатского края как субъекта для внедрения ГЗЗ.

На основании данного анализа разработан проект комплексного плана внедрения ГЗЗ в Камчатском крае (Рис. 1). К декабрю 2021 года Губернатором Камчатского края уже заявлено о приоритете экологического роста в регионе и внедрении принципов зеленых государственных закупок в регионе [10], проанализирована структура государственных закупок за 2019 и 2020 годы, следующий этап – выбор групп товаров и услуг для первоочередного внедрения ГЗЗ в регионе. Параллельно с данной работой предполагается запустить пилотный проект внедрения ГЗЗ по территориальному принципу: на уровне поселка Паратунка, который находится в инвестиционном туристическом кластере Камчатского края. Также запланированы мероприятия по развитию рынка и поддержке «зеленого» бизнеса (потенциальных поставщиков в регионе), которые готовы производить и предлагать продукцию по экологичным критериям. Помимо этого, планируется разработка методики оценки эколого-экономического эффекта внедрения ГЗЗ в Камчатском крае.

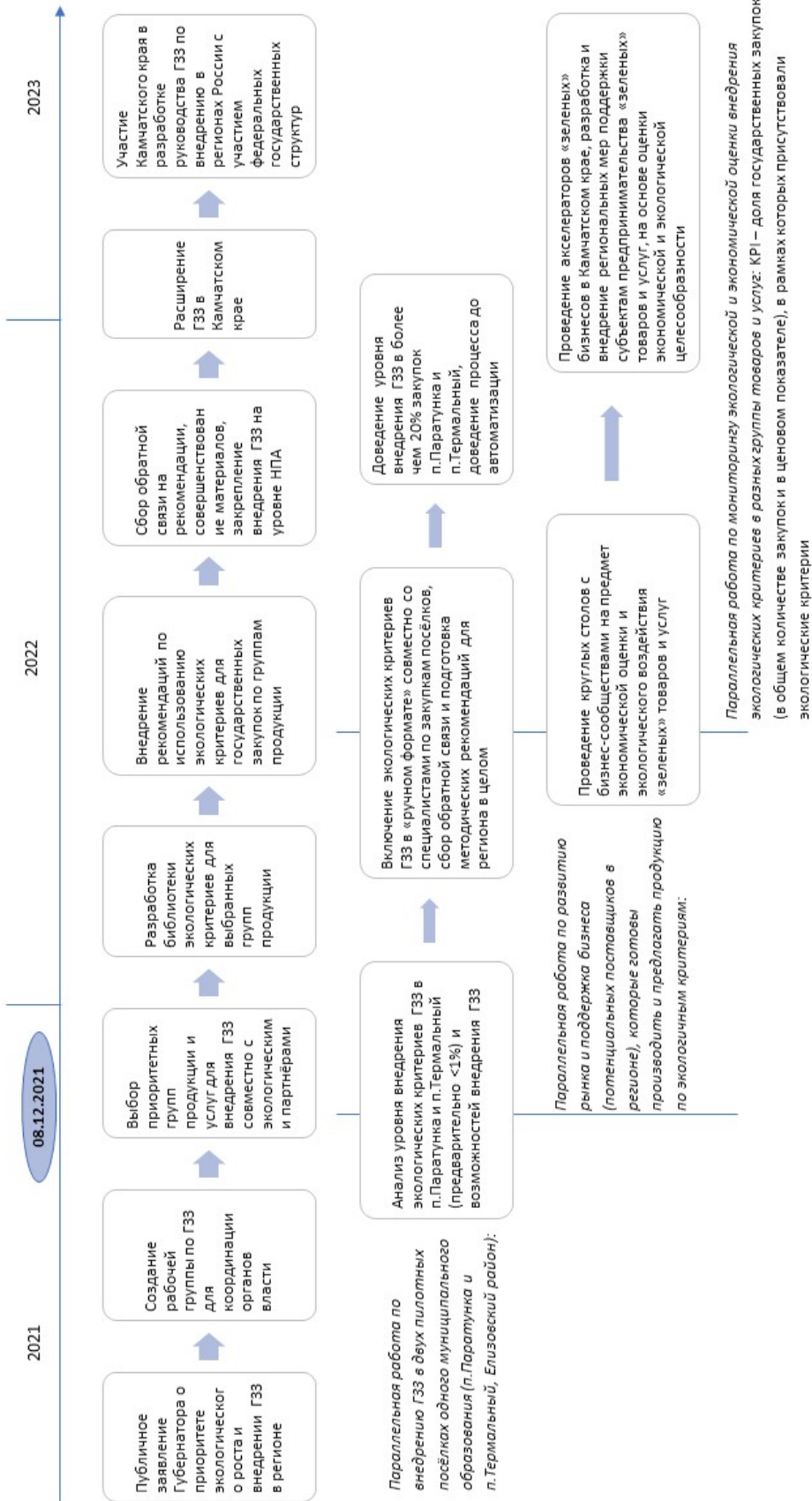

Рисунок 1. Проект комплексного плана внедрения Г33 в Камчатском крае на 2022–2024 гг.

Таблица 1. SWOT-анализ Камчатского края как субъекта России для внедрения ГЗЗ

<p>Сильные стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2035 года ставит одной из главных задач построение зеленой экономики: в каждый из разделов СЭС, независимо от отрасли экономики, включены положения устойчивого развития 2. Наличие политической воли для внедрения ГЗЗ (публичное заявление, создан экологический совет при Губернаторе Камчатского края, сформирована рабочая группа Правительства Камчатского края по вопросам экологии) 3. Развитие рынка «зеленого» бизнеса: Министерством инвестиций, промышленности и предпринимательства Камчатского края в 2021 году проведен акселератор «Зеленый бизнес» для субъектов малого и среднего бизнеса региона. 	<p>Слабые стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Относительно небольшой рынок товаров и услуг в регионе (население – 311 667 чел., количество организаций и ИП –18 988) [9] 2. Низкая доля переработки отходов в регионе 3. Высокая степень транспортной изоляции региона (большое транспортное плечо накладывает дополнительные парниковых выбросов) 4. Нехватка компетенций и обученных кадров в области ГЗЗ
<p>Возможности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Реализация региональной политики в области устойчивого развития 2. Камчатский край может стать одним из первых субъектов РФ, комплексно внедрившим «зеленые» закупки: площадка для апробации ГЗЗ и возможность для тиражирования опыта в другие регионы 3. Обеспечение более качественной продукцией 4. Стимулирование рынка «зеленой» продукции: поставщиков и производителей товаров и услуг на рынке региона 5. Не только снижение негативного воздействия на ОС, но также возможность уменьшить затраты бюджета 6. Привлечение внимания федерального центра к региону 	<p>Угрозы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие практики включения экологических критериев в закупки в Камчатском крае 2. Возможный рост цен на экологическую продукцию в регионе в связи с низким уровнем конкуренции на рынке 3. Неготовность государственных закупщиков к изменениям в процессе работы

4. Заключение. Государственные «зеленые» закупки обладают значительным потенциалом в сфере экологического развития государств и регионов. Пример стран-участников ОЭСР демонстрирует насколько значимым может быть данный инструмент для экологической политики. В России имеются отдельные попытки внедрения ГЗЗ, однако наша страна существенно отстает по уровню использования данного инструмента и пока не реализует соответствующие эколого-экономические возможности.

Камчатский край может стать лидером в сфере системного использования ГЗЗ и примером для других субъектов Российской Федерации. Для этого есть такие необходимые условия как приверженность региона ценностям экологического развития, политическая воля, заинтересованность соответствующих госструктур. Однако для внедрения ГЗЗ недостаточно просто выпустить нормативно-правовые акты. Важно вести работу с региональными органами исполнительной власти, обеспечивать развитие рынка «зеленых» товаров и услуг, взаимодействовать с общественными организациями.

Список литературы

1. *Кирюшин П.А.* Факторы экологически устойчивого развития и зеленой экономики в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2019. – № 1. – С. 122–138.

2. Государственные «зеленые» закупки: опыт правового регулирования и предложения по внедрению в России / Анчишкина О.В., Грачева Ю.А., Исмаилов Р.А., Кузнецова Е.М., Птичников А.В., Хмелева Е.Н. – Москва, Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2020 г. – 64 с.
3. *Головщинский К.И., Сабирова М.С., Давыдов М.И., Белогурова Е.Б., Ведерин И.В., Семенов В.А.* Система госзакупок в Российской Федерации – 2020. Ежегодный доклад / Рук.: А.Т. Шамрин. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021.
4. OECD. Green public procurement. URL: <https://www.oecd.org/gov/public-procurement/green/> (дата обращения: 14.01.2022).
5. *Шадрина Е.В., Алейникова И.С.* Циркулярная экономика и циркулярные закупки // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. – 2019. – № 56. – С. 82–87.
6. *Шадрина Е.В., Ромодина И.В.* Государственные закупки для устойчивого развития: международный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1. – С. 149–172.
7. Руководство по включению экологических критериев в государственные закупки. Критерии химической безопасности / Конттури К., Ланкинъеми С., Юлиуси Х., Кузнецова Е., Шадрина Е. Редакторы: Осипова Г., Суворова А. – СПб.: Экологический союз, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения, 2021. URL: <https://thinkbefore.eu/wp-content/uploads/2021/03/%D0%A0%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%BF%D0%BE-%D0%93%D0%97%D0%97.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).
8. Baza.io. «Глава дептранса Москвы Ликсутов признался в неэффективности электробусов». URL: <https://baza.io/posts/715f645d-1d7c-4375-b359-cf1b58e72308> (дата обращения: 14.01.2022).
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю. URL: <https://kamstat.gks.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).
10. Камчатский край. Официальный сайт. «Владимир Солодов: в перспективе Камчатка должна развиваться с основой на «зеленых» секторах экономики». URL: <https://www.kamgov.ru/news/vladimir-solodov-v-perspektive-kamcatka-dolzna-razvivatsa-s-osnovoj-na-zelenyh-sektorah-ekonomiki-36095> (дата обращения: 14.01.2022).

АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ДИАГНОСТИКИ УСТОЙЧИВОСТИ БИЗНЕСА

Климова И.О.

ОАО «РЖД»

Москва

Аннотация. Сегодня внешнюю среду организаций характеризует повышение уровня неопределенности. В текущих условиях основная задача менеджмента состоит в поддержании стабильности бизнеса на разных этапах его жизненного цикла. В статье рассматривается определение «устойчивости бизнеса» с позиции современных исследователей, национальных стандартов и зарубежных ассоциаций. Исследуются различные подходы к определению критериев устойчивости бизнеса. Особое внимание уделено результатам исследования, проведенного в сентябре 2021 года FERMA совместно с McKinsey & Company о роли риск-менеджмента в корпоративной устойчивости. Рассмотрены актуальность функции управления рисками в поддержании устойчивости бизнеса, ее роль и значимость для деятельности организации.

Ключевые слова: устойчивость бизнеса, риск-менеджмент, управление рисками

Понятие устойчивости бизнеса рассматривают современные ученые и исследователи. Так эксперт в области стратегического менеджмента и антикризисного управления Веснин В.Р. понимает устойчивость бизнеса как потенциал компании, направленный на непрерывную работу и развитие даже в условиях внешних и внутренних потрясений, ее возможность восстанавливать равновесие или переходить к более высокому состоянию, одновременно поддерживая качество и структуру (до определенных пределов) [5, с. 126].

Ильясов С.М. считает, что «устойчивость – это свойство системы возвращаться в равновесный или близкий к нему режим после выхода из него в результате какого-либо воздействия» [7, с. 7].

Воронина Д.А. описывает корпоративную устойчивость в виде стратегического подхода к управлению рисками, объединяющего различные подразделения и команды по всей организации, с целью обеспечения его непрерывности перед всеми вероятными видами рисков. Это предполагает изменение с учетом новых условий или обстоятельств, которые могут появиться после случайного события, вызывающего экономические или рыночные сбои (например, кибератаки, стихийные бедствия или разрушительный технологический прогресс). Именно здесь, по мнению Ворониной Д.А., «устойчивость бизнеса играет ключевую роль» [2, с. 359].

Согласно Harvard Business Review, устойчивость бизнеса – это возможность в короткие сроки восстанавливаться после инцидентов, на должном уровне адаптироваться к изменениям и развиваться дальше вопреки трудностям. Часто испытание устойчивости проверяется под воздействием различных факторов: стихийных бедствиях, человеческих ошибках, утечке способных кадров, пиковых потребностях в сервисах и даже сдвигах в самой технологии. Однако существует еще фактор – изменение рынка, вероятно представляющий бóльшую угрозу для бизнеса, чем вышеперечисленные, так как его проблематично спрогнозировать и заблаговременно к нему подготовиться [6].

В соответствии с ГОСТ Р 54147-2010 национальный стандарт Российской Федерации «Стратегический и инновационный менеджмент. Термины и определения» устойчивое развитие (sustainable development) – это долгосрочный, сбалансированный подход, обеспечивающий стабильную экономическую деятельность, экологическую ответственность и социальное развитие организации. Устойчивое развитие предприятия: процесс постоянных изменений, при котором использование ресурсов, направление инвестиций, научно-техническое развитие, внедрение

инноваций, совершенствование персонала и институциональные изменения согласованы друг с другом и направлены на повышение настоящего и будущего потенциала предприятия, удовлетворения его потребностей и достижения стратегических целей [1].

Последние достижения научных работ экономистов позволили Евдокимовой Н.Ю. вычленить современную идею устойчивого развития, базирующуюся на системе экономических, экологических и социальных индикаторов (Рисунок 1). Аналогичные критерии устойчивости бизнеса определены в ГОСТ Р 54147-2010 и в работе Ворониной Д.А.

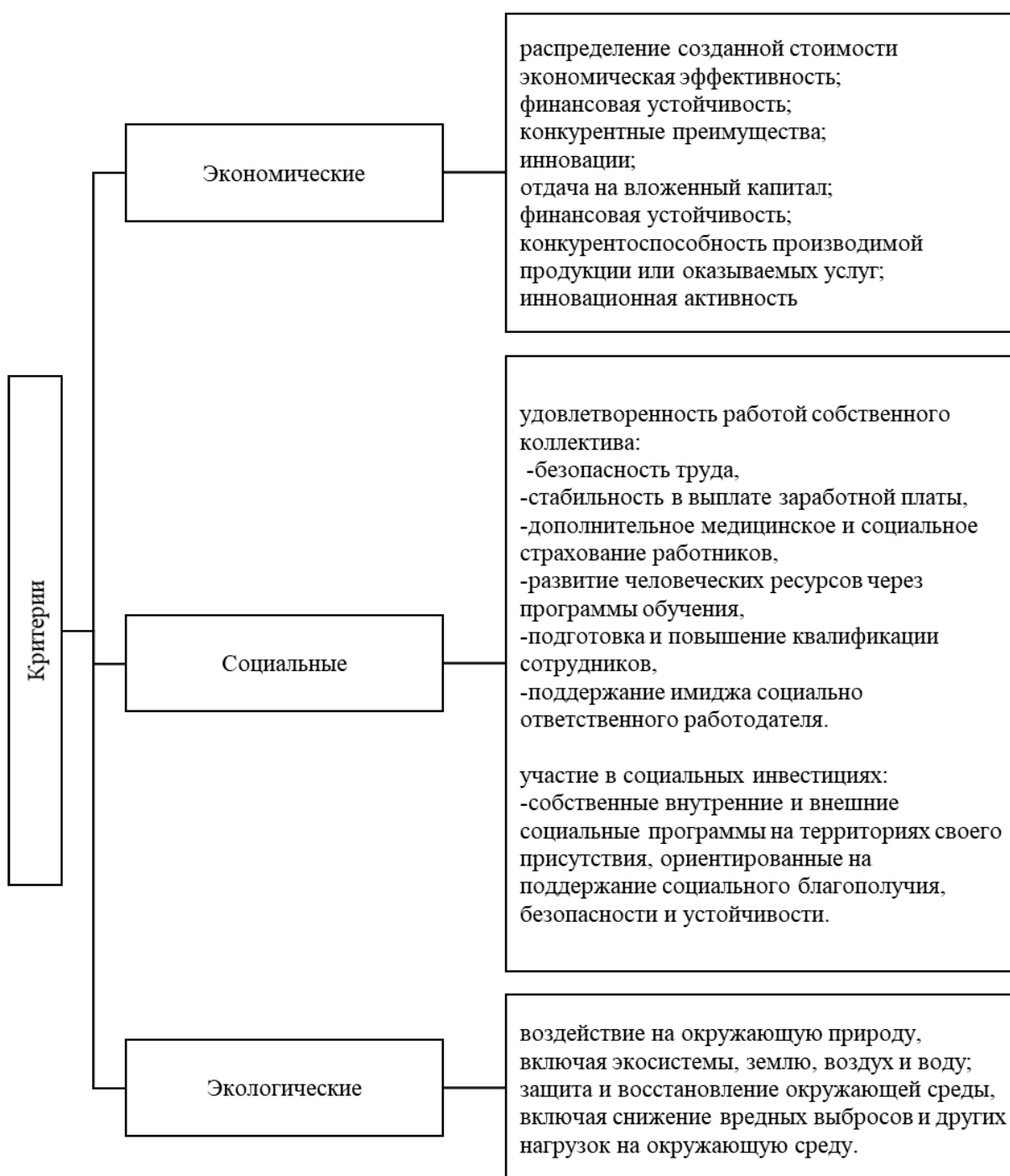

Рисунок 1. Система индикаторов устойчивости бизнеса Евдокимовой Н.Ю. [5, с. 127]

Дробот Е.В. в своей работе выделяет в числе основных международных индексов: Индекс устойчивости Доу-Джонса, Индекс FTSE4Good, Индекс Ethibel, Индекс глобальных вызовов (Global Challenges Index) и индекс MSCI World ESG. Он отмечает «в последнее время также возросло значение и индексов, применяемых только на региональном уровне, например, таких как Индекс устойчивости DAXglobal Sarasin Sustainability Germany Index EUR, Индекс STOXX Global ESG Leaders, Индексы устойчивости STOXX, Глобальный индекс альтернативной энергетики, Индекс акций эмитентов, этичных с точки зрения папы Римского (Stoxx Europe Christian Index), Индекс корпоративной устойчивости Hang Seng».

Основной целью индексов устойчивости, по мнению Дробот Е.В., является установление эффективности компаний, отвечающим определенным критериям устойчивости, и предоставление инвесторам эталонного показателя SRI (Socially Responsible Investment, «инвестиции в устойчивую ответственность»). Главная задача – развивать социально и экологически ответственные инвестиции.

В работе Дробот Е.В. приводит анализ частоты использования критериев устойчивости в индексах корпоративной социальной ответственности, выделяя 32 критерия устойчивости, в числе которых: здоровье и безопасность (частота – 75%), корпоративное управление (67%), отчетность о результатах корпоративной социальной ответственности (67%), трудовые и профсоюзные отношения (67%), предотвращение загрязнения (67%), обучение и образование (50%), инновации (42%), права человека (42%), соблюдение законодательства (33%), управление рисками (25%), отношение с клиентами и поставщиками (25%) и пр. В ходе анализа мы установили, что здоровье и безопасность относятся к более распространенным критериям устойчивости. Кроме того, внутренние отношения сотрудников, трудовые отношения и предотвращение загрязнения также важны для целей обеспечения устойчивости [4].

В соответствии с анализом, проведенным Дробот Е.В., управление рисками в качестве критерия устойчивости бизнеса используется с относительно низкой частотой 25%. Однако, развитие процесса управления рисками на предприятиях будет способствовать росту устойчивости.

В сентябре 2021 года был опубликован доклад Федерации европейских ассоциаций по управлению рисками (FERMA) о роли риск-менеджмента в корпоративной устойчивости. FERMA совместно с McKinsey & Company опросили специалистов по рискам и страхованию, а также руководителей высшего звена по всему миру летом 2021 года. Цель исследования: установить текущее представление о роли риска и страхования в повышении устойчивости бизнеса.

Таблица 1. Определение устойчивости бизнеса респондентами опроса в докладе Федерации европейских ассоциаций по управлению рисками (FERMA) о роли риск-менеджмента в корпоративной устойчивости

Термин	Определения
Устойчивость бизнеса	естественная способность решительно реагировать на кризисы и потенциальные деструктивные события, сводя к минимуму ущерб и повышая возможности
	расширенные возможности для бизнеса, преемственность и антикризисное управление, динамический анализ сценариев и планирование, устойчивость баланса и оперативная маневренность
	готовность продолжать предоставлять товары и услуги клиентам независимо от того, насколько внешний контекст изменяется или ухудшается
	способность противостоять ударам, кризисам и крупным событиям; достижение целей и задач
	обеспечение непрерывности бизнеса и обслуживание клиентов

Большинство участников опроса считают, что их организации обладают достаточной устойчивостью. В то же время они планируют разработать мероприятия для ее поддержания, например, в области совершенствования организационной культуры риска, а также стратегических целей, развиваясь в таких областях, как возможности прогнозирования и устойчивость бизнеса.

Организаторы попросили участников опроса дать определение понятию устойчивость бизнеса применительно к их организации. Респонденты высказали разные мнения, выявив что устойчивость – термин, используемый для обозначения широкого круга элементов, областей действий, возможностей и целей (Таблица 1).

Опрос FERMA также был направлен на оценку устойчивости структур и процессов в каждой организации с использованием девяти категорий устойчивости (Таблица 2). Эти категории включают возможности предвидения (сценарии и стресс-тестирование), которые позволяют организациям моделировать и количественно оценивать влияние на бизнес общего или отраслевого сценария.

Таблица 2. Направления устойчивости бизнеса и их критерии в докладе FERMA о роли риск-менеджмента в корпоративной устойчивости

Направление устойчивости	Критерии устойчивости
Финансовая устойчивость	Высокая маржа, низкие постоянные затраты, сильный баланс, денежные резервы, доступ к рынку капитала, возможности хеджирования
Оперативная устойчивость	Управление непрерывностью бизнеса, гибкость персонала и производства, разнообразие и прозрачность цепочки поставок
Цифровая и технологическая устойчивость	Цифровая стратегия и управление рисками, кибербезопасность и разработки
Организационная устойчивость	Целеустремленность, открытость к изменениям, возможность переподготовки, простая и гибкая структура
Положение на рынке	Сильная позиция на рынке, разнообразный портфель доходов, возможности слияния и поглощения
Репутация, бренд и покупатели	Подлинная репутация, ценность бренда, доверие заинтересованных сторон, социальные сети
Цель и согласование ESG	Экологические, социальные и управленческие критерии, встроенные в цель, видение и стратегия; экологические цели; социальные и этические стандарты; надежное управление
Возможности предвидения	Систематический сбор внутренней и внешней информации; сценарий на основе моделирования и стресс-тестирования
Сбои и кризисные меры	Критерии запуска формирования оперативной группы, протоколы кризисного реагирования, стратегические мероприятия

По результатам опроса были определены области устойчивости, которые организации считают наиболее подходящими и актуальными для них. Так финансовая, операционная и цифровая/технологическая устойчивость считаются наиболее важными областями устойчивости во многих компаниях различных отраслей экономики. Более 60% респондентов считают эти три области устойчивости очень актуальными. Область «Возможности предвидения» по результатам опроса наименее актуальна с точки зрения устойчивости бизнеса (отметили 25% респондентов). Сбои и кризисные меры рассматриваются как более актуальные, по сравнению с возможностью предвидения (отметили 43% респондентов).

В целом, большинство респондентов (57%) на высоком уровне оценивают возможности организации и эффективность ее инструментов для поддержания устойчивости бизнеса и только 10% оценивают способность компании управлять устойчивостью как низкую.

Организаторы опроса предложили респондентам оценить, насколько функция управления рисками участвует в поддержании устойчивости бизнеса компаний. В области операционной, цифровой и технологической деятельности было отмечено высокое участие функции управления рисками, однако, она чаще всего берет на себя ведущую роль в направлении «Сбои и кризисные меры». Для более чем трех из десяти опрошенных управление рисками совершенно не участвует в таких направлениях как положение на рынке, репутация, бренд и покупатели.

Большинство участников опроса отметили, что функция управления рисками все более важна в устойчивости бизнеса, особенно в координации с другими подразделениями (Рисунок 2). Три четверти респондентов в ближайшее время планируют провести в компаниях мероприятия по совершенствованию риск-культуры в области обеспечения устойчивости бизнеса и достижения стратегических целей. Они не ожидают, что взаимодействие с внешними заинтересованными сторонами, включая регулирующие органы, сыграют важную роль в усилении устойчивости бизнеса. Это означает, что разработанные ими мероприятия по повышению устойчивости будут направлены на совершенствование внутренних процессов компаний. В то время как почти половина респондентов планирует расширить взаимодействие с советом директоров для повышения устойчивости бизнеса, а более двух из пяти респондентов в ближайшее время не планируют уделять внимание вопросам устойчивости бизнеса.

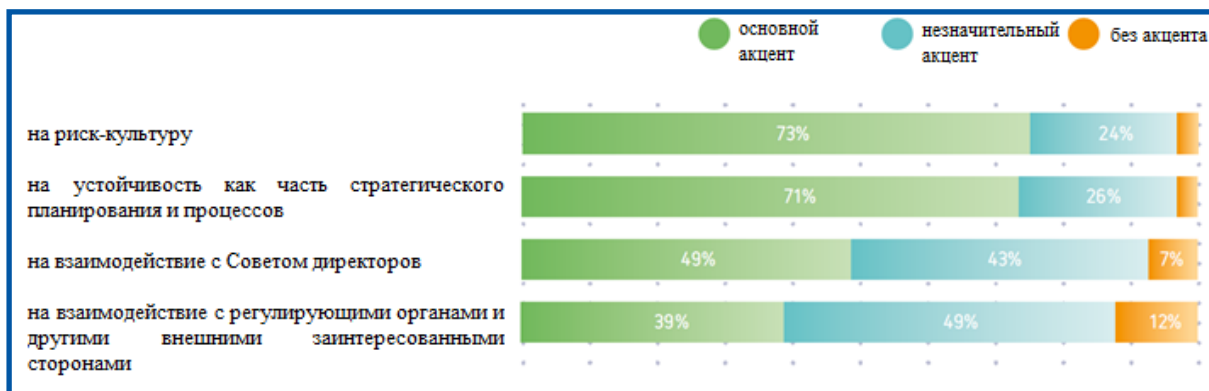

Рисунок 2. Результаты опроса «На что вы рассчитываете в будущем сделать больший упор для укрепления устойчивости бизнеса?» [10]

При этом риск-менеджеры в интервью организаторам опроса FERMA подчеркивают важность информирования Совета директоров о необходимости предоставления содержательной отчетности о рисках, выполнения сценарного анализа для улучшения процесса принятия решений. Наконец, недавние трудности ведения бизнеса в условиях пандемии показали важность функции управления рисками и области поставок, совершенствования цифровых данных и киберпространства [10].

Рост и развитие компаний, модернизация их бизнес-процессов способствуют наращиванию ценностей, которые при наступлении неблагоприятных событий могут быть подвержены полной или частичной утрате. В виду данных обстоятельств значимость риск-менеджмента резко возрастает. В свою очередь менеджмент определяет задачи в области управления рисками, опираясь на установленные в компании цели, имеющиеся у нее ресурсы и отношение компании к рискам. К элементам ключевой стратегии процесса управления рисками можно отнести быстрое и своевременное реагирование на нестабильность развития экономики, исследование и внедрение методов и инструментов принятия управленческих решений, направленных на сохранение и повышение устойчивости бизнеса, а также адаптацию к нестабильной среде. Менеджмент

нацелен не только на сохранение достигнутого уровня и равновесия, сколько на разработку мер по стабилизации бизнеса, рассчитанных на перспективу. По отношению к основной деятельности организации процесс управления рисками рассматривается как вспомогательный и не освобождает компанию от рисков. Он допускает вероятность реализации неблагоприятных последствий рисков с минимальным ущербом для хозяйственной деятельности.

Построение системы управления рисками включает ряд этапов: идентификацию и классификацию рисков, оценку рисков, организацию информационного обеспечения процесса управления рисками, мониторинг и прогнозирование рисков. Выбор методов и мер, применяемых на первых этапах внедрения системы зависят от масштабов и особенностей деятельности компаний. Так применение качественного метода идентификации рисков предоставляет возможность выявить факторы, увеличивающие метрики риска. В свою очередь количественный анализ при оценке рисков направлен на определение точки безубыточности, проверку устойчивости компании и позволяет смоделировать изменение ситуации в компании при реализации риска как с учетом разработанных мер по минимизации рисков, так и при их отсутствии.

На каждом этапе жизненного цикла бизнеса можно выделить присущие им риски, кроме того, в зависимости от этапа уровни рисков также будут различаться. На этапе устойчивой и стабильной работы организации целесообразно осуществлять «рутинное» управление рисками. Оно включает в себя формально проводимые как текущую управленческую работу процедуры и мероприятия по минимизации рисков. Ситуативный риск-менеджмент целесообразно осуществлять при возникновении форс-мажорных обстоятельств или при изменении модели ведения бизнеса. Он может быть реализован при запуске в компании нового проекта или новой линейки продуктов, открытии новых филиалов и представительств, при переходе от одного этапа жизненного цикла к другому и пр. [8, с. 73–74].

Функция управления риском не ориентирована на полное избавление от рискованных событий. В первую очередь необходимо предотвратить реализацию критических и катастрофических рисков, которые способны оказать влияние на безопасность бизнеса, его устойчивость, непрерывность развития и могут привести к необратимым последствиям. Также следует минимизировать воздействие негативных факторов, то есть обеспечить приемлемый уровень рисков.

Устойчивость бизнеса можно трактовать как «возможность поддерживать показатели хозяйственной деятельности в заданных пределах в течение определенного периода времени». С учетом этого одной из главных задач процесса управления рисками становится сохранение устойчивости функционирования бизнеса, снижение вероятности отклонений системы ведения бизнеса от заданных целей. В современных условиях возрастающей неопределенности бизнес может успешно развиваться при достижении и поддержании своей устойчивости, как основы непрерывности его развития, а риски могут не только привести к сбоям в деятельности организации, но и полностью ее остановить. Качество и эффективность работы менеджмента, в том числе в области управления рисками обеспечивает надежный уровень устойчивости организации [9, с. 37–38].

Список литературы

1. ГОСТ Р 54147-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Стратегический и инновационный менеджмент. Термины и определения. (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.12.2010 № 901-ст) URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.12.2021).
2. *Воронина Д.А.* Корпоративная социальная ответственность как залог устойчивости современного бизнеса / Д.А. Воронина, Е.В. Попова // Modern Science. – 2020. – № 11-1. – С. 358–361.

3. *Донцова Л.В.* Финансовое оздоровление и внутренний контроль в кризисных условиях (методология и практика) / Л.В. Донцова, М.М. Шарамко, Г.Ф. Галиуллина. – Москва: Русайнс, 2017. – 156 с.
4. *Дробот Е.В.* Анализ критериев устойчивости, используемых в современных индексах корпоративной социальной ответственности // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2021. – Том 2. – № 3. URL: <https://1economic.ru/lib/112090> (дата обращения: 03.12.2021).
5. *Евдокимова Н.Ю.* Измерение устойчивости бизнес-организации / Н.Ю. Евдокимова, Д.А. Мамыкина // Вестник современных исследований. – 2018. – № 5.4 (20). – С. 125–127.
6. *Журавлев А.* Устойчивость бизнеса: как пережить потрясения рынка. URL: <https://www.itweek.ru/digitalization/article/detail.php?ID=199496> (дата обращения: 01.12.2021).
7. *Ильясов С.М.* Устойчивость банковской системы: механизмы управления, региональные особенности: учеб. пособие для студ. вузов. М.: ЮНИТИ-Дана, 2001. 255 с.
8. *Карт А.М.* Риск-менеджмент в системе обеспечения экономической устойчивости компаний. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Карт Александр Моисеевич. – Москва, 2015. – 165 с.
9. *Ряховская А.Н.* Риск-менеджмент - основа устойчивости бизнеса / А.Н. Ряховская, О.Г. Крюкова, М.О. Кузнецова. – Москва : ООО «Издательство МАГИСТР», 2019. – 256 с.
10. FERMA. The role of risk management in corporate resilience. 2021 Survey Report. URL: https://www.ferma.eu/app/uploads/2021/09/FERMA-Resilience-Report-fina_CL_27.09.pdf (дата обращения: 02.12.2021).

ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Малькова И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва

Аннотация. Автор раскрывает сущность ответственного потребительского поведения, определяет различия между человеком экономическим и социальным, выявляет причины, требующие отказа от целей и ценностей общества потребления, выделяет конкретные проявления и последствия социальной ответственности в потребительском поведении. В статье отражена степень востребованности идей и целей устойчивого развития среди российских потребителей, намечены основные пути формирования новой потребительской культуры. Автором охарактеризованы роль государства и конкретные инструменты решения обозначенных проблем, противоречия в деле достижения гармоничного сочетания экономического роста с целями сохранения окружающей среды, повышения качества жизни и социального прогресса.

Ключевые слова: ответственное потребление, устойчивое развитие, российские потребители, социальная ответственность, потребительское поведение

В настоящее время наша цивилизация переживает не самые легкие времена в своей истории. По данным Университета Джона Хопкинса, в начале ноября 2021 г. общее число смертей во всем мире, вызванное пандемией коронавируса превысило отметку 5 млн [1]. Пандемия нанесла серьезный удар по экономике, сократив мировое производство в 2020 г., по данным ООН, на 3,6%, а в зоне стран с развитой экономикой – на 5,0% [2].

При этом пандемия сначала несколько отвлекла внимание от других масштабных и серьезных проблем, которые грозят человечеству гибелью. Эти проблемы стали настолько очевидными, что появилось мнение о начале апокалипсиса. Речь идет об обострении противоречия между экономикой и экологией, кризисных явлениях, которые заключаются в исчерпании ресурсов, загрязнении окружающей среды и климатических изменениях. Более глубокое осмысление происходящего привело многих к мысли о том, что пандемия может быть своеобразным наказанием людям за хищническое отношение к природе. Все в этом мире взаимосвязано, сокращение экономической активности в результате жестких локдаунов привело к наглядным положительным сдвигам в состоянии окружающей среды.

Озабоченность в связи с негативными последствиями стремления к безудержному экономическому росту возникла еще несколько десятилетий назад. Она закономерно привела к возникновению и развитию концепции устойчивого развития. Вехами ее формирования послужили следующие события.

Доклад «Пределы роста», подготовленный группой ученых Массачусетского технологического института под руководством Д. Медоуза по поручению Римского клуба (1972 г.).

Создание ООН в 1983 г. Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (комиссии Брунланда, WCED) в связи с растущей озабоченностью «по поводу быстрого ухудшения состояния окружающей среды, человека и природных ресурсов, и последствий ухудшения экономического и социального развития». Введение комиссией в оборот термина «устойчивое развитие» (sustainable development).

Принятие участниками Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Декларации, которая призвала «ограничить и ликвидировать нежизнеспособ-

собные модели производства и потребления» для «достижения устойчивого развития и более высокого качества жизни для всех людей».

Принятие в марте 2000 г. в Париже в штабе ЮНЕСКО Хартии Земли, содержащей идеи устойчивого развития.

Принятие в сентябре 2000 г. 55-й сессией Генеральной Ассамблеей ООН (Ассамблеей Тысячелетия) Декларации, провозгласившей высокие принципы мирового развития в новом тысячелетии.

Проведение в 2002 г. в Йоханнесбурге Всемирного саммита по устойчивому развитию, по результатам которого «сотрудничество» было выдвинуто как метод достижения устойчивости.

Принятие в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН итогового документа «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

В настоящее время нет единого общепризнанного определения сути концепции устойчивого развития. Но если обобщить имеющиеся в официальных документах и научных публикациях трактовки, то в современном понимании она представляет собой:

– общественную модель, в которой наблюдается гармония экономической, социальной и экологической сфер;

– стратегию развития цивилизации, которая предполагает решение экономических и социальных проблем при условии сохранения окружающей среды;

– процесс изменений, в котором использование природных ресурсов, направления НТП, развитие личности и институциональные изменения согласованы в целях удовлетворения человеческих потребностей и устремлений.

Концепция устойчивого развития затрагивает в конечном итоге интересы всех и каждого, ее воплощение в жизнь предполагает комплексный подход, сотрудничество в международном масштабе, а на уровне отдельной страны – объединение усилий государства, бизнеса, всех членов общества.

В документе, принятом Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г. были сформулированы взаимосвязанные 17 целей и 169 задач, имеющих прямое отношение к воплощению в жизнь идей устойчивого развития. Двенадцатая цель – рациональное производство и потребление.

Что собой представляет рациональное производство в современном понимании более-менее ясно. В контексте рассматриваемой проблематики это добровольное или принудительное внедрение и распространение в практике бизнеса принципов и инструментов корпоративной социальной ответственности, которая в итоге обеспечивает разделение ценностей между бизнесом, обществом и государством. Что такое рациональное потребление пока не совсем ясно, проблема еще в научном плане недостаточно изучена.

Сначала о терминологии. На англоязычном сайте и в документах ООН используются термины «рациональное потребление» и «устойчивое потребление» как синонимы (в названии цели фигурирует *responsible consumption*, а в ее описании – *sustainable consumption*). Но в дословном переводе на русский язык термин «устойчивое потребление» не в полной мере передает и даже искажает смысл понятия. Поэтому у нас чаще его переводят как «ответственное», «осознанное», «сознательное», «рациональное потребление».

В классической экономической теории рациональность – черта, присущая *homo economicus* (человеку экономическому), эгоисту, цель которого заключается в максимизации получаемой выгоды в виде прибыли (для предпринимателя) и суммарной потребительской ценности (для потребителя).

Этот персонаж в эпоху общества потребления с присущей ему системой ценностей, когда потребление, будучи поставлено во главу угла, трансформировалось в потребительство, с развитием маркетинговых технологий так называемой «быстрой моды», стал подвержен новым видам зависимости – шопоголизму и лого- или брендомании, влиянию эффекта так называемой

«быстрой моды» (быстрого обновления предлагаемого производителями и продавцами ассортимента одежды и аксессуаров). Экономист-эколог Тим Джексон описал это часто цитируемой фразой: «Нас убедили тратить деньги, которых у нас нет, чтобы оставить впечатление, которое не продлится долго, на людей, которые нам не важны» [3]. С ростом благосостояния в цивилизованных странах человек все больше стал превращаться в существо, напоминающее персонаж романа «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, — кадавра неудовлетворенного.

Обычно экологические проблемы ставят, и не без оснований, в вину бизнесу. Однако, в экономике все взаимосвязано, как известно, спрос и предложение взаимодействует друг с другом. Как безудержный экономический рост, так и *перепотребление* (или *сверхпотребление*) ведут к одним и тем же негативным последствиям для природы.

Под перепотреблением принято понимать потребление, превышающее нормальные потребности, сверх «необходимого» или «здорового» потребления, ведущее к уменьшению ценности потребляемого и в итоге к снижению качества жизни. Речь идет о приобретении товаров не потому что они действительно нужны, а под воздействием эмоциональных мотивов потребительского поведения, потому что модно, престижно или просто потому, что хочется. Перепотребление — феномен, известный с древности, но если прежде «перепотреблять» удавалось лишь узкому кругу лиц, то сегодня потреблять больше чем нужно, стало нормой для достаточно широких масс населения в развитых странах. Если раньше негативные последствия перепотребления сказывались главным образом в виде деградации личности, то в наши дни это гораздо более далеко идущие и масштабные последствия, которые настоятельно требуют перехода к иной модели потребительского поведения. В наше время перепотребление проявляется не только в увеличении потребления одних и тех же экономических благ, но и в существенном и не всегда оправданном росте потребления различных их видов, без некоторых из них можно было бы вполне обойтись.

Необходимость перехода к новой модели потребительского поведения обусловлена негативными последствиями перепотребления для природы. Приведем только несколько фактов.

Если население планеты, в соответствии с имеющимся прогнозом, достигнет 9,6 млрд человек к 2050 г., потребуются ресурсы трех планет Земля, чтобы обеспечить всех всем необходимым [3].

Производство продуктов питания связано с высоким энергопотреблением, вырубкой лесов, увеличением выбросов парниковых газов и чрезмерным использованием воды. При этом более 930 млн тонн продовольствия, проданного в мире в 2019 г., не было реально употреблено, а оказалось в мусорных баках [4]. В США выбрасывается около 40% всей производимой пищи.

Сегодня потребители покупают в два раза больше одежды, чем 20 лет назад и носят ее в два раза меньше. В одной только Москве ежегодно на полигонах оказывается более 450 тыс. тонн одежды. По данным Фонда Эллен Макартур, общий объем выбросов парниковых газов, связанных с производством текстиля, составляет 1,2 млрд тонн в год — больше, чем от всех международных рейсов и морских перевозок вместе взятых. По прогнозам, уже к 2050 г. на текстильную промышленность будет приходиться четверть мирового углеродного следа [5].

Ежедневно человек на планете в среднем выбрасывает 2 кг хлама, а это значит, что человечество выбрасывает до 16 млн тонн мусора каждый день. По прогнозам, к 2050 г. полиэтиленовых пакетов в мировом океане будет больше, чем рыбы [6].

По всему миру ежеминутно продается около 1 млн пластиковых бутылок. В 2018 г. в мире было произведено 24,2 млрд пар обуви, при производстве которой используется несколько видов пластика и других материалов, которые практически не перерабатываются. 60% пластика, большая часть которого поступает из пищевой промышленности, попадает на свалки или в водоемы.

Каждый год генерируется 50 млн тонн электронных отходов. По прогнозам, к 2050 г. этот показатель достигнет 120 млн тонн. Электронные отходы выделяют высокотоксичные химиче-

ские вещества, воздействующие как непосредственно на место их хранения, так и на осуществляющих их переработку людей [7].

Согласно данным ЮНЕП (UNEP – United Nations Environmental Programme) от 2021 год, каждый житель России выбрасывает в год 33 кг продовольственных товаров [4]. Происходит это по разным причинам, чаще из-за истечения срока годности продуктов. По данным Росстата, выбрасывается в среднем 25% купленных фруктов, 15% мясных консервов и 20% картофеля и муки [8].

В России за год образуется 70 миллионов тонн бытового мусора – в 10 раз больше веса пирамиды Хеопса [9]. По данным Росприроднадзора, российские свалки занимают площадь 4 млн гектаров, то есть 40 тысяч кв. км. Это равно площади Нидерландов или Швейцарии. Территория, занятая мусором, увеличивается на 400 тысяч гектаров ежегодно [10].

Ответственное потребление и бережное отношение к природе как черта потребительского поведения – необходимые составляющие в решении задач устойчивого развития. В документах Симпозиума по устойчивому потреблению в Осло (Норвегия, 1994 г.), данная потребительская модель была определена как «использование услуг и сопутствующих продуктов, которые отвечают основным потребностям и обеспечивают более высокое качество жизни, одновременно сводя к минимуму использование природных ресурсов и токсичных материалов, а также выбросы отходов и загрязняющих веществ в течение жизненного цикла услуги или продукта, чтобы не подвергать риску потребности будущих поколений» [3]. Это означает, что ответственное потребление должно соответствовать одновременно экономическим, экологическим и социальным критериям. С одной стороны, оно должно обеспечивать удовлетворение базовых потребностей людей и повышение качества их жизни, с другой стороны, оно должно отвечать требованиям социальной справедливости и учитывать права потребителей, при этом оно призвано устранить прямую взаимосвязь между экономическим ростом и обострением экологическим проблем.

В 1995 г. идея и принципы ответственного потребления были закреплены в Руководстве ООН по защите прав потребителей. Организация экономического сотрудничества и развития в 1997 г. посвятила ему отдельный доклад – «Содействие ответственному потреблению». ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде) запустила в 1998 г. особую Программу по ответственному потреблению. Правление и Совет Всемирной организации потребителей выбрали тему «Рациональный потребитель» в качестве темы Всемирного дня прав потребителей 15 марта 2020 г.

Понятие *«ответственный потребитель»* предполагает, что человек осознанно выбирает, какие продукты и в каком количестве он приобретает. Принимая повседневные решения, делая свой выбор, он несет ответственность как перед собой и своими близкими, так и перед обществом. Он должен думать не только об удовлетворении своих потребностей, но и о том, как оно скажется на жизни будущих поколений. На смену человеку экономическому должен прийти человек социально ответственный.

Единых методик, позволяющих оценить уровень ответственного потребления, на сегодняшний день не существует. Применяется ряд индикаторов, которые позволяют оценить влияние всех видов деятельности людей (производства и потребления) на окружающую среду. Это, например, так называемый «экологический след», который представляет собой площадь биологически продуктивной территории (акватории), которая требуется для производства потребляемых ресурсов и поглощения (хранения) отходов. Этот показатель рассчитывается Международным научно-исследовательским институтом Global Footprint Network (GFN, Глобальная сеть экологического следа). Считается, что около 70% следа является результатом потребления домохозяйств [11]. Есть и попытки разработки соответствующей системы показателей в отдельных странах. Так, авторы Плана действий Швеции к таким показателям отнесли количество людей с избыточным весом, долю на рынке продуктов органического происхождения, использование энергии для отопления на единицу площади.

В специальной литературе принято выделять два типа ответственного потребления – «слабое» (weak) и «сильное» (strong) [3].

«Слабое» ответственное потребление основано на добровольном собственном выборе потребителя. Считается, что изменения в потребительском спросе приведут в итоге к соответствующей перестройке производства, переводу его на «зеленые рельсы». Принципы «слабого» ответственного потребления включают:

- выбор товаров, которые могут нанести меньше всего вреда окружающей среде как в связи с их производством, так и в связи с их употреблением;
- выбор товаров, которые могут нанести меньше всего вреда здоровью;
- выбор товаров, срок службы и годности которых выше;
- выбор товаров с учетом разделения ценностей, наличия выгоды для покупателя, продавца и производителя;
- приобретение только того, что действительно необходимо;
- предпочтение ремонта, аренды, обмена, приобретения уже бывших в употреблении вещей, а не покупки новых;
- минимизация бытовых отходов и отдельный сбор мусора.

Эти общие принципы были детализированы в ряде особых концепций и конкретных практических рекомендациях. Особое внимание в них уделяется проблеме мусора. Например, по всему миру получило распространение движение Zero Waste (дословно «ноль отходов» или «ноль потерь»), которое призывает придерживаться в быту «правила пяти R» (Refuse – отказаться от того, без чего можно обойтись; Reduce – сократить то, что мы используем; Reuse – использовать продукты повторно; Recycle – сортировать мусор; Rot – отправлять на компост органику).

Идеи «слабого» ответственного потребления вызывают немало вопросов и возражений. Например, критики замечают, что развитие потребностей – закономерный процесс, двигатель экономического и социального прогресса, их сознательное ограничение может привести к деградации цивилизации. Обращается внимание на наличие так называемого «эффекта отдачи» (деньги и ресурсы, сэкономленные на приобретении одних товаров, направляются на приобретение других). Остается под вопросом разумное количество вещей, которое нужно для нормального образа жизни. Некоторые, как американец Дейв Бруно, считают, что вполне достаточно обладать 100 личными предметами. Но многие ли готовы к такому, достаточно аскетичному образу жизни? Понятие здорового потребления также размыто. Насколько полезно для здоровья, например, вегетарианство? Или еще один факт: выращивание популярного в наши дни полезного авокадо чревато вырубкой лесов для расширения плантаций и требует большого количества воды.

Тем не менее, результаты специальных исследований свидетельствуют о серьезных сдвигах в потребительском поведении. Идеи ответственного потребления становятся все популярнее, особенно среди молодежи в Европе. Так, по имеющимся прогнозам, мировой рынок подержанных товаров, удвоится в ближайшие 5 лет и достигнет \$77 млрд в 2020 г. доля респондентов, ответивших, что у них есть подержанные товары или они готовы покупать их, составила 86% (в 2016 г. эта доля составляла 45%). Ожидается, что к 2030 г. продажи на рынке одежды секонд-хенд будут в 2 раза превышать продажи новых товаров «быстрой моды». 45% миллениалов и представителей поколения Z утверждают, что отказываются покупать товары у производителей и продавцов, не придерживающихся принципов устойчивого развития. 42% руководителей организаций розничной торговли заявили, что перепродажа станет важной частью их бизнеса в течение 5 лет [12].

Однако, скептики считают, что многих потребителей беспокоят проблемы окружающей среды, но не так много тех, кто реально готов отказаться от комфорта и излишеств. Кто даст гарантию, что молодежь, повзрослев, не изменит свои приоритеты? Исследователи также отмечают расхождение между декларациями и реальными делами (значительная часть потребителей,

участвующих в исследованиях в качестве респондентов, сообщают о своей приверженности к эко-товарам, но на самом деле они еще не готовы реально покупать их из-за более высокой цены). Весьма критично относятся к идее ограничения потребления и представители бизнес-сообщества, поскольку видят в нем барьер для дальнейшего роста бизнеса. Противоречие между интересом капитала, по природе своей стремящегося к самовозрастанию, и интересами общества налицо.

Еще одна очевидная проблема, которая стоит на пути перехода к новой модели потребительского поведения – неравномерное распределение общественного богатства и доходов между странами и внутри отдельных стран. Призывать к рациональному потреблению людей, живущих менее чем на \$1,9 в день (таков критерий бедности Всемирного банка), по меньшей мере неэтично. На 1/5 часть населения мира (экономически развитые страны) приходится 86% потребления, в то время как на другую 1/5 (страны третьего мира) – около 1%. Более 800 млн чел. не получают достаточного количества пищи для удовлетворения своих ежедневных потребностей, при этом 650 млн жителей планеты страдают от ожирения [13, с. 66].

Даже энтузиасты соглашаются, что «слабое» ответственное потребление, в лучшем случае, может лишь отдалить разрушительные последствия противоречия между экономикой и экологией. Поэтому ученые и специалисты по устойчивому развитию начали говорить о «сильном» типе устойчивого потребления, который труднее реализовать, но эффект от него ощутимее и продолжительнее.

В «сильном» типе фокус смещается на то, как ресурсы распределены среди населения, насколько они общедоступны. Этот тип предполагает изменение самой системы потребления и потребительских ценностей, в которой ощущение человеком благополучия и счастья не зависит исключительно и главным образом от количества располагаемых материальных благ. То, что подобная модель теоретически осуществима, демонстрирует опыт королевства Бутан, где вместо общепринятого в мировой практике показателя ВВП используется собственный показатель ВНС (Валовое национальное счастье). Интересы государства и граждан в этой стране сосредоточены не только на удовлетворении основных нужд, но направлены на поддержание способности человека сохранять душевное равновесие и радоваться самым простым вещам – радуге, улыбке ребенка, которые способны обогатить душу намного больше, чем удовлетворение материальных потребностей. Идеи ВНС с приоритетом духовных ценностей стали сутью жизненной философии жителей Бутана. Они получили распространение и стали популярными и за его пределами. Была создана международная коалиция ВНС, в которую вошли исследовательские организации ряда стран. Генеральная ассамблея ООН 2011 г. приняла резолюцию, согласно которой счастье должно стать «показателем развития страны».

«Сильное» ответственное потребление предполагает также активное государственное регулирование отношений и процессов в рассматриваемой области. Это не только воспитательное воздействие на потребителей с помощью коммуникационных инструментов, включения рассматриваемой проблематики в образовательные стандарты, но и использование административных и экономических инструментов, способствующих переходу к новой модели потребительского поведения. К последним, например, относят учет стоимостной оценки негативного влияния на окружающую среду (например, выбросов углекислого газа) в ценах товаров.

Ответственное потребление – одно из проявлений так называемой «циркулярной экономики», в которой во главу угла поставлено бережное отношение к ресурсам, масштабное использование технологий вторичной переработки.

На сегодняшний день в России число «новых» потребителей скромнее, чем в зарубежных цивилизованных странах, но это число неуклонно растет. Согласно данным ежегодного глобального исследования потребительского поведения PwC «Трансформация потребителя» (2020 г.), российские потребители «уделяют все больше внимания всему, что связано со здоровьем, а также вопросам экологии и устойчивого развития». 41% респондентов в России ответили, что по мере

возможности ориентируются на сокращение использования пластика; 27% – на товары, у которых меньше упаковки; для 28% опрошенных важен учет принципов устойчивого развития при формировании рациона питания. Однако, хотя среди российских потребителей обеспокоенность вопросами экологии выразили 80% респондентов, платить больше за товары и услуги, не оказывающие негативного воздействия на окружающую среду, готовы лишь 47%. Одни не настроены жертвовать комфортом и привычным образом жизни ради формирования привычек экологически ответственного поведения, другие не готовы платить больше из-за ограниченности финансовых ресурсов [14]. Результаты проведенного в 2018 г. российским экобюро GREENS опроса показали, что прочими барьерами на пути распространения в нашей стране потребительской экологической культуры являются сложность поиска экотоваров (63,9% опрошенных заявили, что необходимые товары трудно найти, их поиск и получение отнимают слишком много времени и усилий), а также обилие псевдоэкологических товаров (отметили 45,2% респондентов) [15]. Недостаточное внимание уделяется рассматриваемой проблеме на уровне государства. Национальный проект «Экология» в отношении ответственного потребления ограничивается вопросами раздельного сбора мусора.

Безусловно, сохраняющееся существенное неравенство в распределении доходов среди россиян и низкий уровень жизни значительной части населения, признаваемые руководством страны в качестве первостепенной проблемы, серьезно тормозят распространение принципов ответственного потребления в нашей стране. По данным Росстата за III квартал 2021 г., число россиян, живущих за чертой бедности, составило 16 млн человек (11% населения). На тот момент официальная граница бедности определялась среднедушевым доходом в 12 770 руб. в месяц для трудоспособного населения, 9727 руб. для пенсионеров и 11 591 руб. для детей [16]. При этом, в соответствии с оценками *Forbs*, к началу 2021 г число долларовых миллиардеров в стране достигло 123 (их суммарное состояние составило рекордную сумму в \$663 млрд [17]). Сверхпотребление отечественных олигархов на фоне недопотребления существенной доли россиян социально несправедливо и препятствует достижению оптимальных темпов роста экономики, которая пока сохраняет характер «догоняющей».

На основании доклада ученых из ряда стран «Предупреждение ученых о достатке», в 2020 г. Всемирным экономическим форумом были сделаны выводы о том, что изобилие и чрезмерное потребление – самая большая угроза в мире, обеспечение устойчивого развития требует значительно изменить образ жизни, а не надеяться только на более эффективное использование ресурсов. Борьба с чрезмерным потреблением должна стать приоритетом. Этот новый взгляд на будущее получил название «великой перезагрузки» капитализма». При признании определенной противоречивости целей устойчивого развития допускается возможность синергии и компромиссов в их рамках [18].

В заключение можно сказать, что философский вопрос «иметь или быть?» в наше время наполнился новым смыслом, поскольку речь идет о сохранении человеческой цивилизации. Одним из его условий является переход к циркулярной экономике, предполагающей новую модель потребительского поведения. В решении данных вопросов активную роль должно играть государство, которое помимо использования экономических инструментов воздействия должно заниматься масштабной воспитательной и просветительской работой, используя систему образования, СМИ и лидеров мнений. Необходимыми представляются и определенные ограничения использования маркетинговых инструментов манипулятивного характера, способствующих импульсивным покупкам.

Список литературы

1. Johns Hopkins University. Coronavirus resource center. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 10.12.2021).

2. Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Мировое экономическое положение и перспективы по состоянию на середину 2021 года. Доклад. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/2021/60> (дата обращения: 10.12.2021).
3. *Лаукканен А.* Жизнь для всех: ответственное потребление – реальная модель развития мира. URL: <https://bellona.ru/2020/01/28/zhizn/> (дата обращения: 5.01.2022).
4. ЮНЕП: человечество теряет треть производимого продовольствия. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398022> (дата обращения: 5.01.2022).
5. *Приказчикова А. Сенская Н.* Модный и неуглеродный. Об устойчивых практиках в моде XXI века. URL: <https://bellona.ru/2020/03/05/modnyj-i-neuglerodnyj/> (дата обращения: 5.01.2022).
6. Осознанное потребление: забота о будущем или модный тренд. URL: <https://mentamore.com/socium/osoznannoe-potreblenie.html> (дата обращения: 10.12.2021).
7. Об изменении глобальной модели потребления. URL: https://potrebinforms.ru/vse_novosti/novosti_ob_izmenenii_globalnoj_modeli_potrebleniya/ (дата обращения: 5.01.2022).
8. *Куликов С.* Объелись фруктами. Около четверти купленной еды россияне выбрасывают на помойку // Российская газета. Федеральный выпуск. 26.01.2017. № 18 (7184). URL: <https://rg.ru/2017/01/26/skolko-kuplennoj-edy-rossiiane-vybrasyvaiut-na-pomoyku.html> <https://rg.ru/2017/01/26/skolko-kuplennoj-edy-rossiiane-vybrasyvaiut-na-pomoyku.html> (дата обращения: 5.01.2022).
9. Greenpeace. Что делать с мусором в России? URL: <https://greenpeace.ru/wp-content/uploads/2019/10/report-RUSSIA-GARBAGE.pdf> (дата обращения: 6.01.2022).
10. *Суханов А.* Определены перспективы решения проблемы свалок мусора. URL: https://www.vremyan.ru/analytics/opredeleny_perspektivy_resheniya_problemy_svalok_musora.html (дата обращения: 6.01.2022).
11. Экологический след человека – что это и почему это плохо. URL: <https://green-club.ru/ecosled/>
12. 2021 Resale Report. URL: https://www.thredup.com/resale/?__cf_chl_jschl_tk__=EdZYmLjTrtsJn2M4U8EpqlmtM7i14pKgRnGogqJnDI-1641411959-0-gaNycGzNCGU (дата обращения: 6.01.2022).
13. *Ивановский Б.Г.* Перспективы достижения устойчивого потребления: концепции и инструменты // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 2. С. 64–82.
14. Изменения в поведении потребителей в «новых рыночных реалиях» приводят к ускорению тенденций в формировании нового подхода к работе с покупателями. Глобальное исследование потребительского поведения за 2020 год: Россия. URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/assets/pwc-global-customer-insights-survey-2020-russia-ru.pdf> (дата обращения: 6.01.2022).
15. Результаты опроса «Почему и как покупатели выбирают экотовары?» URL: https://ecounion.ru/pochemukakpokupatelivybirayutekotovary/?fbclid=IwAR12RQACp_7B0yhFwb-wbrISA_w9fTsTxMjSHZjZX3yskUEJveSZ9zdWMy4 (дата обращения: 6.01.2022).
16. Росстат пересчитал число живущих за чертой бедности россиян. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/12/03/898946-rosstat-pereschital-chislo-zhivuschih-za-chertoj-bednosti-rossiyan> (дата обращения: 14.01.2022).
17. 200 богатейших бизнесменов России – 2021. Рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes> (дата обращения: 14.01.2022).
18. Why it's time to start talking about consumption equality/ URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/02/consumption-equality-wealth-equality-fair-society/> (дата обращения: 14.01.2022).

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ ЭНЕРГИИ В МИРЕ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

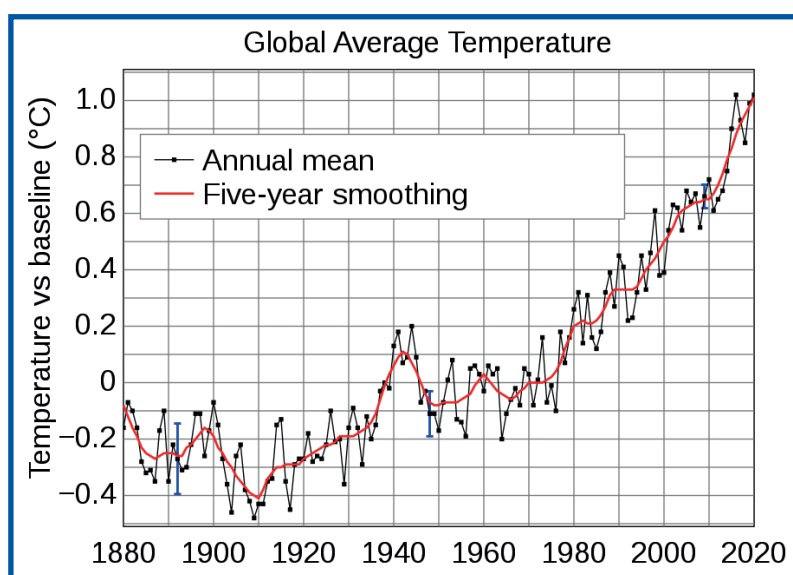
Митина Н.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Определены различные факторы влияния на климатические флуктуации, приводящие к глобальному потеплению. Автором построена матрица данных с 1990 по 2020 гг. с 9 переменными. Парный корреляционный анализ показал, что 1) Мировая добыча газа, интенсифицированная в последние годы сланцевой революцией, осуществляемая методом гидроразрыва пласта, особенно сильно влияет на парниковый эффект; и 2) Все мировое производство по-прежнему зависит от потребления нефти и газа. Факторный анализ показал, что 1) выявлены два фактора, влияющие на рост глобальной температуры. Фактор 1 можно охарактеризовать как «Фактор хозяйственной активности населения»; и 2) Фактор 2 – «Фактор воздействия солнечной активности на климатические отклонения от нормы нашей планеты» является вторичным.

Ключевые слова: первичная энергия, глобальные климатические процессы, глобальное потепление

В настоящее время все мировая общественность озабочена климатическими флуктуациями, связанными с современным глобальным ростом температуры приземного воздуха (Рисунок 1).

**Рисунок 1. Глобальный индекс температуры суши и океанов.
Отклонение среднегодовой приземной температуры воздуха от нормы (°C) [1]**

Как видно из рисунка 1, за последние 140 лет отклонение глобальной среднегодовой приземной температуры воздуха от нормы превысило 1,2 °C. Повышенное внимание уделяется источникам этого потепления, в первую очередь эмиссиям парниковых газов антропогенного происхождения. В мировой экологической практике ежегодно учитываются и публикуются в открытой печати суммарные выбросы углекислого газа (CO₂), производящие в мире отдельными странами в процессе их хозяйственной деятельности, которые затем суммируются. Согласно ежегодным отчетам British Petroleum, самые большие объемы выбросов углекислого газа отмечаются у КНР, на втором месте – США, на третьем в этом списке – Индия [2].

Таблица 1. Ежегодные выбросы CO₂: мировые и Китайской Народной Республике (КНР)

Годы	Выбросы CO ₂ КНР Млн. т	Выбросы CO ₂ Млн. т	Годы	Выбросы CO ₂ КНР Млн. т	Выбросы CO ₂ Млн. т	Годы	Выбросы CO ₂ КНР Млн. т	Выбросы CO ₂ Млн. т
1990	2520,0	22700,0	2000	3560,0	24900,0	2010	8145,8	31291,4
1991	2635,0	23100,0	2001	4077,0	25200,0	2011	8827,2	32172,5
1992	2750,0	22400,0	2002	4594,0	25700,0	2012	9004,2	32504,0
1993	2865,0	22600,0	2003	5111,0	27000,0	2013	9247,4	33071,2
1994	2980,0	22800,0	2004	5628,0	28200,0	2014	9293,2	33140,7
1995	3095,0	23300,0	2005	6145,0	29200,0	2015	9279,7	33206,1
1996	3210,0	23900,0	2006	6661,6	29430,1	2016	9279,0	33361,1
1997	3325,0	24100,0	2007	7223,9	30481,9	2017	9466,4	3726,9
1998	3440,0	24000,0	2008	7362,3	30800,4	2018	9652,7	34351,1
1999	3555,0	24200,0	2009	7692,5	30145,3	2019	9810,5	34356,6
						2020	9899,3	32284,1

Как видно из таблицы 1, суммарные ежегодные выбросы CO₂, превысив 30 млрд т, возрастают год от года, кроме 2020 г., вследствие глобального кризиса, повлекшего сокращение мирового производства. Исключение составил Китай и ряд других стран, например, Иран, которые и в 2020 г. продолжали наращивать свою производственную деятельность, ориентируя свою экономику на внутреннее потребление.

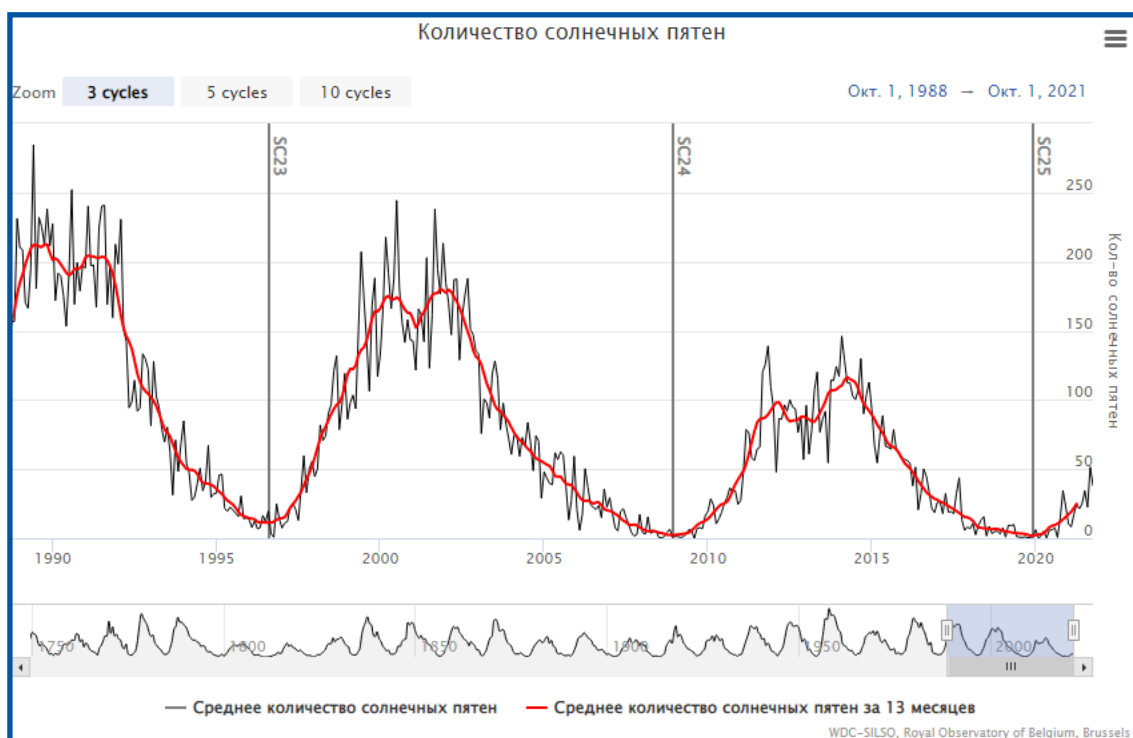

Рисунок 2. Количество солнечных пятен [5]

Долгое время считалось, что антропогенные выбросы парниковых газов исчезающе малы по сравнению с выбросами природного происхождения, а именно извергающимися вулканами. Однако в настоящее время имеется ряд публикаций, в частности британской Геологической службы, утверждающих, что выбросы субаэральных (наземных) вулканов в сумме в 120–150 раз меньше антропогенных и составляют от 130 до 440 млн т CO_2 /год. Более того, извержения вулканов затеняя атмосферу, охлаждают землю и тем самым замедляют глобальное потепление. Однако охлаждающий эффект исчезает быстрее, чем парниковый, вызванный CO_2 , который остается в атмосфере в течение сотен лет [3].

Еще один природный показатель, по мнению гелиогеофизиков, влияющий на различные природные процессы на нашей планете, это ежегодно изменяющаяся активность солнца, так как «... доказано что в разные годы солнечная активность может оказывать на климат разное влияние» [4], представленная в работе с 1990 по 2020 г. (рисунок 2). Солнечная активность имеет одиннадцатилетнюю цикличность, однако отмечено, что амплитуда этих циклов за последний тридцатилетний период уменьшается.

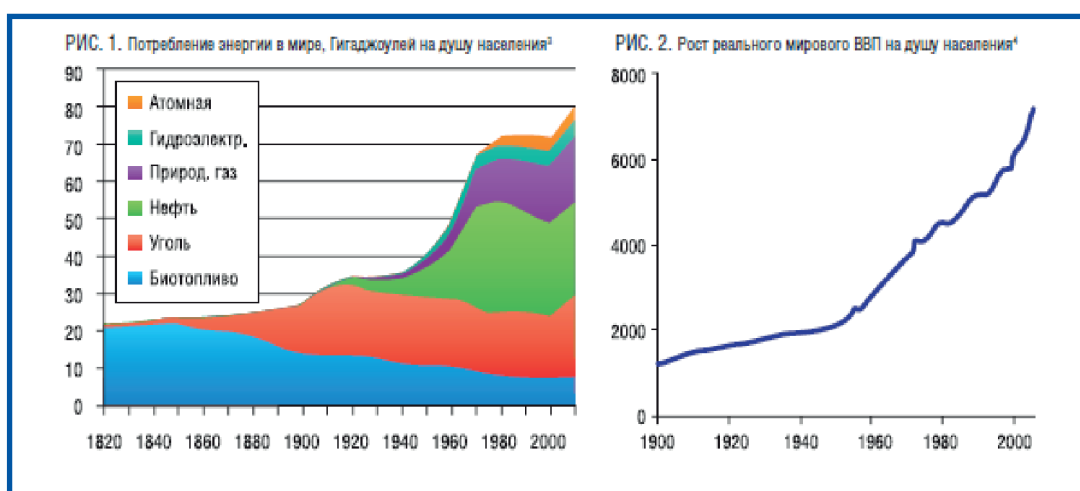

Рисунок 3. Потребление энергии в мире (гигаджоулей на душу населения) [6, с. 21]; б – рост реального мирового ВВП на душу населения, трлн долл. США 2014 г. [7, с. 18]

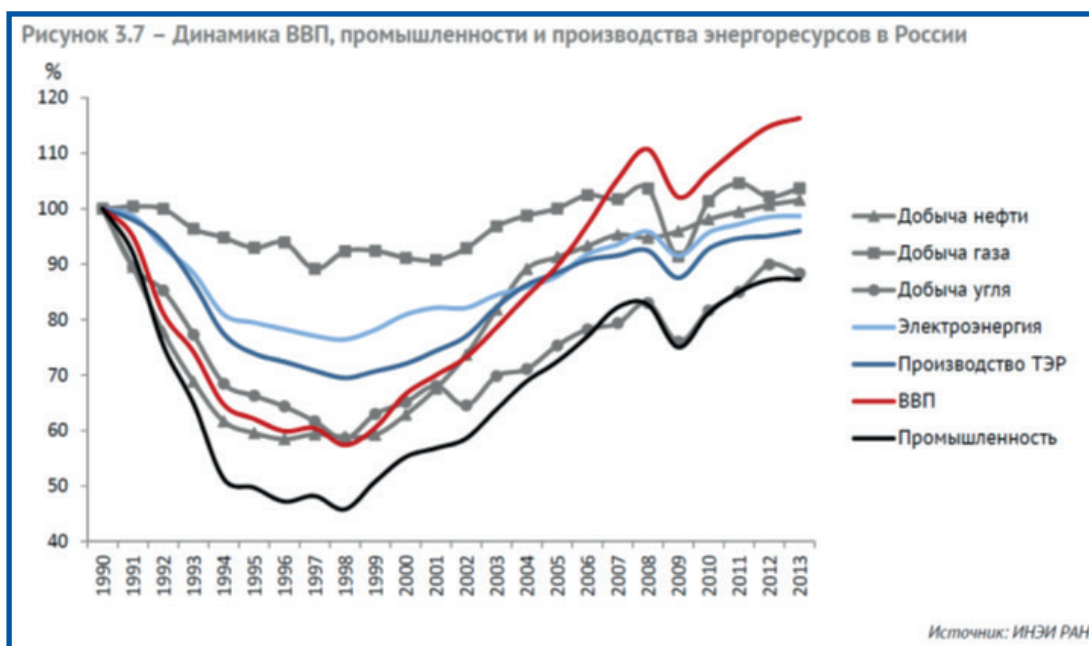

Рисунок 4. Динамика ВВП, промышленности, производства топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) и добычи углеводородов (нефти, газа, угля) в России [6, с. 121]

Известно, что, тем больше страны мира потребляют первичной энергии – тем больше развито их и мировое производство. Иллюстрация к закону представлена на рисунке 3. Рост же потребления энергии сопровождается добычей углеводородов – нефти, газа, угля, необходимых для ее производства (рисунок 4). Исключение составляет лишь Япония, которая после 2005 года при постоянном, хотя и незначительном росте валового внутреннего производства (ВВП) понизила энергопотребление за счет внедрения энергосберегающих технологий.

В связи с вышеизложенным, целью данной работы было выявление основных источников природного и антропогенного происхождения, влияющих на глобальное потепление климата. Для этого с помощью методов математической статистики (парного корреляционного анализа и факторного анализа методом главных компонент) была проанализирована взаимозависимость ряда основных показателей, влияющих прямо и/или косвенно на глобальные климатические процессы, собрав их в единую матрицу за 31 год (с 1990 по 2020 гг.), но при этом исключив данные, характеризующие выбросы вулканов. Для этого автором была составлена матрица, которая включает следующие переменные: глобальный индекс приземной температуры атмосферного воздуха суши и океанов (отклонения температуры от нормы в °С), глобальное потребление первичной энергии (млн т.н.э./год), мировая добыча нефти (млн т/год) и газа (млрд м³/год), мировое ВВП (трлн/\$ по ППС), суммарные мировые выбросы CO₂ (млн т/год), производство атомной энергии и гидроэнергии (млн т.н.э./год) и количество солнечных пятен за год. Полученную матрицу проанализировали методом парного корреляционного анализа (таблица 2). Анализ корреляционной матрицы показал, что большая ее часть имеет значимые показатели $r > 0,7$, следовательно, представленные расчеты репрезентативны.

Получено, что значимые положительные корреляции ($r > 0,7$) связывают «переменную отклонение температуры от нормы (°С)» с переменными «глобальное потребление первичной энергии» ($r=0,89$), «мировая добыча нефти» ($r=0,90$) и газа ($r=0,91$), «мировое ВВП» ($r=0,86$), «выбросы CO₂» ($r=0,87$), «производство гидроэнергии» ($r=0,89$). Особенно велик коэффициент корреляции между «отклонением температуры от нормы» и «мировой добычей газа»: $r=0,91$. Т.О. можно сделать вывод, что мировая добыча газа, интенсифицированная в последние годы сланцевой революцией, преимущественно осуществляемая в США методом гидроразрыва пласта, особенно сильно влияет на рост выбросов парниковых газов, так как является наиболее вредным с экологической точки зрения видом добычи полезных ископаемых.

Переменные «производство атомной энергии» и «количество солнечных пятен» имеют среднюю значимость, их $0,7 > r > 0,3$. Следовательно, влияние атомной энергетики на стимулирование парникового эффекта минимально и меньше, чем общепризнанная в качестве альтернативной, гидроэнергетика. Итак, гидроэнергетика вошла в общий пул отраслей промышленного производства, способствующих потеплению климата, что ранее было отмечено только на локальном уровне, так как известно, что гидростанции сбрасывают подогретые воды, способствуют эвтрофированию воды, замедляя течения рек и перемалывая в своих турбинах фито- и зоопланктон. В представленной работе, вклад в суммарный парниковый эффект крупных и средних гидроэлектростанций, развитых по всему миру, впервые продемонстрирован на глобальном уровне с весьма значительным показателем коэффициента корреляции ($r=0,89$).

Отмечается прямая положительная зависимость ($r > 0,9$) показателя потребления первичной энергии с Var4 – мировым ВВП, Var5 – выбросами CO₂ и Var6 – мировой добычей газа. Согласно данным показателям, все мировое производство и, соответственно, глобальный уровень благосостояния народов мира по-прежнему зависят от потребления невозобновляемых источников энергии, что приводит к постоянно возрастающим выбросам парниковых газов. Единственный путь сокращения выбросов CO₂ при условии сохранения устойчивого роста мирового ВВП – повсеместное внедрение энергосберегающих технологий во все отрасли мирового хозяйства.

Таблица 2. Корреляционная матрица переменных Correlations (Spreadsheet1)
Marked correlations are significant at $p < ,05000$ $N=31$ $R > 0,7$

	Var1	Var2	Var3	Var4	Var5	Var6	Var7	Var8	Var9
Var1	1,00	0,89	0,90	0,86	0,87	0,91	0,64	0,89	-0,42
Var2	0,89	1,00	0,98	0,99	0,99	0,99	0,67	0,98	-0,49
Var3	0,90	0,98	1,00	0,95	0,98	0,97	0,74	0,95	-0,48
Var4	0,86	0,99	0,95	1,00	0,98	0,98	0,59	0,98	-0,48
Var5	0,87	0,99	0,98	0,98	1,00	0,97	0,68	0,96	-0,48
Var6	0,91	0,99	0,97	0,98	0,97	1,00	0,66	0,99	-0,48
Var7	0,64	0,67	0,74	0,59	0,68	0,66	1,00	0,58	-0,45
Var8	0,89	0,98	0,95	0,98	0,96	0,99	0,58	1,00	-0,48
Var9	-0,42	-0,49	-0,48	-0,48	-0,48	-0,48	-0,45	-0,48	1,00

где

Var1 – глобальный индекс температуры суши и океанов. Отклонение среднегодовой приземной температуры воздуха от нормы (°C);

Var2 – потребление первичной энергии (млн т.н.э./год);

Var3 – добыча нефти (млн т/год);

Var4 – мировое ВВП (трлн/\$ по ППС за год);

Var5 – выбросы CO₂ (млн т/год);

Var6 – мировая добыча газа (млрд м³/год);

Var7 – производство атомной энергии (млн т.н.э./год);

Var8 – производство гидроэнергии (млн т.н.э./год);

Var9 – среднегодовое количество солнечных пятен.

Затем был проведен факторный анализ методом главных компонент, показавший два основных фактора, влияющих на рост глобальной температуры (таблица 3). Фактор № 1, имеющий максимальную нагрузку на факторную матрицу ($p=89,4\%$) объединил все показатели, характеризующие добычу невозобновляемых энергоресурсов (Var3 и Var6 – добыча нефти и газа), производство источников энергии (первичной, атомной и гидроэнергии) и результаты этой деятельности (мировое ВВП и выбросы CO₂). Учитывая перечень переменных, вошедших в данный фактор, его можно охарактеризовать как фактор хозяйственной активности населения. Примечательно, что в данный фактор вошла и переменная, характеризующая производство атомной энергии, хотя в корреляционной матрице данный показатель не был значимым. Тем не менее, на графике проекции переменных на факторную плоскость (рисунок 4) данная переменная находится в другом квадранте и на некотором расстоянии от остальных, и вклад ее в факторную матрицу имеет наименьшее по сравнению с другими значение (0,72).

В Фактор № 2 вошла единственная переменная, характеризующая солнечную активность, но поскольку он имеет весьма незначительную нагрузку на факторную матрицу ($p = -9,4\%$), данный фактор можно считать несущественным. Т.О., можно сделать предположение, что воздействие солнечной активности на климат нашей планеты – весьма сложный процесс, который не может быть описан прямыми взаимодействиями.

Таблица 3. Факторная матрица данных

Factor coordinates of the variables, based on correlations (Spreadsheet1)
Active and Supplementary variables *Supplementary variable(Marked loadings are $>,700000$)

	Factor 1	Factor 2
Var2	-0,992902	-0,105715
Var3	-0,984221	-0,062292
Var4	-0,975671	-0,139459
Var5	-0,985779	-0,095425
Var6	-0,987101	-0,112156
Var7	-0,728644	0,288450
Var8	-0,971280	-0,142956
Var9	0,562319	-0,774989
*Var1	-0,893732	-0,093916

Выводы

1) С помощью корреляционного и факторного анализов проанализировано взаимодействие ряда основных переменных, прямо и/или косвенно влияющих на глобальные климатические процессы. Данные переменных с 1990 по 2020 гг. были собраны в единую матрицу. Среди них: глобальный индекс приземной температуры атмосферного воздуха суши и океанов (отклонения температуры от нормы в °С), глобальное потребление первичной энергии (млн т.н.э./год), мировая добыча нефти (млн т/год) и газа (млрд м³/год), мировое ВВП (трлн/\$ по ППС), суммарные мировые выбросы CO₂ (млн т/год), производство атомной энергии и гидроэнергии (млн т.н.э./год) и среднегодовое количество солнечных пятен.

2) Парный корреляционный анализ показал, что:

а) Мировая добыча газа, интенсифицированная в последние годы сланцевой революцией, и осуществляемая в США преимущественно методом гидроразрыва пласта, особенно сильно влияет на рост выбросов парниковых газов, так как с точки зрения охраны окружающей среды является наиболее вредным видом добычи полезных ископаемых.

б) Все мировое производство и, соответственно, глобальный уровень благосостояния населения, по-прежнему тесно связаны с использованием невозобновляемых источников энергии – нефти и газа.

в) Гидроэнергетика вошла в общий пул отраслей промышленного производства, способствующих потеплению климата, что ранее было отмечено только на локальном уровне, так как известно, что гидроэлектростанции сбрасывают подогретые воды, и тем самым способствуют эвтрофикации воды, замедляя течения рек и перемалывая в своих турбинах фито- и зоопланктон. В представленной работе, вклад в суммарный парниковый эффект крупных и средних гидроэлектростанций, развитых по всему миру, впервые продемонстрирован на глобальном уровне с весьма значительным показателем коэффициента корреляции ($r=0,89$).

3) Факторный анализ исследуемых переменных, проведенный методом главных компонент, показал, что

а) Выявлены два фактора, влияющие на рост глобальной температуры.

б) Фактор 1 является основным, так как демонстрирует максимально значимую нагрузку на факторную матрицу: $r=89,4\%$. Его можно охарактеризовать, как «Фактор хозяйственной

активности населения», так как в него вошли все переменные, характеризующие добычу невозобновляемых источников энергии (добычу нефти и газа), производство энергии (первичной, атомной и гидроэнергии) и результаты хозяйственной деятельности человечества, основанные на потреблении произведенной энергии (мировое ВВП и выбросы CO₂).

б) Фактор 2, который можно охарактеризовать, как «Фактор воздействия солнечной активности на климатические отклонения от нормы нашей планеты» является вторичным по отношению к фактору хозяйственной активности населения, так как его нагрузка на факторную матрицу весьма незначительна и составляет всего $p=9,4\%$.

4) Как корреляционный, так и факторный анализы показали, что влияние атомной энергетики на стимулирование парникового эффекта минимально и даже меньше общепризнанной в качестве альтернативной, гидроэнергетики. Следовательно, при условии соблюдения строжайших мер экологической безопасности развитие атомной энергетики является наиболее приемлемым и перспективным в современных условиях глобального потепления климата и необходимости проведения политики, направленной на устойчивый рост экономики.

Список литературы

1. Глобальный индекс температуры суши и океанов за последние 140 лет. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f8/Global_Temperature_Anomaly.svg (дата обращения: 10.11.2021).
2. British Petroleum Statistical Review of World Energy from 2000–2021. URL: <https://www.europeangashab.com> (дата обращения: 8.10.2021).
3. Вулкан или человек: кто больше загрязняет планету? URL: <https://green-life.livejournal.com/258081.html> (дата обращения: 16.10.2021).
4. *Качурин Л.Г.* Физические основы воздействия на атмосферные процессы: [Электронный ресурс] // Л.: Гидрометеиздат, 1989. URL: <http://www.twirpx.com/> (дата обращения: 12.11.2021).
5. WDC-SILSO. Royal Observatory of Belgium, Brussels. URL: <https://www.spaceweatherlive.com/ru/solnechnaya-aktivnost/solnechnyy-cikl/istoriya-solnechnyh-ciklov.html> (дата обращения: 26.11.2021).
6. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. Коллектив авторов. ИНЭИ РАН – Аналитический Центр при Правительстве РФ. Москва, 2014. – 178 с.
7. Прогноз развития энергетики мира и России 2016. / Под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. ИНЭИ РАН – Аналитический Центр при Правительстве РФ. Москва, 2016. – 200 с.

ПЕРЕХОД К МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ряскова Е.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва

Аннотация. В докладе рассматривается процесс финансовой глобализации и его эволюционное развитие. Дан анализ основных трендов, характеризующих этот процесс. Показано его влияние на трансформацию глобального пространства, экономическую политику государств, возникновении рисков. Сделаны выводы о воздействии финансовой глобализации на изменение мироустройства, о начале нового этапа – деглобализации и переходе к модели устойчивого развития.

Ключевые слова: финансовая глобализация, устойчивое развитие, экономическая политика государства, деглобализация

Процессы, происходящие на глобальном уровне, полностью меняют систему мировой экономики и современного хозяйства. В процессе глобализации все большую роль начинает играть финансовая составляющая, придавая достаточно весомые импульсы развитию мировой экономики и оказывая воздействие на все аспекты общественной жизни.

Усиление интеграции и унификации происходит в экономической, политической, финансовой, культурной и религиозной сферах общественной жизни. Принципиальной чертой глобальной экономики являются трансграничные потоки капиталов, которые в качестве прямых инвестиций обеспечивают создание отдельных производств и отраслей вне национальных границ их происхождения. Поскольку капитал является основой экономики, то наиболее ярко процессы глобализации проявляются в финансовой сфере. Таким образом, финансовая глобализация представляет собой наиболее развитый и динамичный компонент глобализации.

Процесс финансовой глобализации качественно и количественно изменил субъектно-объектную структуру, институты, механизмы и инструменты мировой экономики, способствовал трансформации конкурентной среды и усилению дифференциации государств. Экономика государств оказалась с одной стороны, под влиянием тенденций глобализации, с другой стороны, потребность защиты национальных интересов становится все выше.

Главным объектом финансовой глобализации стал глобальный финансовый капитал, который приобрел свойства фиктивности, спекулятивности, волатильности. Доминирование и масштабность современного глобального капитала распространяется на все глобальное пространство. [1, с. 392]

Одной из особенностей финансовой глобализации является всеобъемлющий субъектный состав, который постоянно изменяется и дополняется. Конкуренция за перераспределение глобального финансового капитала стала основной характеристикой деятельности субъектов финансовой глобализации. Среди участников этого процесса можно назвать международные и региональные наднациональные организации, институциональных и частных инвесторов, правительства развитых и развивающихся стран, транснациональные корпорации.

Таким образом, финансовая глобализация представляет собой процесс конкуренции основных субъектов за перераспределения объекта – глобального финансового капитала, который оказывает воздействие на трансформацию мироустройства и смену государственных стратегий.

На сегодняшний день заметна разница между современными глобализационными процессами и процессами эволюции мировой экономики в прошлом. Поэтому можно отметить, что

финансовая глобализация – это процесс исторической эволюции. В эволюционном развитии современной финансовой глобализации следует выделять две временные фазы, которые отличны друг от друга по динамике и тенденциям:

Фаза расширения (1990–2008 гг.);

Фаза сжатия (2008 г. – по настоящее время) [2, с. 27]

Именно момент перехода от одной фазы финансовой глобализации к другой стал определяющим к началу смены мироустройства и двух основных тенденций в развитии глобальных процессов «глобализация – деглобализация», стратегий экономической политики стран, а также рисков и мер экономической политики, направленных на минимизацию этих рисков.

Каждой из двух фаз присущи свои характерные тренды развития. На первой фазе, фазе расширения, особую роль стали играть международные институты и транснациональные корпорации. Расширение деятельности транснациональных корпораций и наднациональных организаций стала занижать роль и значение экономик стран.

До 2008 года наблюдался резкий рост потока прямых и портфельных иностранных инвестиций. Если в 2000 году приток чистых краткосрочных инвестиций составлял 4, 5 млрд долл. США, то к 2007 году он достиг 843,2 млрд долл. США. [3] Приток же прямых иностранных инвестиций с 1990 года до 2007 года увеличился более чем на 1,5 трлн долл. США. [4] Рост производительной интернационализации стран и выстраивание глобальных производственных цепочек, ускорение темпов мировой торговли – все это свидетельствует о фазе расширения финансовой глобализации. Транснациональный капитал все больше усиливал свое влияние на мировом экономическом пространстве. Одной из тенденций этой фазы также можно назвать активную офшоризацию экономики. Количество офшорных зон в этот период увеличилось более чем в 10 раз. По данным Национального бюро экономических исследований США, уже к 2017 году 10% глобального ВВП находилось в офшорных зонах [5]. Космополитизация финансовых рынков, конкуренция за глобальный финансовый капитал привели к глобализации производства, культуры, политики и других сфер жизни.

Именно в этот период нарастают риски, связанные с неравномерным перераспределением глобального финансового капитала и с усилением его свойств. В первую очередь, это системный риск финансового сектора: финансовая стабильность стран оказалась под угрозой. Глобальный финансовый кризис дал толчок инфекционности кризисов. При усилении роли развитых стран, все больше стало заметно неустойчивое положение развивающихся стран, росло неравенство между странами и внутри государств. Активная офшоризация привела к глобальным налоговым потерям, налоговой конкуренции между странами и криминализации финансовых систем. Деятельность ТНК в странах с низкими налоговыми ставками наносила ущерб политике стран. Налоговая конкуренция для развивающихся стран может угрожать основным источникам дохода и, как следствие, искажать налоговую политику.

Каждой фазе соответствует своя экономическая стратегия. Фазе расширения финансовой глобализации – либеральная стратегия экономической политики. Трансграничные потоки капитала усиливались, скорость их перераспределения росла, и участникам на глобальном рынке становились выгодны принципы экономического либерализма.

Также важно отметить, что на фоне эволюции и трансформации видов экономической политики и государственных стратегий наблюдается закономерность развития «многополярный – однополярный мир». К началу 90-ых гг. произошла интеграция национальных финансовых рынков, что положило начало активной спекулятивной деятельности. Обороты сделок на мировом финансовом рынке стали превышать объемы реального сектора экономики, что стало причиной депрессии 90-ых годов. Новые финансовые и информационные технологии начинают увеличивать доступность финансовых ресурсов для участников рынка, возросла мобильность капитала, и результатом стало многократное усиление транснационального перелива капитала. Финансовый

сектор стал обретать все большую автономию и господство над реальным сектором экономики [6]. 90-е годы стали временем господства США и перестройки мироустройства в однополярный мир. Экономический кризис в странах Европы и СССР еще больше усилили их лидерство. XXI век охарактеризовался либеральной стратегией развития мировой экономики.

Решающую роль в смене мироустройства и экономических стратегий стран сыграли процессы финансовой глобализации, которые развиваясь с ускоренными темпами, усиливали технологическое и социальное неравенство развитых и развивающихся стран. Глобализация финансовых рынков была оторвана от производства на национальном уровне.

В 2008 году произошел глобальный финансовый кризис, который обнаружил главные проблемы функционирования финансовых рынков, связанные с цикличностью, которая определяет, как современное его состояние, так и перспективу его развития, а также порядок воздействия финансового капитала на экономику в каждый конкретный период времени.

Событиями, определившими смену фаз, стали глобальный финансовый кризис 2008 г., кризис 2012–2014 гг., кризис, вызванный пандемией COVID – 19. 2008 год стал переломным моментом в истории мировой экономике. В эволюции финансовой глобализации началась вторая фаза – фаза сжатия, которая длится и на сегодняшний день. Одним из главных трендов этой фазы стало снижение потоков транснационального капитала и объемов мировой торговли. После 2008 года глобальные кризисы и мировые конфликты стали нарастать, а финансовая нестабильность стран усиливаться. Вторая фаза финансовой глобализации сопровождалась увеличением национальных дефолтов развивающихся стран. Одним из трендов этой фазы стала активная цифровизация. Кризис, вызванный коронавирусной инфекцией, ускорил цифровизацию экономики в десятки раз.

Замедление трансграничной финансовой деятельности на второй фазе, фазе сжатия, привело к усилению деглобализационных эффектов. Именно эта фаза дала толчок другой тенденции в глобальном развитии – деглобализации. Индекс глобализации КОФ показывает замедление темпов глобализации после 2008 года. [8]

На данной фазе в ответ на риски, аккумулированные на первой фазе, страны начинают применять государственное регулирование экономики. На первый план выходят цели защиты национального суверенитета. В ответ на тенденцию транснационализации приходит «ренационализация». В целях минимизации рисков, которые возникли на первой фазе финансовой глобализации, страны меняют свою экономическую политику, переходя на макропруденциальное регулирование в условиях трансформации центральных банков в мегарегулятор финансового рынка, принимают активные меры по деофшоризации экономики и усиливается законодательное регулирование участников финансового рынка. В целях достижения справедливого налогообложения в странах получения прибыли и борьбы с проблемой размывания налогооблагаемой базы и вывода прибыли из-под налогообложения, страны Группы 20 и ОЭСР создали ряд мероприятий, что представляет собой важный элемент ответных мер государства на риски финансовой глобализации и действия ТНК.

Вторая фаза финансовой глобализации привела к применению странами протекционистских, а в последствии – дирижистских стратегий экономической политики. Именно принципы дирижизма противоположны экономическому либерализму. В условиях использования таких стратегий государствами и нарастания деглобализационных эффектов начинается переход к многополярному миру.

Таким образом фазам финансовой глобализации «фаза расширения» – «фаза сжатия» соответствуют стратегии экономической политики государства «либеральная» – «дирижистская». В условиях смены фаз финансовой глобализации можно наблюдать формирование двух трендов глобального развития «глобализация – деглобализация», а также смену мироустройства в цикле «однополярный – многополярный» мир.

Приход в 2017-м году Д. Трампа к власти в США подтвердил тенденцию слова «либеральной» модели и переход к полицентризму (многополярности). Начался новый этап: пытаюсь оживить национальное производство США, Д. Трамп стал ориентироваться на политику протекционизма. Приход к власти Д. Трампа окончательно определил начало смены мироустройства и стал реакцией на начавшиеся глобальные изменения. Торговое противостояние против Китая и ЕС, начатое Д. Трампом, представляется подтверждением нового этапа протекционистских мер. США, начавшие процесс глобализации, и принявшие на себя весь поток спекулятивных капиталов, уже не получают выгоду от финансовой глобализации, как Китай, который постепенно входил в этот процесс. Таким образом, на фоне смены экономической политики наблюдается и смена мироустройства в сторону многополярного мира. Глобальные события подтверждают это. Так в январе 2020 года Великобритания вышла из Евросоюза, несмотря на возможную потерю политического влияния в ЕС, падение ВВП и ослабление фунта стерлингов. Ситуация с коронавирусной инфекцией в 2020 году, которая явилась причиной мощного экономического кризиса, повлекла за собой полное закрытие границ стран и стала решающим моментом в разрушении однополярного мира и крахе процесса глобализации.

Таким образом, финансовая глобализация, выступая ядром глобализационных процессов, воздействует на экономическую политику стран, влияет на трансформацию их стратегии, и мироустройства в целом.

На первой фазе финансовой глобализации происходило ускорение экономического роста. Страны ставили перед собой такие цели как увеличение общественного и личного потребления, преодоление нищеты. В действительности, это и произошло. Но результатом первой фазы финансовой глобализации стал неравномерно распределенный финансовый капитал не только в глобальном пространстве, который еще больше разделил развитые и развивающиеся страны, но и внутри каждой страны. Возрастающие риски процесса глобализации финансового рынка стали преобладать над его преимуществами.

Результатом смены фаз стала новая – ограниченная форма финансовой глобализации. Те тенденции, которые наблюдались за время первой фазы финансовой глобализации, показывают необходимость выстраивания новой концепции управления экономикой на глобальном уровне, которая должна отличаться от модели, используемой на первом этапе развития процесса. В условиях деглобализационных процессов одним из важных критериев развития государства станет не просто ускорение темпов экономического роста, а именно переход к моделям устойчивого развития.

Сама концепция устойчивого развития зародилась в конце XX века, когда мировое сообщество признало проблему ограниченности ресурсов и экологической обстановки в целом. В 1992 году в Рио-де-Жанейро прошла конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию. Государства приняли Декларацию Рио и основные положения концепции устойчивого развития. Целями «Повестки дня на XXI век», программного плана действий, принятого в 1992 году, стали сохранение ресурсов, среды обитания человечества и социальная ориентация развития экономики. [9]

Позднее уже на второй стадии финансовой глобализации, в 2015 году ООН разработало 17 целей в области устойчивого развития. Страны будут разрабатывать свои личные стратегии и проекты для достижения поставленных целей. На сегодняшний день устойчивое развитие объединяет экономический рост, экологическое равновесие и социальную ответственность.

Результатом усиления влияния глобального финансового капитала и транснациональных корпораций стали не только системные риски, связанные с подрывом финансовой стабильности в странах и усилением дифференциации государств и общества, но и, как следствие, глобальное изменение климата и экологические проблемы.

Развитие глобальной экономики, которое происходило на первом этапе, было нацелено в первую очередь на максимизацию прибыли и усиление влияния транснационального капитала,

что привело к ухудшению природной и социальной сферы. В условиях новой концепции все больше внимание должно уделяться социальному равенству, экологической проблеме и борьбе с изменениями климата. Устойчивая экономика в такой концепции – это экономика, которая будет ориентирована на экономию ресурсов, в основе которой будет лежать принцип кругооборота в использовании ресурсов в производстве. Концепция «общества потребления» в такой ситуации будет существенно меняться.

Среди целей устойчивого развития называются социальная справедливость, повышение уровня жизни населения, преодоление бедности, эффективность использования ресурсов, рост инвестиций в человеческий капитал и борьба с экологической проблемой.

Важно отметить, что к примеру, более двадцати лет назад была выдвинута идея о переводе производства по добыче пальмового масла на более экологически безопасное производство. Статистика показывает, что лишь практически 20% крупных предприятий перешли на экологическое производство, а 80% предприятий отрасли продолжает увеличивать выброса углекислого газа и уничтожать тропические леса. Но именно маленькие предприятия занимаются таким производством, которые не имеют финансовой возможности изменить методы производства, а основным рынком потребления являются развивающиеся страны, которые не смогут переплатить за цену из-за технологии. Таким образом, при переходе на новую модель устойчивого развития важно уделять внимание подобным проблемам и инвестициям в такие отрасли.

Сегодня важное значение приобрела мировая климатическая повестка, и в условиях смены экономических стратегий, особую актуальность приобрело понятие «зеленого протекционизма». Примером может являться трансграничное углеродное регулирование (ТУР) – форма торгового протекционизма европейских компаний. Несмотря на негативные моменты использования протекционизма, такая ситуация стимулирует компании вкладывать в экологические и климатические проекты.

На втором этапе финансовой глобализации в условиях достижения целей устойчивого развития, важную роль должны сыграть негосударственные участники. Без государственного-частного партнерства, корпораций и «гражданского общества» невозможно будет решать проблемы, стоящие на повестке дня.

Финансовый капитал, который не подкрепляется никакой материальной базой, обладает свойствами фиктивности, спекулятивности и глобальности, его целью является еще больший захват рынков и распространение. Как уже было отмечено, во вторую фазу финансовой глобализации страны используют дирижистские стратегии. В эту фазу процессы распределения финансового капитала замедляются, а конкуренция стран за его использование обостряется. В условиях перехода на концепцию устойчивого развития финансовый капитал должен быть направлен в конструктивном направлении, на поддержку медицинской, социальной, экологической сферы, развитие научного технического прогресса, что будет способствовать целям достижения концепции устойчивого развития.

Список литературы

1. *Миргородская, Е.О.* Эволюция финансового капитала в условиях глобализации /Е.О. Миргородская. – Автореферат Дис...доктора экономических наук: 08.00.01/ Москва, 2007. – 392 с.
2. *Ряскова, Е.С.* Трансформация экономической политики государств под воздействием финансовой глобализации/ Е.С. Ряскова. – Дис. Кандидата экономических наук 08.00.01/ Москва, 2021.
3. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.PEF.TOTL.CD.WD>! (дата обращения: 10.01.2022).
4. UNCTAD URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 10.01.2022).

5. *Alstadsæter, A.* Who owns the wealth in tax havens? Macro evidence and implications for global inequality/ A. Alstadsæter, N. Johannesen, G. Zucman //Journal of Public Economics. – 2018. – Т. 162. – р. 89–100.
6. *Дзарасов Р.С.* Кризис капитализма и общественный строй новой России . – Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 41–59.
7. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. – М: Международные отношения. 2012.
8. КОФ.Globalization Index. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения: 01.01.2022).
9. Повестка дня XXI в. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 01.01.2022).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕРЕГОПОЛЬЗОВАНИЯ АЗОВСКОГО МОРЯ

Беспалова Л.А., Бердников С.В., Хаванский А.Д., Беспалова Е.В.

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону

Аннотация. Проанализированы природные факторы воздействия на береговую зону Азовского моря. Установлено, что основными факторами дестабилизации побережья являются эвстатический подъем уровня моря, штормовые нагоны, повсеместное развитие опасных береговых процессов и овражно-балочной сети. Техногенное воздействие проявляется во всевозрастающем факторе морского притяжения: высокая плотность поселения, интенсивное освоение побережья различными землепользователями, высокая сельскохозяйственная, промышленная, рекреационная нагрузка, строительство гидротехнических и берегозащитных сооружений. Оценен экономический ущерб и социально-экономические последствия для населения, проживающего на азовских берегах.

Ключевые слова: берегопользование Азовского моря, дестабилизация побережья, техногенное воздействие

Исследования выполнены по проекту РФФИ № 18-05-80082 «Закономерности формирования опасных береговых процессов в Азовском море и социально-экономические последствия их проявлений»

Протяженность берегов Азовского моря в пределах России составляет более 1000 км, численность населения в прибрежной полосе превышает миллион человек.

Сложившийся хозяйственный комплекс, важную роль в котором играет агропромышленное производство, промышленность строительных материалов и деятельность портовых предприятий, формировался под воздействием исторических и природно-ресурсных факторов. На рубеже XX–XXI вв. проблемы берегопользования обусловлены как придонными воздействиями, так и хозяйственной деятельностью в береговой зоне.

К факторам природного характера относятся прежде всего эвстатический подъем уровня моря. За 94 летний период наблюдений средний годовой уровень повысился на 17 см, т. е. в среднем, 0,18 см/год. Изменения климата сопровождается увеличением частоты проявления штормовых нагонов. Эти опасные природные явления на Азовском море могут наблюдаться до 10 раз в год. Анализ многолетней динамики опасных (ОЯ) и неблагоприятных (НЯ) уровней за последние десятилетия свидетельствует о тесной связи этих явлений с активизацией опасных экзогенных геологических процессов.

Берега Азовского моря сложены в основном легкоразмываемыми глинами и суглинками, что обусловило повсеместное развитие абразии и оползней. Более 70% побережья подвержено активному разрушению. Ежегодная скорость волнового разрушения абразионных берегов изменяется в пределах 0,1–6,0 м/год. Горизонтальное смещение оползней составляет 0,1–3,3 м/год. Многолетние наблюдения сопоставлены с картографическим материалом и космоснимками, с факторами развития берегов, в том числе с основными типами синоптических ситуаций. Рассмотрение факторов развития берегов показывает их циклический характер. Имеющийся ряд наблюдений позволил выявить циклы активизации и стабилизации абразионно-оползневых процессов. Периоды 1980–2002 гг. и 2006–2010 гг. характеризуются стабилизацией процесса абразии, ожидается усиление процессов размыва берегов примерно до 2020 г., а к 2050 г. — уменьшение интенсивности до значений, сопоставимых с началом XXI столетия. Большая часть

берегов на участке на ближайшее десятилетие будет характеризоваться стабильным состоянием со слабой тенденцией к отступанию. Некоторому размыву будут подвергаться аккумулятивные формы Беглицкой, Петрушинской кос. [2, с. 71].

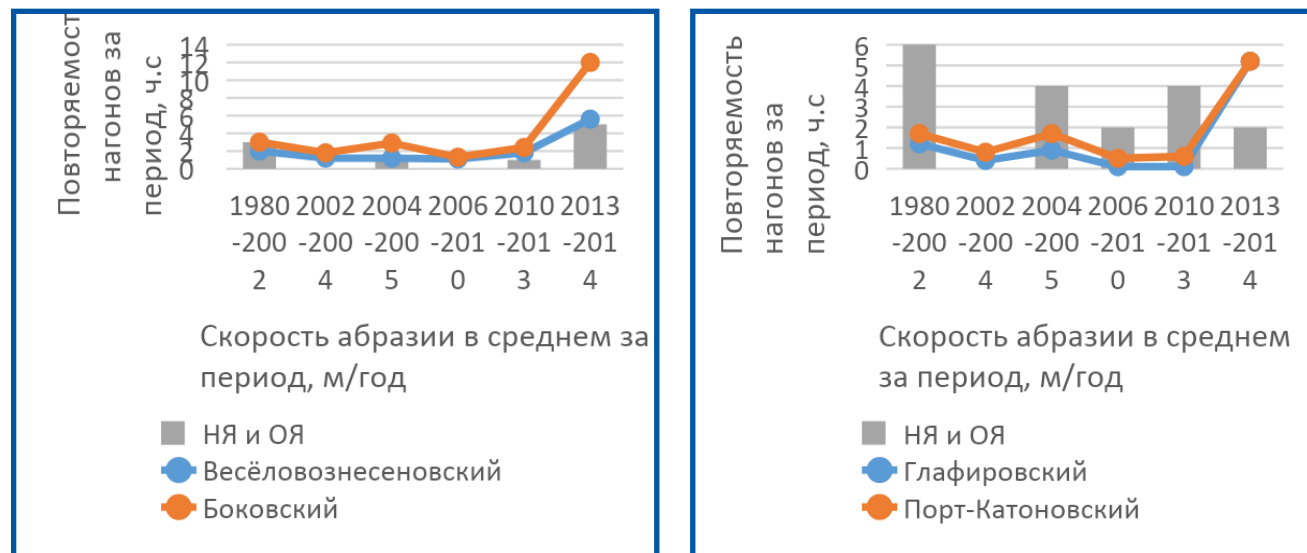

Рисунок 1. Динамика повторяемости экстремальных нагонов и скоростей абразии на побережье Таганрогского залива по периодам [1, с. 29].

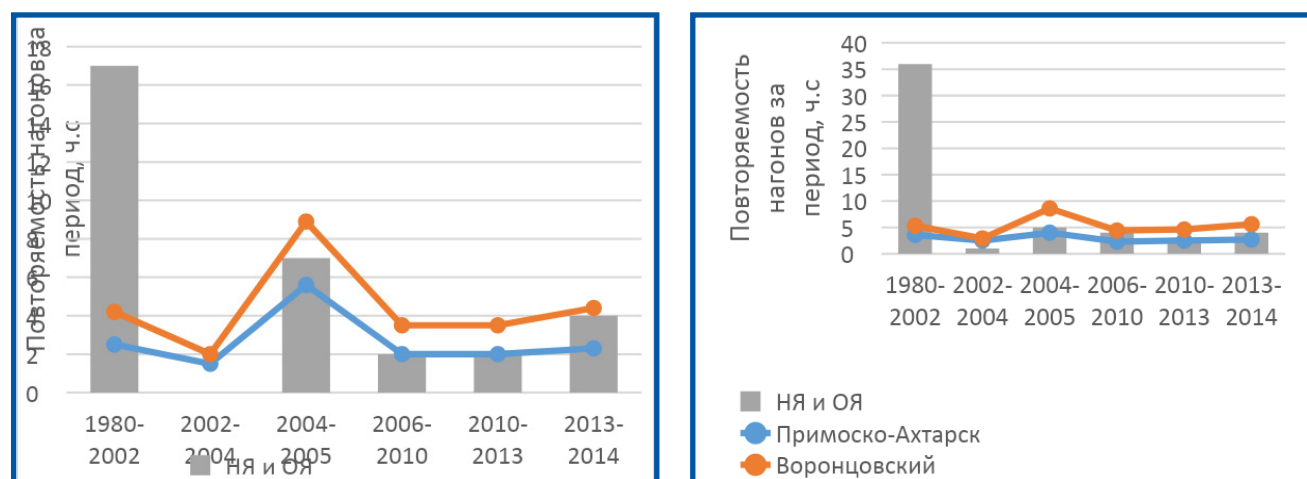

Рисунок 2. Динамика повторяемости нагонов и скоростей абразии на Восточном побережье Азовского моря по периодам [1, с. 29].

На основе многолетних исследований (более 60 лет наблюдений) произведена оценка современного состояния берегов Азовского моря, установлены основные факторы формирования опасных береговых процессов, выполнено динамическое районирование и типизация береговой зоны российского сектора Азовского моря по интенсивности проявления абразионных и оползневых явлений, выделено 52 береговых участка и 4 типа проявления ОБП: со слабой (менее 1 м/год), средней (1–2 м/год), сильной (2–4 м/год) и очень сильной (более 4 м/год) скоростью абразии. (рис. 3), [3, с. 1].

Техногенных воздействий проявляется во всевозрастающем факторе морского притяжения. За счет высокой концентрации населения на побережье Азовского моря сосредоточено от 50 до 90% от общей площади всех жилых помещений муниципальных районов и городов Таганрога, Ейска, Приморско-Ахтарска, Темрюка.

Нерациональное берегопользование (распашка земель, сведение лесонасаждений, орошаемое земледелие, изъятие пляжевого материала и др.) приводит к активизации береговых процессов, разрушения прибрежной инфраструктуры, наносит экономический ущерб и имеет социально-экономические последствия для населения, проживающего на азовских берегах (табл.), [4, с. 207].

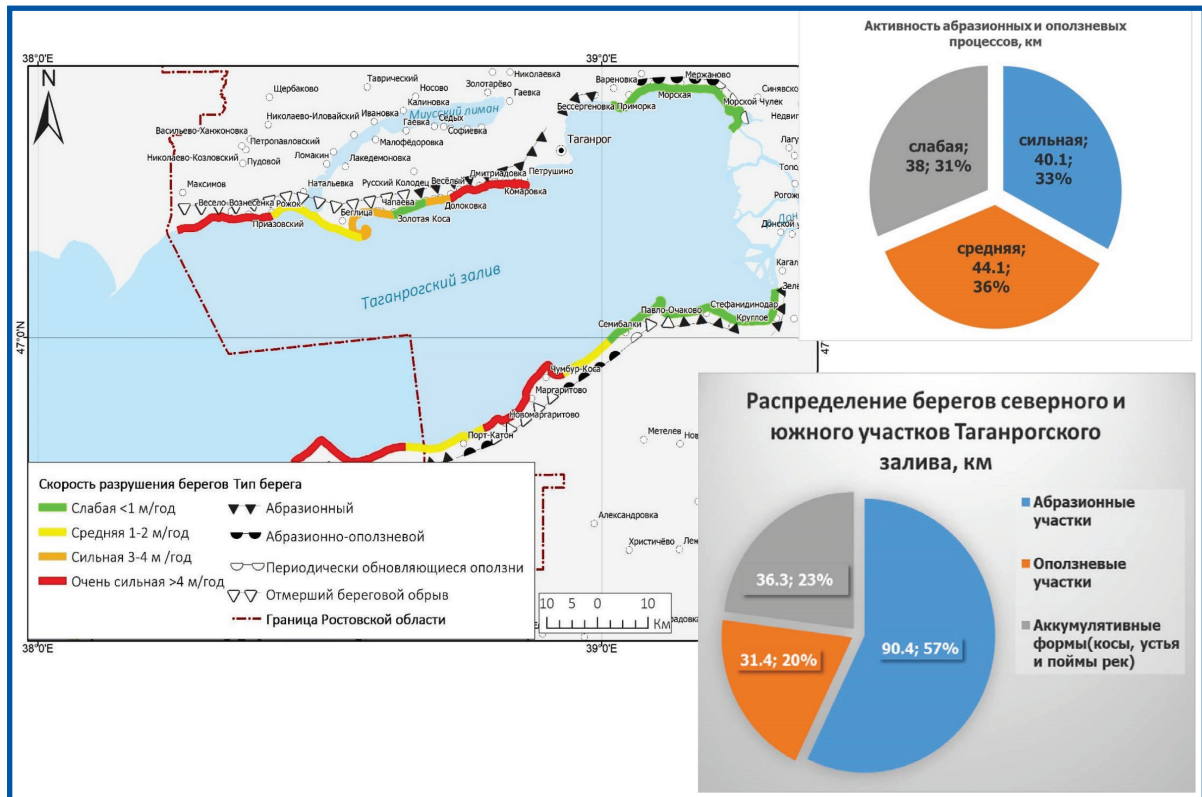

Рисунок 3. Современное состояние берегов (Таганрогский залив)

Рисунок 4. Интенсивный размыв берега Таганрогского залива

Таблица. Антропогенный фактор формирования опасных береговых процессов

АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБП			
Факторы, усиливающие интенсивность абразии		Факторы, снижающие интенсивность абразии	
Фактор	Механизм проявления	Фактор	Механизм проявления
Зарегулирование стока Дона, Кубани, задержка твердого стока плотинами на малых реках	Дефицит пляже-образующего материала, размыв пляжей и других аккумулятивных форм	Подсыпки пляжей	Формирование профиля равновесия
Загрязнение среды обитания	Снижение биомассы моллюсков, уменьшение доли раковинного материала. Размыв аккумулятивных форм	Соблюдение водоохранных мероприятий, очистка сточных вод	Сохранение биогенных аккумулятивных форм, предохраняющих берега от размыва
Распашка прибрежной зоны под обрыв	Усиление эрозионных процессов, нарушение устойчивости склонов	Соблюдение режима водоохранных зон (ВЗ) 500 м и прибрежных защитных полос (ПЗП) 50 м	Снижение негативных воздействий на берега
Создание гидротехнических сооружений при создании портовой инфраструктуры: а) поперечных, б) продольных	а) нарушение движение потока наносов, краевой размыв; б) размыв дна и берегов отраженной волной		
Несанкционированные карьеры: изъятие осадочного материала (песка, ракуши с пляжей)	Нарушение равновесия аккумулятивных форм, уменьшение ширины пляжа	Соблюдение режима водоохранных зон (ВЗ) 500 м и прибрежных защитных полос (ПЗП) 50 м	Снижение негативных воздействий на берега
Строительство на склонах тяжелых конструкций	Утяжеление склонов, нарушение устойчивости, подъем уровня грунтовых вод развитие гравитационных процессов	Соблюдение режима водоохранных зон (ВЗ) 500 м и прибрежных защитных полос (ПЗП) 50 м	Снижение негативных воздействий на берега
Дноуглубительные работы	Подходные каналы – седиментационные ловушки, в том числе и пляжеобразующего материала, перехватывают поток наносов	Дампинг песков на берег и создание пляжей	Защита берега от размыва
Нерациональная берегозащита: а) создание волноотбойных стен и бетонных откосов на суглинистых берегах; б) применение поперечных конструкций типа бун в условиях дефицита потока наносов	а) размыв дна и берегов отраженной волной, б) краевой размыв не выполняет функцию накопления материала и формирование пляжа	Рациональная берегозащита: создание искусственных пляжей, каменной наброски, берм из галечно-гравийного материала	Все эти берегоукрепления хорошо защищают берег от размыва на азовских берегах

Абразия берегов представляет собой проблему в возрастающей важности в связи с интенсивным заселением и освоением морских побережий. Одной из проблем берегопользования является неудачное возведение береговых инженерных сооружений, в том числе и сооружений, предназначенных для защиты от размыва берегов.

Существующие берегозащитные сооружения выполнены из различного строительного материала и в большинстве своем находятся в аварийном состоянии.

Отдельные сооружения различного типа создавались в разное время и в данный момент часть из них полностью разрушена. Как правило, разрушению подвержены вертикальные бетонные стенки, создававшиеся с целью защиты от абразии, подпора оползневых и обвальных склонов. Неэффективность такого способа защиты многократно доказана практикой берегоукрепления на побережьях Азовского моря (рис. 5).

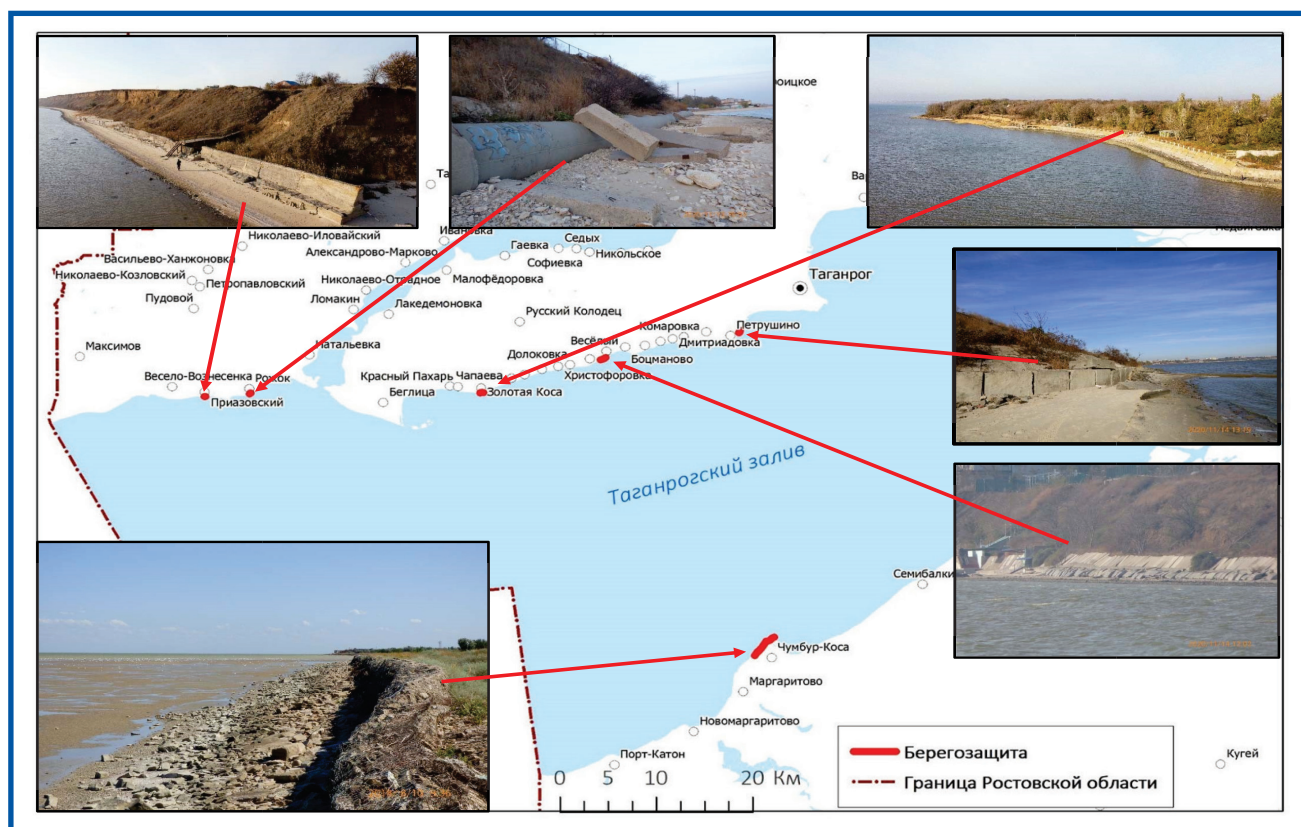

Рисунок 5. Примеры нерациональной берегозащиты на азовских берегах

Станица Весело-Вознесенка расположена на территории Неклиновского района Ростовской области. В станице насчитывается более 680 домовладений (около 3-х тысяч населения), объектов соцкультбыта и коммуникации и занимает площадь около 250 га. В настоящее время село уходит в море.

По средней скорости абразии установлена прогнозируемая на 20-летний период зона воздействия опасных береговых процессов. В прогнозируемой зоне выявлено 112 объектов капитального строительства, среди которых преобладают жилые дома, хозпостройки, нежилые здания, дачно-садовые участки, дороги, линии электропередач.

Ущерб социально-экономическим объектам в российской береговой зоне Азовского моря от воздействия абразионных и оползневых процессов в течение прогнозируемого 20-летнего периода может превысить 756 млн руб. Из общей суммы материального ущерба 108 млн рублей приходятся на капитальные строения и 648 млн рублей на земельные участки, преимущественно сельскохозяйственные угодья [5, с. 300].

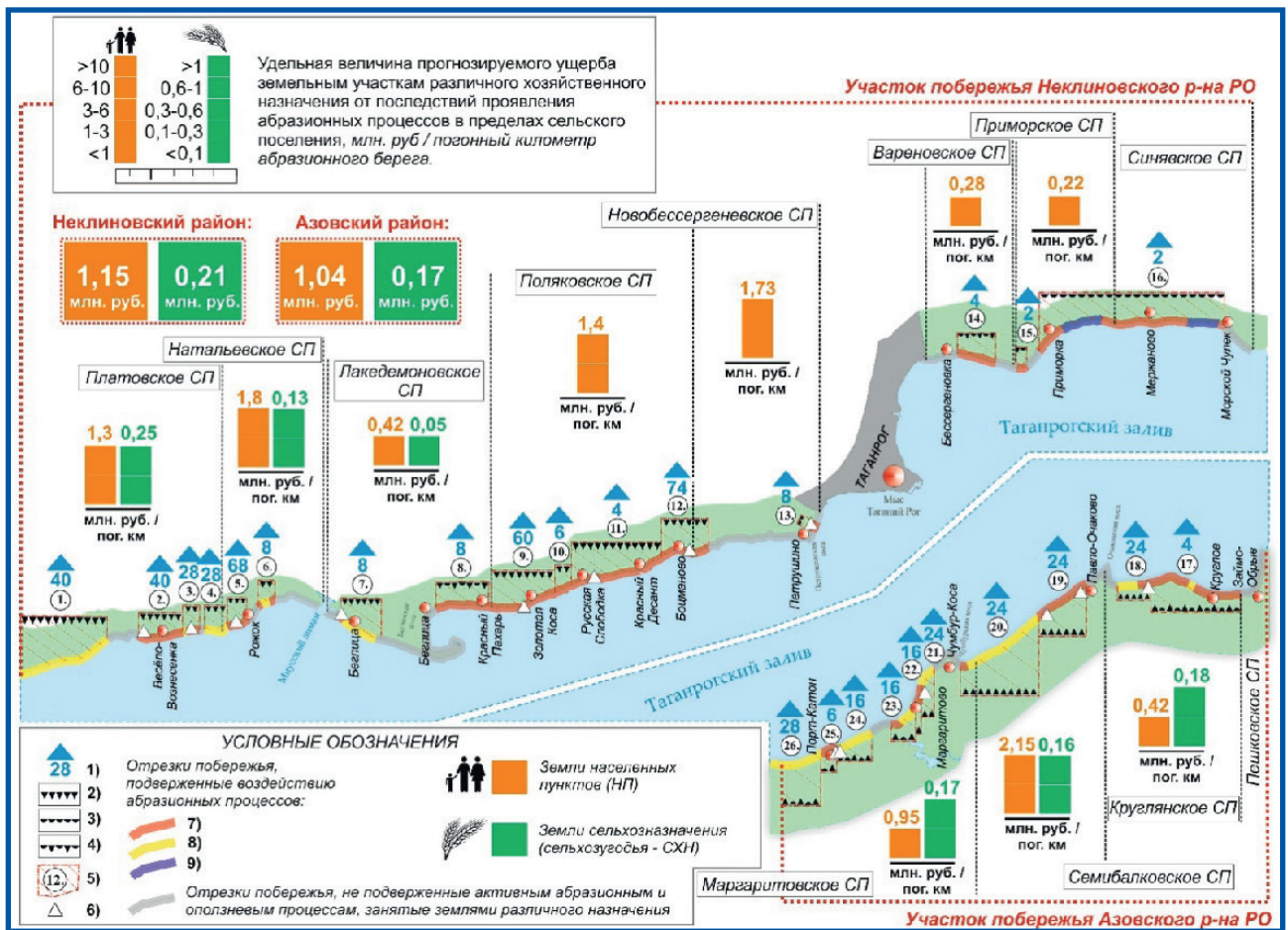

Рисунок 6. Картограмма распределения удельной величины прогнозируемого ущерба от последствий воздействия абразионных и оползневых процессов землям населенных пунктов и сельскохозяйственного назначения по сельским поселениям приморских сельских районов Ростовской области

(1 – расстояние прогнозируемого смещения берегового клифа за 20 лет, м; (2 – абразионный тип берега; (3 – оползневый тип берега; (4 – абразионно-оползневый тип берега; (5 – порядковый номер функционального участка берега; (6 – пункты наблюдения за абразией реперной сети ЮФУ; (7 – занятые землями населенных пунктов; (8 – занятые землями сельскохозяйственного назначения; (9 – занятые землями прочего назначения (СНТ, ООПТ, промышленности и т. д.) [5, с. 300].

Только Ростовская область потеряет 200 га земель. 73 объекта капитального строительства попадут в зону обрушения, общий ущерб составит почти 150 млн руб., в то числе строения – 90 млн руб.

Показатели величины ущерба земельным участкам приазовских районов в абсолютном и удельном выражении, рассчитанные по кадастровым ценам, на порядок отличающимся от реальных – рыночных, в перспективе, могут быть подкорректированы (с учетом рыночных цен), просуммированы с показателями ущерба объектам капитального строительства и, возможно, использованы при принятии решений о возможностях осуществления берегоукрепительных работ. В то же время, учитывая значительные финансовые затраты на возведение берегозащитных сооружений, возможность укрепить абразионный берег на всем его протяжении может быть неосуществима, как для отдельных муниципалитетов, так и для региона в целом. Для принятия «адресных» решений в области берегоукрепления актуальной может быть оценка прогнозируемого экономического ущерба социально-экономическим объектам для сельских поселений приморских районов. Полученные результаты также могут быть использованы для корректировки генеральных планов развития приазовских муниципалитетов [5, с. 300].

Для снижения воздействия опасных береговых процессов и повышения защищенности природной среды и человека в береговой зоне Азовского моря необходимо принятие Закона о Комплексном управлении прибрежными зонами (КУПЗ).

Важнейшей задачей КУПЗ является рациональное берегопользование – широкое освоение береговой зоны Азовского моря без нанесения ущерба ее стабильности, обеспечения длительного функционирования хозяйственных и рекреационных объектов, восполнения ресурсов, комфортные условия проживания населения.

Список литературы

1. Беспалова Л.А., Цыганкова А.Е., Беспалова Е.В., Мисиров С.А. Опасные штормовые нагоны и разрушения берегов Азовского моря // Наука Юга России. 2019. Т. 15. № 2. С. 29–38.
2. Ивлиева О.В., Беспалова Л.А., Мыслевец В.И., Шипилова Л.М. Прогноз развития Северного берега Таганрогского залива Азовского моря // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 6, 2017. С. 71–78.
3. Матишов Г.Г., Беспалова Л.А., Ивлиева О.В., Цыганкова А.Е., Кропянко Л.В. Азовское море: современные абразионные процессы и проблемы берегозащиты // Доклады Академии наук. 2016. Т. 471. N 4. С. 1–4.
4. Цыганкова А.Е., Беспалова Л.А., Ивлиева О.В., Магаева А.А. Использование динамического подхода при районировании берегов Азовского моря // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем Том. 1, № 5, 2020. С. 207–213.
5. Хорошев О.А., Меринова Ю.Ю., Хаванский А.Д., Латун В.В. Оценка социально-экономического ущерба проявления абразионных и оползневых процессов в береговой зоне Азовского моря // Труды Южного научного центра РАН. Т. VIII: Моделирование и анализ опасных природных явлений в Азовском регионе / отв. ред. д.г.н. С.В. Бердников. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 300–311.

Новые профессиональные компетенции государственных служащих

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕАЛЬНОМ И ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВАХ У БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ

Вершинина М.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. В статье рассматриваются виды устной коммуникации, основные формы и характеристики устной деловой коммуникации, темы, подходящие для ведения светской беседы (small talk), особенности активного слушания (active listening), способы передачи обратной связи собеседнику (giving feedback), пути демонстрации вовлеченности участников коммуникации (showing engagement), особенности телефонного общения (telephoning) и проведения мозгового штурма (brainstorming). В работе также приводятся и разбираются проблемы, которые могут возникнуть в ходе устной коммуникации, и способы их преодоления, а также варианты практических заданий, которые могут быть использованы на практических занятиях для освоения навыков эффективной коммуникации у будущих управленцев.

Ключевые слова: активное слушание, мозговой штурм, устная коммуникация, деловая коммуникация, цифровое пространство

В настоящее время навыки эффективной коммуникации являются неотъемлемыми компетенциями любого управленца. В эпоху глобализации и «цифровизации» необходимо развивать стремление к успешной передаче информации во всех видах коммуникационной деятельности на разных языках. От этого зачастую зависят деловые успехи отдельных лиц, компаний и даже государств. Современное образование должно отвечать текущим вызовам и создавать благоприятную среду обучения, в которой преподаватели получают возможность сформировать у обучающихся необходимые навыки для общения как в личном, так и в дистанционном форматах. В связи с тем, что тема коммуникации очень широка, в статье будут рассматриваться только ее устные разновидности.

Устная коммуникация — «процесс порождения, передачи и восприятия устных высказываний (сообщений)» [2]. Взаимодействие людей в процессе общения может происходить в трех основных коммуникативных формах: *монологическая*, где преобладает речь одного человека (лекция, публичное выступление, доклад); *диалогическая* в которой оба собеседника взаимодействуют, поочередно обмениваясь информацией (светская беседа, деловая встреча, телефонное общение, переговоры, интервью); *полилогическая*, подразумевающая многостороннее общение (дискуссия, переговоры, деловая встреча, семинар, практическое занятие). Также важно помнить, что устная речь может быть как подготовленной (доклад, презентация, лекция), так и спонтанной (светская беседа, телефонное общение, мозговой штурм); а коммуникация в целом может происходить как при личном присутствии участников, так и дистанционно. Во всех перечисленных видах коммуникации важно и кодирование, и декодирование сообщения, то есть и собственно говорение, и восприятие (и понимание) речи на слух.

Так как в данной статье речь идет о коммуникации управленцев, то основное значение имеют устные формы деловой коммуникации, например установление контакта и светская беседа, телефонное общение в деловых целях, презентации, переговоры, деловые встречи, мозговой штурм, совещания и конференции [1, с. 30–40; 157–221]. Отличительной чертой делового общения является его регламентированность, т. е. подчиненность определенным правилам. Эти правила опре-

деляются типом делового общения, формой, степенью официальности, целями и задачами собеседников, нормами этикета, а также национально-культурными особенностями коммуникантов.

Чтобы коммуникация была эффективной, необходимо сначала установить контакт с собеседниками. Он достигается с помощью небольшой светской беседы (small talk), то есть неформального вежливого общения на разные темы. Выбор темы зависит от отношения между собеседниками, их национально-культурных особенностей и т. д. [4]. Принято различать уместные и неуместные темы для светской беседы (safe and unsafe topics). Традиционно считается, что разговор о погоде, транспорте, домашних животных, комплименты на тему внешнего вида являются приемлемыми в большинстве коммуникативных ситуаций. Следует избегать обсуждения острых социальных проблем, здоровья, семейного положения, уровня доходов, политики и религии [7].

Следующим важным аспектом эффективной устной коммуникации является активное слушание (active listening). Это процесс, в ходе которого «слушающий не просто воспринимает информацию от собеседника, но и активно показывает понимание этой информации» [3]. Общеизвестными приемами активного слушания являются: поддержание зрительного контакта, невербальные сигналы (улыбка, кивок), перефразировка, уточнение, резюмирование и т. д. Важно так же не перебивать, не критиковать и не осуждать собеседника. Также стоит отметить, что многие из этих приемов являются общепринятыми в разных культурах.

Чтобы более детально раскрыть особенности успешной коммуникации, обратимся к выступлению Селесты Хэдли «10 способов стать хорошим собеседником» [9]. Селеста – известный радиожурналист, спикер TED, специалист по коммуникации и человеческой психологии, автор бестселлеров «Искусство ничегонеделания. Как культ эффективности не дает нам жить» и «Нам надо поговорить или секреты осмысленного общения». Итак, Селеста Хэдли предлагает следовать следующим правилам: 1) Не делайте несколько дел одновременно. Не отвлекайтесь от беседы. Присутствуйте в разговоре. 2) Не нужно важничать и умничать. Если вы хотите выразить свое мнение и вам не интересно мнение или аргументы окружающих на этот счет, тогда просто ведите блог. 3) Задавайте открытые вопросы. Начинайте свои вопросы со слов «что», «где», «когда», «как» и «почему». Тогда вы получите намного более интересный ответ. 4) Плывайте по течению. Вам в голову будут приходить посторонние мысли и идеи. Пусть приходят, научитесь их отпускать и продолжать слышать собеседника. 5) Если вы чего-то не знаете, признайтесь в этом. Не рискуйте. Слова должны быть выверенными. 6) Не нужно проводить параллели с опытом собеседников. Если они заговорили о потере близких людей, не начинайте приводить свои примеры на эту тему. Опыт всегда индивидуален, а разговор – не повод для саморекламы. 7) Не повторяйте сказанное – это звучит снисходительно и утомляет. Мы часто этим грешим, особенно с коллегами и с детьми, чтобы «лучше» поняли. Для этого мы выражаем одну мысль разными словами. Не делайте этого. 8) Избегайте лишних деталей. Честно сказать, людям не важны даты, имена, и излишние подробности. Им интересны вы. Им интересно, кто вы такой, что у вас с ними общего. 9) Хоть и это и не последний пункт, но явно самый важный. Слушайте. Бесчисленное количество известных людей говорили, что умение слушать является самым-самым важным навыком из всех возможных. Перефразируя Будду: «Ничему нельзя научиться с открытым ртом». 10) Будьте краткими. Все вышесказанное можно обобщить в один простой принцип: будьте заинтересованы в людях. Говорите с ними, слушайте их, и, самое важное, будьте готовы удивляться.

Для лучшего усвоения вышеперечисленных советов, можно предложить обучающимся практические задания. Разработка состоит из трех основных частей: 1) предпросмотровые вопросы для обсуждения, «активирующие фоновые знания изучающего по теме видео» [5, с. 4] (например, «Что для вас является примером хорошей беседы?»); 2) просмотр выступления и ответы на вопросы по содержанию (например, «Какие правила ведения беседы спикер считает не актуальными?»); 3) постпросмотровые вопросы для обсуждения и выражения собственного мнения по заданной

теме (например, «Каким из упомянутых в видео правил вы бы хотели следовать? Почему?»). Таким образом, у изучающих закрепляется полученная информация, а также формируется собственное отношение к предмету обсуждения. Далее в статье приводятся разработки заданий на английском языке, используемые в обучении эффективной коммуникации студентов факультета государственного управления МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. Ломоносова. Ниже представлен возможный вариант формулировки блоков трех типов заданий на английском языке на основе вышеописанного выступления Селесты Хэдли:

Discuss the following questions:

What, in your opinion, makes a good conversation?

Try to remember an example of a boring talk. What was wrong with it? How did you feel? How could you improve the situation?

Watch the ted talk and answer the questions:

What were the safe subjects suggested in “My Fair Lady”? Why aren’t they safe anymore?

How many messages do 1/3 of American teenagers send daily?

What kind of skills do kids lack these days?

What typical guidelines for having a good conversation are no longer relevant? Why?

How do you feel after having a great conversation?

Write down 10 basic rules of having a good conversation and comment on each of them.

Why don’t we listen to each other?

What is the main concept of all these rules?

Share your opinion with your buzz group:

Do you agree with the speaker? Why/ Why not?

Is it important to teach communication skills at school or at university? Explain your point of view.

Which rules would you like to practice yourself? Why?

Describe your own examples of pleasant conversations. What made you remember them?

Приведем еще один пример практических заданий, нацеленных на отработку навыков эффективной устной коммуникации на английском языке. Они связаны с решением возможных проблем при телефонном разговоре. Телефонное общение является базовым видом повседневной и деловой коммуникации, которому важно обучать студентов разных уровней владения иностранным языком. Отличительной особенностью этого вида коммуникации является наличие повторяющихся клишированных фраз, а также преобладание зачастую предсказуемых сценариев разговора. Например, в начале телефонной беседы частыми паттернами будут: название компании + приветствие (PWC International. Good afternoon); имя + релевантная информация о себе (This is Tom Brown of Ernst and Young); имя + цель звонка (This is Jason Simms. I’m calling about the meeting.) [1, с. 34–35].

На начальных этапах владения иностранным языком необходимо помочь обучающимся составить и отработать список фраз, которые подходят для телефонного общения в ситуации приветствия, уточнения информации, передачи сообщения, благодарности и прощания. На более продвинутых уровнях можно предложить обучающимся обсудить в парах или небольших группах, какие сложности могут возникать в телефонном общении на иностранном языке, а также какие фразы они могли бы использовать в подобных ситуациях. Примерами возможных проблем могут быть разговоры, в которых собеседник говорит слишком быстро или слишком тихо; необходимость приостановить разговор, например, чтобы отойти и взять ручку и блокнот для записи; непонимание значения какого-то слова в речи собеседника; непонимание правописания слова или фамилии и имени; необходимость дополнительной информации от собеседника; технические проблемы со связью. Все варианты ситуаций и подходящих фраз можно записать на реальной или виртуальной доске. Затем студентам дается на прослушивание 2 диалога, один из которых является примером неуспешной коммуникации, а другой – наоборот. Необходимо

обсудить с обучающимися, чем именно второй диалог отличается от первого и какие фразы использовали собеседники для создания комфортного телефонного общения. Отработав полезные выражения, можно перейти к ролевой игре, в которой обучающиеся должны моделировать телефонный разговор, используя полезные фразы для решения всех возникающих проблем [8, с. 11]. Ниже приведены примеры полезных фраз на английском языке, сгруппированные по темам и направленные на решение проблем в телефонном общении:

Таблица 1. Фразы для решения проблем в телефонном общении

Asking for repetition	Asking for clarification	Checking information	Problems with understanding
Sorry, could you repeat that? I didn't (quite) catch that. Could you speak up, please? Could you say that again, please?	What do you mean by...? What does... mean? Could you clarify that?	Would/Could you spell that, please? Can I read that back to you?	Sorry, I'm not with you. Sorry, I don't follow you. Sorry, I'm not sure I know what you mean.
Asking for further information	Technical problems	Summarising the call	
Could you give me some more details, please? Could you be a bit more specific? Could you explain that in more detail?	Sorry, it's a bad line. Can I call you back? It's a terrible connection. I'm afraid I'll have to get back to you later. Sorry, we were cut off.	Let me go over what we have agreed. Let me just summarise...	

Еще одним полезным форматом общения для будущих управленцев является мозговой штурм (brainstorming). Метод мозгового штурма – это «метод решения задач, в котором участники обсуждения генерируют максимальное количество идей решений задачи, в том числе самые фантастические и глупые. Затем из полученных вариантов выбираются лучшие решения, которые могут быть использованы на практике» [6, с. 74–75]. Можно сначала обсудить со студентами, что называется мозговым штурмом, каким советам при его проведении на деловых встречах стоит следовать (например, обсудить цель встречи, обозначить время ее окончания, поощрять инициативу всех участников, записывать идеи, не перебивать других собеседников, избегать критики). Затем можно предложить обучающимся прослушать фрагменты мозгового штурма, выписать оттуда полезные фразы, распределить их по категориям (постановка цели, выражение одобрения, предложение высказаться и т. д.) [8, с. 19].

Таблица 2. Полезные выражения для мозгового штурма

Stating objectives	Expressing enthusiasm
The purpose of the meeting this morning is to... What we need to achieve today is... Our objective here is to...	That's great! That's the best idea I've heard for a long time. That's an excellent suggestion.
Encouraging contributions	Agreeing
Don't hold back. Say whatever comes to mind. Any other ideas? At this stage, we want all your ideas, however crazy you think they are.	Yes, that's a good idea, because... Absolutely, because... Exactly, because... You're (absolutely) right because...

Следующим этапом будет разделение на небольшие группы и ролевая игра с моделированием мозгового штурма на разные темы, например: 1) придумать идеи для рекламной кампании нового периодического издания; 2) спланировать программу визита иностранных коллег в филиал вашей компании. В результате отработки подобного формата коммуникации обучающиеся смогут эффективно участвовать в аналогичных форматах общения на английском языке.

В заключении хотелось бы отметить, что значение эффективной коммуникации на иностранном языке в современном мире сложно переоценить. Будущим управленцам предстоит участвовать в самых разнообразных мероприятиях и форматах взаимодействия. В этом смысле, развитие технологий и расширение цифрового пространства создает возможности для межкультурной коммуникации, несмотря на текущие ограничения, связанные с пандемией. Исходя из современных реалий, при формировании навыков эффективной иноязычной устной коммуникации у будущих управленцев необходимо учитывать многообразие ее форм, а также возможность как личного, так и дистанционного общения.

Список литературы

1. *Назарова Т.Б.* Английский язык делового общения: Курс лекций и практикум. – М.: Издательство АСТ, 2004.
2. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. – 3-е издание, переработанное. – М.: Флинта: Наука, 2003. URL: <https://pervodovedcheskiy.academic.ru/1804> (дата обращения: 14.01.2022).
3. Приемы активного слушания: техника и методы – <https://fireman.club/presentations/priemy-aktivnogo-slushaniya/> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Светская беседа URL: https://datewiki.ru/wiki/Small_talk (дата обращения: 14.01.2022).
5. Совершенствуем навыки аудирования: Книга для учителя / *М.И. Вершинина, Д.В. Герасименко, Е.С. Лиознова, А.Р. Сентемова.* – 2-е изд. испр. – Москва: МАКС Пресс, 2021.
6. *Стариков П.А.* Пиковые переживания и технологии творчества: учебное пособие. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2011.
7. *Шахматова, Татьяна.* Как вести светскую беседу? URL: <https://lifehacker.ru/kak-vesti-svetskuyu-besedu/> (дата обращения: 14.01.2022).
8. *Cotton, D., Falvey, D., Kent, S.* Market Leader Upper-Intermediate. – 3rd Edition Extra. – FT Publishing, 2016.
9. *Headlee, Celeste.* How to have a good conversation? URL: https://www.ted.com/talks/celeste_headlee_10_ways_to_have_a_better_conversation (дата обращения: 14.01.2022).

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ МУЛЬТИНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Павлова А.Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва

Аннотация. Информационные технологии развиваются сейчас очень быстрыми темпами. Их можно эффективно применять во многих областях управления персоналом, в том числе в сфере развития персонала. Менеджеры, чтобы эффективно работать, должны развиваться в течение всей своей карьеры. Особенно важно совершенствовать коммуникативную компетенцию управленца, так как она является основополагающей, и на общение менеджеры тратят до 90% своего рабочего времени. В этой статье рассмотрим каким образом лучше применять информационные технологии для развития коммуникативной компетенции управленца мультинациональной компании.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, информационные технологии, развитие, менеджер, мультинациональная компания

Значение коммуникативной компетенции для менеджеров трудно переоценить. Они тратят на общение до 90% своего времени и от того, насколько оно будет эффективно, зависит результат их работы. Если рассматривать управленцев мультинациональных компаний, то их коммуникативная компетенция имеет свою специфику. Им постоянно приходится взаимодействовать с представителями других культур, национальностей, стран, и поэтому им необходимо обладать специальными знаниями, умениями и навыками общения с иностранными коллегами, партнерами и клиентами.

Коммуникативная компетенция управленца включает в себя определенные знания, навыки, умения, качества личности и образцы поведения, которые проявляются при общении и необходимы для эффективного функционирования менеджера. К ней относятся способности, используемые для того, чтобы передавать и получать информацию разного рода. Информация может быть вербальная и невербальная, визуальная и письменная.

Вербальная информация – это общение с помощью языка. Рекомендуется говорить уверенно, использовать навыки активного слушания, избегать слов-паразитов и профессиональный жаргон. Невербальная коммуникация – общение через язык тела и выражение лица. Нужно понимать, как эмоции проявляются на физическом уровне, осознавать свою невербальную коммуникацию, использовать мимику, которая менеджеру кажется эффективной. Визуальная коммуникация – это общение через искусство, фотографии, рисунки, наброски, диаграммы и графики. Важно спрашивать у других разрешение использовать их визуальную информацию, знать свою аудиторию, использовать визуальную информацию, только если она обладает ценностью, делать ее простой и легкой для понимания. Письменный тип коммуникации – это общение через письменную речь, символы и числа. Необходимо стремиться к простоте письменной речи, записывать, что менеджеру кажется эффективным, выделять время на оценку письменного типа коммуникации.

К коммуникативной компетенции относятся знания, умения и навыки в таких сферах, как: самосознание, эмпатия, уважение, отзывчивость, способность донести свое сообщение

до собеседника, активное слушание, способность воспринимать вербальные и невербальные сообщения, уверенность, предоставление обратной связи, громкость и ясность речи, дружелюбность, проведение совещаний, способность убеждать, выбор метода коммуникации, ведение переговоров, разрешение конфликтов, работа с разнородными группами сотрудников. Последняя сфера особенно актуальна для менеджеров мультинациональных компаний, так как им приходится контактировать с сотрудниками разных национальностей, из разных стран.

Общество является неоднородным и индивиды отличаются по социальным, физиологическим, культурным и психологическим характеристикам. Можно обозначить следующие основные измерения неоднородности: национальность, пол, умственные и физические способности, возраст, сексуальная ориентация. Кадры любой организации имеют отличия, но в мультинациональных организациях чаще любых других присутствует национальная неоднородность.

Неоднородным персоналом труднее управлять, так как у членов такого коллектива отличается мотивация, эмоции и поведение. Для того, чтобы социальное взаимодействие в таком коллективе было успешным, управленец мультинациональной компании должен учитывать различия культур.

Для эффективной работы в мультикультурном коллективе менеджер должен обладать определенными характеристиками:

1. Знаниями в сфере межкультурной коммуникации. Каждая культура обладает различиями в деловом общении:

- отличается стиль общения: например, в немецкой и американской культуре прерывать разговор считается дурным тоном, тогда как для российской культуры возможны многочисленные прерывания;
- есть отличия в обмене информацией: в одних культурах распространен устный способ обмена информацией, тогда как в других больше принят письменный;
- есть различия в использовании языка при передаче сообщения: для кого-то характерен деловой стиль, а для кого-то — риторические приемы и информационный шум;
- отличается невербальная коммуникация: одни используют эмоциональные жесты и мимику, а кто-то очень сдержан в этом и избегает даже зрительного контакта;
- есть разница в частоте телефонного общения и личных контактов: немцы в отличие от русских предпочитают телефонные переговоры, тогда как личные разговоры в рабочее время являются нежелательными.

2. Умение использовать положительные качества каждого сотрудника. Неоднородный коллектив обладает широким спектром идей, точек зрения, талантов. Каждый его представитель обладает своими достоинствами. Менеджеру следует их использовать и минимизировать любые негативные проявления.

3. Понимание значимости неоднородности коллектива. Принятие разницы культур необходимо для эффективного управления мультинациональным коллективом. Управленец должен формировать такую корпоративную культуру, где все сотрудники, несмотря на их различия, имеют одинаковые шансы на профессиональный и карьерный рост. Ему необходимо также следить за собственным поведением в отношении различных сотрудников.

4. Проявление гибкости. Управленцу нужна гибкость, поскольку у каждой культуры есть свои ценности и потребности. Проявляя гибкость в отношении графика рабочего дня, различных льгот и условий работы менеджер сможет найти подход к каждому сотруднику.

5. Мотивация разнородного коллектива. Менеджеру для мотивации сотрудников нужно учитывать их культуру. Например, коллективистские культуры больше обращают внимание на групповую оценку, чем индивидуалистические.

6. Поддержание и использование неоднородности в целях организации. Управленец должен поддерживать неоднородность, способствовать ее принятию, акцентировать внимание сотруд-

ников на ее положительных сторонах. Будет не лишним культивировать определенные ритуалы и традиции, которые бы восхваляли неоднородность.

Работа с разнородными группами сотрудников является очень важной для коммуникативной компетенции менеджера мультинациональной компании. Именно на ее развитии будет сделан упор в данной статье. При развитии коммуникативной компетенции менеджеров рекомендуется использовать информационные технологии, так как они делают обучение более эффективным, быстрым, легким, а также интересным. К тому же, следует отказаться от традиционных форм обучения в пользу активных форм. Наиболее эффективным методом развития коммуникативной компетенции является тренинг.

Во время обучения управленцев мультинациональных организаций следует ознакомить с разнообразными культурами, их ценностями и верованиями, обычаями и традициями, особенностями, положительными и отрицательными качествами их представителей, научить адаптировать стиль коммуникации к особенностям разных культур. В качестве результатов обучения менеджер станет лучше управлять мультикультурным коллективом, терпимо относясь к этноконфессиональным, социальным и культурным различиям.

В тренинг рекомендуется включить теорию, практические задания и дать возможность менеджерам применить знания на практике. Теоретический материал следует представлять в формате презентаций MS Power Point. Презентации нужно демонстрировать, используя проекционное оборудование. Теория должна касаться следующих вопросов:

- теория культуры;
- модели культур;
- русская культура;
- стратегии преодоления трудностей в коммуникации с другими культурами;
- работа в мультикультурной команде.

Для развития умений и навыков эффективной коммуникации менеджеров можно применять следующие техники с использованием информационных технологий:

- ролевые игры;
- групповые игры;
- фильмы;
- самоанализ;
- задавание вопросов;
- запись и рефлексия;
- мозговой штурм.

Ролевые игры являются классическим методом развития коммуникативных умений и навыков. Во время использования данного метода менеджеры стараются продемонстрировать определенные умения после их обсуждения. Ролевые игры следует выполнять всем обучающимся менеджерам. Важным аспектом при этом является взаимное уважение, открытость, взаимопонимание. Используя ролевые игры следует помнить:

Изучая какое-нибудь новое умение, имеет смысл закрепить его в ролевой игре.

- Тренер может показать какое-то умение, навык, а затем спросить у менеджеров, что за навык он показал.
- Для ролевых игр стоит использовать сценарии, с которыми менеджеры сталкиваются ежедневно на работе.
- Предлагайте менеджерам после каждой ролевой игры обсудить, что получилось, а что нет. Спросите, что они сделали бы сейчас по-другому, чтобы исправить ситуацию.
- Для подготовки к ролевой игре можно активно использовать MS Publisher, MS Power Point и сеть Интернет.

Примерами ролевых игр, направленных на развитие коммуникативной компетенции, являются:

- **Командная работа** Каждая команда, используя информацию из раздаточных материалов и из книг, а также руководствуясь собственным опытом, готовит и презентует выступление, которое ориентировано на определенную культуру. Можно использовать MS Power Point, MS Publisher, флипчарты и прочие средства.

- **Групповая работа.** Менеджеры делятся на команды, и представителям одной команды нужно эффективно провести переговоры с представителями другой команды. Одна из этих команд – это русские, а другая – какая-то другая целевая культура. Во время переговоров все активно наблюдают за переговорами, а затем делятся соображениями.

- Два менеджера показывают сначала отличное, а затем неэффективное общение в ситуации несогласия по проекту. Остальные анализируют и записывают эффект от каждого коммуникативного стиля, а потом обсуждают его в группе.

- **Коммуникативные умения** записывают на листочках. Менеджер в случайном порядке берет листочек и демонстрирует умение, которое там написано. Остальная группа должна догадаться, что это за умение. Можно в качестве умений указать: контакт глазами, язык тела, активное слушание, уверенность и прочее.

Групповые игры – это интерактивный, вовлекающий способ освоения навыков вербальной и невербальной коммуникации, убеждения, сотрудничества и построения взаимоотношений. Благодаря групповым играм менеджеры учатся эффективно передавать информацию другим. Во время игр надо пристально наблюдать, делать пометки, а затем делиться информацией с менеджерами, с тем чтобы они учились на своих ошибках. Во время выполнения групповых игр стоит также, как и в ролевых играх, использовать Интернет и Power Point.

Примеры групповых игр:

- **Работа над проектом.** Менеджерам необходимо в команде разработать какой-то проект. Тренер должен снабдить их всеми необходимыми материалами и наблюдать за их взаимодействием во время работы. Затем следует спросить у группы, что было хорошо.

- **Игра «эмоциональные американские горки».** Менеджеров делят на две группы. Каждой группе предлагаются карточки с написанными на них эмоциями, такие как «злость», «восхищение», «вялость» и прочее. Затем кто-то из первой группы проигрывает эмоцию, которую остальные члены команды пытаются отгадать. Затем приходит черед другой группы. На отгадки предоставляется лимит времени, а та команда, которая отгадала больше эмоций, становится победителем. Эта игра помогает менеджерам лучше разобраться в выражении эмоций, в том числе основываясь на языке тела. Обязательно следует оставить время на обсуждение после игры.

- **Проведение члена команды через полосу препятствий.** Нужно разделить менеджеров на две команды и завязать глаза участнику из каждой команды. Затем второй член команды должен словами инструктировать человека с завязанными глазами, чтобы тот прошел весь путь. Затем стоит дать возможность высказаться человеку с завязанными глазами и тому кто его инструктировал, а затем поменять их ролями.

Обучающие фильмы и клипы являются отличным обучающим инструментом. Их можно поставить на паузу, обсудить, а затем показать снова. К тому же, фильмы могут быть отличной работой, которую можно задать на дом. Менеджеры могут посмотреть их столько раз сколько захотят, записать ответы и осудить их на следующем занятии.

Можно предложить управленцам фильмы, которые показывают:

- героев, которые учатся преодолевать кризисные ситуации, используя понятное, лаконичное общение;
- невербальные навыки коммуникации;

- как герои передают сложные эмоции;
- как использовать множество коммуникативных навыков для решения проблем;
- ситуации, которые усугубились в результате плохой коммуникации.

Развитие коммуникативных навыков обычно требует времени для рефлексии и самоанализа. Менеджерам надо предоставлять время и возможность размышлять. Например, можно спрашивать их о том, какие коммуникативные методы хорошо работали в сложных ситуациях в их прошлом. Из упражнений, которые стимулируют самоанализ, можно назвать: ведение дневника, рисование, фотографию, поэзию, списки, поток сознания, коллажи. Еще одним упражнением, которое применяется с использованием информационных технологий, может стать подготовка презентации о том, как менеджер видит свою нацию, то есть русских, и как, на его взгляд, весь остальной мир видит русских. Для выполнения этого задания стоит использовать MS Power Point. Также можно предложить менеджерам составить SWOT анализ мультикультурного коллектива. Напомним, что SWOT анализ включает сильные стороны (Strength), слабые стороны (Weaknesses), возможности (Opportunities) и угрозы (Threats). Еще одна задача, которую можно поставить перед управленцами, – в командах методом мозгового штурма составить кодекс поведения для работающих в мультикультурной компании.

Еще один способ эффективного развития коммуникативной компетенции является наблюдение со стороны за собой. Надо попросить менеджера записать на камеру свой разговор с кем-то или перед зеркалом. Затем ему следует просмотреть запись и понаблюдать за своей вербальной и невербальной коммуникацией. В конце он должен поразмышлять над тем, что у него получилось хорошо и над чем нужно еще поработать.

Вот некоторые примеры методов записи и размышлений:

- Запись диалога двух менеджеров. Участники тренинга смотрят запись и делают пометки или делятся своими наблюдениями с группой.
- Запись короткой речи перед аудиторией.
- Запись видео в начале и в конце тренинга. Это позволит проследить динамику и улучшение каких-либо коммуникативных умений.
- Задание записать видео и поразмышлять о нем дома.

Навык письменной коммуникации является очень важным для менеджера. Для того, чтобы его развить можно попросить управленца составить письма в редакторе MS Word, которые были бы адресованы представителям разных культур:

- Письмо, ориентированное на представителя прозрачной культуры. В нем следует попросить об обратной связи, касающейся презентации, с которой менеджер выступил. Это письмо должно быть повторным, так как менеджер уже запрашивал обратную связь, но безрезультатно. Обратная связь требуется для того, чтобы работать по проекту дальше.

- Письмо, ориентированное на культуру взаимоотношений. У менеджера запросили обратную связь о презентации, которую он слушал. Проблема в том, что ему не понравилась презентация – ни ее содержание, ни манера ее представления. Менеджеру показалось, что презентованным идеям не хватало ясности и цели, и что презентацию нужно повторить, но в следующий раз с большим фокусом.

- Письмо, ориентированное на ту культуру, которую захочет выбрать сам управленец. Остальные в группе должны догадаться представителю какой культуры адресовано письмо. Тема письма должна касаться торговой выставки, которая будет проходить на следующей неделе. Менеджеру нужны маркетинговая продукция, в том числе буклеты. До сих пор они не получены. Нужно обратиться в отдел маркетинга и написать им о том, что если они не придут, то стенд будет плохо выглядеть по сравнению с конкурентами.

- Письмо, где тему и целевую культуру выбирает сам менеджер. Потом в группе идет обсуждение вопроса, на какую культуру ориентированно письмо.

Что касается материально-технического обеспечения тренинга, то будут нужны компьютеры с установленным программным обеспечением MS Office, проектор и интерактивная доска, а также сеть Интернет.

Предложенные методы способствуют развитию коммуникативной компетенции управленцев. С помощью этих методов развивается самосознание, навыки ведения переговоров, способность убеждать, общаться с разнородными группами сотрудников и прочие качества. Средства информатизации образования при данном обучении очень нужны, поскольку повышают наглядность представления теории и практических заданий, сокращают время выполнения упражнений и, в конечном итоге, повышают эффективность обучения.

Список литературы

1. *Левченко А.Е.* Методы развития коммуникативной компетенции менеджера в условиях информатизации общества. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2008. № 1. С. 55–59.
2. *Павлова А.Е.* Организационное развитие коммуникативной компетенции менеджеров мультинациональных компаний. Дис. кандидата соц. наук. Москва. 2008. С. 29.
3. *Трофимова Г.С.* Структура педагогической коммуникативной компетенции (методологический аспект): Монография. 2-е изд., испр. и доп., Ижевск: «Купол», 2000. – 90 с.
4. *Wallace, M* Managing the Unmanageable? Coping with Complex Educational Change. Educational Management and Leadership. 31 (1), 2003. Pp. 9–29.
5. *Zhanat Bissenbayeva, Shyryn Ubniyazova, Balabek Saktaganov, Zhibek Bimagambetova, Altynay Baytucaeva.* Communicative Competence Development Model. URL: https://www.researchgate.net/publication/273538520_Communicative_Competence_Development_Model (дата обращения: 01.12.2021).
6. *Tynyshtykbaeva.* Methodology of forming professional communication skills.
7. *Grover SM.* Shaping effective communication skills and therapeutic relationships at work: the foundation of collaboration. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15853294/> (дата обращения: 03.12.2021).
8. *Glushchenko O.A.* Developing communicative competence by means of socioculturally contextualized educational materials.

Научное издание

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ**

Материалы XVIII Международной конференции (7 декабря – 10 декабря 2021 г.)

Оригинал-макет подготовлен в Издательстве «КДУ».

Издательство «КДУ»
Тел.: (495) 638-57-34
www.kdu.ru